

63.3

К 98

АМИР ТЕМУР

ТУЗУКЛАР

ЎЗБЕК, ИНГЛИЗ, ФРАНЦУЗ ВА РУС
ТИЛЛАРИДА

Амир Темур

Тузуклар

Ўзбек, инглиз, француз ва рус тилларида

Тошкент
«Extremum-press» нашриёти
2016 йил

ЎЎК: 355/359(092)

94(575.1)

КБК: 63.3(5Ў)

63.3(5Ў)

К 98

Амир Темур. Тузуклар. Ўзбек, инглиз, француз ва рус тилларида. – Т.: Extremum-press, 2016. – 544 бет.

Нашрга тайёрловчи ва хорижий тиллардаги матнлар муҳаррири: *Ш.Миноваров.*

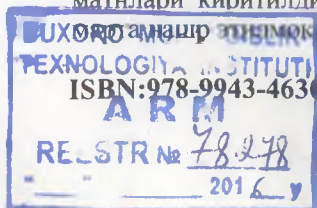
Тақризчилар: *“Тафаккур” журнали Бош муҳаррири, Ўзбекистон халқ ёзувчиси Э.Аъзам;*

“Жаҳон адабиёти” журнали Бош муҳаррири, ф.ф.н., Ш.Ризаев.

Мутахассисларнинг фикрларига кўра, машҳурлиги ва нашр этилиш кўламига кўра Соҳибқирон Амир Темурнинг "Тузуклар" асари инсон қўли билан яратилган асарлар ичида энг аввалги ўринлардан бирини эгаллайди. Анъанавий Ислом динининг тинчликни мустаҳкамлаш, мурувватли, сахий, инсонпарвар ва олийжаноб бўлиш, Ватанни севиш каби тамойилларини тарғиб қилиш билан бирга, мазкур асарда давлат бошқаруви, ташқи ва ички сиёсат, ҳарбий санъат каби мавзуларга ҳам кенг ўрин берилган.

Бинобарин, шавкатли тарихимиз билан қизиқувчи ҳар бир инсон, катта ҳаёт оstonасида турган ҳар бир ёш, бўлажак раҳбар ходимлар, дипломатлар, ҳарбийлар учун асар бирдек манфаат келтиради, деган умидда ушбу тўплам чоп этилмоқда.

Тўпламга "Тузуклар" асарининг А.Соғуний ва Ҳ.Кароматов томонидан форс тилидан амалга оширилган ўзбекча, У.Деви форсча қўлёзмадан ўтирган инглизча, Л.Лангле форс тилидан амалга оширган французча ва Н.Остроумов француз тилидаги матнга асосланиб амалга оширган русча тарихий таржималарнинг матнлари киритилди. Ушбу таркибда "Тузуклар" асари биринчи

© «Extremum-press», 2016-й.

© «Зилот Булоқ Нашриёти» МЧЖ, 2016-й.

“Амир Темурдек буюк ва бетакрор сиймони ҳар томонлама тушуниш, у барпо этган қудратли салтанатнинг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий, маънавий-мафкуравий асосларини, Соҳибкироннинг давлат бошқаруви борасидаги улкан салоҳияти, маҳоратн, билим ва тажрибаларини ўрганишда, умуман айтганда, ҳаёт сирларини англаб етишда «Темур тузуклари» бебаҳо қўлланма бўлиб хизмат қилади”.

И.А.Каримов.
Ўзбекистон Республикасининг
Биринчи Президенти.

Президент ардоқлаган асар

Бисмиллоҳир Раҳмонир Раҳийм

Инсоният тарихида шундай асарлар борки, улар асрлар оша, барча табиий ва ижтимоий кулфатлар, урушлар, очарчилик, оммавий қиргинлар ва касалликларга қарамай авлоддан авлодга ўтиб, инсонларга хизмат қилишда давом этаверади.

Мусулмон Шарқи олами ўрта асрларда маданият, санъат ва фан соҳаларидагина эмас, балки ёзма адабиёт йўналишида ҳам пешқадамлик қилган. Хусусан, подшоҳлар саройларида йилномалар, хотиралар, насихатномалар шакллари кенг ривожланган. Нафақат мусулмон оламида, балки жаҳон зиёлилари орасида маълум ва машҳур, катта кизиқиш билан ўрганиб келинаётган, деярли барча етакчи хорижий тилларга таржима қилинган Кайковуснинг Эрон ҳукмдори, бобоси Қобус хотирасига бағишлаб ёзган “Қобуснома”, Низом-ул-Мулкнинг “Сиёсатнома” ва Амир Темурнинг “Тузуклар” асарларини

элимиз ҳамиша ардоклаб, мутолаа қилиб келган.

Аллоҳнинг улуғ неъматини — мустақиллик шарофатини ила республикамиз фуқаролари учун ушбу асарлар, жумладан Амир Темур “Тузуқлар”идан баҳраманд бўлишларига имкон яратилди. Сизларга бугун ушбу ўлмас асарнинг тўртта тилдаги тарихий таржима матнлари тақдим қилинмоқда. Мазкур нашрдан кўзланган асосий мақсад албатта асарни келажак авлодларга етказиш ишига ҳисса қўшиш, қолаверса, юртдошларимизни асарнинг мазмунини билан яқинроқ таништиришдир.

“Тузуқлар”да нафақат давлат тузиш ва уни бошқариш, қўшин тузиш, мулозимларни вазифаларига тайинлаш, давлат ободончилигини ҳамда тинчликни таъминлаш, солиқлар йиғиш, суд, тиббий хизмат, меҳнат тақсимоти тартиботлари, балки муқаддас ва тинчликпарвар динимизга тўғри эътиқодни йўлга қўйиш, уни хорижийлар, қарматийлар каби жангари оқимлар таъсиридан сақлаш, қамбағалларга мурувват кўрсатиш, илмчиларни ва ҳунармандларни ардоқлаш, оқибатли ва кечиримли бўлиш, аҳли аёл ва зурриёдларга меҳрибонлик кўрсатиш каби мавзулар донолик ҳамда чуқур мантиқ асосида ёритиб берилган. Бинобарин, ушбу мавзулар ўз долзарблигини ҳамон йўқотмай келмоқда.

Шу ўринда, “Тузуқлар”да келтирилган бир ҳадисга тўхталишни жоиз деб топдик. Пайғамбаримиз (с.а.в.) дан сўраган эканлар: “Эй Аллоҳнинг Расули, агар Сизга Парвардигор томонидан Пайғамбарлик мақоми ато этилмаганда, нима иш билан шуғулланган бўлардингиз?”. Пайғамбарларнинг муҳри шундай деб жавоб берибдилар: “Подшоҳлар хизматида бўлиб, эл-юртга нафим етадиган ишлар билан шуғулланган бўлардим”. Бизнинг замонамизга тадбиқ қиладиган бўлсак, бу давлат ишлари билан машғул бўлмоқ, деган маънони англатади. Яъни,

мамлакатга раҳбарлик, етакчилик қилиш, масъул вазифаларда ишлашнинг савоби улуғдир, негаки бундай фаолиятдан Аллоҳнинг суйган бандалари – инсонлар баҳраманд бўладилар. Ҳазрати Амир Темур Соҳибқироннинг ҳукмдорлик фаолиятларининг асосий мақсади ҳам инсонларнинг манфаатлари, эл-юрт тинчлиги ва адолат бўлган.

Тузуқларда муқаддас ислом динимиз буюрган амаллар: яқин кишиларга оқибатли бўлиш, кучсизларни суяш, кам таъминланганларга мурувват кўрсатиш, кечиримли бўлиш, мамлакат ободончилиги билан шуғулланиш каби мавзуларга кенг ўрин берилган. Жумладан, Соҳибқирон асарда шундай дейди: "...адолат ва инсоф билан Тангрининг яратган бандаларини ўзимдан рози этдим. Гуноҳкорга ҳам, бегуноҳга ҳам раҳм-шафқат билан, ҳаққоният юзасидан ҳукм чиқардим. Хайр-эхсон ишларим билан одамларнинг кўнглидан жой олдим. Фуқаро ва қўл остимдагиларга раҳмдиллик қилдим, сипохийларга инъомлар улашдим".

Шуни ҳам алоҳида таъкидлаш жоизки, Амир Темур ҳазратларининг "Тузуқлар"и анъанавий Ислом дини тамойилларидан четга оғиб, қон тўкиш, фитна ва бузғунчилик амаллари йўлига кириб қолган хавфли ва зарарли оқимларга қарши курашда муҳим манба бўлиб хизмат қилиши мумкин. Негаки асарда ислом дини никоби остида қонли фаолият юритган карматия ва хорижия йўналишларининг кирдикорлари фош этилган. Жумладан, Абу Тохир бошчилигидаги карматлар хижрий учинчи юз йилликда Маккаи мукаррамани босиб олиб, арафа куни ҳажга борганлардан ўттиз мингтасининг жонига қасд қилган, муқаддас қора тошни Каъба деворидан суғуриб олгандилар. Мусулмон мамлакатларини вайрон этиб, халқни қатлиом ва талон-тарож қилгандилар. "Тузуқлар"да

уларнинг бу қилмишлари қаттиқ қораланади ва Ислом динининг туб моҳияти тинчлик ҳамда инсонпарварлик экани таъкидланади.

“Тузуқлар”нинг юқоридаги фазилатларини ҳисобга олиб, Ўзбекистон Республикасининг Биринчи Президенти, марҳум И.А.Каримов асарга катта ҳурмат ва эътибор кўрсатар, ундан иқтибослар келтирар эдилар. У киши жумладан шундай дегандилар: “Шахсан мен Соҳибқирон бобомиз бизга мерос қилиб қолдирган «Тузуқлар»ни ўқисам, худдики ўзимга қандайдир катта руҳий куч-қувват топгандек бўламан. Ҳар бир сатри бир умр эл-юрт, салтанат ташвиши билан яшаган фидойи инсон, улкан давлат арбобининг кенг миқёсдаги ўй-фикрлари, ҳаёт ва кураш тажрибаси, мушоҳадаси, баъзан эса дардли ва изтиробли кечинмалари билан суғорилган бу асарда қандай теран маъно мужассам эканини маърифатли, зукко китобхон яхши англайди, албатта”.

Давлатимиз мустақиллигининг биносини яратган муҳтарам Раҳбаримиз Соҳибқирон Амир Темур “Тузуқлар”ини мутолаа қилиш раҳбарларга ҳам, оддий инсонларга ҳам бирдек фойдали эканини алоҳида уқтириб, шундай дегандилар: “Улуғ аждодимиз, гарчи буюк бунёдкор ва жаҳонгир бўлсада, куч-қудрат зўрлик ва зўравонликда эмас, аксинча, адолатда, ҳамжиҳатлик ва ҳамкорликда эканини ниҳоятда чуқур англаган. Унинг давлатни оқилона бошқариш, ўта мушкул ва имконсиз вазиятда ҳам тўғри йўл, тадбир топа олиш қобилияти, ноёб ақл-заковати ҳар қандай одамни ҳайратга солади. Амир Темурдек буюк ва бетакрор сиймони ҳар томонлама тушуниш, у барпо этган қудратли салтанатнинг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий, маънавий-мафкуравий асосларини, Соҳибқироннинг давлат бошқаруви борасидаги улкан салоҳияти, маҳорати, билим ва тажрибаларини ўрганишда,

умуман айтганда, ҳаёт сирларини англаб етишда «Тузуклар» бебаҳо қўлланма бўлиб хизмат қилади.

Айниқса, бугунги мураккаб ва таҳликали даврда бу китобни қайта-қайта мутолаа қилиш, унинг мағзини чақиш биринчи галда раҳбар, етакчи бўлишдек масъулиятли вазифани ўз зиммасига олган одамлар учун, қолаверса, ҳар қайси зиёли инсон учун бағоят фойдали экани ҳақида ортиқча гапириб ўтиришга ҳожат йўқ, деб ўйлайман.

Ишончим комилки, ёшларимиз бу китобни меҳр қўйиб, тушуниб, чуқур англаб ўқиса, уларнинг қалбида миллий ғурур туйғуси юксалади, ўзининг қандай буюк зотларнинг авлоди эканини янада чуқурроқ ҳис этиб, ҳаётнинг ҳар қандай синов ва қийинчиликларини енгишга кодири инсонлар бўлиб вояга етади”.

Шу маънода мазкур бебаҳо асарнинг она ўзбек тилимиз билан бир қаторда асосий ҳисобланадиган хорижий тилларда жам қилинган ҳолда чоп этилаётгани албагта хайрли амалдир.

Яратган Парвардигордан бундай хайрли амаллар янада бисёр бўлишларини, юртимизга ва халқимизга давсмий тараққиёт, тинчлик ва омонлик, ёшларимизга илм ҳамда юксак маънавият чўққиларини забт этишда собитқадамлик тилаб қоламан.

*Шайх Усмонхон Алимов,
Ўзбекистон мусулмонлари идораси раиси, муфтий.*

Амир Темур

*Тузуқлар***БИСМИЛЛОҲИР РАҲМОНИР РАҲИЙМ****БИРИНЧИ МАҚОЛА****ТАДБИРЛАР ВА КЕНГАШЛАР**

Ўзга мамлакатларни забт этиш, уларни идора қилиш, ғаним лашкарларини синдириш, душманни тузўкка тушириш, муҳолифларни (кўнглини топиб) дўстга айлантириш, дўст-душман орасида муомала, муросаю мадора қилиш хусусида ушбу тадбир ва кенгашларни қўлладим.

Пирим Зайнуддин Абубакр Тойбодий¹ мэнга ёзмишларким: "Абулмансур² Темур салтанат юмушларида тўрт ишни қўлласин, яъни: 1) кенгаш; 2) машварату маслаҳат; 3) хушёрлигу мулоҳазакорлик; 4) эҳтиёткорлик. Чунки кенгаш ва машваратсиз салтанатни барча қилган ишлари ва айтган гаплари хато бўлган жоҳил одамга қиёслаш мумкин: унинг сўзлари ва қилмишлари бошга пушаймонлик ва надомат келтиргай. Шундай экан, салтанатни бошқаришда машварату маслаҳат ва тадбир билан иш юритгин, токи оқибатда надомат чекиб, пушаймон бўлмагайсан. Яна шуни ҳам билгилким, салтанат ишларининг бир қисми сабру тоқат билан бўлғай,

¹ Зайнуддин Абубакр Тойбодий — хуросонлик йирик шайх ва шайх ул ислом; Амир Темурнинг эътиқод қўйган пирларидан; тинчликсевар ва раиятпарвар инсон.

² Абулмансур /луғавий маъноси: зафарманд, ғалаба қозонувчи) — уламо ва машойих тарафидан Амир Темурга берилган фахрли ном.

яна бир қисми эса билиб-билмасликка, кўриб-кўрмасликка солиш билан битур. (Хуллас) тадбирлардан огоҳ килингандан кейин шуни айтиш жойиздирким, қатъийлик, сабр, чидамлилик, хушёрлик, эҳтиёткорлик ва шижоат билан барча ишлар амалга оширилгай. Вассалом".

Бу мактуб менга йўл бошловчи янглиғ раҳнамолик қилди. У менга салтанат ишларининг тўққиз улуши машварат, тадбир ва кенгаш, қолган бир улуши эса қилич билан бажо келтирилишини аңлатди. /Донишмандлар/ демишларким, ўз ўрнида қўлланган тадбир билан кўплаб лашкарнинг қиличи ожизлик қилган ҳар қандай мамлакат дарвозасини очиб, фавж-фавж аскарларни енгиб бўлур. Тажирибамда кўрилганким, азми қатъий, тадбиркор, хушёр, жанг кўрган, мард, шижоатли бир киши мингта тадбирсиз, лоқайд кишидан яхшироқдир. Чунки тажирибали бир киши минглаб одамга иш буюради.

Мен яна тажирибамда кўрдимки, ғаним лашкарини енгитиш қўшиннинг кўплиги билан эмас, мағлуб бўлиш эса сипоҳнинг қамлигидан бўлмайди. Балки /Тангрининг/ мадади ва бандасининг тадбири биландир. Чунончи, мен кенгашган ва тадбир юритган ҳолда икки юз қирқ уч киши билан Қарши қалъаси устига юрдим. Амир Мусо ва Малик баҳодир ўн икки минг отлик аскар билан қалъа ва унинг атрофини қўриқламоқда эдилар. Лекин Тангри таолонинг ёрдами етиб, ўзим қўллаган тўғри тадбирларим орқали Қарши қалъасини эгалладим.

Шундан сўнг амир Мусо ва Малик баҳодир ўн икки минг отлик аскар билан устимга бостириб келиб, мени Қарши қалъасида қамал қилдилар. Мен Тангрининг мадади ва иноятига ишониб, тадбиркорлик ва эҳтиёткорлик ишлатган ҳолда қалъадан чиқдим ва қулай фурсат топиб бир неча марта жангга кирдим. Пировардида шу икки юз қирқ уч йигитим билан ўн икки минг отлик ғаним

лашкарини мағлубиятга учратдим ва уларни бир неча фарсанг ергача қувиб бордим.

Яна тажрибамдан ўтмишким, гарчи ишнинг қандай яқунланиши тақдир пардаси орқасида яширин бўлса ҳам, ақли расо ва хушёр киши мулоҳазакорлик, тадбир ва кенгашга таяниши лозим. [Шунинг учун] пайғамбаримиз Муҳаммад саллоллоҳу алайҳи васаллам (Унга Яратганнинг марҳаматлари ва саломлари бўлсин) айтганларидек, ҳар бир ишни қилишга киришар эканман, аввал обдон ўйлаб, [амирларим билан] кенгашдим.

Маслаҳатчилар ва кенгаш аҳли йиғилганда олдимиздаги ишларнинг яхши-ёмон, фойдаю зиён томонлари, уларни қилиш-қилмаслик ҳақида сўз очиб, [улардан] фикр сўрар эдим. Уларнинг сўзларини эшитгач, ишнинг ҳар икки томонини мушоҳада қилиб, фойда-зиёнларини кўнглимдан кечирардим; унинг хатарли томонларига кўпроқ эътибор назари билан қарардим; қайси бир ишда икки хатар мавжуд бўлса, уни [бажаришдан] воз кечардим ва бир хатарлик ишни ихтиёр этардим. Чунончи шунга кўра Туғлуқ Темурхонга³ тўғри йўл кўрсатганман. Унинг амирлари Дашти Жете⁴да исён туғини кўтарганларида, мендан маслаҳат сўради. Унга шундай дедим: "Агар ғанимни синдириш учун бир фавж аскар юборсанг, олдинда икки хатар бордир, агар ўзинг борсанг, бир хатар мавжуд". У менинг маслаҳатимга кириб, Дашт томон ўзи бориб эди, мен айтгандек бўлди.

Ишларимнинг барисида аввал кенгаш-маслаҳат қўлладим, ишни бажаришга киришар эканман, олдиндан

³ Туғлуқ Темурхон - Мўғулистон хони (1348 — 1363).

⁴ Жете — мамлакат номи; Чигатой улуси икки қисмга ажралиб кетгандан (XIV асрнинг ўрталарида) кейин Еттисув, Чу воҳалари ва шарқий Туркистонни ўз ичига олган. Унинг шарқий-шимолий қисми тарих китобларида Мўғулистон ёки Жете номи билан аталган.

чора-тадбирлар белгилаб кўярдим, ҳамда бу иш қандай яқунланиши ҳақида фикр-мулоҳаза қилган ҳолда иш бошлардим; сўнгра, кези келганда, тўғри тадбир ва қатъий жазм, ёхуд мулоҳазакорлик ва эҳтиёткорлик, ёки узоқни кўриб, ортини ўйлаган ҳолда, уни [кўнгилдагидек] ниҳоясига етказардим.

Яна тажрибамдан ўтказдимки, сўзларида иттифоклик бўлган, қилмоқчи бўлган ишларини бирор вазҳ кўрсатиб бажармасдан қолдирмайдиган; агар бирор ишни қилмасликка сўз берар эканлар, қайтиб унинг яқинига ҳам йўламайдиган кишиларгина кенгаш аҳли бўла оладилар.

Тажрибамдан маълум бўлдики, кенгаш икки турли бўлур. Бири — тил учида айтилгани, иккинчиси — дилдан чиққани. Тил учида айтилганини [шунчаки] эшитардим. Дилдан айтилган маслаҳатни эса қалбим қулоғига қуярдим ва дилимга жойлардим.

Агар [ганим устига] лашкар тортмоқчи бўлсам, уруш-ярашдан ўртага сўз ташлаб, амирларим кўнгилларининг бу икковидан қай бирига мойиллигини билишга интилардим. Агар ярашдан сўз очсалар, бунинг фойдасини уруш зиёнига солиштириб кўрардим. Агар урушга мойил бўлсалар, унинг наф ва фойдасини яраш зиёнига таққослаб кўрардим; қайси бири фойдалироқ бўлса, шуни ихтиёр қилардим.

Сипоҳни иккилантирадиган [турумсиз] кенгашни эшитишдан сақланардим. Кенгаш ахлидан қимки қуйиниб маслаҳат берса, қулоқ солардим, лекин қимки оқилона гапларни эрларча кескинлик билан сўзласа, уни диққат билан тинглардим.

Ҳар қимдан сўз олиб, кенгаш сўрар эдим. Лекин айтилган ҳар бир маслаҳатнинг яхши ва ёмон тарафлари ҳақида ўйлаб кўргач, тўғри ва савоблироғини танлаб олардим.

Чунончи, Чингизхон авлодидан бўлмиш Туғлуқ Темурхон Мовароуннахр мулкини босиб олиш қасдида кўшин тортиб⁵ Хўжанд сувидан кечиб ўтгач, менга, амир Ҳожи барлос⁶ ва амир Боязид жалойир номига ёрлиғ жўнатиб, унинг ҳузурига боришимизни талаб қилган эди. Улар мен билан кенгашдилар: "Ўз эл-улусимиз билан Хуросонга кетайликми ёки Туғлуқ Темурхон қошига бораёликми?" Мен уларга бундай йўл кўрсатдим: "Туғлуқ Темурхоннинг ҳузурига борсангиз икки фойда, бир зиён бордир. Хуросон томонга ўтиб кетишнинг [эса] икки зиёни, бир фойдаси бордир".

Улар менинг кенгашимга кирмай [эл-юрти билан кўчиб] Хуросон томонга кетдилар.

Мен ҳам Хуросонга ёки бўлмаса Туғлуқ Темурхоннинг қошига бориш-бормаслигимни билмай иккиланиб қолдим. Шу ҳол асносида пирим [Тайбодий]дан маслаҳат сўраб хат ёзган эдим, ушбу мазмунда жавоб ёзиб юборибдилар: "Тўртинчи халифа (ҳазрати Али ибн Абу Толиб)⁷дан, унга Тангрининг қараму марҳамати бўлсин, бир киши сўрабдики, осмон — қамон, ер — қамон ипи, ходисалар ўқ бўлса, инсонлар ул ўққа нишон бўлса, отғучи [эса] — Худойи таоло бўлса, унинг қудрати яна ҳам улўғ бўлсин, одамлар қаерга ҳам қочадилар?" Халифа жавоб қилиб: "Одамлар Тангрининг қошига қочсинлар", дебди. Шунга ўхшаш сен ҳам ҳозир Туғлуқ Темурхоннинг олдига қочгил ва қўлидаги ўқ-ёйини тортиб олғил".

Бу жавоб келиши билан кўнглим кўтарилиб, юрагим

⁵ 1360 йилнинг баҳорида содир бўлган.

⁶ Ҳожи Барлос — нуфузли барлос бекларидан; Амир Темурнинг амакиси; Кеш ва унга тобе ерлар ҳокими.

⁷ Али Ибн Абу Толиб — хулафои рошидинларнинг тўртинчиси (656 — 661); Муҳаммад Пайғамбарнинг амакиваччаси ва куёви. Хорижийлар тарафидан 661 йили Куфада ўлдирилган.

бундан кувват олди ва Туғлуқ Темурхон қошига боришга аҳд қилдим. Лекин бирон ишни қилмоқчи бўлсам, кенгашиб олгач, кейин Қуръондан фол очардим ва Қуръон ҳукми билан иш қилур эдим. Туғлуқ Темурхон олдига боришдан аввал Қуръондан варақ очсам, "Сурайи Юсуф" алайҳис-салом чиқди ва Қуръони Мажид ҳукмига амал қилдим.

ТУҒЛУҚ ТЕМУРХОН БИЛАН УЧРАШГАНИМДАН СЎНГ КЎНГЛИМГА КЕЛГАН БИРИНЧИ КЕНГАШ

Туғлуқ Темурхон, [саркардалари] Бекижак, Ҳожибек эркинит,⁸ Улуғ Тўктемур керайит⁹ ва Жетенинг бошқа амирларидан уч фавж тузиб, уларни Мовароуннаҳр мамлакатини талон-тароҷ қилиш учун юборганлиги, ўша уч фавж қўшин Ҳузур¹⁰ деган жойга келиб тушганлиги хабари менинг қулоғимга етди. Шунда Туғлуқ Темурхонни бориб кўришдан илгари бу очкўз амирларни мол-дунё билан маҳлиё қилиб, Мовароуннаҳр вилоятини қатлу ғоратдан қутқариб қолишга қарор қилдим.

Тилга олинган амирларни кўрганимда уларни ҳайбатим босди шекилли, кўп ҳурмат кўрсатиб, мени ортиқча сийладилар. Уларнинг кўзларига ўхшаш кўнгиллари ҳам тор бўлганлигидан, совға-совурун¹¹ йўсинида уларга берилган ҳар турлик тансиқ моллар

⁸ Эркинит — Чигатой улусининг шарқий қисми (Мўғулистон)да кўчиб юрган турк-мўғул қабилаларидан бирининг номи.

⁹ Керайит — нуфузли турк-мўғул қавмларидан бирининг номи.

¹⁰ Ҳузур — Насаф (Қарши) билан Кеш оралиғида, қарвон йўли устида жойлашган ўрта аср шаҳарчаси. Қашқадарё вилоятига қарашли ҳозирги Ғузур тумани маркази.

¹¹ Совурун — ўрта асрларда подшоҳ ва хонлар, умуман олий мартабали кишилар билан учрашганда уларга қилинадиган тансиқ моллардан иборат қимматбаҳо тортиқ.

кўзларига кўп кўринди, Мовароуннахрни босиб олиш ва талон-тарож қилиш ниятидан қайтдилар.

[Шундан сўнг] тўғри бориб Туғлуқ Темурхон билан кўришдим. Хон келишимни яхшиликка йўйиб, [салтанат ишларида] мендан кенгаш сўради. Кўрсатган кенгашларимни тўғри деб топиб, хаммасини қабул қилди.

Шу аснода Туғлуқ Темурхонга хабар келтирдиларким, [юқорида айтилган] уч фавж амирлари, ерлик халқдан нақд пул ва совурунлар олиб, улар билан келишмишлар. Хон шу ондаёқ мол-мулк ва нақд пулларни қайтариб олиш учун одам тайин қилди ва амирларни бундан буён Мовароуннахрга боришларини ман этди, мансабларидан бўшатди. Ўринларига Ҳожи Маҳмудшоҳ Ясаурийни тайин қилди.

Бу ҳақда амирлар хабар топгач, душманлик байроғини кўтариб, юртларига қайтиб кетдилар. Йўлда хоннинг девонбегиси ва бош маслаҳатчиси бўлмиш Ўғлонхўжани учратдилар. Уни ҳам ўзларига оғдириб олиб, Жете томон юзландилар.

Айнан шу вақтда Туғлуқ Темурхоннинг Дашти Қипчоқдаги амирлари ҳам исён туғини кўтаргани ҳақида хабар олинди. Бундан хон ташвишга тушди. У мен берган маслаҳатга кўра Жете тарафга [қараб] йўл олди. Мовароуннахрни эса менга колдирди ва бу хусусда ёрлиғу ахднома ёзиб берди. Амир Қарачар нўён¹²нинг Мовароуннахрдаги туманини ҳам менга топширди. Мен бутун Мовароуннахр вилоятига, то Жайхун дарёсининг сохилларигача чўзилган ерларга ҳукмрон бўлдим.

Давлат ва салтанатимнинг бошланишида энг аввал қилган кенгашим шул эди.

¹² Қарачар нўён — Чигатой ҳукуматининг йирик намоёндаларидан; Амир ул-умаро, яъни Бош амир лавозимини эгаллаган. Амир Темурнинг бешинчи аждоди.

Мен тажрибамдан шуни билдимки, юз минг отлик аскар қилолмаган ишни бир туғри тадбир билан амалга ошириш мумкин экан.

ДАВЛАТ ҚУРИШ ОЛДИДАН ҚИЛГАН ИККИНЧИ КЕНГАШИМ

У шундан иборат бўлдики, Туғлуқ Темурхон мен билан тузган аҳду қарорини бузиб, иккинчи бор Мовароуннаҳр мамлакатига қўшин тортиб келди ва ҳукуматни мендан тортиб олиб, ўғли Илёсхўжага топширди. Мени эса унга сипоҳсолар ва маслаҳатчи қилиб тайинлади. Менга Қочувли баҳодир¹³ ва Қобулхон¹⁴ томонидан битилган аҳдномани кўрсатди. Мен улуғ боболаримизнинг сўз ва номаларини қабул қилиб, сипоҳсоларлик қилишга рози бўлдим.

Мовароуннаҳрда ўзбекларнинг¹⁵ жабру зулми ортиб кетди. Чунончи, саййид ва саййидзодалардан етмиш кишини асир олиб, банд этдилар. Илёсхўжа бўлса давлат ва сиёсат ишларида лаёқатсиз бўлгани туфайли, уларнинг зулму ситамига барҳам беришга ожиз эди. Мен бўлсам ўз салобатим ва ҳайбатим билан ўзбеклар устидан ғалаба қилдим. Бу Илёсхўжанинг амирлари ва ўзбекларнинг менга нисбатан душманлик қилишларига сабаб бўлди. Улар Туғлуқ Темурхонга хат ёзиб, "Темур бизга қарши исён туғини кўтарди", дедилар. Хон бу ёлғон гапларни чин билиб, мени ўлдириб, йўқотиш ҳақида ёрлиғ юборди. Бу

¹³ Қочувли Баҳодир — барлосларнинг биринчи етакчиси; Амир Темурнинг саккизинчи аждоди.

¹⁴ Қобулхон — туркларнинг афсонавий онаси Алонқуванинг авлоди; Чингизхоннинг учинчи аждоди.

¹⁵ Бу ерда Дашти кипчоқлик ўзбеклар, яъни кўчманчи ўзбеклар ҳақида сўз боради.

ёрлиғ менинг кўлимга тушиб колди. Ундан ўлимга маҳкум қилинганимни билиб олдим. Бунинг иложини қилиб, қуйидаги тадбирни ишлатдим. Барлос уруғининг баҳодир йигитларини ўз атрофимга йиғиб, уларни бирлаштирдим. Менга бўйсуниб кўмакдош бўлиш учун розилик берган биринчи киши — Ики Темур бўлди, иккинчиси — амир Жоку барлос эди. Булардан бошқа улус баҳодирлари ҳам жону диллари билан менга бўйсунмокчи [ва хизмат қилмокчи] эканликларини билдирдилар.

Мовароуннаҳр халқи менинг бу ишимдан хабар топиши биланок, тезда ўзбеклар устига ҳужум қилишим кераклиги ҳақида истак билдирдилар. Чунки уларнинг қалби золим ўзбеклар тоифасидан бутунлай безган эди. Мовароуннаҳр халқининг каттаю кичиги мен билан бирлашди. Мамлакатнинг уламо ва машойихлари эса ўзбек тоифасини йўқ қилиш ҳақида фатво ёзиб бердилар. Бу тўғрида ёзилган аҳднома ва фатволарнинг нусхаси бу эди: "Тўғри йўлдан борувчи халифалар, Аллоҳ таоло уларнинг жамисидан рози бўлсин, тутган йўлларига ва қилган ишларига мувофиқ Мовароуннаҳрдаги тамом аҳли ислом, сипоҳу раият¹⁶ ёки уламою машойих бўлсин, Амир Темурга иззату икром кўрсатиб, уни Амир Темур қутби салтанати олий деб атасинлар ва уни Аллоҳнинг [ердаги] қудрати — салтанат тахтига муносиб кўрсинлар. Мусулмонларнинг ер-суви, номуси, мол-мулки ҳамда жонига зулм-ситам қўлини чўзган ўзбеклар тоифасини дафъ қилишда ва умуман йўқотишда Темурга [ёрдамлашиш учун] ўз мол ва жонларини [аямай], тиришиб ҳаракат қилсинлар. Биз ўз аҳду байъат¹⁷ имизга содиқ

¹⁶ Раият —солиқ тўловчи халқ, қора халқ.

¹⁷ Байъат—аҳд-паймон, қелишув, ваъда бериш; ҳукуматга итоат қилиш ҳақида берилган ваъда; олий ҳукмдорнинг ҳақ-ҳуқуқини эътироф қилиш.

колурмиз. Агар берган аҳд-паймонимиздан қайтсак, Аллоҳнинг қудратию қуввати ва ёрдамидан чиқиб, шайтон қудрати ва ёрдами йўлига кирган бўлайлик".

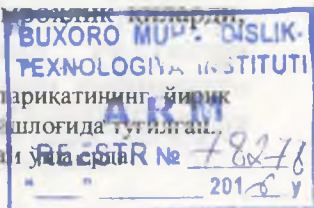
Бу фатвони менга кўрсатганларидан кейин жангу жадал байроғини кўтариб, ўзбеклар устига лашкар тортишга қарор қилдим ва мазлумлар ҳақини золимлардан олиб бермоқчи бўлдим. Лекин бир неча разил кишилар бу сирни фош қилиб кўйдилар.

[Шундан кейин] ўйланиб қолдим, "мабодо Самарқанд шаҳри ичида ўзбекларга қарши уруш бошласаму, бироқ Мовароуннаҳр аҳли [жанг қилишдан] қўл тортса-чи? [Унда нима бўлади?] Шундай бўлгач, яхшиси, шаҳардан чиқиб, Самарқанд тоғларида ўринлашай, токи менга қўшилишни истаганлар ҳузуримга келсинлар. Шунда мен катта сипоҳ тўплаб, ўзбекларга қарши жангу жадални бошлагайман", деб қарор қилдим.

Самарқанддан чиққанимда олтмиш отлиқдан бошқа бир киши ҳам менга эргашмади. Шундан билдимки, ўйлаган кенгашим хато бўлмаган экан. Ўша тоғда бир ҳафтача кутиб ётдим, [лекин] бирон киши бизга келиб қўшилмади. Шунинг учун кенгаш тузиб Бадахшон тарафга ўтиб, у ернинг шоҳлари билан қўшилишга қарор қилдим. Отланиб, Амир Кулол¹⁸нинг ҳузурларига бордим. Улар менга Хоразмга боришимни маслаҳат бердилар. Агар ўзбеклар устидан ғалаба қозонсам, Самарқанднинг бир йиллик хирожини уларга назр қилишга қарор қилдим. Улар менга зафар тилаб фотиҳа ўқиғач, кетишимга ижозат бердилар.

Саййид Амир Кулолнинг хизматларидан чиққанимда, менга ҳаммаси бўлиб олтмиш отлиқ ҳамроҳлик қиларди.

¹⁸ Саййид Амир Кулол — накшбандия-хожагон тариқатининг йирик намоёндаларидан; Бухоро вилоятининг Сухори қишлоғида тутилган. Ўша ерда яшаб, 1370 йилда вафот этган. Қабри ҳақи ҳозирча белгисиз.

Илёсхўжа менинг Хоразмга юриш қилаётганимдан хабар топиб, Хивақ ҳокими Таваккал баҳодирга хат ёзиб, менга қарши чиқишни ва мени ўлдиришни буюрган экан.

Таваккал баҳодир минг отлиқ аскар олиб, менинг устимга келди. Олтимиш отлиқ йигитим ва йўлда менга қўшилган амир Ҳусайн билан бирга минг отлиқ кишилиқ ганим лашкарига юзма-юз бўлдим ва жангга киришдим. Бу жангда шундайин баҳодирлик қилиб, бардош кўрсатдимки, унинг минг кишисидан эллик киши қолди, менинг олтимиш отлиқ йигитимдан ўн кишигина қолди Шундай бўлса-да, зафар мен томонда эди [уларни қочирдим]. Менинг зафар кучганим хабари Илёсхўжа ва Жете амирларига етгач, улар [таажжубланиб], "Темур ажаб эр киши экан, унга Тангрининг мадади етиб, бахту иқболи очилмиш", деб ўзаро сўзлашибдилар. Мен бу урушдаги зафарни яхшилиқ аломати деб билдим. Ўзбеклар мендан чўчийдиган бўлдилар.

ЎЗ САЛТАНАТИМНИ ТУЗИШ ЙЎЛИДА ҚИЛГАН УЧИНЧИ КЕНГАШИМ

Ўша вақтда давлатимнинг кучи кетиб, салтанатимнинг асоси емирила бошлади. Чунончи, менга эргашган дўстларим ўн кишидан ортиқ эмасди. Улардан еттитаси отлиқ, уч киши эса пиёда эдилар. Улардан бошқа мен билан ҳеч ким қолмаганди. Муҳтарама жуфти ҳалолим бўлмиш амир Ҳусайннинг синглисини отимга миндириб олган эдим. Шу алпозда Хоразм чўлларида бир неча кун саргардон бўлиб юрдим. Кунларнинг бирида кеч тушгач, қандайдир қудуқ бошига келиб етдим. Ўша кечаси пиёда юрган уч нафар хуросонлик бевафолик қилиб, отларимизни миниб қочдилар. Етти киши тўрт от билан қолди. Аҳволим жуда оғирлашди. Лекин кўнгил тўқ эди.

Бу ишни чакки қилган эканман, деб ҳеч ўксинмас эдим. Сўнгра бу кудук бошидан ҳам кўчдим. Шу вақт Алибек Жониқурбоний ёпирилиб тепамга келди. Мени [ўз элига] элтиб, бурга босган бир қоронғу уйга қамаб қўйди. Бир неча кишини менга соқчи этиб тайинлади. Олтмиш икки кун мени тутқинликда сақлади. Ундан кутулиш чорасини излаб, ўз-ўзим билан кенгашдим ва Тангрининг инояти етиб, баҳодирлигим тутди. Кучли ва чакқон билакларим иш бериб, соқчилардан бирининг қўлидан қиличини тортиб олдим-да, уларга ҳамла қилган эдим, ҳаммалари қочиб қолдилар.

[Қилич кўтарганимча], тўғри Алибекнинг устига бостириб кирдим. Мени кўргач, [хуши бошидан учди] қилган номақбул ишидан пушаймон бўлиб, мендан узр сўради. Отларимни, жабдукларим ва яроқларимни ҳозирлатиб, менга бир ориқ от ва бир қари туя тортик қилган бўлди. Оғаси Муҳаммадбек менга атаб юборган бир канча совға-саломларни очкўзлик қилиб ўзига олиб қолди. Сўнг кетишимга ижозат берди. Хоразм чўли томон равона бўлдим. Ўн икки отлик атрофимга тўпланди. Икки кундан сўнг бир манзилга етиб, қандайдир уйга тушдик. Шу орада бир гуруҳ ўша ерлик туркманлар пайдо бўлиб, мени кўргач “ўғри, ўғри!” — дейишиб ҳужум қилмоқчи бўлдилар. Амир Ҳусайннинг синглисини бир уйга яшириб қўйиб, ўша жамоага қарши отландим. Туркманлар ичида Ҳожи Муҳаммад деган одам мени таниб қолди, “Ҳой, тўхтанглар, бу Амир Темур-ку!”, деб уларни урушдан қайтарди. Ўзи эса тиз уриб, олдимга келди. Мен ҳам унинг кўнглини овлаб, бошига мандилим¹⁹ни қўйдим. Кейин у ўз оғаниларини билан менга мулозим бўлди.

¹⁹ Мандил — бош кийими, дўппи, кулоҳ, салла; ҳукмдорларда меҳри тушган бирон кимсага бош кийими, камари ёки чопонини тақдим этиш орқали ўз миннатдорчилиги, ҳурмат-этиборини билдириш одати бўлган.

САЛТАНАТИМНИНГ ДАСТЛАБКИ ДАВРЛАРИДА
ҚИЛГАН ТЎРТИНЧИ КЕНГАШИМ

Менга эргашганлар сони олтмиш отликқа етиб қолгандан кейин ўзимча ўйладим: "Агар келган манзилда тураверсам-у, мабодо ерлик аҳоли менга қарши қўзғалиб, ўзбекларга хабар бериб қўйсалар-чи? Яхшиси, бу ердан кетиб, эл оёғи етмаган ерга бориб жойлашсам, тез фурсатда атрофимга салтанатимнинг куч-қудрати бўла оладиган лашкар тўпланар." Шу фикрда у ердан қўчиб, Хуросон томонга юзландим. Йўл устида Моҳон ҳокими Муборакшоҳ Санжарий юз отлик аскари билан келиб, менга қўшилди ва яхши отлар тортиқ қидди. У ернинг жами саййидлари ва аҳолиси ҳам менга қўшилди. Ўша саҳрода отлик, яёв бўлиб икки юзга яқин киши ёнимга кирди. Шу пайт Муборакшоҳ, саййид Ҳасан ва саййид Зиёуддин менга арз қилдилар: "Бу саҳрода туравериш [лашкар] тарқаб кетишига боис бўлур, бирон томонга юриб, бирон вилоятни эгаллашимиз керак". Мен ўз-ўзим билан кенгашиб, сўнг уларга айтдим: "Хотирамга бир фикр келди. Самарқандга борайлик. Сизларни [вақтинча] Бухоро томонларга тарқатиб тураман, ўзим эса Самарқанд теварагига бориб, эл-улус ичига кираман ва уларни ўзимизга қўшиб олишга [ҳаракат қиламан]. Етарли лашкар йиғилиб [куч-қувват қўлга кирганидан кейин], сизларни чақириб олурман. Кейин Жете ва Илёсхўжа қўшинига қарши жангга отланурмиз ва Мовароуннаҳр мамлакатини қўлга киритурмиз".

Уларнинг ҳаммаси менинг бу кенгаш ва тадбиримни тўғри деб топдилар. Юришга фотиҳа беришгач, мен йўлга тушдим. Икки юз одамимни Бухоро атрофига тарқатдим. Амир Ҳусайннинг синглиси Ўлжой Турконогани ҳам

яширинча ўша ерда қолдирдим ва ўзим Самарқанд томон йўл олдим. Йўлда Тамука қавчин²⁰ ўн беш отлиғи билан менга қўшилди. Сиримни унга айтиб, Муборакшоҳ олдиға юбордим. Ўзим яширинча улус оралаб, икки мингга яқин кишини ўзимга иттифоқчи қилдим. Самарқанд узра салтанат байроғини кўтаргудек бўлсам, улар ёрдамга келадиган бўлдилар.

Тунда пинҳона Самарқандга кирдим ва тўнғич опам Қутлуғ-Турконоғанинг уйига бориб жойлашдим. Кечаю кундуз фикр оғушида чора-тадбир изладим. Шу тариқа қирқ саккиз кун яшириниб ётдим. Охири шаҳарликлардан биттаси менинг бу ерга келганимни пайқаб қолди. Сирим очилишига оз қолганда, ночор, кечаси ўзим билан келган эллик отлиқ билан Самарқанддан чиқиб, яна Хоразм томон йўл олдим.

Мен билан бир тўп пиёда кишилар ҳам бор эди. Йўл давомида туркманларнинг бир пода йилқисидан бир нечтасини қўлга киритиб, пиёдаларимни уларга миндирдим.

[Кўп вақт] йўл юриб Аму бўйидаги Ачиғий деган ўнқир-чўнқир ерга келиб тушдик. Шу ерга келганимда, Бухоро теварагида қолдирган ҳарам аҳли, Муборакшоҳ, саййид Ҳасан ва бошқа жамоа ҳам етиб келдилар. [Булардан бошқа] Темурхўжа ўғлон, Баҳром жалойир ўзларига қарашли қўшин билан келиб, менга мулозим бўлдилар. [Шу тариқа], мингга яқин отлиқ аскар атрофимга жамланди. Шу ерда кенгаш қилиб, Бохтарзамин ва Қандаҳор тарафга равона бўлишга ва ўша ерларни тасарруфимга киритишга қарор қилдим.

²⁰ Қавчин — нуфузли турк қабилаларидан бирининг номи.

ХУРУЖ КУНЛАРИ ҚИЛГАН БЕШИНЧИ КЕНГАШИМ

Бохтарзамин ва Қандаҳор томон кетаётиб, Ҳирманд дарёсининг бўйига етганимда тўхтаб, бир қароргоҳ курдирдим. Аскарларимни сийлаш учун бир кун ўша ерда турдим. Шу аснода Гармсир вилоятининг халқи ва сипоҳидан қарийб минг отлиқ турк ва тожик ҳам менга [келиб] қўшилдилар. Шу тариқа Гармсир вилояти ҳам менинг тасарруфимга кирди.

Шунда Сеистон²¹га боскин қилишга қарор қилдим. Бу хабар Сеистон волийсига етгач, элчи орқали совга-саломлар юбориб, мендан ёрдам сўради: "Душманларим менга зулм қилиб, қўлимдан етти қалъамни тортиб олдилар. Агар мендан душман қўлини қисқа қилсалар, аскарларга олти ойлик озиқ-овқатни етказиб берардим".

Ўзимга кенгашиб кўриб, Сеистон томонга лашкар тортдим. Душманлар эгаллаб олган етти қалъадан бештасини куч ва қаҳр билан қўлга киритдим. Буни кўриб, Сеистон волийсининг юрагига қўркув тушди ва кечаги душманини энди ўзига дўст тутди. "Агар Амир Темур бу ерларда туриб қолар экан, Сеистон мулки қўлимиздан кетиши аниқдир", дейишиб, сипоҳ ва раият барчаси бирлашиб, менинг устимга бостириб келдилар.

Сеистон волиysi ваъдасига вафо қилмаганлиги учун иложсиз, йўлларини тўсиб, жангу жадалга киришдим. Шу пайт бир ўқ келиб билагимга қадалди, яна бир ўқ оёғимга тегиб яралади. [Шундай бўлса ҳам] охири улар устидан ғалаба қозондим. [Лекин] ўша мамлакатнинг об-ҳавоси менинг мизожимга тўғри келмагани сабабли, у ердан кўчиб, яна Гармсирга бордим. Ўша вилоятда яраларим битгунча икки ойча туриб қолдим.

²¹ Сеистон—ҳозирги Эрон ва Афғонистон таркибидаги тарихий вилоят; сақлар мамлакати.

ХУРУЖ ВАҚТИДА ҚИЛГАН ОЛТИНЧИ КЕНГАШИМ

У шундан иборатки, Гармсир тасарруфимга ўтгач ва яраларим тузалгач, Балх сарҳадидаги тоғларда туриб, ўша ерда қўшин тўплаб, Мовароуннаҳр мулкани забт этиш учун юриш қилмоқчи бўлдим. Кенгаш шунга тўхтагач, бу ердан отланиб чиқдим. Одамлар тарқалиб кетиб, қирқ отлик кишигина қолган эканмиз. Лекин уларнинг бариси аслзода, амирзода ва насли пок йигитлар эди. Шундайин азаматлар бу оғир кунларда нима учундир мен каби олтину молсиз, озиқ-овқатсиз бир кишига ҳамроҳлик қилиб, менинг изнимга кириб [тоғ-тошларда эргашиб] юрганлари учун Тангри таолога шукрлар қилдим. Ўзимча: "Аллоҳ таолонинг мен билан қиларлик улуғ ишлари бўлғайким, ўзим каби йигитларни менга бўйсундирмиш", деб ўйладим.

[Сўнг] Балх тоғларига қараб йўлга тушдим. Кетаётганимизда Қарачар нўён авлодидан бўлмиш Сиддик барлосга дуч келдим. Мени излаб саргардон бўлиб юрган экан, ўн беш отлиғи билан келиб менга қўшилди. Унинг келганини яхшиликка йўйдим. Ўша кунлари ов эти билан кун кечирмоқда эдик.

Шу зайлда илгарилаб борарканмиз, йироқдан тепа устида бир тўп кишининг қораси кўринди. Олдинга юрганимиз сари соатма-соат уларнинг сони ҳам ортиб борди. Тўхтадим. "Булар ким бўлди экан?" — деб уларнинг олдида қоровуллар²² жўнатдим. Қоровуллар бориб: "Амир [Темур]нинг собиқ навқари Қозончи баҳодир экан ва Жете лашкаридан юз отлик билан ажралиб чиқиб, шундан бери амирни излаб, саргардон бўлиб юрган

²² Қоровул — хон ўрдаси ва ўғруқни қўриқловчи ҳарбий бўлинма. Қўшиннинг марказ, қанотлари, илғор ва думи (арьергард)ни қўриқлаб боровчи махсус ҳарбий қисм ҳам шу ном билан аталган.

эмиш," — деб хабар олиб келдилар. [Буни эшитиб] ерга бош қўйиб, Тангри таолога шукр килдим. Дарҳол Қозончини ҳузуримга олиб келиш учун одам юбордим. У келгач, тиз уриб оёқларимни ўпди. Мен ҳам унинг қўнглини олиб, ёғлиг²³ имни бошига қўйдим. Сўнг бу ердан юриб Дарайи Арсиф²⁴ деган жойга келиб тушдим.

Эртасига отланиб, дарани айлана бошладим. Унинг ўртасида бағоят хушҳаво бир тепалик бор экан, мен ўша баландликка чиқдим. Лашкарларим тепаликни куршаб ўринлашдилар. Ўша кеча жума туни эди, тонг отгунча [худодан мадад сўраб] ухламай чиқдим. Тонг отгач, бомдод намозини ўтадим, сўнг қўлимни дуога очган эдим, кўзларим ёшланди. Юрагим бўшашиди. Тангри таолога ёлвориб, мени бу сарсонликдан қутқаришини тиладим. Дуо тамом бўлганича ҳам йўқ эдики, узоқдан бир тўп одам кўринди. Улар тепаликни ёнлаб ўтиб кетмоқда эдилар. Отланиб, уларнинг кимлигини билиш мақсадида орқаларидан бордим. [Қарасам] ҳаммаси бўлиб етмиш отлик эканлар. Улардан сўрадим:

— Баходирлар, ким бўласизлар?

Улар жавоб қилдилар:

— Амир Темурнинг навкарларимиз. Уни излаб тополмай, кезиб юрибмиз.

Мен дедим:

— Мен ҳам амирнинг навкарларидан биридурмен. Юрингиз, сизларни унинг олдига бошлаб бораин.

Улардан бири отини чоптирди ва бориб ўз сардорларига: "Биз Амир Темурнинг ҳузурига олиб борадиган йўлбошловчини топдик", деб гапимни етказди.

Улар отларининг жиловини буриб, мени дарҳол

²³ Ёғлиқ — бош кийими.

²⁴ Дарайи Арсиф — Балх Қўхистонида (Элбурстоғда) жойлашган баҳаво бир дара.

хузурларига келтиришни буюрдилар. Улар уч фавж эканлар. Биринчи фавжнинг сардори — Туғлуқхўжа барлос, иккинчисиники — амир Сайфуддин, учинчисиники — Тубак баходир экан. Кўзлари менга тушгани ҳамонок, ўзларидан кетаёзиб, отдан тушдилар. Тиз уриб, узангимни ўпишди. Мен ҳам отдан тушиб, ҳар бири билан кучоклашиб кўришдим. Мандилимни Туғлуқхўжанинг бошига қўйдим. Жуда нозик ишланган, олтин билан зийнатланган камаримни эса амир Сайфуддиннинг белига боғладим. Чопонимни Тубак баходирга кийдирдим. Уларнинг кўнгли юмшаб, бағоят таъсирландилар. Мен ҳам каттик таъсирландим. Намоз вақти етишгач, жамоат билан намозни адо этдик. Сўнгра отланиб, қароргоҳга бориб тушдик, мажлис куриб, тўй бердик. Эртаси куни Шер Баҳром ҳам келди. У илгари ёшлик қилиб, мендан ажраб, Ҳиндистон заминини ҳавас қилиб кетиб қолган эди. Қилган ишларидан пушаймон бўлиб, мендан узр сўради. Мен уни кучоғимга олдим ва узрини қабул этдим. Шу қадар унга меҳрибонлик кўрсатдимки, у хижолатдан бутунлай фориг бўлди.

ХУРУЖ КУНЛАРИ ҚИЛГАН ЕТТИНЧИ КЕНГАШИМ

Лашкаримнинг сонини ҳисоблаб кўрсам, ҳаммаси уч юз ўн уч отлик экан. Кенгаш қилиб бирон қалъани қўлга киритиб, ўринлашишга қарор бердим. Дастлаб Аложу қалъасини босиб олишга жазм қилдим. Илёсхўжа томонидан Менгли Буғо сулдус²⁵ бу қалъага қўйилган экан. У ерни озиқ-овқат ва юқлар сақланадиган жойга айлантирмоқчи бўлдим. Шу мақсадда Аложу қалъасига

²⁵ Сулдус — нуфузли мўгул қавмларидан бирининг номи.

йўл олдим. Шер Баҳром ва [Менгли Буғо сулдус] ўрталарида қадимдан ошнолик бўлганлигидан, у: "Мен қалъага бориб, уни ўзимизга эл қилсам", деб рухсат сўради. Бироқ Шер Баҳром қалъа атрофига етиб боргач, менга "Менгли Буғонинг сўзига қараганда, Илёсхўжа қалъани унга ишониб топширган. Шундай бўлгач, энди Амир Темурга эл тутиниб, қалъани унга топширса, мардлик ва мурувватдан узоқ иш бўлур эмиш. [Шунинг учун] қалъани бизга топширишдан бош тортди", деган хабар келди. Лекин тақдир экан. У менинг қўшин тортиб келаётганимдан хабар топгач, кўнглига ваҳима тушиб, қалъани ташлаб қочди. Илгари менинг хизматимда мулозимлик қилган, дўлон жовун қавмидан уч юз йигит у билан (Менгли Буғо билан) шу қалъада эди, улар келиб менга қўшилдилар. [Бу ердан кўчиб] Дарайи суф²⁶ деган жойга кетдим. Ўша вақтда Туман баҳодирнинг ўғли Имлис Балх шаҳари атрофида талончилик билан машғул эди. Менинг келганимдан хабар топиб, икки юз отлиғи билан келиб менга мулозим бўлди. Мен ҳам унинг кўнглини олиб овунтирдим.

Шу ерда туриб Тамука баҳодирга уч отлик қўшдим ва Термиз дарёси²⁷ дан кечиб ўтиб, Жете лашкари ҳақида, унинг аҳволи ва режалари тўғрисида хабар топиб келтиришни буюрдим. Тамука тўрт кундан кейин келиб шуни хабар қилдики, Жете лашкари Термиз вилоятига келган ва халқини талаб, уруш-талаш билан машғул эмиш. Буни эшитиб, Дарагез²⁸ деган жойга бориб туришни лозим

²⁶ Дарайи суф—Балхни Кобул билан боғловчи йўл атрофида жойлашган.

²⁷ Термиз дарёси — Амударёнинг Ўрта асрлардаги номларидан.

²⁸ Дарагез (Дарайигез)—Балхнинг жанубий тарафида, ундан тахминан тўрт фарсах масофада, Балхоб дарёси бўйида жойлашган хушманзара жой.

кўрдим. Кейинрок кулай фурсат топиб, Жете лашкари устига тўсатдан бостириб боришни ўйладим. Дарагезга келгач, Жайхун дарёси бўйида жойлашган Элчи Буғо майдонига келиб тушдим. Илёсхўжа Дарагезга келганим ҳақида хабар топиши биланок, лашкаридан бир неча фавжини менга қарши урушга ҳозирлади.

Шу орада Жете лашкаридан амир Сулаймон барлос, амир Мусо барлос, амир Жоку барлос, амир Жалолуддин, амир Ҳиндука барлос Жете амирларидан юз ўгириб, ўз аскарлари билан эски Термизга тушганлари ҳақида хабар келтирдилар. Улар менинг ҳузуримга юборган Тўлан Буғо етиб келиб, мулозиматимда бўлди ҳамда [номлари юқорида тилга олинган] амирлар минг отлиқ аскари билан менга қўшилмоқчи ва мулозим бўлмоқчи эканликларини маълум қилди. Мен эрсам уларнинг келишини ишимнинг ўнгланишидан даракчи деб тушундим. Улар менга тунда Жете лашкари устига кутилмаган босқин қилишни маслаҳат бердилар. Отланиб йўлга чиққан ҳам эдикки, Жете лашкари етиб келганини билдиришди: Мен ўз қўшинларимни сафга тизиб, душман қаршисига бориб турдим. Ҳар икки лашкар ўртасида сув бор эди.

Ҳанимларимни чучук сўз, ширин ҳикоятим билан ўз томонимга оғдириб олмоқчи ва улар вужудидаги ёндирувчи [ғазаб] ўтини тўғри тадбир суви билан ўчирмоқчи маслаҳат кўрдим. Шу тарзда уларни ром қилмоқчи бўлдим. [Айнан шу мақсадда] Жете лашкарининг сардори амир Абу Саъидга [кўп яхши] сўзлар айтдим. У айтган гапларимни маъқуллади. Бироқ бошқа амирлар унга қарши чиқишиб, уруш қилиш тарафдори бўлдилар. [Буни кўргач] менинг ҳам [ғазаб] ўтим алангаланиб, лашкаримни сафга тиздим.

ЖЕТЕ ЛАШКАРИНИ СИНДИРИШ МАҚСАДИДА ҚИЛГАН САККИЗИНЧИ КЕНГАШИМ

Ўз-ўзимга дедим: "Жете лашкари билан жанг қилсам-у, улар кўп сонли бўлгани туфайли мабодо менинг лашкаримга зарар етса-чи?" Лекин шу заҳотиёқ ғайратим қайнаб: "Салтанатни эгаллашга даъвогарлик қилиб хуруж қилган экансан, салтанат шаъни ва мартабасига лойиқ иш тутишинг зарур. Жангга кириб, ё зафар қучиб ғолиб бўлгайсан, ёхуд ўлдирилгайсан."

Қарор қабул қилиш чоғимда ғанимлар уч фавжга ажралиб, урушталаб бўлиб турганларини кўрдим. Мен ўз лашкаримни етти фавжга бўлдим. Етти фавжни кетма-кет душман устига юбориб туришни маслаҳат кўрдим. Жангу жадал ўти [кўкка] кўтарилгач, амр қилдимки, ҳировул²⁹ фавжлари пистирмадан туриб ғанимга ёмғурдай ўк ёғдирсин. Шиқовул³⁰ ва чоповул³¹ канотидаги фавжларга эса хужумга ўтишни буюрдим. Ўзим бўлса жаронғор³² ва баронғор³³ фавжлари билан ҳаракатга келдим. Биринчи ва иккинчи ҳамланинг ўзидаёқ Жете лашкарининг бош амири Абу Саъидни енгдим. Шу пайт Ҳайдар Андхудий ва Менгли Буғо менга қарши жанг қилиш учун майдонга тушдилар. Уларга қарши ўзим отландим ва биринча

²⁹ Ҳировул —лашкарининг канот қисми атрофига қўйилган қўриқчи қисм; канот қўриқчилари.

³⁰ Шиқовул (шиғовул)—лашкар канотларини қўриқлаб турувчи махсус бўлинма; эшик оғаси.

³¹ Чоповул —ҳарбий юришлар пайтида ва қамал жанглари вақтида теварак-атрофдаги қишлоқларга тўсатдан босқин уюштирувчи ҳарбий қисм.

³² Жаронғор (жавонғор)—туркча-мўғулча атама; лашкарнинг сўл каноти.

³³ Баронғор —туркча-мўғулча атама; лашкарнинг ўнг каноти.

хамладаёқ ҳар иккаласини ҳам тумтарақай қилдим. [Шундай қилиб] Жетенинг лашкари енгилиб, тарқалиб ва сочилиб кетди.

САЛТАНАТНИ ТИКЛАШ ЙЎЛИДАГИ ТЎҚҚИЗИНЧИ КЕНГАШИМ

Жете лашкари амирлари устидан ғалаба қозонганимдан кейин, салтанатга даъвогарлик қилганим учунгина хуруж этганлигим ҳақида Туронзаминда хабар тарқалди. Шунда мен адолат билан ҳукмронлик қилишга азму жазм этдим. Салтанатимни мустаҳкамлаш учун, тўплаган хазинамдаги нақд пуллар ва [қимматбаҳо] буюмларни сипоҳга тақсимлаб беришга ва даставвал Қаҳалка қалъаси³⁴ни олишга қарор қилдим.

Лашкарга [етарли] озуқа-тағор берганим сабабли уларни сафга тиздим. Сўнг Жайхун дарёси бўйига келиб тушдим. Термиз кечувидан нариги кирғоққа ўтгач, Қаҳалҳа қалъаси тарафига қоровуллар жўнатдим. [Ўзим] Жайхун бўйида бир неча кун турдим ва қоровуллар олиб келадиган хабарни сабрсизлик билан кутдим.

Менинг бу ерга келганим хабари Илёсхўжага эшитилгач, [амир] Бекчикнинг иниси Олчин баҳодирни катта кўшин билан устимга юборди. Қоровулларим ғафлат уйқусида қолган эканлар, уларнинг ёнидан ўтиб, фақат кечалари ҳаракат қилиб тун қоронғусида тўсатдан ҳужум қилдилар.

Мен уч томони сув билан ўралган ярим оролда ўринлашгандим. Ярим орол ташқарисида қурилган бир неча чодир Жете лашкари томонидан талон-тарож қилинди. Омон қолган аскарлар ярим оролга кўчиб

³⁴ Қаҳалка (мўғулча; қадимий туркий тилда "Темир қапуғ") — Бойсунтоғдаги тор дара оғзига қурилган темир дарвоза.

Ўтдилар [ва жон сақлаб қолдилар]. Мен бўлсам уруш талаб бўлиб, тезлик билан ярим оролнинг кириш қисмига бордим. Душман мендан қўрққани сабабли урушга ботинолмади. Ўн кунгача мен шу ярим оролда турдим. Сўнг у ердан чиқиб, сув бўйларида олачук³⁵ лар тиктириб, Жете лашкарининг қаршисида бир ойча кузатиб ётдим. Охири ганимни қўрқув босиб, орқаларига қайтиб кетди. Мен сувдан ўтиб, уларнинг манзилига тушдим ва душман орқасидан таъқиб қилиш учун бир фавж аскар жўнатдим.

САЛТАНАТИМНИ МУСТАҲКАМЛАШ УЧУН ҚИЛГАН ЎНИНЧИ КЕНГАШИМ

Жете лашкарини мағлубиятга учратганимдан кейин, Бадахшон вилоятига бориб, уни эгаллашга, [бу билан] салтанат ишларига ривож беришга қарор қилдим. [Шу ниятда] дарё бўйидан кўчиб Хулм деган жойга тушдим.

[Шу ерда] амир Қазаган³⁶нинг набираси ва қайноғам бўлмиш амир Ҳусайн билан учрашдим. Унинг шарафига зиёфат бердим. Сўнгра амир Ҳусайн билан кенгашиб, Бадахшонга боришга қарор қилдим.

Кундузга етиб боргач, Юрулдой элининг сардорлари у ерда тўпланиб, келиб менга қўшилмагунича ўринлашиб турдим. Келишгач, уларнинг ҳар бирига фахрли хилъатлар кийгизиб, кўнгилларини овладим.

Кўшинимнинг жангга ҳозирлиги ҳақидаги хабар Бадахшон шоҳларига етгач, урушга тайёргарлик кўра бошладилар. Маслаҳатни шунда кўрдимки, эпчиллик,

³⁵ Олачук — қапа; кичик чодир.

³⁶ Амир Қазаган — Чигатой улусининг нуфузли амир ул-умароларидан; 1346 йили Қарши ёнида бўлган жангда Қозонхонни енгиб, ҳокимиятни қўлга олган (1346 — 1358). 1358 йили ўзи ҳам фитна қурбони бўлган ва ов пайтида ўлдирилган.

уддабуронлик қилиб, душман лашкар тўплаб улгурмасдан бурун уларга зарба бериб, тўзитиб юбормокчи бўлдим. [Шунинг учун] юриш қилиб, Толиқонга етиб келдим.

Толиқонга келганимдан Бадахшон шоҳлари хабардор бўлгач, тинч йўл тутиб, менга мулозим бўлишни ихтиёр қилдилар. Қўллаган тадбиримдан қўнглим тўлди ва хато қилмаганлигимни англадим. Менинг салтанатим бутун Бадахшон вилоятига ёйилди. Бадахшон сипоҳларининг аксарияти менинг хизматимда бўлишни ихтиёр этдилар.

САЛТАНАТГА РИВОЖ БЕРИШ УЧУН ҚИЛГАН ЎН БИРИНЧИ КЕНГАШИМ

Бадахшон шоҳлари менинг итоатимга киргач, Хутталонга қараб юрдим. Бу мамлакатга келсам, қайноғам амир Ҳусайннинг қўрслигидан Пўлод Буғо ва Шер Баҳром ундан ажралиб, ўз улусига кетиб қолишган эканлар.

Бу ердан кўчиб, Дашти кўлак жилгасига бориб тушдим. [у ердан] Жете ва Илёсхўжа лашкарлари аҳволини билиб келиш учун айғоқчилар жўнатдим. Хабарчилар ўн кундан кейин хабар келтирдиларким, Жете амирлари: биринчиси — Куч Темур Бекчик ўғли, иккинчиси — Темур Нўбкон, учинчиси — Сорик баҳодир, тўртинчиси — Шанқум, бешинчиси — Ҳожибекнинг иниси Туғлукхўжа йигирма минг отлик аскар билан Халотий ва Пули сангин оралиғида ўринлашиб турган эмишлар.

Улар мен турган ер ва лашкарим қай аҳволда эканлигини билиб келиш учун олдимга элчи жўнатдилар. [Элчини чалғитиш мақсадида] лашкаримни икки марта қайта-қайта унинг олдидан ўтказдирдим, сўнг элчига рухсат бердим.

[Кейин] кенгашиб, элчининг кетидан изма-из [қўшин тортиб] боришга қарор қилдим. Лекин лашкарим бу борада

мен билан ҳамжихат бўлмади. Лашкаримни атрофимга бирлаштирмақ учун баъзиларига мурувват, меҳрибонлик қилдим; бошқалари билан келишишга интилдим, яна бир гуруҳини эса молу дунё билан ўзимга ағдариб олмоқчи бўлдим. Яхши сўз, аҳду паймон ва ваъдалар билан қолганларининг кўнглини кўтаришни маслаҳат кўрдим.

Шу аснода хабар келтирдиларким, илгари менинг навкарим бўлган Туғлуқ сулдус ва Кайхусрав, Жетенинг олти минг отлик аскарига бошчилик қилиб, устимга келмоқда эмишлар. Бу хабар лашкарим ўртасида тарқалгач, уларнинг иттифоқсизлиги янада кучайиб, саросимага тушиб қолдилар. Лекин амир Жоку, Ики Темур, амир Сулаймон ва амир Жалолуддин менинг ёнимда қолдилар.

ЛАШКАРИМНИ ИТТИФОҚҚА КЕЛТИРИШ УЧУН ҚИЛГАН ЎН ИККИНЧИ КЕНГАШИМ

Амир Жоку, Ики Темур, амир Сулаймон ва амир Жалолуддинларни хилватроқ ерга чорладим ва уларни ўзимга иттифоқчи қилмоқчи бўлдим. Хилватда улар билан суҳбат қуриб, "давлатимга шерик бўласизлар", дедим. Бу билан [уларнинг дилида] ўзларига ишонч ва менга хизмат қилиш учун қатъият уйғотдим. Шунга ўхшаш, мен билан иттифоқи бузилган тоифадаги бошқа амирларни ҳам бирма-бир холи жойга чорлаб, ҳар қайсиси билан алоҳида гаплашдим. Булардан мол-дунёга ҳирс қўйган очкўз ва таъмагирларига мол-ашё ваъда этдим, мансаб-мартабага ва мамлакатларни бошқаришга кўз тиккан амалпарастларга қўлим остидаги мамлакат ва вилоятлардан бирининг ҳокимлигини бердим. Уларнинг ҳаммасини умид ва кўрқинч орасида сақладим. Ҳар бирига биттадан ноиб ва кутвол тайинладим. Қолган сипоҳийларни ҳам емак-ичмак ва кийим-кечак умиди ширин сўз ва очик юз билан ўзимга

ром этдим. Бир хизматини ўн баробар қилиб тақдирлаб, дилларини хушнуд этдим. Натижада мени қўллаб-қувватлаганлар ҳам, тескари бўлган мунофиқлар ҳам барчаси энди атрофимда бирлашди. Ҳар ишда бирлик-иттифоқликни қўлдан бермасликка, амримдан чиқмасликка ваъда бериб, мен учун мол-жонларини аямай, майдонда жонбозлик қилишга аҳд қилдилар.

Лашкардан кўнглим тинчигач, Илёсхўжага қарши жангга ҳозирлик кўра бошладим. Уни дафъ этиш ва [у билан] қай йўсинда уруш олиб боришим ҳақида кенгашдим, ғанимлар хабар топиб улгурмасдан, чапдастлик билан уларнинг устига қўққисдан боскин қилишга қарор бердим. Бу хусусда Қуръони Мажиддан фол очиб қарасам, ушбу ояти қарима чиқди: "Қанчадан-қанча кичик гуруҳлар Оллоҳнинг изни билан катта гуруҳлар устидан ғалаба қилган".³⁷ Ушбу башоратни топганимдан кейин лашкаримни тартибга келтирдим. Уни етти фавжга бўлиб, йўлга тушдим. Тонг ёриша бошлаганда [Илёсхўжахоннинг] хировули бўлмиш Туғлуқ сулдус ва Кайхусравга етишдим. Икки ҳамла билан уларни енгдим ва [уларни] Илёсхўжа жойлашган Пули Сангингача қувиб бордим. Қоронғу тушгач, етган еримизда тўхтадик. Жанг майдони совиб қолмасдан, қизиғида Илёсхўжанинг қарийб ўттиз минглик лашкари устига тўсатдан боскин қилишга қарор қилдик. Бордию [юришни] тўхтатсам ва бирон қорхон юз берса унинг иложини топиш учун [ўзгаларнинг] кўмагига муҳтож бўлиб қолишим мумкинлиги тўғрисида ўй сурдим. Орқадан амир Ҳусайн [қўшини билан] мени қўллаб-қувватлаб келаётган эди, бироқ мен ўзимни унинг ёрдамига муҳтож бўлиб қолиш даражасига етказмадим. Тўғри чораю тадбир ишлатиб, Илёсхўжа лашкарини синдирдим.

³⁷ Қуръон, Бақара сураси, 249-оят.

ЖЕТЕ ВА ИЛЁСХЎЖА ЛАШКАРИГА ШИКАСТ ЕТКАЗИШ ҲАҚИДА ҚИЛГАН ЎН УЧИНЧИ КЕНГАШИМ

Биринчи навбатда Илёсхўжанинг лашкарини зафарли фавжларимдан бири орқали бир жойга боғланган ҳолда ушлаб туришга қарор қилдим. Шу мақсадда амир Муайяд орлот³⁸, Учқора баҳодир, амир Мусо бошчилигида икки минг отлик аскаримни Илёсхўжа рўбарўсидаги кўприк ёнига жойлаштирдим. Ўзим беш минг отлик билан Илёсхўжа лашкари тепасидаги тоққа чиқиб ўрнашдим ва кечаси кўп жойга гулхан ёқишни буюрдим. Жете сипоҳлари тоғдаги кўп гулханлар қаршиларида, Пули сангин бошида турган лашкаримнинг кўплигини кўриб, кўркувдан саросимага тушиб қолдилар. Ўша тунни Илёсхўжа лашкари "жангга ҳозирлан" буйруғини кутиб [бедорликда] ўтказди. Мен туни билан тоғ устида ухламай Тангри таолога илтижо қилиб, ундан ожизу муҳтож бандасига мадад беришини тилаш ва пайғамбаримиз Муҳаммад саллоллоҳу алайҳи васаллам, унинг яқинлари ва саҳобаларига салавот айтиш билан машғул бўлдим. Ярим уйқу ва ярим уйғоклик орасида қулоғимга: "Темур, фатҳу зафар сенга ёр бўлади!" деган нидо эшитилди. Тонг отиб, ёруғ тушгач, намозни жамоат билан ўқидим. Шу пайт қарасам, Илёсхўжа ўз амирлари билан отланиб, бўлинма-бўлинма бўлиб кетаётибдилар. Амирларим ва сипоҳийларим уларнинг кетидан қувиш қасдида мендан буйруқ беришимни илтимос қилдилар. Мен ўйлаб туриб уларни то мақсадлари маълум бўлгунча таъқиб этишни бир оз кечиктиришни маслаҳат кўрдим. [Тахминан] тўрт фарсанг ерга бориб тўхтаганларидан кейин, уларнинг мақсад-

³⁸ Орлот — йирик турк қавмларидан бирининг номи.

ларини тушундим. Ниятлари — бизни тоғдан тушириб, яланг ерда жанг қилиш экан.

[Бир неча кун илгари] мен шикаст етказган ҳировул амирлари ҳам [Илёсхўжа] қошига қочиб борганди ва Илёсхўжа уларни тоза койиб берганди.

Шу пайт уларнинг режаларини билганимни ва тоғдан тушмаётганимни кўриб, орқаларига қайтишга ва менга хужум қилишга мажбур бўлдилар. Мен фавжларимни тоғ этагида сафга тизиб, жангга киришни мўлжалладим. Жете лашкари тоғ этагига етиб келиб, нима қилишини билмай ҳайрон турганда, баҳодирларимга ёв устига ёмғурдек ўқ ёғдиришни буюрдим. Душманнинг кўпини ярадор қилдилар. Кеч кириб қоронғу тушганда, [мўғуллар] қўлларидан бир нима келмаслигини кўришиб, тоғ этакларини гирд айлантириб ўринлашдилар. Ўша кеч лашкаримни тўрт бўлакка ажратиб ўзим бош бўлиб, тунда ғаним устига тўсатдан босқин қилиш фикрига келдим. Менинг бу кенгашим амирларимнинг ҳам дилига ўтиргач, тонгга яқин отландим ва тун панасида тўрт томондан ғаним устига ҳамла қилдим. Жете лашкари ўзини йиғиб, тартибга келтиргунча баҳодир йигитларим уларни тўзатиб ташладилар. Чопқилашиш пайтида ҳар икки томондан кўп одам ўлди. Жете лашкари "ал-фарор"³⁹, "ал-фарор" дея чекиндилар. Мен Илёсхўжага етиб олиб, "Йўл бўлсин?" деб қичқирдим. Овозим Илёсхўжанинг кулоғига етгач, у ғазаб билан лашкарига дўқ-пўписа қилди ва аскарлари ортларига қайтдилар. Кун кўтарилгунча лашкарларимиз ўртасида жангу чопқин давом этди. Садоқ-ўқдонларимиз бўшади. Ғаним лашкари чекина туриб, жанг қилдилар ва

³⁹ "Ал-фарор" — Қуръони Карим Ахзоб сурасининг 16-оятига ишора. Оятда, хусусан, бундай дейилган: "[Эй Мухаммад] айтинг: Агар сизлар ўлиш ёки ўлдирилишдан қочсангизлар, бу қочиш сизларга [барибир] бирон фойда бермас..."

тўрт фарсанг узокликдаги ўз қароргоҳларига йўлда тўкилиб-сочилив, шикастаҳол, базўр етиб олдилар. Мен ҳам тизгинни тортиб, орқаларидан бошқа қувламадим ва ўша атрофда қўндим.

Жете лашкари урушда енгилганига иқрор бўлганидан кейин иккинчи бор жанг қилишга ботинолмади. Мен эса сипоҳим билан Илёсхўжа қароргоҳини қуршаб олдим. Сўнг вақти-вақти билан уларга хужум қилдим. Тинкасини қуритдим. Охири чорасиз қолган Илёсхўжа Хўжанд сувидан ўтиб кетди. Мен ҳам уларни таъкиб қилиб ўтирмасдан фатҳу зафар билан Мовароуннаҳрга қайтдим.

[Шундан сўнг] салтанатимнинг мустақиллиги ва мустаҳкамлиги борасида кенгашлар ўтказдим. Кенгашларим ўзини шавкатли, буюк амир деб ҳисоблаган ва бошқа амирлардан ўзини улугроқ билаётган амирларни итоат эттириб, бўйсундиришга қаратилганди. Биринчи навбатда Мовароуннаҳрда салтанат байроғини кўтарган амир Қазағаннинг набираси амир Хусайнни давлатимга шерик деб [элга] эшиттирдим ва у билан муросаю мадора қилдим. Гарчи у ташки кўринишдан менга дўстлик билдирса-да, аммо ичидан ҳамиша ҳасад ва нифоқ мақомида турди. [Чунки] ўзи Мовароуннаҳр салтанати тахтига ўтиришни орзу этарди. Унга ишончим йўқлиги туфайли уни хожа Шамсуддин [Кулол]⁴⁰ мазорига бошлаб бориб, дўстлик изҳор қилиб қасам ичдим. У ҳам дўстликка хилоф бирон иш қилмаслик ҳақида аҳду паймон этди.

[Амир Хусайн] шундан кейин яна уч бор Куръони Мажидни қўлига олиб, дўстлик бобида онт ичди. [Лекин] аҳдига вафо қилмагани учун охири менинг [жазойимга] гирифтор бўлди.

⁴⁰ Хожа Шамсуддин Кулол — нақшбандия тариқати шайхларидан. У Амир Темурнинг отаси Амир Тарағайнинг ва Амир Темурнинг ҳам пири, 1363 йили Кешда вафот этиб, ўша ерда дафн этилган.

Амир Баён сулдуснинг ўғли амир Шайх Муҳаммад ўзини улуг амир деб ҳисобларди. Унинг ҳам [кўнглини топиб], ўз томонига оғдириб олдим ва етти қўшинга бошлик атаб, ўзимга мутеъ ва мулозим қилдим. Мазкур қўшинларнинг амирларидан ҳар қайсисига вилоят инъом этдим.

Мендан ажралиб ўз улусига кетиб қолган Шер Баҳром ҳали ҳам менга бўйсуннишни истамас эди. Уни ҳам ўзимга оғдириб олдим ва ҳузуримга чақиртирдим. У ўз улуси билан келиб, итоатда бўлажагини билдирди. Шер Баҳромни ўз мулозимим этиб, бир вилоятни унга бердим.

Амир Ҳусайн билан орамизда қариндошлик бўлганлигидан унга турли мурувват кўрсатиб, мурсою мадора қилдим, лекин дўст бўлмади. Иш шу даражага бориб етдики, Балх ва Ҳисори Шодмон вилоятларини мендан тортиб олди. Мен [эсам] унинг синглиси ҳарамимда эканлигининг хотирини қилиб, амир Ҳусайнни сикувга олмадим. У билан мурсою мадора қилишга шунчалик интилдимки, ҳатто унинг амирларига ҳам бу таъсир этиб, менга бўйсундилар. Лекин амир Ҳусайн ҳамма вақт мени мағлуб этиш пайига тушиб, фириб бериб келарди. Охир-оқибат уни қиличим билан бўйсундиришга қарор бердим.

Туронни забт этиб, Мовароуннахрни ўзбеклар вужудининг хас-хашагидан тозалаганимдан кейин, баъзи улусларнинг амирлари менга итоатла бош эгишни истамадилар ва ҳар бири ўз қабиалари олдида [ҳеч кимга бўйсунмаслигини кўрсатмоқчи бўлиб] ноз қилиб турардилар. Амирларимдан баъзилари уларнинг ёнини олиб менга "бу давлатга баримиз шерик бўлганимиздан кейин, уларни ҳам давлатга шерик деб билайлик", дедилар. Лекин уларнинг гаплари менинг салтанат юритишимдаги ғайратимга таъсир қилмади. Ўз-ўзимча: "Худо битта,

унинг шериги йўқдир. Шундай бўлгач, Аллоҳ таолонинг муқаддас мулки — ер юзига эғалик қиладиган подшоҳ ҳам битта бўлиши керак", дея ўйлар эдим.

Шу пайт [авлиёлардан ҳисобланган] Бобо Алишоҳ ҳузуримга келди ва: "Ҳой Темур, Тангри таоло буюрганки, агар ерда ва кўкда икки худо бўлса, жаҳоннинг иши бузилур," деди. Мен унинг сўзларига эргашдим. Куръони Мажиддан фол очсам, ушбу кутлуғ оят чиқди: "Инно жаалнока халифатан фил арз", яъни "Биз сени ер юзига халифа қилдик"⁴¹. Мен буни [истикболнинг] хайрлик ва муборақ фоллари сирасига киритдим ва ўзларини давлат шериги билиб, менга бўйсуннишни истамаган амирларни турли тадбирлар ишлатиб, ўзимга итоат эттириш учун бир неча бор уриндим. Энг аввал амир Ҳожи барлос олдиға бориб, уни ўзимга иттифоқдош қилдим. Баён сулдуснинг ўғли Шайх Муҳаммад шаробхўрликка муккасидан берилиб кетганди. Охири шароб унинг бўғзидан олди ва у олам билан видолашди. Унинг вилоятини ўзимга қўшиб олдим. Амир Боязид жалойир ҳам Хўжанд вилоятини тасарруф этган эди. Унга [дўстона] насиҳат берсам, қабул қилмади. Оқибатда ўз улусининг одамлари унга қарши чиқишиб, олдимга кишанлаб келтирдилар. Мен [ўтган ишларни юзига солмай] унга илтифотлар кўргиздим. Буни кўргач, ўзи [уятдан] шарманда бўлди. Элчи Буғо сулдус Балхда ўз салтанати туғини кўтарган эди. Бобоси амир Қазаған тахти шу ерда бўлганлиги учун Балх тахтига даъво қилаётган амир Ҳусайнни Элчи Буғога қарши қайрадим. Муҳаммадхўжа Аперди найман аймағидан бўлиб, Шибирғонот⁴² вилоятини босиб олгач, менга қарши исён туғини кўтарган эди. Мен унга бошқа вилоят бериб, уни

⁴¹ Куръон, Сод сураси, 26-оят.

⁴² Шибирғонот вилояти — Балхнинг ғарбий тарафида жойлашган вилоят.

Ўзимга содик навкар қилиб олдим. Бадахшон вилоятига эгалик қилаётган Бадахшон шоҳлари эса менга қарши душманлик йўлини тутдилар. Уларнинг ҳар бири билан турлича келишув қилдимки, бир-бирлари билан урушиб кетдилар. Охири менинг паноҳимга келиб, [бўйсундилар]. Кайхусрав Хутталон вилоятини ва Ўлжойту Аперди Арханг⁴³ вилоятини эгаллаб олгандилар. Кайхусравга Ўлжойту Апердининг вилоятини босиб олиши учун мадад кучи жўнатдим. Оқибатда Ўлжойту Аперди паноҳ излаб менинг хизматимга келди. Амир Хизир Ясаурий ўз халқи — ясаурийлар мадади билан Тошканд вилоятини босиб олган эди. Кайхусрав билан Ўлжойту Апердини бир-бири билан яраштирдим. Буларга ёрдамчи куч йўсинида бир тўда киши қўшдим. Икковлари бирлашиб ясаурийларга хужум уюштириб, [уни] талон-тарож қилдилар. Амир Хизир ожиз қолиб, менинг паноҳимга келди. Шундай қилиб Мовароуннаҳрни уруш-талашдан тинчитдим. Менинг қаҳрамон аскарларим тўла куч-қувватга кирди. Ҳар томонга барлос улусининг номи ва донғи тарқалди. Менинг ҳимматим билан Чигатой қўшинлари ва туманларининг овозаси оламга ёйилди. Жами элу халқ, қўшунот ва тумонот ҳамда кўчманчилар менинг ҳукмронлигим остига ўтди. Бирок Мовароуннаҳрдаги баъзи қалъалар [ҳамон] амир Ҳусайн кўлида эди, уларга менинг ҳукмим ўтмасди. Амир Ҳусайн салтанатим азамати ва шон-шавкатининг кучайганини кўргач, унда ҳасад томирлари [каттиқроқ] ура бошлади. Қасам билан мустаҳкамлаган аҳд-паймонларини бузиб, менга қарши исён туғини кўтарди. Мен унинг олдига кўп марта [лутф-марҳаматлар кўрсатиб] бордим, у бўлса асло қошимга келмади. Бунинг устига сиртидан такаллуфлар билдириб,

⁴³ Арханг — Амударёнинг сўл соҳилида жойлашган қадимги Тохаристон мамлакатадаги Бадахшон билан туташ вилоят (қадимги Айбак).

аслида хийла-найранг ишлатиб, мендан Қарши қалъасини олиб қўйди. Қарши қалъасини қўриқлаб туриш учун қўрғонбеги амир Мусо бошчилигида етти минг отлик аскар тайинлади. Кейинроқ у ерга яна қўшимча беш минг отлик аскар юборди. Бу билан кифояланмай, мени ўлдирмоқчи бўлди. Мендаги салтанат гайрати туғёнга келиб, Қарши қалъасини ундан тортиб олишга ундади. Баъзи амирларим у ерга юриш қилиб, қалъани жанг билан қўлга киритишни менга маслаҳат бердилар. Қарши қалъасини олиш режаларини туза бошладим. Улар айтгандек уруш билан олсам, бунинг хатарли томонлари кўплиги кўнглимдан ўтди. Ўзимча "Мабодо қалъани жанг билан олмоқчи бўлсаму ғаним лашкарининг ёмон кўзидан қўшинимга зарар етса-чи?" деб ўйладим. Сўнгра жанг қилиш фикридан вақтинча воз кечдим ва бошқа тадбирни қўллашга киришдим. Хуросон томонга юзланиб, бу билан Қарши қалъаси бекларининг хотирини жам қилмоқчи бўлдим. Кейин эса лашкарим билан [яширинча] орқага қайтиб, тунда тўсатдан қалъага хужум қилиб, у ерни босиб олишни режаладим. Хуллас, бу ердан кўчиб, Хуросонга қараб йўлга тушдим. Амударёдан кечиб ўтганимда, Хуросон томондан Қаршига келаётган карвонга дуч келдим. Карвон бошчиси менга совғалар тақдим этди. Мен ундан Хуросон амирларининг ҳол-аҳволини суриштирдим ва Хуросон вилоятига кетаётганлигимни айтдим ва кетишларига ижозат бердим. [Лекин] карвонга айғокчи қўшиб юбордим ва у хабар келтиргунича дарё соҳилида жойлашиб кутдим. Айғокчи олиб келган хабарга қўра, карвондагилар амир Мусога шундай деган эмишлар: "Амир Темурни Амударё суви ёқасида кўрдик, Хуросон томонга кетаётган экан". Бу гап амир Мусо ва амир Ҳусайннинг лашкарига етгач, хурсанд бўлиб, ўйин-кулги ва айш-ишратга берилибдилар.

Бу хабарни эшитишим билан лашкарим ичидан энг ишончли, довюрак, жанг кўрган баҳодир йигитлардан икки юз қирқ учтасини танлаб олдим ва дарёдан ўтиб, олдинга юбордим. Ширкент⁴⁴ аталмиш ерга етдим ва ўша ерда бир кеча-кундуз тўхтаб, [сўнг] яна йўлга тушиб, Қарши қалъасидан бир фарсанг масофага келиб тушдим. Одамларга арконларни бир-бирига боғлаб зина ҳозирлаб қўйишларини буюрдим. Шу пайт амир Жоку тиз уриб: "Бир гуруҳ баҳодирлар орқада қолдилар. Улар етиб келгунча тўхтаб туриш зарур", деб ўтинч қилди. Шунда хотирамга бир фикр келди. Баҳодирларим етиб келгунча қалъани ўзим кўздан кечирмоқчи бўлдим. Қирқ киши ҳамроҳлигида Қарши қалъаси томон йўл олдим. Йироқдан қалъа кораси кўринганда, баҳодирларимни келган ерда тўхтатиб қўйдим ва уйимизда туғилиб ўсган Мубашшир ва Абдуллоларни бирга олиб ўзим кетдим. Ҳандақ бўйига етдим. Қарасам, хандақ сув билан лиммо-лим экан. Теварак-атрофга назар солиб, хандақ тепасидан ўтказилган, қалъага сув олиб борадиган тарновга кўзим тушди. Отимни Мубашширга қолдириб, ўша тарнов орқали хандақ устидан ўтдим ва қалъанинг хокрези⁴⁵ га етдим. Дарвоза олдига бориб, эшик қоқдим. [Лекин] дарвозабонлар ухлаётган экан, [ичкаридан садо чиқмади]. [Ҳар эҳтимолга қарши] дарвозани ташқарисидан кесактош ва лой билан тўлдириб қўйишган экан. Қалъа девори атрофини кўздан кечириб, нарвон ва зиналар қўйса бўладиган жойни топдим. [Сўнг орқамга қайтдим ва отланиб баҳодирларим ҳузурига бордим. Орқада қолган лашкар фавжи ҳам нарвонлар билан етиб келишган экан. Ҳаммалари шайланиб, нарвонларни олишди ва қалъа сари

⁴⁴ Ширкент — ҳозирги Бешкент, Қарши туманининг маркази.

⁴⁵ Хокрез — душман ўқлари ва ҳужумидан ҳимоя мақсадида қалъа девори остига ўр қилиб уюлган тупроқ.

юзландик. Ҳандакдан тарнов оркали қалъага ўтдилар. Зиналарни ҳам олиб ўтдилар ва деворга қўйдилар. Эр йигитлардан қирктаси тепага чиқиб, қалъага кириб олдилар. Мен ҳам нарвонга оёқ қўйиб энди қалъага кирмоқчи бўлган эдим, карнай тортиб, бурғу чалдилар. Тангри таолонинг қўллаши билан қалъани қўлга киритдим.

Бу хабар амир Ҳусайнга етгач, [энди] макру хйла йўли билан, дўст-ошно либосини кийиб, мени ром этмоқчи бўлди.

МЕНИ ҚЎЛГА ТУШИРМОҚЧИ БЎЛГАН АМИР ҲУСАЙННИНГ МАКРУ ҲИЙЛАСИДАН ҚУТУЛИШ УЧУН ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Амир Ҳусайн, "менинг дўстлик ва қариндошликни риоя қилишдан бошқа ниятим йўқ", деб Қуръон тутиб қасам ичди ва ўша Қуръонни менга жўнатди. У яна мана буларни ҳам айтганди: "Агар сенга айтган гапларимга хилоф бирон иш тутиш ниятим бўлса ва ўртадаги аҳд-паймонимни бузиб, сенга ёмонлик қилсам, шу ушлаган Қуръон — Худонинг китоби мени урсин". Уни мусулмон деб билганим учун сўзларига ишондим. Шундан кейин у менинг ҳузуримга одам юбориб, "ўртадаги аҳд-паймонимизни янгиласак, худо ҳақи дуруст бўларди", деб мени Чакчак⁴⁶ дарасида учрашишга даъват этди. Унинг мақсади мени макру фириб билан қўлга тушириш эди. Аҳд-паймони, сўзига ишониб бўлмаслигини билсам ҳам, аммо Қуръон ҳурматини саклаб қолиб, [айтган жойига] учрашувга боришга қарор қилдим. [Бирок бу борада] эҳтиёт шарт, Чакчак дараси атрофига баҳодирларимдан бир гуруҳини юбориб, яшириб қўйишни, кейин эса ўзим

⁴⁶ Чакчак дараси—Бойсунтоғда жойлашган.

бир неча одамимни олиб, учрашувга бориш режасини туздим.

Амир Ҳусайн хизматида бўлган дўстларимга хат жўнатиб, улардан амир Ҳусайннинг қилмоқчи бўлган ишидан мени огоҳ этиб туришларини сўрадим. Дўстларимдан бири Шер Баҳром амир Ҳусайннинг нияти шум эканлигидан мени огоҳлантирди. Амир Ҳусайн [буни сезиб қолиб] Шер Баҳромни қатл эттирди, менинг устимга эса минг отлик аскар билан ҳужум бошлади.

Бу хабар менга етганида, энди дарага келиб тушган эдим. Қўшинимни тартибга солдим. Шу вақт амир Ҳусайн лашкарининг қораси кўринди. Қоровуллар бу фақат амир Ҳусайн лашкарининг бир қисми эканлиги, унинг ўзи бу ерда йўқлигини хабар қилдилар ва: "Амир Темур бир ўзи келибди, деган гапни эшитиб, сизни қўлга тушириш учун лашкарининг бир қисминигина юборди", дедилар.

Мен [жангу жадалга] ҳозирлана бошладим. Бу ерда ҳаммаси бўлиб икки юз отлик аскар бор эди. Амир Ҳусайн кўшинининг фавжи дарага киргунигача сабр қилиб турдим. Ўзим келгунга қадар [бу ерга] юборган одамларимга уларнинг қайтиш йўлини тўсишларини буюрдим, ўзим эса ёғийга юзма-юз бўлдим. [Хуллас] дарада икки ёқдан қамалиб қолган ғаним лашкарининг кўп қисмини қўлга туширдим. [Сўнг] одамларимни тўплаб, саф-саф қилиб туздим ва Қаршига қараб юзландим. Тажрибамдан шуни кўриб билдимки, дўст ҳар ерда асқотар экан. Амир Ҳусайнга [эса] ушбу мазмунда туркий байт ёзиб юбордим:

*Ёрға еткур, сабо, ким макр қилмишдир манга,
Қилди эрса кимга макрин, кайтадур бир кун анга.*

Бу хатим амир Ҳусайнга бориб етгач, кўп хижолат бўлди ва мендан узр сўради, [лекин] мен иккинчи бор унинг сўзига ишонмадим.

ТУРОНЗАМИННИ ЎЗБЕКЛАР ТОИФАСИ ҚОЛДИҚЛАРИДАН ТОЗАЛАШ УЧУН ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Жете ва Илёсхўжа лашкарини Мовароуннахрдан кувиб, Хўжанд дарёсининг нариги қирғоғига ўтказиб юборган бўлсам ҳам, ўзбекларнинг баъзи қисмлари Мовароуннахр қалъаларида мустаҳкам жойлашиб олган эдилар. Аввалига уларни бостириш учун лашкарим қисмларини юбормокчи бўлдим, бироқ мабодо бу иш чўзилиб кетса-чи, деган фикр мени ташвишга солди.

Шу орада менга ўзбеклар қалъаларга яшириниб олганлари ҳақида хабар келтирдилар. Лашкар қисмларни у ерга юбориш тўғри бўлмас, деб [бошқа] чора излай бошладим. Сўнгра Илёсхўжа номидан қалъадагиларга қарата ёрлиғ ёзиб, уни урушсиз топширишларини буюрдим. Ёрликни бир ўзбек қўлига тутказиб, унга ҳамроҳ қилиб лашкаримнинг бир қисмини жўнатдим. Аскарларимга чанг-тўзон кўтариб, ўзларини ғанимга кўпдай қилиб кўрсатишни буюрдим. Илёсхўжанинг талаби ёзилган ёрлиғ ғанимлар қўлига теккач ва аскарларим кўтарган чанг-тўзонни кўришгач, тун қоронғусида қалъаларни ташлаб қочдилар. Хуллас, Мовароуннахр тупроғи мени ўлдиришга қасд қилган ўша солимлардан тозаланди ва мамлакат тамоман менинг қўлимга ўтди.

Қариндошлик хурмати учун Балх билан Ҳисори Шодмон вилоятларини амир Ҳусайнга тортиқ этдим. У эса бу эҳсону мурувватимни билмади, мени маҳв этишга қасд қилди. Мен ҳам ўз-ўзим билан кенгашиб, амир Ҳусайнни ўлдиришга қарор бердим.

Амир Ҳусайи мен қўлга киритган ғалаба ва ютуқларимни кўролмай, ҳасад ичини кемириб, менга ва

карамимдаги ўз синглисига кўп озор берди.⁴⁷ У Мовароуннахрни мендан тортиб олишга, мени [эса] ўлдириб, тахтга ўзи ўтиришга бел боғлаган эди. Ўртамизда неча бор урушлар бўлиб ўтган бўлса-да, барчасида енгилди. Унинг адолатсизлиги, инсофсизлиги ҳаддидан ошган, мени енгиш ва ўлдиришга оз қолган вақт ҳам бўлди. Айнан шу вақтда кўрселиги, ёмон йўл тутиши туфайли амирлари ундан юз ўгирдилар. Хутталон ҳокими амир Кайхусравнинг инисини сабабсиз қатл эттирди. Оқибатда, амир Кайхусрав ҳам Хутталонда унга душман бўлиб қолди.

Амирлари [анчадан бери] ундан норози бўлиб, адоват саклар эдилар, у эса уларни ўз тарафдори деб биларди. Шу сабабли яна мени тор-мор келтириб, маҳв этиш қасдида қароргоҳини Балх чеккасидаги бир жойга кўчирди⁴⁸. Бу хабарни эшитишим билан, амир Ҳусайн ҳаракатга келмасдан бурун, устига бостириб боришга қарор қилдим. Бор лашкарим билан Балх сари юзландим. Йўлда ҳар ёқдан зафарли лашкар қисмлари келиб менга қўшилдилар ва Балх атрофига бориб тушдим. Амир Ҳусайн қарши чиқиб, мен билан жанг қилди. Охири қочиб қалъага кириб олди. Сўнгра бошига нима келган бўлса, ўз қилмиши туфайли кўргилигини кўрди⁴⁹.

⁴⁷ 1366 йилда амир Ҳусайн Самарқандда Амир Темурга яқин бир неча бекларни исён кўтаришда айблаб, уларга қатта жарима солди. Амир Темур бисотидаги бор олтин ва жавохирларни, шунингдек, хотини Ўлжой Туркон оганинг кимматбаҳо тақинчоқларини ҳам қўшиб, товонга тўлаган.

⁴⁸ Бу ерда сўз Амир Ҳусайн тиклаган Балхдаги Ҳиндувон Ҳисори ҳақида бораётир.

⁴⁹ Низомиддин Шомий билан Шарафиддин Али Яздий Амир Ҳусайннинг очик жангдан қочиб ичкари қалъага яширингани ва 1370 йил 10 апрелда қўлга олиниши, ўша йилнинг 12 апрелида

МЕНГА ҲАР ТУРЛИ ЁМОНЛИКЛАР ҚИЛИБ ЧЎЧИБ ЮРГАН ВА ҚИЛМИШЛАРИ УЧУН "МЕНИ ЎЛДИРАДИ" ДЕБ ВАҲИМАДА ЮРГАНЛАРНИ ЎЗИМГА ЭЛ ҚИЛИБ ОЛИШ БОБИДАГИ КЕНГАШИМ

Амир Ҳусайн менга асир тушгандан кейин унинг навкарлари ва амирлари "энди бизни ўлдиради", деб гумон қилган эдилар. Аввало ниятим уларни ўлдириш эди, кейинроқ, "ахир улар аскарлар-ку", деб уларни афв этдим ва яна аскарликка тайинладим.

Бадахшонда ҳоким бўлиб турган уларнинг бош амири кўп мартаба жангда мен билан юзма-юз келиб, килич чопишган киши эди. Амир Ҳусайн қатл этилганини⁵⁰ эшитгач, менинг қаҳримдан кўрқиб, ўзини сергак тутди ва бордию уни тутиш учун кўшин юборсам, тўғри иш қилмаган бўлур эдим. [Шунинг учун] ўзимни уни унутган кишидек тутдим ва [унинг борасида] ушбу тадбирни қўлладим: мажлислар-да, йиғин-ўтиришларда уни яхши сўзлар билан ёд этиб, мардлиги ва баҳодирлигини мактадим, токи дўстлари "Амир [Темур] сенга нисбатан марҳамат ва иноят мақомида турибди", деб унга хат ёздилар. У зорланиб менга мактуб юборди ва иноят марҳаматимдан умидвор бўлиб, паноҳимга келди.

ХУРОСОН ПОЙТАХТИ [ҲИРОТ]НИ ОЛИШ БОБИДА ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Амир Ҳусайн ўлдирилиб, [унга қарашли] Балх, Ҳисори Шодмон⁵¹ ва Бадахшон вилоятлари менинг тасарруфимга ўтгани ҳақидаги хабар Хуросон ҳокими

ўлдирилганини айтадилар.

⁵⁰ Амир Ҳусайнни хун талаб бўлиб Хутталон ҳокими амир Кайхусрав ўлдирди, чунки Амир Ҳусайн 1360 йили унинг иниси Кайкубодни ўлдирган эди.

⁵¹ Ҳисори Шодмон — шу номдаги вилоят маркази; қадимги номи Шумон (асосан ҳозирги Ҳисор водийси).

Малик Гиёсуддинга⁵² етганида, уни кўркинч босди, [уруш қилиш учун] лашкару сипоҳ тўплаб, мудофаага шайланди.

Кенгашиб, хуросонликларнинг хушёрлигини сўндириб, ғафлат уйкусига чўмдириш учун, мен ҳарбий хийла ишлатиш фикрига тушдим. Шу мақсадда Самарқандга юриш қилмоқчидай бўлиб орқага қайтдим. Шу аснода Малик Гиёсуддиннинг [мендан кўнгли тинчиб], жабр-зулм қилмоққа кўл урганлиги ҳақида пиридан⁵³ хат олдим. Менинг Самарқанд тарафга қайтганим ҳақидаги хабарни эшитиб Гиёсуддин хотиржам ўтирган эди. Шунда мен ўз-ўзимга кенгашиб, "ана энди хуросонликларнинг кўнгли мендан хотиржам бўлди, уларнинг устига бостириб боришнинг айна пайти", дедим. Ҳиротга караб юрдим, Малик Гиёсуддинни ғафлат уйкусида босдим ва у ночор шаҳардан чикди, хазина ва тамом бойлигини менга пешкаш қилди. Шундай қилиб, Хуросон мулки менинг кўлимга ўтди⁵⁴. Хуросоннинг барча амирлари менга бўйсундилар.

СЕИСТОН, ҚАНДАҲОР ВА АФҒОНИСТОН МАМЛАКАТЛАРИНИ ЗАБТ ЭТИШ ҲАҚИДАГИ БОШҚА КЕНГАШИМ

Хуросон мамлакати бўйсундирилгандан кейин амирларим юқорида эслатилган уч мамлакатга лашкар юборайлик, деб маслаҳат бердилар. Мен дедимки: "Агар лашкарларнинг ўзи билангина иш битмаса-чи? Унда ўзим боришим керак бўлади. Менинг эса мўлжаллаб қўйган бошқа ишларим кўп".

⁵² Малик Гиёсуддин — 1245-1389 йиллари Ғур (марказий Афғонистон) ва Ҳирот вилоятлари устидан ҳукм юргизган қартлар сулоласидан чиққан ҳукмдор. Ҳақиқий исми Малик Гиёсиддин II Пир Али (1370—1381).

⁵³ "Пиримдан..." — бу ерда Амир Темурнинг пири Зайнуддин Абубакр Тайбодий назарда тутилади.

⁵⁴ Амир Темур томонидан Хуросоннинг узил-кесил бўйсундирилиши 1381 — 1383 йиллари бўлган.

Маслаҳатни шунда билдимки, ўша диёрлар ҳокимларини ўзимга оғдириб олиш учун "Агар менга қўшилсанглар [кутуласизлар], курашсанглар йиқиласизлар. У ҳолда тақдирингизда нима бўлса ўшани кўрасизлар", деган мазмунда ёрлиғлар йўлладим. Бу тадбирим тақдирга тўғри келди. Ёрлиғларим уларга етиши биланоқ итоат бошларини бўйсунуш мақомига қўйдилар.

ЎРУСХОН⁵⁵НИ БАРТАРАФ ҚИЛИШ ВА ДАШТИ ҚИПЧОҚНИ БОСИБ ОЛИШДА ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Дашти Қипчоқ хони Тўхтамиш⁵⁶ хонлик талашиб Ўрусхондан енгилиб, менинг паноҳимга қочиб келган эди. Унинг билан қўшин юборсаммикан, ё ўзим борсаммикин деб турганимда Ўрусхоннинг элчиси келиб қолди. Кенгашиб, элчининг кўнглини овлаб, сўнг кетишига ижозат беришни, ўзим эса Дашти Қипчоқ томон юзланиб, элчининг кетидан лашкар жўнатишни мўлжалладим, токи элчи хотиржамлик билан бўлган воқеаларни Ўрусхоннинг мажлисида баён қилсин, эртаси куни менинг қўшинларим кўққисдан уларнинг устига бостириб борсин.

Ўйлаганимдек иш тутгандим, тадбирим тақдирга тўғри келди. Ўрусхон элчиси бўлган воқеаларни сўзлаб бераётган пайтда, менинг кўркмас лашкарим ногаҳон келган балодек Ўрусхон устига ёпирилдилар. Ўрусхон қаршилиқ кўрсата олмай, қочишни ихтиёр қилди. Дашти Қипчоқ мамлакати менга бўйсунди.⁵⁷

⁵⁵ Ўрусхон — Жўчи наслдан бўлган Оқ ўрда хони (1361 — 1376). У хар иккала ўрда: Олтин ўрда ва Оқ ўрдани бирлаштириш учун кўп курашди, лекин бунга муяссар бўлолмади.

⁵⁶ Тўхтамиш — Жўчи авлоди; Оқ Ўрда хони. 1376 йили Жўчи улусининг хар иккала қисмини, Оқ Ўрда билан Олтин Ўрдани бириктириб, 1395 йилга қадар Жўчи улуси устидан ҳукмронлик қилган қудратли подшоҳ.

⁵⁷ Бу жанг 1376 йилда бўлган.

ГИЛОН, ЖУРЖОН, МОЗАНДАРОН, ОЗАРБАЙЖОН, ШИРВОН, ФОРС ВА ИРОҚ МАМЛАКАТЛАРИНИ ЗАБТ ЭТИШ БОБИДА ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Ироқ аҳолисининг музаффарийлар⁵⁸ ва турли тоифадаги ҳукмдорлар зулмидан шикоят қилиб ёзган аризалари кўлимга тушгач, Ироққа юриш тадоригини кўришга жазм қилдим.

Шу пайт хотирамга: "Бу мамлакатларнинг подшоҳлари иттифок бўлиб, менга қарши урушга кўтарилсаларчи? Демак, жангга шай бўлиш лозим!" деган фикр келди. Амирларим ҳам жангдан аввал тегишли тайёргарликни кўриш керак, деб маслаҳат бердилар. Ўзим эса буларни бирма-бир ром этган ҳолда бўйсундириш, итоатга келмаганларини эса жазолаш лозим, деган фикрда эдим. Менинг паноҳимга келган биринчи одам Мозандарон ҳокими Амир Али бўлди. У менга пешкаш жўнатиб, мактубида "Биз ҳазрати Али авлодидан бўлган бир жамоамиз. Шу ерда қаноат қилиб кун кечираётибмиз. Бу ерни олсангиз қуввату кучингиз ортар, аммо кечиб юборишингиз тақвога яқинроқ ишдир", деган гаплар битилган эди.

Мен Мозандарон ҳокимининг итоат билдириб қилган бу мурожаатини яхшиликка йўйдим. Кейин Гилон ва Журжонга қараб йўл олдим. У ўлканинг ҳокимлари менга бўйсунмагач, қахрли қўшимин фавжларини уларнинг устига жўнатдим, ўзим эса Ироқ сари лашкар тортдим.

Исфакхонни забт этдим. Исфакхон аҳолисига ишонч билдириб, қалъасини ўзларининг қўлига топширдим. Улар эса исён кўтариб, мен тайинлаган доруғани аскарларимдан уч минг одам билан бирга тигдан ўтказдилар. Мен Исфакхон аҳолисини қатли ом қилиш ҳақида буйруқ бердим.

⁵⁸ Музаффарийлар — 1314-1393 йилларда жанубий Эронни идора қилган маҳаллий сулола. Бу юриш Хуросонда амир Валибек ва Алибек Жоникурбоний исёнини бостириш мақсадида қилинган.

ФОРС ПОЙТАХТИ (ШЕРОЗ)НИ ВА ИРОҚНИНГ ҚОЛГАН ҚИСМИНИ ЗАБТ ЭТИШ БОБИДАГИ КЕНГАШИМ

Шерозни музаффарийларга қолдириб, Исфахонда эса уч минг одамимни тайинлаб, ўзим Тўхтамишхонни даф этиш учун Дашти Кипчоққа лашкар тортиб борганимда, Исфахон аҳолиси доруғани ўлдирди. Шу вақтнинг ўзида Шероз аҳолиси ҳам менга бўйсунмай қўйган эди. Шу сабабдан, уларни жазолаш мақсадида яна Ироққа юриш қилишга тайёрлана бошладим. Саксон минг отлик аскар тўпладим. Лекин бу катта лашкар билан бир йўла Ироқ ўлкасига кирсам, у ерга сиғмай қолиши мумкинлигини мулоҳаза қилиб, лашкаримни қисмларга бўлиб, уларни Ироқ мамлакатини босқин қилишга бирин-кетин юбориш керак, дея ўйладим. Шу қарорга келиб, лашкаримни уч қисмга бўлдим ва ўзимдан олдинда боришни тайин қилдим. Ироқнинг хар ер-хар ерида тўпланган ғаним аскарларининг ҳаммаси тарқалиб кетди. Сўнг Шероз устига лашкар тортдим. Шох Мансур⁵⁹ жанг майдонида мен билан тўқнашиб, жазосини топди.

ТЎХТАМИШХОНГА ШИКАСТ ЕТКАЗИШ БОБИДА ҚИЛИНГАН КЕНГАШ

Лашкарларим беш ой давомида Тўхтамишхоннинг ортидан қувиб юргани сабабли⁶⁰ кўпинча оч қола бошладилар. Чунончи, бир неча кун бошбалмоқ ўти, ов гўшти, сахро паррандаларининг тухуми билан кун кечирдилар. Лашкарим бундай оғир аҳволга тушиб қолганини эшитган Тўхтамишхон фурсатдан фойдалан-

⁵⁹ Шох Мансур — Музаффарийлар сулоласидан 1387 — 1393 йиллари Форс билан Ироқи Ажамни идора қилган ҳукмдор. 1393 йил 26 апрелда урушда ҳалок бўлган.

⁶⁰ Амир Темурнинг Тўхтамишхонга қарши 1391 йилдаги жанги Темурнинг ғалабаси билан якунланган.

мокчи бўлди ва ҷумолию чигирткадан ҳам кўп аскар билан устимизга ёпирилиб келди ва мен билан тўқнашди. Аскарларимнинг очликдан тинкаси куриган эди. Тўхтамишхон аскарлари эса, тўқ ва осуда эдилар. Фарзандларим ва набираларим ҳузуримга келиб, тиз чўкиб, мен учун жон фидо қилишга тайёр эканликларини билдирмагунларича, саркардаларим ва аскар бошлиқларим жанг қилишга рўйхушлик бермадилар. Шу пайт Тўхтамишхоннинг байроқдори мен билан тил бириктирди — уруш бошлаганимда ва икки томон лашкари юзма-юз келганда, байроқдор байроғини тубан қилиши ҳақида у билан келишиб олдим. Фарзандларим [ва набираларим] олдимга келиб, тиз чўкканини эшитгач, амирларим ва нўёнларимнинг жасурлиги тутиб, жангга шай ҳолатга келдилар. Шунда мен [набирам] амирзода Абу Бакр⁶¹ни саккиз минг отлик билан хировул этиб тайинладим. Савашу чопиш қизишиб, жангу жадал ўти кўкка кўтарилганда, чодирлар тикиб, таом тайёрлашга киришишни буюрдим. Худди шу пайт Тўхтамишхоннинг байроғи тубан бўлди ва Тўхтамишхон саросимага тушиб колди, У Жўчи улусини талон-тарожга ташлаб, жанг майдонига орқа ўтириб қочди.

ДОРУССАЛОМ БАҒДОД ВА АРАБ ИРОҚИНИ ЗАБТ ЭТИШ ТУҒРИСИДАГИ КЕНГАШИМ

Ажам Ироқи⁶² ва Форсни забт этганимдан кейин, кутб ул-актоб⁶³ пиримдан менга қуйидаги мазмунда

⁶¹ Амирзода Абу Бакр — амирзода Мироншоҳнинг ўғли; Озарбайжон ва Ирок ҳукмдори (1382— 1417). Яна бир Абубакр ҳам бўлиб, у амирзода Умаршайхнинг ўғлидир ва отасининг ўлимидан (1394 й.) сўнг Форс мамлакатини идора қилган.

⁶² Ажам Ироқи — ажамликлар (яъни араб бўлмаган халқлар) истиқомат қилиб турган Ирок (қадимги Мидия).

⁶³ Кутб ул-актоб — "кутблар кутби". Улуғ мартабали шайхлар, дин пешволари ва валийларга берилган фахрий ном.

мактуб келди: "Араб Ироки⁶⁴ ва Ажам Ирокининг қахрамони (Аллох), [иккинчи] Ироқни ҳам сенга тақдим этди".

Бағдодни забт этиш учун даставвал султон Аҳмад жалоир ҳузурига, Бағдод лашкарларининг қай аҳволда эканлиги, юриш-туриши, қудрати ҳақида маълумотлар олиб келиш учун элчи юборишга келишилди. Элчи Бағдоддан менга: "Султон Аҳмад икки кўзли бир бўлак гўшт экан", деган мазмунда хат юборди. Мен Тангрининг иноятига суяниб, [Бағдод устига] қараб юрдим ва тез фурсатда Бағдодга етиб бордим. Султон Аҳмад жалоир қолишдан кўра қочишни афзал кўриб, Карбало тарафга қараб қочди. Шу билан Доруссалом Бағдод менга бўйсунди.

ТҲҲТАМИШҲОННИ ЙЎҚОТИШ УЧУН ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

[Тўхтамишхон мендан енгилиб] Жўчи улусини талон-тарожга ташлаб, ўзи қочган эди. Кейинроқ менинг йўқлигимдан фойдаланиб, Дарбанд ва Ширвон орқали Озарбайжонга кўп сонли лашкар юбориб, фитнаю фасод кўтарди. Бу вақтда мен ҳар иккала Ироқни ҳам эндигина забт этиб бўлгандим. Тўхтамишхонни йўқотиш учун беҳисоб лашкар билан Дарбанд йўли орқали яна Дашти Қипчоққа юришни маслаҳат кўрдим.

Юриш олдидан кўрик қилиб, лашкарим каергача бориб етишини билмоқчи бўлдим. Қарасам, тўрт фарсанг масофада лашкарларим саф тортиб турарди. Тангри таолога шукр келтирдим. Сўнг Самур⁶⁵ дарёсидан ўтиб,

⁶⁴ Араб Ироки — араблар истикомат қилиб турган Ироқ; асл Ироқ (қадимги Вавилон).

⁶⁵ Кавказдаги Терек дарёси назарда тутилган.

Дашти Қипчоқнинг элу улусига ушбу мазмунда ёрлиқлар йўлладим: "Кимки менга келиб қўшилса улуғланади, кимки мен билан курашмоқчи бўлса йиқилади".

Ҳижрий 797 (милодий 1394-95) йили Дашти Қипчоққа кирдим ва шимолида ястаниб ётган узоқ ерларигача бордим.⁶⁶ Менга қарши бўлган Жўчи элу-улусини хароб қилиб, ўзимга тобеъ этдим. Бешинчи ва олтинчи иқлим⁶⁷ вилоятлари, улуслари ва қалъаларини забт этдим ва зафар қучиб ортимга қайтдим.

ҲИНДИСТОННИ ЗАБТ ЭТИШ УЧУН ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Даставвал, фарзандларим ва амирларимнинг кўнгли, ўй-фикрларини билиш учун уларга маслаҳат солдим.

Амирзода Пирмуҳаммад Жаҳонгир:⁶⁸ "Агар Ҳиндистонни олсак, унинг олтинлари билан бутун ер юзини эгаллаймиз", деди. Амирзода Муҳаммад Султон⁶⁹ эса: "Ҳиндистонни оламиз-у, бироқ [бунга] тўсиқлар бор; биринчиси — дарёлар, иккинчиси — ўрмону тўқайлар, учинчиси — тўлиқ қуролланган сипоҳийлар ва одамга ов

⁶⁶ Амир Темур билан Тўхтамишхон ўртасидаги бу уруш 1395 йил 17 апрелда Терек дарёси бўйидаги водийда бўлган ва Темурнинг ғалабаси билан якунланган. Шундан кейин Амир Темур Дашти Қипчоққа қарашли қатор вилоят ва шаҳарларни, Олтин Ўрда пойтахти Сарой Беркани эгаллаган.

⁶⁷ Мовароуннаҳр, Фарғона, Хоразм ва поёнсиз Дашти Қипчоқ ерлари.

⁶⁸ Пирмуҳаммад Жаҳонгир—(1376 — 1407) Амир Темурнинг набираси. Отаси Жаҳонгир вафотидан (1376) кейин унинг улуси (Кобул, Қандаҳор, Ғазни, Балх)ни идора қилган.

⁶⁹ Муҳаммад Султон — Темурнинг набираси Жаҳонгирнинг ўғли (1376—1403). Онаси Олтин Ўрда хони Ўзбекхоннинг (1312—1341) набираси Хонзода бегим бўлган. Амир Темур ўзига валиаҳд этиб тайинлаган. 1403 йили Қора шаҳар (Туркия)да касал бўлиб ўлган.

қилувчи филлари кўп", деди. Амирзода Султон Хусайн⁷⁰: "Агар Ҳиндистонни қўлга кирита олсак, тўрт иқлимга ҳукмрон бўлурмиз", деди. Амирзода Шоҳрух⁷¹ деди: "Мен турк қонунларида ўқиган эдимки, жаҳонда бешта шон-шавкатли подшоҳ бордир. Уларнинг улуғворлигини ҳурматлаб номларини атамай, лақаблари билан айтадилар: Ҳинд подшосини — рой, Рум подшосини — қайсар, Хитой ва Чину Мочин подшосини — фағфур, Туркистон ва Эрон подшосини — хоқон, Эрону Турон подшосини — шаҳаншоҳ дейдилар. Шаҳаншоҳ ҳукми ҳамиша Ҳиндистон мамлакатларида [ҳам] жорий этиларди. Ҳозир Турон ва Эрон бизнинг қўлимизда бўлгани учун, Ҳиндистонни ҳам фатҳ этмоғимиз лозимдир". Амирлар эса: "Боринги, Ҳиндистонни олдиқ ҳам дейлик. Бироқ у ерда турғун бўлиб қолсак, наслимиз йўқолади, авлодларимиз ўз аслидан ажраб, ҳатто тиллари ҳиндча бўлиб кетади", дейишди. Мен бўлсам, Ҳиндистонга юриш учун қиммат камарини белга боғлаганимдан ўз азму жазмимдан воз кечишни истамадим ва шундай жавоб қилдим: "Тангри таолога ўтинч билан мурожаат этайлик. Жанг қилиш ёки қилмаслик ҳақида Қуръондан фол очайлик, Тангри таолонини буюрса шунга амал қилгаймиз". Ҳаммалари менинг таклифимни маъқуллашди. Қуръони Мажиддан фол очсам, ушбу улуғ оят чиқди: "Эй пайғамбар, кофирларга ва мунофиқларга қарши жаҳд қилгил".⁷² Уламо мазкур оятнинг мазмунини амирларга тушунтириб бергандан кейин, бошларини эгиб, жим бўлиб қолдилар. Уларнинг хомушлигидан дилим ранжиди.

⁷⁰ Султон Хусайн — Амир Темурнинг қизи Ўға бегимдан бўлган набираси. 1406 йили Нуширвон барлос тарафидан Зубайда боғида қатл этилган.

⁷¹ Шоҳрух — Амир Темурнинг кенжа ўғли (1377—1447), Хуросон ноиб (1409—1447 й.).

⁷² Қуръон, Таҳрим сураси, 9-оят.

Ўз-ўзимга кенгашиб, Ҳиндистонни забт этишга розилик бермаётган амирларни мансабларидан олиб, қўшинларини кутволларига топширсаммикин, деб ўйладим. Лекин ўзим тарбиялаган кишилар бўлганликлари учун, уларни хароб қилипши истамадим. Гарчи юрагимни конга тўлдириб, эзсалар-да, уларга мулойимлик кўрсатдим. Охири фикримга қўшилганларида, кўнглимда уларга нисбатан губор қолмади. Сўнгра қайтадан кенгаш чақириб, бахтимиз уйи — Ҳиндистонга юзланиб зафару фатҳ дуосини ўқидим.

ҲИНДИСТОН ПОЙТАХТИ (ДЕҲЛИ)ГА ЛАШКАР ТОРТИШ БОРАСИДА ҚИЛИНГАН КЕНГАШ

Кобулда ўттиз минг жавонғор отлиқ аскари билан турган амирзода Пирмуҳаммад Жаҳонгирга Сулаймон тоғи орқали юриб, Синд дарёсидан ўтгач, Мўлтон вилояти устига тўсатдан босқин қилиб, уни забт этишни буюрдим. Султон Муҳаммадхон, амирзода Рустам⁷³ ва бошқа амирларга ўттиз минг баронғор отлиқ билан Синд дарёсидан кечиб ўтиб, Кашмир тоғ этагидаги йўлдан юриб, Лоҳур вилоятига ҳўққисдан босқин қилишни буюрдим. Ўзим ғулнинг⁷⁴ ўттиз икки минг отлиқ аскарлари билан бўлдим. Ҳиндистон юришига жамланган лашкарларимнинг умумий сони тўқсон икки минг отлиққа етган эди. Бу эса Аллоҳнинг ердаги элчиси Муҳаммад саллоллоҳу алайҳи васаллам исми шарифлари сонига тўғри келганлиги учун, бу тасодифни истикболнинг хайрли ва муборак фоллари сирасига киритдим.

⁷³ Амирзода Рустам (1381 — 1424) — Амирзода Умаршайхнинг ўғли. 1405— 1408 ва 1415 йиллари Исфохон ҳокими бўлган. 1424 йили ўша ерда (Исфаконда) вафот этган.

⁷⁴ Ғул (кўл) — қўшиннинг марказ қисми.

Отланиб йўлга тушдим ва Бадахшон чегарасидаги Андароб деган жойга келиб тушдим. [Бу ерда бир неча кун туриб] Катур⁷⁵ тоғида истиқомат қилиб турган кофирларни енгдим. Уларға жазо берганимдан сўнг, дор ул-харб⁷⁶ бўлмиш Ҳиндистон ғазоватига юзландим.⁷⁷

ҲИНДИСТОНГА ОЛИБ БОРАДИГАН ЙЎЛНИ АФҒОНЛАРДАН ТОЗАЛАШ УЧУН ҚИЛИНГАН КЕНГАШ

Шу орада менга арз қилдиларки, бир тўда афғонлар Ҳиндистонга олиб борадиган йўлга босқин қилиб, у ерда қарокчилик қилаётган эканлар. Хусусан, булардан Каркас қабиласининг бошчиси Мусо афғон ҳаддидан ошаётган экан. Менинг вафодор хизматкор ва тобеъларимдан бири бўлган Лашкаршоҳ афғонни Пирмуҳаммад Жаҳонгир Ироб қалъасини кўриқлашга қўйган эди, Мусо афғон мазкур қалъага от солиб, шиддат билан босиб олибди, Лашкаршоҳ афғонни ўлдириб, қалъадагиларнинг бор-йўғини талаб кетибди.

Шу пайтда [ҳузуримга] Лашкаршоҳнинг иниси Малик Муҳаммад дод-фарёд кўтариб келди. У оғасини ўлдирган Мусо афғоннинг жабру зулмидан шикоят қилди. Мен бўлсам [унинг сўзига қулоқ солмаган бўлиб], "Ҳой, инсон! Мусо афғон менга хайрхоҳлардан биридир", дедим ва уни қамаб қўйишларини буюрдим. Амирларим мени ноҳақ зулм ўтказди, деб айбладилар. Бироқ бунинг аксича,

⁷⁵ Катур — Ҳиндикушдаги тоғли вилоят, Кофиристон, Нуристон деб ҳам аталади.

⁷⁶ Дор ул-харб — арабча уруш уйи; ислом динини қабул қилмагани учун жиҳодга нишон бўлган мамлакат.

⁷⁷ Ҳиндистонга юриш 1398 йил апрель ойида бошланиб, 1399 йил апрель ойининг 27- сигача давом этган.

Мусо афгон бўлса, Малик Муҳаммаднинг ҳибсга олинганлиги ҳақидаги хабарни ва менинг айтган гапларимни эшитиб, кўнгли таскин топди. Шундан кейин, уни ҳузуримга келишини талаб қилиб ёзган ёрлиғимни олгач, ҳадиксирамасдан дарҳол етиб келиб, қалъани менга пешкаш қилди.

Мен у қалъани тамоша қилиш учун ичкарасига кирганимда, унинг (Мусо афгоннинг) сипоҳийларидан бири мени ўлдириш қасдида ўқ отди. Кейин Мусо афгон ўзига яраша жазосини топди. Ҳиндистон йўли очилди.

ДЕҲЛИ ҲОКИМИ СУЛТОН МАҲМУД ВА МАЛЛУХОНЛАРНИ ЕНГИШ БОБИДАГИ КЕНГАШ

Султон Маҳмуд⁷⁸ ва Маллухон⁷⁹ эллик минг отлик ва пиёда аскар, 120 занжирбанд филлар билан Деҳли қалъасини мустаҳкамладилар ва мен билан жанг қилишга шайландилар. Кўнглим гаш бўлди. Бордию Деҳли қалъасини босиб олишга борсам-у, мабодо бу иш узоқ муддатга чўзилиб кетса, [унда нима қиламан?]. Кенгашни шундан топдимки, ғаним лашкари дадилланиб, [қалъадан] чиқиб, саф тортиб жанг майдонига кириши учун, ўзимни кучсиз ва [кўркқандек] қилиб кўрсатмоқчи бўлдим. Шу сабабдан лашкардан узоқроқда хандақ қаздирдим. Лашкарим билан хандақ ичига яхшилаб жойлашганимдан кейин, лашкарларимнинг бир қисмини душманга қарши жангга ташладим. Душман қаршисига боргач, ўзларини кучсиз кўрсатиб, кўркқандай бўлиб чекинишларини ва

⁷⁸ Султон Маҳмудшоҳ — шимолий Ҳиндистонни 1320 — 1414 йилларда идора қилган Туғлуқийлар сулоласидан чиққан подшоҳ. Султон Носириддин Маҳмудшоҳ (1393 — 1413).

⁷⁹ Маллухон — Султон Носириддин Маҳмудшоҳ замонида амир ул-умаро ва Деҳли ҳокими.

ганимларни дадиллантириб келишни буюрдим. Душман лашкари бу ҳолни кўриб ўзларини ғалиб ҳисоблаб, гердайиб жанг майдонига чиққан эдиларки, [менинг] қаҳрли лашкарим билан юзма-юз келдилар. Деҳли ҳокими Султон Маҳмуд жангга киришди ва енгилиб тоғ тарафга қочди. Бекиёс хазина ва мол-мулки сипоҳийларимга насиб бўлди.

Бир йил ичида Ҳиндистон пойтахти Деҳлини забт этдим⁸⁰ ва мазкур йилнинг охирларида салтанатим пойтахти [Самарқанд]га қайтдим.⁸¹

ГУРЖИСТОН МАМЛАКАТИНИ ЭГАЛЛАШ УЧУН ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Ҳиндистондан зафар қозониб қайтганимдан кейин, ҳали сафар чарчоги чиқмай туриб, икки Ироқ ҳокимларидан менга арзнома келди. Ёзишларича, Гуржистон кофирлари ҳадларидан ошиб, чегарани бузган эмишлар.

Мен ҳамиша подшоҳлар учун кофирларга қарши ғазоват қилишдан, мамлакатларни забт этишдан ва жаҳонгирликдан яхшироқ иш йўқ, деган фикрда эдим. Гуржистон имонсизларининг туғён кўтаргани ҳақидаги хабар келиши биланоқ кенгаш ўтказиб, "ўша диёрдаги бошқа бузуқи одамларнинг ҳам бош кўтаришига йўл очилмасин", деб зудлик билан уларни даф қилишга тутиндим. Ҳинд юришидан келган сипоҳийларимга "хоҳловчилар шу ерда қолсин, хоҳловчилар мен билан борсин", деб ихтиёрни ўзларига бердим. Хуросон, Қандаҳор, Сеистон, Кермон, Табаристон, Гилон, Мозандарон ва Форс вилоятларидаги лашкарларимга жанг

⁸⁰ 1398 йил 18 декабрь.

⁸¹ 1399 йил 27 апрелда.

ҳозирлигини кўриб, Исфаҳон атрофига келиб, менинг зафарли лашкаримга қўшилсинлар, деб ёрлиғлар жўнатдим.

Ҳар бир мамлакатдаги итоатдан бўйин товлочиларни турли ерларга тарқатиб юборишни маслаҳат кўрдим. Чунончи, Хуросон ва Форсдаги бўйин товлочиларни Туронга кўчирдим ва бу мамлакатларнинг сатҳини уларнинг муҳолифлигидан тозаладим.

Сўнг Гуржистон вилояти қалъаларини забт этиш учун ўша мамлакат устига отландим⁸². Сипоҳийларнинг кўнглига нима ўтирса, шуни қилдим. Бошимга пўлат дубулға, эғнимга Довудий совут кийдим, белимга Миср қиличини боғлаб, баҳодирлигу кураш тахтига ўтирдим. Туронлик довюрак йигитларга, Хуросон паҳлавонларига, Гилон ва Мозандарон ботирларига кўркинч солдим ва Сивас⁸³ ҳамда Гуржистон қалъаларини фатҳ қилдим. Қалъадан туриб, [қаршилиқ кўрсатганларнинг] барчасини тағ-томири билан юлиб, қалъадан олган ўлжаларни ғолиб аскарларимга улашдим. Озарбайжонлик бузуқи, бевош кишиларни жазоладим.

Шундан кейин Малатия қалъаси ва унинг теварагидаги ерларни забт этишга киришдим. Ўша қалъаларни забт этишдан хотиржам бўлганимдан сўнг Ҳалаб⁸⁴ ва Хумис⁸⁵ни забт этишга ҳиммат камарини

⁸² Амир Темури Гуржистонга ҳаммаси бўлиб олти марта (1386-87, 1392, 1394, 1399, 1402 ва 1403 й.) юриш уюштирган. Ниҳоят, сўнгги юришида 1403 йилнинг декабрь ойида Гуржистон подшоҳи Гургенхон, яъни Георгий VII (1393 — 1407) Амир Темурига таслим бўлиб, сулҳ тузган.

⁸³ Сивас — Кичик Осиёнинг йирик қалъа-шаҳарларидан; қалъаси ўта мустаҳкам бўлган. Сулгония-Табриз-Қўниё йўли устида, Қизил Ирмоқ дарёси ҳавзасида жойлашган ўрта аср шаҳари (ҳозирги Туркияда).

⁸⁴ Ҳалаб — Шом (Сурия)нинг шимолида жойлашган қадимий шаҳар (милод. ав. 20-асрдан маълум), Алеппо номи билан машҳур.

боғладим ва бир оз ҳаракат билан бу мамлакатларни ҳам фатҳ этдим. Сўнг Миср ва Шом мамлакатларини забт этишга камар боғладим.⁸⁶

МИСР ВА ШОМНИ ФАТҲ ЭТИШ БОБИДА ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Менинг шон-шавкат ва қудратим овозаси Рум қайсарининг⁸⁷ қулоғига етди. У ўзига қарашли Сивас ҳамда Малатия қалъалари ва уларга тобе ерларни забт этганим, қалъалар ичидаги аскарларининг барисини тарқатиб, теварак-атрофга сочиб ташлаганим ҳақидаги хабарни эшитгач, томирларидаги ғайрат ҳаракатга келди ва лашкарим зарбасидан қочиб, қайсар қошида паноҳ топган Қора Юсуф туркман⁸⁸ иғвоси билан устимга лашкар тортишга қарор қилди.

Қайсар балога йўлиқиб, давлати вайрон бўлиши яқинлашиб қолган эди, чунки у Қора Юсуфнинг иғвосига учиб, менга қарши лашкар тортган эди. [Қолаверса] Миср

⁸⁵ Хумис (ҳозирги Хомс (Сурия) қадимда Эмесса) — Оси (Орионт) дарёси бўйида жойлашган.

⁸⁶ Миср ва Шом забтига Темур етти йиллик (1399—1404) юриш вақтида, аниқроғи 1401 йили киришган.

⁸⁷ Бу ерда Усмонлилар империяси султони Йилдирим Боязид I (1389 — 1402) назарда тутилади (1403 йилнинг 8-мартида Оқшаҳарда вафот этган).

⁸⁸ Қора Юсуф туркман — 1380 — 1468 йиллари Ироқ ва Озарбайжон устидан ҳукм юритган Қора-қуюнлилар сулоласидан чиққан олий ҳукмдор (1388 — 1420). 1388-89 й. Арманистон, Ироқ ва Жанубий Озарбайжон сарҳадларида Амир Темур лашкари билан жанглар қилган. У Султон Аҳмад жалоир билан иттифокдош бўлган. Лекин ҳар иккалалари ҳам енгилиб, Султон Боязид Йилдиримнинг қаноти остига қочиб борганлар. Табризга факат 1406 й. Темур вафотидан кейин қайтган.

ва Шом кўшинларини ҳам ёрдамга чакирган эди. Мен кенгашиб лашкаримни уч қисмга ажратсам яхши бўлар, дедим. Бироқ жангда энгиш-енгилиш иши тақдир пардаси остида яширинлиги боис бу тўғрида амирларим билан кенгаш ўтказдим. Улар сипоҳийларга хос ишни тутиб, уруш очмокни маслаҳат бердилар.

[Шундай бўлса] ҳам мен қайсарнинг [ғайрат] ўтини аччиқ-чучук гап билан сўндирмокни маслаҳат кўрдим ва қайсарга мактуб йўлладим. Хатнинг қисқача мазмуни шундай эди: "Еру кўкни яратган Тангри таолога чексиз шукрлар бўлсинким, етти иқлим мамлакатларининг кўпини менинг фармонимга киргизди ва олам султонлари ва ҳокимлари менга эгилиб, итоат қилиш ҳалқасини жон кулоқларига тақдилар. Ўз қадрини билиб, ҳаддидан ошмай жасорат оёқларини тийган бандасини Тангри ёрлақасин! Сенинг наслу насабинг ким эканлиги жаҳон халқи олдида маълумдир. Шундай экан, ҳолингга муносиб иш тутиб, журъат оёгини олдинга қўймаки, ранжу меҳнат балчиғига ботиб, бало чуқурига йиқилгайсан. Иқбол эшигидан ҳайдалган бир тўда иғвогар кишилар ғаразли ишларини бажариш учун сенинг паноҳингдан жой олиб, ухлаб ётган фитнани уйғотмишлар. Яна ўшаларнинг иғвоси билан офат ва бало эшигини давлатинг юзига очмагил. [Дарҳол] Қора Юсуфни менинг олдимга юборгил. Йўқ эса тақдир пардаси икки лашкар сафлари тўқнашганда юзингга очилғусидир".⁸⁹

Мактубни танилган элчиларим билан қайсарга юборганимдан кейин Шом пойтахти (Димишк)га бориб туришга қарор қилдим. Хумис ва Ҳалаб йўли орқали у ерга равона бўлдим. Ҳалаб шаҳарига етганимда Миср подшоси

⁸⁹ Лекин Боязид Йилдирим Амир Темурнинг талабини инобатга олмаган, аксинча унга ҳақоратомиз жавоб мактуби йўллаган.

Малик Барқуқ ўғли Малик Фараж⁹⁰ менинг Димишққа келаётганимни эшитиб, шошилишч равишда Мисрдан Димишққа қараб йўл олгани ҳақида хабар келтирдилар. Мен Миср ва Шом лашкарларининг қўшилишига йўл қўймаслик учун зудлик билан отланиб, олдинга юрдим. Лекин Малик Фараж абжирлик қилиб, мендан олдин Димишққа етиб олди. [Шундай бўлса ҳам] мен унинг орқасидан шаҳарга етиб бордим ва Димишқни забт этдим.⁹¹

РУМ МАМЛАКАТИНИ ЗАБТ ЭТИБ, КАЙСАР ЛАШКАРИНИ СИНДИРИШ БОБИДА ҚИЛГАН КЕНГАШИМ

Шом шаҳарларини забт этганимдан кейин ва Мисру Шом подшоси Малик Фараж жанг майдонини ташлаб қочгандан сўнг, Румга юборган элчим Йилдирим Боязиднинг тескари жавобини⁹² олиб келди. Лекин [Боязид] Миср ва Шом лашкари мендан енгилганини эшитгач, ўйланиб қолганини, саросимага тушиб, шошилишч равишда юришга тайёргарлик кўра бошлаганини ҳам айтди. Мен эса кенгашиб Димишқ шаҳрини олиб, Шом вилоятларини бўйсундиргач, Мўсул⁹³ йўли билан Бағдодга

⁹⁰ Малик Барқуқ Ибн Малик Фараж — 1382 — 1517 йилларда Миср билан Шомда ҳукмронлик қилган Буржийлар сулоласидан чиққан олий ҳукмдор (1399—1405). Шарқдаги Темурга қарши кучлар, Тўхтамиш, Қора-қуюнли туркманлари, Султон Аҳмад жалоир ва Рум султонлари билан иттифоқдош бўлган.

⁹¹ 1401 йил 11-январь.

⁹² Ибн Арабшоҳнинг сўзларига қараганда, Боязид I Йилдирим ўзининг жавоб хатида Амир Темурдан орани очик қилиб олиш учун ҳузурига келишни талаб қилган. Акс ҳолда "хотинларинг талоқ би-с-салоса" (уч талох) бўлсин", деб уни қаттиқ ҳақорат қилган.

⁹³ Мўсул — Араб Ироқининг катта шаҳарларидан.

караб юрдим. Бу билан қайсарнинг мен билан уруш қилиш нияти бор-йўқлигини билиб олмоқчи бўлдим.

Табриз тарафга караб юрдим. Амирзодалардан баъзиларига кўп сонли лашкар қисмларини қўшиб, Бағдод устига жўнатдим. Бу вақтда Бағдод ҳокими Султон Аҳмад Жалойир шаҳарни ва унинг қалъасини қўриклашни навқари Фаррухга топшириб, ёнига кўп одамларни қўшиб берганди. Амирзодалар Бағдодга етиб, шаҳарни қуршаб олдилар. Иш уруш қилишга бориб тақалгач, [чопар орқали] бор ҳақиқатни менга арз қилдилар. [Бу хабарни] эшитиб ўзим Бағдодга бориб, шаҳар ва қалъани озод этишга қарор бердим. Табриз йўлидан орқага қайтиб, юриш билан Бағдодга келдим ва эҳтиёткорлик билан ҳарбий хийлалар ишлатиб, қалъани қўлга олишга киришдим. Қамал муддати икки ойу ва яна бир неча кунга чўзилгандан кейингина қалъа билан шаҳар ишғол этилиб, ғалаба қозонилди.⁹⁴ Қалъа бошлиғи Фаррух Дажла дарёсида ғарқ бўлди. Мен шаҳарга кирдим ва барча бебош, бузуқи кишиларни ўлдиришни, қалъа ва шаҳар иморатларини бузиб, ер билан баробар қилишни буюрдим.

Бағдоддан кейин Озарбайжонга келдим ва ўша ерда бир канча вақт туриб қолдим. Шу аснода қайсар Ҳалаб, Хумис ва Диёрбакр вилоятларига лашкар қисмларини юборгани ва мендан қочиб қайсар паноҳига кирган Қора Юсуф туркман эса қароқчилар бошлиғига айланиб, айникса икки муқаддас шаҳар⁹⁵ зиёратига қатновчиларнинг қарвонларига кўп зарар келтираётганлиги хабари қулоққа эшитилди. Бунинг устига ўша тарафлардан бир жамоат кишилар келиб, улар ҳам Қора Юсуфнинг жабр-зулмидан арз қилдилар. Шунинг учун Қора Юсуфнинг

⁹⁴ 1401 йил 20 июнь.

⁹⁵ Маккайи Муқаррама ва Мадинайи Мунавварага берилган фахрий ном.

жазосини бериб, қайсарнинг кўзини ғафлат уйкусидан очиб қўйишим лозим кўринди. Бу хусусда маслаҳатни шундан топдимки, ҳар бир шаҳар ва қабиладан лашкар тўплаб, қайсарнинг устига ёпирилиб боргайман. Лашкарлар жам бўлгандан кейин ҳижрий 804 йилининг ражаб ойида Озарбайжондан чиқиб, қайсарларга қарши жанг қилиш учун йўлга тушдим.

Ўзимдан илгари лашкаримдан бир неча қисмини Рум мамлакати устига тўсатдан босқин қилишга тайин этдим. Яна бир неча қисмга эса йўлимиздаги тўхташ манзилларини кўздан кечириб, емиш ва ичмишни ҳозирлаб туришни буюрдим. Ўзим Ангурия⁹⁶ йўли билан юриш қилдим. Қайсар тўрт юз минг отлиқ ва пиёда аскар билан менга қарши юзланди. Урушни бошладим ва уни енгдим⁹⁷. Қайсарни лашкарбошиларимдан бири қўлга тушириб, ҳузуримга келтирди.

Етти йиллик юришдан сўнг зафар ва нусрат билан Самарқандга қайтдим.⁹⁸

Амир Темур
Тузуқлар
ИККИНЧИ МАҚОЛА

Мамлакатларни фатҳ этгувчи бахтли фарзандларим ва жаҳонни идора этгувчи қудратли набираларимга маълум бўлсинким, Тангри таоло даргоҳидан умидим шулки, кўплаб фарзандларим, авлодим ва зурриётим салтанат тахтига ўтириб, мамлакатларни идора этгай. Шунинг учун салтанат куриш, давлат тутиш бобида ўзим қўллаган

⁹⁶ Ангурия — ҳозирги Анкара шаҳрининг ўрта асрлардаги номи.

⁹⁷ 1402 йил 20 июлда.

⁹⁸ 1404 йил август ойида.

ишларни бир неча тузукка боғладим⁹⁹ ва салтанатни бошқариш ҳақида қўлланма ёзиб қолдирдим, токи фарзандларим, авлодим ва зурриётимдан бўлганларнинг ҳар бири унга мувофиқ иш юритсин; меҳнату машаққатлар, қўп ҳарбий юришлар, уруш-талошлар билан, Тангрининг инояти ва ҳазрати Муҳаммаднинг, унга Тангрининг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, толеи баланд миллатининг шарофати, онҳазратнинг улуғвор авлоди ва ҳимматли саҳобаларига қилган муҳаббат ва дўстлигим орқали қўлга киритган давлат ва салтанатни сақлағайлар.

Бу тузуқлардан салтанат ишларини бошқаришда қўлланма сифатида фойдалангайлар, токи мендан уларга етадиган давлат ва салтанат зарару таназзулдан омон бўлгай.

Энди менинг номдор, бахтиёр фарзандларим ва мамлакатларни забт этгувчи иқтидорли набираларимга йўл-йўриғим шулки, мен ўн икки нарсани ўзимга шиор қилиб олиб, салтанат мартабасига эришдим. Шу ўн икки нарса ёрдамида мамлакатларни забт этиб, салтанатимни бошқардим ва салтанат тахтига зебу зийнат бердим. Улар ҳам ушбу тузуқларга амал қилсинлар. Менинг ва ўзларининг давлату салтанатларини эҳтиёт қилсинлар.

Биринчиси — давлат ва салтанатимга боғлаган менинг биринчи тузугим шулким, Тангри таолонинг дини ва Муҳаммад мустафонинг шариатига дунёда ривож бердим. Ҳар ерда ва ҳар вақт ислом динини қувватладим.

Иккинчиси шулким, ўн икки табақа ва тоифадаги кишилар билан мамлакатларни забт этдим, уларни идора қилдим. Давлат, салтанат устунларини ўшалар билан қувватлаб, мажлисларимни шулар билан зийнатладим.

⁹⁹ Тузук — конун; турк-мўғул халқлари орасида амалда бўлган конун-қоидалар

Учинчиси шулки, маслаҳат, кенгаш, тадбиркорлик, фаоллик ва хушёрлик, эҳтиёткорлик билан ғаним қўшинларини енгиб, мамлакатларни ўзимга бўйсундирдим. Салтанатим ишларини муроёю мадора, мурувват, сабр-тоқат билан юргиздим. Кўп нарсани билиб турсам ҳам ўзимни билмасликка солдим, дўсту душман билан муроёю мадора қилдим.

Тўртинчиси — давлат ишларини салтанат қонун-қоидаларига асосланган ҳолда бошқардим. Тўра ва тузукка таяниб, салтанатда ўз мартаба ва мақомимни мустаҳкам сақлаб турдим. Амирлар, вазирлар, сипоҳ, раият, ҳар бири ўз лавозим ва мартабасидан мамнун ҳолда хизматимда бўлиб, ундан ортиғига даъвогарлик қила олмади.

Бешинчиси — амирларим ва сипоҳийларимни мартаба ва унвонлар, олтин-кумуш билан хушнуд этдим. Базмларда уларга [ўз ёнимдан] ўрин бердим, шунинг учун жангларда жонларини фидо қилдилар. Дирҳам ва динорларни улардан дариғ тутмадим. Уларнинг юмушларини енгиллаштириш учун меҳнату машақатларини ўзимга олдим ва уларни тарбият қилдим. Амирлар, сипоҳсолорлар, баҳодирлар билан иттифок бўлиб, уларнинг мардлигу мардонаворлигига таяниб, шамшир зарби билан йигирма етти подшоҳнинг тахтини эгалладим. Турон, Эрон, Рум, Мағриб, Шом, Миср, икки Ирок, Мозандарон, Гилон, Ширвон, Озарбайжон, Форс, Хуросон, Жете Дашти, Қипчоқ Дашти, Хоразм, Хўтан, Кобулистон, Бохтарзамин, Ҳиндистонга подшоҳ бўлиб, ҳукм сурдим.

Салтанат тўнини кийгач, ўз тўшагимда роҳатда ухлаш хузури-ҳаловатидан воз кечдим. Ўн икки ёшимдан турли диёрларни кездим, ранжу меҳнат тортдим. Ҳар хил тадбирлар қўладим, [ғаним] қисмларини синдирдим. Амирлар ва сипоҳийларнинг исёнларини кўрдим, улардан аччиқ сўзлар эшитдим. Лекин сабру бардош билан ўзимни

эшитмаган-кўрмаганга солиб, уларни тинчитдим. Қилич кўтариб жанг майдонига отилдим ва шу тарика дунёда ном чиқардим.

Олтинчиси — адолат ва инсоф билан Тангрининг яратган бандаларини ўзимдан рози этдим. Гуноҳкорга ҳам, бегуноҳга ҳам раҳм-шафқат билан, ҳаққоният юзасидан ҳукм чиқардим. Хайр-эхсон ишларим билан одамларнинг кўнглидан жой олдим, сиёсат ва инсоф билан сипоҳийларим ва раиятни умид ва қўрқинч орасида тутдим. Фуқаро ва қўл остимдагиларга раҳмдиллик қилдим, сипоҳийларга инъомлар улашдим.

Золимга қарши мазлум додига етдим. Золим етказган моддий ва жисмоний зарарларни исботлаганимдан кейин, уни шариатга мувофиқ одамлар ўртасида муҳокама қилдим ва бир гуноҳкорнинг ўрнига бошқасига жабр-зулм ўтказмадим.

Менга ёмонликлар қилиб, бошим узра шамшир кўтариб, ишимга кўп зиён етказганларни ҳам илтижо билан тавба-тазарруъ қилиб келгач, ҳурматлаб, ёмон қилмишларини хотирамдаи ўчирдим. Мартабаларини оширдим. Улар билан муомалада шундай йўл тутдимки, агар хотираларида менга нисбатан шубҳаю қўрқув бўлса, бутунлай унутишар эди.

Еттинчиси — саййидлар, уламо, машойих, оқилу донолар, муҳаддислар, тарихчиларни сара, эътиборли одамлар ҳисоблаб, иззату ҳурматларини ўрнига қўйдим. Шижоатли кишиларни дўст тутдим, чунки Тангри таоло жасур кишиларни ардоқлайди. Уламо билан суҳбатда бўлдим ва пок ниятли, тоза қалбли кишиларга талпиндим, уларнинг ҳимматларидан улуш тилаб, муборак нафаслари билан дуо-фотиҳа беришларини илтимос қилдим. Дарвиш, фақир ва мискинларни ўзимга яқин тутдим, уларнинг кўнгилларини оғритмадим ва бирон талабларини рад

этмадим. Бузуки ва оғзи шалоқ, ғийбатчи одамларни мажлисимга йўлатмадим, сўзларига амал қилмадим. Бирор кимсага туҳмату ғийбат қилсалар, кулоқ солмадим.

Саккизинчи — азму жазм билан иш тутдим. Бирор ишни бажаришни ўйласам бутун зехним, вужудим билан боғланиб, битирмагунимча ундан кўлимни тортмадим. Ҳар неки десам, унга ўзим амал қилдим. Ҳеч кимга ғазаб билан қаттиқ муомалада бўлмадим ва ҳеч бир пайтда танглик қилмадим, токи Тангри таолонинг ғазабига дучор бўлмайин ва ишимни бузиб, ҳолимни танг этмасин деб. Одам Отадан бошлаб Муҳаммад пайғамбаргача, улардан то ҳозирги дамгача ўтган султонларнинг қонунларини ва туриш-турмушларини донолардан сўраб-суриштирдим. Ҳар қайсиларининг йўл-йўриқлари, туриш-турмушлари, қилиш-қилмишлари, айтган гапларини хотиримда сақладим ва яхши ахлоқлари, маъқул сифатларидан ўрнак олиб, унга амал қилдим. Давлатларининг таназзулға учраши сабабларини суриштирдим ва давлату салтанат заволига сабаб бўлувчи ишлардан сақландим, аслини бузувчи, очарчилик ва вабо касали келтирувчи зулм ва бузуқчиликдан сақланишни ўзимга лозим билдим.

Тўккизинчиси — раият аҳволидан огоҳ бўлдим, улуғларини оға қаторида, кичикларини фарзанд ўрнида кўрдим. Ҳар ернинг табиати, ҳар эл ва шаҳарнинг расму одатлари, мизожидан воқиф бўлиб турдим. Ҳар бир ўлка ва шаҳар аҳолисининг улуғлари билан дўст тутиндим. Уларнинг мизожларига, табиатига тўғри келган, ўзлари тилаган одамларни уларга ҳоким қилиб тайинладим. Ҳар бир диёр аҳолисининг аҳволидан огоҳ бўлиб турдим. Ҳар бир мамлакатнинг аҳволини, сипоҳу раият кайфиятини, туриш-турмушини, қилиш-қилмишларини, ўрталаридаги алоқаларни хатга битиб, менга билдириб туришлари учун диёнатли, тўғри ёзувчи кишиларни белгиладим. Бордию

эгри ёзганлари менга билдирилса, уларни жазоладим. Ҳокимлару сипоҳдан қай бирининг халққа жабр-зулм еткизганини эшитсам, уларга нисбатан дарҳол адолату инсоф юзасидан чора кўрдим.

Ўнинчидан — турку тожик, арабу ажамиинг турли тоифа ва қабилаларидан бўлган ва хизматимга кирган кишиларнинг улуғларига иззат-ҳурмат кўрсатдим, қолганларини ҳам ўз ҳолига яраша сийладим. Яхшиларига яхшилик қилдим, ёмонларини эса ўз ёмонликларига топширдим.

Ким менга дўстлик қилса кадрладим, унутмадим ва унга мурувват, эҳсон, иззату икром кўрсатдим. Кимки менинг хизматимни қилса, хизмати ҳақини адо этдим. Кимки менга душманлик қилса-ю, кейин пушаймон бўлиб, илтижо билан ҳимоя истаб, тиз чўкиб ҳузуримга келса, душманлигини унутиб, мурувват ва дўстлик кўрсатдим. Чунончи, улус амири Шер Баҳром аввал менга ҳамроҳ эди, бошимга иш тушганда мени ташлаб кетди ва душманларимга қўшилди, менга қарши қилич кўтарди. Охири берган тузим ҳақи тиз уриб, яна илтижо қилиб келди. Асл эр-йигит экани ва жангу-жадал билан суяги қотган мардлардан бўлганлиги сабабли ёмон ишларининг ҳаммасидан кўз юмдим. Ҳузуримга келгач, ўзини ҳурматлаб, мартабасини оширдим. Уни марду мардоналиги учун кечирдим.

Ўн биринчиси — фарзандлар, қариндошлар, ёру биродар, қўшнилар ва мен билан бир вақтлар дўстлик қилган барча одамларни давлату неъмат мартабасига эришганимда унутмадим, [молу мулк ва нақд пул билан] ҳақларини адо этдим. Ўз фарзандларим, қавму қариндошларимдан қариндошлик меҳрини узмадим. Улардан нораво иш ўтган бўлса, дарҳол [қўл-оёғини] боғлаб, ўлдиришга буюрмадим. Ҳар кимни [туриш-турмушнинг пасту баланд-

ларида] турли йўллар билан синаб билиб олдим ва уларга шунга яраша муомала қилдим. Ҳаётнинг кўп иссиқ-совуғини кўриб, улардан сабоқ олиб, тажрибамни оширдим. Шунинг учун дўсту душман билан келишиб яшадим.

Ўн иккинчиси — дўст-душманлигига қарамай, ҳар жойда сипоҳийларни ҳурмат қилдим, чунки улар боқий мато бўлган жонларини фоний дунё моли учун сотадилар. Ўзларини маърака-майдонга, ҳалокатга отиб, жонларини қурбон қиладилар.

Агар ғаним сипоҳидан бирор кимса ўз валинеъматиға сидқидилдан хизмат қилиб, уруш кунларида менга қарши қилич кўтарган бўлса ҳам, ундай одамга нисбатан лутф-марҳаматлар кўрсатдим. Қошимга [паноҳ истаб] келганда, уни қадрлаб, ишончини қозондим, вафодорлиги ва ҳақиқат билан хизмат қилишига ишондим.

Қайси бир сипоҳий туз ҳақи ва вафодорликни унутиб, хизмат вақтида ўз эгасидан юз ўгириб, менинг олдимга келган бўлса, ундай одамни ўзимга энг ёмон душман деб билдим. Чунончи, Тўхтамишхон билан бўлган урушда унинг амирлари менга хабарлар ва шикоятлар ёзиб, ўз ҳукмдори, яъни менинг душманим бўлмиш Тўхтамишхон берган туз ҳақини унутдилар. Вафодорлик ва ҳақиқатни бир чеккага йиғиштириб қўйиб, менинг ҳузуримга паноҳ истаб келганлари учун уларни лаънатладим, ўзимча, "булар ўз соҳибига вафо қилмагач, менга қилармиди", деб ўйладим.

Яна тажрибамда кўриб билдимки, давлат агар дину тартиб асосида қурилмас экан, тўра-тузукка боғланмас экан, ундай салтанатнинг шукухи, қудрати ва тартиби йўқолади. Бундай салтанат яланғоч одамга ўхшайдирким, уни кўрган ҳар кимса [ундан] нигоҳини олиб қочади. Ёхуд ҳар хил қаланғи-қасанғи одамлар тап тортмай кириб-

чиқадиған томсиз, эшиги-тўсиғи йўқ уйға ўхшаб қолади.

Шунинг учун ҳам мен ўз салтанатим биносини ислом дини, тўра ва тузук асосида мустаҳкамладим. Салтанатни бошқаришимда учраган ҳар қандай воқеа ва ишни тўра ва тузук асосида адо этдим.

Дилимнинг машриқидан кўтарилган биринчи тузук шундан иборат бўлдики, ислом динини ёйиб, Муҳаммад, унга Тангрининг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, шариатини қувватладим. Жаҳоннинг турли мамлакатлари, катта ва кичик шаҳарларида ислом динини ва одамларнинг энг хайрлиси¹⁰⁰ нинг тўғри йўлларини тарғиб этдим. Ўз салтанатимни шариат билан безадим.

Равшан динга ривож беришда қўллаган биринчи тузугим шу бўлдики, саййидлар орасидан лаёқатли бит-тасини аҳли исломга бошлиқ — садр этиб тайинладим. Тамом вақф¹⁰¹ ларни бошқариш ва назорат қилиш учун мутаваллий танлашни, ҳар бир шаҳар ва вилоятда қози, муфтий, мухтасиб тайинлашни унинг ўзига ҳавола қилдим. У саййидлар, уламо, шайхлар ва бошқа арбобларга лойиқ суюрғол¹⁰² белгилаб, ҳар бирининг вазифасини тайин қилсин, дедим.

Лашкар учун махсус қози ва раият учун алоҳида қози тайинладим; ҳар мамлакатга шайх ул ислом юбордимки, токи мусулмонларни гуноҳ ишлардан қайтариб, уларни яхши ва савоб ишларга ундасин. Ноибларимга ҳар бир шаҳарда масжидлар, мадрасалар, хонақоҳлар қуришни, йўловчи мусофирлар учун йўл устига работлар солишни, дарёлар устига кўприклар қуришни буюрдим.

¹⁰⁰ Ҳазрати Муҳаммаднинг сифатларидан.

¹⁰¹ Вақф — подшоҳ ёки бой-бадавлат кишилар тарафидан масжидлар, хонақоҳлар, мазорларга ёки айрим йирик дину тариқат арбобларига, уларнинг маоши учун берилган ер-сув, мол-мулк.

¹⁰² Суюрғол — инъом, совға (ер, мол-мулк).

Мусулмонларга диний масалалардан таълим бериб, шариат ақидалари ва ислом дини илмларидан тафсир, ҳадис, фикҳдан дарс берсинлар деб, ҳар бир шаҳарга олимлар ва мударрислар тайин қилдим.

Турли мамлакатлардаги садрлар ва қозиларга шариатнинг асосий талаблари қандай бажарилаётганлиги хусусида менга хабар қилиб туришни буюрдим. Шунга ўхшаш ҳар эл ва ҳар шаҳарда сипоҳ ва раият орасида урф-одатларга оид жанжалли ишлар ҳақида менга маълумот бериб турсин, деб адолат амирини тайинладим.

Шу тариқа ислом динини ривожлантириб, шариатни мусулмон мамлакатларига ёйдим. Ислом динини ёйиб, унга раванқ берганим ҳақидаги овоза каттаю кичик аҳли мўминнинг қулоғига етгандан кейин, ислом олимлари: "Тангри таоло ҳар юз йилда Муҳаммад, унга тангрининг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, динига ривож бериш ва [уни] янгилаш учун бир кишини ислом динининг ёйувчиси ва янгилувчиси сифатида ихтиёр этади. Бу саккизинчи юз йиллик¹⁰³ да Амир соҳибқирон¹⁰⁴ ислом динини жаҳон аҳлига таркатди. Шунинг учун бу юз йилликда Муҳаммад динининг янгилувчиси шу киши бўлғай", деб фатво бердилар.

Замон уламосининг улуғи бўлмиш Мир Саййид Шариф¹⁰⁵ бу хусусда менга мактуб йўллаб ёзган эдиларки,

¹⁰³ Саккизинчи юз йиллик — хижрий ҳисоб; милодий XIV аср.

¹⁰⁴ Соҳибқирон — Зухро ва Муштарийнинг бир-бирига яқинлашган ҳолати "Қирон буржи" деб аталади. Амир Темур Зухро (Венера) ва Муштарий (Юпитер) бир-бири билан яқинлашганда туғилган. Эътиқодга қўра бундай бола келажақда тож-салтанат ва бахту иқбол эгаси бўлади. Шундай фахрий номга Чингизхон (1155—1227) ва Шайбоний Абдуллоҳон II (1583 — 1598) ҳам сазовор бўлишган.

¹⁰⁵ Мир Саййид Шариф Журжоний (1330—1414) — журжонлик машҳур файласуф олим. 1387 йили Амир Темур уни Самарқандга олиб келган ва у улуғ амирнинг "Дор уш шифо"сида дарс берган.

илгариги ва кейинги авлод ислом олимларининг барчаси бир оғиздан иттифоқ бўлиб деганларки, Аллоҳи таоло, ҳазрати рисолатпаноҳ Пайғамбаримиз, унга Тангрининг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, унинг динини тарқатиш учун ҳар юз йилда бир кишини динни янгиловчи сифатида ихтиёр этади. Саккизинчи юз йилликнинг бошида Амир соҳибқирон дини мўбинни ривожлантирди ва ҳар томонга ёйди. Дини ислом оламнинг турли ўлкалари ва шаҳарларида равнак топди. Ҳакли равишда [бу асрда] диннинг тарқатувчиси Амир соҳибқиронлиги тасдиқланди. Ушбу мактубнинг нусхаси будир: "Ё, Аллоҳ! Кимки Муҳаммад динини қўллаб-қувватласа, Сен ҳам уни қўллагил, кимки Муҳаммад динини хор қилса, Сен ҳам уни хор қилгил".

Рисолатпаноҳ пайғамбаримиз ҳижрат этганларига ҳам саккиз юз йилдан ошди. Ҳар юз йил бошида Аллоҳи таоло ва тақаддус ўз элчиси ва ҳабиби Муҳаммад динини унинг умматига тарқатувчи ва янгиловчини ихтиёр қилади. Аллоҳга ҳамду санолар бўлсинки, саккизинчи юз йиллик бошида Аллоҳи таоло Амир соҳибқиронни ислом динининг янгиловчиси ва ривожлантирувчиси сифатида ихтиёр қилди ва у турли ўлкалар ҳамда мамлакатларда халққа Муҳаммад динини қабул қилдирди. Илк ислом олимлари динни янгиловчилар аҳволини ўрганиб, ўз китобларида бу ҳақда маълумот берганлар. Бу янгиловчилар қуйидагилардир:

Ҳижратдан кейинги биринчи юз йилликда динни янгиловчи киши Умар ибн Абдулазиз¹⁰⁶ эдилар. У хорижийлар¹⁰⁷га Муҳаммад динини қабул қилдирди. Илк

¹⁰⁶ Умар Ибн Абдулазиз — умавия сулоласи (661 — 750) га мансуб саккизинчи халифа (712 — 720).

¹⁰⁷ Хорижийлар (ажралиб чиққанлар; исёнчилар) — VII асрнинг иккинчи ярмида пайдо бўлган исломдаги ғоявий-сиёсий оқим.

ислом олимлари динни янгиловчилар аҳволини ўрганиб, ўз китобларида бу минбардан туриб ҳазрати Алига таъна қилишиб, лаънатлар ёғдиришиб, ислом динини заифлаштирганда, бу [низони] бартараф этди. Ўша вақтда ислом аҳли иттифоқи бузилиб, кина-ю адоват пайдо бўлган эди; бир тоифа одамлар тўғри йўлдан борган халифаларни лаънатлаб, уларга таънаю дашном ёғдирдилар; бошқа бирлари эса мўминлар амири ҳазрати Али [бошлик] имом Хусайн¹⁰⁸ ва ҳазрати Аббос¹⁰⁹ни лаънатлар эдилар. Бу икки гуруҳ ўзаро адоватда бўлиб, ўта мутаассиб эдилар. Умар ибн Абдулазиз бу низоларни бартараф қилиб, ислом динини янгиллади.

Иккинчи юз йилликнинг бошида келган дин янгиловчиси халифа Маъмун ибн Хорун ар-Рашид¹¹⁰ эди. У ислом динида пайдо бўлган етмиш икки турли ботил¹¹¹ мазҳабларни йўқотиб, ҳақ мазҳаби — аҳли сунна ва жамоани ривожлантирди. Али ибн Мусо Жаъфар¹¹²ни, ундан Аллоҳ рози бўлсин, Хуросондан олиб келиб, уни ўзига валиаҳд деб эълон қилди. Унинг изни ва маслаҳати билан мамлакатда ҳукмронлик қилди.

Учинчи юз йиллик бошида дини Муҳаммадийни янгиловчиси халифа Муктадир биллоҳ Аббосий¹¹³ эди.

¹⁰⁸ Имом Хусайн — халифа Алининг ўғли (626 — 680). Куфада халифа Язид (680 — 683) аскарлари билан бўлган урушда 680 йил 10 октябрь куни ўлдирилган.

¹⁰⁹ Ҳазрати Аббос — Муҳаммад пайғамбарнинг амакиваччаси Абулаббос ас-Саффоҳ, аббосийлар сулоласининг асосчиси (749 — 754).

¹¹⁰ Маъмун Ибн Хорун ар-Рашид — машҳур халифа Хорун ар-Рашид (786 — 809)нинг ўғли ва тахт вориси (813 — 833).

¹¹¹ Ботил — бекор қилинган, бузук;

¹¹² Али Ибн Мусо Жаъфар (765 ёки 770 — 818) — шиаларнинг саккизинчи имоми.

¹¹³ Муктадир Биллоҳ — аббосийлар хонадонига мансуб ўн тўққизинчи халифа (908 — 932).

Абу Тохир бошчилигидаги карматлар¹¹⁴ Маккаи муаззамани босиб олиб, арафа куни ҳажга борганлардан ўттиз мингтасининг жонига қасд қилдилар ва уларни шаҳид этдилар. Муқаддас қора тошни Катба деворидан суғуриб олдилар. Ислом мамлакатларини вайрон этиб [халқни] қатлиом ва талон-торож қилдилар. Шу сабабдан ислом дини заифлашиб қолди. Муқтадир биллоҳ устига лашкар тортиб, уларни улоқтириб ташлади [ва фитнани бостирди]. Бу билан ислом дини ва шариатиға ривож берди.

Тўртинчи юз йилликнинг бошида Муҳаммад динини ривожлантирган киши Иззуддавла Дайлабий¹¹⁵ эди. Шу даврнинг халифаси аббосий Мутиъ амриллоҳ¹¹⁶ ҳукмронлиги вақтида бўлган фиска-фужурлар ва унга тобе кишиларнинг зулми орқасида ислом дини заифлашган ва ислом мамлакатларида турли-туман фиска-фасод кўпайган эди. Иззуддавла бу халифани тахтдан йикитиб, ўрнига ўғли Тоиъ Биллоҳ¹¹⁷ни валиаҳд қилди. Иззуддавла шахсан ўзи бу динни тарқатиш ва тозалашда, бидъатни йўқотишда, ношаръий ишларни бартараф этишда, жабр-зулмини тугатишда мутасадди бўлди. Муҳаммад диниға ривож берди.

Бешинчи юз йиллик бошида дину шариатни ривожлантирган одам Султон Санжар ибн Султон Маликшоҳ¹¹⁸ эди. Шайх Аҳмад Жом¹¹⁹ ва ҳаким Санойй¹²⁰

¹¹⁴ Карматлар—исмоилийлар мазҳаби шахобчаларидан бирининг тарафдорлари, IX асрда Месопотамиянинг жанубида пайдо бўлган.

¹¹⁵ Иззуддавла Дайлабий— бувайхийлар сулоласидан (932—1062) чиққан ва Ироқда ҳукмронлик қилган подшоҳ (967 — 978).

¹¹⁶ Халифа Мутиъ — аббосий халифалари жумласидан (946 — 974).

¹¹⁷ Тоиъ Биллоҳ — аббосий халифаларидан (974 — 991).

¹¹⁸ Султон Санжар Ибн Маликшоҳ — 1038 — 1194 йиллари Эрон билан Ироқни идора қилган салжукийлар сулоласидан бўлган подшоҳ (1118 — 1157).

унинг замондошлари бўлиб, султон уларнинг муриди эди. Бу даврда динсизлар ва жоҳиллар ислом динини заифлаштирган эдилар. Султон Санжар динсизларни йўқотиб, ислом динини ривожлантиришга киришди. Муҳаммад дини итоат ва тобеъликда шундай даражага эришдики, шариатга хилоф бўлган ҳеч бир иш қолмади.

Олтинчи юз йилликнинг бошида дин янгиловчиси Ғозонхон ибн Арғунхон ибн Ҳалокухон¹²¹ эди. Ислам дини туркистонлик кофирларнинг¹²² истилоси натижасида заифлашган эди. Аллоҳи таоло дин ривожини учун Ғозонхонни юз минг аскар билан қўзғати. [Тангри таолонинг иродаси билан унга топширилган] юз минг аскар Лор саҳросида шайх Иброҳим Ҳамавий раҳнамолигида Аллоҳга имон келтириб, мусулмон бўлдилар. Тилларини: "Аллоҳдан бошқа худо йўқ, Муҳаммад Аллоҳнинг [ердаги] элчисидир", деган имон калимасига очдилар ва куфр-бидъат ишларини ташладилар. Мамлакатда ва шаҳарларда шариатга ривож бердилар.

Еттинчи юз йилликнинг бошида келган Ўлжойту Султон¹²³ ибн Арғунхон, лақаби Султон Муҳаммад

¹¹⁹ Аҳмад Жом (1049—1142) — хуросонлик машҳур ҳадис олими ва мутасаввиф шоир.

¹²⁰ Ҳаким Саной — ғазнавийлар даврида ўтган йирик шоир (1070—1140).

¹²¹ Ғозонхон Ибн Арғунхон Ибн Ҳалокухон — 1256 — 1353 — йилларда Эрон, Озарбайжон ва Ироқни идора қилган ва тарихда Элхонийлар номи билан машҳур бўлган мўғул сулоласи намоёниси. У 1295 — 1304 йиллари салтанат қурган; ислом динини қабул қилиб, қатор ижтимоий-сиёсий ислохотлар ўтказган.

¹²² "туркистонлик кофирларнинг..." — бу ерда Мовароуннаҳр, Эрон, Озарбайжон ва бошқа мамлакатларни истило қилган (XIII аср) Чингизхон қўшинлари назарда тутилади.

¹²³ Ўлжойту Султон (1304—1317) — Элхонийлардан. Мусулмон бўлгани учун Султон Муҳаммад Худобанда номи билан танилган.

Худобанда эди, мазкур санада¹²⁴ оғаси Ғозонхондан сўнг салтанат тахтига ўтирди. [Бир куни] унинг кулоғига "дини Мухаммадий шу қадар бўшашганки, намоз вақтида мусулмонлар ташаххуд¹²⁵ дан сўнг Мухаммадга ва унинг авлодига салавот айтмай қўйибдилар", деган гап етказилди. У ўрнидан туриб Султония¹²⁶ жомеъ масжидига борди ва у ерга ислом уламоларининг ҳозир бўлишларини буюрди. Сўнгра султон улардан: "Намоз вақтида Мухаммадга ва унинг наслу авлодига салавот айтишнинг нима фазилатлари бор?", деб сўради. Улар бир овоздан: "Худойи таоло ҳукмига қўра, намозда Мухаммад ва унинг авлодига салавот айтиш лозимдир", деб жавоб бердилар. Ўша пайт бир гуруҳ уламо: "Имом Шофий¹²⁷ Мухаммадга ва унинг авлодига салавот айтмасдан ўқилган намоз бузилган ҳисобланади, деб айтганлар", деб ўз фикрини билдирди. Яна бир гуруҳи айтдиларким: Имоми Аъзам¹²⁸ демишдики, Мухаммадга ва унинг авлодига салавот айтилмай ўқилган намоз макруҳдир". Шунда султон уламодан сўради: "Нега салавот айтганда пайғамбаримизнинг наслу авлодидан бўлган ҳар бир кишининг исми [алоҳида] зикр этилмайди-ю, [факат] хотам ул-анбиё бўлмиш пайғамбаримизга салавот

¹²⁴ 1304 йилда.

¹²⁵ Ташаххуд (гувоҳлик) — шаходатнинг боши, яъни Оллоҳнинг ягоналиги ва Мухаммад пайғамбарнинг элчилигини билдирадиган калима ("Ашҳаду анна Мухаммадан абдуху ва расулиху") ни айтиш.

¹²⁶ Султония—Элхон Ўлжойтухон қурдирган шаҳар пойтахти. Харобалари Абхар ва Занжон оралиғида жойлашган. (Эрон Озарбайжонида).

¹²⁷ Имом Шофий — шофийлик мазҳабининг асосчиси ва бош имоми; факих. Асл исми Абу Абдуллоҳ (767 — 820).

¹²⁸ Имоми Аъзам (катта имом) — Суннадаги тўрт мазҳабдан бири ҳисобланган ханафия мазҳабининг асосчиси ва бош имоми. Асл исми Абу Ханифа Нуъмон ибн Собит (699 — 767).

айтгандагина "ва унинг авлоди..." деб қўшадилар?". Бутун уламо бу саволга жавоб беришга ожизлик қилиб, ўйланиб қолишди. Шунда султон айтди: "Бу саволга жавоб беришда хотиримга икки далил келади. Биринчиси шулки, душманлар пайғамбаримиз Муҳаммадни ўғилсиз деб атадилар. Тангри таоло наслсизликни уларнинг ўзига раво кўрди. Дунёдан насллари узилди. Агар насл қолган бўлса ҳам ном-нишонсиз бўлиб, уларнинг номини бирор киши тилга олмайди. Аммо пайғамбаримиз оиласининг зурриётлари сони шу қадар ўсдики, уларнинг ҳисобини Аллоҳдан бошқа ҳеч ким билмайди. [Шунинг учун] пайғамбаримизга, унга Аллоҳнинг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, салавот айтгандан кейин уларга ҳам [Аллоҳдан] яхшилик тилайдилар. Иккинчиси шулки, ўтган барча пайғамбарларнинг динлари, қилган ишлари ё йўқоларди, ёки ўзгарарди. Улар динининг ҳукмлари доимий эмас эди. Аммо ҳазрати Муҳаммад, унга Аллоҳнинг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, дини ўзгаришдан омон бўлиб, киёматгача шу йўлда сақланур. Шундай бўлгач, онҳазрат (Пайғамбар)нинг умматлари салавот айтиш вақтида, унинг муборак номини зикр этган пайтда, унинг авлодини ҳам эслашлари лозимдир. Умматларга маълум бўлсинким, Муҳаммад динининг ҳомийлари, Қуръони Каримни шарҳловчилар, мактовга лойиқ шариат илмининг ҳофизлари, пайғамбарлик илмининг ворислари айнан шу кишилардир. Мусулмон динининг илмлари ва исломнинг фарзу вожибларини улардан ўргансинлар, уларга эргашиб, ҳурмат қилишни бурчларидан бири деб билсинлар", деди.

Султон шу сўзларни айтгани ҳамоно, масжидга тўпланган уламо ва одамлар бирданига гулдиратиб, Пайғамбарга ва унинг авлодига салавот ўқидилар. Шунда султон айтди: "Муҳаммад авлодидан биринчиси — ҳазрати

Али, сўнггиси — имом Муҳаммад Махдий¹²⁹ охир-замондир. Шундай бўлгач, Пайғамбаримиз авлодининг изни ва рухсатисиз унинг мулкини ўз тасарруфимизга киритмаслигимиз зарур, акс ҳолда боскинчилик қилган бўламиз".

Султоннинг бу сўзлари хосу омнинг қулогига эшитилгач, барча уламолар унинг айтганларини қабул этдилар. Гаплари инобатга олинганидан сўнг султон амр қилди: "Ҳақиқат шул эркан, аҳли байт¹³⁰ номига хутба ўқиб, уларнинг номи зарбланган пуллар чиқариш лозим". Бу гапларни эшитган, кўрган уламолар унинг фикрини тасдиқлаб, Аллоҳга имон келтирдилар ва "Ўлжойту Султон — дину шариатга ривож берувчи", деб фатво ёздилар.

Саккизинчи юз йилликда чиққан дин янгиловчиси Амир Соҳибқирондирки, оламнинг турли мамлакатлари ва шаҳарларида дину шариатни ривожлантирди; саййидлар ва уламони иззату икром қилди. Пайғамбар хонадони зурриётларининг изни ва рухсати билан унинг мулкини ўз тасарруфига киритди.

Мир Саид Шариф ёзган ушбу мактуб менга етгач, Тангри таолога шукр айтиб, Муҳаммад ва унинг хонадонига илтижо қилиб, Тангри таолога ёлбордим: "Менга дину шариатни янгилаш ва унга ривож беришда мадад бергил!" Сўнг бу мактубни олиб, пирим [Абу Бакр Тойбодий]нинг хузурларига юбордим. [Ул зот] мактуб хошиясига мана бу сўзларни ёзиб менга қайтардилар:

¹²⁹ Муҳаммад Махдий — шиаларнинг ўн иккинчи имоми. 874 — 878 йиллар орасида, 7 — 9 ёшлик пайтида йўқолган. Замон тақозосига кўра, ўлдирилган бўлиши эҳтимол. Шиалар эътиқодига кўра, у бир куни яна пайдо бўлиб, ислом динини эски аслига (софлиғига) келтиради, деб тахмин қилинади.

¹³⁰ Аҳли байт — Муҳаммад пайғамбар хонадонига мансуб кишилар.

"Дину шариатга ривож берувчи [Амир] Темур соҳибкиронга, Олло уни қўлласин, маълум бўлсинким, бу иш ул кутби салтанатга Аллоҳи таоло тарафидан берилган жуда катта эҳсон ва буюк ёрдамдир. Динни янгилаш, шариатга ривож беришдек улкан ишда Тангри таоло сенга ёрдам бағишламиш. [Вафодорлигинг ва яхши ишларингни] қанча кўпайтирсанг, Аллоҳ ҳам сенга [иноят ва карамини] шунча оширгай".

Пиримга юборган ушбу мактуб, унинг хати билан зийнатланиб менга қайтгач, саййидлар ва уламони иззату икром этишни бажо келтириб, шариат ривожини учун илгаригидан ҳам кўпроқ саъйи-ҳаракат қилдим. Бу мактубни [бошимдан кечмиш] воқеалар дафтари¹³¹га кўчириб ёзиб қўйишларини буюрдим.

Дину шариат ишлари тузуқини тартибга келтирганимдан кейин, салтанатим корхонасининг тузуқини тузишга киришдим. Қонун ва қоидаларга (тўра ва тузукка) таяниб, салтанатим мартабаю эътиборини сақладим. Салтанатим обрў-мартабасини сақлаш тузуқлари қуйидагилардир.

Биринчидан, салтанатим тузуқларини ислом дини ва кишиларнинг энг хайрлиси [ҳазрати Мухаммад]нинг шариатига боғлаб, иззату ҳурматлаш вожиб бўлган онҳазратнинг авлоди ва саҳобаларига муҳаббат билдириш асосида туздим. Салтанатим мартабасини қонун-қоидалар асосида шундай сақладимки, унинг ишларига аралашишга ҳеч бир кимсанинг қурби етмасди.

Иккинчидан, сипоҳу раиятни умид ва қўрқув орасида сақладим. Дўст-душманни муросою мадора мартабасида тутдим. Қилмишларини, айтган гапларини гоҳида сабр-тоқат, гоҳида билиб-билмасликка олиш билан ўтказдим.

¹³¹ Воқеалар дафтари —подшоҳликда ҳар куни бўлиб турадиган воқеалар ёзиб борилган махсус дафтар; кундалик.

Дўст-душмандан кимки менга илтижо қилиб келса дўстларга шундай муомала қилдимки, дўстлиги янада ортди, душманларга эса шундай муносабатда бўлдимки, уларнинг душманлиги дўстликка айланди.

Менда бирон кимсанинг ҳақи бўлса, ҳақини ҳеч вақт унутмадим. Бирон кимса билан танишган бўлсам, уни ҳеч вақт назаримдан четда қолдирмадим. Давлатим ва салтанатим куёши кўтарилиб келаётган вақтда менга илтижо қилиб келган яхши-ёмон одамлар, хоҳ яхшилик, хоҳ ёмонлик қилсинлар, салтанат тахтига ўтирганимда кейин уларни хайр-эхсонларим билан хижолатга қўйдим. Ўзимни уларнинг ёмонликларини унутгандек тутиб, ёмон қилмишлари дафтари устига афв қаламини тортдим.

Учинчидан, ҳеч кимдан ўч олиш пайида бўлмадим. Тузимни тотиб, менга ёмонлик қилганларни Парвардигори оламга топширдим. Иш қўрган, синалган, шижоатли эр-йигитларни кошимда тутдим. Софдил кишилар, саййидлар, олимлар ва фозилларга даргоҳим доим очик эди. Нафси ёмон химматсизларни, кўнгли бузук қўрқокларни мажлисимдан қувиб юбордим.

Тўртинчидан, очик юзлилик, раҳм-шафқат билан халкни ўзимга ром қилдим. Адолатга талпиндим ва жабр-зулмдан узоқроқда бўлишга интилдим.

Шу пайтда пиримдан хат келди. Улар: "Буюк зафарлар соҳиби Темурга, Аллоҳ уни ҳамиша қўлласин, маълум бўлсинким, [унинг] салтанати корхонаси Тангри таоло корхонасининг бир [кичик] нусхасидирки, унда турли мансабдаги ходим ва хизматкорлар ноиблар, эшик оғалари бордир, уларнинг ҳар бири мартабасига яраша ўз юмуши билан машғулдир, ҳеч бири ўз мартабасидан четга чиқмайди ва доимо Аллоҳнинг амрига мунтазир туради. Шундай экан, сен ҳамиша хушёр ва эҳтиёткор бўл, токи вазирлар, лашкарбошилар, амалдорлар, иш юритувчилар,

сипоҳсолорлардан ҳеч бири ўз мартабаси чегарасидан чиқмасин ва доимо сенинг ҳукмингни кутиб туришсин. Ҳар тоифа ва ҳар қавмни ўз мартабаларида тутгинки, [бу билан] салтанатинг низомга келиб, давлат интизомга киргай. Агар ҳар нарсани ва ҳар кимни ўз мартабасида саклай олмасанг, салтанат ишига бундан кўп ҳалал ва зиён етгай. Демак, ҳар кимнинг кадр-қиймати, тутган мавқеини ва ҳар нарсанинг ўлчовини белгилаб олишинг ва шунга мувофиқ иш юритишинг керак.

[Ҳазрати] Муҳаммад авлодидан бўлганларнинг мартабасини бошқалардан юқори кўтариб, уларнинг иззат-ҳурматини ўрнига қўйил. Уларга қанча кўп муҳаббат билдирсанг ҳам, уни исроф деб ўйлама, чунки қайси иш худо йўлида бўлса, унда исроф йўқдир. Ўн икки тоифа билан давлатингга зийнат бериб, ўша билан салтанат кургил. Вассалом", деб ёзибдилар.

Пиримнинг ушбу мактуби менга етгач, унда буюрилган ҳар бир нарсани бажо келтирдим. Салтанатим ишларини тартиб-интизомга солиб, салтанатим мартабасига тўра ва тузук билан зебу зийнат бердим. Салтанатимни ўн икки тоифадаги кишилар билан мустаҳкамладим.

Салтанатим мартабаси бўлмиш тўра-тузуқлар ва қонун-қоидаларни ҳам шу ўн икки тоифага боғлаб туздим. Бу ўн икки тоифани салтанатим фалакининг ўн икки буржи ва давлатим корхонасининг ўн икки ойи деб ҳисобладим.

БИРИНЧИ ТОИФА — саййидлар, уламо, шайхлар ва фозилларни ўзимга яқинлаштирдим. Улар менинг саройимга доимо келиб-кедиб, мажлисларимни безаб туришди. Диний, ҳуқуқий, аклий масалаларни ўртага ташлаб, қимматли фикрлар билдиришарди. Ҳалол ва ҳаромга оид масалаларни мен улардан ўргандим.

ИККИНЧИ ТОИФА — ақлли кишилар ва кенгаш соҳиблари; эҳтиёткор, қатъиятли арбоблар; кейинини ўйлаб, олисни кўриб иш юритувчи, кекса ва тажрибали кишиларни хос мажлисимга киритиб, уларнинг суҳбатларидан, ишларидан наф олиб, тажриба ҳосил қилардим.

УЧИНЧИ ТОИФА — дуогўй кишиларни кадрладим. Хилватда улардан дуолар тилаб, истакларимнинг бажо этилишини ўтиниб сўрардим. Мажлисларда, йиғинлар, базмлар ва жанг майдонларида улардан кўп баракотлар топдим. Чунончи, менинг лашкарим Тўхтамишхон лашкарининг кўплигини кўриб, саросимага тушиб қолганда, соҳиби дуо бўлмиш Мирзиёуддин Сабзаворий бошидан салласини олди; қўлларини дуога очиб мен учун Тангридан зафар тилади. Ҳали дуоСИ тугамай, дуо таъсири кўринди ва лашкарим ёғийни қочирди.

Яна бир мисол шулки, саройим қарамидагилардан бири каттик бетоб бўлиб, ўлими яқинлашди. Дуогўй саййидлардан ўн икки киши йиғилишиб келдилар. Ҳар бири ўз умридан бир йилни унга багишлади ва у соғайиб яна ўн икки йил умр кўрди.

ТЎРТИНЧИ ТОИФА — амирлар, сарҳанглар¹³², сипоҳсолорларга мажлисимдан ўрин бериб, мартабаларини юқори кутардим. Улар билан суҳбатлашиб, маслаҳатлар олдим.

Жанг майдонида кўп мартаба қилич чопишган шижоатли жасур кишиларни хуш кўрардим; жанг майдонларига от чоптириб кириб-чикиш усулларини, ғаним лашкари тўпини бузиб, сафларини синдиришни, найза санчиб, қилич чопишни улардан сўрар эдим. Сипоҳгарлик ишларида уларга ишониб кенгаш сўрар эдим.

БЕШИНЧИ ТОИФА —сипоҳ ва раият бўлиб, ҳар

¹³² Сарханг—катта қўшин бошлиғи, ҳозирги полковник даражасидаги харбий бошлик.

иккисига бир кўз билан карадим. Сипоҳийлардан чиққан баҳодирлар, довюрақларга махсус фахрли ўтоға¹³³, камар ва ўқдон тақдим этиб, мартабаларини кўтардим. Ҳар мулк ва мамлакатнинг беклари, улуғлари, бошлиқ-оксоқолларини ҳурматладим; уларга совға-саломлар бериб, хизматларидан фойдаландим. Сипоҳийларимни ҳамиша жангга тайёр ҳолда тутдим; ойлик ҳақларини сўраттирмай вақтида берардим. Чунончи, Рум юришида сипоҳийларимга ўтган ва келажакда қиладиган хизматлари учун етти йиллик озуқаларини бирваракайига бердим. Сипоҳ ва раиятни шундай тутдимки, биронтаси иккинчисига зулм кўрсатиб, оёқ ости қилолмас эди. Бошқа сипоҳийларни ўз мартабаларига ва даражаларига қараб шундай сақладимки, улар ҳаддидан ошиб ортиқча қадам қўёлмасди. Уларнинг мартабаларини на кўп кўтариб, ҳовлиқтирмадим ва на кўп тушириб, кўнгилларини чўқтирмадим. Қайси бири бирор хизмат кўрсатар экан, инъомлар бериб, бошқалардан айрича ҳурматладим.

Кимнинг ақли ва шижоатини синов тарозусида тортиб кўриб, бошқаларникидан ортиқроқлигини билсам, уни тарбиятимга олиб, амирлик даражасига кўтарар эдим. Сўнгра кўрсатган хизматларига яраша мартабасини ошириб борардим.

ОЛТИНЧИ ТОИФА — ишончли, тўғри эътиқодли оқил-хирадманд кишиларким, давлат сирларини уларга очиб, салтанат ишлари бўйича улардан маслаҳат олишимга лойиқ эдилар. Бу тоифа кишилар билан сирдошлик қилиб, ўз махфий ишларим ва ниҳоний сир-асроримни ўшаларга гапирдим.

ЕТТИНЧИ ТОИФА — вазирлар, девон котиблари ва муншийларким, салтанатим саройини шулар билан

¹³³ Ўтоға — бош кийимга тақиладиган, укпар ва қимматбаҳо тошлар билан безатилган зийнатли белги, мансаб ва мартаба рамзи.

безатдим. Буларни менга тобеъ мамлакатларни кўрсатувчи кўзгу деб билдим. Чунки улар ҳар мулк-мамлакат, сипоҳ ва раият воқеаларини менга билдириб турдилар. Булар давлат хазинаси, сипоҳ ва раиятга оид ишларни тартибга солиб юритдилар. Салтанат мулкига тушган раҳналарни берки-тишнинг лойиқ чораю тадбирларини кўрдилар. Салтанатим корхонаси хазинасининг кирим ва чиқимиға оид ишларни тўғри олиб бордилар. Ҳамиша мамлакат тўқинчилиги ва ободлиги учун ҳаракат қилдилар.

САККИЗИНЧИ ТОИФА — ҳакимлар, табиблар, мунажжимлар ва муҳандисларки, улар салтанат корхонасига ривож берувчилардир. Уларни ўз атрофимга тўпладим. Ҳакимлар ва табиблар билан иттифокда беморларни даволатар эдим. Мунажжимлардан сайёраларнинг қутлуғ ва қутсиз кунлари, уларнинг ҳаракати ва осмонда айланишини аниқлаб олардим. Муҳандислар билан иттифокда олий иморатлар куриб, боғу бўстонларнинг тарҳини чиздирдим.

ТЎҚҚИЗИНЧИ ТОИФА— муҳаддислар, Пайғамбар (с.а.в.), унинг авлодлари ва саҳобалари ҳақида ривоятлар нақл қилувчилар ҳамда қиссахонлар бўлиб, уларни ҳам ўзимга яқинлаштирдим. Пайғамбарлар ва авлиёлар ҳақидаги қиссаларни, ўтган подшоҳлар тўғрисидаги хабарларни, уларнинг салтанат тахтига қандай етишганликларини, давлатларининг қандай сабабларга кўра заволи топганлигини улардан сўраб билардим. Ҳар қайсисининг қиссалари ва хабарлари, ишлари ва сўзларини эшитиб тажрибам ортди. Оламда бўлаётган воқеаларни улардан эшитардим ва жаҳон аҳли аҳволидан хабар топар эдим.

УНИНЧИ ТОИФА — машойихлар, сўфийлар, Худони таниган орифлардир. Уларнинг хизматларида бўлиб, суҳбатлар қурдим ва охират фойдаларини олдим. Улардан Тангри таолонинг сўзларини эшитиб, кароматлар кўрдим, мўъжизаларини мушоҳада этдим ва суҳбатларидан роҳатланиб, ҳузур қилдим.

ЎН БИРИНЧИ ТОИФА — касбу ҳунар эгаларидир; буларнинг ҳар тоифа ва синфидан бўлганларини давлатхонамга олиб келиб, ўз ўрдамдан ўрин белгиларимки, сафарда ва турғунликда сипоҳимга керакли яроғлар ва бошқа жиҳозларни ҳозирладилар.

ЎН ИККИНЧИ ТОИФА — ҳар мамлакат ва диёр саёҳатчиларию мусофирларининг бошини силадимки, турли мамлакатлардан менга хабар келтириб турдилар. Ҳар бир мамлакатга ва диёрга савдогарлар ва карвонбошилар тайинладимки, улар қаерга боришмасин, Хитойгами, Хўтан, Чину Мочин,¹³⁴ Ҳиндистон, араб мамлакатлари, Миср, Шом, Рум, Жазоир, Фарангистон¹³⁵ гами, у ерларнинг нафис матолари ва муносиб тухфаларидан келтирсинлар. Ўша мамлакатларда истикомат қилувчи кишиларнинг ҳол-аҳволи, туриш-турмуши ҳақида менга хабар олиб келсинлар. Ҳар бир мамлакат ҳукмдорининг ўз раиятига қандай муомалаю муносабатда эканлигини аниқласинлар.

МЕНИНГ ДАРГОҲИМГА ИЛТИЖО ҚИЛИБ, ПАНОҲ ИСТАБ КЕЛГАН ТУРКУ ТОЖИК, АРАБУ АЖАМ ТОИФАЛАРИДАН БЎЛГАНЛАР ҲАҚИДАГИ ТУЗУҚ

Биринчи навбатда, мазкур тоифа ва табақалардан бўлган саййидлар ва уламони иззат-ҳурмат қилишни, ҳар қандай истаклари бўлса дарҳол мухайё этиб, муқаррар равишда уларнинг аҳволидан хабардор бўлиб туришни буюрдим. Агар сипоҳийлар тоифасидан бўлсалар, хизмат ўринларини белгилаб, ҳол-аҳволларига яраша эҳтиёжлари таъминлансин. Агар касбу ҳунар ва маърифат аҳлларидан

¹³⁴ Чину Мочин — Чин — Хитойнинг марказий ва шарқий қисми; Мочин — Жанубий Хитой. Мочиннинг бошқа номи Табғач.

¹³⁵ Фарангистон — бу ерда Франция.

бўлсалар, бундайларга салтанат корхоналаридан юмуш берилсин. Булардан бошқа билагида кучи бор фақир-мискинлар эса ўз ахволи ва касбу корига қараб иш тутсинлар. Яна шундай амр қилдимки, сармояси қўлидан кетиб қолган савдогарга ўз сармоясини қайтадан тиклаб олиши учун хазинадан етарли миқдорда олтин берилсин. Дехқонлар ва раиятдан қайси бирининг деҳқончилик қилишга қурби етмай қолган бўлса, унга экин-тикин учун зарур уруғ ва асбоб тайёрлаб берилсин. Агар фуқародан бирининг уй-иморати бузилиб, тузатишга қурби етмаса, керакли ускуналар ва ёрдам берилсин.

Ҳар тоифа ва ҳар синфдан кимки ўз ихтиёри билан сипоҳийлик хизматига киришни истаса, уни ҳарбий [хизмат]га олсинлар. Асил ва шижоатли сипоҳийзода қайси тоифадан бўлмасин, унга ўрин бериб, хизматига ва ишига яраша тарбият қилсинлар.

Яна амр этдимки, узоқ-яқиндан бирон киши келиб, менинг мажлисимга кирар экан, қайси тоифадан бўлса ҳам, давлатим дастурхони неъматидан уни маҳрум қилмасинлар.

Кимки ҳузуримга киритилса ва кўзим унга тушса, ҳолига яраша ҳурматлаб, совға-саломлар билан кузатсинлар. Ҳар қандай одам менинг адолат девонимдан паноҳ топган экан, гуноҳи бўлса ҳам, уни кечирсинлар. Иккинчи, учинчи марта яна гуноҳ йўлига кирса, у ҳолда гуноҳига яраша жазоласинлар.

САЛТАНАТНИ ЎЗ ЭРКИМДА САҚЛАШ УЧУН АМАЛ ҚИЛГАН ТУЗУГИМ

Ушбу ўн икки нарсани ўзимга шиор қилиб олганлигим учун тўла мустақиллик билан салтанат тахтига ўтирдим. Ўз тажрибамдан синаб билдимки, агар қай бир подшоҳ шу ўн икки нарсага эга бўлмас экан, салтанатдан бебаҳра қолур.

[Подшоҳ]:

Биринчидан, ўз сўзига эга бўлсин, ишини ўзи билиб қилсин, яъни раият подшосининг айтган сўзини, қилган ишини ўзи айтади, ўзи қилади, ҳеч ким бунга аралашолмайди, деб билсин. Шундай бўлгач, подшоҳ салтанат мартабасига шерик бўлгудек қилиб бировнинг гапига ва ишига эргашмасин. Гарчи яхши сўзни ҳаммадан эшитиш зарур бўлса ҳам, лекин сўзда, ишда бошқалар салтанат ишларида подшоҳга шерик, ёхуд устун бўлмасликлари шарт.

Иккинчидан, султон ҳар нарсада адолатпеша бўлсин, қошида инсофли, адолатли вазирлар тутсин, токи подшоҳ зулм қилгудек бўлса, одил вазир унинг чорасини топсин. Агарда вазир золим бўлса, кўп вақт ўтмай салтанат уйи қулайди. Чунончи, амир Ҳусайннинг золим бир вазири бор эди. У сипоҳу раиятга ноҳақ жарималар солар эди. Орадан кўп вақт ўтмай ўша ноинсоф вазирнинг шумлигидан амир Ҳусайннинг салтанат уйи хароб бўлди.

Учинчидан, бутун мамлакатда буйруқ ва тақиқлашлар подшоҳнинг ўз ихтиёрида бўлиши лозим. Подшоҳ ҳар ишда ўзи ҳукм чиқарсин, токи ҳеч ким унинг ҳукмига аралашиб, ўзгартира олмасин.

Тўртинчидан, подшоҳ ўз қарорида қатъий бўлсин, яъни ҳар қандай ишни қилишга қасд қилар экан, уни бекор этмасин ва то битирмагунча ундан қўл тортмасин.

Бешинчидан, подшоҳ ҳукми жорий этилиши зарур, яъни, қандай ҳукм чиқаришидан қатъий назар, амалга оширилиши керак. Бирон кимса гарчи ҳукмни зарарли деб билган бўлса ҳам, унга монелик қилолмасин. Чунончи, эшитганманки, султон Маҳмуд Ғазнавий¹³⁶ Ғазна

¹³⁶ Маҳмуд Ғазнавий — Хуросон, Афғонистон ва Шимолий Ҳиндистонни (977 — 1186 йиллар) идора қилган Ғазнавийлар сулоласининг йирик намоёниси (998 — 1030); машхур фотиҳ, илм-фан ва адабиёт

шаҳари¹³⁷ майдонига катта тошни келтириб қўйишни буюрган экан. Ундан ўткинчи-кеткинчиларнинг отуловлари ҳуркиб ўта олмай қолибди. Шунда одамлар тош йўл бўйидан олиб ташланса, деб султон ҳузурига қанчалик арз-шикоят қилиб боришмасин, султон: "Чиқарган ҳукмидан қайтмайман, унга хилоф бирон иш ҳам қилмайман", деган экан.

Олтинчидан, подшоҳлик ишларини тамоман бошқага топшириб, эркни унга бериб қўймасинким, дунё мисли бир бевафо хотиндир, унинг хуштори кўпдир. Агар шундай қилар экан, ўзганинг нафси тез орада подшоҳ бўлишни тилаб, салтанат тахтини ўзи эгаллашга киришади. Чунончи султон Маҳмудга хоинлик қилган вазирлар уни салтанат тахтидан тушириб, тахтни ўзлари эгалладилар. Шундай бўлгач, салтанат ишларини ишончли ва мўътабар бир неча кишига бўлиб бериш лозим. Шунда ҳар бири ўз ишига боғланиб, салтанат тахтига кўз олайтира олмайди.

Еттинчидан, салтанат ишларида ҳар кимнинг сўзини эшитсин, ҳар кимдан фикр олсин. [Лекин] қайси бири фойдалироқ бўлса, уни кўнгил хазинасида сақлаб, вақтида ишлатсин.

Саккизинчидан, салтанат ишларида, сипоҳу раиятга боғлиқ масалаларда бошқаларнинг сўз ва феълига қараб иш тутмасин. Вазирлар, амирлар бирон кимса ҳақида яхши-ёмон сўз қилар эканлар, эшитсин. Лекин амал қилишда бутун ҳақиқат аён бўлмагунча шошмай, мулоҳаза билан иш тутсин.

Тўққизинчидан, подшоҳ хайбати сипоҳу раият кўнглида шундай ўрнашган бўлиши керакки, унинг амр-

ҳомийси.

¹³⁷ Ғазна (Ғазни) — Кобулнинг жанубида, Қандаҳор орқали Лоҳур ва Шимолий Ҳиндистоннинг бошқа шаҳарларига олиб борадиган йўл устида жойлашган пойтахт шаҳар.

фармониға ҳеч ким қаршилиқ қилишга журъат этолмасин; итоат ва тобеълиқ қилсин; исён кўтармасин.

Ўнинчидан, [подшоҳ] нима қилса, ўз эркича қилсин, нима деса ўз сўзида қатъий турсин, чунки подшоҳларнинг ҳукм хурматидан бошқа баҳрамандликлари йўқдир. Хазина, лашкар, раият, салтанат — буларнинг бариси унинг ҳукми биландир.

Ўн биринчидан, салтанат ишларида, ҳукм юргизишда подшоҳ ўзини ягона билиб, ҳеч кимни ўзига салтанат шериги қилмасин.

Ўн иккинчидан, [подшоҳ] мажлис аҳлидан огоҳ ва хушёр бўлсинким, улар кўпинча айб ахтариб, гапни ташқарига ташийдилар, подшоҳнинг сўзидан, ишидан вазирларга, амирларга хабар бериб турадилар. Масалан, шунга ўхшаш бир воқеа менинг ўзим билан [ҳам] рўй берганди. Ўзимнинг хос мажлисимдаги бир қанча суҳбатдошларим вазирлар ва амирларимнинг жосуслари бўлиб чиққандилар.

СИПОҲ САҚЛАБ ТУРИШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, қачонки асл сипоҳийлардан иш кўрган, жангу жадал билан суяғи қотган ўн киши йиғилса, булардан қайси бирининг шижоати, ботирлиги ортиқроқ бўлса, қолган тўққизтасининг розилиғи ва маъқуллаши билан, уни ўзларига бошчи сайлаб, отини ўнбоши деб атасинлар. Ўн нафар ўнбоши жам бўлса, ўз ичларидан энг иш кўрган, жанг майдонларида тобланиб, тажриба орттирган, баҳодирлиқда номи чиққан бировини амир қилиб, уни юзбоши деб номласинлар.

Агар ўн юзбоши йиғилса, амирзодалардан ақлли, шижоатли, баҳодир бир кишини амир этиб сайлаб, уни мингбоши десинлар ва мингбоши амир деб улуғласинлар.

Агар қарамоғидаги бирон кимса ўлса ёки қочиб кетса, ўрнига янги кишини тайинлаш ўнбошиларнинг ихтиёрида бўлсин. Шунга ўхшаш юзбошилар ўнбошиларни, мингбошилар юзбошиларни тайин қилсин. Булардан ўлган, қочганлар, янги тайинланганлар бўлса, сабабларини айтиб, менинг арзимга етказсинлар.

Яна буюрдимки, уруш кунларида ва салтанат ишларини бошқаришда мингбошининг ҳукми юзбошига, юзбошиники ўнбошига, ўнбошиники қўл остидагиларга жорий этилади. Агар бу тузукка қаршилиқ қилсалар, жазога тортилсинлар. Агар уруш ишларида ким камчиликка йўл қўяр экан, уни четлатиб, ўрнига бошқани қўйсинлар.

СИПОҲГА ҲАҚ БЕРИШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, амирлар, мингбошилар, юзбошилар, ўнбошилар ва оддий сипоҳийларга ушбу тартибда ойлик берилсин.

Оддий сипоҳийга, ўз вазифасини ўринлатиб бажариш шарти билан, ойлиги минган отининг баҳоси бўлсин. Баҳодирларнинг маоши икки от баҳосидан тўрт отгача тайин қилинсин. Ўнбошилар ойлиги қўл остидаги оддий сипоҳийларидан ўн баробар ортиқ бўлсин. Юзбошилар маоши ўнбошиларга қараганда икки баробар, мингбошиларники эса юзбошиларникидан уч баробар зиёда бўлсин.

Яна ҳукм қилдимки, сипоҳийлардан қайси бири уруш ишларида хатоликка йўл қўйса, ойлигини ўндан бирга камайтирсинлар.

Яна буюрдимки, ўнбоши юзбошини тасдиғи билан, юзбоши мингбошининг тасдиғи билан, мингбоши амирлар амири тасдиғи билан ҳақ олсинлар.

Амр қилдимки, амирлар амирининг ойлиги ўз қўл остидагилардан ўн баробар ортиқ бўлсин. Шунга ўхшаш, девонбеги ва вазирларнинг маошлари эса амирларникидан ўн баробар кўп бўлсин. Ясовул¹³⁸ лар, жасовуллар, қалакчи¹³⁹ ларнинг ойлиги ўз хизматларига яраша, мингдан ўн минг [от баҳоси миқдорида] бўлсин.

Аҳли мажлис бўлмиш саййидлар, олимлар, фозиллар, ҳакимлар, табиблар, мунажжимлар, қиссахонлар, хабарчилар, тарихшуносларга ўз ҳолларига қараб, суюрғол, вазифа ва маош белгиласинлар. Пиёдалар, хизматчилар, чодирчиларга юздан минггача [от баҳоси баробарида] маош берсинлар.

Яна ҳукм қилдимки, амир амири ўз ҳақини девонбеги ва вазирларнинг тасдиғи билан олсин. Давлат томонидан белгиланган бутун маошларнинг тўлиқ маълумотларини девонбеги ва вазирлар аввал менга билдириб, сўнгра ҳақлар берилсин.

Яна буюрдимки, сипоҳийларнинг ҳар бирига маош олиш ёрлиғи топширилсин. Уларга берилган маблаг миқдори шу ёрликнинг оркасига ёзиб қўйилсин.

СИПОҲГА ҲАҚ ТАҚСИМЛАШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, пиёдалар, қалакчилар, ясовуллар, жасовулларнинг бир йиллик ойликларини ҳисоблаб, белгиланган маблағни девонхонага келтириб, шу ерда уларга улашсинлар. Оддий сипоҳийлар ва баҳодирларнинг олти ойлик маошини ҳам ҳисоблаб, хазинадан олиб беришни буюрдим.

¹³⁸ Ясовул —хонларнинг кичик хизматчиси; яса назоратчиси.

¹³⁹ Қалакчи —хосилга қараб хирож миқдорини белгилаб берувчи мансабдор.

Ўнбоши, юзбошиларга маош шаҳар омонлиги¹⁴⁰ хазинасидан ва подшолик мулки даромадидан нақд пул ҳисобида ёзилсин. Мингбошиларга вилоят ичидаги тупроқлардан ер-сув берсинлар. Амирлар ва амир ул-умароларга эса чегара ерлардаги вилоятлардан бири мулк қилиб белгилансин.

Вилоятлардан тушган даромадларни ушбу йўсинда тақсимлашни буюрдим: вилоятлар ва мамлакатлардан олинган жамий даромадни тақсимлаб, маош бериш ёрлиқларига бирига кам, бирига ортиқ қилиб ёзсинлар. Сўнг ёрлиқлар девонхонага келтирилсин. Амирлар ва мингбошилар шу ёрлиқлардан бирини чиқариб олсин. Агар ёрлиқда маошидан ортиқ [кўрсатилган] бўлса, бошқани ўзига шерик қилсин. Бордию кам бўлса, уни қўйиб, бошқа ёрлиқ тортиб олсин.

Яна буюрдимки, амирлар, мингбошилар раиятдан молу жиҳот¹⁴¹ йиққанларида, хирождан ортиқча соварий¹⁴², қўналға¹⁴³ ва шилон¹⁴⁴ талаб қилмасинлар.

Мулк қилиб берилган ҳар бир мамлакатга иккитадан вазир тайинласинлар. Бири вилоятдан йиғилган молни ёзиб, раият аҳволини текшириб турсинки, жогирдор¹⁴⁵

¹⁴⁰ Шаҳар омонлиги хазинаси—фатҳ этилган шаҳар аҳолисидан тўпланган моли омон (ўлпон) сақланадиган хазина.

¹⁴¹ Молу жиҳот кишлок ҳўжалик маҳсулотларидан табиий тарзда олинадиган солиқ; даромаднинг бешдан бир ёки учдан бир қисми ҳажмида олинган.

¹⁴² Соварий (турк.) —тортиқ, совға.

¹⁴³ Қўналға — элчилар, хон (шоҳ) чопарлари, ўтқинчи амалдорлар ва сипоҳийга қўноқ бериш; уларнинг навқарлари, соқчилари ва хизматчиларини, шунингдек, от-уловини боқиш мажбурияти.

¹⁴⁴ Ш и л о н (пули) — подшоҳлар зиёфати учун халқдан тўпланадиган маблағ.

¹⁴⁵ Жогирдор — жогир эгаси. Тож-тахт олдида кўрсатган хизматлари учун бериладиган инъом; ер-сув, мол-мулк. "Жогир"- "суюрғол"нинг синоними бўлиб, Бобурийлар (1526 — 1858) даврида Ҳиндистонда амалда бўлган.

фуқарога жабр-зулм етказиб, уларнинг холини хароб этмасин. У вилоятдан йиғилган бутун мол-ашёларни кирим дафтарига ёзиши лозим. Иккинчи вазир эса [даромаднинг] харж этилган қисмини чиқим дафтарига ёзсин ва [йиғилган моллардан] сипохийларнинг маоши учун тақсим қилсин. Қайси амирга мулк берилар экан, уни уч йилгача ўз ҳолига қўйсинлар. Уч йил ўтгандан сўнг уни текшириб кўрсинлар. Агар мамлакат обод, раият рози экан, шу ҳолича қолдирсинлар. Агар аҳвол бунга терс бўлса, у вилоятни холиса¹⁴⁶га ўтказиб, уч йилгача ўша жогирдорга ҳақ берилмасин.

Яна буюрдимки, хирожни раиятдан қалтаклаш ва савалаш йўли билан эмас, балки огоҳлантириш, кўрқитиш ва тушунтириш йўли билан ундирсинлар. Қайси ҳоким ҳукмининг таъсири қалтаклаш таъсиридан камроқ экан, ундай ҳоким ҳукумат юргизишга яроқсиздир.

ЎҒИЛЛАР ВА НАБИРАЛАРГА ҲАҚ БЕРИШ ТАРТИБИ

Амр қилдимки, тўнғич ўғлим Муҳаммад Жаҳонгир валиаҳдимдир; у вилоят ҳокими бўлиб, ўн икки минг отлик аскарга ҳақ олсин.

Иккинчи ўғлим — Умаршайх ўн минг отлик аскарга ҳақ олсин ва унга бир вилоят берилсин.

Учинчи ўғлим — Мироншоҳ тўққиз минг отлик аскарга ҳақ олиб, бир вилоятни бошқарсин.

Тўртинчи ўғлим — Шохрух етти минг отлик аскарга ҳақ олиб, бир вилоятга эга бўлсин.

Набиралар эса ҳар қайсиси, қобилиятига яраша, уч мингдан етти минг отликқача ҳақ олиб, бир вилоятга эғалик қилсин.

¹⁴⁶ Холиса — давлат ихтиёрида бўлган ва барча солиқлардан озод этилган ер-сув ва мол-мулкни тасарруф этувчи олий идора.

Ва яна менга қавм-қариндошлиги бор кишиларга, ўз ҳолига қараб ва қобилиятига яраша, биринчи даражали амир мартабасидан тортиб то еттинчи даражали амир мартабасигача амирлик ва ҳукмдорлик [мансаблари] берилсин. Уларнинг ҳар бири ўз мартабасига яраша иш тутиб, ҳаддидан ошмасин. Бунга хилоф равишда иш тутганлар жавобгарликка тортилсин.

ЎҒИЛЛАР, НАБИРАЛАР, ҚАВМ-ҚАРИНДОШЛАР, АМИРЛАР ВА ВАЗИРЛАРНИ ЖАЗОЛАШ ЙЎЛИ БИЛАН САЛТАНАТДА ИНТИЗОМ САҚЛАШ ҲАҚИДА

Амр қилдимки, агар ўғилларимдан қайси бирови салтанат мартабасига даъвогарлик килиб бош кўтарар экан, уни ўлдиришга, боғлашга ёки мучасидан бирон жойини камайтиришга ҳеч ким журъат қилмасин. Лекин ўз даъвосидан кечмагунча асирликда сақласинлар, токи Худонинг мулкида уруш чиқмасин. Агарда набиралар ва қавм-қариндошлардан бири менга қарши кўтарилса, уни дарвишлик ҳолатига солсинлар¹⁴⁷.

Салтанатим кўргонлари бўлмиш амирлар агар иш устида нифокка борсалар, уларни мартабасидан туширсинлар. Агар давлатга зиён еткизгудек иш қилсалар, улар бошқа амирларга тобеъ этилсинлар. Агар сипоҳийлик ишларида ялқовлик қилган бўлсалар, уларга ёзиш-чизиш билан шуғулланувчилар орасидан иш берилсин. Агар шундан кейин ҳам хатога йўл қўйиб, калтабинлик қилсалар, иккинчи бор хизматга олмасинлар.

Салтанат саройининг ишончли ва эътиборли кишилари бўлмиш вазирлар хусусида шундай буйруқ

¹⁴⁷ Яъни, мол-мулки тортиб олинсин.

бердим: агар салтанат ишларида улар хиёнат этсалар, салтанатни ағдаришга жазм қилган бўлсалар ҳам, уларни ўлдиришга шошилмасинлар. Авваламбор уларни айбловчи ва хабар етказувчиларнинг кимлигини текшириб кўрсинлар. Қораловчилар даъволарининг рост-ёлғонлиги ва уларнинг тўғри сўзлигини маҳак тоши¹⁴⁸га уриб, синаб кўрсинлар. Чунки кўп ҳолларда ҳасадчилар ва ғийбатчилар ниятларини амалга ошириш учун ёлғон тўкиб, уни чиндай қилиб кўрсатадилар. Талайгина пасткаш, разил одамлар борки, давлат душманларини яхшилаб, давлат фидойиларини ҳийлагарлик ва маккорлик билан хароб қиладилар. Макру соткинлик билан салтанат кўрғонига путур етказмоқ пайида бўладилар.

Чунончи, амир Ҳусайн вазирларимдан бири билан тил бириктириб, унга бойлик ваъда қилган ҳолда, давлатимнинг таянчларидан бўлмиш амир Ики Темур ва амир Жокунни менга қарши қайрашни буюрган. Унинг шум ниятидан огоҳ бўлдим ва менга улар ҳақида айтилган гапларга қулоқ солмадим.

Яна бир воқеа юз берган эди. Яқинларимдан баъзилари ёлғиз қолганимизда ва одамлар олдида улуғ ва эътиборли амирларимдан саналган амир Аббосга ҳасад ва душманлик қилиб, унинг ҳақида бўлмағур гапларни айтдилар. Ёлғон сўзлари шамоли билан ғазабим ўтини алангалатдилар. Натижада гапларини текшириб кўрмасдан ғазаб устида амир Аббосни ўлимга маҳкум этдим. Охир-охибатда эса уларнинг амир Аббос ҳақида хиёнат этганликларини англадим ва қилган ишимдан ўқиниб, пушаймон бўлдим.

Мамлакат ҳазиначилари бўлмиш молия вазирлари, молия ишларида хиёнат қилсалар ва [бойликнинг бир

¹⁴⁸ Маҳак тоши — кумуш ва олтиннинг тозалигини аниқлаб берадиган кора тусли бир тош.

қисмини] ўзлаштириб олган бўлсалар, [текшириб кўрилсин]. Агар ўзлаштириб олган маблағи ўзига тегишли ҳақ миқдоридан ортмаса, мазкур маблағ унга инъом ўрнида қолдирилсин. Агар ўзлаштириб олган маблағи маошидан икки баробар ортиқ бўлса, ортиғи оладиган ойлиғи ҳисобидан ушлаб қолинсин. Агар маошидан уч баробар кўп маблағ олган бўлса, ҳаммаси [салтанат хазинасига] тортиқ сифатида олинсин.

Яна ҳукм қилдимки, [вазирларни] ортиқча сийлама-синлар, чунки алоҳида иззат-икром кўрсатиб, ўзларини обрўсизлантириб қўйишлари мумкин. Бу эса салтанатга зиён етишига сабаб бўлур.

Ғаразғўй, бузуқи ва ҳасадғўй одамларнинг вазирлар ҳақидаги уйдирмаларини эшитмасинлар, чунки бу табақадаги кишиларнинг душманлари кўп бўлади, негаки, олам аҳлининг барчаси дунё талабдир. Агар вазирлар бундай одамларнинг кўнглига қарасалар, давлатга хиёнат қилган бўлурлар, қарамасалар, ўзларига мурасасиз душман орттирурлар.

Чигатойхон¹⁴⁹нинг бир вазири бўлган экан. Ғаразғўйлар уни "хазинадан бир неча минг олтин ўғирлади", деб [хонга мактуб] ёзган эдилар. Мактубни хонга кўрсатганларида, у ўша вазирни ҳузурига чақиртириб, унга ғазаб қилиб дебди: "Сен назари паст одам экансан. Мендек подшоҳнинг вазири бўла туриб, мамлакатимдан шунчалик оз нарса ўзлаштириб олибсан!" Доно вазир [хоннинг] бу қадар катта мурувватидан мамнун бўлибди ва бор давлатининг барчасини келтириб, хонга пешкаш қилибди. [Бу билан] хон олдида ўз мартабасини ва обрў-эътиборини сақлаб қолибди.

¹⁴⁹ Чигатойхон — Чингизхоннинг иккинчи ўғли, 1227 — 1241й. да ўз улусида — Чигатой улусида хон бўлган. Ушбу улусга ҳозирги Шарқий Туркистон, Қошғар, Или ва Еттисув воҳасидаги ерлар, шунингдек, Мовароуннаҳр қараган.

Яна ҳукм қилдимки, қайси бир сипоҳий ҳаддидан ошиб, қўл остидаги кишига зулм ўтказар экан, уни тутиб мазлум қўлига топширсинлар, токи унинг жазосини зулм кўрганлар берсин.

Қишлоқ оксоқоли ва шаҳар улуғлари кичикрок даражадаги одамга зулм қилсалар, ўша зулмга яраша, ҳар кимнинг кўтаришича жарима солсинлар. Агар доруғалар ва ҳокимлар халққа жабр-зулм этиб, уларни хароб қилган бўлсалар, ишларига лойиқ жазо берилсин. Ботир кимсанинг гуноҳи исботлангандан кейин ундан жарима олсалар, сўнг яна дарра билан урмасинлар. Агар дарра уриш билан жазоласалар, ундан жарима олмасинлар.

Ўғрилар хусусида буюрдимки, улар каерда бўлмасин, тутиб олинса, яса¹⁵⁰ бўйича жазолансин. Кимки бировнинг молини зўрлик билан тортиб олган бўлса, мазлумнинг молини золимдан қайтариб олиб, эгасига топширсинлар.

Агар кимда-ким тиш синдирса, кўзини кўр қилса, кулок ва бурун кесса, шароб ичса, зино ишлар қилса, девондаги шариат қозиси ёки ажрим чиқарувчи қозига олиб бориб топширсинлар. Шариатга оид ишларни ҳал этишда шариат қозиси ҳукм чиқарсин. Урф-одат ишларини эса ажрим қозиси тафтиш қилиб, сўнг менинг арзимга етказсин.

ВАЗИР ТУТИШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, вазирлар ушбу тўрт сифатга эга кишилардан бўлишлари лозим: биринчиси — асллик, тоза насллилик; иккинчиси — ақл-фаросатлилиқ; учинчиси — сипоҳу раият ахволидан хабардорлик, уларга нисбатан хушмуомалалик; тўртинчиси — сабр-чидамлилиқ ва тинчликсеварлик.

¹⁵⁰ Яса — турк-мўғул халқлари орасида амалда бўлган конун-қондалар тўплами; Чингизхон даврида жорий этилган.

Кимки шу тўрт сифатга эга бўлса, ундай одамни вазирлик мартабасига лойиқ киши деб билсинлар, уни вазир ёки маслаҳатчи деб тайинласинлар, мамлакат ишларини, сипоҳ ва раият ихтиёрини унга топширсинлар. Бундай вазирга тўрт имтиёз: ишонч, эътибор, ихтиёр ва кудрат берилсин.

Камолатга эришган вазир улким, давлат муомалаларини тартибга келтириб, мулкий ва молиявий ишларни тўғрилиқ билан, асли-насли тозалигини кўрсатиб, ажойиб тарзда бажаради. Олгулик жойидан олиб, бергулик ерга беради. Рухсат этувчи ва тақикловчи буйруқларида унинг аслиги ва тоза наслиги кўриниб туради. Душманлик ва жабр-зулм қилмайди. Хоҳ сипоҳдан, хоҳ раиятдан бўлсин, ҳар кимнинг номини яхши сўзлар билан тилга олади. Бировдан ёмонлик ахтармайди, айтсалар эшитмайди. Агар бировдан ёмонлик кўрган бўлса, унга нисбатан шундай муомала қиладики, у [охири] ёмонлигидан қайтади. Ўзига ёмонлик қилган одамга нисбатан шундай яхшилик қиладики, [охири] олдига бош эгиб келади.

Қайси вазир ғийбат гапларни айтса, уйдирма гапларга қулоқ солса, жабр-зулм қилса, ўзига ёқмаган кишиларни йўқотиш пайига тушса, уни вазирликдан тушириш лозим. Наслию зоти паст, ҳасадчи, кина-кек сақловчи, қора кўнгилли кишиларга зинҳор вазирлик лавозими берилмасин. Бузуки, қора кўнгилли, зоти паст одам вазирлик қилса, давлату салтанат тез орада қулайди. Масалан, Маликшоҳ Салжукий¹⁵¹ ўз вазири Низомулмулк¹⁵²ни мартабасидан туширди. Вазир бошдан-

¹⁵¹ Маликшоҳ Салжукий — салжукийлар сулоласи (1038 — 1194)дан чиққан ва кўпинча Жалолиддин Маликшоҳ I номи билан машҳур подшоҳ. (1072—1092). Салжукийлар Эрон ва Ироқ устидан ҳукмронлик қилганлар.

¹⁵² Низомулмулк (асл исми Абу Али ал-Ҳасан ибн Али ибн Исҳоқ ат-Тусий /1018 — 1092/ — Салжукий султонлардан Алп Арслон (1063 —

оёқ яхши сифатларга ўралган эди. Унинг ўрнига зоти паст, ёмон бир кишини вазир қилиб тайинлади. Бу шумқадам вазирнинг қабих ишлари, зулм-ситами ва нафси бузуқлиги касофатидан салтанат биноти бузила бошлади. Шунга ўхшаш яна бир мисол. Аббосийлардан халифа Муттаъсим Биллох¹⁵³ ҳасадчи, гина-кудуратчи ибн Алъамийни ўзига вазир этиб тайинлади. У кўнглида халифага нисбатан кина-кудурат, душманлиги бор бўлганлиги учун, халифани мунофиқона гаплар билан алдаб, ўзи эса Ҳалокухон¹⁵⁴ билан тил бириктириб, уни халифалик тепасига олиб келди. Халифа Муттаъсимни эса қўлга олиб, ўлимга маҳкум этди. Шунинг эътиборига олиб, асли тоза, насли пок, улўф зотлардан бўлган, яхши равишлик кишилардан топиб, вазир қилинган. Чунки асли тоза киши хатоликка йўл қўймайди, бадасл эса [хожасига] вафо қилмайди.

Қайси вазир софлик, тўғрилиқ билан вазирлик ишига киришиб, давлатнинг молия ва мулк ишларини диёнат, савоб билан, нафси бузуқлик қилмай, омонатга хиёнат этмай бажарар экан, ундай вазирни энг олий мартабаларга етказсинлар. Қайси вазир бузуқлик қилиб, ёмонлик йўли билан мамлакат ишларини юргизар экан, кўп ўтмай ундай салтанатдан хайру барокат кўтарилади.

Доно вазир шулдирки, ўз ўрнига қараб, гоҳ қаттиққўллик, гоҳида эса мулоимлик билан иш юритади. Бундай вазир ортиқча қаттиққўллик ҳам қилмайди, кўп мулоимлик билан юмшаб ҳам кетмайди. Агар кўп мулоимлик қилса, дунёталаб, таъмагир одамлар уни ютиб

1072) ва Маликшоҳ I (1072—1092)ларнинг бош вазири. Низомулмулк "Сийёсатнома" номли катта тарихий асари билан ҳам машҳур.

¹⁵³ Муттаъсим Биллох — аббосийлар сулоласига мансуб Бағдод халифаларининг сўнгги вакили (1242—1258).

¹⁵⁴ Ҳалокухон — Эрон, Озарбайжон ва Ироқни 1256 — 1353 йиллар ичида идора қилган элхонийлар сулоласининг биринчи хукмдори Ҳалоку; (1256 — 1265). Бағдод халифалигини тугатган хукмдор.

юборадилар. Агар ортиқча каттиққўллик ишлатса, ундан қочадилар ва унга бошқа мурожаат қилмайдилар. Демак, доно вазир шулдирки, салтанат корхонасининг ишларини энг тўғри чораю тадбирлар қўллаб, яхши англаган ҳолда амалга ошириб, давлатни тартиб-интизомга келтиради. Салтанат ишларини сабр-тоқат, чидам билан адо этади. Салтанат муаммоларини ўз ўрнида каттиққўллик, ўз ўрнида мулойимлик билан ҳал қилади. Бу хилдаги вазирни давлат шериги деб билсинлар, чунки давлату салтанат уч нарса: мулк, хазина ва лашкар билан тикдир. Доно вазир буларнинг ҳар учаласини тадбиркорлик билан яхши аҳволда, саранжом тутати. Жами яхши хулқлар соҳиби бўлган вазир азият етганда ҳам ҳеч кимга кўнглида кина-адоват сақламайди. Агар гинаю кек сақлаб, душманлик қиларкан, бундай вазир мунофиқдир. Ундай вазирдан эҳтиёт бўлиш зарур, чунки давлат душманлари билан тил бириктириб, хазинани ва лашкарни хароб қилади. Ақлли вазир улки, бир қўли билан раиятни, иккинчи қўли билан эса сипоҳни тутати. Олгулик жойдан олиб, бергулик жойга беради. Сергаклик ва эҳтиёткорликни қўлдан бермайди. Тўғрилиқ ва ростлик билан муомалада бўлиб, ҳар ишнинг оқибатини ўйлаб иш тутати. Давлат фойдасини кўзлагани учун бировга душманлик қилишни кўнглига келтирмайди. Тажрибали, ишбилармон ва билимдон вазир шундай бўладики, мамлакат ободонлигини, раият ва сипоҳнинг тинч-фаровонлигини, хазина бойлигини доим кўзда тутати. Давлат, салтанатга фойда келтирадиган ишларини бажаришга тиришиб, ҳаракат қилади. Салтанатга зарар етказадиган хатарли ишларни бартараф қилишда молу жонини аямайди. Сипоҳу раиятга тегишли муҳим ишларни яхшилик йўли билан, тўғри тадбир ишлатиб, амалга оширади. Яхши хулқли вазир шулки, унинг эзгу ишлари ёмон феъли атворидан устунлик қилади.

Эшитишимча, Низомулмулкнинг озгина ёмон қилмишларини кўплаб хайрли ишлари мағлуб этган эди. У ҳажга бормоқчи бўлиб турган вақтида авлиёлардан бири унга дебди: "Маликшоҳ давлатининг хизматида бўлиб, амалга ошираётган хайрли ишларинг ва Тангри таолонинг бандаларига етказиб турган ёрдамнинг ҳаж қилиш билан баробардир".

Яна эшитганманки, Али ибн Лақатий халифа Хорун ар-Рашид¹⁵⁵нинг вазири эди. Ундан Тангри таоллонинг бандаларига кўп нафу фойда етарди. Кунлардан бир куни у ўз ихтиёри билан вазирликни тарк этмоқчи бўлибди. Ўшанда дин пешволаридан бири унга шундай деб ёзибди: "Сен халифа даргоҳида мулозимлик қилиб, вазирлик ишини бажариб туравер. Бу ишни ташлашни ўйламагин ҳам, чунки (бу мартабада туриб) халққа етказаетган ёрдамнинг ва нафинг, сен қилган бутун ишлар ва ҳаракатларингнинг энг олийсидир".

Яна шуни ҳам эшитдимки, ҳазрати Пайғамбаримиздан, унга Тангрининг марҳаматлари ва саломлари бўлсин, сўрабдилар: "Агар сиз набий ва расул этиб юборилмаганингизда қайси иш билан машғул бўлардингиз?" Улар шундай деб жавоб берган эканлар: "Султонлар хизматида бўлишни ихтиёр этиб, Тангри таолонинг бандаларига фойда ва яхшилик етказардим".

Шу сабабдан, халққа ёрдаму мадад бериш мақсадида, мен ҳам Туғлуқ Темурхоннинг ўғли Илёсхўжага вазирлик ҳамда сипоҳсолорлик қилишга рози бўлган эдим. Тангри таолонинг бандаларига ёрдам қилганимдан бўлса керакки, Аллоҳ таоло мени салтанат [тутиш] мартабасига етказди.

Тадбиркорлик ва қилич воситаси билан бирор мулкни забт этган, ёки [ҳукумати остида] сақлаб қололган вазирни

¹⁵⁵ Хорун ар-Рашид — аббосийлар сулоласидан чиққан машҳур халифа (786 — 809); адолатпарвар ҳукмдор ва илм-фан, маданият хомийси

эъзозлаб, иззат-икром этсинлар. Унинг мартабасини ошириб, уни "килич ва калам соҳиби" деб атасинлар.

Ақлли, билимдон ва хушёр вазир шундай бўладики, бир тўғри тадбир қўллаб ғаним қўшинини пароканда қилиб юбора олади. Мурасаю мадора, хушмуомалалик билан сипоҳни бирлаштириб, душман лашкарини ўзига ром қилади. Бундай вазир валинеъматнинг соқчиси бўлиб, подшосининг бошига тушган муҳим ва мушкул ишларни тадбиркорлик ва узоқни кўра билиши билан осонлаштиради. Агар салтанат ишларида чигил-жумбок учраса, ақлу фаросати бармоғи билан уни ечиб юборади. Чунончи, Алибек Жониқурбоний мени банд этгач, бурга тўла уйга камаб қўйди. Вазирларимдан Азизуддин Термиздан юриш қилиб, менга ёрдам бериш учун етиб келди, [тадбир ишлатиб] Алибекни ухлатиб қўйди. Бу иши билан унинг кўзини мендан беркитиб, қувват бағишлади. Шижоат ва мардлигим тутиб, қўлимдаги килич зарби билан кўп соқчилар орасидан қутулиб, нажот топдим. Шунга ўхшаш Низомулмулк ҳам Султон Маликшоҳни қайсар бандидан халос этган эди.

Шундай бўлгач, бунақа вазирни давлат шериги деб билиб, азиз тутсинлар, зинҳор унинг сўзидан чикмасинлар. У нима деган бўлса, бари ақл кўзгусидир.

Агар подшоҳ золим бўлиб, вазири одил бўлса, подшоҳнинг жабр-зулмини [тўхтатиш] чора-тадбирини кўради. Лекин вазир золим бўлса, салтанат ишлари тез муддатда инқирозга учрайди.

АМИРЛИК ВА ҲУКМДОРЛИК ТУЗУГИ

Энг яқин навкарларимдан уч юз ўн уч кишига амирлик мансаби беришни буюрдим, чунки улар асли тоза, ақл-фаросатли, баҳодир, довюрак, тадбиркор, сергак,

эхтиёткор, олди ва кетини ўйлаб иш тутадиган кишилар эди. Уларнинг ҳар бирига ўринбосар тайинладим. Агар амирлардан биронтаси вафот этса, у ҳолда, ўринбосари унинг ўрнига ўтиради ва уни "амирликка номзод" деб атайдилар. Менинг бу уч юз ўн уч амирларимнинг бариси ақл-хуш эгалари, базму жанг шерлари, маҳоратли саркарда, лашкар тўпини бузиб, уни мағлуб этувчи кишилар эдилар.

Тажрибамдан синаб билдимки, жангнинг сирасорини, ғаним аскарларини синдириш йўлини билган, уруш қизиганда ўзини йўқотмасдан, қўл-оёғи бўшашмасдан, аскар қисмларини жангга бошлай оладиган, агар қўшин сафига раҳна тушса, уни тезда тузата оладиган кишигина амирлик ва ҳукмронликка лойиқ ҳисобланади.

Шундай киши амир ул-умаро бўла оладики, мен йўғимда, тинчлигу савашда ўринбосарим бўлиб, шоншавкат ва маҳобат билан бутун сипоҳга буйруқ бериб, унга қаршилиқ қилганларни жазолай оладиган бўлсин.

Уч юз ўн уч кишидан тўрт нафарини бегларбеги этиб, бир кишини амир ул-умаро қилиб тайинлашни буюрдимки, унинг ҳукми юришларда, урушларда амирлар ва бутун сипоҳ томонидан сўзсиз ижро этилсин. У ўзим боримда йўлдошим, йўғимда эса ўринбосаримдир.

Ғайратли, ор-номусли бўлган яна ўн икки кишига ушбу тартибда амирлик даражасини бердим.

Биринчи амирга минг кишига буйруқ бериш ҳақини бериб, уни амир қилиб тайинладим. Иккинчи амирга икки минг кишига буйруқ бериш ҳақини бериб, мазкур икки минг аскарга амир этиб қўйдим. Шунга ўхшаш учинчи амирни — уч минг, тўртинчисини — тўрт минг, бешинчисини — беш минг ва шу тартибда ўн иккинчи амиргача кўпайтириб бориб, олти мингдан ўн икки минггача аскарга амир этиб белгиладим. Амирлик тартибига қараб, бирини

иккинчисига ноиб қилдим. Масалан, биринчи амирни иккинчи амирнинг ноиби, иккинчи амирни учинчи амирнинг ноиби, шу тартибда ўн биринчи амирни ўн иккинчи амирнинг ноиби қилиб белгиладим. Ўн иккинчи амир эса амир ул-умаронинг ноиби бўлди. Амир ул-умаро эса менинг ноибим ҳисобланади. Қайси бир амирга бирор кор-ҳол бўлса, ўрнига ноиби ўтирсин.

Яна буюрдимки, ўша уч юз ўн уч кишидан юзтаси — ўнбоши, юзтаси — юзбоши, юзтаси — мингбоши бўлди. Жанг пайтида амир ул-умаро — амирларга, амирлар — мингбошиларга, мингбошилар — юзбошиларга, юзбошилар — ўнбошиларга бошлик деб буйруқ бердим. Шунингдек, ўнбошининг ишини — юзбошига, юзбошининг ишни — мингбошига, мингбошининг ишини — амирга, амирнинг ишини — амир ул-умарога буюрмасинлар. Ўнбоши билан битадиган ишини юзбошига, юзбоши битирса бўладиган ишини мингбошига юкламасинлар. Амирлардан қайси бири ўзи қизиқиб иш сўрар экан, унга буюрса бўлур.

СИПОҲИЙЛАРНИ ЭНГ ҚУЙИ ДАРАЖАДАН ОЛИЙ МАРТАБАГАЧА КЎТАРИШ ТУЗУГИ

Қилич чопишда ўзини кўрсатган баҳодирларни, биринчи маротаба бўлса — ўнбоши, иккинчи маротаба ботирлик қилса — юзбоши, учинчи маротабасида эса, мингбоши қилиб тайинласинлар. Ўнбоши кўли остидагилардан бири ботирлик кўрсатса, биринчи галда уни ўнбоши қилсинлар.

Қилич чопишда ўзини ҳимоя қила туриб кўзга ташланган аскарлар бундан истиснодир, чунки ҳўкиз ҳам сузишганда шохини ниқтайди. Шундай экан, сипоҳийнинг наслу насабига ҳам қараш лозим.

Агар мингбоши қилич зарби билан ғанимнинг бир қисм лашкарини синдирса, уни биринчи амир этиб тайинласинлар. Биринчи амир ёв лашкари сафини бузиб, уларни тарқатиб, баҳодирлик кўрсатса, уни иккинчи амирлик даражасига кўтарсинлар. Шунга ўхшаш, қайси амир ёв лашкари тўпини тўздириб, иш кўрсатар экан, уни ўз мартабасидан юқори кўтарсинлар. Сипоҳийлардан кимки астойдил қилич чопса, ойлигини оширсинлар. Қайси бир сипоҳий урушдан юз ўгириб қочса, уни илтифотимиздан маҳрум этсинлар. Агар мажбуран чекинган бўлса, узрини қабул қилсинлар. Агарда уни ваҳима босган бўлса, изза қилсинлар. Қайси сипоҳий душман қаршисида қилич чопиб, яраланса, уни тақдирлаб, инъом берсинлар. Бордию яралангандан кейин қочган бўлса, унга таҳсин ўқиб, яраланганлигини эътиборга олсинлар. Чунки у ғанимга хужум қилмаган тақдирда ҳам, ёв ҳамласи вақтида жароҳатлангандир, яраси унинг не ҳолга тушганлигининг гувоҳидир.

Қайси бир сипоҳий ўзини кўрсатган бўлса, рағбатлантириб ҳақини адо этсинлар. Қайси бир сипоҳий хизматда юриб қарилик ёшига етаркан, уни ойлик-ҳақдан маҳрум этмаслик ва мартабасидан туширмаслик керак. Ҳеч бир сипоҳийнинг хизмати назардан четда қолмасин. Чунки улар давлат хизматида экан, боқий ҳаётларини фоний дунё нақди учун аямаганликларининг ўзи ҳам инъомга ва моддий таъминотга лойиқлигани билдиради. Уни инъомидан маҳрум қилиб, хизматларини кўрсатмасалар, ноинсофлик қилган бўлурлар.

Яна амр қилдимки, қайси бир амир ёки сипоҳийнинг менинг давлатим учун хизмати сингани аниқ бўлса — ғаним лашкарини синдирган, бирор мамлакатни забт этган, ёки [жон-жаҳд билан] қилич чопишган бўлса, хизматини тақдирлаб, ҳақини адо қилсинлар. Ёши улуғ, кекса

сипоҳийларни ҳурматлаб, азиз тутсинлар. Улардан фойдали маслаҳатлар олсинлар, чунки улар айтадиган гаплар ўз тажрибаларида кўриб, билганларидир. Уларни салтанат корхонасининг устунлари деб билсинлар. Улардан кейин ўғилларини ўринларига ўтказсинлар.

Яна амр қилдимки, ғаним тарафидан қўлимизга ҳар қандай сипоҳий асир тушиб қолса, уни ўлдирмасинлар. Унга ихтиёр берилсин. Агар навкарликни қабул қилса, навкар бўлсин; йўқ деса уни озод этсинлар. Бунга мисол, мен қайсар билан урушда¹⁵⁶ қўлга тушган тўрт минг румликларни озод қилдим.

Ғаним сипоҳийларидан қайси бири ўз давлатининг тузини оклаб, бизга қарши қилич чопган, сўнгра ихтиёрий равишда, ёки мажбур бўлиб, паноҳимизга келса, бундай аскарга ишониб, уни азиз тутсинлар. Чунки у ўз соҳибига вафодорлик қилиб, еган туз ҳақини оклаган. Шунга ўхшаш, мен ҳам Шер Баҳромга нисбатан шундай қилдим. Амир Ҳусайн билан бўлган урушда у мен билан юзма-юз тўқнашиб, қилич чопишди; кейинроқ эса, ўзи иложсизликдан менинг паноҳимга келганда, уни ҳурматладим.

Менгли Буғо ҳам Балх урушида менга қарши лашкар тортди. Жанг бошланишидан аввал ўзим томонга оғдириш мақсадида унга хат юбордим. У эса Туғлуқ Темурхоннинг ҳақиға кўрнамаклик қилмади ва менга қарши лашкар тортиб, эрларча жанг қилди. Охир-оқибат енгилди. Кейинчалик ўз ихтиёри билан ҳузуримга тиз чўкиб, паноҳ излаб келганда, унинг мартабасини улуғладим, илтифоту марҳаматлар кўрсатдим. Унга қилган иноятларим ҳақи ўртамыздан ўтган нохушликларни бутунлай унутди. Йиғинларда унинг қилган баҳодирликларидан сўзлаб, офарин айтар эдим. Ўзи аслида эр йигит бўлгани учун

¹⁵⁶ Амир Темурнинг Рум султони Баязид I Йилдирим билан 1402 й.нинг 20 июлида Анкара остонасида бўлган уруши.

менинг давлатимда ҳам кўп баҳодирлик кўрсатиб, мени мамнун этди. Озарбайжон урушида Қора Юсуф билан тўқнашганимда, лашкарим оғир аҳволга тушиб қолди. Шунда у майдонда ўлган Қора Юсуфнинг лашкар бошлиқларидан бирининг бошини найза учига санчиб, баланд кўтарди ва лашкаримга уни Қора Юсуфнинг боши деб, уни ўлдига чиқарди. Бундан лашкарим дадилланиб, жангга ташланди ва Қора Юсуф лашкарининг ўртасига хужум қилиб, Қора Юсуфни қочирди. Бу урушда Қора Юсуф устидан қозонилган ғалабани Менгли Буго номига ёздирдим ва унинг мартабасини оширдим.

АМИРЛАР, ВАЗИРЛАР, СИПОХИЙЛАР ҲАМДА РАИЯТНИ ТАҚДИРЛАБ, ИНЪОМ — СОВҒАЛАР ВА МАРТАБАЛАР БЕРИШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, қайси бир амир бирон мамлакатни фатҳ этса ё ғаним лашкарини енгса, уни уч нарса билан тақдирласинлар: фахрли хитоб, туғ ва ноғора бериб, уни "баҳодир" деб атасинлар; уни давлат ва салтанат шериги [деб] билиб, кенгаш мажлисига киргизсинлар; унга чегара вилояти топширилсин ва ўша ерлик амирлар унга бўйсунсинлар. Агар амирлардан қайси бирови тўрани (хон ўғлини) енгса ёки бирон амирзодага шикаст етқизса, ё бирор ўлка хонини мағлуб этса, уни юқоридаги тартибда мукофотласинлар. Чунончи, Дашти Қипчоққа, Ўрусхонга қарши уруш учун юборган амирим Ики Темур уни енгиб қайтгач, амирни мукофотлаб, унга туман (лашкар), туғ, алам (байрок) ва ноғора бердим. Уни давлатимга шерик билиб, ўзимга маслаҳатчи ва вазир қилдим. Кенгашларимга киритдим ва чегарадаги вилоятлардан бирини унга тақдим этиб, у ерлик амирларни унга бўйсундирдим.

Шунда ҳасадчилар унинг ҳақида [турли уйдирма]

гаплар тарқатиб, "Ўрусхоннинг улусини талон-торож қилиб, мол-мулкини ўзиники қилиб олди" дедилар. Бу гаплари билан ундан кўнглимизни бир оз совутдилар. Бироқ мен Баҳром Чубин¹⁵⁷ қиссасини эшитиб тажрибам ортганди. Воқеа бундай бўлган экан. Хоқон¹⁵⁸ уч юз минг ботир турк аскарлари билан Ҳўрмуз ибн Нуширвон устига лашкар тортди. Ҳўрмуз эса Нуширвон¹⁵⁹нинг вазири, маслаҳатчиси ва сипоҳсолори бўлмиш Баҳром Чубинни 320 мианг эронлик аскар билан хоқонга қарши урушга йўллади. У хоқон лашкари билан тўқнашиб, уч кечаю уч кундуз жангу жадал қилди. Охири хоқонни енгиб, бор ҳақиқатни Ҳўрмузга арз қилди, ўлжа қилиб қўлга киритган бутун мол-мулкни Ҳўрмузнинг ҳузурига жўнатди. Шу аснода ҳасадчилар ва ғийбатчилар Ҳўрмуз мажлисида унга қарши тўхмат қилиб, "Баҳром мол-мулкнинг катта қисмини ўзига олиб қолди, хоқоннинг асл қимматбаҳо тошлар билан безатилган қиличи ва тожи, жавоҳирлар қадалган этигини ўзиники қилиб олди," дедилар. Ҳўрмуз ҳам хомтамъа бўлиб, Баҳромнинг [аввалги] хизматларини унутди. Ғаразгўй ва ғийбатчи кишиларнинг сўзларига ишониб, Баҳром Чубинни гуноҳкор ва хоин деб билди. Унга аёллар ёпинчиғи, кишан ва занжир юборибди. Баҳром бўйнига бўғов, оёғига кишан солиб, аёллар либосини кийди. Сўнг ҳузурига амирлар, сипоҳ бошлиқларини чақиртириб, саройда йиғилганлар олдига шу алпозда чикди. Саркардалар ва бошқа сипоҳийлар бу ҳолни кўриб, Ҳўрмузга таънаю дашномлар ёғдиришди. Ундан ихлослари

¹⁵⁷ Баҳром Чубин — сосонийлар (мил.нинг III — VII асрлари) замонида ўтган машҳур саркарда ва Эрон подшоси (590 — 591).

¹⁵⁸ Милоднинг 590 йили Эронзаминга бостириб кирган Ғарбий туркларнинг хоқони Шаба хоқон.

¹⁵⁹ Ҳўрмуз ибн Нуширвон (Ануширвон) — сосонийлар сулоласидан чиққан шаханшоҳ Ҳўрмуз (579 — 590).

кайтди. Сипоҳ Баҳром Чубин билан иттифоқ бўлиб, Ҳўрмуз даргоҳига бостириб келди; уни салтанатдан тушириб, Ажам мамлакати салтанатининг тахтига Хусрав Парвиз¹⁶⁰ни ўтказдилар. Мен бу воқеадан сабоқ олганим сабабли, сипоҳимнинг таънаю дашномларига қолиб кетмаслик учун амир Ики Темурни ҳузуримга чорладим; сарой ходимлари ва халқни тўплаб мажлис қурдим. Ўрусхон улусидан ўлжа қилиб олинган бутун мол-мулкни бир ерга тўплаб, амир Ики Темурга ва у билан бирга қилич чопган баҳодирларга ва сипоҳийларга инъом қилдим.

Яна амр қилдимки, жангда ўзини кўрсатиб, қаршисидаги ғаним лашкарини синдирган ҳар бир амирнинг мартабасини оширсинлар.

Чунончи, Тобон баҳодир Тўхтамишхон билан бўлган урушда [от солиб], ғаним байроқдорига етиб олди ва душман байроғини ерга туширди, ўзи бир неча жойидан яраланди. Ҳасадчилар ва шу қаҳрамонликка даъвогарлар унинг бу хизматини мендан яширмоқчи бўлдилар. Лекин уни [инъомдан] холи қолдириш инсофдан эмас, деб билиб, Тобон баҳодирга амирлик мартабасини бердим. Сўнгра унга иззат-икром кўрсатиб, байроқ тақдим этдим.

Яна амр қилдимки, ўнбоши, юзбоши ва мингбошилардан қай бири душман сафини бузиб, ўз қаршисидаги аскар қисмини синдирса, ўнбоши бўлса, шаҳар ҳокимлигини берсинлар. Юзбоши бўлса, уни бирон мамлакат ҳукмдори этсинлар. Бунга мисол шулки, юзбоши Барлос баҳодир Тўхтамишхон билан бўлган урушда душман қўшинини синдирди. Уни Ҳисори Шодмон¹⁶¹

¹⁶⁰ Хусрав Парвиз — сосонийлар сулоласига мансуб подшоҳ (581 — 628).

¹⁶¹ Ҳисори Шодмон — Ҳисор вилояти (қадимги Чағониён) нинг бош шаҳари; мустаҳкам қалъаси бўлган. Ҳозирги Сурхондарё вилоятида; Кофирниҳон дарёсининг шимолий тарафидаги ерларни

мамлакатига ҳоким этиб тайинладим. Яна буюрдимки, мингбошилардан биронтаси қаршисида турган ғаним лашкарини синдирса, уни мамлакат волийси қилсинлар. Бунга мисол, Муҳаммад Озод Катур жангидан [бир оз бурун] Бурхон ўғлон лашкарини мағлубиятга учратган сиёхпуш¹⁶² жамоасини енгиб, уларни синдирди. Муҳаммад Озодни Қундуз ва Қўлоб¹⁶³ мамлакатлариға волий этиб тайинладим.

Яна ҳукм чиқардимки, амирлардан қайси бири ғаним қўлидаги бирор мамлакатни фатҳ этиб, душман тасарруфидан озод қилса, шу мамлакатни уч йилга унга инъом тариқасида берсинлар.

Ва амр қилдимки, қайси бир аскар қилич чошиб баҳодирлик кўрсатса, унга инъом тариқасида чўмоқ, қимматбаҳо тошлар қадалган ўтоға, камар, турна беллик қилич ва бир от берсинлар ҳамда ўнбошилиқ мартабасига кўтарсинлар. Иккинчи, учинчи бор баҳодирлик кўрсатса, юзбоши ва мингбоши мартабасига етишади.

КАТТА НОҒОРА ВА БАЙРОҚ АТО ЭТИШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, ўн икки катта амирларнинг ҳар бирига битта байроқ ва бир ноғора берилсин. Амир ул-умарога байроқ ва ноғора, туман туғи тақдим этсинлар. Мингбошига эса бир туғ ва карнай берсинлар. Юзбоши ва ўнбошига биттадан катта ноғора берсинлар. Аймоқ¹⁶⁴

ўзига бирлаштирган қадимий Ҳисор вилоятининг маркази. Харобалари ҳозирги Душанбе шаҳрининг кунботар тарафида ҳозир ҳам мавжуд.

¹⁶² Сиёхпуш — юзига қора мато тортилган одам; баъзи манбаларда Катур (Кофиристон) халқи исломни қабул қилмаганликлари учун шундай аталган.

¹⁶³ Қўлоб — қадимги Хутталон; XVI асрдан шу ном билан маълум.

¹⁶⁴ Аймоқ (умоқ) — бир неча қариндош-уруғлар иттифоқи; қабила.

ларнинг амирларига бўлса, биттадан бурғу тақдим этсинлар. Тўрт бегларбегининг ҳар бирига биттадан байроқ, ноғора, чортуғ ва бурғу берсинлар.

[Ўн икки] амирдан қайси бири душман қисмини синдирса ёки ғаним қўли остидаги бирор мамлакатни фатҳ этса, уни тақдирлаб, агар биринчи [даражали] амир бўлса иккинчи [даражали], иккинчи бўлса учинчи [даражали], учинчи бўлса тўртинчи [даражали] амир мартабасини берсинлар. Шу тартибда ўн биринчи [даражали] амиргача давом эттирсинлар. Агар ўн биринчи [даражали] амир бўлса, уни ўн иккинчи [даражали] амир қилиб, байроқ, туғ ва ноғора берсинлар. Шу йўсинда биринчи [даражали] амирга битта туғ, иккинчисига — иккита, учинчисига — учта, тўртинчисига — тўртта туғ ва ноғора бериб, уларни туман-туғ ва тўрт туғ олиш мартабасига етказиб, рағбатлантирсинлар.

СИПОҲНИНГ ЯРОҚ-ЖАБДУҚЛАРИ ВА АНЖОМ-ЖИҲОЗЛАРИ ТУЗУГИ

Шундай буйруқ бердимки, юриш вақтида оддий аскарлардан ҳар ўн саккиз киши ўзи билан бирга бир чодир олсин, ҳар бир аскар икки от, бир камон, бир садок-ўқдон, бир қилич, арра, бигиз, бир қоп, жуводдиз, болта, ўнта игна ва орқага осиладиган чарм халта олсин. Баҳодирлардан ҳар беш киши бир чодир олсин. Ҳар бири битта оддий темир совут, дубулға, бир қилич, садок, ўқ-ёй ва бешта от олсин. Ўнбошилардан ҳар бири ўзи билан бирга бир чодир, совут, қилич, садок, ёй ва бешта от олсин. Юзбошилардан ҳар бири бир чодир, ўнта от, қурол-аслаҳадан: қилич, садок, ёй, гурзи, чўқмор, коскан¹⁶⁵, зирх,

¹⁶⁵ Коскан — бош кийими остидан ўраладиган сим рўмол. У жангчини ўқ, қилич ва гурзи зарбидан сақлаган.

багтар¹⁶⁶ олсин. Мингбошилардан ҳар бири ўзи билан бирга битта чодир, бир соябон, курол-аслаҳадан жавшан, дубулға, найза, қилич, садок ва ўқ-ёйдан кўтарганича олсин. Биринчи амир бир чодир, бир ўтов, бир жуфт соябон, курол-аслаҳадан шу миқдорда олсинларки, қўл остидагиларга ҳам бергудек бўлсин. Шунга ўхшаш иккинчи, учинчи, тўртинчи амирдан тартиб то амир ул-умарогача ҳар қайсилари, ўз мартабаларига яраша, чодирдан, ўтовдан, отлардан бошлаб, то бошқа ҳарбий анжомларгача саранжом-саришта қилиб қўйсинлар. Биринчи амир бир юз ўн от, иккинчи амир бир юз йигирма, учинчи амир бир юз ўттиз, тўртинчи амир бир юз қирқ от, амир ул-умарога етгунча тартиб шундай бўлсин. У эса ўзи билан бирга уч газдан кам от олмасин.

Пиёдалар бўлса ҳар бири ўзи билан бирга бир қилич, бир камон ва кўтарганича ўқ-ёйдан олсинлар. Бирок жанг пайтида тузуқларда кўрсатилганидан кам бўлмасин.

УРУШДА ВА ТИНЧЛИҚДА СОҚЧИЛИК ҚИЛИШ, МАЖЛИС- ЙИҒИНЛАРДА ҲОЗИР БЎЛИШ ТУЗУҒИ

Амр қилдимки, сипоҳийлар, амирлар, мингбошилар, юзбошилар ва ўнбошилар девонхонага, базм-мажлисларга кўлоҳсиз, этиксиз, кавушсиз, бўрк ёқалик чакмонсиз, ханжарсиз, қиличсиз ҳозир бўлмасинлар. Ўн икки минг қилич осган аскар урушу тинчлик вақтида бутун яроқ-аслаҳалари билан кўшқда, девонхонанинг ўнг ва сўл тарафидан, орқасидан ва олдидан қуршаб турсинлар. Шу тартибда ҳар кеча улардан минг киши соқчилик қилиш учун ҳозир бўлишсин. Ҳар юз қиличлик устига бир

¹⁶⁶ Багтар — темир симдан тўқилиб, усти бахмал ёки бошқа мато билан ўралган ҳарбий камзул.

юзбоши қўйилсин ва унга шартлашилган махфий сўзни¹⁶⁷ айтсинлар.

Яна амр қилдимки, уруш пайтида ўн икки амирдан ҳар бири, мингбошилар, юзбошилар, ўнбошилар ўн икки минг қуролланган отлик сипоҳи билан бир кеча-кундуз давомида ҳар қайсилари ўз хонларини қўриқлаш учун ҳозир бўлсинлар. Бу ўн икки минг отлик лашкарни тўрт фавжга бўлиб, бир фавжини баронғорга, бошқасини жавонғорга, биттасини ўрдунинг олдига, бошқасини эса ўрдунинг орқа тарафига тайинласинлар. Ушбу қисмлар навбатма-навбат ўрдудан ярим фарсанг узоқлашиб соқчилик қилсинлар. Ушбу тўрт сипоҳий фавж ўзлари учун хировул белгиласинлар, хировулдан эса қоровуллар тайинлансин. Улар бўлса эҳтиёткорлик ва хушёрликни қўлдан бермай, ўрдуга хабар етказиб турсинлар.

Яна ҳукм қилдим, атрофимда жойлашган лашкар ва ўрдуга, ҳар бирига биттадан кутвол тайинласинлар ва ўрдуни қўриқлаш, соқчилик қилиш ишлари шулар устига юклансин. Бозор аҳлидан¹⁶⁸ солиқ олиш ҳам шулар зиммасида бўлсин. Агар ўрду аҳлидан бирон кимсанинг нарсаси ўғирланса, улар жавобгарликка тортилсинлар.

[Қўшин орасидан] тўрт фавж чопқунчилар тайёрлашни буюрдим. Булар тўрт фарсанг масофада лашкар ёнида юриб, уларни қўриқлаб борсин. Бордию лашкардан бирон киши ўлдирилганини ёки яраланганини кўрсалар, унинг ишини ўз зиммаларига олишлари лозим. Агар бирон кимсанинг нарсаси ўғирланса, улар жавобгардир.

Яна буюрдимки, лашкарнинг учдан бир қисми чегараларни қўриқлаш ишига белгилансин; икки қисми эса доим салтанат хизматига ҳозир турсин.

¹⁶⁷ Ўран (пароль) дейилмоқчи.

¹⁶⁸ Бозор аҳли—ҳарбий юришлар вақтида ўрду атрофида савдосотик билан машғул бўлган кишилар.

ВАЗИРЛАРНИНГ ХИЗМАТ ҚИЛИШ ТУЗУГИ

Амр қилдимки, тўрт вазир ҳар куни девонхонада ҳозир бўлсинлар. Биринчи — мамлакат ва раият вазири. Бу вазир мамлакатнинг муҳим ва кундалик ишларини, раият аҳволини, вилоятлардан йиғилган ҳосил, солиқ-ўлпонлар, уларни тақсимлаш, кирим-чиқимларни, [мамлакат] ободонлигини, аҳолининг фаровонлиги ишларини ва мулкни қай тарзда тартибга келтираётганлигини менга билдириб турсин.

Иккинчи — сипоҳ вазиридирки, у сипоҳийларнинг ойлик ва бошқа ҳақларини менга маълум қилсин; сипоҳ тарқоқ ҳолатга тушиб қолмаслиги учун уларнинг аҳволидан хабардор бўлсин, вазиятни англашиб турсин.

Учинчиси — эгасиз қолган, ўлиб кетган ва қочганларга тегишли молларни, келиб-кетаётган [савдогарлар ва сайёҳларнинг] мол-мулкидан олинадиган закот ва божларни, мамлакат чорваларини, уларнинг ўтлов-яйловларини бошқариб, буларнинг барисидан йиғилган даромадни омонат тарзида сақловчи вазирдир. У ғойиб бўлганлар ва ўлганларнинг мол-мулки бўлса, меросхўрларига топширсин.

Тўртинчиси — салтанат ишларини юритувчи вазир. У бутун салтанат идораларининг кирим-чиқимлари, хазинадан сарф қилинган тамом харажатлар, [ҳатто] отхона ва [саройдаги] бошқа жонзотларга қилинган харажатларгача, баридан огоҳ бўлиши лозим.

Яна амр қилдимки, чегара ерлар ва менга тобеъ мамлакатларга оид [ишларга масъул] уч вазирдан иборат давлат ҳайъати (холиса) тузилсин. Улар мазкур жойлардаги молиявий муомалаларни ва келадиган даромадларни бошқарсинлар.

Бу етти вазир девонбегига бўйсунishi лозим ва у

билан иттифокда муҳим молиявий ишларни амалга оширмоқлари ва менинг арзимга етказишлари зарур.

Яна ҳукм қилдимки, бир кишини арзбеги қилиб тайинласинлар. У сипох, раият ва арз-дод қилиб {ҳузуримга келувчиларнинг} аҳволини, мамлакатнинг обод-хароблигини, муҳим ишлардан қайси бири битган-битмаганлигини менинг арзимга етказиб турсин.

Амр қилдимки, садри аъзам саййидлар ва бошқа арбобларга суюрғол тариқасида берилган ерлар ва вақфларнинг аҳволини, уларга ажратилган жамғармаларнинг тақсимланишини менга арз қилиб турсин.

Ислом қозиси шарият ишларининг бориши ва ажрим қозиси дунёвий ишлар ҳақида менга билдириб турсинлар. Яна амр қилдимки, салтанат ишлари, мамлакатни идора этиш, ундаги ўзгаришлар, алмаштиришлар, сипоҳийлар ва амирларнинг тайинланиши, турли кенгаш-тадбирларни ҳос мажлисда менга арз этсинлар. Бу мажлисларда махфий ва сирли ишларни пинҳон тутишга қодир махсус котиб ҳозир бўлиб, ростлик қалами билан яширин кенгашларни ва гапларни ёзиб бурсин.

Ва яна мажлис котибларини тайинлашни буюрдимки, девон мажлисида навбатма-навбат ҳозир бўлиб, мажлисда кўрилган ва ҳал қилинган муҳим масалалар ва айрим ишлар тафсилотларини ёзиб олиб, сақлашлари лозим. Менга арз қилинган гаплар, чиқарган ҳукмларим, мажлисларда кўрилган мамлакат аҳамиятига молик ишлардан тортиб жузъий ишларгача, барчасини, қаламга олиб, [бошимдан кечирган] воқеалар дафтарига киргизсинлар.

Салтанатнинг ҳар бир идорасида бўладиган қирим-чиқимларни, кундалик харажатларни ёзиб бориш учун бир котиб тайинлансин.

УЛУСЛАР, ҚЎШИНЛАР ВА ТУМАНЛАРНИНГ АМИРЛАРИНИ ТАЙИНЛАШ ТУЗУГИ

Буюрдимки, ясоқ чоғида ҳар бир улус ва туман амири ҳар чодирликдан бир отлик, ҳар икки олачукдан бир отлик, ҳар бир уйдан бир отлик аскар ажратиб, ўзлари билан бирга олиб кетсинлар. Улар қайси мамлакатга келиб тушсалар, оладиган ҳақлари ўша ернинг суғориладиган майдони ва ўтлоғи ҳисобидан белгилансин. Улусларнинг амирларига ярғу ва байроқлар берсинлар. Амирлар, улуслар ва туманларнинг ҳол-қудратига яраша, отлик аскар ҳозирлаб юришга олиб келсинлар.

Қарамоғимдаги кирк аймақдан ўн икkitасига — барлос, тархон, арғин, жалойир, тулкичи, дулдай, мўғул, сулдус, туғой, кипчок, орлот, тоторга тамға берилсинким, булар менинг хос навкарларим бўлиб ҳисоблансинлар.

Барлос уруғидан қуйидаги тўрт кишини амир улумаро қилдим: амир Худойдод, унга Бадахшон мамлакатини инъом этдим; амир Жоку, амир Ики Темур ва амир Сулаймоншоҳга ҳам биттадан чегара мамлакатни бердим. Барлос уруғидан яна юз кишини мингбоши қилдим. Амир Жалолиддин барлосни ўнинчи амир, Амир Абу Сайидни тўққизинчи амир даражасига кўтардим.

Тархон улусидан амир Боязидни еттинчи амир даражасига тайинладим. Улардан йигирма кишини юзбоши қилдим.

Арғин улусидан Тошхўжани саккизинчи амир қилдим. Булардан йигирма кишини мингбоши, юзбоши ва ўнбоши қилиб тайинладим.

Жалойир улусидан Тўқ Темур ва Шер Баҳромни саккизинчи ва тўққизинчи амир этиб тайинладим. Булардан йигирма кишини юзбоши ва ўнбошиликка белгиладим.

Тулкичи улусидан Ўлжойту Апердига амирлик мартабасини бердим.

Дулдай улусидан Тобон баҳодир ва Сон баҳодирга амирлик мартабасини бердим.

Мўғул улусидан Темирхўжа ўғлонни амирлик мартабасига етказдим.

Сулдус улусидан Элчи баҳодирга амирлик мартабасини бердим.

Тугой улусидан Али Дарвишни амир қилдим.

Орлот улусидан амир Муайядниким, синглим унинг никоҳида эди, амир ул-умаро этиб тайинладим. Сулойчи баҳодирни ҳам амирликка қўтардим.

Ярғу — ёсо ва юсун(х.) асосида чиқарилган ҳукм; бу ерда бирон ҳақ-ҳуқуқ берувчи расмий ҳужжат маъносида.

Тотор улусидан Қўнақхонга амирлик [мартabasини] бердим.

Тамгага етмаган йигирма саккиз аймоқ бошлиқларига улус амирлигини бердим. Улар юриш, жангу жадал пайтида тузуқка биноан ўз улусидан отлиқ аскар тўплаб, ҳозир бўлсинлар.

НАВКАРНИНГ БЕГИГА ВА БЕКНИНГ НАВКАРИГА МУОМАЛА ҚИЛИШИ ТУЗУГИ

Тўғри навкар билсинким, у агар ўз навкари бўлган тақдирда ундан нимани кўзласа, айнан шу нарсани беги ҳам ундан кўзлайди. Шундай бўлгач, ўзини бек хизматидан озод этилган, деб ҳисобламасин. Яна шуни ҳам билиши керакки, агар беги унга аввалига иноят-марҳаматлар қилса-ю, охири иноятсизлигу илтифотсизлик қилса, у ҳолда айб ва нуксонни бегидан эмас, ўзидан ахтарсин. Тўғри навкар ўз бегига ихлос қўйиб, холис хизмат қилиши керак. Қайси навкар бегига ихлос қўймай, кўнглида гина-

кудурат сакласа, ихлоссизлик ва адовати туфайли бахтсизликка дучор бўлади. Лекин ўз бегига ихлос қўйган навкарнинг бойлигу давлати ва неъматлари кундан-кун ортиб боради.

Бегига эътиқоди кучли навкар улким, унинг оғир-қаттиқ эътирозли сўзларидан ранжиб, кўнглида кек сакламайди. Бегидан танбех эшитса, ўзини айбдор деб билади. Бундай навкар таъмину тарбияга лойиқдир.

Қайси навкарнинг қиммати емак-ичмак, яхши кийинмаккагина боғланар экан, албатта, иш вақтида сусткашлик қилади.

Қайси навкар ўз хизмати, ҳақ-бурчини унутиб, иш вақтида [меҳнатдан] юз ўғирар экан, ундай навкардан юз ўғирмоқ лозим. Қайси навкар иш вақтида баҳона излаб, жангу жадал пайтида ижозат сўраб, қочишни мўлжалласа, бугунги ишни эртага қолдирса, (Пўлод ва Темур ўғлон бошимга иш тушганда, ўзларини шу қабилда тутиб, мени ташлаб кетганлари каби) бунга ўхшаш навкарлар номларини ҳам тилга олишга муносиб эмасдирлар. Бундай одамларни парвардигори олам [хукмига] топшириш зарур.

Яна ҳақиқий подшоҳларга лозимдирки, қайси навкарни ўзлари улуғлаб [мартабасини] кўтарган бўлсалар, тезда уни хорлаб тубан туширмасинлар. Ўзлари кўтарган кишиларни ташламасинлар. Кимники билган ва таниган бўлсалар, уни унутмасинлар. Агар аҳён-аҳёнда унинг иззат-нафсига тегиб хўрлаган бўлсалар, эвазига илгаригидан икки баробар ортиқ иззатини оширсинлар ва ўша навкарни ўз ихлоси ва эътиқодига ҳавола қилсинлар. Агар у кўнглида гина-адоват сакласа, тез орада ўзи бахтсизликка учрайди. Бегининг кўнглида яхшилиги билан жой олган ҳар бир навкар куни келиб яхшилиқ кўриши аниқдир.

Қайси бир навкар ўз ихтиёри биланми, ёки ихтиёрсизми бегидан ажраб кетса-ю, кейинроқ яна қайтиб

келса, уни ҳурматласинлар, чунки у ажралиб кетганидан пушаймонлиги учун ҳам қайтиб келган.

Яна амр қилдимки, ғаним томонидаги навкар бизга қарши қилич кўтарар экан, ўз юртини туз ҳақини ҳалоллаган саналади. Агар шундай кишилардан биронтаси жанг пайтида қўлга тушса ёки ғаним томонидан умиди узилиб, бизга келиб хизмат қилишни истаса, уни азиз тутсинлар, мартабасини ошириб, вафодор одам деб билсинлар. Чунончи, Менгли Буғо, Ҳайдар Андхудий ва амир Абу Саид — булар олти минг отлиқ аскар билан Балх дарёси¹⁶⁹ бўйида менга қарши жанг қилдилар. Кейинроқ, Туғлуқ Темурхондан ноумид бўлиб, менинг паноҳимга келганларида уларга иззат-икром кўрсатиб, Ҳисори Шодмон, Андижон ва Туркистон вилоятларини уларга инъом қилдим.

Ва амр қилдимки, ҳар бир навкар ғаним наздида ҳурмат-эътиборга эга бўлиб қадрланса-ю, бироқ жангу жадал пайтида ўз бегига хиёнат, унинг душманига дўстлик қилса, туз ҳақини, бек ҳурмати, навкарлик [бурчини] ва ундан кўрган ноз-неъматларини унутса, ўз бегининг душманига ён босиб, уни бегидан устун қўйса, бундай кимсани хизматга йўлатмасинлар. Ҳаётнинг ўзи бундайларнинг қилмишига яраша жазосини беради.

Қайси бир навкар юриш вақтида ўз бегидан юз ўгириб, ундан ажралиб, [сизнинг] олдингизга хизмат истаб келса, ундай навкарга ишониб бўлмайди. Агар у маълум муддатдан кейин кўп хизмат қилиб вафодорлигини кўрсатса, у чоғда уни олиб қолса бўлади. Агар [бундай навкар] тинчлик вақтида сизга хизмат қилишни ихтиёр этса, уни қадрласинлар. Агар вазирлардан ёки навкарлардан биронтаси [уруш кунларида] тадбиркорлик

¹⁶⁹ Балх дарёси — Амударёнинг ўрта оқими.

ишлатиб, душман билан алоқа боғлаб, унга ошнолик қилса ва шу тариқа ўз бегининг ишини битирса, ундай одамни энг ақлли дўстлардан ва хизматкорлардан деб ҳисоблаш зарур. Лекин бирон навкар ёв билан келишиб, ўз эгасига мунофиқлик қилса, бундай навкарни душманга тақдим этиш лозим.

Агар навкарлардан бири қилич чопишиб, ғанимни синдирар экан, ғаразгуй одамларнинг унинг ҳақида айтган гапларига қулоқ солмасинлар. Унинг қилган хизматларини яширмасинлар, аксинча, бир хизматини ўнга йўйсинлар, мартабасини оширсинлар, токи бошқа навкарлар буни кўриб жонбозлик қилишга рағбатлансинлар.

Сипоҳий қисмлардан ёки амирлардан қайси бири ёв билан келишиб, ғанимлар сафиға бирлашар экан, уларни юртдан чиқариб, ҳеч ердан ўрин бермасинлар. Бунга мисол, Кеш лашкарининг саркардалари мендан юз ўгириб, амир Ҳожи барлос аскарига қўшилдилар. Шундан кейин мен уларга ишонмай қўйдим.

Агар навкарни бирон мамлакатга ҳоким қилган бўлсалар-у, у бевафолигидан душман билан келишиб, юртни унга таслим қилса, уни ўлим жазосига маҳкум этсинлар. Мамлакатни қўл остида сақлаб қололган навкарни эса юқори мартабага кўтариб, ҳурматласинлар.

Қайси бир амир уруш кунлари, аҳвол танг бўлган пайтда, жанг майдонида ихлос қадамини маҳкам қўйиб, дўст-ошнолик ҳақини сақлаган бўлса, уни ўз оға-инисидек кўрсинлар. Чунончи, Кеш амирлари ва лашкари мендан бутунлай юз ўгирганларида ва амир Жоку барлосдан бошқа ҳеч кимса олдимда қолмаган бир пайтда, мен амир Жокуни ўз азиз оғамдай кўриб, давлатимнинг ишончли одами деб билдим. Уни амир ул-умаро этиб тайинлаб, Балх ва Ҳисор мамлакатларини унга инъом қилдим.

ДЎСТУ ДУШМАНГА МУОМАЛА ҚИЛИШ ТУЗУГИ

Турон мамлакатини фатҳ этган куним ва пойтахт Самарқандда салтанат тахтига ўтирганимдан сўнг, дўсту душман билан [муомалада] бир текис йўл тутдим. Менга ёмонлик қилган, ҳийла-макр ишлатиб, жанг майдонида менга қарши қилич яланғочлаган Бадахшон амирлари, турку тожик қўшинларининг баъзи амирлари қилган кингир ишларидан кўрқувда эдилар. Чорасиз қолиб, илтижо билан менинг паноҳимга келганларида уларга шундай яхшиликлар қилдимки, менинг иноятим ва хайр-эҳсонимни кўриб, ўзлари шарманда бўлдилар. Кимни ранжитган бўлсам, эҳсону инъомлар билан кўнглидаги хафагарчиликни чиқардим ва мартабаларига қараб имтиёзлар бердим.

Лекин сулдус ва Жете амирларидан нафратландим, чунки улар Қобилшоҳ Чингизийни¹⁷⁰ амирлик, [кейинроқ] хонлик тахтига ўтказиб, унга дўстона ихлос билан хизмат қилиш хусусида аҳду паймон қилгандилар. Бирок кейинроқ менинг салтанат тахтига ўлтирганимни эшитишгач, менга хушомад қилмоқчи бўлиб, онтларини буздилар ва уни ўлдирдилар.

Менга ҳасад қилиб, ўлдиришга қасд этган кишиларга шунчалик совға-инъомлар бериб, муруввату эҳсон кўрсатдимки, яхшиликларимни кўриб, хижолат териға ғарк бўлдилар.

Ҳамиша менинг розилигимни олиб иш тутган дўстларим олдимга паноҳ излаб келганларида, уларни ўзимнинг бахту давлатимга шерик билиб, ҳеч қачон мол-мулк ва тирикчилик ашёларини улардан аямадим.

¹⁷⁰ Қобилшоҳ — асли чингизий шахзодалардан, дарвиш табиат одам. 1370 й. бошида амир Ҳусайн ва унинг атрофидагилар уни Балхда хон қўтардилар. Лекин, орадан тўрт ой ўтиб, уни ўзлари тахтдан тушириб, қатл этдилар.

Яна тажрибамдан билдимки, содик ва вафодор дўст улким, ўз дўстидан ранжимаиди, дўстининг душманини ўз ёви деб билади. Агар керак бўлса, дўсти учун жонини ҳам аямайди. Шундайки, амирларимдан қай бирлари менга жон-дили билан ҳамроҳлик қилган бўлсалар, мен ҳам улардан ҳеч нарсани аямадим.

Яна ўз тажрибамда кўрдимки, ақлли душман жоҳилу нодон дўстдан яхшироқ экан. Чунончи амир Қазаған¹⁷¹ нинг набираси амир Ҳусайн нодон дўстлардан эди. Унинг дўстлик юзасидан қилган ишларини ҳеч бир душман қилмайди.

Амир Худойдод менга шундай деди: "Душманингни лаълу жавоҳирдек сақлагил, қачонки бирон тошлок ерга келиб қолсанг, уни олиб тошга шундай ургинки, толқони чиқиб, ундан нишон ҳам қолмасин". У яна шундай деди: "Агар душманинг бош уриб паноҳингга келса, раҳм қилиб, яхшилик ва мурувват кўрсатгил". Чунончи, мен Тўхта-мишхонга қилганим каби. У паноҳимга сиғиниб келганда, унга яхшилик ва мурувват кўрсатдим. Агар душман сендан мурувват ва хайр-эҳсон кўрса-ю, яна қайтадан душманлик йўлини тутса, уни парвардигорнинг [ҳукмига] топшир.

Чин дўст улдирки, дўстидан ҳеч қачон ранжимаиди, агар ранжиса ҳам, узрини қабул қилади.

САЛТАНАТ САРОЙИДА ЎТИРИШ ВА ЎРИН ОЛИШ ТУЗУГИ

Амр этдимки, ўғилларим, набираларим ва қавм-кариндошларим ўз даража ва мартабаларига яраша худди

¹⁷¹ Амир Қазаған — Чиғатой улусининг амир ул-умароси; 1346 йили Қозонхонни ўлдириб, Чиғатой улусида ҳукмронликни ўз қўлига олган. Лекин орадан ўн икки йил ўтиб, ўзи ҳам бир гуруҳ фитначи амирлар тарафидан ўлдирилган.

ой кўрғонлагандек, салтанат тахтини ўраб ўлтирсинлар.

Саййидлар, козилар, уламо, фузало, шайхлар, улуғлар ва аслзодалар ўнг томондан ўрин олсинлар.

Амир ул-умаро, бекларбеги, амирлар, нўёнлар, улус, туманлар ва қўшинларнинг сардорлари ва амирлари, мингбошилар, юзбошилар, ўнбошилар, ўз мартабаларига яраша, чап қўл томонда ўтирсинлар.

Девонбеги ва вазирларнинг ўрнини тахт қаршисидан кўрсатдим. Турли мамлакатлар, эл-улусларнинг юрт-оғалари ва беклари эса, вазирлар орқасида катор бўлиб ўтиришларини буюрдим.

Баҳодир деган фахрли номга эга бўлган мард йигитлар, қилич чопиб танилган ўғлонлар, салтанат тахтининг орқасида, ўнг қўл томонда ўтирсинлар. Қоровулбегилар эса салтанат тахтининг орқасида, чап қўл томонда ўтиришларини буюрдим.

Хировул амири менинг рўпарамдан ўрин олсин. Ички¹⁷², хусусий ясовулим эса катта чодир эшиги олдида, тахтим поясининг тўғрисида тик турсин. Арздод қилиб келганлар ўнг ва чап томонда тик турсинлар.

Оддий сипоҳийлар, хизматчи ва сарой кишилари, ҳар қайсилари ўз мартабаларига яраша саф тортиб, ўз жойларини билиб тик турсинлар.

Ўрин олиш қоидаларининг бажарилишини назорат килувчи тўрт амирга, мажлисга ҳозир бўлганларни ўз тартиби билан тахтимнинг ўнг ва сўл, олди ва орқасига жойлаштиришларини буюрдим.

Яна ҳукм қилдимки, қачон мажлис қоидага мувофиқ тартибга келтирилгач, минг товоқ ош, минг дона нон тортиб, умум йиғилганларга шоҳона шўлон¹⁷³ берсинлар. Минг товоқ ошни мумтоз ва хос кишилар базмига олиб

¹⁷² И ч к и — подшоҳ ва хонларнинг хос хизматчилари ва беклар.

¹⁷³ Шўлон — зиёфат.

келиб, шундан беш юз товоғини улус амирларига, саркардаларга, оқсоқолларга, ҳар қайсисининг номига атаб тарқатсинлар.

МАМЛАКАТЛАРНИ ЗАБТ ЭТИШ ТУЗУГИ

Бирон мамлакатда жабр-зулм ва фисқу фасод кучайиб кетаркан, асл подшоҳлар адолат ўрнатишиб, фисқ-фасодни, зулмни йўқотиш ниятида ана шундай мамлакатга хужум бошлаши лозим. Тангри таоло шу ниятнинг шарофати билан мамлакатни золимнинг қўлидан тортиб олиб, одил [подшоҳ]га топширади.

Чунончи, мен Мовароуннаҳр вилоятида адолат ўрнатиш ниятида уни золим ўзбакия тоифасининг қўлидан тортиб олдим.

Қайси бир мамлакатда шариат заифлашган бўлса, Аллоҳ улуғ қилган нарсаларни хор тутсалар ва Худонинг хос бандаларини ранжитсалар, чинакам жаҳонгир султон, ҳазрати Муҳаммад (саллоллоҳу алайҳи васаллам) дин ва шариатига ривож бериш учун ўша мамлакатга кирсин. Худонинг расули унга мададу иноят кўрсатгай. Бунга мисол, мен Ҳиндистон пойтахтини Фирузшоҳ¹⁷⁴нинг набираси Султон Маҳмуд¹⁷⁵дан, Маллухон¹⁷⁶ ва Соранг¹⁷⁷дан тортиб олдим, дину шариатга ривож бердим ва ўша диёрнинг бутхоналарини буздим.

¹⁷⁴ Фирузшоҳ — Шимолий Ҳиндистонда ҳукмронлик қилган Туғлуқлар сулоласи (1320 — 1413)дан чиққан ҳукмдор (1351 — 1388).

¹⁷⁵ Султон Маҳмуд — Шимолий Ҳиндистонни идора қилган Туғлукийлар сулоласидан. У мамлакатни 1393—1399 йиллари бошқарган.

¹⁷⁶ Маллухон — Дехли ҳокими, Туғлукий султон Маҳмудхоннинг катта амири; зўр нуфузга эга ва мамлакат жилови унинг қўлида бўлган.

¹⁷⁷ Соранг — Маллухоннинг иниси. Ўша пайтларда Мултон вилоятининг ҳокими лавозимида турган.

Қайси мамлакатнинг аҳолиси ўз ҳокими ёки волийсидан озор чеккан ва ўша диёр аҳлининг кўнгли ўз волийсидан қолган бўлса, мамлакатларни забт этгувчи чинакам подшоҳ у ерларни ўз тасарруфига олсин. Одил подшоҳ у ерга қадам қўйиши билан фатҳу зафар ҳам унга ёр бўлиб, [у билан] бирга киради. Бунга мисол, мен Хуросон вилоятини Карт султонлари¹⁷⁸ дан ажратиб олдим¹⁷⁹. Хуросон пойтахти Ҳиротга қараб юзланишим билан Султон Ғиёсиддин¹⁸⁰ бутун мамлакатни, хазинадафиналари билан пешкаш қилиб менга топширди.

Қайси мамлакатда диндан қайтишлик ва худосизлик кучайса ва у диёрнинг аҳолиси, сипоҳу раият турли маслакка кириб, иттифоқлари бузилса, у мамлакатнинг ҳалокати яқиндир. Чинакам жаҳонгир подшоҳ ундай юрт устига босқин қилиши лозим. Мисол учун мен Ироқи аҷам ва Форс вилоятларини малъун динсизлар вужудидан тозаладим, турли тоифадаги ҳукмдорларни ағдариб, худо бандаларини, ҳар ерда ўз салтанати байроғини кўтарганларни жабр-зулмдан қутқардим.

Қайси бир вилоят халқининг эътиқоди ҳазрати саййид ал-мурсалин¹⁸¹, (унга оллоҳнинг марҳаматлари бўлсин,) хонадони акидаларидан фарқланиб ўзгарган бўлса, подшоҳлар ўша вилоятни босиб олишлари ва у ер халқини бузук эътиқодларидан қайтаришлари лозим. Бунга мисол,

¹⁷⁸ Карт султонлари — Хуросон, Шимолий Ҳиндистонни 1000 — 1215 йилларда ва ундан кейин 1245 — 1381 йилларда Ғур билан Ҳиротни идора қилган сулола. Сўнгги сулолага малик Шамсуддин Муҳаммад (1245 — 1278) асос солган.

¹⁷⁹ Амир Темур Ҳиротдаги Картлар сулоласини 1381 йили тугатган.

¹⁸⁰ Султон Ғиёсиддин — сўнгги карт малики Султон Ғиёсиддин Пир Али (1373—1381).

¹⁸¹ Саййид ал-мурсалин — барча пайғамбарларнинг етакчиси; Муҳаммад пайғамбарнинг фахрли номларидан.

мен Шом вилоятига кириб, бузук эътикодли кишиларни жазоладим.

Жахонгирлик қилишга киришганимда тўрт нарсани хотиримда маҳкам сақладим.

Биринчиси — қайси мамлакатни забт этмоқчи бўлсам, тўғри тадбир ва кенгаш билан иш тутдим.

Иккинчиси — хатога йўл қўймаслик учун ҳар бир ишни кўп ўйлаб, сергаклик ва эҳтиёткорлик билан қилдим. Шунинг учун менга Аллоҳнинг мададу инояти етиб, нима тадбир қўллаган бўлсам, тўғри чиқди. Ҳар ер эл-улусининг табиати ва халқининг мизожларини хотиримга келтириб, уларнинг табиатига мувофиқ йўл тутиб, шунга қараб уларга ҳоким тайинладим.

Учинчиси — уч юз ўн уч асл, зотли, шижоатли ва ақл-фаросатли эр йигитларни атрофимга бирлаштирдим. Бирлик-иттифоклари шундай эдики, ҳаммалари гўё бир тандек эдилар. Барчаларининг мақсадлари, раъйлари, сўзлари ва ишлари битта эди. Бир ишни қилайлик деб қарор қилсалар, тугатмагунларича ундан қўл узмас эдилар.

Тўртинчиси — бугунги ишни эртага қолдирмадим. Юмшоқлик қилишга тўғри келса, мулойимлик қилдим; қаттиққўллик ишлатиш вақти етса, қатъий чоралар кўрдим. Шошмаслик керак ерда шошилмадим, шошилиш ишларни кечиктирмадим. Қайси ишни чораю тадбир билан битиришнинг иложи бўлса, унда қилич ишлатмадим.

Кундузлари тажрибали ва доно кишилар билан турли мамлакатларни забт этиш шатранжи устида бош қотирдим. Кечалари бўлса тўшагимда ёнбошлаб олиб, мамлакат ишларини қандай юргизиш кераклиги ҳақида ўйладим ва уларни бажариш воситаларини ўзимча тасаввур қилиб кўрдим. Ўзга мамлакатларни забт этиш йўллариини ўз кўнглимда чамалаб, қай тарзда хужум қилиб, қандай чекиниш мумкинлигини белгилар эдим. Сипоҳийларим

билан қандай муомала қилишим тўғрисида фикр юргизиб, қайси бирини қандай тарбият қилишим керак, қайси ишни қай бирига топширсам, хато қилмаган бўламан деб, ҳар ишнинг олди-кетини ўйлар эдим.

Сипоҳ бошлиқларидан қайси бири менга дўстлик қилса, унга ортиғи билан хайр-эҳсон қилдим. Яхшилик қилсам, ёмонлик билан жавоб берган кимсаларни ҳаромзода деб билдим. Икки олам эгасининг (Худонинг) расули дебдиларким: "Зинодан туғилган киши ўзига яхшилик қилган одамга ёмонлик қилмагунча дунёни тарк этмайди."

Пирим менга ёздиким; "Худонинг ва Пайғамбарининг ҳукмига амал қилгин, расулиллоҳнинг зурриётига ёрдам бер, тангрининг неъматларини еб, яна унга ва Худо пайғамбарларига душманлик қилган подшоҳларни Аллоҳнинг мулкидан чиқар. Тангрининг мулкида адолатли иш тутгилким, шундай демишлар: "Мамлакат куфр билан туриши мумкин, лекин зулм бор ерда туролмайди".

Қабиҳ хатти-ҳаракат, ёмон ишлардан Аллоҳ мулкини тозалагин. Ёмон таом баданга қандай зиён қилса, ёмон хатти-ҳаракат ҳам оламга шундай таъсир кўрсатади. Зулмнинг ном-нишонини йўқот. Золимнинг дунёда узок ҳаёт кечиришини яхшиликдан деб била кўрма. Золим ва фосиқларнинг узок яшашига сабаб шуки, ўзларидаги бор ёмонликларини юзага чиқариб, тугатмагунларича Тангри уларга муҳлат беради, кейин Аллоҳнинг қаҳру ғазабига учрайдилар. Гоҳида Аллоҳнинг қудрати билан золимлар, фиску фужур қилувчилар, бирдан банду зиндонга, талон-тарожга, очликка, қахатга, вабога, тўсатдан ўлишга гирифтор бўладилар. Гоҳида бегуноҳ бўлган, яхши, тўғри ва такводор кишилар ҳам ёмонларнинг қилмишларидан офату балога учрайдилар. Шундайким, тўқайга ўт тушса, ҳўлу куруқка қарамай барчасини куйдиради. Кофирлар,

золимлар, фосиқу фужурлар қанча кўп зулм-хиёнат, фиқс-фасод қилсалар, ноз-неъматлари шунча кўпаяр экан, деб ўйламагин. Қисқаси, уларнинг неъматлари кўпайишининг сабабини билиб олиш керак. Бунинг сабаби ушбудир: "Эҳтимол, ҳақиқий неъматлар берувчининг (Аллоҳнинг) иноятини кўриб, улар [балки] зулмдан, фиқс-фасоддан қайтиб, имон-инсофга келиб, унинг неъматларига шукр қилсалар", деб шундай қилингандир. Бироқ Аллоҳга шукр айтишни унутарканлар, Тангрининг даргоҳига қайтмас эканлар, Худо ва унинг Расули неъматлари ҳақини билмас эканлар, охир-оқибат Парвардигорнинг қаҳру ғазабига гирифтор бўладилар".

Пиримнинг бу мактуби менга етиб келгач, Худо мулкани золимлар, бидъатчи мунофиқлар, фосиқу фужурлар қўлидан тортиб олиш, уларни йўқотиш учун белга химмат камарини боғладим.

САЛТАНАТНИ ИДОРА ҚИЛИШ ТУЗУГИ

Қайси мамлакатни забт этган бўлсам, ўша ернинг обрў-эътиборлик кишиларини азиз тутдим; саййидлари, уламолари, фузало ва машойихига таъзим бажо келтирдим ва хурматладим. Уларга суюрғол, вазифалар бериб, маошларини белгиладим; ўша вилоятнинг улуғларини оғаниларимдек, ёшлари ва болаларини бўлса, ўз фарзандларимдек кўрдим. Мазкур мамлакатларнинг сипоҳи учун даргоҳимга йўл бердим. Раиятини ўзимга қаратиб олдим. Ҳаммани кўрқув ва умид орасида сакладим. Ҳар мамлакатнинг яхши кишиларига мен ҳам яхшилик қилдим, нафси ёмонлар, бузуқлар ва ахлоқсиз одамларни мамлакатимдан қувиб чиқардим. Пасткаш ва разил одамларга ўзларига лойиқ ишлар топширдим, ҳамда ҳадларидан ошишларига йўл қўймадим. Улуғларини ва

шараф-эътиборли кишиларни ҳурматлаб, мартабаларини оширдим. Ҳар мамлакатда адолат эшигини очдим, зулму ситам йўлини тўсдим.

[Ўз эрки билан] менга бўйсунган вилоят ҳокимларига ўша юрт ҳукуматини қайтариб бердим ва уларни инъому эҳсон билан кадрлаб, ўзимга мутеъ қилиб олдим. Бўйсунмаганларини эса қилмишига яраша жазоладим. Одил, оқил ва уddaбурон кишиларни уларга ҳоким этиб тайинладим.

Амр этдимки, "ўғри ва қарокчиларни "Яса" асосида жазоласинлар; фасодчи, бузуқи, нафси ёмон кишиларни мамлакатдан ҳайдасинлар. Эзма-бекорчи одамларни вилоят ва шаҳарларда қолдирмасинлар."

Ҳар бир шаҳар ва қишлоққа қутвол тайинласинларки, сипоҳу раиятга соқчилик қилсин ва кимнинг бирон нарсаси ўғирланса, бунинг масъулияти унинг зиммасида бўлсин.

Ва яна буюрдимки, йўл устига кузатувчилар, зобитлар тайинласинларки, йўлларни қўриқлаб, йўловчилар, савдогарлар, мусофирларни кузатиб, мол-мулки ва бошқа нарсаларини манзилдан-манзилга етказиб қўйсинлар. Йўл устида бирортасининг нарсаси йўқолса, ўзи ўлдирилса ёки бошқа қор-қол юз берса, булар учун жавобгарлик уларнинг зиммасида бўлсин.

Яна буюрдимки, ҳар ернинг ғаразгўй, тухматчи ва нафси бузук кишиларнинг тухмат сўзлари билан катта ва кичик шаҳарлар аҳолисидан ҳеч кимни жазоламасинлар. Фақат бировнинг ғуноҳи тўрт кишининг гувоҳлик бериши билан исботланса, ғуноҳига яраша жазоласинлар. Амр этдимки, ҳеч бир шаҳар ва қишлоқда одамлардан жон солиғи, уй солиғи олмасинлар. Сипоҳийлардан бирон киши раиятнинг хонадонига зўрлик билан келиб тушмасин, раиятнинг от-уловини тортиб олмасин.

Ҳар бир мамлакатнинг раияти билан бўлган муома-
лада уларга нисбатан ҳолислик билан иш тутсинлар. Яна
буюрдимки, ҳар мамлакатнинг гадоларига вазифа юклаб
иш берсинлар, токи шу йўл билан гадолик йўқотилсин.

МУЛКУ МАМЛАКАТ, СИПОҲУ РАИЯТ АҲВОЛИДАН ХАБАРДОР ВА ОГОҲ БЎЛИБ ТУРИШ ТУЗУГИ

Ҳар ерда, вилояту шаҳарда ва ўрдада кундалик
вокеаларни ёзувчиларни тайин қилсинларки, ҳокимлар,
раият, сипоҳ, мамлакатнинг ва ёт лашкарининг хатти-
ҳаракати ҳақида мени хабардор қилсин. Атрофдан кирган-
чиққан мол-мулк, четдан кирган ва четга чиққан ёт
кишилар, ҳар мамлакатдан келган карвонлар ва
ҳукмдорлик ҳақидаги хабарлар, қўшни подшоҳлар,
уларнинг гап-сўзлари, ишлари ва узоқ ўлкалардан бўлиб,
менинг даргоҳимга юзланган уламо, фузало ҳақидаги
сўзларни тўғрилиқ билан менга ёзиб турсинлар. Агар бунга
хилоф иш тутгундай бўлсалар, [бўлиб ўтган] вокеаларни
ёзмасалар, ёзғувчининг хабар ёзган бармоқлари кесилсин.
Агар хабар ёзувчи бирор сипоҳийнинг хизматини яширса,
ёхуд хабарни бошқа либосга кийинтириб [ёлғон] ёзган
бўлса, у ҳолда унинг қўлини кессинлар. Агар ёлғон
хабарни тухмат ёки ғараз билан ёзган бўлса, уни қатл
этсинлар ва яна амр этдимки, ушбу хабарларни кунма-кун,
ҳафта-ҳафта, ойма-ой менинг арзимга етказиб турсинлар.

Амр қилдимки, мингта тезюар туя минган, мингта от
минган елиб-югурувчи кишини чопкунчи, минг нафар
тезюар пиёдани [чопар] этиб тайинласинларки, турли
мамлакатлар, сарҳадлар хабарларини, қўшни ҳукмдор-
ларнинг мақсадлари ва ниятларини билиб, ҳузуримга
келиб, хабар қилсинлар, токи бирон воқеа, кор-ҳол юз

бермасидан бурун чора ва иложини қилайлик.

Чунончи, Тўхтамишхоннинг Ўрусхондан енгилгани хақида менга хабар келтирганларида, энди паноҳ излаб хузуримга келишини билдим. [Шунинг учун] Ўрусхонга қарши жанг қилишга тайёрлана бошладим ва Тўхтамишхонга ёрдам бердим.

[Шунга ўхшаш] яна бир мисол, Ҳиндистонни забт этишга азм қилганимда, бу ўлканинг ҳар бир вилоятида алоҳида ҳоким ёки волий салтанат тахтида ўтиргани хақида менга хабар келтирдилар. Чунончи, Мўлтон ўлкасида Маллухоннинг иниси Соранг, Дехлида Султон Маҳмудхон [мустақил] салтанат байроғини ёйганди. Лохур ноҳиясида Маллухон лашкар тўплаганди, Қануж вилоятида бўлса Муборақхон салтанатга даъвогарлик қилиб бош кўтарган эди. Қисқаси, Ҳиндистоннинг ҳар бир вилоятида бирон-бир кимса салтанат тожу тахтига даъвогарлик қиларди. Бу хабар қулоғимга етгач, бу мамлакатни забт этишим осон туюлди. Лекин лашкарим назарида эса мушкул бўлиб кўринди. Чунончи Ҳиндистонни забт этган вақтимда Рум кайсари менинг баъзи мамлакатларимга чопқун қилгани, гуржилар бўлса ўз юртлари чегарасидан ташқари чиқиб, менинг лашкарларим камал қилиб турган баъзи қалъаларга ёрдам бераётгани хақида хабар келтирдилар. Ўз-ўзим билан кенгашиб, агар Ҳиндистонда кўпроқ туриб қолсам, Эрон мамлакатада тартибсизлик бошланиши мумкин, дедим. Шунинг учун Ҳиндистон пойтахтидаги ишларимни тезда тартибга келтириб, юриш бошладим. Йўлда бир неча кун Мовароуннаҳрда тўхтадим. У ердан Рум ва Гуржистон томон йўл олдим. Ўша мамлакатларнинг барисини забт этдим.

ТУРЛИ МАМЛАКАТЛАР АҲОЛИСИГА МУНОСАБАТ,
УЛАРНИНГ АҲВОЛИДАН ХАБАРДОР БЎЛИШ ҲАМДА
ДИН ПЕШВОЛАРИНИНГ МОЗОРЛАРИНИ ТУЗАТИШ,
ВАҚФ ВА НАЗР ИШЛАРИНИ ТАРТИБГА
КЕЛТИРИШ ТУЗУГИ

Амр этдимки, фатҳ этилган ҳар бир мамлакатдаги сипоҳийлар [ўз ихтиёри билан] паноҳимга келсалар, уларни навкар қилиб, [аскарларим орасидан] жой берсинлар. Ул диёрнинг раиятини ёмон ҳодисалардан, қатл эттиришдан, асиру банд этилишдан ва таланишдан муҳофаза қилсинлар. Уларнинг мол-мулкани, буюмларини талон-тарождан сақласинлар. Ўша мамлакатдан тушган ўлжа молларни эгаларига қайтариб берилишини текширсинлар.

Саййидлар, уламо, машойих, фузало, улуғларни азиз тутсинлар. Беклар, оқсоқоллар, деҳқонлар ва экин майдонларига ишлов берувчилар кўнглини хушнуд этиб, ўзларига қаратсинлар. Раиятни умид ва кўрқинч орасида тутсинлар. Гуноҳлари ва қилмишларига яраша жазоласинлар. Менга бўйсунган мамлакатларнинг саййидлари, олимлари, шайхлари, фозил кишилари, дарвишлари, зохидларини суюрғол, вазифа ва ойлик билан сийласинлар. Факиру мискин, бирон касб қилишга ожиз шол-кўрларга нафақа белгиласинлар. Мударрислар ва шайхларга кундалик маошларини белгиласинлар.

Авлиёлар, дин пешволарининг мазорлари ва макбараларига вақфдан маблағ ажратсинлар. У ерларни палос, таом ва чироқ билан таъминласинлар. Биринчи навбатда амир ул-мўминин, мард кишилар шоҳи Али ибн Абу Толибнинг, унга Аллоҳнинг карами ва эҳсони бўлсин, муқаддас қабрларини яхши сақлаш учун Нажаф ва Ҳулани

вақф этиб берсинлар. Имом Ҳусайннинг, Аллоҳ ундан рози бўлсин, нурга чўмган муқаддас мазори, авлиёлар улуғи шайх Абдулқодир Жилонийнинг муқаддас қабри, имоми Аъзам Абу Ханифа¹⁸²нинг, унга Аллоҳнинг раҳмати бўлсин, мақбарасини ва Бағдодда нурга чўмган бошқа машойихлар, дин пешволари ва улуғларнинг мазорларини яхши сақлаш учун баҳоли қудрат Карбало, Бағдод ва уларнинг атрофидаги кишлоклар ва бошқа жойлардан вақф сифатида ер-сув ажратсинлар. Имом Мусо Козим¹⁸³, имом Муҳаммад Нақий, Салмон Форсийларнинг нурли равзалари учун эса Ал-Жазоир экин майдонларидан ва Мадоин¹⁸⁴ даромадидан вақф белгиласинлар. Имом Али ибн Мусонинг табаррук равзалари учун Кутахбаст ва Тус шаҳари атрофидаги ерлардан вақф ажратсинлар ва палос, чирок ҳамда кундалик емиш-ичмишлар белгиласинлар. Шунингдек, Турон ва Эрондаги шайхларнинг мазорлари ва қабрлари учун ҳар бирига алоҳида, номма-ном назру вақфлар ажратсинлар.

Яна буюрдимки, ҳар бир мамлакат фатҳ этилгач, у ернинг гадоларини тўплаб, кундалик емиш-ичмишларини бериб, уларга бирон иш берсинлар. Ҳамда барчаси тамғалансинлар, токи бошқа гадолик қилмасинлар. Агар тамғадан кейин ҳам гадолик қилгудек бўлсалар, уларни узоқ мамлакатларга сотиб юборсинлар ёки ҳайдасинлар. Шундагина гадо зоти мамлакатимдан йўқолади.

¹⁸² Имом Абу Ханифа (тўла исми Абу Ханифа ан-Нуъмон ибн Собит) — Ханафия мазҳабининг асосчиси; фикҳ олими (699 — 767).

¹⁸³ Имом Мусо Козим — шиаларнинг еттинчи имоми (799 й. вафот этган.).

¹⁸⁴ Мадоин — Бағдоддан 65 чакирим жануби-шарқда жойлашган қадимий шаҳар.

РАИЯТДАН МОЛ-ХИРОЖ ОЛИШ, МАМЛАКАТНИ ТАРТИБГА КЕЛТИРИШ ВА ЮКСАЛТИРИШ, УНИНГ ОБОДОНЧИЛИГИ, ХАВФСИЗЛИГИНИ АМАЛГА ОШИРУВЧИ КИШИЛАР ТУЗУГИ

Амр этдимки, раиятдан мол-хирож йиғишда уларни оғир аҳволга солишдан ёки мамлакатни қашшоқликка тушириб қўйишдан сақланиш керак. Негаки, раиятни хонавайрон қилиш [давлат] хазинасининг камбағалланишига олиб келади. Хазинанинг камайиб қолиши эса, сипоҳнинг тарқалиб кетишига сабаб бўлади. Сипоҳнинг тарқоқлиги, ўз навбатида, салтанатнинг кучсизланишига олиб боради.

Яна буйруқ бердимки, ҳар бир мамлакат фатҳ этилса ёки жанг даҳшатларисиз амну омонлик тиласа, унинг ҳосил ва даромадларини ҳисобга олсинлар.

Агар ерлик фуқаро азалдан бериб келган хирож миқдорига рози бўлса, уларнинг розилиги билан иш кўрсинлар, акс ҳолда [хирожни] тузукка мувофиқ йиғсинлар. Яна амр қилдимки, хирожни экиндан олинган ҳосилга ва ернинг унумдорлигига қараб йиғсинлар. Чунончи, узлуксиз равишда кориз¹⁸⁵, булоқ ва дарё суви билан суғориладиган экин ерларни ҳисобга олсинлар ва ундай ерлардан олинган ҳосилнинг [учдан] икки ҳиссасини раиятга, [учдан] бир ҳиссасини салтанат хазинаси учун олсинлар.

Агар раият рўйхатта олинган ерлардан бериладиган солиқни нақд ақча билан тўлашга рози бўлса, нақд ақча миқдорини саркорнинг ҳиссаси ҳисобланган ғалланинг мазкур даврдаги нархига мувофиқ белгиласинлар. Нарх-навога мувофиқ олинган ақчани сипоҳга етказсинлар.

¹⁸⁵ Кориз — ер ости сувларини тортиб чиқариш учун қурилган иншоот.

Бордию раият ҳосилни учга айиришга рози бўлмаса, у чоғда ҳисобга олинган экин ерларни биринчи, иккинчи ва учинчи жариб экин ер қилиб ажратсинлар. Биринчи жариб¹⁸⁶ дан [олинган ҳосилнинг] уч харвори¹⁸⁷, иккинчи жарибдан — икки харвор, учинчи жарибдан бир харворини ййғиб олсинлар. Бунинг ярмини буғдой, ярмини арпа ҳисоблаб, ҳосилнинг ярмини олсинлар. Агар раият бу йўсинда солиқ тўлашга рози бўлмаса, у ҳолда бир харвор буғдойига беш мискол¹⁸⁸ кумуш, бир харвор арпасига икки ярим мискол кумуш миқдорида нарх қўйсинлар. Яна қалъа фойдасига бериладиган тортикни ҳам бунга қўшиб қўйсинлар. Шулардан бошқа, қўшимча тарзда, улардан ҳеч қандай олиқ-солиқ талаб қилмасинлар.

Булардан ташқари кузги, баҳорги, қишки ва ёзги деҳқончиликдан олинган ҳосил раиятнинг ўзига бўлсин. Лалмикор ерларни эса жарибларга бўлсинлар, ҳисобга олинган бу ерлардан [солиқ олишда] учдан бир ва тўртдан бир қондасига амал қилсинлар.

Ҳар шаҳар ва ҳар ердан олинадиган жон солиғи, касб-хунардан ҳамда ўтлоқ ва сувлоқдан олинадиган солиқни тўплашда қадимдан келган тартиб-қоидага амал қилсинлар. Бордию бунга раият рози бўлмаса, бори-бўлганича иш тутсинлар.

Амр қилдимки, ҳосил пишиб етилмасдан бурун раиятдан молу жиҳот олинмасин. Ҳосил етилишига қараб, солиқни учга бўлиб олсинлар. Агар раият солиқ тўпловчи юбормасдан, солиқни ўзи келтириб берса, у ҳолда у ерга

¹⁸⁶ Ж а р и б — сатҳ ўлчови. Бир жариб 3600 кв. газга, яъни тахминан бир танобга тенг бўлган.

¹⁸⁷ Харвор — бир эшак кўтариши мумкин бўлган юк; 103 — 150 кило атрофида бўлган.

¹⁸⁸ Мискол — оғирлик ўлчови; ўша замонда бир мискол 4,235 гр.га тенг бўлган.

солиқ тўпловчи юбормасинлар. Агарда олиқ-солиқ олувчини юборишга мажбур бўлсалар, улар солиқларни буйруқ бериш ва яхши сўз билан олсинлар; калтак, аркон ишлатиб, ишни уриш-сўкишгача олиб бормасинлар. Уларни боғлаб, занжир билан кишанламасинлар.

Яна амр этдимки, кимки бирон саҳрони обод қилса ёки кориз қурса, ё бирон боғ кўқартирса, ёхуд бирон хароб бўлиб ётган ерни обод қилса, биринчи йили ундан ҳеч нарса олмасинлар, иккинчи йили раият ўз розилиги билан берганини олсинлар, учинчи йили [эса олиқ-солиқ] қонун қоидага мувофиқ хирож йиғсинлар.

Яна буюрдимки, агар [ҳар ер ва элнинг] амалдорлари ва калонтарлари оддий фукарога жабр-зулм қилса ва шу орқали бечораларга зарар еткизган бўлса, [бундай вақтларда] етказилган зарарни калонтарлардан ундириб, жабр кўрганларга берсинлар, токи улар яна ўз ҳолларига келсинлар.

Хароб бўлиб ётган ерлар эгасиз бўлса, холиса тарафидан обод қилинсин. Агар эгаси бўлса-ю, [лекин] обод қилишга қурби етмаса, унга турли асбоблар ва керакли нарсалар берсинлар, токи ўз ерини обод қилиб олсин.

Яна амр қилдимки, хароб бўлиб ётган ерларда коризлар қурсинлар, бузилган кўприкларни тузатсинлар, ариқлар ва дарёлар устига янги кўприклар қурсинлар, йўл устида ҳар манзилга работлар қурсинлар. Йўлларга кузатувчи ва соқчилар қўйсинлар, ҳар бир работга бир нечта одамни жойлаштирсинларки, йўлларни кузатиш ва сақлаш ишлари шуларга тегишли бўлсин. Йўловчилар молларини гафлат босиб, ўғирлатиб қўймасликларининг вазифаси ҳам ўшаларнинг зиммасида бўлсин.

Яна амр этдимки, катта-кичик ҳар бир шаҳар, ҳар бир қишлоқда масжид, мадраса ва хонақоҳлар бино қилсинлар,

фақиру мискинларга лангархона¹⁸⁹ солсинлар, касаллар учун шифохона курдирсинлар ва уларда ишлаш учун табиблар тайинласинлар. Ҳар бир шаҳарда сарой ва қозихона курсинлар. Ва раият ва зироатни қўриқловчи курчи¹⁹⁰лар ҳам тайинласинлар.

Яна ҳар ўлкага уч вазир тайинлашларини буюрдим. Булардан бири раият учун бўлиб, ундан йиғиладиган олиқ-солиқларнинг ундирилишини кузатиб, ҳисоботини олиб борсин. Олиқ-солиқ миқдори, солиқ тўловчиларнинг номларини ёзиб борсин ва раиятдан йиғилган маблағни сақласин. Иккинчи вазир сипоҳ ишларини бошқаради. Сипоҳга берилган ва берилиши лозим бўлган маблағ ҳисобини олиб борсин. Учинчи вазир эса дараксиз йўқолган кишилар, келиб-кедиб юрувчилар (саёхатчилар ва савдогарлар), ҳар хил йўл билан йиғилиб қолган ҳосил, ақлдан озганларнинг мол-мулки, вориссиз мол-мулкни, қозилар ва шайхулисломларнинг ҳукми билан олинган жарималарни тартибга келтирсин.

Яна амр этдимки, ўлганларнинг молларини ўз ворисларига етказсинлар. Агар вориси йўқ бўлса, уни хайрли ишларга сарф қилсинлар ёки Маккайи Мукаррамага юборсинлар.

ЖАНГУ ЖАДАЛ, УРУШ МАЙДОНИГА КИРИШ, ҚЎШИННИ САФЛАШ ВА ҒАНИМ ЛАШКАРИНИ СИНДИРИШ ТУЗУГИ

Амр этдимки, агар ғаним [лашқари] сони ўн икки минг отликдан кам бўлса, бу урушда амир ул-умаро

¹⁸⁹ Лангархона — йўловчилар қўниб ўтадиган ер; мискин ва етим-есирга таом бериладиган жой; ғарибхона.

¹⁹⁰ Қўрчи — қурол кўтариб юрувчи; подшоҳ, хон, султон ва амирларнинг шахсий қўриқчиси. Бу ерда раият ва экинзорларни қўриқловчи ҳарбий бўлинма.

[кўшинимга] сардорлик қилсин. Аймоқ ва туманлардан ўн икки минг отлик унга ҳамроҳ бўлсин. Мингбошилар, юзбошилар ва ўнбошиларни ҳам ўзига ҳамроҳ қилсин. Ғаним лашкарига бир манзил¹⁹¹ йўл қолгунча юриш қилиб, душман билан рўбарў келгач, менга хабар юборсин.

Яна амр қилдимки, ўшал ўн икки минг отлик аскарни тўккиз қисмга бўлсинлар, ушбу тартибда; қўлда бир қисм, баронғорда уч қисм, жавонғорда уч қисм, хировулда — бир қисм ва қоровулда — бир қисм турсин. Баронғорнинг ўзи хировул, чоповул ва шиқовул¹⁹² дан иборат бўлсин. Шунга ўхшаш, жавонғор ҳам, хировул, чоповул ва шиқовулдан иборат бўлсин.

Ва буюрдимки, амир ул-умаро уруш майдонини танлашда [куйидаги] тўрт нарсани назарда тутсин. Биринчиси — у ернинг сувга яқин-узоқлиги. Иккинчиси — аскар сақлайдиган ерни. Учинчиси — ғаним лашкари турган ердан тепароқда бўлиши ва офтобга рўбарў бўлмаслигини, токи қуёш шуъласи сипоҳийлар кўзини қамаштирмасин. Тўртинчиси — уруш майдони олди очиқ, кенг жой бўлиши лозим.

Яна амр этдимки, урушдан бир кун олдин лашкарни сафга тизсинлар ва тузукка мувофиқ уни қисмларга ажратиб, душман томонга қараб юрсинлар. Лашкар отларининг боши кўзланган йўналишга қаратилсин ва юрар йўлдан чап ёки ўнг ёққа бурилмасин. Яна буюрдимки, сипоҳийлар кўзи ғаним лашкарига тушиши ҳамоно, баланд овоз билан "Аллоҳу акбар!" деб такбир айтсинлар ва сурон солиб, душман черики устига бостириб борсинлар.

Лашкар назоратчиси сардорнинг жанг вақтида хато

¹⁹¹ Бир кунлик йўл.

¹⁹² Шиқовул (шиғовул) — канотлар олдига қўйилган махсус ҳарбий қисм; ўрдага кираверишда турадиган қўриқчилар бошлиғи.

қилганини кўрса, дарҳол унинг ўрнига бошқа сардорни ўтирғизсин. Амирларга ва сипоҳийларга эса мен унга ишонч билдириб берган зафарнишон ёрлиғни кўрсатсин.

Амр этдимки, сардор лашкар назоратчиси билан бирга душман сипоҳининг оз-кўплигини мулоҳаза этсинлар, саркардаларини ғаним лашкарбошилари билан солиштирсинлар. Шунга қараб, ўз сипоҳларининг каму-кўстларини тўғрилаб, жангга ҳозирласинлар. Яна ўз сипоҳининг қурол-аслаҳаларини душманники билан таққосласинлар.

[Шунингдек], ғанимнинг уруш олиб бориш йўллари-ни шошмасдан, бир зайлдами ёки шиддат билан жангга киришини кузатсинлар. Яна ғанимнинг жанг қилиш тартибини чамалаб кўрсинларки, улар бор аскари билан бир йўла от қўйиб шиддат билан турктоз ёки қисм-қисм бўлиб, кетма-кет ҳамла этадими? Яна кўрсинларки, ғаним ҳамла қилган вақтда, жанг қилиб орқага қайтиб, кейин яна ҳамла қиладими ёки биринчи ҳамласи билан чегараланиб, охиригача савалашадими? Ғаним агар орқасига қайтмай жанг қилса, сипоҳ унинг ҳамласи билан тўсатдан етган зарбага сабр-тоқат қилиб, охиригача туриб бериши керак. [Унда] шижоат бир соатлик сабр демакдир.

Амр қилдимки, душман уруш очмағунича ўзларича жангга кирмасинлар. Яна амр этдим: душман жанг майдонига киргач, лашкар бошлиғи ёсол¹⁹³ да турган тўққиз сипоҳ қисмига жангга тушиб, уруш бошлашлари ҳақида буйруқ берсин, чунки сипоҳ лашкарбошисининг вазифаси жанг вақтида кўркувдан кўл-оёғи бўшашиб, саросимага тушмайин, буйруқ беришдан иборатдир. У ҳар бир сипоҳ қисмини уруш аслаҳаларидан бири деб билсин ва ўқ-ёй, ойболта, қилич, гурзи, пичоқ ва ханжар каби ҳар

¹⁹³ Ёсол — қўшин сафи. Ёсол тузиш — қўшинни юриш, кўрик ёки жанг олдидан сафга тизиш.

бир қисмни ўз ўрни келганда ишлатсин. Ишбилармон лашкарбоши, ўзини ва тўққиз сипоҳий бўлагини бир тандек кўриб, уларни қўл-оёғи, боши, кўкраги ва бошқа аъзоларини ишлатиб курашувчи бир паҳлавондек хисобласин. Шундагина, сипоҳий қисмлари устига кетма-кет урилган тўққизта қилич зарбасидан кейин, тўққизинчи зарбада албатта енгилишига умид қилса бўлади.

Ҳақиқий лашкарбоши аввал ғаним устига хировул фавж бўлинмасини юборади, сўнгра ёрдам учун кетидан баронғор хировулини жўнатади. Баронғор хировули кетидан эса жавонғор хировулини жангга ташлайди. Шу тарзда душман аскарлари устига кетма-кет уч зарба тушган бўлади. Бордию шу вақт хировуллар ғанимга қарши кучсизлик қилсалар, у ҳолда баронғорнинг биринчи бўлинмаси от қўйсин, кетидан жавонғорнинг иккинчи қисмини жангга ташласин. Шунда ҳам зафар қозонилмаса баронғорнинг иккинчи бўлинмасини жангга киритсин, кетидан жавонғорнинг биринчи қисмини юборсин. [Улар жангга киргач], менга хабар жўнатиб, кейинги буйруқларимни кутсин. Шундан сўнг Аллоҳнинг мададу иноятига таяниб, лашкарбошининг ўзи ҳам жангга кирсин. Мени ҳам уруш майдонида ҳозир деб билсинлар. Аллоҳнинг ёрдами билан ғанимга саккиз зарба етгандан кейин, тўққизинчи зарбада душман енгилиб, фатху нусрат насиб бўлади.

Тўғри сардор улким, у шошма-шошарлик қилмай, [аввал] лашкарини ишга солади. Бордию лашкарбошининг ўзи қилич чопишга мажбур бўлса, иложи борича ўзини ўлимдан сақласин, чунки лашкарбошининг ўлими ўрдуга бадномлик келтириб, ғаним лашкарининг ғалабасига сабаб бўлади.

Шундай қилиб, сардор ақлу тадбиркорлик билан иш юритиб, шошма-шошарлик қилмасин, чунки шошқалоқлик шайтоннинг ишидир. Чораси бўлмаган ишга киришмасин, чунки ундан қутулиб бўлмайди.

ЗАФАРЛИ СИПОХИЙ БЎЛИНМАЛАРНИ УШБУ ТАРТИБДА САФГА ТИЗДИМ

Амр этдимки, агар ғаним лашкари ўн икки минг отликдан ортиқ бўлса-ю, лекин қирқ мингга етмаса, [лашкаримга] бахтиёр ўғилларимдан бири қўмондонлик қилсин. Икки бегларбеги қўшунот, туманот ва улусот амирлари ҳамда қирқ минг отликдан кам бўлмаган сипоҳ билан унинг хизматида ҳозир турсинлар. Зафарли сипоҳ қисмлари, тадбиркорлик, мардлик ва мардоналикни кўлдан бермасликлари учун мени доим майдонда ҳозир деб билсинлар.

Амр этдимки, менинг зафару бахт келтирувчи чодиримни [лашкар] бошига олиб чиқишгач, ўн иккита сипоҳ бўлинмаси тайинласинлар, уларнинг ҳар бирига улусот амирларидан бири амир этиб белгилансин. У мен тузган саф тизиш, [ғаним] сипоҳи қисмлари сафини бузиш, жанг майдонига кириш ва чиқиш йўллари ҳақидаги ўн икки тузукни доим назарда тутиши лозим.

Сардор улким, ғаним сипоҳи саркардаларининг сонини ҳисоблаб, уларга тенг келадиган лашкар бошлиқларини тайинлайди. У ғаним сипоҳининг жангда кўпроқ ўқчиларними, қилич чопувчиларними, ёки найзадорларни майдонга туширишини назарда тутсин. Ғаним сипоҳ қисмларини узлуксиз, охиста-охиста жанг майдонига юборадим, ёки ҳаммасини бирданига хужумга ташлайдими — буни билсин. Жанг майдонига кириш ва чиқиш йўлларини ҳам мулоҳаза қилиб кўрсин. Душман қай тарзда жанг қилишини англаб олсин. Гоҳида ғаним ўзини камсонлик ёки қочаётгандек қилиб кўрсатади. Шундай пайтда, уларнинг макр-хийлаларига учмаслик ва ўзини қочаётгандек қилиб кўрсатишига алданмаслик зарур.

Жанг кўрган, тажрибали сардор улким, у урушнинг барча жумбоқларини яхши билади, қайси сипоҳ қисмини жангга ташлаб, қайси чигилни қандай чора-тадбир билан

тузатиш ва қай усулда жанг қилиш кераклигини билиши лозим. Тажрибали сардор ғанимнинг нияти ва режаларини, унинг қай усулни қўлаб жангга кирмоқчи эканлигини сеза билиши ва душманнинг ўша тадбирни қўлашига тўсқинлик қила олиши керак.

Чин сардор улким, кирк минг отлик сипоҳдан ушбу тартибда ўн тўртта сипоҳий қисм туза олади. Аввал ўзига қарашли сафларни тузиб, уни қул (ғул) деб номласин. Сўнгра баронғорнинг уч қисмини тузиб, улардан бирини баронғор хировули деб атасин. Яна жавонгорнинг уч сипоҳий бўлагини тузиб, улардан бирига жавонгор хировули деб от қўйсин. Шу тарзда баронғор қисмларининг олдига яна уч сипоҳий бўлинма тузиб, уларни чоповул деб номласин. Шу уч қисмдан бирини эса чоповул хировули деб атасин. Шу тартибда яна уч сипоҳий бўлинма тузиб, уларни жавонгор олдига қўйиб, уни шиковул деб номласин. Бу уч қисмдан бирини эса шиковулнинг хировули этиб тайинласин. Шундан сўнг қўл қаршисида синалган, тажрибали ўкчилар, қиличбозлар, найзасдорлар ва баҳодирлардан иборат катта хировул тузсинлар. Чунки хировулнинг айнан шу фавжлари қаттиқ сурон солиб, ёвни синдиради.

Ҳақиқий сардор улким, ғаним лашкарини кузатиб туради ва амирлардан қай бири буйруқсиз юриш бошлаб, бошқалардан илгарилаб кетса, унга танбех бериши лозим. Чин сардор душманнинг қай тарзда жангга кириши ва чиқишини назаридан қочирмасин, токи ғанимнинг ўзи уруш бошламагунча жангга киришга ошиқмасин. Ёв жангга киргандан сўнг, сардор уларнинг жанг қилиш усулини кўриб ўргансин. жанг майдонига қай тартибда кирадилар ва чиқадилар, уларга қандай ҳужум этадилар, ҳамла қилгач ортларига қайтадиларми ёки вақти билан қочиб, [кейин яна] фурсат пойлаб қайтадан жангга

кирадиларми, [буларни кузатиб турсин]. Яна сардорга лозимдирки, [қаттиқ зарба емай туриб] енгилгандек қоча бошлаган ёв кетидан қувламасин, чунки уларнинг ортларида кучли ёрдамчи кўшинлар турган бўлади. Сардор шуни ҳам билсинки, ғаним лашкари бор кучи билан бир катта тўпдек бўлиб ҳужум қиладими ёки ўнгу сўл қанотини ёзиб, уруш олиб борадими. Сардор аввал уларга қарши катта хировул қисмларини рўбарў қилиши ва жангга ташлаши лозим. Унинг ортидан катта хировулга мадад тариқасида кетма-кет чоповул хировули ва шиковул хировулини жангга киргизиши керак. Уларнинг орқасидан эса чоповулнинг иккинчи қисми ва шиковулнинг биринчи бўлагини жангга ташласин. Агар ғанимга етказилган ушбу етти зарбадан кейин ҳам ғалабага эришилмаса, у вақтда баронғор ва жавонғорнинг хировулини жангга ташласин, [бу билан] ғанимга тўққиз зарба урилган бўлади. Агар тўққиз зарбадан кейин ҳам фатҳу зафар муяссар бўлмаса, баронғорнинг биринчи қисми ва жавонғорнинг иккинчи бўлинмасини урушга солсин. Агар шу ўн бир зарбадан кейин ҳам ғалабанинг дарағи бўлмаса, баронғорнинг иккинчи қисми ва жавонғорнинг биринчи бўлағи жангга ташласин. Шу ўн уч зарбадан кейин ёв енгилиб, ғалабага эришилади, деб умид қилса бўлади. Мабодо бу ўн уч зарба билан ҳам фатҳу зафар ҳосил бўлмаса, у ҳолда қўл сипоҳий фавжларини урушга шайлаб, ўзи ҳам улар билан жангга кирсин ва душман кўзига ўзини тоғдек кўрсатиб, аста-секин, туташган ҳолда ҳаракат қилсин. Уруш баҳодирларига буюрсинким, қиличларини яланғочлаб ҳужум қилсинлар. Ўқчилар эса визиллатиб ёйлардан қалин ўқ ёғдирсинлар. Шунда ҳам фатҳу зафарга эришилмаса, сардорнинг ўзи жанг майдонига тушсин ва менинг [мадад кучларим] ва буйруқларимни кутсин.

ҲИРОВУЛ

Шиқовулнинг ҳировул қисми
 Шиқовулнинг биринчи қисми
 Шиқовулнинг иккинчи қисми

ШИҚОВУЛ

Жавонғорнинг ҳировул қисми
 Жавонғорнинг биринчи қисми
 Жавонғорнинг иккинчи қисми

ЖАВОНҒОР

Чоповулнинг ҳировул қисми
 Чоповулнинг биринчи қисми
 Чоповулнинг иккинчи қисми

ЧОПОВУЛ

Баронғорнинг ҳировул қисми
 Баронғорнинг биринчи қисми
 Баронғорнинг иккинчи қисми

БАРОНҒОР ҚЎЛ (ҒУЛ)

ҚИРҚ МИНГ ОТЛИҚДАН ОРТИҚ СИПОҲ ҚИСМЛАРИНИ САҒҒА ТИЗИШ ТУЗУГИ

Шундай тузук битдимки, агар ёғий лашкари қирқ минг отлиқдан ортиқ бўлса, беғларбегилар, амирлар, мингбошилар, юзбошилар, ўнбошилар, баҳодирлар ва бошқа сипоҳийлар менинг зафарли байроғим остида бўлсин ва амру фармонимни кутсин.

Амр этдимки, қайси бир сипоҳий бўлинма амирига ёрлиғ юборсам, ёрлиғдаги ҳукмимга биноан иш тутсинлар

ва унга хилоф иш қилмасинлар. Бегларбегилардан ёки амирлардан биронтаси ҳукмимга хилоф иш тутиб, ундан четга чиқса, уни қиличдан ўтказиб, ўрнига "мунтазир ул-аморат" ҳисобланган ўринбосарини қўйсинлар.

Ва [яна] амр қилдимки, улусот, қўшунот, туманотга тегишли қирқ аймақдан тамға олган ўн иккитаси қирқ қисмга тақсим қилинсин. Тамға олмаган йигирма саккиз аймақ амирлари эса [ўз лашкарлари билан бирга] қўл сипоҳий қисмининг орқасида саф тортсинлар. Ўғилларим, набираларим ўз бўлинмалари билан қўл қисмининг олдида ўнг қанотдан саф тизсинлар. Қариндошларим ва яқинларим эса ўз қисмлари билан қўл қисмининг олдироғида чап қанотдан жой эгалласинлар. Булар шай бўлиб турсинлар ва қасрга мадад етказиш лозим бўлса, ёрдам берадилар.

Баронғорга олти сипоҳий бўлинма тайинлансин. Яна бир сипоҳий қисмни эса баронғор ҳировули сифатида белгиласинлар. Шунга ўхшаш, жавонғорда олти қисмдан саф тузсинлар. Яна бир қисмни бўлса, жавонғор ҳировули қилиб тайинласинлар.

Амр этдимки, баронғор фавжларининг олдидан олти-та сипоҳий қисм жойлаштира синлар ва уларни чоповул деб номласинлар; бошқа бир қисмни тузиб, уни чоповулнинг ҳировули қилиб тайинласинлар. Шунингдек, жавонғор қисмларининг олдига қўйиш учун ҳам олти сипоҳий қисм тайинласинлар ва уларни шиқовул деб атасинлар. Яна бир қисм тузиб, уни шиқовул ҳировули қилиб қўйсинлар. Чоповул ҳамда шиқовул қисмларининг олдига тажрибали амирлар ва синалган баҳодирлар бошчилигида олти қисмдан саф тузиб, катта ҳировул қилиб белгиласинлар. Бу олти қисмдан бўлак яна бир қисм тузиб, уни ҳировулнинг олдига қўйсинлар ва ҳировулнинг ҳировули деб номласинлар. [Лашкарнинг олд қисмида] ҳировул, ҳировулнинг ўнг ва сўл қанотида ҳировул-бегини, барча биродарларимдан иборат сипоҳий қисмлари билан бирга қўйсинларким, улар кузатиб турсинлар.

Яна амр қилдимки, ўша қирқ қисм амирлари, менинг

ёрлиғим етиб бормагунча, жангга кирмасинлар ва навбат етмагунча жойларидан жилмасинлар, лекин жангга шай бўлиб турсинлар. Жангга кириш ҳақидаги буйруқ олингач, ёвнинг вазиятига қараб, сўнг жангга кирсинларким, ғаним қайси йўлдаи жангга кирса, унинг йўлини тўссинлар ва душман тўсган ҳар йўлни чораю тадбир ишлатиб очсинлар.

Амр қилдимки, ҳировулнинг ҳировули жангга киргандан кейин олти қисмлик ҳировулнинг амири ўз бўлинмаларини бирин-кетин жангга туширсинки, ғаним устига кетма-кет олти зарба берилгач, уларнинг сафлари бузилиб, кучлари синдирилади. Шу пайт ўнг қўл чоповул амири ўзининг олти бўлинмасини бирин-кетин ёрдамга юбориб, орқасидан ўзи ҳам ҳужум қилсин. Шунингдек, шиқовул амири ўзининг олти сипоҳий қисмини олдинда турган бўлинмаларга ёрдамга юборсин. Уларнинг орқасидан ўзи ҳам [жанг майдонига] етиб борсинким, оллоҳнинг мададу инояти билан, ғаним устига саккиз зарба урилгач, уларнинг кучлари синиб, орқага чекинадилар. Душман бу зарбаларни егандан кейин ҳам бўшашмаса, баронғор ва жавонғор амирлари ўз ҳировулларини жангга киргизсинлар. Шу тарика иккала ҳировул қисми ўнг ва чап канотдан уруш очгач, ёв албатта бардош беролмай, кучи синади. Агар шундан кейин ҳам ғаним енгилмаса, баронғор ва жавонғор амирлари ўз сипоҳий қисмларини бирин-кетин унинг устига юборсинлар. Агар баронғор ва жавонғор амирлари зафарли аскарлари ҳам ёвни енга олмаётганлигини кўрсалар, ўзлари душманни енгиш учун жангга кирсинлар. Шунда ҳам баронғор ва жавонғор амирлари [ғанимни енгишга] ожизлик қилсалар, баронғорда бўлган амирзодалар ва жавонғорда турган қариндошларим, ғаним устига шиддат билан бостириб борсинлар. Буларнинг кўзлари ёв сардориди ва байроғиди бўлсин ва шижоату мардлик билан ғаним сафларини бузсинлар; сардорни қўлга туширишга интилсинлар ва душман байроғини ерпарчин қилишга ҳаракат қилсинлар. Агар шу зарбалардан кейин ҳам ғаним чекинмай, ўрнида

тураверса, у ҳолда қўлнинг сараланган қисмлари ва баходирлари, қўл қисмлари ортида саф тортиб турган улусларнинг лашкари, барчаси баробарига шиддат билан душман устига ташлансинлар. Агар шунда ҳам фатҳу зафар қозонмасалар, султоннинг ўзи шерюраклик ва баланд ҳимматлик билан ҳаракат қилсин. Чунончи, қайсар билан бўлган жангда шундай қилдим: амирзода Мироншоҳ ўнг қанотнинг сардори эди. Унга қайсарнинг чап қаноти рўбарўси ва ёнидан жангга киришни буюрдим. Чап қанотнинг амирлари: амирзода Султон Маҳмудхон¹⁹⁴ ва амир Сулаймонга эса ёрлиғ юбориб, қайсарнинг ўнг қанотига ҳужум қилишни буюрдим. Ўнг қанотимдаги амирзода Абубақрга эса тепалик устида турган Йилдирим қайсарнинг қўл қисмига турктоз қилишни буюрдим. Ўзим эса қўл бўлинмалари ва улус, аймақ лашкарлари билан қайсар томонга юрдим. Қайсарнинг сипоҳий қисмлари биринчи ҳамладаёқ енгилди. Султон Маҳмудхон [қочаётган] қайсарнинг кетидан қувиб, уни қўлга туширди ва менинг даргоҳимга олиб келди.¹⁹⁵

Тўхтамишхонни ҳам шу тузуқларни қўллаб енгган эдим. Унинг байроғини эса ертубан қилишни буюргандим.

Агар ёв бостириб келиб, чоповул, шиковул, баронғор ва жавонғор қисмларини маҳв этиб, лашкарнинг қўл қисмига етар экан, у чоғда султон шижоат оёғини сабр узангисига маҳкам тираб, душманни даф қилиб йўқотиш учун олдинга ташлансин. Чунончи, мен Шоҳ Мансур¹⁹⁶ билан бўлган жангда шундай қилдим. У турган ерга етиб олдим ва у билан юзма-юз тўқнашдим, токи уни ҳалокат тупроғига қормағунимча урушдим.

¹⁹⁴ Султон Маҳмудхон — Чигатой улусининг Темур давридаги иккинчи ҳукмдори (1388 — 1402). Биринчи ҳукмдор Суюрғатмишхон (1370 — 1388).

¹⁹⁵ Боязид Йилдиримнинг асир олинishi воқеаси 1402 йилнинг 20 июль куни содир бўлган.

¹⁹⁶ Шоҳ Мансур — Жанубий Эрон устидан 1314 — 1393 йиллари ҳукм юргизган Музаффария сулоласидан чиққан подшоҳ (1387 — 1393).

INSTITUTES OF TIMOUR

BOOK THE FIRST

DESIGNS AND ENTERPRISES

Thus I formed measures and designs for the reduction of kingdoms, and for the obtainment of empire, and for defeating armies, and for circumventing enemies, and for making friends of foes, and for going out, and for coming in, amongst friends and enemies.

For my PEER wrote unto me, saying, "Let Abul Munsur Timour, in conducting the important concerns of government, take by the hand four assistants; to wit, Deliberation, and Counsel, and Vigilance, and Circumspection.

For every government which shall be void of deliberation and counsel, is like unto a foolish man, who erreth in all which he sayeth and doeth; and whose actions and words bring forth no fruit but shame and repentance. It is therefore good that in conducting the affairs of the government, thou act with deliberation and with counsel; that thou mayest not in the end be ashamed and confounded.

And know, that the requisites for conducting the concerns of empire are one portion patience and forbearance, and one portion pretended negligence and feigning to know not that which thou knowest and that by acting with resolution, and with uprightness, and with patience, and with vigilance, and with caution, and with bravery, every undertaking will become easy and successful. Farewell."

And behold this letter was a guide which pointed out to me the way; and shewed unto me, that of the requisites for conducting the affairs of dominion nine tenths are Deliberation, and Counsel, and provident Measures; and that the Sword is one portion only.

For the experienced have said, "By Policy kingdoms may be conquered, and numerous hosts may be defeated, which by the Swords of united armies cannot be overthrown".

And by experience it is known unto me, that one tried soldier, of magnanimity, and of bravery, and of resolution, and of skill, and of circumspection is more valuable than a thousand men who want discretion and knowledge. For one experienced and able soldier can direct the efforts of thousands and thousands.

And by experience it is known unto me, that victory over the foe proceedeth not from the greatness of armies, nor defeat from inferiority of numbers; for conquest is obtained by the Divine Favour, and by skilful and judicious measures.

Thus, aided by deliberation and forefight, with two hundred and forty three warriors only, I came down on the castle of Kurshee. And in the castle and the neighbourhood thereof, Ameer Moosi and Mullik Bahaudur had sat down with twelve thousand horsemen; and by the aid of Almighty God and by skilful measures I subdued the castle of Kurshee. And Ameer Moosi and Mullik Bahaudur, with their twelve thousand horsemen, came and surrounded me in the castle of Kurshee. And I rested on the favour of the Almighty, and I sallied forth with skill and with circumspection from the castle, and I assaulted them repeatedly. And with those two hundred and forty and three people I defeated twelve thousand horsemen, and pursued them for many Fursungs*.

And by experience it is known unto me, that counsel, and deliberation, and skilful measures are only to be found with the wise and the sagacious. Therefore, notwithstanding the conclusion of every worldly event, is covered by the curtain of Fate, yet, according to the holy word of Mahummud (on whom be the Blessing of the Almighty) in every enterprise which I undertook, I acted from counsel and deliberation.

And when my counsellors and my advisers were assembled together, I demanded their opinions on the good and the evil, on the advantages and on the disadvantages of undertaking, or relinquishing, the enterprise before us. And when I had heard their opinions thereon, I myself examined both sides of their opinions. And I duly weighed the advantages and the disadvantages; and I considered the perils thereof with the eye of attention. And every plan, in which I discovered a two-fold hazard, I rejected; and I chose that in which the peril was single.

Thus I advised Tughulluk Timour Khaun, when his Ameers exalted the standard of rebellion in the Dusht of Jitteh. Behold he demanded counsel from me; and thus I said unto him — "If thou send an army to disperse and expel them, a two-fold danger may be apprehended therefrom: but if thou thyself advance against them, one peril only." And he acted according to my counsel, and turned towards the Dusht of Jitteh: and that which I had fore-told unto him, came to pass.

And I entered on every measure with counsel and advice and in the execution of that measure I acted on a plan which was uniform and good. And after examining the avenue of retreat, I entered on the execution thereof. And by skill, and by resolution, and by caution, and by circumspection, and by foresight, and by penetration I brought that enterprise to a fortunate conclusion.

And by experience it is known unto me, that those are worthy to be counsellors, who steadfastly adhere to that which they say, and to that which they do; and who on no account relinquish the measures on which they have resolved; and who, if they say, "We will not do this", keep far from the action which they have condemned.

And by experience it is known unto me, that there are two kinds of counsel - that which proceedeth from the tongue

and that which proceedeth from the recess of the heart. I turned my ear to that which proceeded from the tongue; but to the counsel of the heart, which I heard, I gave a place in the treasury of my soul.

And in times of hostility I sought counsel relative to peace and to war; and I studied the hearts of my chiefs, whether they were desirous of war or of peace. And if they advised peace, I compared the advantages of peace with the perils of war. And if they proposed war, I opposed the profits and advantages thereof to the inconveniences and dangers that might follow from peace: and which ever appeared most profitable, that I preferred and approved.

And I hearkened not to those counsels which divided the hearts of my soldiers. And every counsellor who gave his opinion under the dominion of fear, I turned my ear unto him: but to the man who spoke with judgment and with firmness, I listened with attention.

And I asked counsel from all: but I considered the good and the evil of every opinion; and from each I selected those things which were just and expedient.

Thus when Tughulluk Timour Khaun, of the line of Chungaze, crossed the waters of Khujjund with a determination to reduce the kingdom of Mauwur u Nuhur, and issued mandates of summons in my name, and in the names of Ameer Haujee Burlaus, and Ameer Bauezzeed Jullaur; those chiefs asked counsel of me, saying, "Shall we flee into Khorausau, with our families and with our hordes, or shall we go and see Tughulluk Timour Khaun?" I counselled them, saying, "There are two advantages and one peril in seeing Tughulluk Timour; and in fleeing to Khorausau there are two perils, and but one advantage". And they approved not of my counsel, and they turned towards Khorausau: and I also was divided within myself, whether I should retire into Khorausau, or whether I should see Tughulluk Timour.

And on this occasion I asked counsel of my Peer; who in his answer wrote unto me, saying, "It was once demanded of the fourth Khulleefeh (on whom be the mercy of the creator), if the canopy of heaven were a bow; and if the earth were the cord thereof; and if calamities were the arrows; if mankind were the mark for those arrows; and if Almighty God (the tremendous and the glorious) were the unerring Archer; to whom could the sons of Adam flee for protection?" The Khulleefeh answered, saying, "The sons of Adam must flee unto the Lord? Thus, it is thy duty at this time to flee unto Tughulluk Timour; and to take from his hand the bow and the arrows of wrath". And when I received this Answer, I became strong of heart, and I went, and I saw Tughulluk Timour Khaun.

But in every action of the actions of my life, on which I had deliberated, I drew an omen from the sacred Koraun, and I acted according to the direction thereof.

And when I sought a presage in the Koraun concerning the seeing of Tughulluk Timour, the Chapter of Eusoof (peace be with him) came forth: and I followed the direction of the sacred book.

The first measure which my heart dictated unto me concerning the seeing of Tughulluk Timour was this.

Having heard that Tughulluk Timour Khaun had appointed Begchuk and Haujee Beg of the tribe of Arkunut, and Allugh Tuktimour of the Tribe of Kurreet, and other Ameers of Jitteh, with three armies, to ravage and lay waste the kingdom of Mauwur u Nuhur; and that those three armies under those Ameers were arrived at Khuzzaur, behold, I deemed it necessary that I should first go unto them, and deceive them by presents, and excite their avarice by temptations, that they might withdraw their hands from desolating and ravaging the kingdom of Mauwur u Nuhur, and

from slaughtering the inhabitants thereof; until I should go and see Tughulluk Timour Khaun.

And when I came unto those Ameers, my power made an impression upon them, and they received me with honour and respect. And behold their hearts, like unto their eyes, were blind and contracted and the presents which I gave unto them, seemed great in their sight: and they withdrew their hands from ravaging and destroying the kingdom of Mawur u Nuhur. And I went and saw Tughulluk Timour Khaun; and he took my coming for a happy omen: and he asked counsel of me, and all that which he heard me say, he approved.

And at this time news came to the ears of Tughulluk Timour Khaun that the Ameers of the three armies had taken monies and gifts from the inhabitants of Mawur u Nuhur: and he instantly commanded those sums to be delivered up, and he appointed collectors thereof. And he forbad them to enter into Mawur u Nuhur; and he turned them out from their commands; and he appointed Haujee Muhmood Shaah Yessoori to supply their place.

And when intelligence of these things reached the ears of the chiefs, they elevated the ensign of enmity, and they retired towards their homes. And at this time they were met on their way by Aghlaun Khaujeh, who was the Deewaunbeghee, and the chief counsellor of the Khaun, and they drew him also over to their side: and they proceeded on their way to Jitteh.

And at this time also news arrived that the Ameers of Tughulluk Timour had exalted the standard of rebellion in the Dusht of Kipchauk: and the Khaun was disturbed in heart, and he asked counsel of me; and he turned back his face to the Dusht of Jitteh.

And he gave unto me the government of Mauwur u Nuhur, and in this matter he wrote a commission and an agreement; and he restored unto me the Touman of Ameer

Kurrauchaur Nooyaun in that kingdom: and I became the ruler of all the kingdom of Mauwur u Nuhur, even to the waters of Jihoon. And this action came to pass in the beginning of my fortune and power. And I found by experience that one skilful plan can perform the service of a hundred thousand warriors.

The second design which I formed in the beginning of my fortune and power, was this.

When Tughulluk Timour Khaun drew an army on the kingdom of Mauwur u Nuhur a second time, and broke his engagements, and took from me the government of Mauwur u Nuhur, and delivered it over Ouleaus Khaujeh his son, and offered me the post of counsellor and general to that prince, and shewed unto me the agreement between Kaujooli Bahaudur, and Kubbul Khaun; I also, on account of the engagements and agreements of my ancestors, consented to lead his armies.

And when the cruelties and oppressions of the Ouzbucs became great in the kingdom of Mauwur u Nuhur, (for behold they had carried into slavery seventy Siuds and sons of Siuds) and the power of Ouleaus Khaujeh availed him nought, and he was no longer able to restrain their cruelties and oppressions; in the spirit of authority I rushed upon the Ouzbucs, and I delivered the oppressed from the hand of the oppressors. And this circumstance was the cause of disobedience in the Ameers of Ouleaus Khaujeh, and in the soldiers under them.

And they wrote unto Tughulluk Timour Khaun saying, Timour hath exalted the standard of "rebellion". And the Khaun thought that the accusation was true; and he issued an order to put me to death: and that order fell into my hands.

And I reflected upon my danger: and to remedy the evil, this was the design which I formed — that I should gather round me the valiant youth of the tribe of Burlaus, and attach them unto me. And the first man who gave unto me the hand of

obedience, was Eekou Timour; and the second was Ameer Jaukoo Burlaus: and after him other warriors, from their hearts and from their souls, consented to receive my commands.

When the inhabitants of Mauwur u Nuhur obtained knowledge of my purpose, that I had resolved to rise in opposition to the tribe of Ouzbuk; as their hearts were turned aside from that oppressive people, both the rich and the poor of the people of Mauwur u Nuhur united themselves unto me. And the religious, and the holy men issued forth a decree, authorizing the expulsion and the extirpation of the Ouzbuku. And in this undertaking certain of the Ameers of Alausuat and of Kushoonaut joined also.

And the decree and the engagement to which they had agreed, and which they caused to be written, is this. "According to the conduct and the example of the orthodox Khulleefehs, (on whom be the favour of Almighty God) the followers of Islam, the doctors, and the holy men, and the soldiers, and the subjects, seeing Him noble and worthy thereof, have nominated Ameer Timour (the Polar star of dominion, on whom be the favour of God) to the empire: and with their wealth, and with their lives they will exert themselves in expelling and in driving out, and in extirpating and in destroying the tribe of Ouzbuk, who have stretched forth the hand of cruelty and rapine over the families and over the wealth, and over the property and over the effects of the faithful".

"And we will be firm in our engagements; and if we deviate from our agreement and from our compact, may we be deprived of the grace and of the protection of Almighty God; and be delivered over to the power and the dominion of the devil!"

And when they shewed unto me the decree, I was eager to exalt the standard of war and of slaughter, and to draw down

an army on the people of Jitteh, and to revenge the oppressed on the heads of the oppressors: but certain of the worthless revealed my intentions.

Again, I deliberated with myself, that if I made war upon them in the city of Summurkund, it might come to pass that the people of Mauwur u Nuhur might shrink back from their engagements: therefore I resolved to come forth from Summurkund, and to fix my habitation in the hills, that every one who was united with me might come in unto me; and that having gathered together an army, I might advance and make war upon the Ouzbuks.

And when I came forth from Summurkund, sixty warriors only came forth with me; and I saw that I had not erred in my deliberations.

And when I had remained seven days in those hills, and no one had come in unto me, I determined with myself that I would proceed to Buddukhshaun, and draw unto my standard the princes thereof.

And I set out, and I went into the presence of Ameer Goolaul*. And he directed me that I should turn the reins of my intention towards Khauruzm. And I promised unto him the revenue of Summurkund for one year — that I would lay it before him, if I proved victorious over the Ouzbuks. And he repeated over me the prayer of victory, and permitted me to depart.

And when I came forth from the presence of Ameer Goolaul, sixty horsemen were all that were with me. And when the news of my arrival in Khauruzm reached the ears of Ouleaus Khaujeh, he wrote unto Tukkul Bahaudur the governor of Khiook (Khiva), that he should fall upon me and destroy me. And Tukkul Bahaudur came upon me with a thousand horsemen: and I opposed him with my sixty warriors, and with Ameer Hoosseïn who had come and joined me in the

way; and I entered into battle. And I fought with such obstinacy and resolution, that of the one thousand horsemen of Tukkal Bahaudur fifty remained and of my sixty warriors ten remained; and the victory in effect was mine.

And when the news of my success reached the ears of Ouleaus Khaujeh and the Ameers of Jitteh, they said among themselves, "Timour is a wonderful man: fortune and the Divine favour are with him". And I called this victory a favour from heaven conferred upon me: and the eyes of the tribe of Jitteh were darkened by my success.

The third design which I formed for the restoration of my power, was this.

At the time when the state of my fortune was reduced low, and when the foundation of my power was broken asunder, so that my associates were ten only (and seven of them were on horses, and three of them were foot-men) and none other remained with me; in those days the sister of Ameer Hossein, who was my honoured wife, I placed behind me on my horse, and I wandered to and fro in the desert of Khauruzm, until on a certain night I alighted at a well. And even in that night the three faithless Khorausani seized on three horses, and mounted them on fled: and four horses only remained for seven people, and my distresses were very great: but I was strong of heart, and I lamented not over my misfortunes.

And I departed from the well; and at this time Aali Beg Choun Ghoorbani came upon me, and he carried me away, and confined me in a habitation filled with vermin, and placed a guard over me, and kept me imprisoned for sixty and two days.

And I deliberated with myself, and aided by the assistance of Almighty God, with the strength of the arm of vigour I wrested a sword from my guards and I rushed upon them, and the guards turned their faces to flight, and I went and stood before Aali Beg. And he was ashamed and confounded at

his evil conduct, that he had thrown me into prison; and he made excuses.

And he ordered my horses and my arms to be brought forth; and he gave me a horse that was lean, and a camel that was past service as a present. But he thirsted after the gifts which his brother Mahummud Beg had sent unto me, and he kept back a part thereof; and he suffered me to depart.

And I set out toward the desert of Khauruzm, and twelve horsemen united themselves unto me. And after two days I came to an inhabited place, and I alighted at one of the dwellings thereof. And certain of the Toorkummauns, who were in that place, gave a loud shout, and rushed upon me. And I secured the sister of Ameer Hossein in the house, and I assaulted those people in my own person. And at this time a man among the Toorkummauns, whose name was Haujee Mahummud knew me again; and he exclaimed aloud, "It is Ameer Timour". And he ordered the people to desist, and he kneeled before me. And I received him kindly, and I placed my turban on his head; and he came with his brethren, and was my servant.

The fourth design which I formed in the early days of my power, was this.

When sixty horsemen were gathered round me, I reflected with myself, that if I continued in the place where I then sojourned, perhaps the inhabitants thereof might extend the hand of treachery over me, and send news of my condition to the tribe of Jitteh. And I saw that my safety consisted in this — that I should come forth from that place, and that I should sojourn in the desert, far from the habitations of men; until an army, which is the sinews of Empire, should be gathered around me.

And I journeyed from that place toward Khorausau; and Mubauruk Shaah Sunjuri, the governor of Maukhaun, came to

me on the way with an hundred soldiers, and presented some chosen horses to me: and certain of the descendants of the Prophet and of the inhabitants also came in unto me; and near two hundred men, horse-men and foot-men, joined me in the desert.

And at this time Mubauruk Shaah, and Siud Hoosun and Siud Zeau u deen said unto me, "Our tarrying in this desert is the cause of our distress; we must go from hence, and we must seize on some province for a habitation." And I deliberated with myself, and I said unto them, "This measure occurreth to my mind that we advance towards Summurkund, and that I disperse you in the secure places of Bokhaura. And that I myself go into the parts adjacent to Summurkund, and enter among the people and the tribes, and unite them with me: and having collected an army, and called you unto me, that I encounter Ouleaus Khaujeh and the forces of Jitteh, and subdue the kingdom of Mauwur u Nuhur".

They all approved of my counsel and my design; and having repeated the prayer of success on our attempt, I proceeded forward. And I dispersed those two hundred people in the environs of Bokhaura, and I secreted Aljaié Turkaun Aughau, the sister of Ameer Hossein, in that place; and I advanced toward Summurkund.

And Tumookeh Kouchein met me on the way with fifteen horsemen, and joined me. And I communicated my secret unto him, and sent him to Mubauruk Shaah. And entering myself among the tribes, I confederated with me near two thousand of the people: and whenever I exalted the standard of empire in Summurkund, they were to join me.

And I entered the city of Summurkund under the cover of the night; and going to the dwelling of my eldest sister Kuttulugh Turkaun Aughau, I sojourned therein. And I was buried in thought and reflection night and day. And I passed

forty eight days undiscovered; until at length certain of the inhabitants gave information of my arrival, and my situation was near to be revealed. I was without remedy; and with fifty horsemen, who were with me in the city, I came forth from Summurkund by night, and I proceeded toward Khauruzm: and certain of the foot-soldiers also came with me. And on the road I took horses from among the droves of the Toorkummaun; and I mounted my foot-soldiers thereon.

And I came and I encamped at Atcheghi in the hilly grounds on the banks of the waters of Amuveah: in this place my family, and Mubauruk Shaah, and Siud Hoossun and all those whom I had left in the environs of Bokhaura, came and joined themselves unto me. And Timour Khaujeh Aghlaun and Behraum Jullaur with their forces, came and served me; and near a thousand horsemen, were gathered round me. And I deliberated with myself, and I set out from thence towards Baukhtur Zemeen and Kundahaur and I subdued those countries.

The fifth design which I formed in the days of enterprise, was this.

When I departed towards Kundahaur and Bakhtur Zemeen, I came to the border of the river of Hiremun, and I sojourned there, and I made for myself an habitation; and I tarried some days on the border of that river to refresh my people.

And at this time the soldiers and the inhabitants of Kurrumseer came in unto me; and near a thousand horsemen also, Toork and Tauchek, were gathered round me; and the country of Kurrumseer submitted to my authority.

And at this time I resolved that I would invade the province of Seistaun. And when the ruler of Seistaun received accounts thereof, he sent offerings and rich gifts unto me, and he demanded succour, saying, "Certain of my enemies have

oppressed me, and they have seized upon my lands, and upon seven castles, if the hands of my enemies be withdrawn from my dominions, I will advance six months wages to the soldiers".

And I saw it was good that I should turn the reins of my intentions toward Seistaun. And of the seven castles which were in the hands of his enemies, I subdued five castles by force and by assault. And fear found admission into the heart of the ruler of Seistaun, and he made his enemies his friends; and they said among themselves, "If Ameer Timour tarry in this country, the province of Seistaun will pass out from our hands". And they gathered together the soldiers and the people of all the country of Seistaun, and they came upon me.

And when I saw that the ruler of Seistaun fulfilled not his engagement, I was without remedy; and I advanced toward them, and gave them battle. And an arrow came and pierced my arm, and another arrow also came upon my foot, but in the end I obtained the victory over them.

And when I saw that the air and the water of that country suited not with me, I departed from thence, and I came back to Kurrumseer: and I sojourned in that land for two months until my wounds were healed.

The sixth design which I formed in the days of enterprise was this.

When Kurrumseer had submitted to my authority, and my wounds were healed, I saw it was good that I should go and sojourn in the mountains on the borders of Bullukh; and having collected an army, that I should proceed to subdue the kingdom of Mauwur u Nuhur. And when I resolved on this measure, I departed from thence: and forty horsemen were all that were with me. But they were all resolute men, and the sons of Ameers. And I gave praise unto God, for that in such distress such men should come, without purse and without scrip, and

follow me, and be obedient unto me. And I said unto myself, God Almighty doeth great things for me; seeing he hath made such men, even my equals, my servants.

And I went on towards the mountains of Bullukh, and Suddeuk Burlaus (of the race of Yeldureen Kurrauchaur Nouyaun) who was wandering in search of me, met me in the way with fifteen horsemen, and joined me; and I took his coming for a happy omen.

And in those days we passed our time in hunting, and we proceeded forward. And on the way I beheld a body of men standing on a hill; and their numbers increased from time to time: and I halted, and sent people to obtain intelligence. And they went in among those men, and brought back intelligence, saing, "It is Kurraunchee Bahaudur, the old servant of Ameer, who with a hundred horsemen hath separated from the armies of Jitteh, and is wandering in search of thee". I bowed in gratitude to Almighty God, and I sent orders for Kurraunchee to approach. And he came, and he kneeled before me; and he kissed my feet. And I received him with affection, and I placed my own turban on his head. And I went on to the valley of Arsuff.

And I came to the valley of Arsuff, and I pitched my tents. And on the next day I mounted my horse, and entered into the valley and in the midst of that valley there was a hill; and the air thereof was very delightful. And I went and dwelt upon that hill; and my people, each of them, pitched their tents in the neighbourhood thereof.

And on that night, which was a holy night, I kept watch; and when die morning broke, I was employed in prayer. And after repeating the prayers prescribed by the law, I lifted up my hands in supplication. And in the midst of my supplication I wept: and I implored Almighty God, that he would deliver me from that wandering life.

And I had not yet rested from my devotions, when a number of people appear afar off: and they were passing along in a line with the hill. And I mounted my horse, and I came in behind them: that I might know their condition, and what men they were. And they were in all seventy horsemen; and I asked of them, saying, "Warriors, who are ye?" And they answered unto me, "We are the servants of Ameer Timour and we wander in search of him; and lo! We find him not". And I said unto them, I also am one of the servants of Ameer how say ye, if I be your guide, and conduct you unto him? And one of them put his horse to speed, and went and carried news to the leaders, saying, "We have found a guide, who can lead us to Ameer Timour". And the leaders drew back the reins of their horses, and gave orders that I should appear before them. And they were three troops. And the leader of the first troop was Tughulluk Khaujeh Burlaus, and the leader of the second troop was Ameer Sife u deen, and the leader of the third troop was Toubuk Bahaudur. And when their eyes fell upon me, they were overwhelmed with joy; and they alighted from their horses, and they came and they kneeled and they kissed my stirrup. And I also came down from my horse and took each of them in my arms. And I put turban on the head of Tughulluk Khaujeh; and my girdle, which was very rich in jewels and wrought with gold, I bound on the loins of Ameer Sife u deen, and I cloathed Toubuk Bahaudur in my coat. And they wept, and I wept also. And the hour of prayer was arrived, and we prayed together. And we mounted our horses, and came and alighted at my dwelling: and I collected my people together and made a feast.

And on the next day Share Behraum, who had separated from me in the narrowness of his heart, and had resolved to go into the land of Hind, arrived also. And he came into my presence, and he made excuses. And I took him into my arms,

and I accepted his excuses; and I treated him with such kindness, that he came forth from his confusion.

The seventh design which I formed in the days of enterprise, was this.

When I saw the number of my forces, that they were in all three hundred and thirteen horsemen. I determined with myself that I would seize on one of the castles, and make to myself a residence. And thus I resolved, that I would first reduce the castle of Aulaujou; (and Munguli Booghau Suldoze, on the part of Ouleaus Khaujeh, was in the castle), and that I would make it a place wherein to keep my baggage and my effects. And with this intention I set out toward the castle of Aulaujou.

And Share Behraum had long acquaintance with the governor of that castle: and he spoke unto me, saying, "I will go and I will bring Munguli Booghau over to our side".

And when Share Behraum went near to the castle, he sent word unto me, saying, Munguli Booghau sayeth, "Since Ouleaus Khaujeh gave this castle in charge unto me, it is far from manhood and from fidelity that I should come over to Ameer Timour and give up the castle," and he refused to deliver it up.

But this much came to pass, that on receiving information of my approach, terror took possession of his heart, and he left the castle, and he turned his face to flight. And three hundred men of the tribe of Doulaun Jauwun who were with him in the castle, and who from old times were included in the train of my servants, came and united themselves unto me.

And I arrived at the defile of Souf and in those days Umlis, the son of Toumun Bahaudur, who had come down into the neighbourhood of Bullukh to plunder, received news of my coming; and he came with two hundred horsemen and joined

me: and I received him kindly, and I encouraged him.

And even from this place I sent Tummokeh Bahaudur with three horsemen, that having passed over the waters of Turmuz, he should bring intelligence of the army of Jitteh, and inform himself of their counsels and designs.

And Tummokeh returned after four days, and brought intelligence, saying, "The army of Jitteh is arrived in the land of Turmuz, and they are employed in rapine and in slaughter". When I received this intelligence, I turned the reins of my intention towards the streights of Guz. And I saw it was good that I should go into the streights of Guz, and sojourn there: and seizing an opportunity that I should go down on the army of Jitteh.

And when I came into the streights of Guz, I pitched my tents in the plain of Ilchee Booghau, on the border of the waters of Jihoon. And Ouleaus Khaujeh received news of me, that I was arrived in the streights of Guz; and he sent his forces upon me.

And in those days intelligence came, that Ameer Soolamaun Burlaus and Ameer Jullaul u deen and Ameer Hindookeh (who were in the army of Jitteh) having turned their faces from the leaders of the tribe, and separated from them with their forces, were arrived at old Turmuz: and Toulaun Booghau, whom they had sent unto me, arrived and saw me, and informed me of their approach, that they were coming to serve me with a thousand horsemen.

And I took their coming for a good omen: and they counselled me, saying, "Thou must fall upon the army of Jitteh by suprise in the night". And when I mounted my horse, news was brought that the army of Jitteh was arrived and coming down upon me. And I put my forces in order, and I stood over against them; and the water was between their army and my army.

And I saw it was good, that I should amuse the enemy with words and with persuasions, and extinguish the fire of their animosity with the water of policy, and bring them over unto me.

And I spoke to the leader of the army of Jitteh (who was Ameer Aboo Saeed), and that which I said to him, he took well. But the other leaders oppressed him and resolved on war. And the fire of my spirit also flashed forth, and I formed my forces in order of battle.

The eighth design which I formed (in defeating the army of Jitteh) was this.

I said unto myself, "If I fight with the army of Jitteh, seeing they are very many, perhaps evil may come unto my people". And at this time the spirit of glory assaulted me and said, Since thou hast advanced forth with pretensions to empire, even this is becoming the dignity and the rank of a king, that thou resolve on war; and that thou be either victorious and triumphant, or be slain in battle.

And when I had resolved on this measure, I saw that the enemy was divided into three bodies; and that they were eager to engage. And I divided my forces into seven squadrons; and I determined that I would send down my seven squadrons upon them, one after the other. And when the flames of war and of slaughter ascended high, I commanded the advanced guards to take to their bows, and to rain arrows upon the enemy.

And I commanded the squadrons of the front lines of the left and the right wings to go into battle. And I myself advanced with the troops of the second lines of the left and the right wings. And in the first and the second charge I drove back the squadrons of Ameer Aboo Saeed, who was the chief leader of the army of Jitteh.

And it came to pass at this time that Hydur Andookhodee and Munguli Booghau advanced to the fight. And I myself

opposed them face to face; and in the first charge I defeated them also. And all the forces of Jitteh dissolved away, and were scattered and dispersed abroad.

The ninth design which I formed in establishing my regal power, was this.

When I had obtained the victory over the leaders of the army of Jitteh, and the news of my advancing forth, and aspiring to the throne, was made public throughout the land of Tooraun; I resolved that I would become a king by generosity and by liberality. And I saw the duration of my power in this, that I should divide among my soldiers the treasures which I had gathered together, both the money and the effects: and that I should first subdue the castle of Kehulkeh.

And when I had given subsistence to my army, I put them in order, and I arrived on the border of the waters of Jihoon. And I crossed at the passage of Turmuz; and I sent my Kurrauvul* towards the castle of Kehulkeh; and I halted some days on the border of the waters of Jihoon, expecting intelligence from my Kurrauvul.

And when Ouleaus Khaujeh heard where I was, he sent Alchoun Bahaudur, the brother of Begchuk, with a mighty army upon me. And my Kurrauvulaun were negligent, and went to sleep: and the enemy passed by them, and advanced night after night, and came upon me by surprise.

And the land in which I had pitched my tents was a peninsula; and it had water on three sides. Some tents, which were without the peninsula, were plundered by the forces of Jitteh: and the people that were without, came and entered into the peninsula.

And I formed my troops in order, and went and stood on the neck of the peninsula: but the enemy was fearful, and they did not advance to the attack.

And I tarried ten days in that peninsula; and I afterwards

came forth from thence, and pitched my tents on the border of the river. And I sat down apposite to the army of Jitteh for the space of one month; even till they were seized with fear, and returned back.

And I crossed the river, and came down in their camp, and sent forces to pursue them.

The tenth design which I formed for the advancement of my power, was this.

When I had broken the forces of Jitteh, I saw it was good that I should go and subdue the country of Buddukhshaun, and extend my dominions. And I marched from the border of the river, and I encamped at the place called Khullum.

And Ameer Hossein the grandson of Ameer Kurghun, whose sister was in my house, came; and we saw each other, and we made a feast. And I found it was right that I should go on towards Buddukhshaun. And when I came to Kunduz, I halted in that place until the chiefs of the people of Yeurldaiee came together and joined me. And I gave to each of them a robe of honour, and I encouraged them.

And when the news of the order and the strength of my forces arrived to the princes of Buddukhshaun, they prepared for war. And I saw it was good that I should be quick, and break their power, before they could gather their army together. And I marched with expedition, and I came to Taulkhaun.

And when the news of my arrival at Taulkhaun reached the ears of the princes, they came in at the avenue of peace and saw me. I was satisfied with my own deliberations, and saw that I had not done wrong. And my power was established in the country of Buddukhshaun; and many of the soldiers of Buddakhshaun came unto me and chose my service.

The eleventh design which I formed for extending my power, was this.

When the princes of Buddukhshaun came and submitted

to my authority, I turned towards Khuttulaun. And when I came into the kingdom of Khuttulaun, Boulaud Booghau and Share Behraum, on account of the ill conduct of Ameer Hoosseïn, separated and returned to their tribes.

And I went and sojourned in the pasturelands of the Dusht of Koulauk. And I appointed spies, that they should go and bring news of the armies of Jitteh and of Ouleaus Khaujeh.

And after ten days the spies brought back intelligence, saying, "The Ameers of Jitteh: and the first of them Kooch Timour, the son of Begchuk; and the second of them is Timour Noubukaun; and the others are Saureek Bahaudur, and Shungoom, and Tughulluk Khaujeh, the brother of Khaujee Beg with twenty thousand horsemen, have pitched their tents from the town of Khillautee even to the bridge of Sungheen".

And they sent an ambassador unto me, they might know my situation and the strength of my army. And I drew out my army twice in the sight of the ambassador, and dismissed him.

And I saw my advantage in this, that I should set out after the ambassador: but I found that my forces were not united with me. And to make them unanimous, I saw it was good that I should shew kindness to some, and that with some I should dissemble; and that I should tempt some by riches, and soothe some by persuasions, and promises, and engagements.

And at this time news arrived, that Tughulluk Suldoze and Ki Khissero (who were of my servants) had taken the command of six thousand horsemen of Jitteh, and were bringing them down upon me. And when this news reached the ears of my people, the terror of their hearts was increased, and they were sore afraid. But I found that Ameer Jaukoo, and Eekoo Timour, and Ameer Soolamaun, and Ameer Jullaun u deen were with me.

The twelfth design which I formed (in uniting the hearts of my people) was this.

I called unto me in private Ameer Jaukoo and Eekoo Timour, and Ameer Soolamaun, and Ameer Jullaul u deen; and I sought to consederate them with me. And when I retired with them in private, my words with them were these —"That I had made them the partners of my fortune". And they united firmly in my designs.

And of those who were dissatisfied, I called each of them unto me in private, and spoke to them separately. And those who were covetous and avaricious, I tempted by wealth and by riches; and those who fixed their eyes on dignities, and commands, and governments, among them I shared out the countries and the provinces which I had subdued: and I kept them all suspended between hope and fear, and I appointed a Kotul* to each.

And I raised the hopes of all my soldiers by gifts and by presents: and I drew them over unto me by kind words, and by an open countenance. And the services which they had done, I extolled ten-fold, and made them joyful; even until those who were with me, and those who were against me, all joined with me firmly. And they took an oath, that in supporting me, and in devoting their lives unto me, they would not be wanting.

And when my heart was at rest concerning my army, I prepared for war of Ouleaus Khaujeh. And in defeating him, and in planning the order of battle, thus I determined that I would use speed, and that I would go down upon them before they were aware.

And concerning this I opened the holy book for an omen; and this sacred verse came forth as a sign, "How oft do the weak vanquish the powerful by the permission of Almighty God!"

And when I had obtained this token, I formed my soldiers in order, and I divided them into seven squadrons, and I set out. And I came in the morning upon Tughlluk Suldoze and Ki

Khissero, (who, being the Hurrauvul*, were advancing) and I overpowered them at the second charge, and I drove them back to the head of the bridge of Sungheen, which was the station of Ouleaus Khaujeh.

And as the night was come, I pitched my tents on the ground where I was, and I counselled with myself, that I would not let the plain of battle cool; but that I would charge quick and hot on the army of Ouleaus Khaujeh: and they were near thirty thousand.

And I considered, that if I was guilty of delay, something might come to pass, which might cause me to stand in need of assistance. And although Ameer Hoosseïn was encamped behind me, I did not cause myself to stand in need of his support; but by skilful measures I defeated the forces of Ouleaus Khaujeh, and the men of Jitteh.

The thirteenth design which I formed, (in defeating the army of Jitteh and Ouleaus Khaujeh) was this.

First, I saw it was good, that by a body of my victorious army, I should confine and make useless the people of Jitteh; and for this purpose I stationed Ameer Muviud Arlaut, and Ouj Kurrau Bahaudur, and Ameer Moosi, with two thousand horsemen, at the head of the bridge of Sungheen, opposite to Ouleaus Khaujeh.

And I myself passed over the river with five thousand horsemen, and came forth on a hill, which was higher than the army of Ouleaus Khaujeh. And I commanded that in the night they should make many fires.

And when the people of Jitteh beheld the fires, and when they saw a strong army at the head of the bridge of Sungheen, they were afraid; and the forces of Ouleaus Khaujeh passed that night in watching.

And in that night, on the top of that hill, I was employed in humiliations and supplications to the throne of Almighty

God; and I sent forth prayers on Mahummud (may the blessing of God be upon him, and upon his descendants, and upon his companions).

And between sleeping and walking I heard a voice, as of some one speaking to me, saying, "Timour, victory and conquest and triumph are thine". And when the morning broke, I prayed with my people.

And I saw at this time Ouleaus Khaujeh and his Ameers were mounted on their horses, and going troop after troop; and my Ameers and my soldiers called for orders to pursue them. And I said unto myself, I must delay to pursue them until their intentions be known.

And after they had travelled four fursungs, they halted: and I discovered their design. Behold, their intention was this that they might bring me down from the mountain apart, and assault me.

And the chiefs of the advanced guard, whom I had defeated, had fled unto Ouleaus Khaujeh for shelter; and he had reproved them.

And they saw at this time, that I had discovered their intentions; and that I came not down from the hill: and from necessity they turned back, and came upon me.

And I found it was good, that I should draw up my forces on the declivity of the hill, and enter into battle. And when the army of Jitteh advanced, and came up on the slope of the hill, and were unable to act, I gave orders to my warriors, that they should annoy the enemy with flights of arrows. And they wounded numbers of the foe. And as the night was come the forces of Jitteh saw that they could effect nothing: and they encamped on the skirts of the hill, that they might surround it. And in that night I resolved thus that forming my army into four squadrons, I myself would assault them by surprise. And when this resolution was impressed on the hearts of my

Ameers, I mounted my horse, and I assaulted the enemy in four different places unawares, toward the morning.

And before the forces of Jitteh could gather themselves together, my soldiers dispersed them; and in the skirmish many warriors of both sides were slain. And the forces of Jitteh cried out, "Let us flee"; and they fled. And I came up to Ouleaus Khaujeh and said, "Where are you going?" And when he heard my voice, he rallied his forces in wrath; and they returned.

And there was skirmishing between my army and his army until the rising of the sun. And the quivers were emptied, and the enemy fought flying. And they fled even to the distance of four fursungs, where their tents were pitched; and they halted there in a broken condition. And I also drew in the reins from pursuing them, and came down in the place where I was.

When the forces of Jitteh saw that they were broken and defeated, they ventured not to renew the fight. And I spread my soldiers round the camp of Ouleaus Khaujeh, and I fought with them continually; even until Ouleaus Khaujeh, from extreme necessity, crossed the waters of Khujjund. And I also left off pursuing them, and I returned victorious and triumphant to Mauwur u Nuhur.

And I deliberated concerning the establishment of my power; and my deliberations were these that I should render the Ameers obedient and submissive unto me. For each of them thought himself a chief of exalted dignity; and each of them deemed himself greater than the rest. And first, I named Ameer Hoossein (the grandson of Ameer Kurghun) who had exalted the standard of power in Mauwur u Nuhur, the partner of my fortune; and I treated him with attention. And although he outwardly shewed friendship toward me, yet did he always envy and oppose me.

And he wanted that he himself should be established on the royal throne of Mauwur u Nuhur. And I had no faith in

him, and I carried him to the sepulchre of Khaujeh Shums u deen, and made him swear friendship unto me. And he promised and swore that he would not swerve from his engagement.

And concerning his friendship with me, he took an oath three times on the holy book. And when at last he broke his oaths, his breach of faith delivered him into my hands.

And Sheikh Mahummud, the son of Ameer Biaun Suldoze, thought himself a mighty chief. And I gained his affections by soothings; and I brought him with seven Kushoons to submit unto me, and I made him my servant. And to each of the Ameers of those Kushoons I gave the command of a province.

And Share Behraum, who had separated from me and returned to his tribe, and remained in a state of disobedience; to him I gave encouragement, and called him unto me. And he came with his tribe, and submitted to my authority. And I made him my servant, and I conferred a province upon him.

And there was relationship between me and Ameer Hossein: and although I treated him with affection and with kindness, he was not my friend; and he even took from me the country of Bullukh and the castle of Shaudumaun. And I also, for the sake of his sister who was in my house, regarded it not. And I shewed such kindness unto him, that the Ameers who were in a state of enmity with me, submitted to my authority. But Ameer Hoossein still acted towards me with treachery and fraud, and sought to overthrow me: even until I resolved that I would force him to submission by the edge of the sword.

And when I became the lord of the land of Tooraun, and had made clean the kingdom of Mawarau-n-Nahr from the abominations of Ouzbukes; certain of the Ameers of Auloosaut submitted not to my government. And they, with their tribes, dissembled with me. And certain of my Ameers spoke in their

behalf, saying, "Since we are all partners of the same fortune, they must be considered as the partners of the fortune also". But their words made no impression upon me.

And I deliberated with myself, saying, Since God is one and hath no partner, therefore the vicegerent over the land of the Lord (the Almighty and the Holy) must be one only.

And at this time Baubau Aali Shaa* came before me and said, "Timour, God Almighty hath declared, that if there were two Gods in the heavens and in the earth, the order of the universe would end in horror and confusion". And I took warning by his words.

And I opened the holy book for an omen, and this sacred verse came forth as a sign, "Truly we have appointed thee vicegerent upon earth". And I took this omen as a favour from heaven; and I formed measures for reducing to submission those Ameers who thought themselves the partners of my fortune and dominion.

And I first went to the station, and to the dwelling, of Ameer Haujee Burlaus, and I united him with me.

And Ameer Sheikh Mahummud, the son of Biaun Suldoze, was always drinking wine and strong spirits; and in the end the wine destroyed him, and he departed from the world, and I took possession of his lands.

And to Ameer Bauzeed Jullaur, who was ruler over the province of Khojjund, I gave advice: but it made not an impression upon him, until the people of his tribe rose up against him, and seized him, and brought him unto me. And I exalted him and caused him to blush.

And to Ameer Ilchee Booghau Suldoze, who had exalted the standard of power in the city of Bullukh, I opposed Ameer Hossein; who had claim to the imperial city* of his grandfather, Ameer Kurghun.

And Mahummud Khaujeh Erudee (who was the lord of

Tauemun) having seized on the country of Shereghaunat, had exalted the standard of enmity against me: and I gave him another province, and made him my servant.

And the prince of Buddukhshaun, who ruled over the countries of Buddukhshaun, had elevated the ensigns of hostility against me. And I dealt artfully with each of them until they disputed among themselves, and returned back unto me.

And Ki Khissero, and Aljauitoo Burdi had seized on the countries of Khuttualaun, and Arhung. And I sent assistance to Ki Khissero, until he went and took possession of the lands of Aljauitoo Burdi: and Aljauitoo Burdi came to me for shelter.

And Ameer Khizzur Yessooree, assisted by the tribe of Yessoor, had taken possession of the province of Taushkund. And I reconciled Aljauitoo Burdi and Ki Khissero to each other, and sent forces with them; until they went, and over-run, and pillaged the tribe of Yessoor. And the power of Ameer Khizzur was reduced low, and he fled to me for protection.

And when I had cleared the kingdom of Mauwur u Nuhur from discord and anarchy, my armies acquired great strength; and the tribe of Burlaus obtained renown; and the Kushoonaut and the Toumaunaut of Chughtauee became celebrated on account of my exploits.

And I became the ruler of all tribes, and the Kushoonaut, and of the Toumaunaut, and of the people. But certain castles of Mauwur u Nuhur were in the possession of Ameer Hossein; and in them my authority was not established.

And when Ameer Hossein beheld my might and my power, his envy was excited against me. And he exalted the standard of hostility, and he broke his oaths. And I advanced a great way toward him, and he came not at all toward me. And he took from me the castle of Kurshee by fraud. And he appointed Ameer Moosi, with seven thousand horsemen, to

guard the castle of Kurshee: and he afterwards sent five thousand horsemen more. And he took measures for my destruction.

And on this account the honour of my station urged me on, that I should take from him the castle of Kurshee. And certain of my Ameers counselled me, that I should go and seize it by force. But concerning the reduction of the castle of Kurshee I deliberated thus - if I attempt to reduce it by a siege, perhaps my forces may be repulsed. And in a siege several dangers occurred to my mind; and I rejected that measure.

And I saw it was good that I should turn my face toward Khorausau, until the hearts of the keepers of the castle should be at rest; and that then I should return and march with speed, and assault the castle by surprise, and reduce it. And I marched, and went toward Khorausau.

When I crossed the waters of Amuveah, a Kauruvvaun arrived from Khorausau; and they were journeying toward Kurshee. And the leader of that Kauruvvaun brought gifts unto me, and I asked of him the state of the Ameers of Khorausau. And I told him that I was travelling to the kingdom of Khorausau; and I dismissed him.

And I sent a spy with the people of the Kauruvvaun, and I tarried on the border of the waters of Amuveah until the spy brought word, that the people of the Kauruvvaun had given intelligence to Ameer Moosi, saying, "We saw Ameer Timour on the border of Amuveah; and he was going toward Khorausau".

And when Ameer Moosi and the forces of Ameer Hossein heard this news, they were glad of heart; and they pitched their tents, and spread abroad the carpet of riot and dissipation.

And when I received intelligence thereof, I selected two hundred and forty three brave, and resolute, and tried, and

experienced warriors from among my forces; and I re-crossed the waters of Amuveah. And I marched quick, and I arrived at Sharekund. And I halted for one night and for one day. And I marched from thence with great speed; and stayed at the distance of a farsang from the castle of Kurshee.

And I commanded that they should make ready ladders, and bind them together with ropes. And at this time Ameer Yaukoo kneeled before me, and said, "Many of our warriors have remained behind: until they shall arrive, delay is necessary". And at this time it came into my mind that I would go alone and examine the castle.

And I took forty warriors with me, and I turned my face toward the castle of Kurshee. And when the blackness of the castle appeared in sight, I commanded my warriors to halt. And I took with me Mubbushur and Abdullah, who had been born in my house. And when I came to the border of the ditch, I saw that the ditch was full of water. And I looked round about, and I beheld a waterpipe and water ran through that pipe to the castle, and they had laid it across the ditch.

And I delivered my horse to Mubbushur, and I crossed the ditch on that pipe, and I came to the foot of the wall. And I went on to the portal, and struck on the door with my hand; and I discovered that the guards of the portal were asleep.

And they had filled up the portal behind the door with clay and with earth. And I looked round the walls of the castle, and saw the place where the steps of the ladders could be fixed. And I returned, and I mounted my horse, and went back to my warriors.

And the troops who had remained behind came with the ladders, and they were all armed; and they took up the ladders, and I turned my face toward the castle. And they crossed the ditch on the pipe; and having fixed their ladders, they entered on the walls of the castle. And when forty resolute men had entered the castle, I also placed my foot on the ladder, and went

in unto them. And they sounded their trumpets; and by the favour of Almighty God I obtained possession of the castle.

And when this news reached the ears of Ameer Hoossein, he entered into the road of deceit and dissimulation; and, under the cloak of friendship and intimacy, he sought to bring me into his power.

Thus I acted for my deliverance from the treachery and perfidy of Ameer Hoossein, who sought to make me his prisoner.

When Ameer Hoossein sent unto me a Koraun, by which he had taken an oath that nought was in his heart but friendship and brotherly affection towards me; and sent a message unto me, saying, "If there be ought in my heart contrary to that which I say; and if I break my oath, and do evil unto thee, may this book of God seize upon me"; seeing that I thought him a true believer, I put confidence in his words: even until he sent a person unto me, and a message, saying, "If it may be so that we may see each other in the pass of Chukchuk, and renew our ancient faith, truly it will be better".

And this was his design, that by perfidy and treachery he might seize upon me. And although I knew that much faith was not to be placed on his word, or on his oath; yet, out of respect to the holy Koraun, I resolved that I would go to meet him. But I determined that I would first send a number of my resolute warriors, and secrete them round about the pass of Chukchuk, and that I myself would go with another body of my people and see Ameer Hossein.

And I sent advice to my friends, who were the followers of Ameer Hossein, that they should inform me of his designs. And Share Behraum, who was of my friends, informed me of the designs of Ameer Hossein. And Ameer Hossein slew him; and set out with a thousand horsemen to come upon me.

And at that time I had pitched my tents at the entrance of

the pass, and this news came unto me. And I ordered my forces: and, behold, the vanguard of Ameer Hossein appeared in sight. And my Kurrauvulaun brought word, saying, "It is the army of Ameer Hossein; and, lo! Ameer Hossein himself cometh not with them: for he hath heard that Ameer is come alone, and he hath sent an army to seize thee."

And, behold, I was prepared; and two hundred horsemen were with me. And I waited until the forces of Ameer Hossein had entered the pass: and I sent a messenger to the people whom I had sent before me, and I commanded them to seize the way of their retreat. And I myself opposed them face to face. And I enclosed my enemies in that pass, and I took many prisoners. And I gathered my people together, and I ordered them, and set out towards Kurshee. And by experience it was known unto me, that a friend in all places cometh to use.

And I wrote to Ameer Hossein the sense of this verse, in the Turki language;

"Say, O Zephyr, to that friend, the layer of the snares of treachery, Doth not the treachery return back to the doer of treachery?"

And when Ameer Hossein received my message, he was ashamed and confounded; and he made excuses. And I had faith in him no more, and I was no more deceived by his words.

In making clean the land of Tooraun from those of the tribe of Ouzbuk who had escaped the sword, thus I acted.

When I drove forth from Mauwur u Nuhur the armies of Jitteh, and of Ouleaus Khaujeh, and forced them to cross the waters of Khujjund, certain of the troops of Ouzbuk were enclosed in the castles of Mauwur u Nuhur; and when I sought to send forces upon them, it came into my mind that perhaps the war might be tedious and of long duration.

And at that time news came unto me, that the Ouzbuku

continued in the castles; and I saw it was not good that I should send my armies against them. And I wrote a summons, as if from Ouleaus Khaujeh, and I gave it to an Ouzbuk, and I sent forces along with him. And I commanded them to shew themselves, and to raise a great dust.

And when the Ouzbucs received the summons of Ouleaus Khaujeh, calling them unto him and saw the dust raised by my people; they quitted the castles, night after night, and fled. And the land of Mauwur u Nuhur was delivered from those oppressors who had sought to slay me: and that kingdom submitted to my government.

And I regarded the ties of kindred, and gave to Ameer Hossein the country of Bullukh and the castle of Shaudumaun. And he perceived not the degree of my kindness and regard; and he sought to destroy me. And in reducing Ameer Hossein thus I determined.

When he saw the signs of my victories and conquests, his envy was excited; and he molested me, and he molested his sister who was in my house; and he sought to take Mauwur u Nuhur from me. And he girded up his loins to slay me. And he came forth many times to fight with me: and he was defeated every time.

When his iniquity and injustice had reached the limits of excess, and it was near that he should become conqueror over me, and expel me; in those days his Ameers, because of the evils which he had done unto them, turned back from him. And he slew Humoochee, the brother of Ameer Ki Khissero, the ruler of Khuttulaun. And Ameer Ki Khissero rebelled in Khuttulaun.

And his Ameers were in a state of enmity; and he thought that they were his friends. And he brought forth his tents from the land of Bullukh, with a resolution to drive me out and destroy me. And they brought unto me this news, and I saw my

advantage in this, that even before Ameer Hossein could put himself in motion, I should go down upon him.

And I turned toward Bullukh, with the people that were with me: and my victorious forces came from all parts, and from all sides, and were gathered together. And having arrived on the borders of the land of Bullukh, I pitched my tents. And Amir Husain came forth to fight with, and expel, me; and it availed him not. And he entered into the castle, and was enclosed therein. And that befel him which did befall him.

Concerning those who had done evil unto me, and who, reflecting on their evil doings, thought in their hearts that I should slay them, thus I acted.

When Ameer Hossein fell into my hands, and his Servants and his Ameers were suspicious of me, that I would slay them; although I had determined to put them to death, yet, as they were warriors, I saw it was good that I should dispel their fears, and employ them in war.

And Ameer ul Omurau of Ameer Hossein was the governor of Buddukhshaun; and he had met me face to face many times, and had fought against me. And when he heard that Ameer Hossein was slain, he feared my justice, and he collected himself together. And if I had appointed an army to seize him, it would not have been proper.

And I feigned negligence toward him; and I saw it was good that I should speak well of his conduct, and praise his courage and his magnanimity in the assemblies, and among the people: until his friends wrote unto him, saying, "Ameer Timour is inclined to shew favour and mercy unto thee." And he supplicated me submissively, and he rested on my clemency and favour; and he came to me for protection.

The design which I formed for subduing the capital city of Khorausau, was this. When the kingdom of Bullukh, and the castle of Shaudumaun, and the countries of Buddukhshaun

were subdued; and when Ameer Hossein was slain; the news thereof came to Mulluk Gheaus u deen, the ruler of Khorausaun, and he trembled for himself, And he began to gather together his soldiers and his army; and he sought to secure himself.

And I saw my success in this, that I should throw the people of Khorausaun into the sleep of negligence: and - for this reason I turned back the reins of my intention toward Summurkund. And after that a letter from my Peer came unto me, saying, "Mulluk Gheaus u deen is employed in tyranny and oppression."

And when, from the news of my return toward Summurkund Gheaus u deen had sat down quiet and secure, I resolved thus "Now the hearts of the people of Khorausaun are no longer afraid of me, I must fall upon them."

And I turned back from the neighbourhood of Bullukh; and with the army which I had left in Bullukh, I marched with speed: and, coming to Hurraut, I took Mulluk Gheaus u deen in the sleep of security. And he was helpless, and he came forth from the city of Hurraut and he presented unto me his treasures, and his wealth, and his kingdom. And the kingdom of Khorausaun was subdued; and the Ameers of Khorausaun, every one of them, submitted unto me.

The designs which I formed for conquering the countries of Seistaun, and Kundahaur, and the land of Afghauns, were these. When the kingdom of Khorausaun was reduced to obedience, my Ameers counselled me, saying, "Thou must send armies to subdue these three countries." I answered them, saying, If the matter be not brought to pass by the armies, without remedy, I myself must turn the reins of my intention that way: and, behold, I have very much business before me.

And I saw it was good, that I should write mandates of encouragement to the rulers of those countries, to this purport -

"If ye come in unto me, come; and if ye refuse, refuse: and do that which ye see best." And behold, the measure was good: and as soon as mandates arrived, they placed the forehead of submission on the path of obedience.

The design which I formed for vanquishing Auroos Khaun, and for subduing the Dusht of Kipchauk, was this. When Touktummish Khaun was defeated by Auroos Khaun, and fled to me for shelter, I counselled with myself whether I should send an army with Touktummish Khaun, or whether I should go myself.

And at this time the ambassador of Auroos Khaun arrived. And I saw my advantage in this that I should speak fair to his ambassador, and dismiss him, and shut up the road to the Dusht, and appoint an army to set out after the ambassador; and that on the day after that on which the ambassador should enter the presence of Auroos Khaun, without suspicion; whilst Auroos Khaun should be unprepared, my forces should assault him.

And when I did so, the measure proved successful. For when the ambassador arrived, even whilst he related his story, my victorious armies, like unto an unforeseen calamity, poured on the head of Auroos Khaun. And Auroos Khaun had not power to oppose them; and he resolved on flight. And the Dusht of Kipchauk was subdued.

The designs which I formed for subduing the countries of Kilaun, and Jurjaun, and Mauzinduraun, and Azzurbauejaun, and Shurwaun, and Fauris, and Erauk, were these. In those days, when the petitions of the people of Erauk on account of the oppressions of the race of Muzuffur, and of the rulers of the nations, came unto me, I resolved to go down upon Erauk.

And at this time it came into my mind, that if the rulers of those countries should join together to oppose me, I must be well prepared for war and my Ameers gave this counsel,

saying, "We must go prepared for war." And I resolved with myself, that I would make them obedient unto me, one by one; and that I would chastise those who refuses to submit.

And the first person who sought my protection, was Amir Aali the ruler of Mauzinduraun, who sent gifts unto me; and in the letter which he wrote unto me, he inserted this — "We, who are of the posterity of Aali, have rested satisfied with this land." "If thou wilt take it from us, thy power is greater than ours; but if thou wilt spare us, it will come nearer to clemency."

I considered the submission of the ruler of Mauzinduraun as a happy omen; and I turned toward the countries of Kilaun and Jurjaun. And when the princes of those countries submitted not unto me, I appointed troops to go down upon them; and I myself drew my army into Erauk.

And I conquered the city of Isfahaun; and I trusted in the people of Isfahaun; and I delivered the castle into their hands.

And they rebelled; and the Daurogheh,* whom I had placed over them, they slew, with three thousand of the soldiers. And I also commanded that a general slaughter should be made of the people of Isfahaun.

The design which I formed for the reduction of the chief city of Fauris, and the rest of Erauk, is this.

When I left Sharauze in the hands of the descendants of Muzuffur, and stationed three thousand men in Isfahaun, and drew my armies towards the Dusht of Kipchauk, to reduce and drive out Touktummish Khaun,* the people of Isfahaun put my Daurogheh to death: and the inhabitants of Sharauz also turned aside from their obedience.

And on these accounts I went down upon the kingdom of Erauk a second time, and I collected together eighty thousand horsemen. And I reflected that if I entered Erauk at one time with this mighty army, that they could not be supported. And I

commanded my armies, that they should invade the kingdom of Erauk, one after the other.

And when I had resolved thus, I divided my forces into three armies, and sent them down before me. And the divided troops who had come together in the kingdom of Erauk, were all dispersed abroad. And I drew an army on Sharauze: and Shaah Munsoor opposed me face to face. And he met with his reward.

The design which I formed in defeating Touktummish Khaun was this.

When my armies were weakened by a pursuit of five months after Touktummish Khaun in the Dusht of Kipchauk, famine and scarcity were very great in my army, even so that for many days my people lived on the flesh of the beasts of the forests, and on the eggs of the birds of the desert. And Touktummish Khaun heard of the state of my people, and found his advantage; and with an army more numerous than the ants and the locusts, came upon me, and opposed me face to face.

And my people were a hungered, and the army of Touktummish Khaun was full. And my chiefs and my Ameers set not their hearts upon battle, until my sons and my grandsons came, and kneeled down, and devoted their lives unto me.

And at this time the standard-bearer of Touktummish Khaun plotted secretly with me. And I found it was good that I should assault the foe; and that, when the two armies were engaged, the standard-bearer of Touktummish Khaun should invert his standard.

And when it reached the ears of the Ameers and the leaders, that my children had kneeled before me, and had offered to devote their lives unto me, they became strong of heart, and they resolved on battle.

And I appointed the prince Abau Bukkur, with eight

thousand horsemen, the advanced guard. And when the flames of war and of slaughter ascended high, I commanded that the tents should be pitched, and that they should prepare victuals.

And at this time the standard of Touktummish Khaun was inverted: and Touktummish Khaun, dismayed and confounded, gave the tribe of Jouji to the wind of desolation; and turned his back on the field of slaughter, and fled.

The design which I formed for the reduction of Baghdaud (the city of Islaum) and Erauk a Arrub, was this.

After I had subdued Erauk a Ajjum and Fauris, in those days a letter from Koottub ul Aktaub, my Peer, came unto me, saying, "The lord of Erauk a Ajjum and Arrub hath given Erauk unto thee."

And thus I acted in the reduction of Bughdaud. I first sent an ambassador to Sooltaun Ahmud Jullair, that he might inform himself of the powers and the conduct of Sooltaun Ahmud the ruler of Bughdaud, and of the strength of his forces.

And the ambassador went to Bughdaud, and wrote word unto me, saying, "Behold, Sultaun Ahmud is a piece of animated flesh: and lo, he hath two eyes".

And I rested on the favour of the Almighty; and I marched with speed, and I came to Bughdaud suddenly. And Sooltaun Ahmud Jullair resolved on flight, and he fled toward Kurbullau: and Bughdaud (the house of Islam) was conquered.

The design which I formed for extirpating Touktummish Khaun was this.

After he had given up the tribe of Jouji to the wind of desolation, and had been put to flight; he, in the hour of advantage, sent down a mighty army on the kingdom of Azzurbauejan by the way of Durbund and Sharevaun, and began to raise commotions therein. And when I had conquered the two Erauks, thus I resolved to destroy him — that I would go into the Dusht of Kipchawk with a mighty army by the way of Darband.

And I reviewed my armies, and, behold, they stood on four fursungs of ground in battle array: and I gave thanks to God.

And I crossed the waters of Timour. And wrote mandates to the people, and the tribes of the Dusht of Kipchauk, saying; whoever cometh in unto me, let him come; and whoever refuseth, let him refuse.

And in the year of seven hundred and ninety seven I entered the Dusht of Kipchauk. And I went to the boundaries of the land of the north; and the people, and the tribes of Jouji, who opposed me, I destroyed. And I subdued the countries and the castles of the fifth and the sixth region. And I returned victorious and triumphant.

My design, for reducing the empire of Hindostaun was this. First, to discover the thoughts of my Sons and my Ameers, I demanded counsel of them.

The prince Pir Mahummud Jahaungheer said; "Behold, when we shall subdue the empire of Hind, with the gold of Hind, we shall become the conquerors of the world."

And the prince Mahummud Sultan spoke saying, "We may subdue Hind: yet Hindostaun hath many ramparts. First, the rivers; and secondly, the wildernesses and the forests; and thirdly, the soldiers clad in armour; and fourthly, the elephants; destroyers of men."

The prince Sooltaun Hossein spoke, and he said; "When we shall have conquered Hindostaun, we shall become the lords and the rulers of four regions."

The prince Shaahrokh said; I have read in the Toorki annals, that there are five mighty kings, whom, because of their greatness, they mention not by their names. For behold, they call the king of Hind, Daurau; and the king of Room they call Keesur; and the king of Khuttun, and Cheen, and Maucheen, they stile Fughfoor; and they call the king of Toorkistaun,

Khaukaun; and they call the lord of Eraun, and the land of Tooraun, King of kings. And lo! the power of the king of kings hath, in all times, been over the empire of Hindostaun: and since the land of Eraun, and the land of Tooraun are in our hands, it behoveth us to conquer Hindostaun also."

The Ameers spoke, and said; "Although we may subdue Hind, yet if we tarry in the land, our posterity will be lost; and our children, and our grand children, will degenerate from the vigour of their forefathers, and become speakers of the language of Hind".

And I have resolved on the conquest of Hindostaun, and I was loth to desist from my resolution: and I answered them, saying; "I will turn to Almighty God, and I will seek the sign of war in the Koraun, that whatever be the will of God, that I may do." And they all consented thereto.

And when I sought an omen in the holy book, this sacred verse came forth — "*O prophet fight with the infidels and the unbelievers.*" And when the doctors of the law explained the meaning of the verse to the Ameers, they hung down their heads, and they were silent. And my heart was grieved by their silence.

And I deliberated with myself concerning the Ameers who opposed the reduction of Hindostaun, whether I should throw them down from their commands, and give their troops, and their Kushoons to their Kotuls: but since I myself had exalted them, I sought not to pull them down. And I treated them with kindness: and although they had angered me, yet, as they were unanimous at last, I regarded it not.

And I called a council a second time; and having pitched my tents toward Hindostaun, I repeated the prayer of victory.

Thus I resolved to send down armies on the chief city of Hindostaun. I commanded the prince Peer Mahummud Jehaungheer, who was at Kaubul with thirty thousand

horsemen of the left wing of the army, that, going by the way of the mountain of Soolamaun, and crossing the Sind, he should go down upon Mooltaun and subdue it.

And I ordered Sooltaun Mahummud Khaun, and the prince Roostum, and other Ameers with thirty thousand horsemen of the right-wing, that, crossing the waters Sind, they should go down on the country of Lahore, by the way of the skirts of the mountains of Kushmeer. And I myself with thirty and two thousand horsemen was the main body.

And behold the whole of my army was ninety and two thousand horsemen, corresponding and according to the number of the names of Mahummud, the prophet of God, (be the blessing of the Almighty on him and on his posterity) and I took this number as a fortunate and a happy omen.

And I set out, and I came and pitched my tents at Anduraub on the border of Budukhshaun: and having punished the infidels of the mountains of Kuttoor, I went on to the holy war of Hindostaun.

The design which I formed for clearing the road to Hindostaun, from the Oughauns was this.

It was reported unto me that certain of the Oughauns infested the road to Hindostaun, and robbed and plundered therein: and especially Moosi the Oughaun who was the head of the tribe of Gurkus. And he came down on Lushkur Shaah the Oughaun, who was one of my servants and well-wishers (and the prince Peer Mahummud had left him to defend the castle of Ireaub) and he slew him, and plundered all that he had. And at this time Mullik Mahummud, the brother of Lushkur Shaah, came and demanded justice; and he set forth unto me the murder of his brother by the cruelty of Moosi.

And I gave orders that Mullik Mahummud should be thrown into prison; and I said that Moosi was my well-wisher; and my Ameers spoke of my injustice.

But when the news of the confinement of Mullik Mahummud, and of that which I had said, reached the ears of Moosi, he became strong of heart. And when the mandate which I had written unto him arrived, he came without fear and he delivered up the castle.

And when I went to view the castle, one of his soldiers shot an arrow with an intention to slay me: and Moosi met with his reward. And the road to Hindostaun was open.

The design which I formed for vanquishing Sooltaun Muhmood the ruler of Dehli, and Mulloo Khaun, was this.

Sooltan Muhmood and Mulloo Khaun, with fifty thousand men, horsemen and footmen, and one hundred and twenty elephants, made strong castle of Dehli, and prepared to oppose me.

And it came into my mind, that if I should resolve on subduing the castle of Delhi, perhaps the war might be long and tedious.

And I counselled with myself, that I would make myself appear weak in their sight; that the enemy might gain courage, and come, and fight with me on the plain.

And on this account I dug a ditch round my army, and I strengthened myself within that ditch: and I sent a force to meet them. And I commanded the soldiers that they should show themselves weak and fearful, that they might give courage to the enemy.

And when the enemy found themselves powerful, they exulted: and they came into the plain, and they opposed my victorious armies face to face. And Sooltaun Muhmood, the ruler of Dehli, came into battle, and he was defeated, and he fled toward the mountains. And spoils and wealth above measure, in money and in effects, fall to the lot of my soldiers.

And in the space of one year I conquered the chief city of Hind: and at the end of the same year I returned toward the imperial city of Summurkund.

The design which I formed for subduing the countries of Goorjistaun was this.

When I returned victorious and triumphant from Hindostaun, I had not yet rested from the fatigues of the war of Hind, when the petitions of the governors of the two Erauks arrived, saying; "The infidels of Goorjistaun have advanced beyond their boundaries."

And, behold, I at all times thought that there was nought more worthy the valour of princes than the conquering of kingdoms and empires, and the waging holy wars with infidels and unbelievers.

And in those days, when the news of the irruption of the infidel inhabitants of Gorjistaun arrived, I reflected, that if I delayed to chastise them, perhaps the seditious of that country might rise into open rebellion: and in chastising them I used expedition.

And I gave liberty to the soldiers, who had returned from the war of Hind, that every one of them who chose to stay at home, might stay; and that everyone who chose to go with me, might go.

And I sent forth orders to the armies of Khorausau and Kundahaur, and Seistaun and Kirmaun, and Tubburistaun, and Kilaun, and Mauzinduraun, and Fauris; that they should make ready for war, and come down into the neighbourhood of Isfahaun, and be united to my victorious forces.

And I resolved that I would disperse and scatter abroad the rebellious and seditious of every country. Thus I sent to the land of Tooraun certain of the seditious of Khorausau and of Fauris, and delivered those countries from their machinations. And I turned the reins of my intention to the reduction of the castles of Goorjistaun.

And I determined on that measure which was agreeable to my soldiers. And I placed a helmet of steel on my head, and

I clothed myself in the armour of Dauood* and I hung scymetar of Missur by my side and I sat on the throne of war.

And I let loose the brave men of Tooraun, and the valiant men of Khorausau, and the mighty men of Mauzinduraun, and Kilaun; and I subdued the castle of Seewaus and the castles of Goorjistaun; and I destroyed all the people who were in those castles: and the spoils of those castles I divided among the victorious forces. And I chastised the seditious and the plunderers of Azzurbauejaun.

And after this I went to reduce the castles of Mulluteah and the neighbourhood thereof. And when I had subdued the castles, and had taken possession of them I resolved to conquer Hullub and Humsau; and I subdued that country with little labour. And I girded up the loins of my resolution to subdue the countries of Missur and Shaum.*

The design which I formed for the reduction of Missur and of Shaum, was this.

When the news of my power and my strength reached the ears of Keesur,* that I had conquered the castles of Seewaus and Mulluteah, and the dependencies thereof, and that I had dispersed and defeated all his soldiers, who were in those castles, he was very wroth. And at the instigation of Kurrau Eusoof, the Toorkumaun (who had fled from the shock of my army, and had sought shelter with Keesur) he resolved on war.

And, behold, the ruin and overthrow of Keesur was at hand; and Kurrau Eusoof urged him that he should draw an army upon me. And Keesur, at the instigation of Kurrau Eusoof, came down with a mighty army; and he called the forces of Missur and Shaum to his aid.

And I reflected, that if I also divided my people into three armies, it would be better. But, behold, victory and defeat are hidden by the curtain of fate: and I demanded counsel of my Ameers. And they gave soldier-like counsel, saying, "Thou must go down to battle with speed."

And when I reflected by myself, thus found it was good, that I should extinguish the fire of Keesur by policy. And I wrote a letter to Keesur; and the substance of it was this.

"Praise is due to the God of the universe, that he hath brought under my authority many of the kingdoms of the seven regions of the world, and that the princes and rulers of the earth have submitted unto me. May God be merciful to that servant who knoweth his own limits, and who placeth not the foot of temerity beyond his proper bounds.

Where thy race and lineage endeth, is known to all men. It is therefore worthy of thy condition, that thou advance not forward the foot of presumption, and that thou throw not thyself into the abyss of affliction and calamity; and that thou open not the door of discord and desolation on thy empire at the instigation of the evil-minded, who have fled unto thee for their own ends, and have awakened the sleeping destruction; but that thou send bound unto me Kurrau Eusoof, the Toorkumaun: otherwise, that which is concealed by the curtain of fate, after our armies meet, will be known unto thee."

When I had sent the letter to Keesur by the hands of experienced ambassadors, I found my advantage in this, that I should go toward the chief city of Shaum. And I set out by the way of Hums and Hullub. And when I came to Hullub, I heard that Mullik Furruj, the son of Mullik Burkook, on hearing the news of my coming from Missur, had gone to Dummishk.*

And I marched with speed, that I might not permit the forces of Missur and the armies of Shaum to join themselves together: But Mullik Furruj was quicker than I, and got to Dummishk. And I arrived after him at Dummishk, and reduced that city.

The design which I formed for subduing the cities of Room, and for defeating the armies of Keesur was this.

When I had conquered the cities of Shaum, and Mullik

Furruj (the king of Missur and Shaum) had fled from the battle; my ambassador returned from Room, and brought the defiance of Yeldurru Bauezzed, and set forth-that when the news of the defeat of the armies of Missur and of Shaum came to Keesur, that he was amazed and confounded, and prepared for war.

Having conquered Dummishk and the cities of Shaum, I went towards Bughdaud by the way of Moosul. And I resolved that I would turn toward Azzurbauejaun, that if Keesur should persist in his intentions, it might be known.

And when I set out toward Tubburaze, I sent down certain of the princes, with a mighty army upon Bughdaud. And Sooltaun Ahmud Jullaur had left one of his servants, whose name was Furrukh, with numerous forces, and the necessaries and the implements of defense, to guard the city and the castle of Bughdaud.

And the princes arrived at Bughdaud, and they surrounded the city; and the people in the city opposed them: and they informed me thereof.

And I found it was good that I myself should go and reduce the city and the castle of Bughdaud. And I turned back by the way of Tubburaze, and I marched with speed, and came to Bughdaud. And I besieged Bughdaud; and when the siege had continued for two months and some days, the castle and the city of Bughdaud were conquered and subdued.

And Furrukh, the governor, was drowned in the waters of the Tigris. And I entered into Bughdaud, and I commanded that they should slay the seditious inhabitants of that city; and that they should throw down the castle and the buildings thereof, and make them level with the earth.

And from Bughdaud I turned the reins of my intention toward Azzurbauejaun; and I sojourned in that kingdom for some time.

And when it reached my ears that Keesur had sent down armies on Hullub and on Hums, and on Deaur-a-bukkur; and that Kurrau Eusoof, the Toorkumaun (who had fled from before me and sought protection with Kessur) was employed in assaulting and molesting the Kauruvvaun which went to the sacred cities; (and at this time people came and demanded protection from his cruelty and oppression) it became my duty that I should chastise Kurrau Eusoof, and awaken Keesur from the sleep of forgetfulness.

And in this matter I found it was good, that I should call out the forces of every city and every tribe, and collect them together and go down upon Keesur. And when my forces were collected together, in the month of Rujjub, in the year of the Hijreh 804, I set out from Azzurbauejaun to wage war with Keesur.

And I sent an army before me to ravage the kingdom of Room; and I sent another army to examine the stages, and the water and the forage; and I went by the way of Angooreah. And Keesur with four hundred thousand men, horsemen and foot-men, advanced with speed to oppose and to expel me. And I assaulted him and obtained the victory; and my soldiers seized upon Keesur, and brought him into my presence. And after a war of seven years, I returned victorious and triumphant to Summurkund.

Book the Second

The Institutes of Timour

Be it known to my fortunate sons, the conquerors of kingdoms; to my mighty descendants, the lords of the earth; that since I have hope in Almighty God that many of children, descendants, and posterity, shall sit upon the throne of power and regal authority; upon this account, having established laws

and regulations for the well-governing of my dominions, I have collected together those regulations and laws as a model for others: to the end, that every one of my children, descendants, and posterity, acting agreeably thereto, my power and empire, which I acquired through hardships, and difficulties, and perils, and bloodshed (by the divine Favour, and by the influence of the holy religion of Mahummud, (God's peace be upon him) and with the assistance of the powerful descendants and illustrious followers of that prophet) may be them preserved.

And let them make these regulations the rule of their conduct in the affairs of their empire, that the fortune, and the power, which shall descend from me to them, may be safe from discord and dissolution.

Now therefore be it known to my sons, the fortunate and the illustrious, to my descendants, the mighty subduers of kingdoms; that, in like manner as I by twelve maxims, which I established as the rules of my conduct, attained to regal dignity; and with the assistance of these maxims conquered and governed kingdoms, and decorated and adorned the throne of my empire; let them also act according to these regulations, and preserve the splendor of mine and their dominions.

And among the rules which I established for the support of my glory and empire, *the First* was this — That I promoted the worship of Almighty God, and propagated the religion of the sacred Mahummud throughout the world; and at all times, and in all places, supported the true faith.

Secondly, with the people of the twelve classes and tribes I conquered and governed kingdoms; and with them I strengthened the pillars of my fortune, and from them I formed my assembly.

Thirdly, by consultation, and deliberation, and provident measures; by caution, and by vigilance I vanquished armies, and I reduced kingdoms to my authority. And I carried on the

business of my empire by complying with times and occasions, and by generosity, and by patience, and by policy; and I acted with courteousness towards my friends and towards my enemies.

Fourthly, by order and by discipline I regulated the concerns of my government; and by discipline and by order I so firmly established my authority, that the Ameers, and the Vizeers, and the soldiers, and the subjects, could not aspire beyond their respective degrees; and every one of them was the keeper of his own station.

Fifthly, I gave encouragement to my Ameers and to my soldiers, and with money and with jewels I made them glad of heart; and I permitted them to come into the banquet; and in the field of blood they hazarded their lives. And I withheld not from them my gold nor my silver. And I educated and trained them to arms; and to alleviate their sufferings, I myself shared in their labours, and their hardships; until, with the arm of fortitude and resolution, and with the unanimity of my chiefs and my generals, and my warriors, by the edge of the sword I obtained possession of the thrones of seven and twenty kings; and became the king and the ruler of the kingdoms of Eraun and of Tooraun; and of Room, and of Mughrib, and of Shaum; and of Missur, and of Erauk-a-Arrub, and of Ajjum; and of Mauzinduraun, and of Kylaunaut, and of Shurvaunaut, and of Azzurbauejaun; and of Fauris; and of Khorausau; and of Dusht of Jitteh; and of Dusht of Kipchauk; and of Khauruzm, and of Khuttun, and of Kauboolistaun; and of Hindoustaun, and of Baukhtur Zemeen.

And when I cloathed myself in the robe of empire, I shut my eyes to safety and the repose which is found on the bed of ease. And from the twelfth year of my age I travelled over countries, and combated difficulties, and formed enterprises, and vanquished armies; and experienced mutinies amongst my

officers and my soldiers, and was familiarized to the language of disobedience; (and I opposed them with policy and with fortitude) and hazarded my person in the hour of danger; until in the end I vanquished kingdoms and empires, and established the glory of my name.

Sixthly, by justice and equity I gained the affections of the people of God; and I extended my clemency to the guilty as well as to the innocent; and I passed that sentence which truth required: and by benevolence I gained a place in the hearts of men; and by rewards and punishments I kept both my troops and my subjects divided between hope and fear. And I compassionated the lower ranks of my people, and those who were distressed. And I gave gifts to the soldiers.

And I delivered the oppressed from the hand of the oppressor; and after proof of the oppression, whether on the property or the person, the decision which I passed between them was agreeable to the sacred law. And I did not cause any one person to suffer for the guilt of another.

Those who had done me injuries, who had attacked my person in battle, and had counteracted my schemes and enterprises, when they threw themselves on my mercy, I received them with kindness; I conferred on them additional honours, and I drew the pen of oblivion over their evil actions. And I treated them in such sort, that if suspicion remained in their hearts, it was plucked out entirely.

Seventhly, I selected out, and treated with esteem and veneration, the posterity of the Prophet, and the Theologians, and the Teachers of the true Faith, and the Philosophers, and the Historians. And I loved men of courage and valour; for God Almighty loveth the brave. And I associated with good and learned men; and I gained their affections, and I entreated their support, and I sought success from their holy prayers. And I loved the Dervishes, and the poor; and I oppressed them not,

neither did I exclude them from my favour. And I permitted not the evil and the malevolent to enter into my council; and I acted not by their advice: and I listened not to their insinuations to the prejudice of others.

Eightly, I acted with resolution; and on whatever undertaking I resolved, I made that undertaking the only object of my attention: and I withdrew not my hand from that enterprise, until I had brought it to a conclusion. And I acted according to that which I said. And I dealt not with severity towards any one, and I was not oppressive in any of my actions; that God Almighty might not deal severely towards me, nor render my own actions oppressive unto me.

And I enquired of learned men into the laws and regulations of ancient princes, from the days of Adam to those of the Prophet, and from the days of the Prophet down to this time. And I weighed their institutions, and their actions, and their opinions, one by one. And from their approved manners, and their good qualities, I selected models. And I enquired into the causes of the subversion of their power, and I shunned those actions which tend to the destruction and overthrow of regal authority. And from cruelty and from oppression, which are the destroyers of posterity, and the bringers of famine and of plagues, I found it was good to abstain.

Ninthly, the situation of my people was known unto me. And those who were great among them, I considered as my brethren; and I regarded the poor as my children. And I made myself acquainted with the tempers and the dispositions of the people of every country and of every city. And I contracted intimacies with the citizens, and the chiefs, and the nobles; and I appointed over them governors adapted to their manners, and their dispositions, and their wishes.

And I knew the circumstances of the inhabitants of every province. And in every kingdom I appointed writers of

intelligence, men of truth and integrity, that they might send me information of the conduct, and the behaviour, and the actions, and the manners, of the troops and of the inhabitants, and of every occurrence that might come to pass amongst them. And if I discovered ought contrary to their information, I inflicted punishment on the intelligencer; and every circumstance of cruelty and oppression in the governors, and in the troops, and in the inhabitants, which reached my ear, I chastised agreeable to justice and equity.

Tenthly, whatever tribe, and whatever hord, whether Toork or Tauchek, or Arrub or Ajjum, came in unto me, I received their chiefs with distinction and respect, and their followers I honoured according to their degrees and their stations. And to the good among them I did good, and the evil I delivered over to their evil actions.

And whoever attached himself unto me, I forgot not the merit of his attachment, and I acted towards him with kindness and generosity; and whoever had rendered me services, I repaid the value of those services unto him. And whoever had been my enemy, and was ashamed thereof, and flying to me for protection, humbled himself before me, I forgot his enmity; and I purchased him with liberality and kindness.

In such manner Share Behraum, the chief of a tribe, was along with me. And he left me in the hour of action, and he united with the enemy, and he drew forth his sword against me. And at length my salt, which he had eaten, seized upon him; and he again fled to me for refuge, and humbled himself before me. As he was a man of illustrious descent, and of bravery, and of experience, I covered my eyes from his evil actions; and I magnified him, and I exalted him to a superior rank; and I pardoned his disloyalty in consideration of his valour.

Eleventhly, my children, and my relations, and my associates, and my neighbours, and such as had been connected

with me, all these I distinguished in the days of my fortune and prosperity, and I paid unto them their due. And with respect to my family, I rent not asunder the bands of consanguinity and mercy; and I issued not commands to slay them, or to bind them with chains.

And I dealt with every man, whatever the judgment I had formed of him, according to my own opinion of his worth. As I had seen much of prosperity and adversity, and had acquired knowledge and experience, I conducted myself with caution, and with policy, towards my friends and towards my enemies.

Twelfthly, soldiers, whether associates or adversaries, I held in esteem; those who sell their permanent happiness to perishable honour, and throw themselves into the field of slaughter and battle, and hazard their lives in the hour of danger.

And the man, who drew his sword on the side of my enemy, and committed hostilities against me, and preserved his fidelity to his master, him I greatly honoured; and when such a man came unto me, knowing his worth, I classed him with my faithful associates; and I respected and valued his fidelity and his attachment.

And the soldier, who forgot his duty and his honour, and in the hour of action turned his face from his master, and came in unto me, I considered as the most detestable of men.

And in the war with Touktummish Khaun, his Ameers forgot their duty to Touktummish, who was their master and my foe, and sent proposals and wrote letters unto me. And I uttered execrations upon them; because unmindful of that which they owed to their lord, they had thrown aside their honour and their duty, and come in unto me. I said unto myself, what fidelity have they observed to their liege lord? What fidelity will they shew unto me?

And, behold, it was known unto me by experience, that every empire, which is not established in morality and religion,

nor strengthened by regulations and laws, from that empire all order, grandeur and power shall pass away. And that empire may be likened unto a naked man, who, when exposed to view, commandeth the eye of modesty to be covered: and it is like unto a house, which hath neither roof, nor gates, nor defenses; into which whoever willeth, may enter unmolested.

Therefore, I established the foundation of my empire on the morality and the religion of Islaum; and by regulations, and laws I gave it stability. And by laws and by regulations, I executed every business and every transaction that came before me in the course of my government.

And the first regulation which my heart dictated unto me, was the promulgation of the true faith, and the support of the sacred tenets of Mahummud (God's peace be upon him). And I encouraged the progress of the holy laws and the religion of Islaum through all the cities, and the provinces, and the kingdoms of the earth; and I adorned my empire by the sacred laws.

Thus I regulated the promulgation of the true faith. I appointed a man of holiness, and of illustrious dignity, to watch over the conduct of the faithful, that he might regulate the manners of the times, and appoint superiors in holy offices; and establish, in every city and in every town a judge of penetration, and a doctor learned in the sacred law, and supervisor of the markets, of the weights and of the measures: and that he might ordain pensions and salaries for the descendants of the prophet, and for superior ecclesiastics, and for holy men, and for men of knowledge.

And I established a judge for the army and a judge for the subjects: and I sent into every province and kingdom an instructor in the law, to deter the faithful from those things which are forbidden, and to lead them in the truth.

And I commanded that they should build places of worship and monasteries in every city; and that they should

erect structures for the reception of travelers on the high roads, and that they should make bridges across the rivers.

And I appointed ecclesiastics and religious teachers in every city, to instruct the followers of Islam in the abstruse and fundamental principles of our holy law; and to preach to them the doctrines of religion, with the holy traditions, and the sacred commentaries upon them.

And I ordered that the suddur and the judge, from time to time, should lay before me all the ecclesiastical affairs of my empire; and I appointed a judge in equity, that he might transmit unto me all civil matters of litigation, that came to pass amongst my troops and my subjects.

When I had regulated all religious concerns, and had promoted the progress of the sacred tenets throughout the cities of Islaum; and when the rumour of the promulgation of the true faith had reached the ears of all ranks of the faithful; the doctors of our holy faith published a decree — That as Almighty God in each century had sent a promoter and propagator of the faith, for the promulgation and restoration of the religion of Mahummud (God's peace be upon him); and as in the eighth century Ameer Sauhiba Kurraun* hath restored the purity of the holy laws, he therefore must be the Restorer of the Religion of Mahummud.

And Meer Siud Shurreef, the most respectable of the doctors of the age, wrote unto me on this subject, saying, "The holy men of all ages have agreed, that in every century from the days of the prophet, Almighty God hath sent forth a propagator of the faith, for the purpose of promulgating the religion of Mahummud (God's peace be upon him): and since in the beginning of this eighth century, Ameer Sauhiba Kurraun, hath propagated the laws of the holy prophet, and the true religion hath been diffused throughout the different cities and kingdoms of the earth; it is apparent that Ameer Sauhiba

Kurraun is the true promoter and supporter of the faith". And the Letter is this.

"O God assist thou the promoter of the religion of thy prophet, and abandon thou the deserter of the faith of Mahummud.

Since from the time of Hijrut of the great and holy apostle down to the present period 800 years have elapsed, and since the pure and omnipotent Creator hath in each century inspired and sent forth a promoter and restorer of religion, for advancement of the faith of his messenger and friend, and the re-establishment of his sacred doctrines; praise be to the most high! That in the beginning of this the eighth century Ameer Sauhiba Kurraun, who hath encouraged and established the holy religion of Mahummud in various nations and regions of the earth, is by the Almighty evidently appointed the restorer and promoter of the faith of Islaum.

From all that former Theologians have discovered and inserted in their works concerning the promoters of our holy faith, the following are selections.

In the first century from the Hijrut Omur Abdul Azeez stood forth the supporter of the faith. For when the holy religion of Islaum was weakened by the revilings of the schismatics, who dared to execrate from their pulpits the most excellent Aali, he abolished that profane practice.

And whereas divisions and hatred had sprung up amongst the followers of Islam, so that one faction fulminated curses on the three orthodox Khalifs, whilst their opponents denounced execrations on Aali (the commander of the faithful) on Hoossein and on Ubbaus; and at length proceed to open dissensions and hostilities; he put an end to those divisions, and by so doing gave strength to our holy law.

And the supporter of the faith in the second century was Maumoon ul Rusheed. For he abrogated and annulled seventy

two pernicious and unorthodox tenets, and established the true rites and ceremonies on the faith of the Sunna, and on the sacred traditions. And he called Aali, the son of Moosi Jaufir (on whom be the blessing of God) from Khorausau; and appointed him successor to the Immaumut, and with his consent took possession of the government.

And in *the third century* Mocktaudir Billau Ubbausi was the promoter of the faith. For when the sect of the Kuraumuteh, headed by Abou Tauhir, seized the holy city of Mecca, and martyred 30000 pilgrims on mount Arafat; when that impious chief caused the Black Stone to be torn from the corner of the sacred Caaba, desolated the cities of Islaum, and plundered and slaughtered the inhabitants (by which a mighty blow was given to our holy religion) Mocktaudir Billau drew forth his armies against that abandoned sect, and extirpated them from the face of the earth: and thus supported and defended the laws and the faith of Islaum.

And in the fourth century Azzud u Dowla Delumi was the supporter of the religion of Mahummud, of whom be God's peace and blessing. For when, on account of the wickedness and corruption of Muttei laumurilla Ubbausi, and the oppressions and persecutions exercised by his servants and dependants, our holy religion was neglected, and corruption and impiety became notorious in the cities of Islaum; Azzud u Dowla deposed him from Khillaufut, placed his son Taulaa Billau on the vacant throne, and by his exertions re-established the true faith.

And Azzud u Dowla abolished innovations and things unlawful, stopped the current of injustice and oppression, and thus supported the holy laws of Mahummud.

And Sooltaun Sanjar, the son of Sooltaun Mullik Shaah, and the contemporary and disciple of Sheikh Ahmud Jaumi and Hukkem Sunaï was promoter of the faith and the laws in *the*

fifth century. For he extirpated the heretics who in those days had weakened the faith of Islaum; and paid such pious obedience to the holy doctrines of Mahummud (God's peace be upon him) that in the period of his life he was not guilty of one action prohibited by the sacred laws.

In the sixth century the supporter of the faith was Ghauzaun Khan the son of Arghoon Khaun, the son of Hullaukoo Khaun. For when the holy religion was almost annihilated by the conquests of the infidels of Toorkistaun, Ghauzaun Khaun with one hundred thousand Toorks (such was the will of Almighty) were at one time converted to the Mahummudan faith by Sheikh Ibraheem Hummuae in the plain of Laur; and joined in the sacred exclamation, "There is no God but God, and Mahummud is the Apostle of God".

And Ghazaun Khaun rooted out idolatry and heresy; and established the holy laws amongst the surrounding nations.

The supporter of the faith *in the seventh century* was Aljaуетoo Sooltaun, the son of Arghoon Khaun, who was also named Sultaun Mahummud Khodau Bunde. For when he succeeded his brother Ghauzaun Khaun at the above period, and was informed that the duties of our holy religion were neglected to such a degree, that the people, after the possession of their faith, did not include the posterity of Mahummud in their blessings and benedictions on that holy prophet; he himself arose and went forth to the imperial Masjid, and commanded the Theologians to be assembled before him.

And he demanded of the doctors of the law the cause of this omission; and ordered them to deliver their sentiments concerning the propriety or impropriety of including the sacred posterity of the prophet in their prayers. They replied with one accord, that by the express command of Almighty God the prayers of the faithful were due not only to the holy messenger, but to his descendants also.

Several of the doctors said, that Imaum Shaufeï had declared, that the sacred service unattended by the usual benedictions on Mahummaud and his posterity, were impious. Others acknowledged, that Immaum a Aazum had pronounced the prayers, in which the usual petitions in behalf of Mahummud and his posterity were omitted, to be void and of no effect.

He than demanded of them, why, when they mentioned the prophet in their prayers, they included not his immediate descendants. The doctors of the law were unable to reply, and the Sooltan proceeded.

In proof of the necessity of including the successors and posterity of the prophet in our prayers two arguments occur to me. *First*, that as the wicked excluded the descendants and successors of our holy lawgiver from the benefit of their benedictions, so Almighty God hath excluded them from the benefit of his protection, and hath cut off their posterity from the face of the earth: for if any of their descendants remain, none know them, none regard them: whereas the posterity of the prophet are increased to such a degree that no one except the Almighty knoweth their numbers, and those in respect and obedience to the holy apostle (on whom be the blessing of God) still offer up their prayers for his immediate descendants.

Secondly, the religious rites and institutions of all former prophets and messengers have been either altered or annulled; for the rules prescribed by the religions which they established were not adapted to all times and all situations. On the contrary, the religion of Mahummud (the peace of God be upon him) will continue without change or abolition, to the end of time.

It is the duty therefore of the followers of our holy prophet, who in their prayers respectfully mention his name, to include his descendants also: that it may be known to the

people that they are the supporters of the religion of Mahummud, the expounders of the divine revelations, the guardians of the holy law, and the heirs of the prophets and apostles; that the knowledge of the true religion and the divine ordinances of Islaum may be perpetuated by them, and that obedience and respect to the descendants of the prophet may be considered as an indisputable and important duty.

When the Sooltaun had concluded, the people who were collected together in the Musjid, instantly and with one voice, offered up their benedictions in favour of the prophet and his sacred descendants.

The Sooltaun proceeded thus. "Since Aali has been acknowledged to be the first, and Mahummud Mehdi the last, of the successors and immediate descendants of the prophet, it cannot be lawful for me to assume authority over the dominions of the holy Mahummud without the assent of his and their posterity; since by so doing I should be an usurper."

When this declaration of the Sooltaun reached the ears of the people, those of the posterity of the prophet immediately granted their consent. Having thus obtained their approbation of his authority, the Sooltaun ordained that agreeably to this regulation the Khutbeh should be pronounced from the pulpits in the names of each of the successors of the prophet, and that their names also should be impressed on the coins of the empire.

The ecclesiastical decree which the theologians promulgated on this occasion, and to which they subscribed their assent, is as follows, "Aljaуетoo Sooltaun is the supporter of the faith, and the restorer of the laws."

In this the eighth century Ameer Sauhiba Kurraun is the supporter of our sacred religion; since he hath revived and encouraged obedience to the holy laws in the different cities and nations of the earth, hath protected and revered the posterity of the prophet of God, and with their assent and

approbation hath assumed dominion over the empire of Mahummud."

When the letter of Meer Siud Shureef came unto me, I offered up thanks to Almighty God, and invoked the holy Mahummud and the descendants of Mahummud, that I might obtain their guidance and support in promoting our holy faith and in establishing the laws.

And the Letter itself I sent unto my Peer, who wrote thus on the border of that Letter. "Be it known to Ameer Sauhiba Kurraun, the promoter of the faith, the establisher of the laws (with whom be the protection of Almighty God) that this is a blessing extraordinary, and a mercy inconceivable, which the omnipotent creator hath vouchsafed to thee, the axis of empire, in appointing thee the re-establisher of the faith, and the supporter of the sacred laws. Encrease thou the number of thy good actions, that thy benevolent creator may encrease his mercies unto thee!"

When the epistle, bearing the subscription of my Peer, was returned unto me, I revered and respected the posterity of the prophet, and the teachers of the doctrine of Islaum; and in enforcing the sacred laws I exerted myself more than before. And I commanded that the substance of the letter should be inserted in the register of my transactions.

When I re-established the faith and the holy laws, I then began to form my civil regulations; and by law and by order I strengthened my government. And the regulations for giving stability to my government, I formed in this manner.

First, I kept firm the foundation of my power by the true religion, and by the laws of the prophet, and by the love of the descendants and venerable companions of that holy legislator; and by regulations and by order I so secured my regal authority; that no one had the power to interpose in my government.

Secondly, I kept my soldiers and my subjects suspended

between hope and fear; and conducting myself towards my friends and my enemies with gentleness and with humanity, I either over-looked or patiently bore with their words and their actions.

Whoever, whether friends or enemies, fled unto me for protection; if they were friends, I treated them in such sort as tended to increase their friendship; and if they were enemies, I so conducted myself towards them that their enmity was speedily converted into affection.

Whoever had a demand upon me, I attempted not to diminish the value thereof: and those whom I personally knew, I threw not forth from my presence.

And whoever, from the first shining forth of my fortune and power, had sought my protection, whether worthy or unworthy, whether their conduct towards me had been good or evil, when I ascended the throne of empire, I caused them to blush by my bounty and kindness; and I considered as undone the evil which they had done unto me, and I drew the pen of oblivion over the register of their actions.

Thirdly, I never gave way to the thirst of revenge, nor did I ever satiate my resentment on any one. Those who had injured me, I delivered over to the justice of the Almighty.

I retained in my service warriors of approved valour, and soldiers of tried experience. And I admitted to my society men of exalted lineage, and the posterity of the prophet, and theologians, and doctors learned in the law. And the seditious, and the wicked, and the inglorious I drove far from my presence.

Fourthly, I drew to me the obedience of the people of God by complacency, and by mercy, and by indulgence. And I ever adhered to equity and justice; and I retired far from cruelty and oppression.

At this time my Peer wrote unto me, saying, "Be it

known to Abu'l Munsour Timour (on whom be the blessing of Almighty God) that the different offices in an earthly empire are symbols of those in the empire of thy creator; in which there are labourers, and agents, and deputies, and chamberlains; and they are all busied and occupied in their own proper departments, and they seek not to over-leap the bounds allotted them; and they wait in perpetual obedience to the will of the Lord.

Therefore, thou must be watchful, that thy vizzeers, and thy soldiers, and thy labourers, and thy servants and thy officers, being each of them restricted to their proper stations, attend with due submission thy commands. And restrain thou every people and every tribe under thy dominion within their proper limits: that thy empire may be established on the basis of regularity and good order.

But if thou regardest not the due arrangement of thy concerns, and attendest not to the just subordination of thy people, corruption, and violence, and disorders shall find their way into every department of thy government. Be it therefore thy care to watch over and confine thy people, and thy concerns, within the limits of subordination and good order.

And thou shall exalt the sacred posterity of the prophet above all other ranks of thy people; and thou shalt revere and honour them, and thou shalt not consider the greatest instances of liberality, which thy love for them shall call forth, as the effects of profusion. We cannot be profuse in our offerings to Almighty God. Regulate and govern thou thy empire by the *twelve select classes*: and farewell."

When I received this letter from my Peer, I acted in obedience to all which he had commanded, and I gave order and connexion to the different departments of empire; and I ornamented and beautified my power by regulations and laws: and I made my authority durable by the twelve classes.

Regulations. By the *twelve classes* I rendered strong and permanent the basis and superstructure of my government; and I considered those *classes* as the twelve months, and as the twelve signs of the zodiac, predominating over the concerns of my empire.

The first class. I granted admission to the descendants of the prophet, and to theologians, and to doctors learned in the laws, and to holy men. And they resorted at all times to my palace, and they beautified and adorned my imperial assembly by their presence. And they conversed on sacred knowledge, and on government, and on wisdom: and to them I proposed questions concerning those things which were lawful, and those which were forbidden.

The second class. Persons of wisdom, and deliberation, and vigilance, and circumspection, and aged men endowed with knowledge and foresight, I admitted to my private councils: and I associated with them, and I reaped benefit, and acquired experience from their conversation.

The third class. I revered devout and pious men; and I implored their prayers in the hour of retirement: and I supplicated their blessings on my action. And in war, and in peace, and in my councils, and in my deliberations, I reaped the greatest advantage from their mediation. And by them I obtained victories in the day of battle.

Thus it came to pass, when in an engagement with Touktummish Khaun my forces were thrown into confusion by the superior numbers of the enemy, Meer Zeau u deen (of Subzvaur) who was noted for the efficacy of his prayers, bared his head, and stretched forth his arms in supplication; his prayer was not yet concluded, when the effects of his mediation became apparent.

And so also it came to pass, at a time when one of the inhabitants of my Hoorrum Surrai was afflicted with a deadly

distemper. Twelve holy Siuds, celebrated for their piety, assembled together; and each of them devoted a year of his own existence to her preservation: and she was restored to health, and enjoyed the full measure of their donation.

The fourth class. The Ameers, and the chiefs, and the commanders of my forces, I admitted to my councils; and I raised them to exalted dignities; and I associated, and conversed familiarly, with them.

And I loved those intrepid warriors who had given repeated proofs of their courage and abilities. And I proposed questions to them concerning the art of war, and the various modes of advancing in the field of battle, and of retreat in situations of peril, and the methods of charging and breaking the lines of the enemy, and of skirmishing, and all the other operations of war: and I placed confidence in them; and I consulted their opinions in proportion to their skill and experience.

The fifth class. The soldier and the subject I regarded with the same eye. And the brave and the resolute from amongst my warriors I distinguished by gifts and by honours.

And I treated with dignity and attention the rulers and the chiefs of every province and kingdom; and I conferred rewards upon them, and I reaped benefit from their services.

And I kept my troops in a state of readiness, and I advanced to them their wages even before it was due. Thus in my expedition against Room, I gave unto my soldiers seven years wages; part thereof due, and the remainder in advance.

And such was the discipline which I established amongst my troops and my subjects, that the one was never injured or oppressed by the other.

And my soldiers of every rank I confined in such sort to their several stations, that they could not step beyond the limits prescribed to them: and I neither exalted them above, nor

depressed them below the rest of my subjects. And those of them who signalized themselves by eminent services, I rewarded with honours and donations.

And those of my officers whose resolution and abilities I had weighed and proved in the balance of trial, I received into my especial favour, and I promoted them to the rank of commanders: and, in proportion to their conduct, I advanced them to superior stations.

The sixth class. From amongst the wise and the prudent who merited trust and confidence, who were worthy of being consulted on the affairs of government, and to whose care I might submit the secret concerns of my empire, I selected a certain number, whom I constituted the repositories of my secrets. And my weighty and hidden transactions, and my secret thoughts and intentions I delivered over to them.

The seventh class. By the vizeers, and the secretaries, and the scribes I gave order and regularity to my public councils. I made them the keepers of the mirrour of my government; in which they shewed unto me the affairs of my dominions and my empire, and the concerns of my armies and my people.

And they kept rich my treasury; and they secured plenty and prosperity to my soldiers and to my subjects. And by proper and skilful measures they repaired the disorders incident to empire; and they kept in order the revenues and the expenses of government and they exerted themselves in promoting plenty and population throughout my dominions.

The eighth class. Men learned in medicine, and those skilled in the art of healing, and astrologers, and geometricians, who are essential to the dignity of empire, I drew around me.

And by the aid of physicians and chirurgeons, I gave health to the sick. And, with the assistance of astrologers, I ascertained the benign or malignant aspect of the stars; their motions, and the revolutions of the heavens. And, with the aid

of geometricians and architects, I laid out gardens, and planned and constructed magnificent buildings.

The ninth class. Historians, and such as were possessed of information and intelligence, I admitted to my presence. And from these men I heard the lives of the prophets and the patriarchs; and the histories of ancient princes, and the events by which they arrived at the dignity of empire, and the causes of the declension of their fortunes.

And from the narratives and the histories of those princes, and from the manners and the conduct of each of them, I acquired experience and knowledge. And from those men I heard the descriptions and the traditions of the various regions of the globe, and acquired knowledge of the situations of the kingdoms of the earth.

The tenth class. I united myself with holy and pious men, with those to whom the Almighty had given wisdom; and I associated with them; and I heard from them the word of God; and I acquired knowledge of the blessings of a future state. And I saw them perform miracles and wonderful things; and I reaped delight and satisfaction from their conversation.

The eleventh class. I brought into my palace artificers of every sort, and of every denomination; and I admitted them into my camp; that both at home and abroad they might supply, and keep in readiness, the necessaries requisite to my soldiers.

The twelfth class. To travelers, and to voyagers, of every country I gave encouragement; that they might communicate unto me the intelligence and transactions of the surrounding nations.

And I appointed merchants and chiefs of Kauruvvauns to travel to every kingdom, and to every country; that they might bring unto me all sorts of valuable merchandize and rare curiosities, from Khittau, and from Khuttau, and from Cheen, and from Maucheen, and from Hindostaun, and from the cities

of Arabia, and from Missur, and from Shaum, and from Room and from the islands of the Christians; that they might give me information of the situation, and of the manners, and of the customs of the natives and the inhabitants of those regions; and that they might observe, and communicate unto me, the conduct of the princes of every kingdom, and of every country, towards their subjects.

Relative to the various tribes, whether Toork or Tauchek, Arrub or Ajjum,* who sought shelter under my government; these were the Regulations which I established.

First, I commanded that those who were of the posterity of the prophet, or theologians learned in the laws, should be received with reverence and respect; and that all their wishes and desires should be fulfilled; and that they should be supported in affluence and honour.

And those who were soldiers, I ordered to be incorporated with my troops, and entertained according to their rank and their circumstances.

And those who were skilled in mechanic arts, I directed to be employed in my service. And the body of the people, the indigent and the poor, who had capacity and abilities, I commanded to be accommodated agreeably to their situations.

I ordered that the merchant who had lost his property should have such sums of money given unto him as were sufficient to restore his capital to its original state; and that every husbandman and every peasant, who was not possessed of the implements of husbandry and cultivation, should be supplied therewith; and that those, of whatever class or rank, who chose the occupation of arms, should be received into military service.

And the genuine descendant of a soldier, resolute and brave, of whatever tribe or hord he might be, I ordered to be enrolled in the number of my forces, and to be promoted in proportion to his conduct and behaviour.

And I ordained that no person, whatever his rank, who entered my palace, should be excluded from the table of my imperial bounty.

And whoever was brought into my presence, and attracted my notice, I commanded that honours should be conferred upon him in proportion to his rank; and that every criminal who came for the first time before my tribunal, should be pardoned; but that for the second, and the third, crime he should meet with punishment adequate to his offences.

Thus I established rules for the security of my government.

I regulated my conduct by *Twelve Certain Maxims*: and by them I seated myself firmly on the throne of empire. And from experience it is known unto me, that every prince who adhereth not to these Twelve Maxims, shall reap little advantage from his dominion and regal station.

First. It is necessary that his words and his actions be his own. That is to say, that his soldiers and his subjects may know that what the king sayeth and doeth, he sayeth and doeth from himself; and that no other person hath influence therein.

Therefore it is requisite that a king be not so guided by the conduct and the counsels of others, as to make them his associates in his regal authority. For although he be obliged to hear good advice from all, yet he must not to that degree attend unto them, as to enable them by their measures and their counsels to become his equals, and in the end his superiors, in the concerns of his government.

Secondly. It is necessary to a king that he adhere to justice in all his actions, and that he receive into his service ministers who are just and virtuous. For if a king be guilty of oppression, an upright minister may counteract the evil thereof. But if the minister be unjust and cruel, it shall speedily come to pass, that the edifice of his masters's power and dominion shall be levelled with the earth.

Thus Ameer Hossein had a cruel and a wicked minister, who levied oppressive fines on the soldiers and on the subjects; until in a short time by the oppressions of that unjust and cruel minister, the fabric of the dominion of Ameer Hossein was laid in the dust.

Thirdly. In his injunctions and in his prohibitions he must act with resolution and with firmness. And he himself must issue his royal commands, that no one may have the temerity, or the power, to interpose, to alter, or to corrupt them.

Fourthly. He must be firm and constant in all his determinations. That is to say, on whatever plan or enterprise he shall resolve, he must not alter his resolution, nor withdraw his hand from that enterprise, until he hath brought it to a fortunate conclusion.

The fifth is the spirit of command. For whatever command he giveth, it is necessary that that command should be obeyed; that no one should have the power to act in opposition thereto, even though inconvenience or mischief should be the expected consequence of that command.

So it hath been related unto me, that Sooltan Muhmood, emperor of Ghizni, ordered on a certain occasion that a stone should be cast down at the entrance of the plain of Ghizni: and the horses of the people started and sprang back from that stone. And although his servants solicited his permission that they might remove the stone from the entrance of the road, he refused his assent: he answered unto them, "I have issued forth the order; and I will not turn back from, or contradict, my own commands."

Sixthly; (for from hence proceedeth security and power) he must not trust the concerns of his government to others, nor deliver over the reins of his authority into the hands of a servant: for the world is full of treachery, and hath many lovers; and it may soon come to pass that the powerful servant

shall aspire to regal dignity, and seat himself on the throne of his master.

Such was the conduct of the ministers of Sooltaun Muhmood towards their lord. They expelled him from the imperial throne, and they divided his dominions and his power amongst themselves. It is necessary therefore that the powers and important affairs of government be divided; and that they be entrusted to the care of divers persons of approved fidelity, and of known loyalty; so that being employed in their own proper departments, no one of them may aspire to the supreme authority.

Seventhly. On the affairs of his government he must listen to the opinions of his servants: those which are good, he must lay up in the treasury of his heart, and call them forth into action at their proper seasons.

Eighthly. In the concerns of dominion, and in those things which relate to his subjects and his soldiers, he must not act by the assistance and the advice of others. If his Vizeers or his Ameers speak unto him concerning any one, whether that which they say be good, or whether it be evil, let him hearken to them; but in forming his determination thereon let him be cautious and circumspect, until the truth be apparent unto him.

Ninthly. It is necessary that the majesty of his dominion be so impressed on the hearts of his soldiers and his subjects, that none shall dare to disobey his orders and commands, or to revolt from their duty and obedience to his royal authority.

Tenthly. What the king doeth he must do from himself; and he must adhere to that which he sayeth: for unto a prince there is nothing so valuable as a just veneration for his royal word. This word is unto his a family of princes, and a rich treasury; it maketh to him numerous subjects and powerful armies.

Eleventhly. In the affairs of his government, and in the

issuing forth his orders and commands, he must consider himself as single and alone; nor must he associate any one with him in the administration of his authority.

Twelfthly. He must be acquainted with the manners and the dispositions of his favourites and his confidants. And he must act with caution and circumspection: for many are lovers of slander and of calumny, who may carry reports abroad, and communicate to the Vizeers and the Ameers the words and the actions of their prince. Thus, it once happened unto me at a time when several of those whom I admitted to my private council proved to be the spies of my Vizeers and my Ameers.

Regulations for the forming of my army.

I ordained, when ten select soldiers, men of proof, were collected together, that one of them, who was distinguished for valour and for bravery, should, with the advice and the consent of the remaining nine, be appointed commander over them; and that he should be called Ounbaushee.

And when ten Ounbaushee were assembled together, that one of them who was qualified by service and abilities, should be appointed their leader; and that he should be stilled Euzbaushee.

And that, when ten Euzbaushee were collected together, an officer of exalted lineage, the son of a chief, of approved knowledge, and valour, and intrepidity, should be appointed commander over them; and that he should be called Mingbaushee, and leader of a thousand.

And I gave power to the Ounbaushees, that if any soldier under their command should die, or should desert, that they should appoint another soldier in his place. In the like manner I ordained, that the Euzbaushee should appoint the Ounbaushee, and the Mingbaushee the Euzbaushee; and that they should lay before me an account of the person who had died or deserted, and of the appointment of another in his stead.

And I commanded in the like manner, that, on military service and in every concern that related to government, the authority of the Mingbaushee should be established over the Euzbaushee; and the authority of the Euzbaushee over the Ounbaushee; and the authority of the Ounbaushee over the common soldier; that they should chastise those that were disobedient; and that those who in the day of battle were deficient in performing their duty, should be expelled; and that others should be appointed in their place.

The establishment of the pay of my forces.

I commanded that the subsistence of my troops, of the Ameers, and the Mingbaushees, and the Euzbaushees, and the Ounbaushees, and the common soldiers should be fixed and determined according to the following order.

I ordained that the subsistence of each of the private soldiers, if he were a sufficient and able man, should be fixed at the value of his horse; and that the subsistence of my select and chosen warriors should be estimated at the value of from two to four horses each.

And I ordered that the subsistence of the Ounbaushees should be ten times as much as the subsistence of the soldiers under them; and that the subsistence of the Euzbaushees should be twice as much as that of the Ounbaushees; and that the subsistence of the Mingbaushees should be three times as much as the subsistence of the Euzbaushees.

And I ordained that the soldier who neglected his duty; should be fined in one tenth of his pay. And I commanded that the Ounbaushees should receive their subsistence under the control of Euzbaushees; and that Euzbaushees should receive their subsistence under the control of the Mingbaushees; and that the Mingbaushees should receive their subsistence under the control of the Ameer ul Omrau.*

And I commanded that the pay of the Ameer ul Omrau

should be ten times as much as the pay of the officer subordinate unto him. And, in like manner, I ordained that the stipends of the Dewaunbeghi and of the Vizeers should be ten times as much as the subsistence of the Ameers; and that the subsistence of the Yussawwulaun, Jussawwulaun, and the Kulluckcheaun should be established at from one thousand to ten thousand.

And I ordained that pensions, and salaries, and subsistence should be conferred on the posterity of the prophet, and the theologians, and the men of science, and the learned in medicine, and on the astrologers, and the historians, in proportion to their different ranks and stations: and that the subsistence of the foot-soldiers, and the domestics, and the Furrashaun should be fixed at from a hundred to a thousand.

And I ordained also that the Ameer ul Omrau should receive his subsistence under the inspection of the Dewaunbeghi and the Vizeers. And I commanded that the Vizeers and the Dewaunbeghi should lay before me the statement of the salaries of each of my people, and pay them agreeably thereto.

And I ordained that a written order for his subsistence should be delivered to each of my soldiers; and that the sums which from time to time were advanced unto him, should be written down on the back of that order.

Concerning the appointment and pay of my troops.

I commanded that the accompt of twelve months subsistence for the infantry, and the Kulluckcheaun, and the Yussawwulaun, and the Jussawwulaun should be made out at one time; and that the money which was their due should be brought forth into the hall of audience, and there delivered unto them.

I ordered that the accompts of the subsistence of my cavalry in general should be made out every six months; and

that appointments to the amount of their pay should be delivered unto them from the treasury.

And I ordained that for the subsistence of the Ounbaushees and the Euzbaushees written orders should be given on the Maulaumauni* of the cities and the country; and that the interior districts should be allotted for the payment of the Mingbaushees; and that the stipends of the Ameers and the Ameer ul Omrau should be granted on the revenues of the frontier provinces.

And I commanded that the distribution of the provinces, and the districts, should be made in this manner:

That the amount of the revenues of the various provinces and kingdoms should be divided into lots for more or for less, and that a royal assignment for the payment of each of those lots should be made out; and that those assignments should be brought into the hall of audience; and that the Ameers and the Mingbaushees should each of them take one of those assignments; and that if the amount thereof exceeded the sum of his subsistence, some one else should participate with him; and if it were less, that another should be given in exchange, or added unto it.

And I commanded that the Ameers and the Mingbaushees, in collecting the revenues from the subjects, should not on any account demand more than the taxes and duties established.

And to every province on which a royal assignment was granted, I ordained that two supervisors should be appointed to that province: that one of them should inspect the collections and watch over the concerns of the inhabitants, that they might not be impoverished, and that the Jaugheerdaur* might not ill-use or oppress them; and that he should take an account of all the sums which were collected in the province: and that the other supervisor should keep a register of the public expenses, and distribute the revenues among the soldiers.

And every Ameer who was appointed to a Jaugheer,* I ordained that for the space of three years the state of the province should be inspected. If the inhabitants were satisfied, and if the country was flourishing and populous, that he should be continued therein: but if the contrary should appear, that the Jaugheer should return unto the crown; and that for the three following years, subsistence should not be granted to the holder thereof.

And I ordained that the collection of the taxes from the subject might, when necessary, be enforced by menaces and threats; but never by whips and by scourges. The governor whose authority is inferior to the power of the scourge, is unworthy to govern.

Concerning the subsistence of my children and descendants.

I commanded that my eldest son, the heir to my throne, who is Mahummud Jahaungheer, should receive the subsistence of twelve thousand horsemen, and the assignment of territories sufficient to defray the same:

And that my second son, who is Omur Sheikh, should receive the subsistence of ten thousand horsmen, and lands correspondent thereunto:

And that my third son, who is Meeraun Shaah, should receive the subsistence of nine thousand horsemen, and the assignment of a province for the payment of the same:

And that my fourth son, who is Shaahrokh, should receive the subsistence of seven thousand horsemen, and the assignment of a Jaugheer equivalent thereto:

And my grandsons should receive subsistence and lands for from three to seven thousand horses, each according to his capacity and abilities.

To all others who were related unto me, I commanded that subsistence and appointments should be given, from the

rank of first Ameer to the rank of seventh Ameer, according to the abilities, and the dignity, and the rank of each; and that every one of them should rest content with the station wherein he was placed, and presume not to exceed the limits prescribed unto him; and that if any one of them should disobey this order, he should be called to a strict account.

Concerning the punishments of my children, and my grandchildren, and my relations, and my chiefs, and my ministers.

I ordained, if either of my sons should aspire to the imperial throne, that they should not presume to put him to death, nor load him with chains, neither should they injure him in his limbs, or his organs; but that they should confine him in a prison, until he returned back from his evil ways: that civil wars and convulsions might not arise in the land of the Lord.

And if any one of my grandchildren, or relations, rose in enmity against me, I ordered him to be reduced to the state of a Dervaish.

And if the Ameers, who are the bulwarks of empire, should disobey in the hour of action, I ordered that they should be degraded from their commands, and deprived of their powers and their dignities; and that if any of them should be guilty of actions, from whence disturbances might arise in my dominions, that they should be delivered over to the judgment of their peers; and that if they were guilty of neglect in the line of their military duty, they should be classed amongst the scribes; and, if in that station they were disobedient and refractory, that they should be expelled from the imperial service.

Concerning the ministers, who are the most respectable and confidential of the servants of royalty.

I ordained, if they should be guilty of treachery in the

concerns of the empire, or form attempts for the subversion of the imperial authority, that their judges should not be precipitate in consigning them over to death:

And that they should discover and ascertain who were their accusers, and first try the honesty and truth of the witnesses on the touchstone of examination and proof: for the invidious and the slanderers are many; who from envy and self-interest will cloath falsehood in the garment of truth, that they may accomplish their own designs.

And many there are, worthless and wicked men, who will support and encourage the enemies of their prince; and who by fraud, and artifice and treachery will ruin and destroy his loyal and faithful subjects; and by falsehood, and perfidy, and deceit shake and overturn the foundation of his empire.

Thus Ameer Hoosein entered into a treacherous correspondence with one of my Vizzeers. And he administered to his avarice, and he prevailed upon him to sow discord and enmity between me and Eckoo Timour and Ameer Jaukoo, who were the sinews of my power and fortune. And I penetrated into the designs of Ameer Hoosein and my Vizzeer, and I listened not to their accusations against them.

And thus also several of those in whom I confided, from envy and from malice, communicated fictitious tales unto me, both in public and in private, to the prejudice of Ameer Ubbaus, who was one of my most powerful and most faithful chiefs. And they kindled the fire of my resentment by their false reports; and in the moment of anger I ordered him, unheard and unexamined, to be put to death: and in the end I discovered the perfidy of his accusers, and I was ashamed and confounded at my own conduct.

If the Vizzeers superintending the revenues, who hold the riches of the empire, were guilty of peculation therein; and if the sums which they appropriated to their own use, exceeded

not the amount of their salaries, I ordered that it should be conferred upon them; that if they had taken sums to twice the amount of their subsistence, it should be deducted there from; and that, if they had defrauded the revenues to three times the amount of their salaries, the imperial collectors should levy it upon their fortunes.

And I ordered that the collectors should not take more than was due; but that their conduct should be governed by equity and justice, that abuses might not creep into the ordinances of government.

I commanded that the tales of the wicked, the envious, and the malicious against my Vizzeers should not be attended to. For ministers are a class of men who have many enemies; and the inhabitants of this world are searchers after the things thereof. If a minister patronizes and supports them, they will deceive and betray him; and if he neglects those people, they will gird up their loins in opposition unto him.

Chughtai Khaun had a minister whom the sons of calumny accused of peculation to the amount of many thousand pieces of money. When they presented the impeachment to the king, he commanded the Vizzeer into his presence, and thus reproached him, "It is evident that thou art a wretch of a most abject disposition, since being the minister of a prince rich and powerful as I am, thou canst be meanly content with defrauding thy master of such poor and contemptible sums as these." The sagacious and good Vizzeer, thus honoured by the kindness of his prince, brought forth all that he had, and laid it at the feet of his lord; and thus preserved both his influence and his honour.

And I commanded that if any one of my soldiers, exceeding the limits prescribed him, should injure or oppress the weak and the helpless, he should be delivered into the hands of the injured person, that he might retaliate upon him.

And if the chiefs or the nobles of any tribe or people extorted from the industrious husbandman his small pittance, I commanded that a fine should be levied on the guilty person in proportion to the degree of extortion, and to his ability to make retribution: and if the governor or superintendent should cruelly destroy the property of a subject, that he should be brought to punishment: but I ordained that after conviction, if the guilty person was fined, in that case corporal punishment should not be inflicted; and if corporal punishment was inflicted, I ordered that he should not be fined.

Robbers and thieves, in whatever place they might be found, or by whomsoever detected, I commanded to be put to death.

And I ordained, that, if any one seized by violence the property of another, the value of that property should be taken from the oppressor, and be restored to the oppressed.

Concerning other crimes, the breaking of teeth, and the putting out of eyes, and the slitting and cutting off the ears and nose, and wine-drinking and adultery, I ordained that whoever should be guilty of these, or other crimes, they should be brought into the court of the ecclesiastical and civil judges: that the ecclesiastical magistrate should decide on those causes, which are determinable by the sacred laws; and that those which did not fall under his cognizance, should be investigated, and laid before me by the civil judge.

Concerning the appointment of Ministers.

I ordained that in Vizzeers four qualities should be particularly attended to: First, firmness and generosity: Secondly, understanding and sagacity: Thirdly, the power of living in harmony with the soldiers and the subjects: Fourthly, patience under difficulties, and talents for the cultivation of peace and tranquility:

That whoever was endowed with these four qualities

should be considered as equal to the office of Vizzeer; should be made both minister and counsellor, and the reins of concerns of the government, of the army, and the subjects be delivered over to his care; that preeminence should be conferred upon him by four things, confidence, and esteem, and discretionary power, and authority.

That minister shall be equal to his office, who ordereth and conducteth the affairs and concerns of the government, of land, and of property, with uprightness, and integrity, and moderation; who taketh not where it should not be taken, and remitteth not where it should be remitted; who in his ordinances and prohibitions giveth proofs of lenity and of firmness; in whom hypocrisy and dissimulation shall not appear; who speaketh well of the soldier and of the subject; and who neither heareth nor sayeth evil of another; who, if he discovereth bad designs in any one, shall to conduct himself towards him, that he shall turn back from his iniquitous intentions; and who shall do good to the man who doeth evil unto him, that he may return into the path of friendship.

Let the Vizzeer who heareth and sayeth evil of others, who soweth contention, and who endeavoureth to ruin a good and virtuous man, from the malice which he beareth unto him, be expelled from his office.

The office of Vizzaurut must not be conferred on the wicked, the envious, the revengeful, or the seditious: for the consequence that shall follow from the administration of such men, is the speedy dissolution of the imperial fortune and empire.

Thus it happend to Mullick Shaah Siljokee. He disgraced his Vizzeer Nizzaum ul Molluk, who was adorned with every great and shining quality; and appointed an ignoble and worthless man in his place. By the ill conduct, viciousness, and villainy of that minister the foundation of the power of Mullick Shaah was overturned.

In this manner Al Kummi, who was noted for his malevolent and revengeful disposition, was raised to the dignity of first minister by Maatussim Billau Ubbasi. Influenced by the secret rancour which he harboured in his soul against the Khulleefeh, that wicked minister deceived his master with the language of treachery; and exciting the ambition of Hullaukoo Khaun, drew the powerful arms of that prince on the head of the unsuspecting Khalif: he caused his person to be seized; and that befell the Khalif which did befall him.

Therefore the Vizzeer to be chosen is a man illustrious descent, and of a noble heart, and of a virtuous disposition, and of prudent conduct. The truly illustrious swerve not from their duty; but in the base and ignoble fidelity and good faith are not to be found.

And every Vizzeer who conducteth himself in his high station with uprightness and integrity; who directeth the various departments of government with rectitude, and with fidelity, and with respect to the sacred laws, let him be exalted to the highest dignities.

And if the minister transacteth the important concerns of empire by villainy and artifice, it shall speedily happen that the power and prosperity of that empire shall pass away.

That minister is a wise minister, who in his conduct employeth both mildness and severity; who is neither immoderately severe, nor weakly compliant, for if he acteth with too much mildness and compliance, the avaricious and wordly-minded will oppress and bear him down: and of his severity be excessive, the people will fly from before him, and at all times avoid his presence.

Therefore that minister is a wise minister, who regulateth and giveth order to the edifice of royalty by a just knowledge of mankind, and by an uniform and prudent conduct; who in

the execution of his office acteth with patience and forbearance, and conducteth the affairs of government with mildness and with severity.

Let such a Vizzeer be considered as a friend and companion in the imperial dignity. For the dignity if empire is supposed by extensive territories, by a rich treasury, and by numerous armies: and these three things shall be obtained and secured by a wise minister.

A perfect minister is that minister, who, in consequence of any harshness that shall be offered unto him, permitteth not revenge and enmity to take possession of his soul. If he be malignant, and harbour revenge, he must be watched with care and with caution; lest he enter into confederacies with the enemies of the imperial power, and involve in confusion the revenues and the army of his prince.

An intelligent and sagacious minister is that minister, who supporteth the subject with one hand, and with the other hand holdeth up the soldier; who receiveth not whence it should not be received; and who giveth not where it should not be given; who letteth not vigilance and circumspection forth from his hand; who acteth with uprightness and integrity; who looketh forward to the conclusion and consequences of every transaction; and who in negotiating the affairs of the empire seeth not his enemy before him.

That minister is an experienced and active minister, who keepeth in his eye the cultivation and population of the country, and the prosperity of the subjects, and the strength of the army, and the fulness of the treasury; who exerteth himself in promoting those measures which are profitable to government, and hazardeth his fortune and his life in counteracting those, from which evil may follow to the unpenal dignity; and who directeth the concerns of the soldier and the subject with prudence and deliberation.

Virtuous minister is that minister, whose good qualities predominate over his failings.

Thus I have heard, that the failings of Nizzaum ul Moolluk were vanquished by his virtues. At that time when he resolved to perform the holy pilgrimage, one of the men of God said unto him; "Thy good actions which shine forth in the glory and the power of Mullick Shaah, and the blessings which the people of the Almighty receive from thy hands, are equal to all the merits of pilgrimage and of sanctity."

And it has also been related unto me, that on the day when Aali Ben Luckti, who was the minister of Hauroon ul Rusheed, determined to retire from the Vizzaurut; as his administration had been favourable to the people of God, one of the holy priests wrote to him, saying, "Thou shalt continue to execute thy office in the palace of the Khalif; thou shalt not relinquish thy authority: for the comforts and the benefits which thou conferrest on the servants of the Almighty, are superior to all the good and glorious actions of the life."

And so also I have heard, that when it was demanded of the holy prophet, (on whom be the protection of God) "If you had not been sent forth the messenger and prophet of the Almighty, what occupation wouldest thou have chosen?" He answered, saying, "I would have sought the service of princes, that I might have been able to do good to the servants of my Creator."

And it was on this account that I consented to accept the employments of minister and general from Ouleaus Khaujeh, the son of Tughulluk Timour Khaun; that I might succour and support the people. And from the assistance and protection which I afforded to his servants, it may have come to pass that Almighty God hath exalted me to the throne of empire.

And if a minister by skilful measures, or by the sword, conquereth or saveth a kingdom, let him be held in honour and

respect; and let him be exalted and stiled, *The Lord of the Sword and the Pen.*

A skilful and able minister is that minister, who, when necessary, can by his counsels and abilities disperse and divide the power of armies; and who, when occasion calleth, can by well-adapted and skilful measures unite them together; who hath capacity to sow divisions among the forces of the enemy, and to make them subservient to his views, and to be the conservator of his prince and master; who can, by his sagacity, and wisdom, and foresight resolve and render easy the momentous concerns and difficulties which surround a king; and who, if the affairs of empire be involved in confusion can reduce them to order by the hand of understanding and reflection.

Thus at the time that Aali Beg Choun Ghoorbauni seized on my person, and confined me in a loathsome dungeon, filled with vermin; Aazzeez u deen, who was one of my Vizzeers, came to me from Turmuz with speed; and lulling to sleep the attention of Aali Beg, and hiding his eyes from his prisoner, he gave such vigour to my hopes, that with the arm of fortitude and resolution, and by the edge of the sword, I extricated myself from the guards which were stationed over me, and recovered my freedom. In the like manner Nizzaum ul Moolluk delivered Mullick Shaah from the hands of Keesur.

Let therefore such a minister be accounted the companion of the imperial fortune; let him be treated with kindness and affection, and let not his counsels be disregarded: for that which he sayth, proceedeth from wisdom and understanding.

If a king be oppressive, and his Vizeer be just, the oppressions of the king are moderated and rectified by the justice of the Vizeer; but if the Vizeer be oppressive, the affairs of that government shall be speedily involved in confusion.

Regulations concerning the appointment of superior officers.

I commanded that three hundred and thirteen Persons from among my chosen and superior servants should be advanced to exalted dignities. And those were men who were renowned for their high lineage, and for nobleness of mind, and for understanding, and for penetration, and for resolution, and for intrepidity, and for skill, and for vigilance, and for caution, and for foresight, and for deep reflection.

And to each of them I appointed another person, who on the death of the first should succeed to his rank and dignity; and him I entitled *An Expecter of Preferment*.

And these three hundred and thirteen Ameers were men of judgement and of knowledge; and they were learned in the arts of peace and of war; and they were skilled in the evolutions of armies, and in breaking the lines of the enemy.

For by experience it is known unto me, that he only is equal to stations of power and dignity, who is well acquainted with the military art, and with the various modes of breaking and defeating hostile armies; who in the hour of battle giveth not his heart forth from his hand, nor permitteth apprehension and terror to take possession of his soul; who can direct the efforts of his troops; and if their ranks be thrown into confusion, can by his abilities restore them to order.

He is capable of filling the station of chief of the Omraus, who is worthy of being my lieutenant in peace and in war; who can rule the armies with majesty and with authority; and who hath the vigour to chastize those who rise in opposition to his commands.

I commanded, that of the fore-going three hundred and thirteen Ameers, four should be appointed Beglarbeks; and that one should be exalted to the dignity of Ameer ul Omrau: whose authority should be over the Ameers and the army, in the field

and in the action; and who in my presence should act as my deputy.

Twelve other persons, men of reputation and renown, I exalted to High Commands, according to this order.

To the first Ameer I gave in charge a thousand men, and appointed him commander over them. And to the second Ameer I gave the command of two thousand men; and appointed him their chief. And, in the same manner, to the third, and the fourth, and the fifth Ameer I gave the command of three, and four, and five thousand men: and thus from the sixth to the twelfth Amir, from six thousand up to twelve thousand. And each, according to his rank, I appointed the deputy and representative of his superior.

Thus I appointed the first Ameer the deputy of the second, and the second Ameer the deputy of the third; thus also the eleventh Ameer the deputy of the twelfth Ameer, and the twelfth Ameer the deputy of the Ameer ul Omrau, and the Ameer ul Omrau my deputy: that if an accident should happen, the one might supply the place of another.

I also commanded that from amongst these three hundred and thirteen Ameers, a hundred should be stiled Ounbaushees, that one other hundred should be called Euzbaushees, and that the third hundred should be stiled Mingbaushees.

And I ordained that in times of service the Ameer ul Omrau should issue orders to Ameers, and the Mingbaushees, and the Euzbaushees, and the Ounbaushees: and that the duty of the Ounbaushees should not be imposed on the Euzbaushee; and in the like manner that the duty of the Euzbaushee should not be imposed on the Mingbaushee; nor the duty of the Mingbaushee on the Ameer; nor the duty of the Ameer on the Ameer ul Omrau:

And that on such service as might be executed by an Ounbaushee, a Euzbaushee should not be ordered; and that a

Mingbaushee should not be sent on a service which could be performed by a Euzbaushee:

And that every one of the Ameers, who, from a spirit of enterprise, demanded employment, that his request should be granted.

Regulations of promotions and rewards to my soldiers from the meanest to the most exalted.

I ordained if any one of my select soldiers distinguished himself in battle, that in recompense for the first exploit he should be made an Ounbaushee, and for the second exploit a Euzbaushee, and for the third exploit a Mingbaushee; and that the Taubeenaun* of the Ounbaushee should for the first exploit be raised to the rank of Ounbaushee.

I ordained also, that an achievement which sprung from attention to personal safety in the moment of peril should not be regarded: for the ox will sometimes strike with his horns, and turn upon his pursuers. Therefore the firmness and the spirit of the soldier must also be considered.

I commanded, when a Mingbaushee vanquished the forces of his antagonist by the edge of the sword, that he should be raised to the rank of first Ameer and that the first Ameer, on defeating the army of his foe, should be appointed second Ameer: and thus, that every Ameer who signalized his valour and abilities, and overthrew the forces of his enemy, should be promoted from his own to a superior station: and that the private soldiers who distinguished themselves in battle, should be rewarded by an increase of pay.

To every soldier who turned his back in the hour of action, I ordered that Koornish should not be given; and that if he fled from absolute necessity, he should be pardoned; and that if he should be struck with a panic, and fly in consequence thereof, that he should be sent home; and to every soldier, who should fight with resolution, and be wounded in action, a

compensation should be given; and that if he should be wounded in battle, and then retire from the field, his conduct should be applauded. The wound which he had received should be considered as a proof, that if he reached not to the enemy, yet the arm of the enemy extended unto him: his wound should be a witness on his favour.

I ordained that the right of the warrior should not be injured; and that the soldier who had grown in years should not be deprived of his station or his wages; and that the actions of the soldier should not be suppressed: for those men who sell their permanent happiness for perishable honour, merit compensation, and are worthy of reward and encouragement. If a soldier should be deprived of his reward, and his actions should be hidden from the light, it would be an act of injustice.

I ordained that every chief, minister, and soldier, who by his services had established a claim on my fortune; who had defeated an army, or reduced a kingdom, or distinguished his valour in the hour of battle; that his claims should be regarded, and that the price of his services should be paid unto him:

And that the aged warriors should be treated with honour and attention; and that their counsel and opinion should be heard (for that which they say, must proceed from experience) and that they should be considered as the ornaments of my empire; and that on their demise, their sons should succeed to their stations and dignities.

I ordained that the hostile soldier taken in battle should not be put to death; and that military service and freedom should be offered to his choice; that if he consented to enter into my service, he should be received; if not that he should be set at liberty. In this manner I once gave freedom to 4000 Rumi*.

I ordered that every soldier who had performed his duty, and fought with valour on the side of my enemy, if, from

choice or necessity, he sought shelter under my authority, that he should be received with confidence, and treated with honour and regard: since he had performed his duty, and acted with fidelity to his former master.

Thus I rewarded Share Bahraum; who in an action with Ameer Hossein opposed me face to face, and fought with astonishing valour: when through necessity he fled to me for protection I received him with honour.

Thus also Munguli Booghau, in the war of Bullukh, advanced with an army against me; and before the engagement commenced, I sent proposals unto him, and endeavoured to draw him over to my side. But he forgot not his duty to Tughulluk Timour Khaun; and he formed his troops in order of battle, and he charged my forces with undaunted resolution, and he was defeated.

And when afterwards voluntarily came unto me, and kneeled to my authority, I raised him to an exalted station, and I included him in the number of my most favoured servants; and all occasions I praised and applauded his conduct. And such were the favours which I conferred upon him, that if any resentment remained in his heart, it was obliterated.

As he was a bold and intrepid warrior, he signalized himself in my service and conferred obligations upon me. And in the war of Azzurbauejaun, when I encountered Kurrau Eusoof in the moment that my troops were discouraged and thrown into confusion, he placed upon the point of his spear the head of an hostile commander; and he named it the head of Kurrau Eusoof, and called aloud to my forces, that Kurrau Eusoof was slain; and he gave courage to my soldiers. And he rushed on the centre of Kurrau Eusoof line, and drove him from the field. And this victory over Kurrau Eusoof I imputed to Munguli Booghau; and I exalted him to a superior rank.

Regulations for en encouraging my Ameers, and my

Vizzeers, and my soldiers, and my subjects, by rewards and by honours.

I ordained that every Ameer who should reduce a kingdom, or defeat an army, should be exalted by three things, by a title of honour, by the standard. and by the Niccaureh; and that he should be dignified with the appellation of Bahaudur; and that he should be considered as the associate of the royal power and dignity, he should be admitted a member of my imperial council, and that the government of a frontier province should be conferred upon him; and that Ameers should be placed under his command. I also ordained that every Ameer *who* defeated a prince, or the son of a prince, or a Khaun, should be exalted after the same manner.

Thus I rewarded Ameer Eekoo Timour; whom I had appointed to reduce Auroos Khaun. He conquered that prince; and I conferred upon him a Toumaun, the standard, the military ensign, and the Niccaureh; I made him the associate of my fortune; and I appointed him my Vizeer and my adviser; and I gave him a place in my imperial council; and I conferred upon him the government of a frontier province; and I placed Ameers under his command.

And the envious uttered insinuations against him, that he had plundered the hord of Auroos Khaun, and that he had taken the spoils to himself. And my affections were turned aside from Eekoo Timour by their insinuations: but I had heard the history of Behraum Joubeen, and from thence I had acquired experience.

For when the Khaukaun advanced against Hurmuz, the son of Nousharevaun, with an army of three hundred thousand sanguinary Toorks; that prince sent forth Behraum Joubeen (who had been the minister, and the counsellor, and the general of his father) with three hundred and twenty thousand Persians to oppose him. And he engaged the prince; and for three days,

and for three nights, the slaughter continued with great fury; till at length he defeated Khaukaun, and dispatched intelligence of his victory to Hurmuz: and he also sent unto him the spoils which he had taken.

And the envious and the slanderous, who influenced the councils of Hurmuz, forged accusations against him, saying, "Behraum hath secreted the treasures of the enemy; and he hath seized to himself the sword, and the crown, and the buskins of the Khaukaun (ornamented and adorned with jewels of price)."

And Hurmuz, from a mean and contemptible avarice, forgot the services of Behraum; and he credited the accusations of the slanderous and self-interested, and pronounced him a traitor and a criminal; and, in token of his anger and contempt, sent a chain unto him, and a collar, and the veil of a woman.

And Behraum Joubeen placed the collar on his neck, and on his feet he fastened the chain, and he cloathed himself in the female attire. And he called the Ameers and the chiefs of the soldiers together, and, thus habited, he gave public audience to his people. And when the chiefs and the forces beheld the situation of Behraum, they uttered revilings against their prince, and they turned their hearts from their duty to Hurmuz.

And under the banners of Behraum Joubeen, they proceeded to the palace of the King; and they deprived him of his regal authority; and they seated Khissurau Purvaze upon the throne of Persian empire.

Having acquired this experience, that I might not draw upon me the revilings of my people, I ordered Eekoo Timour to appear before me; and I seated myself on my throne in the midst of my chiefs; and I gave admission to the people at large. And I commanded the wealth and the effects which had been taken from the tribe of Auroos Khaun to be brought forth; and I conferred the whole of the spoils on Ameer Eekoo Timour, and on the warriors and the soldiers who had fought under his command.

And I ordained that every Ameer who acted with firmness in the day of battle, and defeated the enemy opposed unto him, should be promoted to a superior station.

Thus, in an engagement with Touktummish Khaun, Taubaun Bahaudur penetrated to the standard-bearer of that prince, and inverted the standard; and he was wounded in many places. And his enemies and the enviers of his renown sought to bury his valour in oblivion: but it was not consistent with my justice that I should shut my eyes to the merits of Tauban. And I exalted him to a government; and I received him into my favour; and I conferred upon him the standard of honour.

And I ordained, if an Ounbaushee, or a Euzbaushee, or a Mingbaushee Ameer should vanquish the forces of enemy; that in reward to an Ounbaushee the government of a city should be given; and that the reward of a Euzbaushee should be the command of a province.

Thus, to Burlaus Bahaudur, who was a Euzbaushee, and who in the war with Touktummish Khaun engaged his enemy and defeated the army of the foe, I gave the command of the province of Hissaur Shaudumaun.

And I ordained, when a Mingbaushee defeated the forces of his antagonist, that he should be appointed the lord of principality. Thus, when Mahummud Auzaud, in the war of Kuttour, vanquished the Seah poshaun, who had defeated Burhaun Aghlaun, I appointed him to the dominion of the principality Kunduz and Goulaub.

And I ordained, whoever of my Ameers subdued and wrested a kingdom from the hands of the enemy, that for the space of three years the vicegerency of that kingdom should be conferred upon him as a reward.

And I commanded that the select soldier who distinguished himself in battle, should be rewarded with a Kulung, or embroidered Autaukeh, with a horse, and with a

sword, and with a Kummur, and that he should be raised to the rank of an Ounbashee; so that for the second, and the third achievement he might rise to the station of Euzbaushee, and of Mingbaushee.

Regulations for conferring the Honours of the Niccaureh and the Standard.

I ordained that one standard, and one Niccaureh should be conferred on each of the twelve select Ameers; and that the standard, and the Niccaureh, and the Toumaun Toghe, and Cher Toghe, should be granted to the Ameer ul Omrau:

And a Tugh, and a Nuffeer should be allowed to the Mingbaushee Ameer, and a drum to the Euzbaushee and Ounbaushee Ameers; and that to the Ouemauck Ameers an Eurghee should be granted; and that to each of the four Beglarbeks a standard, and a Niccaureh, and a Cher Toghe, and a Eurghee should be allowed.

And I ordained that every Ameer who vanquished an army, or who conquered a country, if he were a first Ameer, that he should be exalted to the rank of second Ameer; and if he were a second Ameer, that he should be raised to the rank of third Ameer; and of he were a third Ameer, that he should be exalted to the dignity of fourth Ameer and thus up to the eleventh Ameer. For if he were eleventh Ameer, I commanded that he should be appointed twelfth Ameer; and that the standard, and the Toghe and the Niccaureh should be conferred upon him.

Thus I ordained that one Toghe should be allowed to the first Ameer, and two to the second, and three to the third, and to the fourth Ameer four Toghes, and the Niccaurreh: that by their valour and their conduct they might acquire to themselves the dignity of the Toumaun Toghe and the Cher Toghe.

Regulations concerning the arms and the necessities of the Soldiers.

For the private soldiers I ordained, that on an expedition every eighteen men should take one tent; and that each man should be supplied with two horses, and with a bow, and with a quiver of arrows, and with a sword, and with a saw, and with an axe, and with an awl, and with thread, and with ten needles, and with a leathern knapsack;

And for the select warriors, that every five men should have one tent; and that each man should take with him a skill-cap, and a breast-plate, and a sword, and a bow, and a quiver of arrows, and his horses agreeably to the regulations;

And that each of the Ounbaushees should have with him one tent, and a coat of mail, and a sword, and a bow, and a quiver, and five horses;

And that every Euzbaushee should have one tent, and ten horses, and his arms; such as the sword, and the bow, and the quiver, and the mace, and the club, and the coat of mail, and the breast-plate;

And that each of the Mingbaushees should have a tent, and a Sauehbaun; and that of arms and of armour (the coat of mail, and the breast-plate, and the helmet, and lances, and the sword, and quivers, and arrows) he should carry with him as much as he were able;

And that the first Ameer should carry with him a tent, an Autauk, and two Sauehbauns; and corresponding with his rank, such a quantity of arms and of armour as, might enable him to supply the deficiencies of others;

And thus also, that the second, and the third, and the fourth Ameer, and from him to the Ameer ul Omrau, each according to his rank and his station should supply and take with him his necessaries, his tent, and his Atauk, and his Sauehbans, and his horses.

The first Ameer a hundred and ten horses, and the second Ameer a hundred and twenty horses, and the third Ameer a

hundred and thirty horses, and the fourth Ameer a hundred and forty horses; and thus up to the Ameer ul Omrau, who was not to take with him a less number than three hundred horses.

And I ordained that every one of the footsoldiers should take with him a sword, and a bow, and a bundle of arrows; and that he should carry with him as much as he was able, let it be more or let it be less; but that in times of war he should not have less than was established.

Regulations of the imperial guards, and rules to be observed in the presence, in peace and in war.

I ordained that in times of peace the soldiers, the Ameers, the Mingbaushees, the Euzbaushees, and the Ounbaushees should not appear in the Imperial Deewaun without their Kollauh, their Mozeh, and Surmozeh, their Bukdeh, their Jaumeh having the collar, and their swords.

And I ordered that twelve thousand Qilichiy, men of the sword, completely armed, should be cantoned on the palace; to the right and to the left, and in the front and in the rear of the Imperial Deewaun: thus, that one thousand of those twelve thousand should every night upon guard; and that over each hundred Kulchee an Euzbaushee should be appointed; and that Eokee should be given unto him.

And I ordained that in times of war and in the field, each of the twelve select Ameers, also the Mingbaushees, and the Euzbaushees, and the Ounbaushees should, with twelve thousand horsemen completely armed, for the space of one day and one night, when marching and when halting, be ready upon guard.

And I commanded that those twelve thousand horsemen should be divided into four divisions, and that one division should be posted to the right of the camp, and one to the left thereof, and one in the front, and one in the rear, and that every watch they should march out to the distance of half a Fursung from the camp, and there lie upon their arms;

And that each of those four divisions should appoint an advanced guard; and that each of the advanced guards should detach scouts on their front; and that they should perform their duty with care and circumspection, and communicate intelligence of the approach of the enemy.

And I ordained that to each of the four quarters of the camp a Kootwaul should be appointed; and that the police thereof should appertain unto him; that he should collect customs from the traders in the markets; and that if anything should be stolen from the camp, he should make it good.

And I ordered also that four divisions of Chupkunchee should be appointed; that they should scour, and make themselves masters of, the circumjacent country to the distance of four Fursung from the camp; and, if any one was murdered or wounded within that distance, that they should be accountable; and that they also should be answerable for whatever was stolen.

And I ordained that one third of the imperial forces should be appointed to guard the frontiers of my dominions; and that the remaining two thirds should attend my commands in the presence.

Regulations of the departments of Vizzeers.

I ordained that four *Vizzeers* should be appointed to attend in the Imperial Deewaun.

First. The Vizzeer of the country and the subject. It was the business of this Vizzeer to superintend, and communicate unto me, the concerns and the affairs of the country; and the state and the situation of the husbandmen, of the produce, and of the duties received, and of the deficiencies in the various provinces, of the merchandize brought in and sent out of the land, of the cultivation, and the population, and the police of all my dominions.

Secondly. The Vizzeer of the armies.

If was his duty to lay before me the accompts of the wages due, and the assignments granted to the troops; and to inform himself of the situations and circumstances of the soldiers (that they might not be distressed or oppressed) and to communicate unto me the state and the strength of my armies.

Thirdly. The Vizzeer of Saur and Huvauee. It was his duty to take possession of the effects of absentees, and of the defunct, and of those who had fled their country; and to receive religious donations, and the duties on the merchandize of comers and of goers, and the taxes on the cattle, and on the pasture lands, and on the reservoirs of water. And having taken possession of the produce, he was to return it as a deposit in his hands, and to restore the effects of the absentees and the defunct to their lawful heirs.

Fourthly. The Vizzeer of the Imperial Household. It was his duty to superintend the receipts, and the disbursements, and the general expenses.

And I ordained that three Vizzeers should be appointed over the frontiers and the domains appertaining unto the crown, and to regulate the concerns thereof.

And I ordained that these seven Vizzeers should be subject to the control of the Deewaunbeghee: and that under his inspection they should regulate and determine the affairs and the concerns of the revenues, and lay them before me.

I commanded that an Erzbeghee should be appointed; and that he should communicate to me the state of the soldiers, and of the subjects, and the complaints of my people, and the increase or decrease of population and cultivation in my dominions, and the conclusion and determination of every momentous concern.

And I ordained that the Suddur ul Suddur should lay before me the Sawurghaulaut of the descendants of the prophet, of the stipendiaries, and pensioners; and that the ecclesiastical

judge should communicate unto me all ecclesiastical concerns; and that the civil affairs should be laid before me by the civil judge.

And I commanded that all concerns appertaining to the imperial dignity, the regulations of my dominions, and the dismissal, and the changing, and the appointing of armies and of officers, and all consultations and plans of operation should be communicated unto me in my select council.

And I commanded that a confidential secretary (on whose secrecy dependence might be placed) should at all times attend, and minute down with the pen of integrity the secret transactions and deliberations.

And I ordained that writers of the general council should be appointed, and that they should relieve each other in the hall of the council, and that they should write down and preserve full and exact accounts of every matter and of every business which should be settled and determined therein: and that all representations made unto me, and all orders issued by me, and every matter which was debated in council should be written and inserted in the narrative of my transactions.

And I ordained that to every department of the departments of government an accomptant should be appointed; and that he should keep a journal of the daily expenses, and of the receipts and disbursements.

Regulations of the governments of the Ameers of Aoloosaut, and of Kushunat, and of Toumaunat.

I ordained that the Ameer of every Auloos, of every Kushoon, and of every Tomaun should, when called to fulfil his military service in times of war, select and bring with him to the field from each Khirgauh one horseman, from each Duvvauleh Chouk one horseman, and from each Khauneh one horsman; and that the water and the forage on the lands where they should be stationed should be allowed unto them for their

subsistence; and that a Eurghu and Biruck should be granted to the Ameer of every Auloos; and that those Ameers should attend in the field with forces proportioned to the strength and the numbers of their Auloosaut and their Toumaunaut.

And I ordained that to twelve of the forty Ouyemauk which had submitted to my government, Tumghau should be given (that they might be classed amongst my select and superior servants): to the Ouyemauks of Burlaus, Turkhaun, Arghoon, Jullaur, Toulkchee, Douldee, Moghol, Suldoze, Toughauee, Kypchauk, Aurlaut, and Tautaur.

And from among the tribe of Burlaus I selected four Ameer ul Omraus, Ameer Khodaudaud (unto whom I gave the kingdom of Buddukhshaun) and Ameer Jaukoo, and Ameer Eekoo Timour, and Ameer Soolamaun Shaah; on whom I also conferred the governments of frontier kingdoms. And a hundred others of the tribe of Burlaus I appointed Mingbaushees. And I exalted Ameer Jullaul u deen Burlaus to the dignity of tenth Ameer; and Ameer Abou Saeed of the same tribe to the rank of ninth Ameer.

And from amongst the tribe of Turkhaun I raised Ameer Bauezzeed to the station of seventh Ameer; and I appointed twenty persons of the same tribe Euzbaushees.

And of the tribe Arghoon I raised Taush Khaujeh to the dignity of eighth Ameer, and I gave the appointments of Mingbaushees, and of Euzbaushees, and of Ounbaushees, to twenty people of that tribe,

And of the tribe of Jullaur I exalted Touk Timour and Share Behraum to the ranks of eighth and of ninth Ameer; and twenty of the same tribe I appointed Euzbashees and Ounbaushees.

And of the tribe of Toulkchee I conferred the dignity of Ameer on Aljauyetoo Burdi.

And of the tribe of Douldee, I raised Taubaun Bahaudur and Saun Bahaudur to the dignity of Ameers.

And of the tribe of Moghool I exalted Khaujeh Aghlaun to the rank of Ameer.

And of the tribe Suldoze I appointed Elchee Bahaudur to the station of Ameer.

And of the tribe of Toughauee I appointed Aali Durvaish to the station of Ameer.

And of the tribe of Kipchauk I raised Ameer Saur Booghau to the dignity of Ameer.

And the tribe of Aurlaut I appointed Ameer Muviud (unto whom one of my sisters had been given in marriage) Ameer ul Omrau: and Sullauichee Bahaudur of the same tribe I made an Ameer.

And of the tribe of Tautaur I raised Kowvung Khaun to the rank of Ameer; and the remaining twenty eight Ouyemauk, unto whom the Tumghau had not been given, I appointed commanders over their own tribes: that in times of war and of service they might attend in the field, and bring with them their horsemen, agreeably to the regulation.

Rules Concerning the conduct of servants towards their prince, and of the prince towards his servants.

Be it known to every good servant, that that which he expecteth from his own dependant, his prince also expecteth from him. Let him not therefore be backward in his services; but let him know, that if his master be at first well-inclined unto him, and afterwards be ill-inclined unto him, he must lay the fault and the consequence to himself and not to his master.

He is a good servant who attacheth himself unto his master, and doeth his duty through that attachment.

On the servant who is incapable of attachment, and who harboureth resentment, contempt and ignominy shall most certainly fall in consequence of his evil qualities: but the prosperity and the riches of the faithful and affectionate servant shall be daily increasing.

He is a good and faithful servant who taketh not offence

at the slights or the reprimands of his prince, who entertaineth not revenge in consequence thereof; but taketh the faults of his master upon himself: such a servant is worthy of the affection and the kindness of his prince.

The servant whose eye is fixed on the morsels and the fragments which fall from the table of his lord, will undoubtedly be negligent in the moment of trial.

The servant who forgetteth his duty in the hour of action, and turneth his face from the foe of his prince; let the face of that servant be seen no more.

The servant who in the hour of trial searcheth after excuses; and who on the day of enterprise demandeth his dismissal, and who keepeth his eye on the means of retreat, and who transfereth till to-morrow the business of to-day, (thus Boulau and Timour Aghlaun in the hour of danger) let the names of such servants be held in contempt; and let them be delivered over to the Almighty.

It behoveth the prince not speedily to degrade the servant whom he hath exalted not to pull down him whom his own hand hath raised up. Let him not neglect those whom he knoweth or remembereth.

And if it should chance that without cause he put a good servant to shame, let him make amends by conferring two-fold honour upon him: and let him refer that servant to his own affection and fidelity: for if he harboureth hatred and revenge, according to his evil qualities ignominy shall be his reward. But the servant who by good conduct acquireth a place in the heart of his prince, shall prosper in consequence thereof.

If a servant spontaneously, or otherwise, separate himself from his master, and if he afterwards turn back unto him, let that servant be received with honour: since, ashamed of his desertion, he returneth again to his prince.

Every servant who was faithful to his prince, and who

drew his sword on the side of my enemy; if such a man became my prisoner in battle, or if, hopeless of reward from the foe, he came in unto me and offered his services, I ordained that he should be received with honour and esteem; and that his fidelity should be acknowledged and relied on; and that dignities superior to those, which he formerly possessed, should be conferred upon him.

Thus Munguli Booghau, and Hydur Andookhodee, and Ameer Aboo Saeed, on the part of Tughulluk Timour Khaun, opposed and attacked me with six thousand horsemen, on the banks of the water of Bullukh. Afterwards, taking offence at the conduct of Tughulluk Timour, they sought protection from me; and I received them with honour and esteem and I conferred upon them the provinces of Andijaun, Hyssaur Shadumaun, and Toorkistaun.

And I also ordained that the servant of the foe who was in the confidence of his master, and, who in times of war and of service, vibrated the chain of friendship with the enemy of his prince; and who forgot the sacred ties of lord and of servant, and the fidelity due for the salt and the bread which he had eaten; and who strove to make the enemy of his master the conqueror of his master; I ordained that such a wretch should never be admitted into my service. Time shall hereafter inflict upon him his reward.

The servant who quitteth his master in times of trial, and offereth his services to another, is not worthy to be admitted: but when by many and long services his fidelity shall be proved, he may then be received into favour. If in times of peace and tranquillity he offereth his services, let him be received with kindness.

If a Vizzeer, or other servant, through policy and design, form an intimacy with his masters foe; and endeavour, under the garb of that friendship, to promote the interest of his prince,

let him be esteemed amongst the wisest and the best of servants and friends. But if a servant oppose his masters's interest, and intrigue with the enemy, present such a servant as a gift to the foe.

If a servant fight valiantly and defeat his foe, let not the insinuations of the envious be heard to his prejudice; permit not his glory to be concealed, but let it exhibited in ten-fold splendor; and let him be exalted to a superior station, that other servants may be inspired with a thirst for glory.

If a body of troops, or an Ameer, desert their prince, and unite with the enemy, let them not again be admitted into his service. Thus the leaders of the forces of Kush turned from me their faces, and united themselves with Ameer Haujee Burlaus; and after that I confided not in them.

Whatever servant, unto whom the government of a kingdom shall be trusted, who treacherously leagueth with the enemy, and delivereth that kingdom into the hands of the foe; let him be put to death. But let the servant, who defendeth and preserveth a kingdom, be raised to a distinguished and exalted rank.

Let the Ameer, who in the hour of peril, and distress adhereth to his prince, and standeth firm in the field of slaughter, be considered as a brother. Thus at the time when the forces of Kush deserted my standard, no one remained with me, or consented to share my fortunes, except Ameer Jaukoo Burlaus; and I afterwards esteemed Ameer Jaukoo as a beloved brother; and I admitted him to a participation in my fortunes; and I made him an Ameer ul Omrau; and I conferred upon him the kingdoms of Bullukh and of Hissaur.

Regulations for my conduct and behaviour both to friends and to enemies.

On the day on which I conquered the kingdom of Tooraun, and mounted the throne of empire in the capital city

of Summurkund, I conducted myself in the same manner towards my enemies and my friends. The Ameers of Buddukhshaun, and other Ameers of Kushoonaut, both Toork and Tauchek, who had done me injuries; and who had practised deceits upon me; and who had drawn their swords in opposition unto me; and who were alarmed by the remembrance of their evil conduct; when they submitted to my authority, I received them with such kindness and courtesy, that they blushed at my generosity and goodness.

And to everyone, whom I had injured or distressed, I made compensation; and I balanced the distresses which he had suffered, by kindness and by gratuities; and by proper marks of my favour I conferred honour upon him.

But on the Ameers of the tribes of Suldoze and of Jitteh I uttered execrations: for, having exalted Kaubul Shah of the line Chungaze to the dignity of Khaun, and sworn fidelity and friendship unto him, when they heard of my exaltation to the throne, they broke their faith and their engagements, and, to flatter and to soothe me, put him to death.

And to those who had envied my fortune, and who had endeavoured to subvert my power, I conducted myself with such kindness and generosity, that they were confounded at my goodness, and sunk under the sense of their own unworthiness.

And my friends who presented themselves before me, those who had ever acted in submission to my will, I considered as the partners of my fortune: and I regarded not the riches and the wealth which I conferred upon them.

For by experience it is known unto me, that he is a firm associate, who taketh not offence at the conduct of his friend; and who is the enemy of the enemy of his friend; and who hesitateth not to hazard his life, when occasion shall require. Thus certain of my Ameers followed my fortunes even to death; nor did I withhold from them aught which I had.

And by experience it was known unto me, that a wise enemy is preferable to a foolish friend. Thus Ameer Hoossein, the grandson of Ameer Kurghun was one of those foolish friends: and the mischiefs which in his friendship he did unto me, were such as no enemy would do in the excess of his enmity.

Ameer Khodaudad once said unto me, "Watch thou thy enemy, as thou wouldst guard a ruby of lustre, or a jewel of high price: but when thou meetest with a stone Laukh, crush him thereon until not one particle of him remain."

He also said, "When an enemy fleeth unto thee for protection, and kneeleth before thee, have compassion upon him, and receive him with kindness." Thus I acted towards Touktummish Khaun. When he fled to me for shelter, I treated him with tenderness and humanity.

If an enemy, after tasting of thy generosity and bounty, return again to enmity, deliver him over to the justice of the Almighty.

He is a true friend who taketh not offence at the conduct of his friend; or if he doeth, is willing to receive his acknowledgements.

Regulation of precedency and of admission to the imperial presence.

I ordained that my sons, and my grandsons, and my relations, should, according to their different ranks encircle and sit round the throne in regular order.

And that the descendants of the prophet, and the judges, and the theologians, and the learned men, and the prelates, and the grandees, and the nobles should sit on the right hand of the throne.

And that the Ameer ul Omrau, and the Beglarbeks, and the Ameers, and the Nouniaun, and the chiefs, and the leaders of tribes, and of Toumaunaut and of Kushoonaut, and the

Mingbaushee, and the Euzbaushee, and the Ounbaushee — Ameers should take their places suitably to their ranks and their stations, on the left hand of the throne.

And I appointed a place opposite to the throne for the Deewaunbeghi and for the Vizzateers. And I ordered that the leading men and the magistrates of the empire, should form a line and seat themselves behind the Vizzateers;

And that the selected soldiers, who had obtained the title of Bahaudur, and the mighty men of prowess should sit on the right hand in the rear of the throne. And the leaders of the light troops I ordered to be seated in the rear of the throne on the left hand.

And I commanded that the Ameer of Hurrauwl should take his station in the front; and the chief of the Yussauwl* should stand at the door of the imperial pavilion, opposite the foot of the throne; and the receivers of petitions on the right and on the left;

And that the soldiers in general, and the imperial domestics, should stand in lines according to their degrees, and be attentive to keep in their proper stations.

And I commanded, that four Meer Toozyuk* should establish and preserve order in the imperial assembly; before, and behind, and on the right, and on the left of the throne.

And I commanded, when the assembly was formed and regulated, that among the inferior people a thousand dishes of meat, and a thousand loaves, should be distributed; and that a thousand dishes of meat and a thousand loaves should be brought into the imperial assembly; and that five hundred of that thousand should be sent to the Ameers of tribes, and to the chiefs; to each by his name, and by his title.

Regulations concerning the reduction of kingdoms.

If in any kingdom tyranny, and oppression, and iniquity shall be predominant, it is the duty of a prince, from a regard to

justice and the law, to resolve on the expulsion and extirpation of the authors of that oppression and iniquity; and to assault that kingdom.

For Almighty God from the same motives will wrest that kingdom from the hand of the tyrant, and deliver it over to the upright assailant. Thus, from a regard to justice and the law, I delivered the country of Mauwur u Nuhur from the hands of the Ouzbuk tyrants.

And in whatever country the holy laws are disregarded where they neglect those to whom the Almighty hath given dignity; where they injure and oppress his chosen servants; it is the duty if a conqueror, with a firm determination to support the faith and the laws of Mahummud (on whom be the blessing of God) to invade that country: for the prophet of the Lord shall assist him in all his undertakings. *Thus* I wrested from Sooltaun Muhmood (the grandson of Feeroze Shaah) from Mulloo Khaun, and from Saurung, the capital of the empire of Hindostaun; and I re-established the true faith; and I overturned the habitations of the idols in that country.

It is the duty of victorious king to bring under his authority every empire or kingdom, where the inhabitants thereof are oppressed by their prince and ruler, and where the hearts of the people are turned aside from their governor. No sooner shall the upright prince approach, than that kingdom shall fall into his hands.

Thus I delivered the kingdom of Khorausaun from the princes of the house of Kurroot. As soon as I advanced, with the resolution to reduce the capital of Khorausaun, Sooltaun Gheeaus u deen came forth unto me, and he delivered the treasures, and the wealth, and the kingdom into my hands.

And in every kingdom, where heresy and schism shall abound, and where the inhabitants of that country, both soldiers and subjects, shall be divided into different parties and

factions, the destruction of that kingdom is at hand; and it is the duty of a victorious monarch to invade that country. *Thus* I purified the kingdoms of Fauris and Erauk a Ajjum from the existence of the accursed heretics; and I overturned the leaders of the factions, who had each of them elevated the standard of power, throughout those territories, and I delivered the servants of God from their tyranny and oppressions.

And in every kingdom, where the articles of the faith of the inhabitants thereof shall be altered from those of the descendants of the prince of the prophets, (on whom be the blessing of Almighty God) it is the duty of Emperor to reduce that Kingdom, and to bring back the inhabitants thereof from their evil tenets. *Thus* I entered the kingdom of Shaum, and punished all those who held pernicious doctrines.

When I first entered upon the reduction of kingdoms, I firmly adhered to four certain maxims.

First, in those things which appertain to the acquisition of dominions, I acted from deep deliberation, and from mature counsel.

Secondly, I used reflection, and caution, and circumspection, that I might not err in execution. And such was the favour of the Almighty, that every determination which I formed, proved in the end judicious and successful. I informed myself of the dispositions and genius of the natives of every country; and I accomodated myself to their prejudices in the appointment of their governors.

Thirdly, I united unto myself three hundred and thirteen resolute men, of nobility, of bravery, and of wisdom; and so firmly were they united, that the whole, it might be said, were as one person: and their resolutions, and their actions, and their declarations were the same. When they said, "We will do thus," they did it; for until they had concluded the enterprise on which they had determined, they withdrew not their hands therefrom.

Fourthly, I postponed not till tomorrow the business of today. When lenity was necessary, I acted with lenity; and in the hour of severity I was severe. At the time when delay was policy, I acted not with precipitation; and when expedition was necessary, I was not guilty of delay: and the business which could be concluded by address and negotiation, I committed not to the sword.

The day I past in examining the difficulties of conquest with wise and experienced men; and in the night when I laid myself down on the chamber of repose, I deliberated on the execution of my resolutions, and I formed the plan on which they were to be conducted.

And I myself reflected on the measures I should pursue in the reduction of kingdoms; how I should advance, and which way I should retreat. And I also considered those things which concerned my soldiers, whom I should encourage and reward, and whom I should order upon service; that I might not err in my resolves. And I exerted foresight and circumspection in every transaction. And the leaders of my soldiers who attached themselves unto me, I treated with kindness and distinction; and I conducted myself with seeming attention towards who were my enemies.

And I considered as base-born those on whom I had conferred favours, and who, for the good which they had received, returned evil. For it is the proverb of the prophet of the Creator of men and angels, "That the base-born will not depart from the world, until he hath deceived and injured his patron, and benefactor."

My venerable Peer wrote unto me, saying, "It is thy duty to act in obedience to the commands of thy God and the prophet of thy God, and to protect and assist the descendants and posterity of that holy messenger.

And those princes who feed on the bounties of the

Creator, and yet rebel against their God and his prophet, thou shalt drive out from the kingdoms of the Lord. And thou shalt act with justice in the land of thy Creator for it is said, That dominion may be continued to the infidel; but that to the tyrant it shall not be continued.

And it is thy duty to root out from the country of God all pollutions and abominations; for evil practices have that effect on the world, which pernicious aliment hath on the human body. Obliterate every vestige of cruelty and oppression.

And ascribe not the continued prosperity of the tyrant in this world to the merits of the tyrant: for the cause of the long duration of the power of the wicked and the oppressors is this, that they may bring forth into action all the wickedness and all the crimes which they have treasured up in their hearts, and then be overtaken by the wrath and indignation of Almighty God.

It shall sometimes come to pass, that the omnipotence of the Creator shall at once chastize the cruel, and the wicked, and the impious, with a variety of punishments; by chains, and by prisons; and by desolation, and by famine, and by hunger; by a universal pestilence, and by sudden death; and by unforeseen destruction.

And it shall sometimes come to pass, that the just, and the religious, and the virtuous, and the innocent shall be overtaken and envolved in the calamities of the evil doers. For the fire, which falleth in the wilderness of reeds, consumeth both the green and the dry.

And be not surprised at the prosperity and the success of the impious, and the wicked, and the infidel, and the tyrant. And err not on thy conclusions, and say not unto thyself, The good things of the wicked, and of the impious men, and of the tyrant are increased unto them; although in wickedness, and in tyranny, and in impiety they daily increase.

Thou oughtest first to understand the cause of their increasing prosperity. For the cause is, that perhaps (reflecting on the bounties of their true benefactor) they may turn back from their wickedness and oppressions, and be grateful for the favours which they receive.

But if they neglect to pay the tribute of gratitude to their God, and return not back to the holy gate, and if they forget the bounties of their Creator, and the prophet of their Creator, they shall in the end be overtaken by the anger and the vengeance of the omnipotent chastiser."

When the letter of my venerable Peer came to my hands, I wrested from the grasp of the oppressors and the infidels, and from the seditious, and the wicked, and impious, the lands of the Lord: and I girded up my loins to extirpate and destroy them.

Regulations concerning the government of conquered kingdoms.

In every kingdom which I conquered, I respected those who were worthy of respect, and I venerated and honoured the posterity of the prophet, and the theologians, and the learned, and the holy men; and I conferred upon them estates, and pensions, and appointments. And I considered the powerful and the opulent of that country as my brethren; and as my children, the poor and the helpless infants thereof.

And the soldiers of that kingdom I admitted to my presence; and I soothed and encouraged the subjects; and I kept both the one and the other suspended between hope and fear. And to the good of every country I did good; and I expelled from my kingdoms the vicious, and the wicked, and the seditious.

The base and the abject I confined within their proper bounds; and I permitted them not to exceed the limits prescribed them. And on the nobles and the grandees I

conferred preeminence by exalted dignities; and I threw open the portals of equity and justice in every country; and I closed up the avenues to cruelty and oppression.

And every kingdom which I reduced, I gave back the government of that kingdom to the prince thereof; and I bound him in the chains of kindness and generosity; and I drew unto me his obedience and submission. The refractory I overcame by their own devices; and I appointed over them a vigorous, and sagacious, and upright governor.

And I commanded that the thief and the high-way robbers of every country should be put to death; and that the seditious, and the vicious, and the profligate should be banished from the realm; and that vagrants and buffoons should not be permitted to reside in the cities or in the country;

And that a magistrate should be appointed in every city and in every town, who should watch over the conduct of the soldier and the subject; and that he should be accountable for everything that was stolen.

And I ordered that guards should be stationed at the entrance of the roads; and that they should watch and defend the roads and the stages; and conduct in safety from stage to stage the merchandize, and the effects, and the property of the merchant and the traveler; and that if any loss or deficiency should be found therein, that they should be answerable for the value thereof.

And I commanded that the governors should not presume to punish or oppress any one of the inhabitants of the towns or the cities under their jurisdiction, on the accusation (or information) of the malevolent, and the profligate and the self-interested; but that after conviction, according to the *Four Institutions*, a fine should be levied on the guilty person in proportion to the misdemeanour.

And I ordained that the poll-tax and the house-tax should

not be levied on any town or on any city whatever; and that no one of the soldiers should presume to enter by force the dwelling of a civil inhabitant, or to seize on the cattle, or the property, of the subject;

And that in every concern of the inhabitants of every country, the governors thereof should in their conduct keep within the limits of equity and justice. And I ordained that subsistence should be allowed to the mendicants of every kingdom, that the practice of begging might be abolished.

Regulations for the obtaining intelligence and information of the state of the empire, and of the provinces, and of the soldiers, and of the subjects.

I ordained that on every frontier, and in every country, and in every city, and in every camp a writer of intelligence should be established; and that each should write to the imperial presence, with truth and perspicuity, full accounts of the conduct and the behaviour of the governors, and of the officers; and of the soldiers, and of the subjects; and of the state of my own armies, and of those of foreign powers; and of the bringing in, and the carrying out of all merchandize and commodities; and of the entrance, and the departure of all strangers, and of all Kauruvvauns of every country; and of the transactions of the neighbouring kingdoms and princes, and of their conduct and behaviour; and also of the learned and skilful men of distant countries, who might turn their faces towards my dominions:

And that if the writer of intelligence was guilty of falsehood, and wrote not the true state of the facts, his fingers should be cut off: and that if he suppressed the laudable actions of a soldier, or wrote an unjust account thereof he should be deprived of his right hand: and that if he wrote a false account from enmity and from malice, he should be put to death. And I

commanded that these accounts should be transmitted unto me day by day, and week by week, and month by month.

And I ordained, that a thousand swift camel-men, and a thousand swift horse-men, and a thousand expeditious footmen should be selected; and that they should inform themselves of the occurrences of the countries, and of the frontiers; and of the intentions and the designs of the neighbouring princes; and that they should return unto the presence, and give me information thereof, that I might provide the remedy before the evil arrived.

Thus I received intelligence of the defeat of Touktummish Khaun by Auroos Khaun. I knew that Touktummish Khaun would fly for protection unto me, and I made the necessary preparations to support Touktummish Khaun, and to wage war with Auroos.

Thus at the time that I was about to undertake the reduction of the empire of Hindostaun, information was brought unto me, that independent princes and chiefs were seated on the throne of government in every quarter of those dominions;

Thus, that Saurung, the brother of Mulloo Khaun, had elevated the standard of power in the land of Mooltaun; and that in Delhi Sooltaun Muhmood Khaun had erected the ensign of authority; and that in the territories of Lauhore Mulloo Khaun had drawn together a numerous army; and that Mubbauruk Khaun had aspired to the regal title in the kingdom of Kunnouj; and that in every province of the provinces of Hindostaun some one had assumed the regal dignity.

When I received this information; the conquest of that empire appeared easy in my sight; but in the eyes of my soldiers it was an undertaking of difficulty.

Thus, when I had subdued the empire of Hind, I received intelligence that Keesur of Room had ravaged certain of my provinces; and that the natives of Gurjistan, exceeding their

proper limits, had advanced to certain castles which were besieged by my forces; and that they had given succour to the inhabitants of those castles.

And I reflected with myself, that if I tarried longer in the empire of Hindostaun, disorders would arise in the kingdom of Iran. Having settled the affairs of the empire Hind, I returned from thence with speed. And I halted for a few days in Mauwur u Nuhur; and from thence I proceeded towards Room and Goorjistaun; and I conquered the whole of that extensive empire.

Regulations concerning the conduct to be observed towards the natives, and the inhabitants, of every country. And of the establishments of the shrines of the saints, and of the fathers of the holy religion. And of the gifts and pious donations.

I ordained, in every kingdom which should be subdued, that the warrior of that kingdom who submitted unto me should be received into my service; and that the subjects and the inhabitants of that country should be protected from injuries, and from slaughter, and from rapine, and from slavery;

And that their effects and their property should be protected from ravage and from plunder; and that the spoils which had been gathered from that country should be taken from the spoilers;

And that the posterity of the prophet, and the theologians, and the holy and the learned men, and the nobles and the grandees should be treated with honour and respect; and that the chiefs, and the leading men, and the principal men of the towns and the villages, and those who followed agriculture, should be protected and encouraged;

And that the subjects in general should be kept suspended between hope and fear; and that when guilty of a crime, they should be fined in proportion to the offence, and to their ability.

And I ordained that to the posterity of the prophet, and to the theologians, and to the learned, and to the holy men, and to the religious, and to the recluse in every country which should come under my dominion, lands, and pensions, and appointments should be granted; and that subsistence and support should be allowed to the poor, and to the helpless, and to the indigent and that to the teachers, and to the learned in religion salaries should be granted;

And that for the support of the shrines and the sepulchres of the saints, and the fathers of the holy religion, lands should be appointed; and that carpets, and food, and lamps should be allowed to those who resided therein:

And first, that for the holy shrine of the commander of the faithful, the king of men, Aali the son of Aboo Taulib (on whom be the favour of God) the districts of Bukhf and Jilleh should be assigned;

And that for the pure shrine of the Imaum Hossein (whom the Almighty reward) and for the shrine of the mirror of the saints, Shaeikh Abdulkaudir; and for the shrine of the great Imaum Aboo Khunneefeh (the mercy of God be upon him) and for the sepulchres of the other saints, and fathers, and distinguished men of the holy religion, who rested from their labours in the city of Bughdaud; that for each of them, according to their dignities, the lands and the villages of Kurbullau and of Bughdaud, and other districts should be assigned;

And that for the support of the holy shrines of Imam Moosi Kauzim, and Imaum Mahummud Nukkii, and Soolamaun Faursi, the fertile lands of Juzzzair and other cities should be granted;

And that for the support of the sacred sepulchres of Imaum Aali the son of Mossi, the lands of Kutteh Bust, and the environs of the city of Toos should be assigned; and that

carpets, and lamps, and daily bread should be allowed to the religious; and that benefactions and gifts should be granted for the sepulchres and the Mausoleums of each of the saints of Iran and of Tooraun.

And I ordained that in every kingdom which should be conquered, the mendicants of that country should be gathered together; and that subsistence and daily bread should be allowed unto them; and that they should be made pensioners and beg no more. And if after they were made pensioners they continued the practice of asking alms, I commanded that they should be sold into foreign countries, or expelled from the realm: that the race of beggars might become extinct in my dominions.

Regulations concerning the collection of the revenues and the taxes from the subjects; and the order and the arrangement of the provinces; and the cultivation, and the population, and the government, and the police of the empire.

I ordained that the revenues and the taxes should be collected in such a manner, as might not be productive of ruin to the subject, or of depopulation to the country. For the ruin of the subject causeth a diminution of the imperial treasures; and a diminution of the imperial treasures effecteth the dispersion of the troops, and the dispersion of the troops produceth the extinction of the imperial power.

And I ordained that, in every country that should be subdued (to the inhabitants of which charters of safety and security from dangers should be granted) the produce and the revenue of that country should be inspected;

If the subjects were satisfied with the old and established taxes, that those taxes should be confirmed, agreeably to the wishes of the subjects; or if not, that they should be determined according to the *regulation*.

And I ordained that the duties should be determined in

proportion to the produce of the cultivated lands; and that the taxes on the produce of those lands should be affixed and ascertained;

Thus first, that the cultivated grounds of the subject, which should be made fertile by the water of canals, or by springs, or rivulets, or rivers (if those waters flowed perpetually and continually) should be superintended by the officers of the crown; and that of the amount of the produce of those grounds, two thirds should be allowed to the possessor thereof, and one third be paid into the royal treasury;

And if the subject should consent to pay the tax for the restricted lands in specie, that for the grain due to the treasury the sum should be fixed on the subject according to the current price of the grain; and that corresponding to the current price of the grain, the money should be paid to the soldiers;

And if the subject should not be satisfied with the mode of collection, and with the partition of the general produce into three parts, that the restricted lands should be divided into first, and second, and third Jureeb; that the produce of the first Jureeb should be estimated at three loads, and the produce of the second Jureeb at two loads, and the produce of the third Jureeb at one load; and that half thereof should be estimated as wheat, and half thereof as barley; and that of the total amount one half of the produce should be collected;

And if the subject, notwithstanding this, should be unwilling to pay the tax in kind, that the value of a load of wheat should be fixed at five Miskauls of silver; and the value of a load of Barley at two and a half Miskauls of silver; and that the duty of the castle should be exacted over and above: but that nought else should be demanded of the subject under any pretext or denomination whatever;

And that the rest of the lands of the husbandman, those which produced in the autumn, and in the spring, and in the

summer, and in the winter; and the lands which depended on the rain for fertility, should be divided into Jureebbs; and that of the produce of those which were numbered, a third or a fourth should be collected;

And that the duties on the herbs, and on the fruits, and on all the other productions of the country, and on the reservoirs of water, and on the commons, and on the pasture lands should be fixed and determined according to the ancient and established practices: and if the subject should not be content therewith, that the collections should be settled according to the tax gatherer's own discretion.

And I ordained that, before the time of the gathering in the grain, the taxes should not be demanded; and, when the period of the harvest arrived, that they should be collected at three different times;

And if the subject paid the royal dues spontaneously, that a tax-gatherer should not be appointed over him; and if there should be occasion for a tax-gatherer, that he should levy the duties by threats and by authority; but that he should not make use of the cudgel, and the cord, and the scourge; nor presume to confine the subject in fetters and in chains.

And I ordained, whoever undertook the cultivation of waste lands, or built an aqueduct or made a canal or planted a grove, or restored to culture a deserted district, that in the first year nothing should be taken from him, and that in the second year whatever the subject voluntarily offered should be received, and that in the third year the duties should be collected according to the *regulation*.

And I ordained, that if the rich and the powerful should oppress the poorer subject, and injure or destroy his property, an equivalent for the damage sustained should be levied on the rich oppressor, and be delivered to the injured person; that he might be restored to his former estate:

And that all ruined lands which lay uncultivated (if there were no owners to those lands) should be annexed to the crown. And if there were owners, and those owners were reduced to distrees, I ordained that the necessary supplies should be granted unto them, that they might cultivate their lands anew.

And I commanded that the ruined bridges should be repaired; and that bridges should be constructed over the rivilets and over the rivers; and that in the roads, at the distance of one stage from each other, Kauruvvaunsurai should be erected; and that guards and watchmen should be stationed on the road, and that in every Kauruvvaunsurai people should be appointed to reside; and that the watching and the guarding of the roads should appertain unto them: and that those guards should be answerable for whatever should be stolen on the roads from the unwary traveler.

And I ordained that in every town and in every city a mosque, and a school and a monastery, and an alms house for the poor and the indigent, and a hospital for the sick and infirm should be founded; and that a physician should receive a salary, and should be appointed to attend the hospital: and that in every city a government-house, and a court for the administration of justice should be built: and that superintendants should be appointed to watch over the cultivated lands, and over the husbandmen.

And I ordained that in every country three Vizzeers should be stationed. *The first* for the subject, To keep a regular account of the taxes and the duties received, and what sums, and to what amount, were paid in by the subject, and under what denomination, and on what account; and to preserve an exact statement of the whole.

The second for the soldier, to take account of the sums paid to troops, and of the sums remaining due unto them.

The third, to take possession of the Amwaul a Ghaubi, and of the customs on the comers and on the goers; and of the revenues of the Baudi and the Huvvaui; and to take possession of the effects of those who should become insane, and of those who died interstate, and of those who suffered by the laws. And he was to take possession of those effects with the approbation of the magistrate and of the ecclesiastical judge.

And I commanded that the property of the deceased should be restored to the lawful heir; and if there should be no heir, that it should be expended in pious uses, or be sent to the holy city of Mecca.

Regulations of war: for entering into and retiring from the field of Battle; and for forming the line; and for defeating armies.

I ordained, if the enemy exceeded not twelve thousand cavalry, that an Ameer ul Omrau should command the opposing army; and that twelve thousand horsemen of the Ouemauk, and the Toumaun; also Mingbaushee, and Euzbaushee and Ounbaushee Ameers should be placed under his command:

And that he should advance to within the distance of one day's march from the enemy, and that he should halt opposite unto them, and send me information thereof.

And I commanded that those twelve thousand horsemen should be formed in nine divisions after this manner; the main body one division, and the right wing three divisions, and the left wing three divisions, and the advanced guard one division, and the advanced guard of the advanced guard one division:

And that the right wing should consist of its own advanced guard, and its right and its left divisions; and that the left wing should also consist of its own advanced guard, and of its right and its left divisions.

And I ordered that the general should attend to four

particulars in his choice of the field of battle. *First*, the water thereof. And *secondly*, the strength of the ground, that his flanks and his rear might be covered. And *thirdly*, that his situation be more elevated than the situation of the enemy; and that the sun be not in his front, that the glare thereof dazzle not the eyes of his troops. *Fourthly*, that the ground before his lines be extensive and open.

And I commanded that the army should be marshalled, and the line be formed on the day preceding the action; and that (the forces being ranged in order of battle) they should march towards the enemy; and that they should not turn the heads of their horses from the direction in which they were advancing that they should neither incline to the left nor to the right. And when the eyes of the army fell upon the forces of the enemy, I ordered that they should utter a great shout, and repeat the Tuckbeer* with a loud voice.

And I commanded if the Auriz* of the army saw that the leader thereof was deficient in his duty, that he should deprive him of his command, and appoint another in his place; and that he should open and communicate to the Ameers and to the soldiers the order which I had delivered unto him for that purpose.

And I ordained that the general of the army should, in conjunction with the Auriz, reconnoitre the numbers of the foe; and that he should compare his chiefs with those of the enemy, and confront them to each other accordingly; and that he should take the necessary precautions to supply all deficiencies; and that he should consider well the different kinds of arms used by the soldiers of the enemy and by his own; and that he should observe the motions of his foes, whether they advanced into the field slowly and in good order, or whether they rushed forward in confusion;

And that he should consider and comprehend the

movements and the order of the enemy's battle, whether they charged at once and in a united body, or by detachments, the one succeeding the other; and that he should observe, in the moment of assault, whether the enemy advanced and retired, and prepared to charge again, or whether they appeared satisfied with their first attempt. When the latter is the case, it is the duty of the soldier to bear lightly the shock of the enemy's attack, and to stand firm and patient. For bravery is but patience and firmness for an hour.

And I ordained that until the foe advanced to the attack, he should not be attacked. And I ordered, when the enemy entered the field of battle, that the attention of the general should be turned to the conducting and the directing of the efforts of his troops.

For the duty of the commander is to govern and to guide the movements of his forces; and to be cool, and firm, and collected within himself in the hour of trial; and to consider each division of his army as a particular instrument of the instruments of war; as the arrow, and the battle-axe, and the sword, and the mace, and the poniard, and the dagger; and to direct the edge or the point of each in the moment of necessity.

And it is the duty of a general to consider himself and the nine divisions of his army as a wrestler who entereth into action, and fighteth with every part of his body — with his arms and with his feet, and with his breath, and with his head. And there is ground for expectation, when eight assaults shall have been successively made on the line of the enemy, that in the ninth shock they will certainly be defeated.

And it is the business of a skilful general first to charge the foe with his advanced guard. And let him then send forward the advanced guard of his right wing to support them; and after them the advanced guard of the left wing; that three successive shocks may be given to the force of the enemy. And if at this

juncture the advanced guards should shrink back from before the foe, let him direct the first division of the right wing to charge, and after them the second division of the left wing; and if victory proceedeth not from them, let him order the second division of the right wing into action, and let them be followed by the first division of the left wing. And in this state of the conflict let the commander dispatch information unto me.

And let him depend upon the arrival of my standard, and resting on the favour of Almighty God, advance himself upon the foe, and consider me as present in the action. For when (by the favour of God) eight successive shocks have been given to the strenght of the enemy, they must sink under the ninth, and the victory be obtained.

And it is the business of a general neither to be rash nor precipitate; but to direct the operation of his troops *with firmness and presence of mind*. And when he himself shall be obliged to enter into action, he must not, whilst he can avoid it, give himself up to death: for the death of the general bringeth disgrace upon the army and encreaseth the obstinacy of the enemy.

Therefore it is duty of a commander to shun temerity, and to act with deliberation and prudence: for temerity is the offspring of the devil. And let him also be careful that he venture not into a situation, out of which he cannot extricate himself and his army.

Thus I formed regulations for the arrangement of my superior armies.

If the forces of the enemy exceeded in number twelve thousand horsemen, and were inferior in number to forty thousand, I ordained that one of my fortunate sons should command against them; and that two Beglerbeks, and the Ameers, with the Toumaunaut, and the Kushoonaut, and the Auloosaut, in number not inferior to forty thousand men, should attend his command:

And that the troops and the officers, who composed this victorious army, should consider me as present in the field, and give not forth from their hands their discipline, and their courage and their conduct.

And I commanded, when my Paishkhauneh* was brought forth, that twelve bodies of troops should be ordered out; and that an Ameer of Ameers of the Auloosaut should be appointed to each, and that they should cause them to perform their exercises and evolutions; that they might keep before their eyes *the twelve military regulations*, which I had established for forming, and for breaking the line of battle, and for advancing, and for retreating.

He is a commander, who, numbering the chiefs of the forces of the enemy, appointeth proper chiefs in opposition unto them; and who considereth with the eye of attention the veteran soldiers of the foe, the bow-men, the sword-men, and the spear-men; and who observeth the motions of the enemy, whether they advance into the field of battle slowly and in just order, squadron by squadron, or whether they rush forward in confusion; who pre-examineth the approach to the field, and also the avenue of retreat; and who penetrateth the order of the enemy's battle.

For it shall sometimes come to pass, that they will cause their numbers to appear small, and put on the semblance of flight and dismay. A general therefore must not permit himself to be deceived, and drawn into danger, by their pretended flight.

He is an able and experienced commander, who understandeth the discipline and the science of war, and who knoweth what division to send forward to the charge, and what evil to remedy by his skill and what measures to follow in attacking the enemy. He is a general who comprehendeth the intentions of the foe, and who observeth their mode of attack, and counteracted their motions and designs.

The general who commands forty thousand horsemen, must form them into fourteen squadrons after this manner.

First, let him arrange his own line, and call it the Koul.* Let him afterwards form the Burraunghaur* with three squadrons; and let one of those three squadrons be called the Hurrauwul a Burraunghaur.* And with three other squadrons let him form the Jurraunghaur;* and let him name one of those squadrons the Hirrauwul a Jurraunghaur.*

And thus also let him, form and station, three other squadrons in the front of the Burraunghaur, and call them Chuppauwul.* And let him appoint one of those squadrons the Hurrauwul a Chuppauwul.*

And in the same manner let him arrange three other squadrons, and form them in the front of the Jurraunghaur, and call them the Shuckauwul;* and let him nominate one of those squadrons the Hurrauwul a Shuckauwul.*

And let him afterwards form in perfect order the grand Hurrauwul which shall be posted in the front of the Koul, from the bow-men, and the sword-men, and the spear-men, and the warriors of proof: that these troops charging with loud shouts may disperse and defeat the advanced guards of the enemy.

And it is the duty of the general to keep his eye on the motions of the foe, and to chastize those officers under his command, who, without orders, presume to advance upon the enemy.

And it is the duty of the general to attend to the onset of the enemy, and not to venture to attack them, until they advance to the charge. And when they advance, it is the duty of the general to examine their order of battle, in what manner they come into action, and in what manner they retire therefrom, and after what manner he shall engage them; whether they charge and retire, and, seeing advantage therein, put on the semblance of flight; and then, seizing a favourable crisis, rally and charge again.

And it is the duty of a commander not to pursue the enemy who without cause flieth from the field: for such an enemy may be well prepared for his defence.

And it is the duty of the general to observe whether the enemy advance into the field of battle, and charge in an united body; or whether they commence the attack with the squadrons of their right and their left wings. Let the commander first oppose his Hurrauwl unto them, and push them on to the charge.

And after them let him send forward the Hurrauwl a Chuppauwl and the Hurrauwl a Shuckauwl to support the grand Hurrauwl. And in the rear of them, let him order into action the first squadron of the Chuppauwl and the second squadron of the Shuckauwl, and after them the second squadron of the Chuppauwl and the first of the Shuckauwl.

If from these seven shocks which the enemy shall have received, the victory be not obtained, let him at this period send forth the Hurrauwl a Burraunghaur and the Hurrauwl u Jurraunghaur, until nine charges be made on the enemy's line.

And if victory followeth not from these nine shocks, let him send into battle the first squadron of the Burraunghaur and the second squadron of the Jurraunghaur.

If by these eleven efforts also the victory be not decided, let him order to the charge the second squadron of the Burraunghaur and the first of the Jurraunghaur. Thus it may be expected that by these thirteen successive charges the lines of the enemy may be broken, and the glory of the day be acquired.

But if it should come to pass that the victory should not be won by these thirteen attacks, it is at this crisis the duty of the general to form his Koul in exact order, and put them in motion. Let him shew himself as a lofty mountain to the eyes of the enemy, and move forward with slowness and regularity.

And let him direct his veteran bands to rush on the foe sword in hand, and command his archers to gall the enemy

with their arrows. And if the fate of the day should still remain in suspense, let the general himself advance into action and depend on the appearance of victorious standards.

Thus also I ordained, that if the enemy should in number exceed forty thousand horsemen, that the eyes of the Beglerbeks, and the Ameers, and the Mingbaushees, and the Euzbaushees, and the Ounbaushees, and the select warriors, and the soldiers in general should be fixed on my victorious standards.

And I commanded, that the cheif of every squadron to whom I issued my orders, should act conformably to the tenour of those orders, and presume not to deviate therefrom; and that every one of the Beglerbeks, and the Ameers, who was tardy in performing, or disobeyed, the orders which I sent unto him, should be instantly put to death; and that his Kotul, who is the expecter of promotion, should be appointed to his command.

And I ordained, that from among the forty Ouyemauk of the Aloosaut, the Kushoonaut, and Toumaunaut, that the twelve Ouyemauk who had obtained the Tumghau, should be divided into forty squadrons; and that the Ameers of the twenty eight Ouyemauk who had not obtained the Tumghau, should form their line in the rear of the Koul; and that my sons and my grandsons should draw up their forces before the right of the Koul; and that my relations and my kindred, with the troops under their command, should take their station before the left of the Koul; and that those troops should be bodies of reserve, and that they should dispatch succour to every quarter, where reinforcement should be wanted:

And that six squadrons should constitute the Burraunghaur, and that one other squadron should be appointed the Hurrauwul a Burraunghaur; and thus also, that six squadrons should form the Jurraunghaur; and that one other squadron should be nominated the Hurrauwul a Jurraunghaur.

And thus also I ordained, that six squadrons should be

posted in front of the Burraunghaur, and that they should be denominated the Chuppauwul; and that one other squadron should be formed, and appointed the Hurrauwl a Chuppauwul:

And that in the same manner six other squadrons should be stationed in the front of the Jurraunghaur; and that they should be called the Shuckauwul; and that one other chosen squadron should be appointed the Hurrauwl a Shuckauwul.

And I ordained that six other squadrons, headed by distinguished Ameers, and composed of warriors of proof and experience, should be advanced before the Chuppauwul and the Shuckauwul; and that they should be called the grand Hurrauwl:

And that the other squadron, over and above those six squadrons, should be posted in their front; and be denominated the Hurrauwl a Hurrauwl:

And that two Kurrauwl Beghs,* with detachments of their brotherhood, should be posted to the right and to the left of the Hurrauwl a Hurrauwl; and that they should be the Deedbaun* on the army of the enemy.

And I ordained that no one of the commanders of the forty squadrons, until he received orders from me, should presume to enter into battle; and that until the moment of his service arrived, he should not move from his station; and that hie should stand ready and prepared for action;

And when he received orders to engage, that he should accomodate his mode of attack to that of the enemy; and that he should observe in what manner the foe advanced into battle, and counteract his designs and that he should, by skilful and judicious dispositions, carry into effect such of his own movements as had been traversed by the enemy.

And I ordained, when the Hurrauwl a Hurrauwl began the action, that the leader of the grand Hurrauwl should order his six squadrons to charge successively; that by six shocks,

repeatedly given, the enemy may be broken and thrown into confusion. It is at this crisis the duty of the leader of the Chuppauwul to detach his six squadrons one after the other to support the grand Hurrauwl; and afterwards to advance, himself, to the charge.

And in the same manner also, let the commander of the Shuckauwul push forward successively his six squadrons to reinforce those who are engaged; and lastly let the commander himself advance into action. Thus, by the power and assistance of Almighty God, when eighteen charges shall have been made on the line of the enemy, they will break and disperse.

But if notwithstanding those shocks received by the foe, they should continue resolute and firm, it is then the duty of the chief of the Burraunghaur to dispatch forward his Hurrauwl, and of the leader of the Jurraunghaur to send forth his Hurrauwl also.

When those two Hurrauwl advance and charge on the right and on the left of the enemy, their order and their strenght shall certainly be broken.

But if it should come to pass that the foe still continues firm, let the leaders of the Burraunghaur and the Jurraunghaur order their squadrons successively on the charge. And if they see that the enemy give not way to the efforts of the imperial forces, the leaders of the Burraunghaur and the Jurraunghaur must themselves advance, and rush upon the foe.

And if at this period the commanders of the Burraunghaur and the Jurraunghaur shew themselves deficient in their duty, the royal princes, and those related to the imperial family, who are the reserves of the Burraunghaur and of Jurraunghaur, must advance to the assault.

And they must keep their eyes on the commander and the standard of the commander, and press upon the foe with valour and intrepidity. They must endeavour to seize the general of the hostile army; and they must strive to invert the standard of the foe.

And if, notwithstanding these shocks, the enemy still remain firm and unmoved, the royal guards, and the select warriors of the Koul, and the forces of the Ouyemauk, which were formed in the rear of the Koul, must rush forward, together and at once, to the charge.

And if at this period the victory be not decided, it is the duty of the emperor, with fortitude of heart and with exalted resolution, to put himself and the Koul of his army into motion.

Thus I acted in my engagement with Keesur. I commanded the Ameer Zaukeh Meeraun Shaah, who was the leader of the right wing of my forces, to charge headlong on the left of Keesur. And I sent orders to Ameer Zaukeh Sooltaun Muhmood Khaun, and to Ameer Soolamaun, who commanded my left wing, to attack the right of Keesur.

And I issued directions to the Ameer Zaukeh Aboo Bukkur, who led the reserve of the right, to advance upon the Koul of Yeldurruum Bauezeed, who was posted on an eminence; and lastly I myself, with the forces of the Kool and the Ouyemauk, turned the face of resolution toward mine enemy.

The armies of Keesur were defeated, and put to flight the first onset. And Sooltaun Muhmood pursued the vanquished Keesur; and he made him my prisoner, and he brought him to the royal tent. By this disposition also I conquered Touktummish Khaun, and caused his standard to be inverted.

If the enemy should become formidable, and throw into disorder the Chuppauwul, and the Shuckauwul, and should advance to charge the Koul; it is then the duty of the emperor to conduct himself with courage and with fortitude, and to proceed to repel and disperse the foe.

Thus I acted in the engagement with Shaah Munsoor who penetrated even to the Koul of my army. I opposed him in my own person, face to face, until he fell lifeless on the plain.

The end.

This book is reprint of:

"Institutes political and military, written originally in the Mogul Language, by the great Timour, improperly called Tamerlane.

First translated into Persian by Abu Taulib Al Husseini; and thence into English, with Marginal Notes, by Wiliam Davy esq., Persian Secretary to the Commander in Chief of the Bengal forces from the year M DCC LXX to M DCCLXXIII.

The original Persian transcribed from a MS. in the possession of Dr. William Hunter, Physician Extraordinary to the Queen, F.R. and A.S. and of the Royal Academy of Sciences at Paris; and the whole work published with a Preface, Indexes, Geographical notes.

By Joseph White, B.D.

Fellow of Wadham college, Laudian Professor of Arabic and Editor and Translator of the Syriac Philoxenian Version of the Gospels.

Oxford

At the Clarendon-Press. M DCC LXXXI."

NOTES:

* *Fursung* is a league of about six thousand yards p.150

* *Ameer Goolaul* – a religieus man, celebrated for his piety. p.157

* *Kurrauvul* – light troops p.168

* *Kotul* is Moghul word and signifies one appointed to succeed to the government on the death or dismissal of the governor. By this artful policy he not only secured his authority over the provinces which he divided among his Ameers by placing a spy (for such was the Kotul) over the conduct of each

of them, but made every province answer the purpose of satisfying two instead of one of his Ameers. p.171.

* *Hurrauvul* - Advanced guard. p.172.

* *Baubau Aali Shaa* - One of those Dervishes who a held in great veneration by the Mahummudans. p.176.

* *imperial city* - the city of Bullukh. p.176.

* *Daurogheh* - a ruler of a city. p.186.

* *Touktummish Khaun* - Upon the death Auroos Khaun, which happened soon after his defeat, Touktummish Khaun was established on the throne of the Dusht of Kipchawk, by the assistance of Timour. p.186.

* *Armour of Dauood* - Timour, in his first incursion into Georgia, reduced Tiflis the capital, and took prisoner Ipocrates the Christian king of that country, who afterwards turned Mahummidan (muslim), and became a great favourite with Timour; to whom, he gave a suit of Armour, which he pretended Dawud the king of Israel had forged with his own hands in a smith's shop. Vid. Hift. Timur-Bec, Tom I. p. 400. p.194.

* *Missur and Shaum* - Egypt and Syria. p.194.

* *Keesur* - Cesar: the title given by the Asiatic nations to the Turkish emperors. p.194.

* *Dummishk* - Damascus. p.195.

* *Ameer Sauhiba Kurraun* - a royal title first assumed by Timour. It literally signifies "Lord of the Conjunction"; it being said, that there was a fortunate conjunction of planets at his birth. p.205

* *Taucheek or Ajuum* - foreigner p.218.

* *Ameer ul Omrau* - the cheef of the Ameers or Nobles. p.223.

* *Maulaumani* - imposts, duties. p.225.

* *Jaugheer, jaugheerdar* - "Jaugheer" is a royal grant of certain lands. The holder of this grant is called "Jaugheerdar" p.226.

* *Taubeenaun* - The inferior to the Ounbashee p.238.

**Rumi* – Turks p.239.

**Yussauwul* – the chief of messengers p.257.

**Meer Toozuk* – regulators, maitres of ceremonies p.257.

**Tuckbeer* - Allahu Akbar, God is Great p.273.

**Auriz* - A sort of field deputy, appointed to observe the conduct of the commander in chief p. 273.

**Paishkhauneh* - is the tent or set of tents, of the prince; which on a march are sent forward and erected against his arrival at every stage: i. e. there are two sets of tents, and those at the first stage, when struck and sent forward, are not unloaded at the second, but proceed on the third stage, and are there pitched. And thus the tents at the second stage are, when the prince departs, sent on to the fourth stage, so that the two sets are inhabited alternately p.276.

**Koul* - the main body p.277.

**Burraunghaur* - the rear line of the right wing p.277.

**Hurrauwl a Burranghaur* - the advanced guard of the rear line of the right wing p.277.

**Jurraunghaur* - the rear line of the left wing p.277.

**Hurrawul a Jurraunghaur* - the advanced guard of the rear line of the left wing p. 277.

**Chuppauwl* - the front line of the right wing p. 277.

**Hirrauwl a Chuppauwl* - the advanced guard of the front line of the right wing p. 277.

**Shuckauwl* - the front line of the left wing p. 277.

**Hirrauwl a Shuckauwl* - the advanced guard of of the front line of the left wing p. 277.

* *Kurrauwl Beghs* - chiefs of the light troops or scouts p.280.

**Deedbaun* - observers, people appointed to reconnoitre the motions of the enemy p.280.

Louis-Mathieu Langlès. Instituts politiques et militaires de Tamerlan, proprement appelé Timour, écrits par lui-même en mogol et traduits en français sur la version persane d'Abou-Taleb-al-Hosseïni, avec la Vie de ce conquérant, d'après les meilleurs auteurs orientaux. Paris, 1787.
(Sur la couverture)

**LETTRE À L'ACADÉMIE ROYALE DES
INSCRIPTIONS ET BELLES-LETTRES¹⁹⁷**

À messieurs de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres.

Messieurs,

Un ouvrage traduit des Langues Orientales ne pouvait paraître que sous les auspices de l'illustre et savante Compagnie qui embrasse dans ses vastes travaux l'étude de ces mêmes Langues et qui ne cesse de porter le flambeau de la Critique dans tous les genres de la Littérature.

Daignez donc, Messieurs, jeter un regard favorable sur les faibles essais d'un jeune Littérateur que plusieurs d'entre vous ont déjà encouragé avec ce zèle et cette bienveillance qui caractérisent des hommes vraiment supérieurs.

Je suis avec un profond respect,

Messieurs,

Votre très humble
et très obéissant Serviteur,
L. Langlès.

¹⁹⁷ Louis-Mathieu Langlès. Instituts politiques et militaires de Tamerlan, proprement appelé Timour, écrits par lui-même en mogol et traduits en français sur la version persane d'Abou-Taleb-al-Hosseïni, avec la Vie de ce conquérant, d'après les meilleurs auteurs orientaux. Paris, 1787. (Sur la couverture)

PRÉFACE¹⁹⁸

Le nom de *Tamerlan* (proprement appelé *Timour*) est assez connu parmi nous, pour qu'un Ouvrage écrit par ce Conquérant, puisse exciter notre attention et piquer notre curiosité. Nous étions loin, il est vrai, d'imaginer qu'un Prince Tartare, dont les conquêtes ont été regardées comme les ravages d'un Brigand, ait composé un Traité de Politique et de Tactique, conçu un système plein de sagesse, et qu'il ait lui-même rédigé ce système en faveur de ses Descendants.

Deux obstacles presque insurmontables, nos préjugés et l'infidélité des Histoires nous ont empêchés, jusqu'à présent, de connaître et d'apprécier Tamerlan.

Malgré les progrès de la Philosophie, nos préjugés ont encore plus d'ascendant qu'on n'oserait le croire. Le moyen d'imaginer que parmi des peuples barbares, il se trouve un homme de génie! Convenons de bonne foi que le nom de Tartare a beaucoup nui parmi nous à la gloire de ce Héros.

À la vérité il n'était pas facile de le juger, d'après ces Histoires dont le ridicule atteste la fausseté. Si le grand Alexandre se plaignait de ne point avoir un Homère pour célébrer ses exploits, Timour n'avait pas d'Arrien ni de Quinte-Curce pour transmettre les siens à la Postérité.

En effet on voit chaque instant, que la plume des Historiens qui ont écrit la vie du Prince Tartare était corrompue par ses bienfaits, ou envenimée par la haine. Mais qu'importe que de chétifs auteurs l'aient défiguré dans leurs obscures chroniques son nom n'était-il pas écrit, en caractères ineffaçables, dans les Annales des Nations.

¹⁹⁸ Louis-Mathieu Langlès. Instituts politiques et militaires de Tamerlan, proprement appelé Timour, écrits par lui-même en mogol et traduits en français sur la version persane d'Abou-Taleb-al-Hosseïni, avec la Vie de ce conquérant, d'après les meilleurs auteurs orientaux. Paris, 1787. P.1-13

Ses conquêtes, dont ses descendants jouissent encore, ne suffisaient-elles pas pour prouver son génie et voici un ouvrage où il va se peindre.

C'est le tableau fidèle de sa vie tracé de sa propre main ; c'est, comme il le dit lui-même à ses enfants, un Testament politique qu'il leur laisse pour les guider dans l'administration.

Quand ce Monarque se vit près de déposer le sceptre, non content de donner à son Successeur une leçon verbale, bientôt oubliée au milieu des soins du Gouvernement et des plaisirs de la Cour, il lui remit, avec son Empire, un don plus précieux encore, l'art de le conserver. Pendant ses dernières années, l'infatigable Timour jeta ses regards en arrière pour méditer sur le cours varié de sa longue vie. Le désir d'instruire ses descendants lui inspira, sans doute, l'idée d'écrire ces régies d'administration, et ces vues politiques qui lui avaient été si avantageuses.

Il tira donc de sa propre Histoire, sans égard à la Chronologie, les principales entreprises qu'il avait formées sans oublier d'indiquer leur issue. Il ajouta aussi ses Augures, qui ont été omis dans l'édition Persane, donnée en Angleterre. On a jugé que ces superstitions, malgré leur liaison avec les mœurs des Orientaux, malgré leur influence sur les succès de notre Héros, ne pouvaient s'accommoder avec la sagesse de notre siècle.

Mon estime et ma reconnaissance pour les Savants qui nous ont procuré les Instituts de Timour, ne m'empêcheront point de blâmer cette suppression. Nous ne sommes plus aux temps d'ignorance où ces grossières erreurs pouvaient entraîner quelques dangers après elles. Maintenant elles serviraient à nous faire connaître les idées du peuple qui les adoptait. Ces superstitions sont pour le Philosophe, des renseignements certains sur les mœurs et sur l'esprit des hommes. J'engage donc Messieurs Davy et White à faire cette restitution, si ce n'est pas à l'érudition, du moins à la Philosophie.

Après avoir donné une légère idée des Instituts, il ne nous reste plus qu'à parler de l'édition publiée en Angleterre et à rendre compte de notre Traduction. Nous terminerons cette Préface, par une Lettre de M. le Major Davy, sur l'authenticité de ces mêmes Instituts.

Ils ont d'abord été composés en Langue Mogole par Timour même, et c'est un fait qu'aucun Savant de l'Orient ne révoque en doute. Un Auteur, nommé Abou Taleb, les traduisît en Persan; et d'après cette version Persane, nous en avons fait une Française.

Le Manuscrit a été tiré de la Bibliothèque de l'illustre Docteur Hunter et imprimé à Oxford, avec les superbes caractères Arabes de Clarendon en 1785. Monsieur White, Professeur d'Arabe à l'Université de la même ville, et qui remplit cette Chaire avec honneur, a présidé à cette Edition Persane, qu'il a enrichie de Notes et d'une Table Géographique. Monsieur le Major Davy y a joint une Traduction Anglaise assez exacte, mais qui par cette exactitude même, est souvent inintelligible pour quiconque qui n'entend pas la Langue originale.

Quelques contresens que nous croyons avoir découverts et que nous avons essayé de relever plusieurs passages obscurs éclaircis, et des restitutions faites dans le texte Persan, enfin les Notes dont nous avons parsemé notre Ouvrage, suffisent pour nous mettre à l'abri de l'inculpation de plagiat.

En outre nous ne craignons point d'avancer ici qu'il est absolument impossible de donner une Traduction des Instituts de Timour, d'après la version Anglaise. En effet, sans parler de l'idiome Oriental qu'on y a conservé comment rendre des passages Persans écrits en caractères Romains, si l'on ne peut consulter le texte? Sans ces obstacles plusieurs Littérateurs Français eussent déjà profité de leurs connaissances dans la Langue Anglaise, pour faire passer cet Ouvrage dans la nôtre.

Nous ne prétendons point attaquer ici le mérite ni les talents de Monsieur Davy, à qui nous saurions témoigner trop d'estime et de respect pour un travail qui le place au premier rang des Erudits. Dans toutes nos observations, nous nous sommes fait un devoir de nous renfermer dans les bornes de la modestie et de l'honnêteté. Nous mêmes avons pu nous tromper, et nous savons combien l'on a d'obligation à des hommes éclairés et laborieux, qui, les premiers, déchiffrent un Manuscrit souvent illisible, le traduisent et le soumettent à l'impression. Décrier leurs travaux ou chercher à diminuer leur gloire, c'est une ingratitude, dont l'idée seule nous révolte partout, au contraire, nous saisirons, avec empressement, l'occasion de rendre un hommage public aux talents des Savants Anglais, à qui nous devons ce précieux Ouvrage, pour nous acquitter envers eux des devoirs que la reconnaissance nous impose. Enfin nous n'hésiterions point à sacrifier les avantages que nous pouvons obtenir aujourd'hui, si nous croyions que ce soit aux dépens de leur gloire. Les précautions que nous avons prises sont les garants de notre sincérité. Car, parmi les Notes répandues dans le cours de cet Ouvrage, nous avons eu grand soin de marquer exactement toutes celles dont nous leur sommes redevables. Les autres nous appartiennent aussi bien que les Tables historique, géographique et celle des matières.

Monsieur White s'est contenté d'indiquer l'Amplement, les longitudes, les latitudes, les positions relatives des lieux, en prenant son méridien de la ville de Londres, et sans citer ses autorités; c'est ce qui nous a déterminés à supprimer cette partie qui nous paraissait défectueuse, afin d'y suppléer par nous mêmes. Comme ses travaux étaient absolument consacrés aux Erudits, il ne s'est occupé ni de l'Histoire des différents Princes dont les noms se trouvent dans les Instituts, ni même de celle de Timour.

Pour réparer ces omissions nous avons commencé par composer une Vie du Conquérant Tartare, d'après Chériffeddin, Arabchah, Mirkhond & d'autres Auteurs Orientaux qui nous ont encore servi à former notre Table historique. Cette Table contient une Notice sur tous les Personnages distingués, dont la connaissance est indispensable pour l'intelligence du texte. Afin qu'on pût les apprécier avec une certaine justesse nous avons choisi les traits de leur vie les plus caractéristique; mais ce qui a surtout captivé notre attention, c'est la Chronologie. Presque partout on trouvera l'ère des Musulmans, rapprochée de celle des Chrétiens, tant pour les années que pour les mois et les jours.

Pour composer notre Table Géographique, nous avons compulsé non seulement les fameux Géographes Orientaux, Aboulséda, Ulug-Beg, Chériffeddin et plusieurs autres non moins dignes de foi, mais encore les Voyageurs les plus accrédités ; tels sont Chardin, Thévenot, Olearius, C. le Bruin, M. Otter, etc. Avec ces secours, nous sommes parvenus à composer des Notices exactes et curieuses des lieux que le Lecteur est obligé de connaître. Ces additions nous ont plus coûté que la Traduction même. Nous les croyons d'autant plus utiles que non seulement elles dispensent de ne consulter aucun autre livre pour l'intelligence de celui-ci ; mais encore elles forment une espèce de petite Bibliothèque orientale. Outre l'Histoire des principales Dynasties et d'un grand nombre de Souverains de l'Asie, on y trouvera un Abrégé de la Religion Musulmane, et beaucoup de détails sur les moeurs des habitants de la plus belle partie du monde.

La crainte de rebuter le lecteur par un appareil d'érudition, nous a empêchés de faire imprimer en caractères originaux les différentes citations des Auteurs orientaux, répandues dans les Notes. Nous nous sommes entièrement déterminés à cette suppression, en voyant qu'elle n'avait été

nullement illisible au succès de deux Ouvrages des plus précieux en ce genre, que nous avons même cités souvent. Nous parlons de la Bibliothèque Orientale de l'Herbelot qui est une mine de richesses littéraires presque inépuisable et de l'excellente Histoire des Huns, par M. de Guignes, trop avantageusement connue pour qu'il soit nécessaire d'en faire ici l'éloge car tous les Savants de l'Europe se sont accordés à regarder l'Ouvrage de ce célèbre Académicien comme un chef-d'œuvre d'érudition Orientale & Chinoise.

Puisque le lecteur connaît de quelle manière nous sont parvenus les Instituts de Timour, et quelle marche, nous avons suivie en les traduisant du Persan en Français, nous allons maintenant tâcher de lui démontrer leur authenticité.

La preuve la plus certaine, c'est le témoignage unanime des Savants de l'Orient. Tous regardent cet Ouvrage comme écrit par Timour lui-même. En effet le ton simple qui y règne, le génie qui semble l'avoir dicté, déposent assez, selon nous, en faveur de son authenticité; c'est un cachet inimitable; et il n'y a qu'un grand homme capable d'une pareille production. Enfin, pour nous servir des expressions de l'éloquent Rousseau, en parlant d'un Livre bien plus important, *l'Inventeur en serait plus étonnant que le Héros*. Mais pour ne rien laisser à délirer aux personnes qui, non contentes des preuves de raisonnement veulent des preuves de fait nous allons présenter une Lettre du Traducteur Anglais. Monsieur le Major Davy, sur l'authenticité des Instituts; elle se trouve au commencement de l'Edition Persane - Anglaise, et en voici la Traduction.

LES INSTITUTS DE TIMOUR¹⁹⁹**PREMIÈRE PARTIE**

À MES ENFANTS,
HEUREUX CONQUÉRANTS DES ROYAUMES;
À MES DESCENDANTS,
SUBLIMES SOUVERAINS DU MONDE

Qu'ils sachent que, plein de confiance en la bonté du Très-Haut, j'espère que plusieurs d'entre eux s'assieront après moi sur le trône de la puissance; c'est ce qui m'engage à recueillir pour eux les maximes que je me suis à moi-même. Leur fidélité à les observer leur assurera une fortune pour laquelle j'ai eu à surmonter tant d'inquiétudes, de fatigues et de dangers et dont je suis redevable à la protection du Ciel, à l'heureuse influence de la religion de Mohammed, (à qui Dieu fasse paix) et à la puissante intercession de ses Descendants et des Compagnons de ses travaux. Que ces maximes soient donc la règle de leur conduite et de leur administration, afin qu'ils conservent l'empire que je leur aurai transmis.

Elles sont au nombre de douze, et rien ne prouve mieux leur importance que le parti que j'en ai tiré; elles m'ont servi à m'élever à l'empire, à conquérir des royaumes, à conserver mes conquêtes et à me rendre recommandable sur le trône.

1. Je songeai à étendre la religion de Dieu et la Loi de

¹⁹⁹ Voir: Louis-Mathieu Langlès. Instituts politiques et militaires de Tamerlan, proprement appelé Timour, écrits par lui-même en mogol et traduits en français sur la version persane d'Abou-Taleb-al-Hosseini, avec la Vie de ce conquérant, d'après les meilleurs auteurs orientaux. Paris, 1787. 402 pages ; Темур тузуклари .- Т.: Ғ.Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти/ Форсчадан Алихон Соғуний ва Ҳ.Кароматов таржимаси. Сўзбоши ва изоҳлар, умумий таҳрир муаллифи академик Б.Аҳмедов. – Т.: 1996. -334 б.

Mohammed, ce vase d'élection: en tout temps, en tous lieux, je soutins l'islamisme.

2. Je partageai en douze classes les hommes qui m'étaient attachés, les uns m'aidèrent de leurs bras, les autres de leurs conseils, soit pour conquérir des royaumes, soit pour les gouverner; je les employai ainsi à fortifier la citadelle de ma fortune, et ils faisaient l'ornement de ma Cour.

3. Le soin de consulter les Sages, la prévoyance, la vigilance et l'activité m'aidèrent à vaincre les armées et à conquérir les provinces. Dans le gouvernement, je me conduisis avec douceur, humanité et patience; je veillai sur tout, en paraissant ne m'occuper de rien; et je me montrai également affable envers mes amis et envers mes ennemis.

Le bon ordre, et l'observation des règlements furent les fondements et les appuis de ma fortune. Le bon ordre, et l'observation des règlements affermirent tellement mon pouvoir que les vizirs, les émirs, les soldats et le peuple n'aspirèrent pas à un rang supérieur; chacun demeurait à sa place.

5. Pour encourager mes officiers et mes soldats, je n'épargnai ni l'or, ni les pierreries: je les admettais à ma table, et ils prodiguaient pour moi leur vie dans les combats. En leur faisant les largesses, et en prenant part à leurs peines, je m'assurai de leur attachement: ainsi, avec le bras de la valeur, et le secours de mes guerriers, je me rendis maître de vingt-sept Empires. Je devins roi de l'Iran, du Touran, de Roum, du Magrib, de la Syrie; de l'Egypte, de l'Irac-Arabi et de l'Irac-Ajémi, du Mazendaran, du Kilanate, du Chirvanate, de l'Azerbaïdjan, de Fars; du Khorasan, du Jitteh, de la grande Tartarie, de la Khorazmie, du Khoten, du Kaboulistan, du Bakhterzémine et de l'Indoustan. Toutes ces contrées reconnurent mon autorité, et je leur dictai des lois.

En me revêtant du manteau impérial, je renonçai à la tranquillité que l'on goûte sur le lit du repos. Dès l'âge de douze

ans, je parcourais les provinces, je luttai avec l'infortune, je concevais des projets, je renversais des escadrons ennemis, je m'accoutumais à voir des séditions s'élever parmi les officiers et les soldats, et à entendre de leur part des paroles dures; mais je parvenais à les apaiser en me réfugiant vers la patience, et en affectant une insouciance dont j'étais très éloigné. Enfin je me précipitais au milieu des ennemis. C'est ainsi que j'ai réussi à subjuguier des provinces, des royaumes même et à étendre au loin ma renommée.

6. La justice et l'impartialité me valurent la bienveillance des créatures de Dieu. Ma bienfaisance s'étendit sur le coupable comme sur l'innocent, et ma générosité m'assura une place dans le cœur des hommes, l'équité présida à mes jugements. Par une sage politique et une exacte justice, je tins mes soldats et mes sujets suspendus entre la crainte et l'espérance. Mes guerriers furent comblés de mes offrandes. J'eux compassion des indigents et des ordres les plus malheureux de l'état.

J'arrachai l'opprimé des mains de l'oppresser; et, une fois bien informé du tort fait à la personne ou aux biens, je prononçai suivant la loi, et je n'enveloppai jamais l'innocent dans la punition du coupable.

Tout homme qui avait tiré l'épée contre moi, pour traverser mes desseins, des qu'il implorait mon secours, était accueilli avec bonté. Je relevais aux dignités, je passais sur ses torts la plume de l'oubli; et, si son cœur était encore ulcéré, telle était ma conduite à son égard, que je parvenais enfin à effacer la cicatrice de sa blessure.

7. Je traitai avec distinction les descendants du Prophète, les savants, les docteurs de la loi, les philosophes et les historiens. Je les respectai et les honorai. Les hommes braves furent mes amis; car le Très-Haut chérit les braves. Je me liai avec les savants et je recherchai l'affection de ceux qui avaient l'âme noble. Je recourus à eux, et leur bénédiction me valut la

victoire. Je protégeai les derviches et les fakirs. Je me gardai bien de leur causer le plus léger chagrin, et je ne leur fis éprouver aucun refus. Ceux qui parlaient mal d'autrui furent exclus de ma Cour. Leurs propos ne furent d'aucun poids, et je ne prêtai jamais l'oreille à leurs calomnies.

8. Je fus constant dans mes entreprises. Un projet, quel qu'il fût, quand une fois je l'avais embrassé, captiva toute mon attention, et je ne l'abandonnai jamais qu'il ne m'eût réussi. Ma conduite ne démentit point mes discours, et je n'agis point avec rigueur. Je ne vexai personne, de peur que le Tout-Puissant ne me traitât sévèrement et ne m'accablât du poids de mes propres actions.

J'interrogeai les savants, pour connaître quels ont été les règlements des anciens princes, depuis Adam jusqu'à Mohammed, le sceau des Prophètes, et depuis ce dernier jusqu'à nos jours. Les manières, la conduite, les actions et les discours de ces princes, pénétrèrent fort avant dans mon cœur. Je me proposai d'imiter leurs qualités les plus louables, et les plus beaux traits de leur vie. J'étudiai, pour mon instruction, les causes de la décadence de leur fortune, et je tâchai d'éviter les fautes qu'ils avaient commises. J'eus soin de m'abstenir des concussions, de l'oppression; je n'ignorais pas que ce sont de ces crimes qui produisent des famines et des fléaux de toute espèce, et qui fauchent des races entières.

9. Je connus l'état du peuple. Je regardai les grands comme mes frères et les petits comme mes enfants. Je sus me plier aux mœurs et au caractère de chaque province et de chaque ville. Je gagnais l'amitié de mes nouveaux sujets, et de ceux qui tenaient le premier rang parmi eux. Je leur donnai des gouverneurs accoutumés à leurs mœurs et à leurs coutumes, et qui avaient déjà leurs suffrages. Je connus l'état des habitants de chaque province en particulier. J'établis dans chaque contrée de mon empire un homme d'une probité reconnue, pour me

rendre compte des actions et de la conduite du peuple et des soldats, et m'instruire de tous les événements imprévus qui pouvaient m'intéresser. Si je découvrais la moindre fausseté dans ses relations, je le punissais très rigoureusement. Dès que j'apprenais un acte de vexation ou de cruauté commises par le gouverneur, les soldats ou le peuple, je déployais sur le coupable toute la sévérité de la justice.

10. Quand une tribu, une horde turk, arabe, persane ou étrangère, se rangeait sous mon obéissance, je recevais ses Princes avec honneur; quant aux autres, je les accueillais suivant leur mérite; je traitais les bons avec bonté, et je livrais les méchants à leur propre malignité.

Quiconque m'accordant son amitié était sûr de ne point avoir à s'en repentir. Je lui donnais des témoignages de bienveillance et de générosité. Les services qui m'avaient été rendus, ne restaient pas sans récompense. Enfin l'homme qui, ayant été mon ennemi, était affligé de ses torts, et venait implorer ma protection, obtenait grâce, et trouvait en moi un bienfaiteur et un ami.

Ce fut ainsi que j'en agis avec Chir Behram. Ce chef de tribu, après m'avoir accompagné, m'abandonna au moment de l'action. Il se laissa emporter au défit du butin, et tira l'épée contre moi. A la fin il se souvint d'avoir goûté mon sel²⁰⁰, (il sentit des remords) et revint implorer ma clémence. C'était un

²⁰⁰ Mot à mot: Mon sel le saisit. C'est-à-dire qu'il se rappela d'avoir été au service de Timour et nourri par ce Prince. On appelle, chez les orientaux, droit du sel l'espèce d'alliance que deux personnes contractent en mangeant ensemble. Rien de plus sacré que ce droit; il anéantit les haines les plus invétérées. On sait avec quel acharnement les Arabes poursuivaient les meurtriers de leurs parents. C'était parmi eux autant un devoir qu'un honneur; et la satisfaction qu'ils en tirent s'appelle vengeance du sang. Néanmoins, si le meurtrier peut parvenir à manger avec son adversaire, ou seulement à lui présenter le pain et le sel, toute animosité s'éteint entre eux. (D'Arvieux, Voyage en Arabie, t. 3.)

guerrier de race illustre, non moins expérimenté qu'intrépide. Je fermai les yeux sur la faute; je la lui pardonnai en faveur de son courage, et je l'élevai à un grade supérieur à celui qu'il occupait auparavant, pour mieux lui montrer mon affection.

11. Enfants, petits-enfants, amis, alliés, tout ceux qui avaient avec moi quelque liaison, eurent part à mes bienfaits. L'éclat de ma fortune ne me fit oublier personne; chacun recevant ce qui lui était dû. La clémence eût aussi des droits sur mon cœur. Je respectai dans mes fils et dans mes petits-fils les liens du sang, et je n'attentai point à leur vie, ni même à leur liberté²⁰¹.

Je me conduisais envers chaque particulier, d'après l'étude que j'avais faite de son caractère, et l'idée que je m'en étais formée. Les épreuves que j'ai faites des vicissitudes de la fortune, m'ont appris comment il fallait en user avec les amis et avec les ennemis.

12. J'estimai toujours les soldats, soit qu'ils combattissent pour ou contre moi. Quelle reconnaissance ne doit-on pas à des hommes qui sacrifient un bonheur de longue durée à des biens périssables. Ils se précipitent dans les combats, et prodiguent leurs vies au milieu des hasards.

Le guerrier ennemi, inviolablement attaché à son maître, avait part à mon amitié. Quand il passait sous mes drapeaux, je récompensais son mérite et sa fidélité, en le plaçant parmi mes

²⁰¹ Timour ne se démentie jamais. Plusieurs de ses enfants et de ses parents se révoltèrent contre lui, et il substitua toujours la grâce au châtiment. Note de l'Editeur Angl. Nous lisons cependant, *Hist.de Timourbec*, Tom. III. p. 326, que Timour, ayant mis le siège devant Damas, le Sultan Hossain, son petit-fils, se jeta dans le parti des Syriens. A la prise de la ville, ce jeune Mirza fut chargé de fers, et son aïeul, avant de lui rendre la liberté, lui fit donner les coups de bâton prescrits par la Loi de Gengis khan. Un auteur arabe, qui raconte le même fait, prétend que ce Sultan Hossain n'était que le neveu de Timour, le fils de la sœur de Timour, dit Arabchah, Tom. II. page 41.

confidents. Mais le soldat qui, au moment de l'action, méprisant les droits les plus sacrés, quittait son général, pour venir me trouver, était à mes yeux le plus exécration des hommes.

Dans la guerre que je soutins contre Toctamich-Khan, ses émirs me firent, par écrit, quelques propositions. C'était une perfidie qu'ils commettaient envers leur prince mon ennemi. J'en fus indigné; je dis en moi-même: "Ils me trahiront comme ils "trahissent leur Maître"; et, pour toute réponse, je les maudis.

L'expérience m'a fait voir qu'une puissance qui n'est pas appuyée sur la Religion et les Lois, ne gardera pas longtemps son état et sa force. Elle ressemble à un homme nu qui fait baisser les yeux à tous ceux qui le voient et n'inspire de respect à personne. On peut encore la comparer à une maison qui n'a ni toit, ni porte, ni clôture, où peut entrer le plus méprisable des hommes.

C'est pourquoi j'établis l'édifice de ma grandeur sur l'islamisme, auquel je joignis des règlements et des lois que j'observai fidèlement pendant la durée de mon règne.

Le premier règlement que je conçus dans mon cœur²⁰², fut d'étendre la religion, et d'affermir la loi de Mohammed. Je répandis dans les provinces du monde l'islamisme, ce code de la plus excellente des créatures; j'en fis l'ornement de mon empire.

Pour mieux réussir à multiplier les prosélytes de Mohammed, je choisis parmi les descendants de ce Prophète un des plus distingués, à qui je donnai une entière autorité sur les musulmans²⁰³; il avait l'intendance des biens ecclésiastiques²⁰⁴,

²⁰² Mots à mot: Qui s'éleva à l'orient de mon cœur.

²⁰³ Le ministre ecclésiastique qui se nomme Sadr.

²⁰⁴ Lisez Awacaf, legs pieux, (biens ecclésiastiques).

et nommait les administrateurs particuliers des mosquées²⁰⁵. C'était encore lui qui, dans les villes et dans les bourgs, établissait le juge supérieur, le premier ministre de la religion (le Mufti) et les inspecteurs des marchés²⁰⁶. Il devait régler aussi les honoraires et les pensions, tant de ceux qui comme lui, descendaient de Mohammed, que des savants, des légistes et de tous les hommes de mérite.

Je nommai un juge ou cadî dans l'armée; j'en établis un autre pour le peuple.

J'envoyai dans chaque province un ancien docteur de l'islamisme, pour détourner les fidèles des choses défendues, et veiller à leur instruction.

Je fis bâtir, dans les villes, des mosquées et des monastères, des caravansaraïs sur les routes et des ponts sur les rivières.

J'établis dans chaque ville, des ministres de la religion, et des hommes pieux, pour enseigner le Coran aux musulmans, et leur expliquer les principaux articles de foi, d'après les commentaires des docteurs et les traditions sacrées.

J'ordonnai que l'intendant des biens ecclésiastiques²⁰⁷ et le juge civil me rapportassent toutes les affaires relatives à la religion²⁰⁸. J'établis en outre un chef de justice, pour m'instruire des différends qui s'élevaient entre mes soldats ou mes autres sujets.

Lorsque j'eus publié mes règlements sur la religion, lorsque j'eus rétabli la loi dans les villes de l'islamisme, et que les fidèles, grands et petits, eurent appris mon zèle pour la vraie

²⁰⁵ Mutevelli, les administrateurs du Temporel. Il n'y a que les grandes mosquées qui aient des Mutevellis. Voyage de Chardin. Tom VI, p. 362.

²⁰⁶ Mehtésib, officier qui a l'inspection des marchés, tant pour les poids que pour les denrées, Meninski, Thésaurus Linguar. Oriental.

²⁰⁷ Le Séidre.

²⁰⁸ Du Royaume qui est sous la garde de Dieu.

foi, les docteurs musulmans rendirent ce décret en ma faveur.

«Dans chaque siècle, le Tout-Puissant suscite un défenseur et un propagateur de la religion de l'Apôtre Mohammed.

Dans ce huitième siècle, Timour, né sous une heureuse constellation²⁰⁹, le Héros du monde doit être comme le Restaurateur de la Foi».

Le prince des docteurs, Mir Séid Chérif, m'écrivit qu'ayant travaillé à étendre l'islamisme dans les provinces du monde, j'avais droit au titre de Propagateur de la foi. Voici le contenu de sa lettre:

«O Dieu, sois secourable à ceux qui assistent la religion de Mohammed, et délaisse ceux qui l'abandonnent.

Depuis la fuite²¹⁰ de la majesté de l'Apôtre jusqu'à nos jours, huit siècles se sont écoulés; et dans chaque siècle, le Dieu Très-Haut et Très-Saint a suscité un défenseur et un propagateur de la Foi de son Prophète et de son Bien-aimé, pour remettre en vigueur la sainte doctrine. Louanges au Tout-Puissant. C'est lui qui, dans ce huitième siècle, a chargé de cette commission l'Emir Timour, ce Héros du monde, qui a fait recevoir la Foi dans les villes et dans les royaumes.

Les anciens théologiens nous apprennent que, dans le premier siècle de l'hégire, la religion eut pour défenseur Omar-Abdoulaziz.

Elle était alors ébranlée par les blasphèmes et les malédictions que les schismatiques vomissaient dans les chaires des mosquées, contre la personne d'Aly. Omar abolit cette détestable coutume.

Le peuple fidèle était en proie aux disputes et à la discorde. Un parti maudissait les khalifes légitimes, tandis que l'autre lançait des imprécations contre Aly, le chef des croyants, contre Abbas et Hossein. Les deux factions irritées,

²⁰⁹ Sohyb-Kyran. Le Maître des Constellations.

²¹⁰ L'Hégire.

allaient se porter à des violences; Omar Abdoulaziz les arrêta, et il fut le soutien de la religion.

Dans le second siècle elle eut pour défenseur Mamoun le Juste. Ce khalife, après avoir condamné soixante et douze propositions erronées, en fit reconnaître d'autres qui s'accordaient avec la Tradition et la saine croyance. Il appela du fond du Khorassan Aly, fils de Moussa-Jâafar (à qui Dieu fasse paix!), lui remit sa succession, et le fit contenir à prendre en main les rênes de l'état. Dans le troisième siècle, la religion fut protégée par Moctadir-Billah l'Abasside. Les Caramathes, sous les ordres d'Aboutaïher s'étaient emparés de la ville sainte de la Mecque, et mille pèlerins, glorieux martyrs, avaient été égorgés sur le mont A'rafat; la Pierre noire avait été arrachée du mur de la Caaba; enfin les provinces de l'islamisme désolées, étaient en proie aux meurtres et au pillage. La religion semblait aux abois, lorsque parut Moctadir-Billah; il conduisit une armée contre ces brigands, les dissipa, et affermit la Foi.

Ce fut A'zaddoulet Dilêmi, qui, dans le quatrième siècle, se déclara le défenseur des croyants. Les vices et la méchanceté de Mothiil Amrillah, de la race d'Abbas, les vexations de ses courtisans et de ses confidents, nuisaient à la vraie religion; la dépravation s'étendait de toutes parts; l'impiété marchait tête levée. A'zaddoulet déposa ce khalife, et lui substitua son fils Tali Billah.

A'zaddoulet entreprit par lui-même de relever l'éclat de la religion: et il exécuta ce glorieux dessein, en extirpant les nouveautés contraires à la Foi, et en faisant cesser la corruption et les crimes, l'injustice et l'oppression.

Le cinquième siècle eut à se glorifier d'avoir vu naître le sultan Sanjar, fils du sultan Malek-Chah. C'était le contemporain d'Ahmed Jami, et Hakim-Senaï. Il se rendit leur disciple. Alors les hérétiques et les ignorants avaient porté un

coup funeste à l'islamisme. Le sultan Sanjar montra le plus vif empressement à les exterminer. Scrupuleusement attaché à la religion du Prophète, jamais ce prince ne commit un acte contraire à la loi musulmane.

Dans le sixième siècle les conquêtes des infidèles du Turquestan avaient fait chanceler l'islamisme, Dieu suscita Ghazan-Khan²¹¹ et le mit à la tête de cent mille Turks, qui, tous ensemble, dans la plaine de Lât, firent leur profession de foi, entre les mains du vénérable Ibrahim Hamawi, et furent admis au nombre des fidèles, après avoir dit, à haute voix: *Il n'y a de Dieu que Dieu, et Mohammed est son envoyé*. Secondé par eux, il effaça jusqu'aux traces de l'infidélité et de l'hérésie. Aussitôt la foi se répandit dans les villes et dans les provinces.

Dans le septième siècle éclata le zèle d'Aljaïtou, sultan, fils d'Arghoun-Khan, surnommé Mohammed-Khodabendé. Dès que ce prince eût succédé au trône de son frère²¹², il apprit, (telle était alors la décadence de la religion) que dans les prières publiques, après la profession de Foi, on négligeait d'implorer les faveurs du Seigneur pour le Prophète et pour ses descendants. Il se transporta lui-même à la mosquée, où il fit assembler les théologiens. Il les interrogea sur la nécessité de prier pour Mohammed et pour sa postérité; les Docteurs répondirent, d'une voix unanime, que cette prière était d'institution divine.

Quelques-uns remarquèrent même que l'Imam Chafaï avait décidé que le service divin, sans les oraisons pour l'Apôtre, et pour la famille de l'Apôtre, était nul; d'autres citèrent l'Imam A'zem, qui avait déclaré abominable le service divin sans ces mêmes prières.

Aljaïtou leur demanda ensuite, pourquoi, lorsqu'on priaït pour tout autre que Mohammed, on ne faisait point mention de

²¹¹ Ghazankhan, fils d'Arghoun et petit-fils d'Holagou.

²¹² L'an 703 de l'Hégire 1304 de J.C

sa postérité; tandis qu'en priant pour ce dernier des Prophètes, on devait toujours lui joindre ses descendants. Comme ils demeuraient sans réponse, il leur dit: "On peut, il me semble, donner deux raisons de cette différence:

La première, c'est que les ennemis de Mohammed l'ayant appelé, par dérision, Abter²¹³, sans héritier, Dieu les en a punis, il a fait retomber sur eux cette insulte, en détruisant leur race; et, s'il reste encore quelques-uns de leurs rejetons, ils sont inconnus et absolument ignorés; les descendants du Prophète, au contraire, sont si multipliés qu'il n'y a que Dieu capable d'en faire le dénombrement. C'est pour cela que, dans la prière, on leur souhaite toute sorte de bénédictions à la suite des vœux qu'on fait pour le Prophète.

Voici la seconde raison de cet usage. La doctrine, ainsi que les établissements religieux des autres Prophètes pouvaient être changés et abrogés; leurs institutions n'étaient pas, destinées à durer perpétuellement; mais la religion de Mohammed durera sans altération jusqu'à la Résurrection.

C'est pourquoi les fidèles successeurs de ce Prophète doivent, dans leurs prières, après avoir loué et invoqué le saint nom de Dieu, faire mention de son Apôtre et lui joindre aussi sa postérité, afin que tout le monde les reconnaisse pour les protecteurs de la religion de Mohammed, les interprètes du Livre divin, les gardiens de la loi du Prophète, les héritiers de la doctrine et de la science des envoyés du Seigneur; qu'on vienne apprendre d'eux la connaissance de la religion et les obligations de l'islamisme, et que tout le monde se fasse un devoir de leur obéir et de les respecter".

Comme le sultan finissait son discours, des musulmans assemblés dans la mosquée récitèrent ensemble les prières pour Mohammed et sa famille.

Aljaïtou continua ainsi: "Comme Aly a été le premier de

²¹³ Abter – veut dire un sans-fils

la race du Prophète et que Mohammed – Mahadi²¹⁴, dont l'avènement est attendu de tous les fidèles doit en être le dernier, il est de notre devoir de ne point toucher dans le royaume de Mohammed sans la volonté et autorité de ses descendants sans quoi ce serait un pillage".

Le sultan ayant ainsi parlé devant le peuple, les docteurs lui applaudirent; ensuite il ordonna, par un règlement que la prière du vendredi se ferait pour toute la famille de l'Apôtre, et il voulut qu'on battît monnaie à leur nom.

Les théologiens donnèrent aussitôt ce décret. "Le sultan Aljaïtou est celui qui contribue l'évolution de la Foi et de la Loi divine".

Dans le huitième siècle, c'est l'Emir Timour, qui répand la religion dans les villes et parmi les nations. Il honore et respecte les descendants du Prophète, et les théologiens. C'est avec le consentement des premiers, qu'il exerce l'autorité suprême dans le royaume de Mohammed».

En recevant cette lettre de Mir-Seïd, Chérif, je rendis grâces au Tout-Puissant. J'implorai l'appui de notre Apôtre et de sa famille, afin qu'ils m'aidassent à rétablir la Religion et la Loi.

J'envoyai l'original de cette lettre à mon conseiller spirituel²¹⁵ qui écrivit ces lignes sur la marge.

«L'Émir Timour, le Héros du siècle²¹⁶, doit savoir que

²¹⁴ Ce douzième et dernier Imam doit revenir à la fin des siècles, pour convertir tous les hommes. Veut dire: Don céleste, celui qui rappelle au chemin radieux, qui y entraîne.

²¹⁵ Kouteb-Aléktab-Cheitch-Zineéden-Aboubeker, personnage plein de piété, descendant de Mohammed; il prédit à Timour sa grandeur future, et ce prince, depuis ce temps, le traita toujours avec respect, le consultant sur les affaires épineuses, qui intéressaient l'état ou sa conscience. Le mot Persan est Pir, vieillard, et nous l'avons traduit par conseiller spirituel, ou de conscience. (précepteur et confident)

²¹⁶ Que Dieu lui prête son appui.

c'est une grâce singulière et un don inestimable que le Tout-Puissant vient de lui accorder, en lui confiant le soin de rétablir la religion. Plus tu augmentes (tes bonnes œuvres et ta fidélité), plus Dieu t'augmente (ses grâces et ses merveilles)».

Quand j'eus reçu la lettre de mon conseiller spirituel, je traitai avec déférence et respect les descendants du Prophète, et les théologiens. Je m'occupai du soin de répandre l'islamisme, et j'ordonnai d'insérer une copie de la lettre dans mes annales.

Après avoir établi la religion et la loi divine, je fis pour le gouvernement civil de mon empire, des ordonnances et des règlements qui affermirent ma puissance. Voici une idée de ces règlements.

1. Je fondai ma puissance sur l'islamisme, sur la loi de la plus excellente des créatures²¹⁷, sur l'amour de ses descendants et de ses respectables compagnons, et sur les hommages qu'on doit rendre à sa majesté²¹⁸. Mes ordonnances et mes règlements eurent tant de pouvoir que je n'eus point de rival dans le gouvernement.

2. Je tins mon peuple et mes soldats suspendus entre la crainte et l'espérance. Plein d'égards et de ménagements pour mes ennemis comme pour mes amis, j'eus la sage politique de supporter avec patience leurs discours et leurs actions.

Parmi les personnes qui venaient se réfugier auprès de moi, celles qui m'avaient été favorables éprouvaient un bon accueil que leur attachement prenait de nouvelles forces, et mes ennemis étaient si satisfaits de mon indulgence, que bientôt dans leur cœur l'amitié succédait à la haine.

Celui qui avait des droits sur moi, était assuré de les conserver, et jamais je ne chassai de ma présence le sujet que j'avais une fois appelé.

Tous ceux qui, dès l'aurore de ma fortune, s'étaient

²¹⁷ C'est-à-dire Mohammed.

²¹⁸ A la majesté de Mohammed.

réfugiés auprès de moi, bons ou méchants; tous ceux qui m'avaient servi, comme ceux qui m'avaient nui, demeurèrent confondus de mes bienfaits, lorsque je me vis élevé à l'empire. Je regardai comme nul le mal qu'on m'avait fait, et je passai la plume de l'oubli sur le journal des mauvais services qui m'avaient été rendus.

3. Je ne me prêtai jamais à la vengeance, et je ne connus point cette misérable passion. J'abandonnai mes ennemis à la justice du Maître de l'Univers.

Je gardai auprès de moi les guerriers valeureux, actifs et expérimentés. Les nobles, les descendants du Prophète, les savants, les théologiens furent admis dans ma société, mais j'en exclus les méchants, les traîtres et les lâches.

4. Un visage ouvert, de la clémence et de la bonté, me concilièrent l'amour du peuple de Dieu; ami de la justice, j'eus en horreur la vexation et la cruauté.

Mon conseiller de conscience m'écrivit alors: "Aboulmansur Timour (que Dieu le protège!) doit savoir que l'administration de l'empire est une copie de l'administration du Très-Haut. Il y a des agents, des coopérateurs, des députés et des gardes. Chacun a, dans son département, des bornes qu'il ne passe jamais, et il est attentif aux ordres de la Divinité.

Veille sans cesse sur tes émirs, tes agents et tes serviteurs, et sur les chefs qui te sont subordonnés. Que chacun, contenu dans le devoir, soit toujours prêt à t'obéir. Marque aux diverses classes du peuple de justes bornes, afin que la droiture et la raison règnent dans ton empire.

Si tu négliges de maintenir l'ordre dans tes affaires et entre tes sujets, le trouble et les factions ne tarderont pas à se glisser dans le gouvernement. C'est à toi à tenir chaque homme et chaque chose dans le rang et à la place qui leur conviennent et qu'ils doivent occuper.

Élève les descendants de notre Apôtre au-dessus de tous

tes autres sujets. Témoinne leur la plus grande défense; ne traite pas de prodigalité la profusion que tu feras en leur faveur; on n'est jamais prodigue lorsqu'on donne en vue de Dieu. Tes sujets, divisés en douze classes, seront l'ornement et le soutien de ton empire. Adieu".

Dès que j'eus reçu la lettre de mon conseiller spirituel, je me hâtai d'exécuter tout ce qu'elle contenait; je mis ordre aux affaires de l'empire; les règlements et les lois me servirent à décorer mon autorité, à lui donner une nouvelle majesté, et je l'affermis en divisant mes sujets en douze classes.

RÈGLEMENTS

L'élévation et les fondements de mon empire furent appuyés sur ces douze classes; je les regardai comme les douze signes du Zodiaque et les douze mois de mon administration.

PREMIERE CLASSE

Les descendants du Prophète, les savants, les chefs de communautés²¹⁹, et les docteurs furent admis dans ma société; ma porte leur fut toujours ouverte; ils firent l'ornement et la gloire de ma Cour. Souvent je les consultai sur des points de discipline religieuse, de gouvernement et de science; j'appris d'eux à connaître ce qui est permis par la loi, et ce qu'elle interdit.

SECONDE CLASSE

Les hommes intelligents et propres au Conseil, ceux qui joignaient la fermeté à la sagesse, et les vieillards à qui le nombre des années avait donné de la prévoyance, étaient admis dans ma confidence; je les traitais comme mes égaux, car ils me procuraient de grands avantages, en me communiquant leur expérience.

²¹⁹ Cheikh, vieillard, signifie spécialement des Chefs de Collèges, ou de Communautés, d'Herbelot. Biblioth. Orient.

TROISIÈME CLASSE

Je respectai les hommes pieux; j'implorai secrètement l'assistance de leurs prières; et tandis qu'ils réclamaient mes bienfaits, j'avais recours à eux pour obtenir le secours de leurs bénédictions; dans mes conseils et dans mes délibérations, en paix comme en guerre, leurs vœux me furent toujours utiles; le jour du combat ils me procurèrent la victoire.

C'est ce qui arriva lorsque mon armée lâcha pied devant celle de Toctamich qui était plus nombreuse. Mir Sievuddin, natif de Sabzuvar, solitaire, qui avait le don des prières, découvrit sa tête, étendit les bras pour faire son oraison; elle n'était point encore finie que nous en vîmes des effets frappants.

Ainsi, lorsqu'une personne du harem de mon sérail fut attaquée d'une maladie dangereuse, douze descendants du Prophète, dont l'occupation n'était que de prier, s'assemblèrent; chacun d'eux donna une année de sa vie; la malade recouvra la santé, et vécut encore douze ans.

QUATRIÈME CLASSE

Les émirs, les chefs, les officiers eurent place dans mon Conseil; je les élevai aux dignités, et je m'entretins familièrement avec eux.

Les braves, qui avaient plusieurs fois tiré l'épée étaient mes amis; je leur faisais des questions relatives à la guerre, je les interrogeait sur l'attaque dans Factions, sur la retraite à l'heure du péril; je leur demandais les moyens de rompre les lignes (ennemies) d'y jeter la confusion, de les battre et d'attacher des escarmouches; plein de confiance dans la sagacité de ces guerriers, j'avais toujours recours à leur conseil.

CINQUIÈME CLASSE

Mon armée et mon peuple m'étaient également précieux. Je donnais aux plus braves de mes guerriers une tente, un baudrier et un carquois.

Les intendants et les gouverneurs des provinces et des royaumes n'étaient pas traités avec moins de générosité. Les présents dont je les comblais n'étaient point perdus.

L'armée restait toujours sur pied et recevait sa paie avant de la demander; ainsi, dans la guerre de Roum²²⁰, je lui délivrai la paie de sept années, tant pour le passé que pour l'avenir. Je contenais si bien les troupes et le peuple, qu'ils ne pouvaient se nuire ni s'incommoder mutuellement.

J'eus soin de tenir tous mes soldats à leurs places; et aucun d'eux n'osait franchir les limites que je leur prescrivais; je me gardais bien de les élever sans mesure ou de les abaisser avec excès. Ceux qui m'avaient rendu des services signalés en recevaient une récompense honorable.

Un simple soldat montrait-il de la prudence et de l'intrépidité; aussitôt que je l'avais pesé dans la balance; je proportionnais toujours l'avancement aux talents et au mérite.

SIXIÈME CLASSE

Parmi les hommes que leur sagesse et leur discrétion rendaient dignes d'entrer dans les affaires de l'état et d'avoir part au gouvernement, je choisis un certain nombre de confidents à qui communiquai mes affaires les plus secrètes et mes plus intimes pensées.

SEPTIÈME CLASSE

Les vizirs et les secrétaires faisaient l'ornement du Divan²²¹. C'était les miroirs de mon empire. Ils me réfléchissaient tous les événements survenus au fond des provinces, parmi les soldats ou le peuple.

²²⁰ Roum est l'Anatolie; il s'agit ici de la guerre que Timour fit contre Bayazed, et où ce dernier fut fait prisonnier.

²²¹ Du Conseil.

Attentifs à la conservation de mes trésors, à la sûreté de mes guerriers et de mes sujets, ils pourvoyaient à tout: quant aux maux qui pouvaient affliger mon empire, leur prudence savait y remédier. Administrateurs économes des deniers de l'état, ils cherchaient à encourager la population et l'agriculture.

HUITÈME CLASSE

J'appelai auprès de moi les médecins, les astrologues et les géomètres; car tous ces hommes contribuent à la gloire et à la prospérité de l'empire.

Par le secours d'habiles médecins, je rendis la santé aux malades; les astrologues me firent connaître les aspects heureux ou funestes des étoiles et leurs révolutions dans les Cieux. Les géomètres (ou architectes) me donnèrent des plans d'édifices magnifiques, et me dessinèrent des jardins que j'exécutai.

NEUVIÈME CLASSE

J'attirai auprès de moi les historiens, les auteurs d'annales et de chroniques. C'étaient eux qui m'apprenaient la vie des Prophètes et des saints personnages; ils me racontaient les histoires des princes du monde et m'expliquaient la cause de leur élévation à l'empire et celle de la décadence de leur fortune. La conduite, les discours et les actions de ces princes, étaient pour moi une source inépuisable d'expérience. J'apprenais encore d'eux l'histoire des siècles passés et les révolutions arrivées sur la terre.

DIXIÈME CLASSE

Je rassemblai des vieillards, des religieux et des hommes instruits dans la science de Dieu. Je me liai avec eux. Ils me dévoilèrent le bonheur de la vie future, et me communiquèrent

les paroles de la Divinité. Je leur vis faire des choses surprenantes, et même des miracles; leur commerce me fut aussi avantageux qu'agréable²²².

ONZIÈME CLASSE

J'attirai toutes sortes d'habiles ouvriers dans mon palais et dans mon camp pour entretenir les armes de mes troupes pendant la paix et pendant la guerre.

DOUZIÈME CLASSE

Je tendis une main secourable aux voyageurs de toutes les provinces et de tous les royaumes, afin d'avoir des nouvelles des pays étrangers.

J'envoyai de tous côtés des marchands et des chefs de caravanes; je les chargeai de me rapporter les objets les plus rares qu'on trouve en Tartarie, en Chine, dans l'Indoustan, dans les villes d'Egypte, d'Arabie, de Syrie, de Roum²²³, jusque dans l'île des Franks.

Je voulais encore qu'ils m'informassent de la situation, des mœurs et des coutumes des naturels et des colons de ces contrées, surtout de la conduite que les rois y tenaient envers leurs sujets.

²²² La première, la troisième et cette dixième classe paraissent d'abord être les mêmes: c'est-à-dire, des hommes consacrés à la religion; mais, après un examen plus attentif, on voit qu'elles sont très distinctes, la première est formée des chefs de la religion musulmane, des descendants d'Aly, des prélats et des grands docteurs de la Loi. La troisième classe est une élite de la précédente, dont on a tiré les personnages les plus dévots et les plus réguliers. Timour comprend dans cette dixième classe, les anachorètes retirés du monde pour étudier le Coran, et se livrer à la contemplation.

²²³ Roum. Ce mot pourrait encore se prendre pour les îles du pays des Franks, en avertissant toutefois que, sous le nom de Franks, les orientaux entendent les européens en général.

RÈGLEMENTS POUR LES HORDES ET LES TRIBUS DES TURKS ET DES TADJIKS, DES ARABES ET DES IRANIENS POUR TOUS CEUX QUI SE RÉFUGIAIENT AUPRÈS DE MOI

J'ordonnai que les descendants de l'Apôtre, que les théologiens seraient honorés et respectés, sans prendre garde à leur nation, ni à leur profession; que leurs demandes ne seraient jamais rejetées, et qu'on pourvoirait à leur subsistance.

On incorporait dans mes troupes ceux qui, parmi les nouveaux sujets, portaient les armes, et je leur faisais un traitement convenable à leur grade.

Les hommes qui travaillaient dans les arts étaient employés à mon service.

Parmi le vulgaire pauvre et misérable, ceux qui avaient quelque industrie étaient inscrits selon leur état et leur tribu.

Tout marchand, qui avait perdu sa fortune, obtenait une somme capable de lui faire regagner son capital; quand des paysans et des laboureurs, manquaient des outils nécessaires à l'agriculture et à l'exploitation des terres, on les leur fournissait.

On recevait, dans mes troupes, tous les hommes qui se présentaient avec la vocation militaire, sans difficulté ni pour leur tribu ni pour leur taille.

Un fils de soldat²²⁴, d'une valeur reconnue, quelle que fût sa nation touchait la paie, et avançait selon son mérite.

Les hommes de tous les pays, qui se présentaient dans mon palais, étaient également admis à la table de ma générosité impériale.

Celui sur lequel tombaient mes regards était traité avec la distinction que son rang méritait. Tout coupable, cité pour la première fois, devant le tribunal de ma justice, obtenait sa

²²⁴ En Perse, les fils de Soldats reçoivent la paie, dès l'âge de deux ans. Charlin, Voyages, tom. 6, p. 76.

grâce; mais, à la seconde ou à la troisième fois, il recevait un châtiment égal à son délit.

RÈGLEMENTS POUR L'AGRANDISSEMENT DE MA PUISSANCE

Douze principes, dont je ne m'écartai jamais, m'élèverent au trône; et l'expérience m'a fait voir qu'un prince qui les rejette ne peut tirer aucun avantage de sa grandeur.

1. Il faut que ses actions, aussi bien que ses paroles soient à lui; c'est-à-dire, le peuple et l'armée doivent être persuadés que tout ce que fait ou dit le souverain, il le fait et il le dit lui-même, et qu'il n'est dirigé par personne.

Il est essentiel qu'en suivant les conseils et l'exemple des autres, un monarque ne les fasse pas asseoir auprès de lui sur le trône; obligé d'adopter les bons avis de tous, il ne doit pas se livrer à ceux jusqu'à les rendre d'abord ses égaux et enfin ses supérieurs dans le gouvernement.

2. C'est une obligation indispensable pour un souverain d'observer en tout la justice; qu'il ait soin de prendre en vizir (premier ministre) intègre et vertueux; car un vizir équitable répare les vexations commises par un prince tyran; mais, si le vizir est lui-même oppresseur, l'édifice de la puissance ne tardera pas à s'écrouler. En voici la preuve. L'émir Hossein avait un vizir qui punissait, au gré de ses caprices, le peuple et les soldats. Les injustices de cet homme pervers renversèrent bientôt la fortune de son maître.

3. Les ordres et les défenses exigent de la fermeté, il faut rendre soi-même ses ordonnances, de peur qu'on ne les intercepte, ou qu'on ne les altère.

4. Que le souverain soit inébranlable dans ses résolutions; que dans toutes ses entreprises, son ardeur soit toujours égale, et qu'il ne retire la main qu'après le succès.

5. Quels que soient les ordres donnés par le souverain, il faut qu'ils aient leur exécution, et qu'aucun sujet ne soit assez puissant ou assez téméraire pour en arrêter l'effet, quand même ils présenteraient l'apparence de quelques suites fâcheuses.

On me racontait que le sultan Mahmoud le Ghaznévide avait fait placer une pierre au milieu de la plaine de Ghazna²²⁵; comme cette pierre épouvantait les chevaux, on lui représenta qu'il faudrait la faire enlever. Le prince répondit: "Puisque j'ai ordonné (qu'on la mit à cette place) je ne reviendrai point contre mon ordonnance".

6. La sûreté exige qu'on ne s'en rapporte pas à d'autres sur les affaires de l'empire et qu'on ne confie point à des mains étrangères les rênes de l'autorité: car le monde est une belle infidèle qui a un grand nombre d'admirateurs et il est à craindre qu'un sujet trop puissant, entraîné par le désir de régner, ne se place lui-même sur le trône.

Telle fut la conduite des émirs de Mahmoud. Après avoir chassé leur maître, ils usurpèrent l'empire. Il est donc indispensable de partager les soins du gouvernement entre plusieurs personnes recommandables et dignes de confiance; chacune d'elles, occupée de son travail, n'aspirera point à la suprême puissance.

7. Que le souverain ne dédaigne les avis de personne; ceux qu'il adoptera, qu'il les grave profondément dans son cœur pour s'en servir au besoin.

8. Dans les affaires du gouvernement, dans celle de l'armée ou du peuple, il ne doit se régler sur la conduite ou les discours de qui que ce soit.

Si les ministres et les généraux parlent bien ou mal d'une personne, ils méritent d'être écoutés; mais il est essentiel d'agir avec circonspection jusqu'à ce qu'on sache l'exacte vérité.

²²⁵ C'était vraisemblablement une pierre qui servait de but aux courses de chevaux qui se faisaient dans le meidan, espèce de cirque.

9. Que le respect pour son autorité soit tellement imprimé dans le cœur de ses soldats et de ses sujets qu'aucun n'ait l'audace de lui désobéir ou d'exciter contre lui une révolte.

10. Que tout ce qu'il fait, il le fasse par lui-même, et qu'il demeure inébranlable dans les ordres qu'il a une fois prononcés; car la fermeté du commandement fait la plus grande force des monarques; c'est pour eux un trésor, une armée, un peuple et une famille de princes.

11. Dans le gouvernement, dans la publication des ordonnances, qu'il se garde de reconnaître un associé, et de prendre un collègue à l'empire.

12. Une autre précaution non moins utile pour un monarque, c'est connaître ceux qui l'environnent, et d'être informé et prudent avec eux.

On ne trouve que trop d'hommes malintentionnés, qui divulguent tout. Leur principal soin est de rapporter aux vizirs et aux émirs toutes les paroles et les actions du prince. C'est ce qui m'arriva lorsque la plupart de ceux qui composaient mon Conseil étaient des espions vendus à mes vizirs et à mes émirs.

RÈGLEMENTS POUR FORMER UNE ARMÉE

Dans une compagnie de dix guerriers d'élite, on choisissait celui qui réunissait la sagesse à la valeur; et, d'après le consentement des neuf autres, on l'établissait leur chef, avec le titre d'Ounbachi (ou chef de dix).

Sur dix Ounbachis on en prenait un également recommandable par son intelligence et par son activité; il était le chef de ses compagnons, et avait le nom d'Youzbachi (c'est-à-dire, chef de cent).

Dix Youzbachis avaient pour chef un mirza expérimenté, habile dans le métier de la guerre, et d'une bravoure reconnue. Ce chef s'appelait Minkbachi, ou chef de mille.

Les Ounbachis jouissaient du droit de nommer des soldats à la place de ceux qui avaient été perdus par la suite ou part la mort; de même les Youzbachis nommaient les Ounbachis; et les Minkbachis choisissaient les Youzbachis. Je voulais néanmoins être informé de la mort et de la désertion des hommes, et de leur remplacement.

Dans le service militaire et dans le civil, le Minkbachi avait toute autorité sur l'Youzbachi, ou chef de cent, et le chef de cent sur celui de dix, l'Ounbachi; et celui-ci sur les soldats. Ces officiers avaient le droit de châtier les indociles, de chasser tous ceux qui manquaient à leur devoir; et ils étaient attentifs à les remplacer.

RÈGLEMENTS POUR LA PAIE DE L'ARMÉE DES OFFICIERS ET DES SOLDATS

Voici sur quel pied j'ordonnai que serait fixée la paie des Minkbachis, des Youzbachis et Ounbachis.

La paie d'un simple soldat, homme brave et actif, était fixée à la valeur de son cheval²²⁶; la paie des guerriers d'élite pouvait monter depuis la valeur de deux jusqu'à celle de quatre chevaux.

Le chef de dix (Ounbachis) recevait dix paies de soldats. Les appointements du chef de cent (Youzbachi) étaient le double de ceux du précédent; et le chef de mille (Minkbachi) avait le triple de la paie de Youzbachi.

Tout militaire, pris en défaut pour son service, perdait un dixième de sa paie. L'Ounbachi ne touchait la sienne qu'avec le certificat de l'Youzbachi; ce dernier avec celui du Minkbachi,

²²⁶ C'est encore l'usage dans l'Indoustan de fixer la paie d'un soldat à la valeur de son cheval. On voit des guerriers choisis, marcher chacun avec deux et trois chevaux, montés par leurs valets, et ils reçoivent une paie proportionnée. Nat. de l'Edit. Angl.

qui était obligé aussi d'en demander un pour lui-même au généralissime de mes armées (Amir ul-umaroh)

Un généralissime avait des appointements dix fois plus considérables que ceux du simple officier. Le chef du Divan et les vizirs touchaient dix paies d'officier. Celles des différentes hordes, des gardes²²⁷, des huissiers du palais²²⁸ pouvaient monter depuis mille jusqu'à dix mille chevaux. J'avais soin de distribuer des terres²²⁹, des gratifications, des pensions alimentaires aux descendants du Prophète, aux docteurs, aux savants, aux médecins, aux astrologues et aux historiens de ma Cour selon leur mérite. La paie des fantassins, des valets et des farrachan²³⁰ allait depuis cent jusqu'à mille.

Le généralissime ne pouvait toucher ses appointements qu'avec le certificat du vizir et du chef du Divan; ces deux ministres me présentaient l'état des paiements, et ils l'arrêtaient.

Chaque soldat avait, pour recevoir sa paie, un mandat, au bas duquel on écrivait à mesure les sommes qu'il avait touchées.

RÈGLEMENTS POUR LE PAIEMENT DES TROUPES

J'ordonnai que l'infanterie, les gardes et les huissiers du palais, seraient payés chaque année; qu'à l'échéance on leur remettait leur somme dans le Divan (la salle du Divan).

Que la paie du reste de l'armée; ainsi que celle des braves, serait délivrée tous les six mois, et qu'ils iraient recevoir au trésor une ordonnance, en s'y présentant eux-mêmes.

²²⁷ Calaktchi.

²²⁸ Yessaouls

²²⁹ Siorgal

²³⁰ Signifie proprement des hommes employés à dresser des tentes.

Enfin que les appointements des Ounbachis seraient assignés sur les impôts des villes et des provinces; qu'on donnerait une délégation aux Minkbachis sur l'intérieur des terres, et que les officiers et le généralissime auraient le revenu des frontières.

PARTAGE DU REVENU DES PROVINCES

Le revenu des provinces et des royaumes était inégalement divisé en divers lots. Chaque émir et Minkbachi en tirait un; si la somme excédait le montant de la paie, on la partageait. Quand, au contraire, elle ne suffisait pas, on y ajoutait un autre lot²³¹.

Il était défendu aux émirs et aux minkbachis d'exiger plus que les taxes et les impôts établis, quand ils percevaient les revenus de l'état.

Toute province chargée d'une pension²³², avait deux intendants. L'un veillait sur la province même et défendait les habitants des vexations et des rapines du pensionnaire de l'état; il tenait un compte exact de tout ce qu'on avait tiré de la province; l'autre intendant était chargé d'écrire les dépenses et de faire les parts des soldats²³³.

²³¹ Il me paraît que ces grands officiers recevaient; non pas une ordonnance d'une somme fixée; mais l'octroi des revenus d'un canton. On devait donc faire une distribution de tous les cantons de l'empire, sans égard au plus ou moins de revenus, écrire sur chaque mandat le nom d'un canton, et les lotir ensuite entre les officiers. On comprend alors, que si un officier recevait l'octroi d'un canton dont les revenus excédassent ses appointements, il devait partager avec un autre.

²³² Le texte porte Yetoul, mot Mogol, qui répond au Persan Jakir.

²³³ Il paraît donc que les soldats n'étaient pas payés au Trésor; qu'ils y recevaient seulement une ordonnance, d'après le rôle (Ténkhwah) et que c'était dans les provinces, qu'ils en touchaient le montant.

Tout officier à qui l'on avait donné le revenu d'une province, en jouissait l'espace de trois ans, après quoi l'on faisait la visite dans le pays, s'il était florissant; si les habitants étaient satisfaits, on laissait les choses dans leur état; autrement l'impôt était retiré, le pensionnaire ne touchait rien pendant trois autres années.

La crainte et les menaces peuvent s'employer avec succès, quand il s'agit de percevoir les impôts; mais qu'on garde de recourir aux verges et aux coups. Un gouverneur, dont l'autorité est plus faible que le fouet et les verges, est indigne du rang qu'il occupe.

ETAT DES PENSIONS DE MES ENFANTS ET DE MES DESCENDANTS

J'ordonnai que mon fils aîné Mohammed Jihankir, mon héritier présomptif, aurait la subsistance de douze mille cavaliers, et l'intendance d'une province; que mon second fils, Omar Cheikh, aurait celle de dix mille cavaliers avec une province.

Mon troisième fils, Miran-Chah, celle de neuf mille cavaliers, avec un gouvernement.

Chah-Rokh, mon quatrième fils, celle de sept mille cavaliers, et l'administration d'un canton (comme les précédents).

J'accordai à mes petits-fils; la subsistance de trois à sept mille cavaliers, avec des gouvernements.

Quant à mes parents, je leur distribuai des dignités et des commandements, depuis le rang de premier, jusqu'à celui de septième émir, selon leur état et leur mérite. Chacun était obligé de se renfermer dans ses limites, celui qui osait les franchir rendait un compte rigoureux de sa conduite.

DU CHÂTIMENT DE MES FILS, DE MES PETITS-FILS, DE MES PARENTS, DES ÉMIRS ET DES VIZIRS

Si un de mes fils aspirait à l'empire, je défendais qu'on le mit à mort, ou qu'on le maltraitât, ou qu'on le mutilât; mais je me contentais de le tenir en prison, jusqu'à ce qu'il eût renoncé à ses prétentions, afin d'éviter toute guerre civile dans le Royaume de Dieu.

Si un de mes petits-fils ou de mes parents se révoltait contre moi, je le dépouillais de ses biens et de ses honneurs²³⁴.

Les chefs sont les supports d'un empire. Si, dans le moment de l'action les miens venaient à manquer à leur devoir, ils étaient privés de leurs dignités et de leur puissance; lorsqu'on apprenait de leur part des manœuvres capables de jeter le trouble dans le royaume, ils étaient relégués dans un rang inférieur. Laissaient-ils apercevoir de l'indifférence pour le service, ils étaient réduits à l'état d'écrivain; enfin, s'ils persistaient dans leur nonchalance et dans leur indocilité, on les chassait irrévocablement.

RÈGLEMENTS POUR LES MINISTRES, FIDÈLES ET RESPECTABLES APPUIS DE LA GRANDEUR

Quand même un ministre aurait trahi l'état, qu'il aurait formé le projet de renverser l'autorité du prince, on doit toujours se garder de le condamner à la mort avec précipitation. Après les informations les plus amples sur les accusateurs, il s'agit d'éprouver leur véracité sur la pierre de touche de l'examen. Car il n'est pas rare de voir des méchants et des

²³⁴ Dans le texte: Je le faisais Derviche; c'est-à-dire, je le réduisais à la mendicité: car Derviche signifie pauvre. De-là est venu le nom de cet Ordre religieux chez les Turks. Les Derviches ne vivaient que d'aumônes, et la plupart de ces moines errants menaient une vie d'anachorète.

envieux qui poussés par leur mauvais génie, pour parvenir à leurs fins couvrent habilement le mensonge du manteau de la vérité.

Il y a des lâches assez perfides pour animer les ennemis de la royauté, et pour déployer toutes les fourberies capables de perdre les serviteurs fidèles; souvent à force d'artifices et de ruses, ils parviennent à ébranler l'édifice de l'empire.

Ce fut ainsi que l'émir Hossein, d'intelligence avec un de mes vizirs, dont il avait tenté l'avarice, lui suggéra de me brouiller avec l'émir Ykou-Timour et l'émir Jakou, les deux plus fermes soutiens de ma puissance; je pénétrai son projet, et n'ajoutai aucune foi à ses rapports.

Abbas, l'un de mes plus fidèles émirs, avait excité la jalousie de mes courtisans, qui ne cessaient de le calomnier en public et en secret.

Le vent de leur calomnie enflamma mon courroux; et, sans le moindre examen, j'ordonnai la mort de cet innocent. Mais le temps me découvrit toute la perfidie des accusateurs; j'éprouvai alors les repentirs et les remords les plus cuisants.

Si un ministre, chargé de l'administration des deniers publics, se rend coupable du crime de péculation, qu'on lui alloue, par forme de gratification, la somme volée, si elle n'excède point le montant de ses appointements. Va-t-elle au double, on arrêtera ses revenus; enfin, si elle est évaluée le triple, les collecteurs saisiront ses biens.

Mais je veux qu'ils n'aient aucune déférence et aucune considération particulière pour les personnes, de peur qu'en se laissant aller à des égards injustes, ils ne se rendent eux-mêmes indignes de toute considération, et je fis observer cette exacte justice, pour éviter les abus qui auraient pu s'introduire au préjudice du gouvernement.

Les discours des jaloux, des méchants et des perfides contre les vizirs, ne méritent aucune attention; ces ministres ont

beaucoup d'ennemis qui les envient; car les gens du monde recherchent les grandeurs du monde. Dès qu'un ministre protège ces sortes de personnes, il est sûr de devenir leur dupe; les abandonne-t-il, ce sont des adversaires irréconciliables.

Un vizir de Jagatai Khan²³⁵, fut accusé, par des envieux, d'avoir volé quelques milliers de pièces d'or. Le prince, qui venait de lire cette accusation, fit appeler le vizir, et lui dit, avec un ton de reproche: "Il faut que tu sois bien vil! Comment! Ministre d'un prince tel que moi, tu ne tires qu'une si petite somme de mon royaume!" Ravi d'une si grande marque de bonté, le vizir intelligent, remet au khan tout ce qu'il possède, et, par cette conduite, conserve ses biens et ses honneurs.

Si le simple soldat, au mépris de ses devoirs, appesantit sur le faible la main de la violence, qu'on le livre à sa propre victime, pour recevoir le même traitement qu'il lui aura fait éprouver.

Un seigneur, ou un grand propriétaire, qui vexe le peuple, payera une amende proportionnée à son délit et à ses facultés. On ne punira pas moins rigoureusement le gouverneur ou le surintendant reconnu pour concussionnaire.

Je recommande néanmoins qu'un coupable bien convaincu, ne soit que fouetté, ou mis à l'amende; mais qu'il n'éprouve point à la fois deux châtimens.

Partout où sera trouvé un voleur, quelle que soit la personne qui l'aura découvert, il sera puni selon la loi de Gengis khan, nommée Yassa²³⁶.

Les richesses extorquées seront reprises sur les fonds du détenteur, pour être restituées au propriétaire.

Quant aux autres délits, tels que dents cassées, œil crevé,

²³⁵ Le second fils de Gengis khan.

²³⁶ Le texte parle de la loi Yassa, selon laquelle le voleur devait être jugé; mais il n'est nullement question de mort.

oreilles ou nez coupés, débauche du vin ou des femmes; je veux que les coupables soient cités dans le Divan, en présence des juges ecclésiastiques et civils. Les premiers jugeront les affaires relatives à la loi; et les magistrats civils instruiront les procès qui seront de leur ressort, pour me les présenter.

QUALITÉS REQUISES DANS UN VIZIR, OU MINISTRE

J'exigeai dans un vizir quatre qualités indispensables.

1. La noblesse des sentiments et l'élévation de l'âme.
2. Un esprit fin et pénétrant.
3. L'expérience et l'habitude de traiter dignement avec affabilité le soldat et le citoyen.
4. Enfin la tolérance, et le talent de la conciliation.

Un homme doué de ces qualités mérite d'avoir part au gouvernement; ce sera un bon ministre et un sage conseiller. Qu'on lui remette les rênes de l'état, la direction de l'armée et du peuple. Il faut qu'on lui accorde quatre choses: la confiance, le respect, la liberté dans ses opérations, et l'autorité pour les faire exécuter.

Un ministre accompli est celui qui sait mettre ordre à tout, dans le gouvernement comme dans les finances. Il unit la sagesse à la modération et à la bonté.

Un vizir accompli est celui qui, dans les fonctions de sa place et dans toutes les affaires relatives au gouvernement de l'état, ou à l'administration des finances, se conduit avec une bonté, une intégrité et une modération toujours égales; qui n'exige que ce qui est dû, et ne donne que ce qu'il convient de donner; ses ordres ou ses défenses manifestent la noblesse et l'élévation de son âme de ses sentiments. Egalemeut éloigné de tout crime et de toute violence: il ne prononce jamais le nom d'un soldat ou d'un citoyen que pour en dire du bien. La médisance et la calomnie sont bannies de ses oreilles comme

de sa langue. Si un projet criminel vient à sa connaissance, il sait, par son adroite conduite, forcer l'auteur à y renoncer: enfin, par sa bonté envers ses propres ennemis, il parvient à les ramener et à se concilier leur amitié et leur estime.

Un ministre qui médit ou qui prête l'oreille à la médisance, qui foment des dissensions, qui s'acharne à la ruine d'un honnête homme, pour satisfaire sa haine, un pareil ministre n'est pas digne de conserver sa place.

Les méchants, les traîtres, les envieux et les vindicatifs seront soigneusement exclus du ministère; leur administration entraînerait la décadence de la fortune et de la puissance.

Melik-Chah le Seljoucide en offre une preuve bien frappante: il avait pour vizir Nizam Almulk, homme doué des plus grandes qualités: cependant ce prince disgracia ce ministre précieux, pour mettre à sa place un homme vil et méchant: la mauvaise administration, les vices et la bassesse du nouveau vizir, détruisirent l'empire jusque dans ses fondements.

Le khalife Motassem Billah l'abasside éprouva la même destinée. Il eut l'imprudence de prendre pour vizir un nommé Alkoumi, homme connu par son caractère perfide et vindicatif. Cet indigne vizir, qu'un ancien ressentiment animait contre son maître, parvint à le tromper par ses discours insidieux.

Holakou Khan, dont il avait excité l'ambition, vint fondre sur le khalife, le fit prisonnier, et l'on sait ce qui arriva dans la suite à ce prince trop crédule.

Un vizir doit être doué des qualités supérieures qui se trouvent chez les hommes d'une haute naissance, vertueux, bienfaisant et prudent. Les âmes bien nées ne s'écarteront jamais de leur devoir, tandis qu'on ne peut se fier aux hommes d'une vile extraction²³⁷.

On ne saurait trop honorer un ministre, qui, dans son

²³⁷ Excellente preuve que Timour n'était pas le fils d'un berger, comme l'ont prétendu certains auteurs.

poste élevé, se conduit avec sagesse intégrité; qui dirige heureusement toutes les branches de l'administration, sans s'écarter ni de la religion, ni de l'honneur.

Dès qu'un vizir emploie sans scrupule toutes les mauvaises manœuvres, on verra bientôt s'éclipser la puissance et la splendeur de l'empire.

Un sage ministre joint l'indulgence à la fermeté. Il sait aussi garder un juste milieu. Trop de douceur l'exposerait à devenir la victime des intrigants et des ambitieux; un excès de sévérité aliénerait les esprits sans retour.

Par sa bonne conduite et par son intelligence, ce ministre accomplit établit et soutient l'ordre dans le palais de l'empire. Egalemeut patient et indulgent dans son administration, il tempère la rigueur par la bonté.

Un ministre qui possède toutes ces qualités, mérite d'être regardé comme un collègue à l'empire; car les richesses et la force du souverain font dans ses domaines, ses trésors et ses armées. Or il n'appartient qu'à un ministre intelligent de conserver et d'entretenir tous ces avantages.

Pour qu'un ministre réunisse toutes les qualités nécessaires, il faut encore qu'il ne conserve aucun ressentiment des reproches qu'il peut essuyer. Si son cœur est ouvert à la vengeance ou à la perfidie, on doit en attendre les suites les plus fâcheuses; car il est à craindre qu'il n'entretienne des intelligences secrètes avec les ennemis de l'état, et qu'il ne cause la ruine de l'armée; et le renversement des finances.

Le ministre sage tient d'une main le peuple, et de l'autre l'armée; (c'est vers ces deux objets qu'il dirige ses soins et son attention). Il sait donner et prendre à propos. La franchise et la justice président à ses actions. Il prévoit l'issue de chaque affaire; et, dans les négociations, il ne se souvient pas qu'il ait des ennemis.

Un ministre actif et expérimenté a toujours devant les

yeux la population du royaume, et la félicité du peuple, la force de l'armée, et l'abondance du trésor. Sans cesse occupé à favoriser tout ce qui peut contribuer à la prospérité de l'état, il prodigue sa fortune et sa vie, pour détourner les maux qui le menacent. Il veille aux intérêts des citoyens et des soldats, et met ordre à tout ce qui les concerne.

Dans un vizir vertueux la somme des bonnes actions doit surpasser celle des mauvaises.

Tel était Nézam-Almouk; ses vertus compensaient abondamment les fautes qu'il avait pu commettre dans son administration. Aussi, lorsqu'il voulut entreprendre le pèlerinage de la Mecque, un homme de Dieu (c'est-à-dire Derviche) l'en empêcha, en lui disant: "Le bien que tu fais dans les états de Mélik-chah, en procurant le bonheur des serviteurs de Dieu, te tiendra lieu de ce devoir de religion".

J'ai oui raconter aussi qu'Aly, fils de Lacati, vizir d'Haroun Arrachid²³⁸, après avoir fait longtemps le bonheur du peuple, voulut se retirer du ministère; un des chefs de la religion lui écrivit: "Le devoir t'oblige de rester à ton poste dans le palais du khalife; car les secours et les avantages que retirent de ton administration les sujets du Très-Haut, l'emportent sur le reste de tes bonnes œuvres".

On demandait un jour à la Majesté de l'Apôtre de Dieu: "Si vous n'aviez pas reçu de mission, ni le don de Prophétie, quel état auriez-vous choisi? Le service des princes, répondit le Prophète, afin d'être utile aux créatures du Tout-Puissant".

C'est d'après cette considération que j'acceptai les charges de vizir et de général des armées d'Elias Khojah²³⁹, fils de Touglouk – Timour Khan de Jagataï.

Mon but était d'être utile au peuple de Dieu et, en faveur de mes services, le Très-Haut m'éleva à l'empire.

²³⁸ Haroun le Juste, cinquième khalife Abbasside, contemporain de Charlemagne, à qui il envoya une ambassade, mort en l'an, de J.C. 809.

²³⁹ Que son père avait établi dans la Transoxiane. Voyez la Vie de Timour.

Un ministre qui acquiert, ou conserve un royaume par la politique et par l'épée, mérite l'estime et la vénération; on doit accumuler les honneurs sur sa tête, et le qualifier maître de la plume et de l'épée.

Un ministre habile et celui qui sait, par des manœuvres bien conduites, semer la division dans une armée, ou la réunir dans les mêmes vues et les mêmes intérêts, par une sage politique et des ménagements adroits: qui se concilie l'estime des troupes ennemies, et les attire dans son parti; qui, plein de vigilance pour les intérêts du maître dont il a la confiance, lui applanit, par sa sagesse et sa prévoyance, tous les obstacles des conjonctures les plus difficiles, et des entreprises les plus épineuses; qui sait enfin ouvrir, avec le doigt de l'intelligence et du génie, toutes les barrières qui s'opposent au succès de son prince.

Ainsi, lorsqu'Ali-Beg-Tchoun-Gharbani, qui m'avait fait prisonnier, me jeta dans un cachot plein de vermine, Aziz-Eddin, un de mes ministres, vint promptement pour me secourir. Il endormit Ali-Beg; et, pendant que ce prince détournait les yeux, je rappelai tout mon courage. Aidé du bras de la valeur, armé d'une épée, je forçai mes gardes et je recouvrai ma liberté. Ainsi Nezam-Almouk délivra le sultan Mélik-Chah des fers de Kisser²⁴⁰.

Un ministre tel que je viens de le dépeindre, mérite d'être traité comme un collègue à l'empire, on ne saurait trop l'honorer, trop déférer à ses discours. Tout ce qui sort de sa bouche est inspiré par la sagesse.

Le ministre équitable d'un monarque opresseur, peut réparer toutes les injustices de son maître; mais, si le ministre est lui-même un brigand, le gouvernement tombera dans la plus affreuse confusion.

²⁴⁰ De l'Empereur Grec. (César) Voyez la Bibl. Orien.

RÈGLEMENTS POUR LA CRÉATION DES OFFICIERS²⁴¹ ET DES CHEFS

J'ordonnai que trois-cents treize personnes choisies parmi mes plus fidèles serviteurs, seraient élevées au commandement; j'exigeais, dans ces nouveaux émirs, la noblesse de la naissance, jointe à celle de l'âme; l'intelligence, la ruse et l'audace, la bravoure et la prudence, la résolution et la prévoyance, la vigilance, la persévérance et une profonde réflexion.

Chaque officier avait un lieutenant ou survivancier²⁴²; quand la mort enlevait un officier, son lieutenant lui succédait; on nommait ce survivancier aspirant au commandement.

Ces trois cents treize émirs étaient pleins de jugement, et doués également de tous les talents nécessaires dans la paix et dans la guerre.

L'expérience m'a appris que, pour être capable de remplir les fonctions d'émir, ou de commandant, il faut connaître les secrets de l'art militaire, et les moyens de rompre les escadrons ennemis; ne point perdre courage au moment de l'action, ou se laisser arrêter par les difficultés, être toujours en état de diriger les mouvements de ses troupes et, s'il survient quelque désordre, savoir y remédier à l'instant même.

Celui qui, pendant la paix ou la guerre, peut remplir la place de mon lieutenant, est aussi capable d'être le généralissime de mes armées; il saura commander avec vigueur et dignité, et punir sévèrement quiconque qui osera le braver.

J'ordonnai que, parmi les officiers (ou émirs) dont je viens de parler, on en choisirait quatre pour commandants du

²⁴¹ Des émirs.

²⁴² En Mogol Katoul.

premier rang²⁴³, un autre pour me servir de généralissime; que ce dernier, dans la guerre et pendant l'action, aurait droit de commander aux officiers et aux simples soldats; et que, lorsque je serais moi-même à la tête de mes troupes, il serait sous moi l'office de lieutenant.

J'élevai encore aux honneurs du commandement (à l'émirat) douze personnes pleines de talents et jouissant d'une belle réputation.

Je confiai mille cavaliers au premier émir et le fis officier de cette troupe; deux mille au second, en lui donnant sur eux le même pouvoir; les troisième, quatrième et cinquième émirs avaient de même trois, quatre et cinq mille hommes; enfin j'allais ainsi en augmentant, jusqu'au douzième émir, que je mettais à la tête de douze mille cavaliers; et ces officiers étaient lieutenants les uns des autres.

Le premier était lieutenant du second, le second celui de troisième, ainsi jusqu'au douzième, qui l'était du généralissime, et celui-ci était mon lieutenant. Ainsi, dans des circonstances pressantes, l'inférieur faisait les fonctions de son supérieur.

Parmi ces trois cent treize officiers, je créai cent Ounbachis, cent Youzbachis et cent Minkbachis.

Tous les officiers étaient subordonnés au généralissime, et l'on avait le plus grand soin de ne point donner à l'un le service de l'autre; car une affaire qui peut être faite par un Ounbachi ne demande point les soins d'un Youzbachi; de même le Youzbachi est inutile quand le Minkbachi suffit.

Tout officier, qui demandait de l'occupation pour s'exercer, était satisfait.

²⁴³ Qui auraient le titre de Beklerbegs. Il y a, ou il y a eu chez les Turks des Bèglerbegs militaires.

RÈGLEMENTS POUR L'AVANCEMENT DES SOLDATS,
DEPUIS LE RANG LE PLUS BAS, JUSQU'AU
PLUS ÉLEVÉ.

Parmi les guerriers d'élite, ceux qui se seront distingués par des traits de valeur, monteront au rang d'Ounbachi, dès leur premier exploit; au second on les fera Youzbachis, enfin Minkbachis.

Je ne veux pas qu'on récompense des actions de bravoure, lorsqu'elles n'auront été produites que par le désir d'échapper aux armes de l'ennemi; car cela n'a rien de supérieur à la défense d'un taureau qui repousse une attaque avec ses cornes, et il convient d'avoir égard à la noblesse et à la grandeur du sentiment qui conduit le soldat dans l'action.

Quand un Minkbachi, les armes à la main, aura renversé un escadron, qu'on le déclare premier émir. Un premier émir qui aura mis en fuite l'armée ennemie, montera au rang de second émir; ainsi avanceront tous les officiers qui se signaleront par des actions d'éclat. Le simple soldat, pour un trait de courage, recevra une augmentation de paie.

Que tout soldat qui fuira au moment du combat, soit loin de mes yeux; mais on l'excusera, on lui pardonnera même, s'il y a été forcé contraint par la force. Celui qui reviendra au champ de bataille avec des blessures, sera comblé d'honneurs; si elles l'ont forcé de se retirer, on lui donnera encore des éloges; car ces blessures prouvent évidemment que, s'il ne s'est pas approché de l'ennemi, au moins l'ennemi s'est approché de lui.

Je défendis qu'on privât les soldats de la récompense qui leur était due. Ceux qui avaient blanchi sous le harnais, ne perdaient ni leur grade, ni leur paie; leur service n'était pas oublié; car un guerrier qui vend la longue vie dont il pourrait jouir, pour des biens périssables, mérite d'être récompensé; il a droit d'exiger des richesses et des distinctions. Taire ses

services, lui refuser sa récompense, c'est une injustice révoltante. Je voulus que tout officier, ministre ou soldat, qui, par ses travaux, avait contribué à l'établissement de ma grandeur, soit en gagnant des victoires, en conquérant des royaumes, soit en signalant sa valeur, obtint toujours la satisfaction qu'il avait droit d'attendre pour prix de ses services.

Les vieux guerriers étaient vénérés; on écoutait leurs discours, car tout ce qu'ils disent est appuyé sur l'expérience; ils faisaient la gloire de mon empire, et leurs enfants leur succédaient dans les postes qu'ils avaient remplis.

Je défendis qu'on mît à mort les prisonniers²⁴⁴; je leur laissais le choix d'entrer à mon service, ou d'être renvoyés libres. Ce fut ainsi que je mis quatre mille Turks en liberté.

Si un soldat, après avoir tiré l'épée, après avoir observé les lois du sel²⁴⁵ envers son maître, vient à me demander un asile, soit par nécessité, soit de plein gré, qu'on le reçoive avec distinction; qu'on lui témoigne beaucoup d'égards, parce qu'il a été fidèle à son maître et à son devoir.

Ce fut ainsi que je me conduisis envers Chir Behram. Dans un combat que je livrai à l'émir Hossein²⁴⁶, Behram s'avança contre moi et fit des prodiges de valeur. Mais il se vit contraint, dans la suite, de venir implorer ma protection, et il reçut de moi un accueil honorable.

Dans la guerre de Balkh, l'émir Manghali-Bougha conduisit une armée contre moi; je lui fis, avant le combat, des propositions pour l'attirer dans mon parti; mais inviolablement

²⁴⁴ Il s'agit de cent mille Guèbres, prisonniers égorgés sous les murs de Déhly.

²⁴⁵ Mot à mot, fidèle au droit du sel. Pour un soldat le droit du sel était la paie qu'il touchait; cette paie l'obligeait à exposer ses jours pour celui dont il la recevait.

²⁴⁶ Petit-fils de l'Emir Cazaghan et beau-frère, de Timour. Voyez la Vie de Timour.

attaché à Toglouk-Timour Khan²⁴⁷, il rangea ses troupes, et me livra une bataille sanglante, dans laquelle il fut mis en déroute.

Dans la suite, sans y être forcé, il vint plier le genou devant moi; je l'élevai bientôt à un poste éminent; et, par mes bienfaits, je parvins à étouffer tous ses ressentiments, et je ne laissai passer aucune occasion de lui témoigner ma bienveillance et ma générosité.

Manghali-Bougha était un guerrier plein de valeur; il en donna des preuves éclatantes, quand il s'agit de combattre pour ma fortune, et il me rendit des services inappréciables dans la guerre d'Azerbaïdjan (de Médie) mes troupes pliaient devant Cora-Yousouf²⁴⁸. Aussitôt Bougha prend la tête d'un Officier ennemi, la plante au haut de sa lance, en disant que c'est la tête de Cora-Yousouf. Alors le bruit se répand dans l'armée que ce général vient d'être tué. Cette nouvelle ranime nos fuyards; ils reviennent charger les ennemis en flanc, et leur chef est obligé de prendre la fuite. J'attribuai ma victoire sur Cora-Yousouf au sage Bougha, que j'élevai à un grade supérieur.

RÈGLEMENTS POUR ENCOURAGER LES ÉMIRS, LES VIZIRS, LES SOLDATS ET LE PEUPLE PAR LES LARGESSES ET PAR LES HONNEURS

Je décernai trois sortes de récompenses pour l'émir qui avait subjugué un empire ou défait une armée; il recevait un titre d'honneur, l'enseigne à queue de cheval et une timbale²⁴⁹.

²⁴⁷ N'oubliant pas les droits du sel envers Toglouk-Timour, khan de Jagataï.

²⁴⁸ C'est ce turcoman dont il est parlé dans la Vie de Timour, et qui fut la principale cause de la guerre du prince Tartare contre Bayazed, Empereur Ottoman.

²⁴⁹ Nocatech, espèce de caisse que les princes Mogols font battre devant leurs tentes à certaines heures du jour, pour marque de leur dignité. Le même usage est établi à la Chine où les gouverneurs ont devant leurs portes

Il avait le titre de Brave²⁵⁰, et était regardé comme mon compagnon de fortune, et mon collègue à l'empire. Je l'admettais à mon Conseil; enfin je lui donnai le gouvernement d'une frontière, avec le nombre d'officiers suffisant pour composer sa suite. Un émir, qui battait l'armée d'un prince, celle du fils d'un prince, ou d'un khan, obtenait la même récompense.

Ainsi, lorsque l'émir Ykou-Timour que j'avais envoyé contre Orouz Khan²⁵¹, revint victorieux, je lui donnai le commandement de dix mille hommes, l'enseigne, l'étendard avec la timbale, et je le reconnus pour mon compagnon de fortune; je le fis mon ministre et mon conseiller. Je lui conférai le gouvernement d'une frontière avec la suite d'émirs nécessaire.

Des envieux tinrent des propos sur cet émir: ils prétendirent qu'il avait désolé la tribu d'Orouz Khan, et en avait détourné les richesses à son profit. Ces discours m'inspirèrent de l'indifférence pour Ykou-Timour. Mais l'histoire de Béhrām-Joubin, qui ne m'était pas inconnue, m'avait donné bien de l'expérience. Voici cette histoire.

Le Khacan²⁵² suivi de trois cent mille Turks, hommes altérés de sang, s'avançait contre Hormuz, fils de Nouchirvan. Ce jeune prince opposa à son ennemi, Béhrām Joubin, ancien vizir, conseiller et général des armées de son père. Il lui donna trois cent vingt mille²⁵³ Persans, et Joubin engagea un combat, qui dura trois jours et trois nuits. Le khacan fut défait. Le

des instruments et des tambours qu'on bat lorsqu'ils sortent. Ancien. Relat, des Ind. et de la Chine, trad. de l'Arab. p. 25 et 183.

²⁵⁰ Behader. Ce titre est maintenant commun à tous les guerriers en Perse.

²⁵¹ Khan de Kipchac: c'est-à-dire, de la grande Tartarie. Voyez la Vie de Timour.

²⁵² Khacan est le nom des anciens rois du Turquestan.

²⁵³ D'Herbelot prétend que Béhrām ne prit que 12,000 hommes, p.458.

vainqueur en avertit aussitôt Hormuz et lui fit l'hommage de tout le butin.

Des envieux et des calomniateurs ayant trouvé le moyen de faire entendre leurs accusations dans le Conseil d'Hormuz, osèrent tenir ces propos: "Béhram-Joubin garde la plus grande partie des richesses du khacan. Il a détourné sa couronne et son épée enrichies de pierres précieuses, et ses bottines garnies de diamants".

Poussé par le démon de l'avidité, Hormuz oublie tous les services de Béhram. Une aveugle crédulité lui fait traiter son général de perfides enfin il lui envoie un voile de femme avec un collier et une chaîne²⁵⁴.

Béhram met le collier à son col, attache les chaînes à ses pieds et se couvre du voile; ensuite il fait appeler les chefs, les officiers et les soldats; et, dans cet état, il donne audience publique. En le voyant, l'armée transporte d'indignation, vomit des malédictions contre son roi, et les soldats abjurent toute la fidélité qu'ils doivent à Hormuz.

Soutenus par leur général, ils s'avancent vers la ville de Madaïn, où était le palais du monarque, et le chassent du trône de la Perse, pour y placer Khosrow-Perwiz.

D'après cet exemple, je me gardai bien d'exciter les malédictions de mon armée; je fis venir l'émir Ykou-Timour; je m'assis sur mon trône, et on laissa entrer la multitude; ensuite toutes les dépouilles accumulés au royaume d'Orouz Khan furent étalées au milieu de l'assemblée; je les distribuai moi-même à Ykou-Timour, aux braves et aux soldats qui avaient servi tous ses ordres.

L'émir qui se sera bien montré dans une affaire, qui aura enfoncé un bataillon ennemi, mérite de l'avancement.

²⁵⁴ Suivant quelques historiens, il lui envoya des fuseaux, du coton et tout l'attirail nécessaire pour filer, et lui écrivit que la mauvaise-foi et la fourberie n'appartenaient qu'aux femmes, et que c'était pour cela qu'il lui envoyait ces instruments.

Dans un combat contre Toctamich Khan, Tabane bēhader parvint à s'approcher du porte-enseigne de ce prince et à renverser l'étendard; mais cet exploit lui coûta plusieurs blessures. Les méchants et les jaloux cherchaient à ensevelir cette action dans l'oubli; mais la justice ne me permettait pas de tenir ainsi les yeux fermés. Je donnai un commandement au brave Tabane; et, entre autres faveurs, j'y joignis une enseigne militaire.

Quand un chef de dix²⁵⁵, de cent, ou de mille, aura mis en déroute un corps de troupes; le premier aura le commandement d'une ville, le second celui d'une province.

Berlas bēhader, Youzbachi, osa attaquer Toctamich, dans la guerre que je soutins contre ce khan. Pour le récompenser d'avoir défait l'armée ennemie, je lui assignai le gouvernement d'Hissar-Chadamane.

Le Minkbachi qui aura l'avantage dans un combat, doit être nommé à la principauté²⁵⁶ d'une province. Ainsi, dans la guerre de Kétuer, la troupe noire²⁵⁷, qui avait triomphé de Bérhan-Aglan, fut défaite par Mohammed-Azad, je lui donnai, pour récompense de cet exploit, les principautés de Condoz et de Koulab.

Tout émir qui prendra un royaume sur l'ennemi, en aura la jouissance pendant trois années à titre de gratification.

Le brave qui se signalera par quelque exploit, doit obtenir des grades supérieurs; qu'on lui donne un marteau d'armes, une tente brodée, un baudrier, une épée, un cheval. On le fera

²⁵⁵ Ounbachi, Youzbachi et Minkbachi.

²⁵⁶ L'auteur distingue entre Hakem et Weli. Ce dernier est supérieur à l'autre.

Hakem, Intendant, Gouverneur; Weli, Lieutenant, Substitut, (Vice-Roi) titre très honorable selon Chardin.

²⁵⁷ Espèce de brigands, ainsi nommés, et qui habitaient les montagnes de Kétuer, dans le Bédakhchan, sur la route de Hindoustan. Voyez Hist. de Timourbec. Tom III. p.23.

Ounbachi, en attendant qu'un deuxième et un troisième exploit relèvent au rang d'Youzbachi et de Minkbachi.

RÈGLEMENTS POUR LA DISTRIBUTION DES TIMBALES ET DES ÉTENDARDS

Je veux que chacun des douze émirs ait une timbale et un étendard. Mais le généralissime aura en outre deux enseignes d'honneur.²⁵⁸

On donnera au Minkbachi une enseigne et une trompette; une timbale à l'Youzbachi et à l'Ounbachi. Chacun des émirs des tribus²⁵⁹ aurait une trompette et les quatre officiers généraux²⁶⁰ obtiendront chacun un étendard, une timbale et d'autres marques honorables.

Les émirs qui auront conquis une province, ou taillé une armée, seront élevés à des grades supérieurs.

Le premier émir montera au rang de second, le second à celui de troisième, ainsi jusqu'au douzième, à qui seront conférés l'étendard, l'enseigne et la timbale.

Qu'on donne une enseigne au premier émir; deux au second, ainsi jusqu'au quatrième. On y joindra la timbale, afin de les engager à mériter les deux autres enseignes d'honneur²⁶¹.

RÈGLEMENTS POUR LES MUNITIONS ET L'ÉQUIPEMENT DE L'ARMÉE.

Je veux qu'en temps de guerre, les simples soldats prennent une tente pour dix-huit; que chacun mène deux

²⁵⁸ Touman-toug et Tcher-toug sont deux espèces d'étendards ou de lances, surmontées de certaines figures destinées à le grader de l'officier à qui elles appartiennent. Not. de l'Edit. Angl.

²⁵⁹ Oymacs

²⁶⁰ Beglerberg

²⁶¹ Touman-Toug et Tcher-Toug.

chevaux; qu'il soit muni d'un arc, d'un carquois, d'une épée, d'une scie, d'une alêne, d'un sac, d'une aiguille à emballer, d'une hache, de dix aiguilles, et d'un havresac de cuir.

Quant aux guerriers d'élite, ils seront cinq pour une tente; et chacun d'eux portera un casque, une cuirasse, une épée, un arc et un carquois, et sera suivi du nombre de chevaux prescrit par les ordonnances²⁶².

Chaque Ounbachi aura sa tente; il sera armé d'une cotte-de-maille, d'une épée, d'un arc et d'un carquois, cinq chevaux marcheront derrière lui.

L'Youzbachi en aura dix, avec sa tente et ses armes, qui consisteront dans l'épée, l'arc, le carquois, la masse, la massue, la cotte-de-maille et la cuirasse.

Que chaque Minkbachi joigne à sa tente un parasol, se munisse de la plus grande quantité d'armes possible, tant en cotte-de-maille, en casques, en cuirasses, qu'en lances, en épées, en carquois et en flèches.

L'équipage du premier émir sera composé d'une yourte²⁶³, de deux parasols, d'une autre tente brodée et de la quantité d'armes qu'exige son rang pour en fournir aux autres.

Les deuxième, troisième émirs, jusqu'au généralissime, seront tous obligés d'avoir un équipage proportionné à leurs grades respectifs.

Le premier émir conduira cent dix chevaux, le deuxième cent vingt, le troisième cent trente, ainsi jusqu'au généralissime, qui ne pourra pas en avoir moins de trois cents.

Le fantassin portera une épée, un arc et la quantité de flèches qu'il voudra; mais, au moment du combat, il lui faudra le nombre prescrit par les ordonnances.

²⁶² Deux chevaux.

²⁶³ Une tente ordinaire en feutre.

RÈGLEMENTS POUR LA MANIÈRE DE SE
PRÉSENTER DANS LES AUDIENCES ET
DANS LES ASSEMBLÉES, EN TEMPS
DE PAIX ET DE GUERRE.

Dans les audiences tenues pendant la paix, les soldats et leurs chefs ne pourront se présenter au Divan qu'en bonnet et bottes, en chaussures, et habit au col en fourrure avec une épée et dague.

Douze mille gens d'armes²⁶⁴ armés de pied-en-cap, demeureront tout autour du palais, à droite, à gauche, devant et derrière, de manière que toutes les nuits mille hommes feront la patrouille. Chaque compagnie de cent gens d'armes, aura un Youzbachi chargé de donner le mot du guet.

Je recommande aux douze émirs, aux Minkbachis, aux Youzbachis et aux Ounbachis, de prendre, en temps de guerre, lorsqu'on est en campagne, douze mille cavaliers bien armés, pour monter la garde dans le camp pendant une nuit et un jour.

De ces douze mille cavaliers on fera quatre divisions, l'une postée à la droite, l'autre à la gauche du camp, les deux autres sur le devant et sur le derrière, et chaque corps qui sera de service ira monter la garde à une demie farsang (demie lieue) du camp.

Chaque division détachera une avant-garde, cette avant-garde une vedette; tous ces guerriers tenant sans cesse à la main le fil de la précaution et de l'activité, feront parvenir au camp toutes les nouvelles.

Qu'on établisse, dans chaque quartier du camp un grand prévôt, chargé de la garde et de la police de l'armée; qu'ils perçoivent les droits à eux attribués sur les denrées que les marchands y apportent, et qu'ils répondent de tous les vols qui pourront être commis.

²⁶⁴ Calatchi. Gens d'armes. Espèce de gardes. Voyez Chardin, tome VI.

Quatre troupes de Tchopécuntchi²⁶⁵ doivent veiller à quatre lieues autour du camp. Si, dans cet espace, un homme est blessé ou tué, ils sont responsables des accidents, et les vols sont à leur compte.

Un tiers de mon armée veillait à la garde des frontières; les deux autres se tenaient prêts à exécuter mes ordres.

SERVICE DES VIZIRS.

J'ordonnai qu'il y aurait toujours quatre vizirs au conseil.

1. Le vizir des provinces et du peuple, ce vizir était destiné à m'instruire des événements et des affaires survenues dans l'administration et de l'état du peuple. C'était lui qui me présentait le produit et la recette des provinces et la répartition de cette masse; il me rendait aussi un compte exact de la population, de la culture, de la circulation du commerce et de la police du royaume.

2. Le vizir de l'armée.

Ses fonctions étaient de me représenter le rôle des troupes et celui de la paie, de s'informer de la situation des soldats, pour empêcher leur dispersion, et de me mettre sous les yeux des états relatifs à ces objets.

3. Le vizir des voyageurs et des biens abandonnés.

Ce ministre veillait sur les biens des absents, des morts, des déserteurs, sur les aumônes, enfin sur les taxes que payaient les voyageurs. Il percevait les impôts établis sur les troupeaux, les pâturages, les étangs et les prairies. C'était le gardien fidèle de ces dépôts, et tous les biens des absents, ou des morts il les remettait aux héritiers légitimes.

4. Le vizir de la Maison impériale.

Il avait l'œil sur la recette et la dépense, et sur tout ce qui sortait du trésor, ou était employé à la nourriture des chevaux et autres bêtes de charge.

²⁶⁵ Espèce de garde-messier.

J'établis trois vizirs (intendants) des frontières et de l'intérieur de l'empire, pour veiller sans relâche à la conservation des provinces et à l'administration des domaines.

Ces sept vizirs (ou ministres) étaient subordonnés au chef du Divan²⁶⁶ et, après avoir disposé avec lui toutes les affaires des finances, ils me les communiquaient.

Je voulus établir aussi un magistrat chargé de me faire des représentations²⁶⁷ sur la situation de mes troupes et de mon peuple, sur la diminution, ou les progrès de la population, enfin sur toutes les affaires épineuses que j'avais à terminer.

Le chef du corps ecclésiastique fut chargé de me présenter l'état des pensions assignées aux descendants du Prophète, et des traitements accordés à autres membres du clergé, ainsi que celui de la répartition des legs, ou autres fonds consacrés à la religion. Le juge ecclésiastique me rapportait les affaires relatives à la religion, et le juge civil celles qui étaient de sa compétence.

Je voulus que toutes les affaires d'état, toutes celles qui concernaient l'administration des provinces, les changements et les innovations, la destination des troupes ou des émirs, enfin toutes les délibérations, ou il s'agissait de proposer des plans, ou de régler la conduite d'une opération, fussent proposées dans un Conseil privé.

Je voulus qu'à ce Conseil assistât un secrétaire d'une discrétion à toute épreuve, pour tenir un registre exact de ces affaires secrètes et de ces délibérations.

J'ordonnai qu'on établisse plusieurs secrétaires des audiences, (ou du Conseil public) qui assistaient tour à tour au Divan; ils écrivaient soigneusement toutes les affaires et les difficultés résolues, ou simplement agitées. Ils inséraient dans

²⁶⁶ Diwanbeg.

²⁶⁷ Yrzbeg, maître des requêtes, qui a soin de les faire parvenir au prince.
Not. de l'Edit. Angl.

l'histoire des événements de ma vie, les jugements que j'avais portés, et tout ce qui se passait dans mon Conseil.

Dans chaque département de l'administration, il y avait un commis pour tenir le journal de la recette et de la dépense.

RÈGLEMENTS POUR LA CRÉATION DES ÉMIRS DES HORDES²⁶⁸, DE COMPAGNIES²⁶⁹ ET DE CORPS DE DIX MILLE²⁷⁰.

Je recommandai que l'émir de chaque horde et de chaque corps de dix mille, menât avec lui, en temps de guerre, un cavalier tiré de chaque tente²⁷¹; un de deux huttes et un autre enfin de chaque maison. Partout où ils s'arrêteraient, on devait leur fournir de l'eau et du fourrage pour leur ration. Les chefs de tribus recevaient une marque d'honneur²⁷² et un petit pavillon²⁷³. Ils étaient obligés d'amener à la guerre un nombre de cavaliers proportionné à la force de leur tribu²⁷⁴ et de leur touman²⁷⁵.

Parmi les quarante Oymacs (ou chefs des hordes) qui s'étaient rangés sous ma domination, je voulus que douze reçussent le brevet²⁷⁶ d'officiers, afin de les élever au rang de

²⁶⁸ Emir Oulous. Ce sont les seigneurs naturels des hordes Tartares; ils sont subordonnés aux gouverneurs de provinces. Hist. de Timour-Bec. Tom IV, pag.201.

²⁶⁹ Couchoun, compagnie de cent hommes.

²⁷⁰ Touman. Corps de dix mille.

²⁷¹ Khirka. Mot Mogol: une hutte.

²⁷² Yrghou, droit de domination.

²⁷³ Birc, Une petite enseigne.

²⁷⁴ Ulous, horde ou tribu.

²⁷⁵ Touman signifie également un corps de dix mille hommes, ou un district capable de fournir un pareil nombre de guerriers.

²⁷⁶ Tamgha, insignia regni, regium diploma. Chez les Turks il signifie un poinçon qui marque le titre et la bonté de la monnaie ou des ouvrages d'orfèvrerie.

mes serviteurs affidés, et je choisis les Oymacs de Berlas, de Tarkhan, d'Arghoun, de Jalaïr, de Toulkatchi, de Douldi, de Moghoul, de Seldouz, de Tougha, de Kiptchac, d'Erlat et de Tatarie.

Dans la horde de Berlas, je fis quatre officiers généraux. L'émir Khodadad, à qui je donnai le royaume de Badakhchan; l'émir Jakou, l'émir Ikou-Timour, et l'émir Soléïman-Chah reçurent chacun le gouvernement d'une frontière et d'une province.

J'accordai le grade de Minkbachi à cent autres personnes de la horde de Berlas; enfin je créai Jélaeddin-Berlas dixième émir, et Abouseïd neuvième.

Dans la horde de Tarkhan, je fis l'émir Bayazed septième émir, et vingt guerriers furent nommés Youzbachis.

Dans la horde d'Arghoun je décorai Tache-Khojah de la dignité de huitième émir, et je choisis vingt personnes de cette horde pour Minkbachis, Youzbachis et Ounbachis.

Dans la horde de Jalaïr, j'élevai Touk-Timour et Chir-Béhram, au rang de huitième et neuvième émirs, et j'établis vingt Ounbachis et Youzbachis.

Dans la horde de Toulkatchi, je conférai l'émirat à Aljaitou-Berdi.

Dans celle de Douldi, je donnai la même dignité à Taban-béhader et à San-béhader.

A Timour-Khojah-Aglan dans la horde de Monghoul.

A Ilchi-béhader dans celle de Seldouz.

A Aly Derviche dans celle de Tougha.

A l'émir Sar-Bougha dans celle de Kiptchac.

Dans la horde d'Erlat, j'accordai la dignité d'officier général à l'émir Mouvid, qui avait épousé ma sœur; Solaïtchi-béhader obtint l'émirat.

J'élevai encore à ce grade Kounk-Khan de la horde Tatare.

Les vingt-huit autres chefs de hordes²⁷⁷; qui n'avaient pas de brevet, furent nommés chefs des tribus, afin qu'en temps de guerre, ou dans le service militaire, ils se présentassent amenant avec eux le nombre de cavaliers prescrit par les ordonnances.

RÈGLEMENTS POUR LA CONDUITE DU SERVITEUR ENVERS SON MAÎTRE, ET POUR CELLE DU MAÎTRE ENVERS SON SERVITEUR

Un bon serviteur doit savoir que son maître a droit d'exiger de lui ce qu'il exigeait, ayant lui-même un serviteur. Il faut donc qu'il mette une activité infatigable dans son service. Si son maître, après lui avoir témoigné la plus grande affection, le traite avec indifférence, c'est lui-même et non son maître qu'il doit accuser.

Le bon serviteur s'attache et sert par affection; celui qui, loin de connaître l'amitié, ne nourrit dans son cœur que des sentiments de haine, n'en recueillera que malheurs; tandis que la fortune et le bonheur du serviteur fidèle croîtront de jour en jour.

Un serviteur plein de dévouement ne s'offense point des réprimandes ou de l'indifférence de son maître; il n'en conserve aucun ressentiment; il s'accuse lui-même des mauvais traitements qu'il éprouve. Un tel serviteur mérite bien d'être élevé.

Le serviteur intéressé²⁷⁸ sera paresseux au moment du travail.

Celui qui oublie son devoir, et tourne le dos, à l'heure de l'action, ne mérite plus d'être regardé. Un serviteur capable de

²⁷⁷ Oymac.

²⁷⁸ Mot à mot, qui fixe les yeux sur les bouchées et les morceaux d'étoffe; c'est-à-dire, qui n'a en vue que de se procurer la nourriture et le vêtement.

chercher des excuses, ou de demander son congé, quand il s'agit de combattre, qui cherche les moyens de s'évader, et remet au lendemain la besogne du jour, (et telle fut la conduite de Boula et de Timour Aglan, qui m'abandonnèrent dans le moment le plus pressant); que le nom de ce serviteur soit oublié, et son châtiment remis au Très-Haut.

Les princes ne doivent pas dépouiller de l'autorité un sujet, aussitôt qu'ils l'en ont revêtu. Qu'ils se gardent bien de renverser celui qu'ils ont élevé. L'homme dans lequel on a reconnu du mérite et de la sagacité, n'est pas fait pour être dédaigné.

S'ils ont le malheur de lui faire cette injure, ils sont tenus de la réparer, en l'élevant à un grade deux fois plus considérable, et de s'en remettre à la générosité. Car, s'il garde quelque ressentiment, et qu'il songe toujours à se venger, il ne tardera pas à en porter la punition. Mais le serviteur qui a soin de se conserver une place dans le cœur de son maître, ne peut manquer de faire fortune.

Celui qui revient après une séparation libre ou forcée, mérite bien des égards, puisqu'il donne des marques éclatantes de son repentir et de son attachement.

Si un serviteur du parti ennemi, après avoir fait preuve de valeur et de fidélité, venait à être pris dans le combat, ou que, sans espoir chez les siens, il les abandonnât pour me demander ma protection, je relevais aux dignités, et je le traitais en sujet fidèle.

Manghali-Bougha et Hider-Andoukhoud²⁷⁹, avec l'émir Abouseïd, m'attendirent à la tête de six mille cavaliers, et me combattirent sur les bords du fleuve de Balkh²⁸⁰. Dans la suite, ces officiers, n'ayant rien à espérer de leur prince, se rendirent auprès de moi; je les reçus avec distinction, et je les comblai

²⁷⁹ C'étaient des officiers de Toglouc-Timour, khan de Jagataï.

²⁸⁰ Le fleuve de Balkh, le Jihoun ou l'Oxus, font le même.

d'honneurs. Je leur donnai les départements d'Hissar-Chadamane, d'Andijan²⁸¹ et du Turquestan.

Si un serviteur, considéré dans le parti opposé, vient, au moment de l'action, à secouer la chaîne de l'amitié de concert avec l'ennemi de son maître; si, oubliant les droits du sel, de l'autorité et de la soumission, il cherche à faire succomber son prince, je défends expressément qu'on le reçoive; la fortune saura bien lui faire parvenir, en quelque lieu qu'il se retire, la récompense de son infidélité.

Le serviteur qui, délaissant son maître dans le danger, recherche l'amitié d'un autre, ne mérite aucune confiance: cependant, si des services multipliés donnent lieu de compter sur la fidélité, on peut l'employer, pourvu qu'il vienne se présenter en toute autre circonstance que dans un temps de guerre, ou au moment de l'action. Il faut le traiter avec la plus grande considération.

Un vizir ou un serviteur qui, par politique, ou de dessein prémédité, entretient une liaison intime avec l'ennemi, qui, à la faveur de ce voile, travaille plus sûrement aux intérêts de son maître, mérite d'être regardé comme le plus intelligent des amis et des esclaves²⁸²; mais le serviteur qui trahit et qui vend son maître, doit être regardé comme un ennemi.

Qu'on se garde bien d'écouter les calomnies lancées contre le serviteur qui aura tiré l'épée, et gagné des victoires, ou d'oublier ce qu'il a fait de bien. Un seul service doit être apprécié dix fois plus qu'il ne vaut, et il est de l'intérêt du prince d'élever cet esclave, afin d'inspirer aux autres le même zèle et la même ardeur.

Des qu'un régiment ou un officier quitte tout pour se lier avec l'ennemi, qu'on ne lui donne plus aucun service dans

²⁸¹ Andijan, ville du Mawarannahar, dépendante de Fergânah.

²⁸² Esclaves du monarque. C'est un titre d'honneur chez les Orientaux, selon Chardin.

l'armée. Ainsi des chefs de l'armée de Kech²⁸³, m'ayant tourné le dos, pour s'unir avec Haji-Berlas, dès lors je n'eus plus aucune confiance en eux.

Tout serviteur qui, par trahison, livrera à l'ennemi la province confiée à ses soins, sera mis à mort; mais les récompenses seront prodiguées à celui qui conservera une province.

L'officier, dont la fidélité est inébranlable, à l'heure de la détresse, au milieu des hasards, est un homme vraiment digne du nom de frère.

Aussi n'oubliai-je point cette maxime, quand je vis désertier les chefs de l'armée de Kech. Excepté l'émir Jakou-Berlas, personne ne resta auprès de moi, pour partager mon sort. Je regardai le fidèle Berlas comme mon frère et comme mon compagnon de fortune; je lui donnai la charge de mon généralissime²⁸⁴, avec le gouvernement des provinces d'Hissar et de Balkh.

RÈGLES DE CONDUITE ENVERS LES AMIS ET LES ENNEMIS.

Après la conquête du Touran, quand je m'assis à Samarkand, sur le trône de la puissance, je ne voulus plus faire de différence entre mes amis et mes ennemis.

Les émirs de Badakhchan, quelques chefs de troupes²⁸⁵ Turks et étrangères, qui m'avaient nui par leurs manoeuvres sourdes ou les armes à la main, furent consternés à la vue de leur conduite passée; mais, en se remettant à ma discrétion, ils restèrent confus de mes bienfaits et de ma générosité.

²⁸³ Kech, patrie de Timur.

²⁸⁴ Le titre d'émir Alomara. Il est un des quatre officiers généraux, tirés de la tribu de Berlas.

²⁸⁵ Cachoun.

Je prodiguai les faveurs et les grâces à tous ceux que j'avais affligés; enfin, avec les honneurs et les dignités, je m'efforçai de les consoler.

Mais je lançai des imprécations sur les émirs de Seldouz et du Jitteh. Ils avaient élevé à l'empire Cabul Chah, descendant de Gengis khan, et lui avaient fait serment de dévouement et d'obéissance. A la nouvelle de mon élévation au trône, ces perfides, foulant aux pieds les droits les plus sacrés, égorgèrent leur malheureux prince, dans l'espoir de gagner ma bienveillance.

L'homme jaloux, qui venait avec l'intention de me perdre, recevait de ma part tant de marques de bonté, que, tout déconcerté par mes largesses, il se trouvait couvert de la sueur de la confusion.

Dès qu'un ami, d'une fidélité reconnue, venait se jeter dans mes bras, je ne faisais aucune difficulté de lui donner des effets et de l'argent; car je le regardais comme mon compagnon de fortune.

L'expérience m'a démontré que celui-là est un véritable ami, qui ne s'offense jamais, qui a pour ennemis les ennemis de son ami, et qui, dans la circonstance, prodigue volontiers sa vie. Tel fut le dévouement de plusieurs de mes officiers. Aussi n'eurent-ils jamais à plaindre de ma parcimonie.

Je suis encore certain, par l'expérience, que des ennemis prudents valent mieux que des amis insensés. L'émir Hossein, petit-fils de l'émir Gharghan²⁸⁶, était de nombre de ces derniers. Ce qu'il fit par amitié pour moi, un ennemi ne l'eût point fait dans l'excès de sa haine.

L'émir Khodadad me disait: "Conserve ton ennemi comme une perle ou comme un diamant; mais, si tu rencontres

²⁸⁶ Cherifeddin l'appelle l'émir Ghazaghan.

une pierre de Lakh, broies-la de manière à n'en pas laisser un vestige".

Il ajoutait: "Quand un ennemi se rend, et demande ta protection, fais-lui grâce, et témoignes-lui de la bienveillance". C'est pourquoi je reçus avec bonté Toctamich²⁸⁷, qui venait se réfugier auprès de moi.

Si l'ennemi, abusant de la bonté qu'on lui témoigne, recommence ses hostilités, qu'on le livre au Tout-Puissant.

Le véritable ami ne s'irrite point contre son ami, ou du moins reçoit volontiers ses excuses.

RÈGLEMENTS POUR LA PRÉSENCE DANS LE CONSEIL.

J'ordonnai que mes fils, mes petits-fils et mes parents, selon leur rang, s'asseyeraient en cercle autour du trône, comme le halo (qui entoure la lune).

Que les descendants du Prophète, les juges, les docteurs, les théologiens, les savants, les vieillards, les grands et les nobles seraient placés à la droite.

Que le généralissime, les officiers généraux, les princes, les chefs, les émirs de tribus, de dix mille et de basses compagnies, les Minkbachis, les Youzbachis, les Ounbachis, suivant leur rang, s'asseyeraient à la gauche.

J'assignai au chef du Conseil²⁸⁸, et aux vizirs une place vis-à-vis du trône, les grands et les gouverneurs des provinces²⁸⁹, formaient une autre ligne derrière ces premiers.

Les guerriers d'élite, qui avaient obtenu le titre de

²⁸⁷ Toctamich Khan, que Timour plaça sur le trône de la grande Tartare, et qui, dans la suite, fit la guerre à son bienfaiteur.

²⁸⁸ Divanbeg.

²⁸⁹ Ketkhoda, signifie lieutenants, gouverneurs des provinces.

braves²⁹⁰ et les autres valeureux combattants devaient s'asseoir derrière le trône, à main droite; les chefs de troupes légères²⁹¹ avaient la même place à la gauche.

J'ordonnai que le colonel de l'avant-garde se tiendrait en face du trône; que le chef des huissiers de la Chambre aurait son poste à la porte de la tente, vis-à-vis du trône; enfin que les personnes qui viendraient demander justice, seraient répandues à droite et à gauche.

Que les simples soldats et les serviteurs du palais, une fois placés, ne sortiraient pas de leur rang.

Quatre maîtres des cérémonies²⁹² placés à droite et à gauche, devant et derrière le trône, réglaient l'ordre de l'assemblée.

Après que tous les assistants étaient à leurs rangs, je faisais servir au peuple mille plats de différents mets et mille pains. On apportait aussi mille plats dans mon Conseil privé; et j'en envoyais cinq cents aux émirs des hordes et aux colonels, en les désignant chacun par leur nom.

RÈGLEMENTS POUR LA CONQUÊTE DES ROYAUMES.

Lorsqu'un royaume devient la proie de la tyrannie, de la vexation et de la cruauté; il est du devoir des princes fidèles à la justice de travailler fortement à l'extirpation de ces fléaux, en faisant une irruption dans la contrée. Le Très-Haut lui-même arrachera ce royaume des mains de l'oppresseur pour le leur soumettre.

Ce fut l'amour de la justice qui me suggéra l'idée de délivrer la Transoxiane des brigandages des Ouzbecs²⁹³.

²⁹⁰ Bèhader.

²⁹¹ Caraoul.

²⁹² Mir-Touzouk

²⁹³ Nom générique des tribus turcs (analogue aux francs de l'Europe).

Si l'on s'aperçoit, que dans un royaume la religion s'affaiblit, que les œuvres merveilleuses du Très-Haut sont dédaignées, ou ses serviteurs favoris insultés, alors un monarque conquérant est obligé d'entrer dans ce royaume, avec l'intention d'y rétablir la religion et la Loi de Mohammed. Il peut fermement compter sur le secours de l'Apôtre de Dieu.

Ce fut ainsi que j'enlevai Dêhly, la capitale de l'Indoustan, au sultan Mahmoud, petit-fils de Farouz-Chah, à Maloukhan et à Sarenk. Je remis en vigueur la religion et la loi. Enfin je renversai tous les temples d'idoles, érigés dans la province.

Aussitôt qu'un pays est tourmenté par le gouverneur ou par l'intendant, et que le cœur de ses habitants est entièrement aliéné, un prince belliqueux peut en faire la conquête. À l'approche de ce libérateur, toutes les avenues seront ouvertes.

J'enlevai de cette manière le Khorassan aux princes de Cart²⁹⁴. Les motifs de ma marche, et mes projets sur la capitale de cette province ne furent pas plutôt divulgués que Ghaiazeddin vint me la livrer avec toutes les richesses qu'il avait à sa disposition.

Tout empire où l'hérésie et l'irréligion ont jeté de profondes racines, et dont le peuple et les soldats sont partagés en plusieurs sectes, sera facile à renverser. Un monarque conquérant ne doit pas négliger l'occasion de l'envahir.

Ce fut ce qui me détermina à délivrer l'Irac-Ajêmi et le Farsistan des maudits hérétiques qui divisaient les peuples de ces contrées.

Les chefs de parti, qui avaient eu l'audace de lever de tous côtés l'étendard de la puissance, furent anéantis, et je sauvai les serviteurs de Dieu.

Si, dans une contrée, le peuple a une croyance différente

²⁹⁴ Dynastie connue, fondée par Malik Chamsuddine Mouhammad (mort en 1245).

de celle des descendants du Prince des Apôtres, (que les grâces de Dieu soient sur lui!) un monarque doit subjuguier ce pays, pour tirer le peuple de la mauvaise voie. Ainsi, à mon entrée dans la Syrie, je châtai rigoureusement ceux qui suivaient une croyance erronée.

En commençant mes conquêtes, j'adoptai quatre maximes, auxquelles je fus scrupuleusement attaché.

1. Dans mes expéditions, je n'agis qu'avec prudence, et après une mûre délibération.

2. Pour ne pas m'égarer dans mes entreprises, je fus extrêmement attentif, circonspect, prudent; et le secours du ciel contribua à la réussite de toutes mes opérations.

Je pénétrai adroitement le caractère et l'humeur des différentes nations; je me conduisis alors d'après cette connaissance, et je donnai à chacune d'elles les gouverneurs qui pouvaient lui convenir.

3. Je m'attachai trois cents treize hommes braves, d'une naissance distinguée, d'une valeur et d'une prudence reconnues. Ils étaient si étroitement unis, qu'ils ne formaient, pour ainsi dire, qu'un individu; leurs projets, leurs actions et leurs discours étaient un. Quand ils avaient dit: "Nous mettrons ce projet à exécution", ils l'exécutaient; et jamais ils ne quittaient une entreprise qu'après l'avoir achevée.

4. Je ne remettais point au lendemain l'ouvrage du jour; je savais employer à propos la douceur, la sévérité, la lenteur et la précipitation; je ne tirais point l'épée dans une affaire qui ne demandait que de la politique.

L'art de conquérir les royaumes était le jeu d'échecs auquel je m'exerçais pendant le jour avec des hommes éclairés; et, la nuit, retiré dans mon appartement, même dans mon lit, je réfléchissais sur les affaires de l'administration et sur les moyens de les terminer.

J'étudiais soigneusement en moi-même la route des

conquêtes, le chemin de l'attaque, et celui de la retraite. Je réfléchissais à la conduite que je devais tenir avec mes soldats; comment je traiterais celui-ci, quels ordres je donnerais à celui-là.

Toujours en garde contre l'erreur, ma prévoyance embrassait toutes les affaires; je traitais avec bonté et générosité, tous ceux de mes officiers, dont le zèle m'était connu; et j'employais des ménagements adroits avec ceux qui m'avaient donné des marques d'inimitié.

Je regardais comme un homme mal-né celui qui me rendait le mal pour le bien, suivant cette sentence du Prophète: "L'homme né de l'amour illégitime ne quittera pas le monde sans avoir nui à son bienfaiteur".

Mon conseiller de conscience m'écrivit: "Tu dois te conformer aux ordres de Dieu et de son Apôtre, et donner des secours à la postérité de la majesté de Mohammed.

Chassé de l'Empire du Très-Haut, ces princes qui, vivant des bienfaits du Créateur, se révoltent contre lui et son Prophète. Que la justice éclate dans ton administration; car, suivant la tradition, les infidèles conservent l'empire; mais il ne reste jamais entre les mains des tyrans.

Ton devoir t'oblige d'abolir les abominables pratiques introduites dans le royaume du Seigneur. Car les mauvaises actions ont sur le monde la même influence que les mauvais aliments sur le corps. Efface donc jusqu'aux traces de l'injustice. Ne vas pas attribuer au mérite des tyrans la prospérité durable dont tu les vois jouir sur la terre. Apprends la cause du bonheur permanent des méchants et des oppresseurs. Il faut que toutes les iniquités et les crimes projetés dans leur cœur soient effectués, afin que l'indignation et le courroux de Dieu éclatent sur les coupables; il viendra un temps où le Très-Haut signalera tout à coup son pouvoir contre ces barbares, ces méchants et ces impies, par les chaînes, par la prison, par la désolation, la famine, la peste universelle et par la mort subite.

Il viendra un temps où l'innocent, le bon et le juste, enveloppés dans la punition des scélérats, seront mis au nombre des victimes; car le feu qui prend dans un marais, dévore indistinctement les herbes sèches et vertes.

Cesses de t'étonner à la vue du bonheur et de l'élévation des infidèles, des impies et des méchants, prends garde de donner dans l'erreur, en disant: Les coupables entassent forfaits, sur forfaits et leur fortune augmente avec leurs crimes. Il faut pénétrer la cause de cette prospérité; or le voici. En jettant les yeux sur leur véritable bienfaiteur, ils pourraient renoncer à leur criminelle habitude, et reconnaître toute l'étendue de leurs obligations.

Mais, dédaignant de payer au Très-Haut un tribut de reconnaissance, pleins d'indifférence pour leur service, oubliant les grâces dont ils ont été comblés par lui, ainsi que par leur Prophète, ces ingrats finiront par devenir l'objet de l'indignation et de la fureur du souverain maître".

La lettre de mon conseiller de conscience me détermina à retirer le Royaume de Dieu des mains des brigands, des infidèles et des séditionnaires, des hérétiques et des méchants. Aussitôt je songeai sérieusement à les chasser et à les exterminer.

RÈGLEMENTS POUR L'ADMINISTRATION DES ROYAUMES.

Dans un royaume que je venais de ranger sous ma domination, j'honorais ceux qui méritaient de l'être; je témoignais toute sorte d'estime et de vénération aux descendants du Prophète, aux docteurs de la loi, aux savants et aux vieillards; je leur assignais des traitements²⁹⁵, des pensions; je regardais les grands de cette contrée comme mes frères, les orphelins et les pauvres comme mes enfants.

²⁹⁵ Propriétés foncières gratifiées aux féodaux pour leur service.

L'armée était incorporée dans la mienne, et je parvenais à gagner le cœur du peuple. Néanmoins je tenais toujours mes sujets suspendus entre la crainte et l'espérance. Je traitais les bons avec bonté, de quelque pays qu'ils fussent; mais les méchants et les perfides étaient bannis de mes états.

Je retenais les hommes lâches et vils dans le rang qui leur convenait, sans permettre qu'ils transgressassent les bornes prescrites. Je prodiguais les honneurs et les dignités aux grands et aux nobles. Les portes de la justice étaient ouvertes dans tous les pays, et j'avais soin de tenir fermées toutes les voies de la rapine et du brigandage.

Le gouverneur d'une province conquise était continué dans sa charge. Enchaîné par mes bienfaits, j'étais sûr de la fidélité et de son dévouement. Mais le rebelle ne tardait pas à être pris par ses propres actions. Alors je lui substituais un gouverneur équitable, intelligent et actif.

J'ordonnai que l'on punirait selon la loi Yassa (la loi de Gengis khan) les brigands et les voleurs de grand chemin et qu'on bannirait de mes états, les séditionnaires et les traîtres. Je ne voulais point qu'on souffre des baladins dans les provinces.

J'établis dans les villes et dans les quartiers des villes un grand prévôt²⁹⁶ chargé de veiller à la sûreté du peuple et des soldats. Tous les vols commis dans son département étaient au compte de cet officier.

On plaça des gardes sur les routes pour faire la patrouille et favoriser la circulation. Les voyageurs et les marchands avaient le droit de faire escorter leurs richesses et leurs effets par ces gardes qui répondaient de tout ce qui se trouvait égaré ou perdu.

Il était expressément défendu aux magistrats de punir les citoyens sur les accusations et des discours des gens suspects ou malintentionnés. Mais, après une conviction appuyée sur

²⁹⁶ Catouel. Il faisait aussi la fonction de lieutenant général de police.

quatre dépositions, on infligeait au coupable une amende proportionnée au délit.

On ne pouvait percevoir ni taille, ni capitation dans les villes ni dans les faubourgs; aucun soldat n'avait le droit de s'installer dans la maison d'un particulier, ou de prendre les trousseaux et les meubles du citoyen.

Dans toutes les affaires relatives au peuple d'une province quelconque, les gouverneurs avaient ordre de se maintenir strictement dans les bornes de la justice.

Je fis des fondations pour la subsistance des mendiants, afin de détruire la mendicité.

RÈGLEMENTS POUR ENTRETENIR DES CORRESPONDANCES ET POUR CONNAÎTRE L'ÉTAT DES ROYAUMES, DES PROVINCES, DU PEUPLE ET DE L'ARMÉE.

Je voulus que, sur chaque frontière, dans chaque province, dans chaque ville, et à l'armée, il y eût un secrétaire des nouvelles. Son occupation était d'informer la Cour des actions et de la conduite des gouverneurs, du peuple et des soldats, de la situation de mes armées, des armées de mes voisins; il envoyait un état exact de l'importation et de l'exportation des marchandises et des effets; de l'entrée et de la sortie des étrangers, des caravanes de tous les pays. Ce secrétaire, par ses correspondances dans les royaumes, savait toutes les démarches des princes, connaissait les savants et les hommes instruits qui, des contrées les plus lointaines, étaient disposés à venir auprès de moi. J'exigeais, dans ses rapports, la plus scrupuleuse véracité.

S'il osait y manquer, et qu'il ne rendit pas un compte exact des faits, on lui coupait les doigts; s'il omettait dans son journal quelque action louable d'un soldat, ou la présentait sous

un autre point de vue, il perdait la main; enfin si l'inimitié, ou la méchanceté le portait à écrire des mensonges, il était puni de mort. Je recommandais expressément qu'on me présentât ces nouvelles jour par jour, semaine par semaine et mois par mois.

J'entretenais un corps de mille hommes montés sur des chameaux rapides²⁹⁷; un autre de mille cavaliers de troupes légères, avec mille fantassins bien lestes, afin de prendre des renseignements certains sur l'état des provinces et des frontières, pour pénétrer les desseins des princes voisins. A leur retour, ils me faisaient le détail de leurs découvertes, et je pouvais me précautionner contre tous les événements.

Ce fut par eux que j'appris la défaite de Toctamich par Orous-Khan. Le vaincu se disposait à venir me trouver; je fis alors mes préparatifs pour secourir Toctamich, et faire la guerre au vainqueur.

Lorsque je conçus le projet de conquérir l'Indoustan, ils me firent savoir que, dans chaque province de ce royaume, les gouverneurs et les commandants avaient usurpé l'autorité, et s'étaient rendus indépendants.

Sarank, frère de Malou-Khan, avait levé l'étendard de l'indépendance dans le district de Moulta; le sultan Mahmoud avait suivi son exemple dans Dèhli; Malou-Khan venait former une armée dans le territoire de Lahor; Mobarek-Khan affectait le pouvoir suprême dans le royaume de Canouje. Enfin il ne se trouvait pas dans tout l'Indoustan une province dont un particulier ne se fut rendu souverain.

Je vis, par toutes ces instructions, qu'on pouvait facilement s'emparer de la contrée; mais l'armée n'en jugea pas ainsi²⁹⁸.

²⁹⁷ Dromadaire, une espèce de chameau, que sa vigueur à supporter la faim, la soif et les longues marches, rend propre aux grands voyages.

²⁹⁸ Cette opposition ne fut pas longue, et Timour conduisit ses guerriers dans l'Indoustan, sous le prétexte d'y établir la religion musulmane.

J'étais encore occupé de mon expédition dans l'Inde, quand on vint m'apprendre que Bayazed²⁹⁹ avait fait une invasion dans plusieurs de mes provinces; que les Géorgiens, franchissant leurs limites, avaient jeté du secours dans des châteaux assiégés par mes armées.

Je fis réflexion que les désordres de l'Iran³⁰⁰ croîtraient, si je séjournais plus longtemps dans l'Inde. Je mis donc ordre aux affaires de cette dernière contrée; et, par une extrême diligence, je traversai la Transoxiane, où je restai quelques jours. Ensuite, dirigeant ma course vers l'Anatolie³⁰¹ et la Géorgie, je finis par m'emparer de tout cet empire.

RÈGLES DE CONDUITE AVEC LES NATURELS
ET LES COLONS DE CHAQUE PROVINCE,
ETABLISSEMENTS POUR L'ENTRETIEN
DES TOMBEAUX³⁰² DES AMIS DE DIEU ET
DES CHEFS DE LA RELIGION. DONATIONS
ET FONDATIONS PIEUSES.

J'ordonnai que les guerriers d'un royaume nouvellement soumis seraient reçus à mon service, dès qu'ils reconnaîtraient mon autorité; qu'on épargnerait au peuple et aux naturels de cette contrée les maux³⁰³ auxquels les vaincus sont ordinairement en proie; que leurs possessions et leurs richesses échapperaient à la rapine et au pillage, et que tout le butin, qu'on aurait fait sur eux, leur serait restitué.

J'exigeai qu'on eût les plus grands égards pour les

²⁹⁹ Bayazed, empereur Ottoman, qui fut battu et pris par Timour.

³⁰⁰ La Perse.

³⁰¹ Le pays de Roum, c'est-à-dire les états de Bayazed, l'Empire Ottoman.

³⁰² Mazarète, lieu qu'on visite. Telle est la signification propre de ce mot, auquel on a ensuite donné le sens que nous voyons ici, parce que les tombeaux des saints musulmans sont fréquemment visités par les pèlerins.

³⁰³ Mot à mot: le meurtre, la rapine et l'esclavage.

descendants du Prophète, les théologiens, les vieillards, les docteurs, les grands et les nobles; qu'on rassurât les pères de famille, les chefs des hordes et les cultivateurs.

On tenait les sujets suspendus entre la crainte et l'espérance, et l'on punissait, selon la grandeur du délit, et les facultés des coupables.

Je rendis des ordonnances pour que les Seïdes³⁰⁴, les docteurs, les vieillards, les savants, les derviches et tous les cénobites³⁰⁵, qui venaient fixer leur demeure dans l'étendue de mes domaines, eussent des pensions et des appointements, pour que les pauvres et les hommes sans ressource trouvassent une substance suffisante, enfin pour que les professeurs et les principaux de collèges eussent des appointements assurés.

Je consacrai des sommes pour l'entretien des tombeaux, pour les châsses des saints et des chefs de la religion. L'on fournissait des tapis, des vivres et des lumières.

J'assignai les territoires de Najaf et de Houllah, pour l'entretien du premier des tombeaux, celui du chef des fidèles, le prince des hommes, Aly fils d'Aboutaleb³⁰⁶ (que Dieu le comble de gloire!).

J'affectai les villages et les environs de Kerbala, de Bagdad et d'autres cantons pour le tombeau de l'Imam Hossein (à qui Dieu fasse paix!) pour celui du vénérable Abdel-Cader, le modèle des saints; enfin pour celui du grand Imam Abou-Khanifeh, (que Dieu le comble de bénédictions!) pour les tombeaux des autres saints et personnages illustres de la religion, qui reposent à Bagdad; et les sommes fournies étaient proportionnées au mérite du saint.

³⁰⁴ Les Seïdes sont les descendants de Mohammed.

³⁰⁵ Mot à mot du Persan assis dans un coin; parce que, partout où se trouvent ces hommes intérieurs et mystiques, ils vont s'asseoir en silence dans le coin le plus retiré.

³⁰⁶ Tous les personnages dont on va voir les noms, sont des saints très révérents chez les musulmans.

Les terres de Jazaïr, et le revenu d'autres villes furent consacrés à l'entretien des tombeaux de l'Imam Moussa-Kazim, de l'Imam Mohammed-Naki et de Soliman-Farsi.

Celles de Koutch-Bast, et les environs de Tous servirent à l'entretien du tombeau de l'Imam Aly fils de Moussa. Je recommandai qu'on fournisse des tapis, des lampes et une certaine quantité de vivres par jour. Je fis de semblables fondations pour les tombeaux de chaque saint de l'Iran et du Touran.

Je faisais rassembler tous les mendiants d'un pays nouvellement conquis; je voulais qu'on leur donnât, tous les jours, une ration de nourriture, et qu'on les distinguât par une marque particulière³⁰⁷, afin qu'ils ne s'amusassent plus à mendier. Si un de ces pensionnaires mendiants était surpris à faire son ancien métier, on le vendait pour les contrées lointaines, ou bien on le bannissait, afin de détruire la mendicité dans mes états.

RÈGLEMENTS POUR LA COLLECTION DES REVENUS,
ET DES CONTRIBUTIONS DU PEUPLE, ORDRE ET
DISPOSITION DE L'EMPIRE; CULTURE ET
POPULATION; SÛRETÉ ET POLICE DES PROVINCES.

Que, dans la perception des impôts sur le peuple, on se garde bien de vexer les contribuables, ou de faire désertier la province; car la ruine du peuple fait la ruine du trésor; la ruine du trésor cause la dispersion de l'armée, qui entraîne à son tour la décadence de l'autorité.

Lorsque j'avais pris une province, et qu'elle était entrée sous mon obéissance par une capitulation qui la mettait à couvert des suites funestes de la guerre, je voulais qu'on se mette au fait de revenu et du produit de cette province.

³⁰⁷ Tamghâ, un poinçon.

Si le peuple voulait s'en tenir à l'ancienne administration, on se conformait à ses défis; autrement on réglait la perception des impôts d'après les ordonnances.

Les revenus étaient déterminés sur le produit des terres, et les taxes fixées en conséquence.

Par exemple, si un agriculteur avait une terre fertilisée par le moyen des canaux, des fontaines ou des torrents, pourvu toutefois que ces eaux coulassent sans interruption³⁰⁸, le revenu de cette terre était divisé en trois parts; il en gardait deux, et l'autre tiers appartenait au collecteur.

Si le sujet aimait mieux payer en argent, la part du collecteur était estimée suivant le prix courant et les soldats avaient une paie proportionnée au prix des denrées³⁰⁹.

Si cette répartition déplaisait encore au sujet, on prenait le produit de trois arpents séparément. Du premier on tirait trois charges ou mesures; du deuxième deux charges, et du troisième une charge. Une moitié était en blé, l'autre en orge; et l'on prenait la moitié du total.

Si le sujet refusait de payer en nature, on estimait la charge du blé cinq miskals d'argent, et celle d'orge deux miskals et demi. En outre on lui prescrivait le devoir du Kalah³¹⁰. Mais on n'exigeait rien de plus du peuple, sous quelque prétexte que ce pût être.

Quant au reste du produit des terres, celui d'automne, du printemps, d'hiver et de l'été des cantons, qui n'étaient fertilisés que par la pluie, on en formait des parts dont on prenait le tiers ou le quart.

Les impôts sur les herbes, sur les fruits et les autres productions de la campagne, sur les communes, les réservoirs,

³⁰⁸ Cette clause est très sage; car il est bon de savoir qu'il se trouve dans l'Orient des rivières, des torrents et des sources intermittentes, qui ne coulent que pendant un certain temps de l'année.

³⁰⁹ On donnait au soldat une somme plus ou moins forte, selon le prix du grain; c'est-à-dire que sa paie était proportionnée à la cherté des vivres.

³¹⁰ Il s'agit d'offrandes en faveur de Kalah (citadelle).

L'aîle droite trois divisions.

L'aîle gauche trois divisions.

L'avant-garde une division, et sa vedette une autre division.

L'aîle droite sera formée de son avant-garde, de ses divisions de droite et de gauche; l'autre aîle aura de même son avant-garde et ses deux divisions.

Dans le choix de son champ de bataille; le général doit rechercher quatre choses.

1. De l'eau.

2. Un terrain capable de contenir son armée.

3. Une situation avantageuse d'où il puisse dominer sur l'ennemi. Surtout qu'il se garde bien d'avoir le soleil en face, pour que ses soldats n'en soient pas éblouis.

4. Un champ de bataille vaste et uni.

La veille du combat, le général aura soin de tracer ses lignes; l'armée, une fois rangée en bataille, doit aller en avant, sans détourner ses chevaux d'aucun côté, et sans pencher vers la droite ni la gauche. Aussitôt que les guerriers auront découvert l'ennemi, qu'ils se mettent à jeter le cri de bataille Dieu est grand³¹⁴.

Si le grand inspecteur³¹⁵ s'aperçoit que le général manque à son devoir, il peut en créer un autre, en communiquant aux officiers et aux soldats les pouvoirs que je lui ai donnés.

Le général, de concert avec le grand inspecteur³¹⁶ ira reconnaître le nombre des ennemis; il comparera leurs armes avec celles de ses soldats, et leurs officiers avec les siens, afin de découvrir ce qui lui manque et d'y suppléer. Attentif à tous leurs mouvements, il observera s'ils s'avancent lentement et dans une belle disposition, ou s'ils courent en désordre.

³¹⁴ Louange qu'on adresse à Dieu, et qui est le signal du combat. Allah akbar. Dieu est grand.

³¹⁵ Ariz lachker signifie celui qui est chargé de la revue des troupes, comme un commissaire des guerres ou un inspecteur.

³¹⁶ Ariz lachker.

Qu'il connaisse bien les manœuvres de ses adversaires, soit qu'ils chargent tout d'un coup, soit qu'ils attaquent par pelotons. Le grand art est de bien observer le moment où l'ennemi se prépare à assaillir, ou bien à se battre en retraite, s'il veut tenter une nouvelle attaque, ou s'il s'en tient à la première. Dans ce dernier cas, les soldats doivent soutenir le choc avec patience; car la bravoure n'est absolument que la patience dans un moment périlleux.

Tant que l'ennemi n'engagera pas l'action, n'allez pas au-devant de lui. Dès qu'il fait un pas en avant, que le général mette toute son attention à diriger les manœuvres de ses neuf divisions.

Quel est le devoir d'un général? De guider les évolutions de ses troupes, de ne pas s'effrayer au moment de l'action. Egalement ferme du pied et de la main, chaque division est pour lui une arme particulière, telle qu'un trait, une hache, une massue, un poignard, une épée ou une dague; il se sert de chacune dans le besoin.

Le chef doit se regarder, ainsi que ses neuf escadrons, comme un athlète qui combat avec toutes les parties de son corps³¹⁷, du pied, de la main, de la tête, de la poitrine, et des autres membres.

Il y a lieu d'espérer que l'ennemi, accablé par neuf chocs successifs, finira par succomber.

Le chef commencera par envoyer la grande avant-garde, qui sera soutenue par l'avant-garde de l'aîle droite, et ensuite par celle de l'aîle gauche, afin de livrer trois chocs. Au moment que ces corps avancés lâcheront pied, on fera marcher la première division de l'aîle droite; après elle, viendra la seconde de l'aîle gauche. Si la victoire est encore incertaine, on commandera la seconde division de l'aîle droite, avec la première de la gauche; ensuite on m'instruira de l'état des choses.

³¹⁷ Mot à mot: Avec tous ses membres.

les pâturages et autres terres en valeur, restaient sur l'ancien pied; si le sujet se récriait on y procédait selon l'exigence du cas.

Il était expressément défendu d'exiger les impôts avant que le peuple eût recueilli, et il faisait ses paiements à trois époques différentes.

Si les sujets payaient de bon gré, on se passait de collecteurs; mais, s'il en fallait un, il n'employait que les paroles et l'autorité, pour percevoir les derniers royaux; jamais il n'avait recours au bâton, à la corde, au fouet ni aux chaînes; et il ne sévissait point contre la personne du débiteur.

Un agriculteur qui défrichait des landes, qui creusait un canal, qui faisait des plantations, ou remettait de nouveau en valeur un champ abandonné, ne payait rien, la première année; la deuxième, il donnait ce qui lui plaisait; la troisième, il était placé sur les rôles des contribuables selon les ordonnances.

Si le grand propriétaire, ou l'homme puissant vexait le pauvre ou lui faisait du tort, les biens de l'opresseur répondaient de tout, et l'on rétablissait le sujet vexé dans sa première situation. Quant aux terres dévastées et sans propriétaires, je recommandai qu'on pensât sérieusement à les remettre en état. Mais, si le maître était dans la misère, on lui fournissait les outils nécessaires pour les cultiver.

Je voulus qu'on nettoyait les canaux engorgés, que les ponts renversés fussent rétablis, et qu'on en construisit sur les rivières et sur les torrents. Je fis bâtir des caravanserais sur les routes, à la distance d'une journée. J'établis des concierges dans ces maisons, et des gardes sur les chemins. Ils veillaient à la sûreté des voyageurs et répondaient de tous les vols faits à ces derniers.

Dans chaque ville, je fis bâtir une mosquée, une école publique, un monastère, un hospice pour les pauvres et pour les indigents, une Maison-de-santé pour les malades. Il y avait un médecin attaché à l'hôpital.

Je voulus que l'on construisît aussi un Hôtel de Ville, une

Chambre de Justice; j'établis encore des gardes³¹¹ pour les terres ensemencées et pour la sûreté des citoyens.

Je mis trois ministres dans chaque province.

Le premier était pour le peuple; il tenait un compte exact et fidèle des subsides payés par les sujets, m'enonçant et spécifiant de quel droit et à quel titre il l'avait exigée.

Le deuxième ministre était pour les soldats. Il tenait un état de la somme à eux payée et de celle qui leur restait due.

Le troisième veillait sur les propriétés des absents et des voyageurs³¹², sur les récoltes abandonnées au vent. Avec l'agrément du juge et du magistrat de la religion, ce vizir s'emparait du patrimoine des fous, des héritiers inconnus et des coupables flétris par la loi. Les biens des morts passaient aux héritiers légitimes. S'il ne s'en trouvait point, ils étaient consacrés à des fondations pieuses, ou bien envoyés à la Mecque.

RÈGLEMENTS POUR LA GUERRE ET LES COMBATS, POUR L'ATTAQUE ET LA RETRAITE; POUR L'ORDRE DE BATAILLE ET LA DÉFAITE DES ARMÉES.

Si l'armée ennemie ne va pas à douze mille cavaliers, on donnera la conduite de la guerre au généralissime, avec douze mille cavaliers tirés des tribus et des hordes³¹³. Il aura en outre des Minkbachis, des Youzbachis et des Ounbachis qui l'accompagneront.

Arrivé près de l'ennemi, à la distance d'une journée, il m'enverra des nouvelles.

Je veux que ces douze mille cavaliers forment neuf divisions de cette manière.

Le corps de bataille une division.

³¹¹ Ces gardes se nomment Courtchi.

³¹² Les personnes perdues et dont on n'avait aucune nouvelle.

³¹³ Les Oymacs et les Toumans.

On attendra mon étendard; et, plaçant toute sa confiance dans le Très-Haut, le général s'avancera lui-même dans la mêlée, et me regardera comme présent à l'action; il est sûr qu'avec le secours du Tout-Puissant, la neuvième attaque mettra en suite les ennemis et lui obtiendra la victoire.

Il est de la dernière importance que le chef n'agisse point par emportement, qu'il dirige toutes les évolutions de ses troupes; quand il est forcé de marcher en personne; qu'il le fasse sans trop s'exposer; car la mort du général produit un bien funeste effet; elle ranime l'audace des ennemis.

C'est donc à lui de conduire ses opérations avec adresse et prudence, sans se laisser aller à la précipitation; car la témérité est fille du diable; qu'il prenne bien garde encore de s'engager dans un pas d'où il ne puisse se tirer.

ORDRE DE BATAILLE POUR MES ARMÉES VICTORIEUSES.

Si l'armée ennemie excède douze mille cavaliers, sans aller jusqu'à quarante mille, le commandement sera donné à l'un de mes fortunés enfants, secondé par deux officiers généraux et par de simples officiers³¹⁸ suivis des compagnies de cent³¹⁹, de dix mille et des hordes; de manière que l'armée ne soit pas moins que de quarante mille cavaliers.

Mes troupes invincibles doivent sans cesse me regarder comme présent, de peur de s'écarter des règles de la prudence et de la bravoure.

J'ordonne que, quand ma tente³²⁰, d'heureux augure, sera portée en avant, il y ait une escorte de douze compagnies, chacune commandée par un chef de tribu; elles manœuvreront

³¹⁸ Mot à mot: Deux Béglerbegs accompagnés d'émirs.

³¹⁹ Cachounat, plur. de Cachoun, troupe de cent.

³²⁰ Le mot original est Pichkhaneh, c'est-à-dire, la maison de devant. C'est le gros équipage, qui part sept jours avant le roi.

régulièrement, afin de ne point perdre de vue les douze règlements que j'ai prescrits pour former un ordre de bataille, pour rompre des lignes; enfin pour faire des attaques et des retraites.

Un bon général, après avoir découvert le nombre des chefs ennemis, doit savoir leur en opposer d'autres; il observe avec l'œil de l'attention, les combattants qu'il aura en tête, tant archers que lanciers, ou hommes qui se servent de l'épée. Attentif aux mouvements de ses adversaires, c'est à lui de voir s'ils engagent l'action lentement, s'ils n'envoient que détachement par détachement, ou s'ils fondent avec furie; qu'il observe les avenues du champ de bataille, tant pour l'attaque que pour la retraite, et qu'il pénètre l'ordre du combat des ennemis.

Il pourrait arriver qu'affectant une faiblesse apparente, ils se mettent à fuir; mais il ne faut pas se laisser prendre à cette ruse.

Un général, profond dans l'art de la guerre, connaît tout le mécanisme d'un combat; il sait quel corps il faut envoyer à la charge. Sa prudence remédie à tout. Il n'est pas embarrassé pour engager l'action. Il devine les projets de ses adversaires, découvre le but de toutes leurs évolutions, et met en œuvre tous les moyens de les déconcerter.

De ses quarante mille cavaliers, le général formera quatorze divisions, de cette manière.

Il rangera sa ligne, et la nommera corps de bataille. Trois divisions formeront l'arrière-garde (ou le fonds) de l'aîle droite. Une de ces trois divisions sera nommée corps avancé de cette arrière-garde. Des trois escadrons qui composeront l'arrière-garde de l'aîle gauche, il y en aura un qui lui servira de corps avancé.

Il placera de même trois autres divisions devant l'arrière-garde de l'aîle droite, elles en formeront le front. L'un de ces trois détachements servira d'avant-garde à ce front de l'aîle droite.

Il prendra un nombre égal de divisions pour mettre dans l'aîle gauche, dont elles constitueront le front; il y aura aussi une avant-garde du front de l'aîle gauche, semblable aux précédentes.

Ensuite il postera la grande avant-garde devant son corps de bataille; elle sera composée d'archers, de soldats armés d'épées, de lanciers, et de guerriers intrépides et expérimentés, qui combattront en poussant de grands cris, afin de jeter le désordre dans l'avant-garde ennemie.

Un général est principalement intéressé à ne pas perdre de vue les mouvements du parti opposé; qu'il punisse l'officier assez présomptueux pour aller en avant sans en avoir reçu l'ordre.

Toujours attentif aux marches et contremarches de ses adversaires, qu'il se garde bien de hasarder le combat avant qu'on vienne le lui présenter. Quand une fois ils ont fait les avances, il doit, en général prudent, examiner leurs manœuvres, comment ils engagent l'action, et comment ils se battent en retraite; qu'il imagine ensuite les moyens de les attaquer, de les repousser, soit qu'ils reviennent à la charge, soit qu'ils lâchent pied, quand la circonstance l'exige, pour revenir aussitôt qu'ils en auront la facilité.

Qu'il se garde de poursuivre une armée qui se met d'elle-même en déroute; car elle a derrière elle de bons soutiens.

Le chef doit bien faire attention si les ennemis attaquent en corps, ou s'ils ne détachent que des escadrons de la droite et de la gauche; il n'a qu'à leur opposer d'abord son avant-garde; qu'il commande ensuite les avant-gardes de ses deux aîles, pour soutenir la grande avant-garde. Après quoi il fera marcher le premier escadron de l'aîle droite et le second de l'aîle gauche, qui seront suivis du second détachement de la droite et du premier de l'autre aîle.

Si, après sept attaques, la victoire est encore incertaine, il faut commander le corps avancé de l'arrière-garde de l'aîle droite et celui de l'aîle gauche, afin de donner neuf chocs.

Si la victoire résiste encore, qu'il mette en mouvement le premier escadron de l'arrière-garde de l'aîle droite, et le second de l'arrière-garde de l'aîle gauche.

Si tous ces efforts sont superflus, envoyez les deux autres escadrons restants des deux aîles; peut-être alors l'avantage se décidera-t-il.

Quand ces treize assauts ne pourront entraîner la victoire, le général ne doit pas hésiter à mettre en mouvement son corps de bataille; qu'il paraisse aux yeux des ennemis comme une montagne, et qu'il s'ébranle avec poids et mesure.

Qu'il ordonne à ses braves³²¹ de fondre l'épée à la main, et à ses archers de faire pleuvoir une grêle de traits; enfin, si la victoire s'obstine à demeurer indécise, que le général n'hésite pas à se jeter dans la mêlée, et qu'on ne perde jamais de vue mon étandard³²².

Quand l'armée ennemie excédait quarante mille combattants, j'ordonnais aux généraux et aux autres officiers, aux Minkbachis, aux Youzbachis et aux Ounbachis, aux guerriers d'élite et aux simples soldats de se ranger sous mes drapeaux victorieux³²³.

Je recommandais aux chefs de chaque escadron d'exécuter tous mes ordres avec la plus scrupuleuse exactitude. Le chef ou le simple officier assez audacieux pour s'en écarter ou y contrevenir, passait par les armes, et le survivancier (ou lieutenant) qui attendait le commandement, remplaçait le coupable.

Des quarante compagnies formées des hordes, des troupes de cent et de dix mille³²⁴, j'en tirais douze à qui je

³²¹ C'est-à-dire, les troupes d'élite qui forment le corps de réserve

³²² Les Tartares portent à la guerre l'étendard du prince, quand bien même il ne serait pas présent. Le sort de la bataille dépend souvent de cet étendard; car sa disparition suffit pour faire prendre la fuite.

³²³ C'est-à-dire que Timour conduisait alors lui-même son armée.

³²⁴ Oymac, Ulous, Cachoun et Touman.

donnais une marque distinctive³²⁵, et on les divisait en quarante pelotons. Les officiers des vingt-huit compagnies qui n'avaient pas de marque distinctive, passaient derrière le corps de bataille; mes fils et mes petits-fils rangeaient leurs troupes devant la droite du corps de bataille; mes parents et mes alliés occupaient la gauche. C'étaient des corps de réserve qui portaient du secours partout où besoin l'exigeait.

Six escadrons composaient l'arrière-garde (ou le fonds) de l'aîle droite; j'en plaçais un autre pour leur servir de corps avancé.

L'arrière-garde de l'aîle gauche était formée d'après le même plan; elle avait de même son corps avancé.

Je postais six autres escadrons devant l'arrière-garde de l'aîle droite, et je les nommais front de l'aîle droite; un autre escadron, placé en avant, servait d'avant-garde à ce front.

Même ordre pour le front de l'aîle gauche qui avait également son avant-garde.

Sur le devant des deux aîles, je disposais six escadrons composés d'officiers expérimentés et de braves qui avaient fait leurs preuves, et c'était-là ma grande avant-garde qui avait pour corps avancé un escadron lancé en avant.

Deux officiers de troupes légères et un gros de leurs amis³²⁶, distribués à la droite et à la gauche du corps avancé de l'avant-garde, me servaient de coureurs dans l'armée ennemie.

Défenses expresses aux commandants des quarante escadrons d'aller au combat sans en avoir reçu l'ordre, ou avant leur tour; ils n'avaient qu'à tenir prêts à marcher.

Dès qu'ils en avaient l'ordre, ils s'avançaient, observant toujours les manœuvres de l'ennemi. Si celui-ci trouvait un accès dans le combat, c'était à eux de le lui fermer, et d'ouvrir, par leur adresse, celui qu'il voulait leur interdire.

Aussitôt que la vedette de l'avant-garde en venait aux

³²⁵ Tamgha – un poinçon.

³²⁶ Borader- frère, confrère, compagnon d'armes.

main, le chef de l'avant-garde lâchait successivement ses six escadrons pour jeter le désordre dans les lignes opposées; celui de l'aile droite détachait aussi ses six escadrons au secours des autres, et il allait en personne à la charge.

Le chef de l'avant-garde de l'aile gauche en fera de même pour protéger les combattants; il marchera à la tête de ses troupes; et peut-être qu'avec le secours puissant du Très-Haut, après avoir soutenu dix-huit attaques, l'ennemi accablé prendra la suite.

S'il persiste à montrer bonne contenance; les chefs de fond des ailes droite et gauche doivent envoyer leur avant-garde.

Ces corps, en tombant sur leurs adversaires, pourront les dompter et les écraser.

Si nos espérances sont encore frustrées, les chefs d'arrière-garde des deux ailes, n'ont plus qu'à faire marcher successivement leurs escadrons et à donner eux-mêmes à la tête pour passer sur le ventre aux ennemis.

Si ces officiers lâchent pied, le moment est venu où les princes mirzas qui commandent le corps de réserve de l'aile droite, et les parents de l'empereur, qui sont à celui de l'ailes gauche, doivent fondre sur l'ennemi.

Que leurs yeux fixés sur le général et sur son étendard; qu'ils attaquent ses lignes avec intrépidité. Leur principal objet doit être de prendre ce chef et de renverser son étendard³²⁷.

Quand, après tous ces efforts, l'ennemi tient encore pied, le tour des troupes d'élite qui composent le corps de bataille, et des braves rangés derrière, est arrivé; ils doivent s'élancer tous ensemble pour livrer une attaque générale.

Après toutes ces tentatives, l'empereur³²⁸ ne doit pas

³²⁷ On a déjà vu de quelle importance il est de renverser l'étendard du général.

³²⁸ Le Sultan.

hésiter à se précipiter lui-même avec courage et fermeté au milieu de la mêlée.

C'est ce que je fis dans la bataille contre Bayazed.

J'ordonnai au mirza Miran-Chah, qui commandait, mon aîle droite, de donner tête baissée sur la gauche de l'empereur Ottoman, au mirza sultan Mahmoud-Khan, et à l'émir Soliman, qui conduisaient l'aîle gauche de mon armée, de fondre sur sa droite.

Le mirza Aboubeker, qui avait sous ses ordres le corps de réserve de la droite reçut le commandement d'assaillir le corps de bataille d'Ildrim Bayazed, posté sur une éminence. Je me mis aussi à la tête de mon corps de bataille et de mes soldats d'élite, et avec les guerriers des tribus³²⁹, j'allai droit vers Kissar³³⁰.

Ses troupes furent culbutées du premier choc; sultan Mahmoud-Khan se mit à la poursuite du vaincu, et l'ayant fait prisonnier l'amena dans ma tente.

En suivant les mêmes principes, je défis Toctamich-Khan, et j'ordonnai qu'on renversât l'étendard de ce prince.

Si l'ennemi, signalant son bravouremet, met en déroute l'avant-garde de l'aîle droite, celle de l'aîle gauche, et les arrière-gardes de ces deux ailes, s'il parvient au corps de bataille, le sultan n'a plus d'autre parti à prendre que de mettre le pied du courage dans l'étrier de la patience³³¹ pour repousser et exterminer ses adversaires.

Dans le combat que je soutins contre Chah-Mansour gouverneur de Déhly, ce prince ayant pénétré jusqu'à moi, je le combattis en personne, jusqu'à ce qu'il mordit la poussière³³².

³²⁹ Oymac.

³³⁰ Mot à mot "régent", sous entendu Bayazed.

³³¹ Métaphore, pour dire qu'il faut joindre la bravoure à la patience.

³³² Ce fut un fils de Timour qui lui coupa la tête et la jeta aux pieds de l'Empereur.

LES INSTITUTS DE TIMOUR

SECONDE PARTIE

PROJETS ET ENTREPRISES

Tels furent les règlements et le plan que je suivis pour conquérir les royaumes et soumettre l'Univers; pour vaincre les armées, surprendre mes adversaires, me concilier ceux qui traversaient mes desseins; enfin pour diriger ma conduite envers mes amis et envers mes ennemis.

Mon conseiller de conscience m'écrivit en ces termes:

"Dans l'administration de son empire, Aboul-Mansour-Timor doit mettre en œuvre quatre moyens essentiels: une combinaison réfléchie, une sage délibération, une fermeté soutenue, et une prudente circonspection. Un monarque qui n'a ni plan, ni réflexion, est semblable à un insensé dont toutes les paroles et toutes les actions ne sont qu'erreur et confusion, et ne produisent que honte et remords. Il te sera bien plus avantageux de diriger toutes les opérations de ton gouvernement par la prudence et une sage délibération, afin de t'épargner pour l'avenir des repentirs et des regrets.

Apprends que la science de gouverner consiste en partie dans la patience et la fermeté, en partie dans une négligence affectée, et dans l'art de paraître ignorer ce qu'on sait.

Aucune entreprise n'est difficile pour celui qui possède le talent de joindre à la sagesse des plans, la patience, la fermeté, une activité constante, la circonspection et la bravoure. Adieu".

Cette lettre fut, pour ainsi dire, le guide de ma conduite; elle me fit voir que le conseil, la prudence, la réflexion sont dix fois plus utiles pour la politique que la force des armes. Car, comme on l'a dit la prudence peut conquérir des royaumes et vaincre des armées qui résisteraient à l'épée des soldats.

Quant à moi, je sais qu'un guerrier éprouvé, qui réunit toutes ces qualités, est bien préférable à mille soldats qui n'ont que de la valeur; car il peut conduire mille et mille de ces hommes.

L'expérience m'a encore démontré que la victoire et la défaite ne dépendent point du nombre des combattants, mais de l'assistance du Tout-Puissant, et de la sagesse de nos mesures.

J'en suis moi-même la preuve.

Je marchais à la tête de deux cents quarante-trois hommes, vers le fort de Carchi, après avoir bien combiné le plan de ma conduite. Douze mille cavaliers, commandés par l'émir Moussa et Malek-béhader étaient en garnison dans cette place, où ils défendaient les environs; mais, avec le secours divin et par de sages mesures, je me rendis maître de la forteresse.

Alors l'émir Moussa et Malek-béhader s'avancèrent avec leurs douze mille cavaliers; et vinrent m'assiéger; mais, plein de confiance dans le nom du Très-Haut, je sortis avec adresse et précaution. Par plusieurs attaques, livrées successivement et à propos, mes deux cents quarante-trois guerriers battirent les douze mille cavaliers, et les poursuivirent l'espace de plusieurs lieues.

L'expérience m'a encore appris que, quoique le cours des événements soit caché sous le voile du destin, l'homme sage et sensé ne néglige point cependant le conseil, la prudence et la prévoyance. C'est pourquoi, me conformant à la parole respectable du Prophète, je n'exécutai jamais aucune entreprise, sans l'avoir auparavant mûrement méditée.

Quand mes conseillers s'assemblaient, je les interrogeais sur le bien et le mal, l'avantage et le désavantage d'une opération que j'étais le maître d'entreprendre ou d'abandonner. Après avoir entendu leur avis, je l'examinais sous tous les aspects; je comparais l'utilité avec le préjudice; je considérais

tous les dangers avec l'œil de l'attention; un projet qui offrait deux risques à courir était rejeté pour adopter celui où je n'en voyais qu'un.

C'est d'après cette manière de voir que je conseillai Toghlouc-Timour, khan de Jagataï.

Ses Émirs avaient levé l'étendard de la révolte dans les plaines du Jetteh; il vint me consulter, et je lui répondis: "Si tu envoies une armée pour chasser et pour exterminer les rebelles, deux périls te menacent; mais tu n'en as qu'un à redouter si tu marches en personne". Il me crut, et l'événement confirma ma prédiction³³³.

Je ne formai aucune entreprise sans avoir pris conseil, et, dans l'exécution, je ne donnai rien au hasard; avant que de m'y engager, j'observais quelle en serait l'issue; et, usant tour à tour d'adresse, de prudence, de fermeté, de vigilance et de prévoyance, je conduisais l'affaire à une parfaite réussite.

L'expérience m'a prouvé que ceux-là seuls sont capables de former de bons plans, dont les actions ne sont point en contradiction avec leurs discours; qui, quand ils ont pris une résolution, ne l'abandonnent point, pour quelque raison que ce soit, et ne sont jamais tentés de revenir à un projet, quand une fois ils l'ont rejeté.

Je distinguais deux espèces de conseil, l'un qui part des lèvres, l'autre du fond du cœur. Je prêtais l'oreille au discours des lèvres; mais ce que j'entendais sortir du cœur, je le plaçais dans l'oreille du mien (pour en profiter).

Quand il s'agissait de mettre une armée en campagne, je délibérais pour choisir de la paix ou de la guerre. Je sondais

³³³ Tandis que Toghlouc-Timour, khan de Jagataï faisait la conquête de la Transoxiane, sur laquelle il prétendait avoir des droits, plusieurs princes de ses vassaux se révoltèrent dans le Jetteh. Cette révolte et les conseils de Timour, qui n'était alors que simple émir, déterminèrent le khan à quitter la Transoxiane, pour rétablir l'ordre dans son royaume.

mes Émirs. Proposaient-ils la paix, je comparais ses agréments avec les travaux de la guerre; et s'ils penchaient au contraire pour la guerre, je mettais en parallèle son utilité avec les inconvénients de la paix, enfin je préférais toujours le parti le plus avantageux.

Je rejetais tout avis capable de diviser l'armée³³⁴. Je laissais parler le conseiller débitant le discours de la timidité mais je prêtais une oreille attentive à l'homme qui s'énonçait avec jugement et fermeté.

Lorsque Toghlouc-Timour, descendant de Gengis khan, passa le fleuve de Khojend³³⁵, dans le dessein de conquérir la Transoxiane, et nous ordonna, à moi et aux émirs Haji Berlas et Bayazed-Jélaïr³³⁶, de venir le trouver. Ceux-ci demandèrent avis, en disant: Faut-il nous réfugier dans le Khorassan avec notre famille et notre horde? ou bien aller joindre Toghlouc-Timour Khan"? Je leur répondis: "Il y a deux avantages contre un seul péril à vous rendre auprès de Toghlouc-Timour. Mais, si vous fuyez en Khorassan, vous trouverez deux périls pour un avantage". Ils rejetèrent mon avis et dirigèrent leurs pas vers le Khorassan. Pour moi, libre d'aller dans cette contrée ou d'obéir aux ordres de Toghlouc-Timour, je balançais entre ces deux partis.

Dans cette alternative j'eus recours à la sagesse de mon conseiller de conscience, dont voici la réponse:

"On fit, un jour, cette question au quatrième khalife Aly, (que Dieu le comble de gloire et de faveurs!) si le firmament était un arc dont la terre formât la corde, et si les fléaux étaient

³³⁴ Dans le texte: Capable de faire de l'armée deux cœurs.

³³⁵ C'est-à-dire, le Sihoun, (le Yaxartes) qui coulant au Nord de la Transoxiane la sépare du Turques. Ce fleuve, en passant par Khojend, prend le nom de cette grande ville limitrophe de pays de Ferghanah et de la Transoxiane.

³³⁶ Haji Berlas, oncle de Timour, Berlas et Bayazed étaient chefs des hordes dans la Transoxiane.

les flèches qui eussent pour but les enfants d'Adam, et que Dieu lui-même, le Très-Grand et le Très-Haut, fut l'Archer, où les malheureux mortels pourraient-ils chercher un asile? Ce serait auprès de Dieu même, répondit le khalife, que les hommes devraient se réfugier. C'est donc à toi d'aller à l'instant trouver Toghlouc-Timur pour faire tomber de ses mains l'arc et les flèches".

L'arrivée de cette lettre raffermir mon cœur; je partis et j'arrivai auprès du khan. Mais, pour toutes les affaires qui exigeaient de la délibération, je tirais dans le Coran un présage qui réglait ma conduite³³⁷.

Avant que de me rendre aux ordres de Toghlouc-Timour, j'ouvris le Livre saint, et je tombai sur le chapitre de Joseph (à qui Dieu fasse miséricorde!)³³⁸. Je me conduisis alors conformément aux décrets du Coran.

PREMIER DESSEIN³³⁹

Voici le premier dessein qui me fut inspiré par l'entretien que j'allais avoir avec Toghlouc-Timour.

Je savait bien que ce khan avait envoyé trois armées, commandées par Biktchek, Haji-Bek, de la tribu d'Arkanat, et Olugtactimur de celle de Karite, avec d'autres émirs Jetteh, pour ravager le royaume de Transoxiane. Ces chefs campaient près de Khizar; je résolus de les aller trouver et de leur offrir

³³⁷ Dans toutes leurs entreprises importantes les musulmans ont coutume d'ouvrir au hasard le Coran, et de prendre le premier verset de la première page qu'ils rencontrent pour pronostic du bon ou mauvais succès. Cette espèce de divination s'appelle Ifikhara. Les premiers chrétiens consultaient les Livres Saints avec la même superstition. Et avaient, en outre, les livres prophétiques des Sybilles.

³³⁸ Voyez le Coran, Chap. XII. Timour fait allusion à la protection que le Patriarche procura dans l'Egypte à sa famille.

³³⁹ J.C 1359. Hégire 761. Age de Timour. 25.

des sommes capables de les tenter, afin de suspendre le ravage et la désolation de ce royaume jusqu'à mon arrivée chez Toghlouc-Timour.

Ma puissance³⁴⁰ en imposa aux émirs; ils me reçurent avec considération et respect; leurs cœurs se troublèrent, leurs yeux furent éblouis, et la magnificence de mes présents ayant achevé de les gagner, ils cessèrent de dévaster le royaume. Alors je ne tardai pas à me rendre auprès du khan, qui interpréta mon arrivée comme un heureux augure; souvent il me consultait, et toujours il suivait mes avis.

Sur ces entrefaites, on vint lui annoncer que les émirs des trois armées ont tiré des présents et des sommes du peuple de la Transoxiane; il les condamne sur l'heure à rembourser ces sommes; et des collecteurs sont établis pour présider à ces remboursements. En même temps, il défend à ces chefs l'entrée de la Transoxiane, et les dépouille du commandement pour en revêtir Haji Berlas Mahmoud Chah de la tribu d'Yéssour.

Instruits de ses dispositions, les émirs se retirent et lèvent l'étendard de la révolte; dans le même moment ils rencontrent Oglan-Khojah, chef du Divan et premier conseiller du khan; l'ayant attiré dans leur parti, ils marchent ensemble vers le Jetteh.

Toghlouc-Timour apprit encore que ses émirs avaient fait des hostilités dans la campagne de Kiptchac³⁴¹. Après avoir pris mon avis, le prince troublé tourna ses pas vers le royaume de Jetteh.

Il me remit³⁴² le gouvernement de la Transoxiane, avec la commission et les lettres de créance nécessaires; il y ajouta le

³⁴⁰ Il s'était fait accompagner de toute sa tribu, et les notables de la Transoxiane le suivaient.

³⁴¹ La grande Tartarie.

³⁴² Chériffeddin prétend que ce furent les chefs de l'avant-garde des Jetteh qui lui remirent le corps de dix mille hommes.

corps de dix mille hommes³⁴³ que commandait, dans ce royaume, l'émir Caratchar-Nouvian; ainsi cette contrée jusqu'aux eaux du Jihoun (l'Oxus) me fut soumise.

Ce fut dans le commencement de mon élévation que je conçus et que j'exécutai ce dessein; et l'expérience me convainquit qu'un projet sagement combiné produit plus d'effet qu'un corps de cent mille cavaliers.

DEUXIÈME DESSEIN.

Voici le second dessein que je formai dans les commencements de ma fortune³⁴⁴.

³⁴⁵Quand Toghlouc-Timour, au mépris de ses engagements, amena de nouveau une armée dans la Transoxiane; il m'ôta le gouvernement de ce royaume, pour le remettre entre les mains de son fils Elias Khojah, et me constitua général et conseiller du jeune prince, en me montrant les traités passés entre Cajouli, et Cabul-Khan ses aïeux et les miens³⁴⁶. Par respect pour ces traités, je me démis du

³⁴³ Touman, mot Mogol, corps de dix mille hommes, ou pays capable de fournir un pareil nombre de guerriers. L'émir Caratchar était un des ancêtres de Timur.

³⁴⁴ Cette formule est répétée à chaque Dessein; nous la supprimerons dorénavant.

³⁴⁵ J.C. 1360. Hégire 760. Age de Timour 26.

³⁴⁶ Cabul-khan et Cajouli Behader, tous deux fils de Toumeneh-Khan. Cabul était arrière-grand-père de Genghiskhan, et Cajouli huitième aïeul de Timour et arrière-grand-père de Caratchar-Nouvian, dont nous avons déjà parlé. Il paraît que Genghiskhan et Timour sortaient tous deux de la même souche; c'est-à-dire qu'ils descendaient de Toumeneh-Khan, quatrième aïeul de Genghiskhan, et neuvième de Timour. Toumeneh eut pour successeur, dans l'Empire des Mogols, Cabul son fils; à Cabul succéda Bartan-Khan. Il y a lieu de croire que, dans l'acte passé entre les deux frères (pour complaire sans doute à leur père Toumeneh) il était spécifié que la dignité de khan serait héréditaire dans la famille de Cabul l'aîné, tandis que le cadet Cajouli,

gouvernement, et j'acceptai le commandement des armées.

Quand les Ouzbecs³⁴⁷ se mirent à exercer, dans la Transoxiane, les plus grandes cruautés et les vexations les plus affreuses (car déjà soixante-dix Seïdes³⁴⁸ ou fils de Seïdes avaient été dans les chaînes.) Elias Khojah, dépourvu de toute autorité, était incapable de repousser ces brigands et d'arrêter leurs excès. Pour moi, avide d'acquérir du crédit, je fonds sur les Ouzbecs, et je délivre l'opprimé des mains de l'oppresser. Cette expédition causa une révolte parmi les chefs d'Elias-Khojah et parmi les Ouzbecs même.

On écrivit à Toghlouc-Timour que j'avais levé l'étendard de la révolte: le khan, trop crédule, envoya des ordres pour me faire mourir; mais ces dépêches tombèrent entre mes mains.

En voyant toute la grandeur du péril; j'assemblai autour de moi la vaillante jeunesse de la tribu de Berlas³⁴⁹, que j'attirai dans mon parti. Le premier qui me prêta serment d'obéissance, fut Ikou-Timour; le second l'émir Jakou-Berlas. Ensuite d'autres braves, poussés par le mouvement de leur cœur, se rangèrent volontairement sous mes drapeaux.

Quand les habitants de la Transoxiane apprirent que je me proposais d'attaquer les Ouzbecs, les grands et le peuple ne

ainsi que sa postérité, remplirait les postes de premier ministre et de généralissime auprès du khan et qu'il régnerait une concorde durable entre les descendants des deux frères. Timour, de la race de Cajouli se crût obligé de déferer à cet acte que lui montrait Toghlouc-Timour, descendant en ligne directe de Cabul par Genghiskhan. Au commencement de l'an 762 de l'Hégire, Toghlouc-Timour amena une armée dans la Transoxiane, pour la seconde fois, en m'ordonnant de me rendre auprès de lui; je lui obéis. Il viola ses engagements, remit le Royaume à son fils Elias-Khojah, et me donna le titre de généralissime.

³⁴⁷ Les Ouzbecs sont les mêmes que les Jetteh, dans cet ouvrage.

³⁴⁸ Seïde ou Side, seigneur. C'est le nom qu'on donne aux descendants de Mohammed.

³⁴⁹ Timour était né dans cette tribu, qui appartenait à son oncle Haji Berlas, l'un des petits princes souverains de la Transoxiane.

tardèrent pas à se détacher de leur parti, pour se jeter dans le mien. Les docteurs et les chefs de la loi publièrent un décret qui autorisait l'expulsion et la destruction des Ouzbecs. Plusieurs émirs des hordes et des tribus³⁵⁰ se joignirent encore à moi dans cette expédition.

Ce décret et cet engagement, que l'on consigna par écrit, était conçu en ces termes:

«Suivant la conduite et l'exemple des khalifes légitimes³⁵¹ (à qui Dieu fasse miséricorde) les soldats et le peuple, les docteurs et les chefs de la Foi, en considération des grandes qualités de Timour, l'étoile polaire de la puissance, ont élevé cet émir à l'empire. Ils promettent de prodiguer leur fortune et leur vie pour chasser, bannir, vaincre et exterminer le parti des Ouzbecs, ces odieux oppresseurs qui étendent leurs mains avides, non seulement sur les meubles, les biens et les possessions, mais encore sur l'honneur et les lois des musulmans. Nous jurons d'observer les articles de ce traité. Si jamais nous violons ce serment, pussions-nous perdre la protection de Dieu, et passer de sa domination sous celle de Satan!».

A la vue de ce décret, je brûlai de commencer la guerre et le carnage, et de conduire l'armée contre les Ouzbecs, afin que les malheureux se vengeassent de leurs tyrans; mais des perfides, instruits de mon secret, le divulgèrent.

Je m'aperçus que, si je restais à Samarcande, pour faire la guerre aux Ouzbecs, les habitants de la Transoxiane pourraient manquer à leur parole. Je résolus donc de quitter la ville, et d'attendre sur les montagnes que les confédérés se rendissent auprès de moi, afin de marcher en force à l'ennemi.

A ma sortie de Samarcande, je n'avais pas plus de

³⁵⁰ Ulous et Cachoun.

³⁵¹ Les quatre premiers khalifes Aboubéker. Omar, Osman et Aly sont ainsi qualifiés.

soixante cavaliers à ma suite, et je vis alors combien j'avais agi prudemment. Une semaine entière était déjà écoulée, et personne n'avait encore paru. Je résolus d'aller à Badakhchan faire alliance avec les princes de cette ville.

Je saluai sur ma route (le pieux solitaire) l'émir Kolal, qui daigna me prescrire lui-même la conduite que je devais tenir. Il me recommanda surtout de fixer mon attention sur la Khorasmie, et je lui promis une année du revenu de Samarcande, si j'avais le bonheur de vaincre les Ouzbeks. Ce personnage vénérable récita la prière de la victoire³⁵² et me congédia.

En quittant l'émir Kolal, je n'avais encore que soixante cavaliers pour toute escorte. Instruit de mon arrivée en Khorasmie, Elias-Khojah, ce souverain de la Transoxiane écrivit à Tékél-Béhader, gouverneur de Khiouk, pour lui ordonner de fondre sur moi, et de m'exterminer.

Tékél se met en campagne avec mille cavaliers. J'avais alors à mes côtés l'émir Hossein, qui, m'ayant rencontré dans la route, s'était joint à moi. J'osai, avec ma petite troupe, faire face à l'ennemi. L'action s'engagea, et je combattis avec tant de courage et d'acharnement que, des mille cavaliers de Tékél, il n'en échappa que cinquante, et de mes soixante je n'en conservai que dix³⁵³; mais l'avantage demeura de mon côté.

En apprenant mes succès, Elias-Khojah et les émirs du Jetteh dirent en eux-mêmes: "Timour est un homme étonnant; le Tout-Puissant et la fortune se déclarent en sa faveur". Cette victoire fut pour moi un heureux augure, et les yeux des Ouzbeks se troublèrent à la vue de mes succès.

³⁵² La surate Fatiha. C'est la première surate ou chapitre du Coran; que les dévots musulmans récitent au commencement de toutes leurs entreprises pour attirer sur eux la bénédiction du ciel.

³⁵³ Sept, selon Chériffeddin.

TROISIÈME DESSEIN

Dans les circonstances déplorables où je vis ma fortune ébranlée jusque dans ses fondements, où il ne restait plus auprès de moi que dix guerriers (sept cavaliers et trois fantassins) qui voulaient bien encore partager mes malheurs, je ne m'abandonnai pas moi-même. J'avais placé avec moi, sur mon cheval, mon épouse, la sœur de l'émir Hossein; et, après avoir erré dans le désert de Khorasmie; une nuit, nous mêmes enfin pied à terre auprès d'un puits. Trois perfides Khorassaniens³⁵⁴ profitèrent des ténèbres pour s'enfuir avec trois de nos chevaux, et il n'en resta plus que quatre pour les sept hommes qui ne m'avaient pas quitté. Mon courage s'accrut avec mes malheurs; et, sans laisser apercevoir ma faute, je ne songeai qu'à la réparer.

Je venais de me remettre en marche, quand Ali-Beg-Tchoun-Gharbani, s'avancant vers moi, m'arrêta, et me renferma dans une prison pleine de vermine. Une garde veillait à la porte de cet infâme cachot, où je demeurai soixante-deux jours.

Après avoir médité sur les moyens de mon évacion, aidé du Tout-Puissant, armée du bras de la valeur, j'arrache une épée à mes gardes, je fonds sur eux, et ces satellites abandonnent leur poste. Aussitôt je vais me présenter devant Ali-Beg; honteux de l'infâme conduite qu'il a tenue envers moi, ce prince balbutie, et me fait des excuses.

Il me rend mes chevaux et mes armes, y joint un cheval étique, et un chameau hors de service, qu'il me prie d'accepter. Son frère Mohammed-Beg m'avait envoyé quelques présents. Ali-Beg, dont ils tentèrent la cupidité, en garda une partie et me laissa aller.

Je m'enfonçais dans le désert, accompagné de douze

³⁵⁴ C'était trois de ses compagnons, et sans doute les trois fantassins.

cavaliers. Le second jour, nous rencontrâmes des habitations où nous mêmes pied à terre. Tandis que j'étais retiré dans une maison, une troupe de Turcomans vint l'assaillir en poussant un cri. Mon premier soin fut de sauver mon épouse. Je l'enfermai dans la maison; ensuite je chargeai moi-même cette multitude. Tout à coup un Turcoman³⁵⁵ me reconnut, et s'écria: "C'est Timour". Aussitôt il arrêta les combattants, et vint se jeter à mes pieds. Je le reçus avec affabilité; je lui posai mon turban sur la tête; et, dès ce moment, ils me furent entièrement dévoués lui et ses frères.

QUATRIÈME DESSEIN FORMÉ DANS LES PREMIERS TEMPS DE MA FORTUNE

Quand je me vis à la tête de soixante cavaliers, je craignais que mon séjour dans ce canton ne m'exposât à la perfide du peuple, et qu'on instruisit les Ouzbecs de l'état de mes affaires. Je crus qu'il serait plus sûr d'aller camper dans un désert éloigné de toute habitation, en attendant que j'eusse rassemblé une armée, qui est le bras de la puissance.

En quittant cette contrée, je marchai vers le Khorassan, et je trouvai, sur la route, Mobarek-Chah, natif de Sanjar, gouverneur de Makhan. Il venait me joindre avec cent cavaliers, et il me donna plusieurs chevaux excellents. Je vis encore arriver près de moi des descendants du Prophète, et d'autres habitants. Enfin je réunis dans ce désert une troupe d'environ deux cents hommes, tant cavaliers que fantassins.

Cependant Seïd Hassan, Mobarek-Chah et Seïd-Ziaeddin me firent ces représentations. "Demeurer dans cette solitude, c'est nous exposer à voir notre petite troupe se débänder. Rendons-nous maîtres d'une province, et fixons-y notre séjour".

³⁵⁵ Ce Turcoman se nommait Haji Mohammed.

Après avoir bien médité: "Voici, leur dis-je, quel est mon projet. Avançons vers Samarcande; je vous disperserai dans les places voisines de Boukhara, tandis que, parcourant moi-même les environs de Samarcande, je m'introduirai auprès du peuple, dans les tribus, et je les mettrai dans mes intérêts. Quand j'aurai formé une armée, je vous appellerai. Nous fondrons ensemble sur les forces du Jetteh, sur Elias-Khojah, (leur chef) et nous subjuguons la Transoxiane".

Ma réponse fut approuvée d'une voix unanime; et, lorsque nous eûmes récité le premier chapitre du Coran, pour obtenir la protection divine, je m'occupai de l'exécution de mon projet.

Je commençai par répandre mes deux-cents hommes dans les environs de Boukhara, où je fis cacher mon épouse, la sœur de l'émir Hossein³⁵⁶; ensuite je partis pour Samarcande.

Témouké-Koutchine, qui se trouva sur la route avec quinze cavaliers, voulut se joindre à moi. Je lui communiquai mes secrets, et je l'envoyai auprès de Mobarek-Chah. Dès que fus introduit dans les tribus, j'attirai dans mon parti deux mille hommes prêts à me suivre aussitôt que je lèverais à Samarcande l'étendard de la puissance.

Entré dans cette ville, à la faveur d'une nuit très obscure, je me retirai chez Kotloug-Turkan-Aga, ma sœur aînée. Les jours et les nuits se passaient à méditer et à réfléchir. J'étais resté ignoré pendant quarante-huit jours entiers. Mais un habitant de la ville, qui apprit mon arrivée, pensa me découvrir.

Le péril était pressant, et je m'évadai, pendant la nuit, avec cinquante cavaliers. Au sortir de Samarcande, j'allai vers la Khorasmie, suivi d'une compagnie de fantassins. Nous trouvâmes en chemin une troupe de chevaux appartenants à des

³⁵⁶ Il laissa cette princesse à Bakhar-Zenden, qui est un des villages de Boukhara.

turcomans. Je m'en emparai pour monter mes soldats³⁵⁷.

Arrivé à Atchighi, je campai sur le penchant d'une colline, auprès du fleuve Amouyeh (l'Oxus.) Ce fut-là le rendez-vous de ma famille³⁵⁸, de Mobarek-Chah, de Seïd-Hassan, et de tous ceux que j'avais dispersés dans les environs de Boukhara. Timour-Khojah-Oglan et Berlas-Jélaïr, qui étaient venus avec leur troupe, entrèrent aussi dans notre confédération. Quand je vis ma troupe grosse d'environ mille cavaliers, je pensai aux moyens de les employer, je les conduisis donc vers le Bakhter-Zémine et Candahar, que je soumis à ma domination.

CINQUIÈME DESSEIN

En allant à Candahar³⁵⁹ et en Bakhter-Zémine, nous campâmes sur les bords de l'Hirmène. Là je me construisis une habitation³⁶⁰, et j'y séjournai, pour donner à mes soldats le temps de se reposer.

Tandis que je demeurais sur les rives de ce fleuve, les habitants et les guerriers de la province de Kermessir se présentèrent. Près de mille hommes Turks ou naturels du pays vinrent aussi m'offrir leurs services, et la province de Kermessir reçut mes lois.

Sur ces entrefaites, je résolus de faire une invasion dans le Sistan. Instruit de mon projet, le gouverneur de cette province m'envoya des présents considérables, en implorant mon secours. "Je suis, dit-il, écrasé par mes ennemis. Ils

³⁵⁷ Il faut observer, à l'honneur de Timour, qu'il fit venir leurs maîtres, et leur donna une reconnaissance pour la valeur de ces chevaux. Ceci arriva dans la principauté de Kech.

³⁵⁸ De ce qui composait son Harem; c'est-à-dire, de ses femmes.

³⁵⁹ Ancienne grande ville afghane.

³⁶⁰ Yourte – habitation démontable (carcasse – en bois, couverture – en feutre épais).

s'emparent de mon pays, et ils m'ont déjà pris sept forteresses. Si vous tirez ma province de leurs mains, je donnerai six mois de paie à vos soldats".

Je sentis combien il me serait avantageux de tourner les rênes de mon attention du côté du Sistan. Des sept forteresses dont l'ennemi s'était rendu maître, j'en avais déjà repris cinq. Quand la frayeur, s'emparant de l'âme de ce gouverneur, il lia amitié avec ses propres ennemis; ils firent alors entre eux cette réflexion. "Si l'émir Timour demeure dans ce pays, le Sistan passera de nos mains dans les siennes". Ayant rassemblé les soldats et le peuple de toute la province, ils fondirent sur moi.

En violant sa parole, ce gouverneur me jeta dans une cruelle situation; j'allai néanmoins à sa rencontre, et je lui livrai bataille. Pendant l'action une flèche me perça le bras, une autre le pied³⁶¹; à la fin la victoire se décida en ma faveur.

Quand je vis que l'air et l'eau de cette contrée ne convenaient point à mon tempérament, je m'en allai en Kermessir, où je restai deux mois, jusqu'à ce que mes blessures fussent guéries.

SIXIÈME DESSEIN

Après la conquête du Kermessir et la guérison de mes blessures, je conçus le projet d'aller habiter les montagnes de la province de Balkh, et de lever une armée pour conquérir la Transoxiane. Plein de cette idée, je montai à cheval, suivi de quarante cavaliers seulement, mais tous nobles, fils de nobles ou d'émirs. Je rendis grâce au Tout-Puissant, de ce que, dans mes malheurs, dénué d'argent et de munitions, j'avais à mes ordres de si braves guerriers. Je me dis alors: "Le Très-Haut s'intéresse à ma cause, puisqu'il me soumet des hommes qui sont nés mes égaux".

³⁶¹ Suivant un auteur Persan, ce fut de cette blessure que Timour devint manchot et boiteux. Il n'était alors que simple émir.

J'arrivais au pied des montagnes, quand je rencontrai Sadik-Berlas qui me cherchait. Il m'amena quinze cavaliers, et je pris son arrivée pour un heureux augure.

Les premiers jours de notre réunion furent consacrés à la chasse; ensuite nous continuâmes notre route. Je découvris, sur le sommet d'une montagne un corps de troupes qui grossissait à chaque moment. Aussitôt je fis halte, et j'envoyai des coureurs pour avoir des avis certains. Ils se mêlèrent parmi cette multitude, et vinrent me dire: "C'est Carantchi-Béhader, ancien serviteur de l'émir (Timour.) Il a quitté l'armée Jetteh avec deux-cents cavaliers, et maintenant il cherche son maître". Charmé de cette découverte, je me prosterne pour remercier le Très-Haut, et je fais appeler ce fidèle serviteur. Aussitôt il paraît, se jette à mes pieds, me baise les pieds; je le relève avec bonté; je pose mon turban sur sa tête, et nous allons ensemble vers la vallée d'Arsef.

A notre arrivée, nous plantâmes le piquet; le jour suivant, je parcourus la vallée à cheval. Au milieu était une éminence, sur laquelle on respirait un air délicieux; je m'y établis, et tous les soldats dressèrent leurs tentes aux environs.

La nuit suivante était celle de Prière³⁶², je la passai sans clore la paupière. A l'aube du jour, je commençai mon oraison³⁶³. Quand je l'eus achevée, je levai au ciel des mains suppliantes, et je m'attendris jusqu'aux larmes, en implorant l'assistance du Tout-Puissant, pour qu'il me délivrât de mes malheurs. Mon invocation n'était pas encore finie, que j'aperçus, dans l'éloignement une troupe qui défilait vis-à-vis de

³⁶² Proprement, de l'assemblée. C'est ainsi que les musulmans nomment le Vendredi. Ce jour est aussi saint pour eux que le Sabbat pour les Juifs et le Dimanche pour les Chrétiens. On s'assemble dans la mosquée. L'Imam ou Curé fait la prière le Khotbeh ou prône, où l'on prie pour Mohammed, pour les descendants et pour le prince régnant.

³⁶³ C'est la première des cinq prières que les musulmans sont obligés de réciter chaque jour, à différentes heures.

la colline. Je montai à cheval, et j'en approchai assez près pour bien la reconnaître. C'était un gros de soixante-dix cavaliers. "Guerriers, leur demandai-je, où allez-vous"? Ils me répondirent: "Nous sommes des serviteurs de l'émir Timour. Nous cherchons notre maître. Hélas! sans pouvoir le trouver. Je suis aussi, leur dis-je, un serviteur de cet émir. Je vais vous servir de guide et vous conduire à lui". Un d'eux, piquant son cheval, s'empressa d'aller apprendre cette nouvelle à des chefs. "Nous avons trouvé, s'écrivit-il, un guide qui offre de nous mener vers l'émir Timour". Ceux-ci tournèrent la bride de leurs chevaux et ordonnèrent qu'on m'amènât devant eux.

Cette troupe formait trois divisions, Toghlouc-Khojah-Berlas commandait la première, Seifeddin la seconde, et Toubac-Béhader la troisième. A mon aspect, ces chefs étonnés descendirent de cheval, tombèrent à genoux et baisèrent mon étrier. Je descendis aussi, et j'étendis mes bras sur eux³⁶⁴. Je posai mon turban sur la tête de Khojah; je ceignis mon ceinturon, qui était précieux par le travail et par l'or, autour des reins de l'émir Seifeddin, et je couvris de mon manteau Toubac-Béhader³⁶⁵. Alors je m'attendris avec eux. Nous fîmes la prière en commun à l'heure ordinaire. Ensuite je montai à cheval pour me rendre à mon camp, où je tins une assemblée générale, et je donnai des fêtes.

Le jour suivant, je vis arriver Chir-Béhram, qui m'avait quitté par humeur, ne pouvant résister au désir d'aller dans

³⁶⁴ Mot à mot: Je les mis sous mes aisselles. C'est la plus grande marque qu'un Tartare puisse donner, dès qu'il passe le bras sur votre tête, votre cause devient la sienne.

³⁶⁵ Ce sont-là tous les témoignages de bienveillance usités parmi les orientaux, et rien de plus expressif. Car un musulman aime beaucoup son tulbend (improprement appelle turban); son sabre ne lui est pas moins cher, et le don du manteau est encore un grand témoignage d'amitié, parce qu'il a rapport à l'hospitalité; devoir que ces peuples remplissent avec une générosité admirable. La plus belle marque de distinction que puisse donner un prince asiatique, c'est d'envoyer des pelisses.

l'Indoustan. J'agréai ses excuses; je le traitai même avec tant de bonté qu'il oublia sa honte.

SEPTIEME DESSEIN

Mon armée, dont j'avais fait la revue, montait à trois cents treize cavaliers³⁶⁶, et je résolus de m'emparer d'un château qui me servirait d'asile. Je me disposais donc à me rendre maître du sort d'Alajou, où commandait alors Manghali-Bougha-Seldouz du parti d'Elias-Khojah; je devais en faire le dépôt de mes bagages, et de mes provisions.

Tandis que je m'avançais vers ce château, Chir-Béhram, qui était lié d'une ancienne amitié avec le gouverneur, me promit de le gagner, si je voulais permettre qu'il négociât avec lui.

Arrivé sous les murs d'Alajou, Béhram m'apprend par un courrier que Manghali-Bougha lui fait ces objections. "Ce fort, dit-il, m'a été confié par Elias-Khojah. Ce serait à la fois manquer de courage et de fidélité que d'en ouvrir les portes à l'émir Timour". Il refusa constamment de le livrer.

Mais le destin voulut qu'au bruit de ma marche, la frayeur ayant saisi son âme, il abandonnât la place et prît la fuite. Trois cents guerriers de Jaoun, qui défendaient le fort, et qui m'avaient été anciennement attachés, rentrèrent à mon service.

J'arrivais dans la vallée de Souf, quand Amlis³⁶⁷ qui pillait les environs de Balkh, ayant appris mes mouvements, vint me trouver avec deux-cents cavaliers; l'accueil favorable qu'il reçut de moi, lui inspira du courage.

De-là j'envoyai Témouké-Béhader et trois cavaliers au-delà du fleuve de Termez³⁶⁸, pour avoir des renseignements sur l'armée du Jetteh, et pour m'informer de ses desseins.

Témouké de retour quatre jours après m'annonça que

³⁶⁶ Il en avait huit cents mille, quand il alla combattre Bayazed.

³⁶⁷ Fils de Touman-Béhader.

³⁶⁸ C'est-à-dire le Jihoun ou l'Oxus, qui passe par la ville de Termez, sur les confins de la Transoxiane.

cette armée, arrivée dans la province de Termez, y exerçait toutes sortes de rapines et de cruautés. Sur ce rapport, je me retirai dans les défilés de Kaz, en attendant l'occasion favorable de fondre sur l'ennemi.

Prêt à m'engager dans ces défilés, je campai au milieu de la plaine d'Iltchi-Bougha, sur les bords du Jihoun. A peine Elias Khojah en fut-il instruit, qu'il envoya des troupes contre moi.

Sur ces entrefaites j'appris que cinq émirs³⁶⁹ qui faisaient partie des forces du Jetteh venaient de tourner le dos aux chefs de cette armée, et qu'ils s'étaient retirés dans l'ancien Termez avec leurs troupes.

Toulan-Bougha, leur député, vint m'offrir leur alliance, en disant que ces émirs m'amenaient mille cavaliers pour servir sous mes drapeaux.

Je regardai leur arrivée comme un heureux présage. Ces émirs me conseillèrent d'attaquer la nuit l'armée Jetteh. J'étais déjà monté à cheval, quand on m'annonça qu'elle approchait. Aussitôt je rangeai la mienne en bataille, prêt à bien recevoir les assaillants dont j'étais séparé par le fleuve.

Ce que j'avais alors de mieux à faire était de négocier avec eux, afin d'éteindre leur courroux et de les attirer dans mon parti.

J'adressai la parole au général³⁷⁰; il goûta mes raisons; mais autres officiers, qui n'étaient pas de son avis opinèrent pour le combat; j'en fus indigné et je disposai mes troupes.

HUITIÈME DESSEIN POUR LA DÉFAITE DE L'ARMÉE JETTEH

Je me dis à moi-même: Il est à craindre que le grand nombre des ennemis n'offusque les yeux de mes guerriers³⁷¹.

³⁶⁹ C'étaient Soliman-Berlas, Moussa, Jakou-Berlas, Jellaleddin, et Hindpuké-Berlas.

³⁷⁰ L'émir Abouséid.

³⁷¹ Mot à mot: Comme ils sont nombreux, il est à craindre qu'un coup d'œil ne frappe sur mon armée. Les orientaux croient que certaines personnes

Mais, au même instant, l'ambition me saisit. "Puisque tu as fait, me cria-t-elle, des avances pour obtenir la puissance, tu n'as plus maintenant d'autre moyen que les armes. Il faut que tu choisisses entre la victoire et la mort".

Tandis que je prenais cette résolution, je m'aperçus que l'ennemi, partagé en trois corps, venait me présenter la bataille. Aussitôt je formai de mon armée sept divisions, afin de les envoyer successivement à la charge. Quand la flamme de la destruction fut dans toute son activité, j'ordonnai à l'avant-garde de lancer une grêle de traits.

Je fis avancer les soldats qui formaient le front de mon aîle droite et de ma gauche, je les soutins moi-même avec les dernières lignes de ces deux aîles. A la première et seconde charge, j'enfonçais l'escadron de l'émir Abouseïd, généralissime des Jettes.

Au même moment Hider Andakhoudi et Manghali-Bougha se jetèrent dans la mêlée; j'allai contre eux; et, dès le premier choc, je les dispersai. Enfin tous les ennemis furent culbutés et mis en déroute.

NEUVIÈME DESSEIN POUR L'ÉTABLISSEMENT DE MON AUTORITÉ

Après cette victoire, le bruit courut, dans le pays de Touran³⁷², que l'ambition de régner était l'unique motif de mes exploits. Pour m'assurer l'empire, je versai partout les bienfaits, et je signalai ma générosité, en distribuant aux soldats les trésors que j'avais amassés, tant en argent qu'en effets précieux.

Mon armée étant bien ravitaillée, je la rangeai en bataille, et nous arrivâmes sur les bords du Jihoun que nous passâmes à

peuvent faire le plus grand mal par leur seul regard. Les Italiens ont la même superstition.

³⁷² Selon les nombreux témoignages et documents (parmi eux: Avesta, mémoires de Mahmoud Kachgari, œuvres de Firdoussi) cet ancien empire (7-ème s. d'av.J.C.) s'étendait de la mer Noire jusqu'à l'Asie Centrale et était alors gouverné par notre glorieux ancêtre – Afrassiab.

Termez. Je demeurai quelques jours dans cet endroit, en attendant les coureurs que j'avais envoyés du fort de Kahalké, dont je songeais à m'emparer.

Elias-Khojah, au bruit de ma marche, dépêcha contre moi Altchoune-Béhader avec une armée formidable; mes coureurs négligents s'endormirent; l'ennemi, les ayant passés, fit plusieurs nocturnes et nous surprit à la faveur des ténèbres.

Le lieu où j'avais assis mon camp, formait une presqu'île baignée de trois côtés par les eaux du fleuve. Il y avait néanmoins plusieurs tentes dispersées ça et là hors de la péninsule; elles furent les premières exposées à la fureur des assaillants. Mais les soldats se hâtèrent de les abandonner pour se sauver dans le camp.

Je me mis promptement en état de combattre, et je me plaçai à l'entrée de la presqu'île. Les adversaires, frappés de terreur, n'osèrent engager l'action.

Je gardai ce poste dix jours entiers, et n'en sortis que pour dresser mes tentes sur le bord des eaux, où je fus un mois à la vue des ennemis. La crainte les ayant enfin obligés d'abandonner la partie, je passai le fleuve et m'arrêtai dans le camp qu'ils venaient de quitter; j'avais eu soin d'envoyer un détachement à la poursuite des fuyards.

DIXIÈME DESSEIN POUR L'AFFERMISSEMENT DE MON AUTORITÉ

Vainqueur de l'armée Jetteh je jugeai à propos de diriger mes pas vers la province de Badakhchan pour m'en rendre maître et étendre ainsi ma domination. Dès que j'eus pris cette résolution, je quittai les rives du Jihoun (de l'Oxus) et j'allai camper sous les murs de Khalem dans le Tukharistan.

L'émir Hossein, mon beau-frère³⁷³, arriva, et nous fîmes

³⁷³ Petit-fils de l'émir Carghan.

des fêtes pour célébrer sa bienvenue. Dès lors je conçus le projet de tourner de côté de Badakhchan.

Rendus à Condoz, nous y séjournâmes jusqu'à ce que les peuples d'Yureldai, s'étant assemblés, se fussent joints à nous. Ensuite je distribuai des robes d'honneur, pour encourager tous ces guerriers.

Informés de la disposition de mes troupes, les princes de Badakhchan se préparèrent à la guerre; mais je résolus de les accabler avant qu'ils eussent pu rassembler leur armée; une marche forcée me porta auprès de la ville de Talkhan.

Mon approche détermina les princes à prendre des voies pacifiques; ils vinrent demander mon alliance, et je fus très satisfait de ma pénétration, en voyant le succès des mesures que j'avais prises. Enfin ma domination s'étendit sur la province de Badakhchan, et la plus grande partie des troupes du pays se rangea volontairement sous mes drapeaux.

ONZIÈME DESSEIN POUR ÉTENDRE MON AUTORITÉ.

Les princes de Badakhchan s'étant soumis à mon obéissance, je dirigeai ma marche vers le pays de Khottalan. J'allais y entrer, quand je me vis abandonné par Boulad-Bougha et Chir-Béhram; mécontents de la conduite de Témour Hossein; qui en avait mal agi à leur égard, ils se retirèrent dans leurs tribus.

Je m'arrêtai quelque temps dans les pâturages de la plaine de Koulak; de là j'envoyai des espions pour savoir quelque chose de certain sur l'armée Jetteh, ainsi que sur Elias-Khojah.

Au bout de dix jours, mes espions me rapportèrent que les émirs de cette armée, à la tête de vingt mille cavaliers, avaient un camp qui s'étendait depuis Khalata jusqu'au pont de Cenkiné³⁷⁴.

³⁷⁴ Pouly-cenguine mot à mot: pont en pierre.

Ils me députèrent un ambassadeur, chargé de bien examiner ma situation et l'état de mon armée; je fis défiler mes troupes deux fois en sa présence, et je le congédiai.

J'aurais bien désiré de suivre cet ambassadeur; mais mon armée s'y refusa. Pour la déterminer, j'eus recours aux expédients que me suggéra la prudence. Je traitais les uns avec douceur et bonté; je gagnais les autres avec de l'argent; et, pour les engager tous, je prodiguais discours, prières, exhortations et promesses.

Sur ces entrefaites, le bruit courut que deux de mes anciens serviteurs³⁷⁵ s'avançaient contre moi, à la tête de six mille cavaliers Jetteh. Cette nouvelle, et frappant les oreilles de mes guerriers, répandit la terreur dans leur âme, et ils tombèrent dans l'abattement. Cependant quatre émirs³⁷⁶, inaccessibles à la crainte, restèrent auprès de moi.

DOUZIÈME DESSEIN POUR UNIR TOUS LES CŒURS DE L'ARMÉE

Ayant tiré en particulier les quatre émirs dont je viens de parler, je m'assurai de leur fidélité; ensuite je leur dis qu'ils seraient mes compagnons de fortune; de manière qu'ils exécutèrent ponctuellement toutes mes volontés.

Je m'adressai ensuite à ceux qui refusaient opiniâtement de marcher; je les entretins chacun séparément; les hommes en qui j'avais remarqué de l'avidité et de l'avarie, je les comblais de présents et de largesses, et je donnais les gouvernements des provinces conquises à ceux qui briguaient les dignités.

Mais, pour ne cesser jamais de les tenir suspendus entre la crainte et l'espérance, je donnai à chacun un survivancier ou lieutenant³⁷⁷.

³⁷⁵ Taglak-Saldouz et Ki-Khosraw.

³⁷⁶ L'émir Jakou, Ikou-Timour, l'émir Soliman et l'émir Jélallédin.

³⁷⁷ Le mot Mogol est Koutel, commandant destiné à prendre la place d'un autre dans un département. Ces survivanciers sont très utiles au prince; ils

Des vivres et des vêtements me suffirent pour relever le courage du soldat; des discours affables et un air ouvert achevèrent de l'entraîner; le prix excessif que je parus attacher à ses services; lui fit tant déplaisir, que tous les rebelles, comme les obéissants, se joignirent à moi, en me jurant une soumission et un dévouement à toute épreuve.

Délivré de l'inquiétude que m'avait causée la dissension de l'armée, je pensai à combattre Elias-Khojah³⁷⁸. Je ne pris point d'autres mesures que de faire une marche forcée, afin de l'accabler avant qu'il eût pu rien apprendre de mes mouvements.

Pour cette expédition, je tirai un présage dans le Coran, et je tombai sur ce verset: "Combien de petites troupes ont vaincu de puissantes armées, avec la permission de Dieu! "

Encouragé par cet heureux pronostic, je range mon armée; j'en forme sept escadrons; et, sur l'heure, nous nous mettons en marche.

Le matin, nous trouvâmes mes deux anciens serviteurs qui s'avançaient contre moi³⁷⁹, et qui formaient l'avant-garde ennemie. Dès la seconde charge, ils prirent la fuite, et je leur donnai la chasse jusqu'au pont de Cenquine, où s'était établi Elias-Khojah.

La nuit, qui me surprit, me força de dresser là mes tentes. Cependant, comme le champ de bataille était encore chaud, je voulus, à l'instant, fondre sur le prince³⁸⁰, posté dans les environs, avec une armée de trente mille hommes.

En attendant plus longtemps, je courais risque d'avoir

lui servent d'espions auprès de l'homme en charge; et, avec un gouverneur, il satisfait deux émirs.

³⁷⁸ Elias-Khojah, fils de Toglouc-Timour, et souverain de la Transoxiane, comme on l'a vu plus haut.

³⁷⁹ Ces deux serviteurs de Timour étaient Taglok Seldouz et Ki-Khosrow.

³⁸⁰ Elias-Khojah.

besoin d'un secours étranger; quoique l'émir Hossein fut campé derrière moi, je ne voulus point recourir à lui. La sagesse de mes mesures suffit pour mettre en déroute l'armée d'Elias-Khojah.

TREIZIÈME DESSEIN³⁸¹ POUR LA DÉFAITE DES TROUPES DU JETTEH ET D'ELIAS KHOJAH.

Je résolus d'enfermer son armée avec un détachement de la mienne, et de rendre tous les efforts inutiles. Dans cette intention, je plaçai deux mille chevaux, commandés par trois capitaines³⁸², au bout du pont, vis-à-vis d'Elias Khojah. Moi-même, ayant traversé le fleuve, avec cinq mille cavaliers, je gagnai une hauteur, qui dominait les ennemis; et, pendant la nuit, je fis allumer un grand feu.

La vue des flammes, la présence d'une armée redoutable, placée au bout du pont de Cenquine, tout cela effraya tellement les guerriers Jetteh, qu'ils furent sur pied toute cette nuit. Pour moi, je la passai sur la colline, occupé à m'humilier devant le trône du Créateur des mondes, et à rappeler, avec mille bénédictions, la mémoire du Prophète, de ses descendants et de ses compagnons.

Dans un assoupissement, j'entendis la voix de quelqu'un, qui me dit: "Timour, la victoire et le triomphe sont à toi"³⁸³. Au lever de l'aurore, je fis la prière avec ma troupe.

Dans le même moment, je découvris Elias-Khojah et ses émirs à cheval, qui défilaient par pelotons. Sur le champ mes

³⁸¹ J.C 1362. Hégire 763.

³⁸² L'émir Mouvid-Erial, Ougcora-Béhader, et l'émir Moussa.

³⁸³ Timour fit part de son rêve à toute l'armée. La nouvelle de cette merveille ranima le courage des soldats, que la vue du péril avait presque éteint. Hist. de Timur-bec, tom. I. p. 70.

officiers et mes guerriers demandèrent l'ordre de les poursuivre: mais je voulus attendre qu'on pût reconnaître quel était leur dessein en prenant la fuite.

Ils marchèrent l'espace de quatre lieues, et mirent ensuite pied à terre. Je vis clairement qu'ils voulaient m'attirer dans la plaine, pour y engager l'action.

Or les émirs de l'avant-garde que j'avais mis en déroute, furent vivement réprimandés par Elias-Khojah leur maître.

Les ennemis, en me voyant immobile sur cette hauteur, ne doutèrent plus que je n'eusse pénétré leur intention, et revinrent pour m'attaquer.

Aussitôt je rangeai mon armée en bataille au pied de la montagne, afin d'être en état de donner. Mais, arrivées sur le penchant de cette éminence, les troupes du Jetteh s'arrêtèrent. J'ordonnai incontinent à mes archers de lancer une grêle de traits; ce qui produisit un grand effet. La nuit étant survenue, sans que les ennemis eussent eu le temps de rien entreprendre, ils campèrent au pied de la montagne, espérant me bloquer. Pendant la nuit, je proposais à mes officiers de diviser mes troupes en quatre escadrons, et de les conduire moi-même au combat. Mon avis fut généralement adopté. Je montai à cheval avant l'aurore, et nous livrâmes quatre assauts différents.

Les soldats Jetteh furent dispersés avant que d'avoir pu se réunir; de part et d'autre, il y eut quelques hommes de tués. L'armée ennemie se mit à crier: "Fuyons"; et, sur-le-champ, elle tourna le dos. Comme je me trouvais auprès d'Elias-Khojah, je lui adressai la parole³⁸⁴. Le son de ma voix enflamme le courroux de ce prince; il rallie ses escadrons épars, et les ramène à la charge.

Le combat dura jusqu'au lever du soleil; les carquois se trouvèrent alors épuisés. Nos adversaires se battirent en retraite; et, dans le plus grand désordre, regagnèrent leur camp,

³⁸⁴ Je lui dis, Youl boulichan, mot à mot: on dirige ses pas vers où?

éloigné de quatre lieues. Ne voulant pas les poursuivre, nous restâmes au lieu même où nous étions.

Effrayée d'une déroute aussi complète, l'armée n'osa plus engager une seconde action; mes soldats se répandirent dans les environs du champ d'Elias-Khojah; et, moi-même, je l'inquiétai et le harcelai si fort, qu'il fut contraint de passer les eaux de Khojend³⁸⁵. Dès lors je renonçai à sa poursuite, et je revins dans la Transoxiane jouir de mon triomphe.

Je crus que le plan dont je devais premièrement m'occuper, était de m'assurer de la soumission et de la fidélité des émirs, qui connaissaient parfaitement leur puissance et leur grandeur, et étaient tous portés à se croire supérieurs à leurs égaux.

Je reconnus pour mon compagnon de fortune, émir Hossein, mon beau frère, qui venait de lever l'étendard de la domination, dans la Transoxiane.

Je le traitai avec beaucoup d'égards; mais, malgré les témoignages d'amitié que me donna ce prince, il conserva toujours contre moi des sentiments de jalousie et de haine.

Il désirait ardemment que je l'établisse sur le trône de la Transoxiane. Comme je n'avais aucune confiance en lui, je le conduisis au tombeau du vénérable Chamseddin. Là, nous nous promîmes une amitié mutuelle; il m'assura qu'il ne ramperait jamais ses engagements.

Trois fois il jura sur le saint Livre (le Coran). Dans la suite il viola ses serments, et son parjure me le livra.

Cheikh-Mohammed se croyait un puissant seigneur, je parvins à me l'attacher, ainsi que sept familles, (sept Cachoun) qui reconnaissaient son autorité; je donnai des gouvernements aux émirs de ces familles.

³⁸⁵ C'est-à-dire, le Sihoun ou le Yaxartes, qui passe par la ville de Khojend, et sépare la Transoxiane du Turquestan, où les troupes Jetteh allèrent alors se réfugier.

Chir-Béhram, qui m'avait quitté, continuait de vivre au milieu de sa tribu dans l'indépendance. Cédant néanmoins aux offres avantageuses que je lui fis, il revint se ranger sous mon obéissance avec toute sa tribu. En entrant au nombre de mes serviteurs, cet émir eut aussi un département.

L'émir Hossein, qui était mon parent, ne put jamais être mon ami, quelque affection que je lui témoignasse. Il osa envahir sur moi la province de Balkh et d'Hissar-Chadaman. Par égard pour sa sœur, que j'avais épousée, je ne voulus point user de représailles, et ma conduite fit tant d'impression sur les officiers ennemis, qu'ils passèrent volontairement de mon côté. Mais l'émir Hossein, sans cesse acharné à ma ruine, épuisait toutes ses ruses, pour me tendre des pièges. A la fin je résolus de le réduire avec l'épée.

J'avais conquis le Touran et délivré la Transoxiane du brigandage des Ouzbecs; cependant plusieurs chefs de tribus n'avaient point encore reconnu ma domination; chacun d'eux étaient sa fierté au milieu de ses vassaux. Quelques-uns des miens disaient que "puisque'ils avaient tous les mêmes droits au gouvernement, il était juste qu'ils en partageassent la puissance et les prérogatives". Mais ces discours ne refroidirent point en moi l'ardeur de régner.

"Puisqu'il n'y a qu'un Dieu, dis-je en moi-même, et qu'il n'a pas d'associé; le chef de son royaume doit aussi être seul".

Dans le même moment, Baba-Aly-Chah³⁸⁶, s'approchant de moi, me dit: "Timour! le Très-Haut a déclaré que, s'il y avait deux Dieux dans les Cieux ou sur la Terre, l'ordre de l'Univers serait renversé". Les paroles de ce saint religieux m'affermirent dans ma résolution.

Je pris un augure dans le saint Livre, et je tombai sur ce verset: "Nous t'avons établi notre Vicaire³⁸⁷ sur la terre".

³⁸⁶ Derviche.

³⁸⁷ Notre Khalife.

D'après ce passage, que je regardai comme très favorable, je fis toutes mes dispositions pour réduire tous les émirs qui prétendaient partager avec moi la gloire et la puissance.

Je commençai par me transporter chez l'émir Haji-Berlas, que j'eus bientôt gagné. Quant à l'émir Cheikh-Mohammed, il avait toujours été plongé dans l'ivrognerie, et il en mourut. Après sa mort, sa province tomba sous ma domination.

J'avais envoyé un avis à l'émir Bayazed-Jélaïr, qui commandait la province de Khojend; mais il n'en fit aucun cas. Bientôt après, sa tribu s'étant révoltée contre lui, on me l'amena charger de fers. Les faveurs dont je le comblai, le firent rougir (de sa conduite passée).

Itchi-Bougha-Seldouz venait de livrer l'étendard de la puissance dans Balkh; je me contentai de lui opposer l'émir Hossein, qui réclamait cette ville impériale de son aïeul Carghan³⁸⁸.

Mohammed-Khojah-Irdis, de la tribu de Naïmans, en envahissant la province de Chirghan, s'était déclaré mon ennemi; et moi, en lui donnant une autre province, je m'en fis un serviteur fidèle.

Les princes de Badakhchan, qui commandaient dans cette contrée, m'avaient déclaré la guerre. Je me conduisis vis-à-vis de chacun d'eux avec une fine politique, de manière qu'ils se divisèrent et s'attaquèrent réciproquement; et ils finirent par rentrer sous mon obéissance.

Ki-khosrow et Aljaitou-Bardi, avaient conquis la province de Khatalan et la ville d'Arhenk. J'envoyai un renfort à Ki-khosrow, afin qu'il envahît les possessions de son rival, qui vint incontinent se mettre sous ma protection.

³⁸⁸ Petit prince souverain dans la Transoxiane. Peu content de son faible domaine, il parvint à s'établir administrateur général de la Transoxiane et finit par être assassiné.

L'émir Khezzr-l'Yessourien, secondé de sa tribu, avait conquis le pays de Tachkend. Je m'empressai de rétablir la concorde entre, Aljaitou-Bardi et Ki-khosrow (dont je viens de parler); je leur confiai des troupes pour battre et disperser la tribu d'Yessouri. Leur chef éperdu vint implorer mon appui.

La tranquillité que je rétablis dans la Transoxiane, qui était en proie à la désolation, augmenta la considération de mon armée. La tribu de Berlas³⁸⁹ acquit un nom, et mes exploits firent la réputation des troupes du royaume de Jagataï.

Je dictais des lois à toutes les tribus, aux guerriers et au peuple de la Transoxiane; quelques châteaux seulement soumis à l'émir Hossein ne reconnaissaient point encore mon autorité.

La vue de ma grandeur et de ma puissance excita l'envie de cet émir. Il osa me déclarer la guerre, au mépris des serments les plus sacrés. Il avait déjà commencé des actes d'hostilité; je n'en fis pas moins des avances, auxquelles il ne daigna point répondre et, sous la fausse apparence de la bienveillance, il me surprit le fort de Carchi, où il établit d'abord sous les ordres de l'émir Moussa, sept mille cavaliers, auxquels il en joignait, dans la suite, cinq mille autres. Enfin, il ne s'occupait que de ma perte.

Le noble amour de la domination m'inspira le désir de reprendre le fort de Carchi; quelques-uns de mes émirs me conseillaient d'assiéger ce château; mais je craignis que mes troupes ne fussent repoussées, et j'aimai mieux renoncer au projet d'un siège, que de courir les périls qui en seraient inséparables.

Je préfèrai de retourner dans le Khorassan, afin d'inspirer de la sécurité à la garnison du château. Je devais ensuite revenir avec diligence et livrer un assaut nocturne. Nous levâmes donc

³⁸⁹ Dans laquelle Timour était né.

le camp et nous partîmes. Comme je traversais l'Amouyeh³⁹⁰, je rencontrai une caravane qui venait du Khorassan, et allait à Carchi. Le chef m'offrit des présents; je le questionnai sur l'état des princes du Khorassan, et je lui dis que j'allais dans cette province. Après quoi je le congédiai; j'avais eu la précaution de glisser un espion parmi la multitude qui composait cette caravane, et j'attendis mon homme sur le bord des eaux.

A son retour, il m'apprit qu'on avait parlé de moi à l'émir Moussa. "Nous avons rencontré, sur les rives de l'Amouyeh, l'émir Timur, ont-ils dit; il va au Khorassan". Cette nouvelle répandit la joie dans le cœur de Moussa et des guerriers de Émir Hossein. Ils plantèrent le piquet et étendirent le tapis des festins.

Sur ce rapport, je détachai deux cents quarante trois guerriers d'élite aussi expérimentés que braves, à la tête desquels je repassai les eaux: et, par une marche forcée, je me rendis à Chirkend, où je restai un jour et une nuit. De-là j'allai asseoir mon camp à une lieue du fort de Carchi.

J'ordonnai qu'on préparât des échelles, liées avec des cordes. Sur ces entrefaites, je vis l'émir Jakou plier le genou, pour me représenter, que "le plus grand nombre de nos guerriers, étant demeurés en arrière, il fallait les attendre".

Je suivis ce conseil, et je résolus d'employer le temps qui me restait, jusqu'à leur arrivée, à reconnaître le château.

Je m'approchai avec quarante cavaliers; et, dès qu'on découvrit la forteresse, on fit halte; je gardai seulement avec moi Mabachar et Abdallah, serviteurs nés dans ma maison. Arrivé sur les bords du fossé, je le trouvai plein d'eau. Au-dessus du même fossé était un tuyau³⁹¹, qui le traversait et donnait de l'eau à la place.

³⁹⁰ C'est-à-dire le Jihoun ou l'Oxus, qui prend le nom de la ville (l'Amouyeh où il passe. Nom actuel: Amou-Daria.

³⁹¹ C'est-à-dire, Un aqueduc fait avec un tronc d'arbre foré de part en part.

Je remis mon cheval à l'un de mes compagnons; et, ayant passé le fossé sur le tuyau, je descendis au pied de la forteresse; je cherchai la porte, et frappai avec la main: comme personne ne répondit, je me persuadai que les gardes étaient endormis.

On avait eu la précaution de murer cette porte avec de la terre. Ne pouvant entrer je fis le tour du château, afin de trouver un endroit favorable pour planter les échelles; ensuite j'allai reprendre mon cheval, et je retournai vers mes guerriers.

La troupe que j'avais laissée en arrière; était armée de toutes pièces; je la conduisis moi-même au fossé, que nous passâmes par le moyen de l'aqueduc; les échelles ayant été plantées au pied du mur, il fut bientôt escaladé³⁹². Quarante braves entrèrent, je les suivis; on sonna la trompette, et, par la grâce du Tout-Puissant, je me rendis maître de la forteresse.

L'émir Hossein, pour réparer la perte qu'il venait de faire, eut recours à la ruse et à la dissimulation; il voulait, sous le masque de la sincérité et de l'amitié, m'attirer dans ses filets. Afin d'éviter les pièges de ce perfide, qui n'oubliait rien pour s'emparer de ma personne, je pris ce parti.

Il m'envoya un Coran, sur lequel il avait fait ce serment: "Maintenant mon cœur ne nourrit plus que des sentiments d'amitié et une tendresse fraternelle".

Il ajouta: "Si mes sentiments ne répondent point à mes discours; si, au mépris de mes serments, j'ose trahir mes promesses, que le Livre de Dieu me punisse"! Je savais qu'il était musulman, et je me fia à la parole. Je vis ensuite arriver un courrier, qui me demanda de sa part une entrevue à vallée de Tchektchek, pour renouveler notre ancienne alliance.

Son projet était de me prendre par trahison; je n'ignorais pas combien peu on devait compter sur lui. Mais, par respect pour le Livre sacré, je voulus aller au rendez-vous.

³⁹² Ils entrèrent par la porte, dont le derviche Buké rompit la serrure avec sa hache d'armes, selon Chériffeddin.

Je pris la précaution de faire cacher un corps de guerriers déterminés³⁹³, dans les environs du détroit où je me rendis avec une autre escorte³⁹⁴.

Je recommandai à ceux de mes amis qui servaient sous les drapeaux de l'émir Hossein, de m'informer des projets de leur maître; Chir-Béhram, était de ce nombre, et il me rendit ce service. Hossein l'ayant su, le fit mourir, et vint ensuite vers moi avec mille cavaliers.

Je descendais dans la vallée, quand j'appris sa marche. Sans tarder davantage, je rangeai ma troupe en bataille. Tout à coup on découvrit les coureurs ennemis, et mes vedettes vinrent me dire: "C'est l'armée de l'émir Hossein. Mais il ne vient pas lui-même. Comme il sait que vous êtes seul, il s'est contenté d'envoyer un détachement pour s'emparer de votre personne".

J'étais prêt, ainsi que mes deux-cents cavaliers; mais, en attendant que les troupes d'Hossein se fussent engagées dans le défilé, j'ordonnai aux guerriers que j'avais envoyés devant³⁹⁵, de leur fermer tous les chemins de la retraite. Ensuite je marchai aux ennemis; comme ils ne trouvèrent aucune issue, je fis un grand nombre de prisonniers; après avoir taillé mes soldats, je retournai à Carchi; alors je fus convaincu qu'un ami sert en toute occasion.

J'écrivis à Hossein le sens de ces vers en langue Turk³⁹⁶.

"Zéphir, dis à cette Belle, qui a tendu le filet de la tromperie; dis-lui, ne vit-on jamais la tromperie retomber sur son auteur?"

³⁹³ Ce corps était de deux-cents hommes. Chériffeddin.

³⁹⁴ Deux cent hommes seulement selon le même auteur.

³⁹⁵ Timour parle ici de ce corps de deux-cents hommes qu'il avait places en embuscade.

³⁹⁶ Le nom Turk signifie, dans tout le cours de cet ouvrage, Mogol, ou Tartare.

En recevant ce billet, l'émir Hossein rougit, et sentit tout l'excès de sa honte. Il me fit des excuses; mais il avait perdu ma confiance, et ses discours ne purent plus m'en imposer.

VOICI QUELLES FURENT MES DISPOSITIONS POUR
PURGER LE TOURAN DU RESTE DES OUZBECS
QUE L'ÉPÉE AVAIT ÉPARGNÉS

Quand l'armée Jetteh d'Elias-Khojah eut évacué la Transoxiane, et que j'eus chassée au-delà du fleuve de Khojend, plusieurs détachements d'Ouzbecs allèrent se retrancher dans les forts de ce royaume. J'aurais bien fait marcher des troupes contre eux; mais je craignis que cette guerre ne traînât en longueur.

Informé que les Ouzbecs se tenaient enfermés dans ces forteresses, je vis alors qu'il y aurait de l'imprudence à les attaquer à force ouverte; (je me servis de la ruse). J'écrivis au nom d'Elias-Khojah, leur prince, un ordre (de sortir) dont je chargeai un Ouzbec, que je fis suivre d'un détachement. Ces soldats devaient exciter un grand tourbillon de poussière pour être mieux remarqués.

Les ennemis, en lisant l'ordre d'Elias-Khojah, qui les rappelait; et, en voyant la poussière élevée par les troupes, quittèrent les forteresses; mais avec la précaution de ne sortir qu'à la faveur de la nuit³⁹⁷.

Ainsi fut délivrée la Transoxiane des oppresseurs qui avaient juré ma perte, et ce royaume me fut entièrement soumis.

³⁹⁷ Chérifeddin ne raconte pas l'affaire de la même manière; il parle néanmoins de la poussière que les troupes de Timour élevèrent, en attachant deux branches d'arbres bien fournies de feuilles à chaque côté de leurs chevaux. Il ajoute une réflexion de bel esprit. "Ainsi, dit-il, la fortune, favorable à Timour, le fit triompher d'une grosse armée, et il conquit une ville avec de la poussière". Hist. de Timour-bec, Tom. I.p.67.

Par respect pour les liens du sang, je remis à l'émir Hossein la ville de Balkh et Hissar-Chadaman. Ce prince, insensible à ma générosité, ne pensa jamais qu'à ma ruine, et me força de travailler à la sienne.

L'éclat de mes victoires et de mes triomphes enflamma sa jalousie. Il n'y a pas de vexation qu'il n'exerçât contre sa sœur, mon épouse, et contre moi. Il voulut me ravir la Transoxiane. Cet ennemi acharné n'oublia rien pour me faire périr. Plusieurs fois il en vint aux mains; et, autant de fois, il fut battu.

J'allais succomber sous l'excès de sa tyrannie et de ses injustices, quand, indignés de sa conduite, ses officiers, aussi mécontents que moi, l'abandonnèrent. Il fit mourir le frère³⁹⁸ du gouverneur de Khotalane, et ce dernier se révolta.

Ses émirs étaient, depuis longtemps, ses plus ardents ennemis, qu'il comptait encore sur leur amitié. Toujours plein de l'idée de ma ruine, il porta ses tentes hors des terres de Balkh. D'après ses opérations, je vis bien que j'aurais le temps de lui tomber sur les bras, avant qu'il se fût mis en mouvement.

Ayant rassemblé ce qui se trouvait de guerriers autour de moi, je me mis en marche avec eux. Sur la route de Balkh, je vis accourir, de tous côtés mes troupes invincibles; nous allâmes camper aux environs de cette ville. Hossein vint à ma rencontre; mais ses efforts furent impuissants. Obligé de se retirer dans la citadelle, il subit le sort qui lui était réservé³⁹⁹.

⁴⁰⁰Tous ceux qui m'avaient nui me redoutaient avec raison; car, en jettant les yeux sur leur conduite passée, ils ne pouvaient espérer aucune grâce. Voici néanmoins le traitement que je leur fis.

³⁹⁸ Hamtchi, frère de Khosrow.

³⁹⁹ Hossein fut pris dans la ville de Balkh, et tué par deux émirs, qui avaient à se plaindre de sa cruauté, l'An de J.C, Avril 1370, de l'Hégire 771; au mois de Ramazan, âge de Timour est 35.

⁴⁰⁰ Par la mort d'Hossein, son rival, Timour devient maître absolu de la Transoxiane, qu'il gouverna à la faveur d'un fantôme de Khan, de la race de Genghis, dont il ne paraissait être que le lieutenant.

Lorsque l'émir Hossein tomba entre nos mains, ses serviteurs et ses officiers craignaient que je ne les condamnasse à la mort. C'était d'abord mon intention; mais, comme ils savaient tous manier les armes, j'aimai mieux les rassurer et les enrôler dans mes troupes.

Le généralissime d'Hossein, qui commandait dans Badakhchan avait tiré l'épée plusieurs fois contre moi, mais, quand il apprit la mort de son maître, il craignit ma vengeance, et rassembla ses forces. Il n'aurait pas été à propos que je fisse marcher une armée contre lui.

Je parus l'avoir oublié, tandis que j'avais soin de le louer dans les assemblées, au milieu de mes compagnons. J'exaltai son courage, dans les termes les plus pompeux. De manière que ses amis lui écrivirent: "Timour est disposé à te pardonner et à te traiter favorablement". Après m'avoir fait ses soumissions, ce gouverneur, plein de confiance dans ma générosité, vint se réfugier auprès de moi.

PLAN QUE JE SUIVIS POUR PRENDRE HÉRAT, CAPITALE DU KHORASSAN

J'avais conquis la province de Balkh, d'Hissar-Chadaman et Badakhchan. L'émir Hossein venait de périr. Au bruit de tous ces événements, Ghayazeddin, souverain du Khorassan, trembla pour sa capitale. Il leva une armée, et se tint sur la défensive.

La prudence m'inspira de plonger le peuple du Khorassan dans le sommeil de la négligence. Je parus fixer mon attention sur Samarcande; et, bientôt, je fus averti, par un billet de mon conseiller de conscience, que Ghayazeddin s'abandonnait à la tyrannie, et exerçait toutes sortes de cruautés.

La nouvelle de mon retour à Samarcande tranquillisa Ghayazeddin, et je me dis alors: "Profitons du moment où les Khorassaniens ne pensent plus à moi, pour fondre sur eux".

En quittant les environs de Balkh, avec l'armée que

j'avais lassée dans la ville, je fis la plus grande diligence pour arriver à Hérat, où je surpris Ghayazeddin⁴⁰¹. Ce prince, dépourvu de secours, sortit de la ville, et m'offrit ses trésors, ses possessions et le royaume. Le Khorassan fut subjugué⁴⁰², et les émirs de la province se rangèrent sous mon obéissance.

Ma conquête du Khorassan fut suivie de celle du Sistan, du Candahar et de l'Afghanistan. Je vais dire comment ces contrées me furent soumises.

Après la conquête du Khorassan, mes officiers me conseillèrent d'envoyer des troupes dans ces trois royaumes.

Je leur répondis: "Si mes armées trouvent ces expéditions trop difficiles, il faudra que je m'en occupe moi-même, et maintenant je suis accablé d'affaires".

Alors je pris le parti d'écrire aux gouverneurs des provinces, des lettres engageantes⁴⁰³, dont voici le précis: "Si vous venez vers moi, continuez votre route; si vous voulez rester, restez; faites ce qui vous plaira".

L'événement répondit à mon attente. En effet, à la lecture de ce billet, ils placèrent le front de la soumission sur le seuil de l'obéissance.

VOICI MES DISPOSITIONS POUR VAINCRE OUROUZ-KHAN ET CONQUÉRIR LA GRANDE TARTARIE⁴⁰⁴.

Quand Toctamich⁴⁰⁵, défait par Orouz-Khan, vint se mettre sous ma protection, je délibérai si je lui confierais une armée, ou si je marcherais en personne.

Sur ces entrefaites, arriva un ambassadeur de la part

⁴⁰¹ Enseveli dans le sommeil de la négligence.

⁴⁰² J.C Avril 1381. Hégire. Moharrem 783.

⁴⁰³ Le mot Tartare est Yerligh.

⁴⁰⁴ Le Kiptchac donné par Gengis khan à Touchi son fils, dont Orouz-Khan descendait, et était le vingtième successeur.

⁴⁰⁵ Toctamich, descendant aussi de Touchi, et prétendant au royaume de Kiptchac comme prince du sang royal. J.C, 1375. Hégire 777.

d'Orouz-Khan; je résolus de le traiter avec bonté, et de le congédier de même. Cependant mes guerriers investissaient tous les chemins de la grande Tartarie, et une armée marchait sur les pas de cet envoyé; car j'avais résolu de livrer une attaque imprévue à Orouz-Khan, le lendemain même du jour où l'ambassadeur, plein de sécurité, devait revoir son maître, qui ne s'attendait à rien.

Le projet réussit comme je l'avais espéré; l'ambassadeur faisait son rapport à son prince; tout à coup mes troupes s'élancent sur Orouz-Khan, avec l'impétuosité d'un fléau inattendu, elles n'éprouvent aucune résistance, notre ennemi prend la fuite et la grande Tartarie m'est soumise⁴⁰⁶.

VOICI QUELS FURENT MES PROJETS POUR
CONQUÉRIR LES ROYAUMES DE KILAN,
DE JARJAN ET DE MAZENDARAN, D'AZERBAIJANE,
DE CHIRVAN, DE FARS ET D'IRAC

Sur les plaintes que m'adressa le peuple de l'Irac, contre la tyrannie des Mozaffériens(ses souverains) et des autres princes du pays, je me mis en route pour cette contrée.

Il était à craindre que les rois du pays ne se ligussent contre moi; je devais donc être préparé à les recevoir. Mes officiers me conseillèrent de me fournir de toutes les munitions de guerre avant d'entrer en marche. Je formai le projet de réduire ces provinces les unes après les autres, et de châtier rigoureusement ceux qui oseraient me tenir tête.

⁴⁰⁷Le premier qui implora ma protection fut l'émir Aly⁴⁰⁸, gouverneur du Mazendaran. Il m'envoya des présents, auxquels il joignit cette lettre:

⁴⁰⁶ A la mort d'Orouz-Khan, qui arriva peu de temps après sa défaite, Toctamich fut placé par Timour sur le trône de la grande Tartarie. J.C. 1376. Hég. 778.

⁴⁰⁷ J.C. 1382. Hégire 784.

⁴⁰⁸ Que M. Petit de la Croix appelle Vély.

"Nous, descendants d'Aly, nous nous sommes toujours contentés de cette province. En vous en emparant, vous signalerez votre pouvoir; mais, si vous l'épargnez, votre conduite sera plus conforme à la clémence"⁴⁰⁹.

La soumission du prince de Mazendaran fut pour moi d'un heureux augure. Je tournai ensuite vers les royaumes de Kilan, de Jarjan. Les gouverneurs m'ayant refusé l'obéissance, j'envoyai contre eux mes troupes victorieuses, et je conduisis moi-même une armée dans l'Irac.

Je me rendis maître d'Isphahan; et, par confiance dans les habitants, je leur remis la citadelle; mais, s'étant révoltés⁴¹⁰, ils égorgèrent le gouverneur que j'y avais établi, et trois mille de mes soldats. J'ordonnai aussitôt qu'on fit main basse sur tout le peuple.

TEL FUT MON PLAN POUR CONQUÉRIR, (UNE SECONDE FOIS) CHIRAZ, CAPITALE DE LA FARS ET LE RESTE DE L'IRAC

J'avais remis cette ville aux descendants de Mozaffer, et muni Isphahan d'une garnison de trois mille hommes. Comme j'allais conduire une armée dans la grande Tartarie, pour réduire Toctamich⁴¹¹, j'appris que les habitants d'Isphahan avaient mis à mort mon gouverneur, et que ceux de Chiraz avaient retiré le pied du sentier de l'obéissance.

Ces événements me déterminèrent à porter une seconde

⁴⁰⁹ Il est bon d'observer que la dernière partie de ce billet se trouve, dans le texte, en Arabe et en Persan.

⁴¹⁰ Un Garçon forgeron ameuta la populace, et commit cette atrocité, à laquelle les habitants n'eurent aucune part. Plusieurs mêmes sauvèrent des soldats Tartares. Hist. de Timour-bec. T. I. p. 431.

⁴¹¹ Ce Khan de la grande Tartarie ou de Kiptchac, dont il a été fait mention plus haut, avait profité de l'absence de Timour, son bienfaiteur, pour faire des invasions dans ses états.

fois la guerre dans l'Irac. Je rassemblai quatre-vingt mille hommes. Mais la crainte de ne point trouver un lieu capable de contenir une armée si nombreuse, me força de la faire entrer dans le royaume par détachements.

Je divisais donc mon armée en trois corps, que j'envoyai devant moi. Diverses troupes qui s'étaient réunis dans l'Irac, furent dispersées, je conduisis une armée à Chiraz. Le gouverneur de cette capitale, Chah-Mansour, osa me tenir tête et reçut le châtement qu'il méritait.

DISPOSITIONS POUR LA DÉFAITE DE TOCTAMICH-KHAN⁴¹².

Engagées depuis six mois à la poursuite de ce Prince, dans les déserts de la grande Tartarie, mes troupes harassées commencèrent à ressentir vivement les horreurs de la famine. Elles n'eurent, pendant plusieurs jours, d'autre aliment que le produit de leur chasse et les œufs des oiseaux du désert. Toctamich, qui apprit l'état de mes guerriers, ne crut jamais pouvoir trouver une occasion plus favorable; il s'avança contre moi avec une armée aussi nombreuse que les sauterelles et les fourmis.

Mes soldats étaient las et affamés; les siens, au contraire étaient frais. Mes chefs et mes officiers ne paraissaient guère disposés à combattre, lorsque mes fils et mes petits-fils, fléchissant le genou, me jurèrent un entier dévouement.

J'avais gagné le porte-enseigne de mon ennemi; il me promit de renverser son étendard, tandis que les deux armées seraient aux prises⁴¹³.

⁴¹² J.C. 1391. Hégire 793.

⁴¹³ Pour faire sentir l'importance de ce dessein, il est à propos d'instruire le lecteur de l'usage du grand étendard du prince dans l'Asie. De tout temps, sa retraite, ou sa disparition décide du sort d'une bataille. Sa forme suffit pour

Quand les officiers surent que mes fils et mes petits-fils avaient plié le genou devant moi, leur courage se ranima, et ils ne respirèrent plus que le combat.

Je plaçai, à l'avant-garde, mon petit-fils, le Mirza Aboubékér, avec huit mille cavaliers; et, dans la plus grande chaleur de la mêlée, je leur ordonnai de dresser leurs tentes, et d'apprêter à manger. Au même moment, l'étendard de Toctamich fut renversé. Ce prince éperdu prit la fuite et abandonna son armée⁴¹⁴ aux horreurs de la désolation.

CONQUÊTE DE BAGDAD, LA MAISON DE PAIX⁴¹⁵, ET DE L'IRAC-ARABI

Après que j'eus subjugué l'Irac-Ajémi et la Fars, mon conseiller de conscience, m'écrivit ce billet, «(Dieu) le maître de l'Irac-Arabi et de l'Irac-Ajémi (qui t'a déjà soumis une de ces provinces) te donne également l'autre».

J'envoyai un ambassadeur auprès du sultan Ahmed-Jélaïr, prince de Bagdad. Je voulais des renseignements certains sur sa conduite, sur son courage et sur la force de son armée.

A son arrivée à Bagdad, mon ambassadeur m'écrivit: «le sultan Ahmed-Jélaïr est un morceau de chair animée, qui a deux yeux»⁴¹⁶.

Je plaçai ma confiance dans le Tout-Puissant; et, par une

le faire reconnaître toujours le corps commandé par le prince en personne et jamais les soldats ne le perdent de vue. Tant qu'ils le voient flotter, ils sont dans la sécurité que leur prince ne les a point abandonnés; mais le moment de la disparition ou de la retraite de cette enseigne est aussi celui de leur fuite et de leur dispersion.

⁴¹⁴ Dans le texte, la horde (ou la tribu) de Jouji-Jouji, fils aîné de Gengis khan, régna dans le Kiptchac, et Toctamich était son vingt-troisième successeur.

⁴¹⁵ C'est le surnom que les musulmans donnent à cette ville.

⁴¹⁶ Cet ambassadeur veut exprimer ici combien il méprise le sultan.

marche forcée, j'arrivai promptement à Bagdad. Le sultan, prenant la fuite, se retira, dans la plaine de Kerbala, et la Maison de Paix me fut soumise⁴¹⁷.

DESSEIN POUR LA DÉFAITE DE TOCTAMICH-KHAN⁴¹⁸

Toctamich vaincu, ayant été assez heureux pour ne pas tomber entre mes mains, envoya une armée formidable dans le royaume d'Azerbaïdjan⁴¹⁹, et y excita des troubles et des rébellions. Pour moi, qui venais de conquérir les deux tracs, je ne pris point d'autre mesure pour l'accabler, que de conduire en personne une armée dans la grande Tartarie, par le chemin de Derband.

Je fis la revue de mon armée, qui, rangée en bataille, couvrait l'espace de quatre farsanks (quatre lieues). Ensuite je rendis des actions de grâce au Seigneur.

Ayant passé le fleuve Sémour; j'écrivis cet ordre au peuple et aux tribus de la Grande Tartarie: "Quiconque vient à moi peut continuer sa route; celui qui veut rester en est le maître".

⁴²⁰L'an 797, j'entrai dans la Grande-Tartarie, et je pénétrai jusqu'aux extrémités des terres septentrionales. Les peuples de ces contrées osèrent me combattre, et furent dispersés et détruits. Les provinces, les hordes et les forteresses des cinquième et sixième climats⁴²¹ furent conquises, et je m'en retournai victorieux.

⁴¹⁷ J.C. Octobre 1393. Hégire, Chawal 795.

⁴¹⁸ J.C. 1395. Hégire 797.

⁴¹⁹ Par la route de Derband et de Chirwen.

⁴²⁰ J.C. 1395. Hégire 797.

⁴²¹ Les orientaux divisent la terre en sept climats; les Grecs avaient adopté la même division.

EXPÉDITION DE L'INDOUSTAN

Mon premier soin fut de m'assurer des intentions de mes fils et de mes émirs.

Le Mirza Pir Mohammed-Jihankir, me dit: "Lorsque nous-nous seront emparés de l'Inde, l'or de cette contrée nous rendra les maîtres du monde".

Le Mirza Mohammed-Sultan, me dit: "Il faudrait conquérir l'Indoustan; mais cette région a bien des boulevards; premièrement les mers, secondement les forêts, les déserts; enfin des soldats armés de toutes pièces, et des éléphants qui écrasent les hommes".

Le Mirza Sultan-Hossein me parla ainsi: "La conquête de l'Inde mettra quatre climats⁴²² sous notre domination".

Le Mirza Chah-Rokh me dit: "J'ai lu dans les annales turkes, qu'il y avait cinq grands rois, dont l'on ne profèrait point les noms propres, par respect pour leur puissance. Le monarque en Inde est appelé dara⁴²³; celui de l'Anatolie kisser (césar); celui de la Chine fagfour⁴²⁴; celui de Turquestan se nomme khacan (grand roi); celui de la Perse et de la Transoxiane, (l'Iran et le Touran) a le titre de Chahin-chah (Roi des Rois). De temps immémorial, le pouvoir de ce dernier a été reconnu dans l'Inde; et, puisque nous sommes les maîtres de la Perse et de la Transoxiane, nous ne pouvons nous dispenser d'y joindre l'Indoustan".

Mes émirs, à leur tour, me parlèrent en ces termes: "Une fois maîtres de l'Indoustan, si nous y fixons notre séjour, notre postérité est perdue, nos enfants et nos neveux dégèneront, en se mêlant parmi les naturels du pays, dont ils adopteront jusqu'à la langue"⁴²⁵.

⁴²² Les quatre septièmes du monde, puisque les orientaux le divisent en sept climats.

⁴²³ Souverain en Inde se nommait roi [roy].

⁴²⁴ Dans le texte fagfour signifie fils du Ciel.

⁴²⁵ Les orientaux sont très attachés aux usages de leur pays, et surtout à la langue. "Savoir la langue c'est savoir l'âme (du peuple)", dit le proverbe ouzbek.

Je désirais si fortement la conquête de l'Inde que rien ne put m'en détourner. Je me contentait de faire cette réponse aux émirs: "Je vais m'adresser au Tout-Puissant, leur dis-je; le Coran me fournira un présage de guerre, et je veux connaître la volonté de Dieu, afin de m'y conformer". Les émirs approuvèrent mon idée.

A l'ouverture du saint Livre, je tombai sur ce verset. "O Prophète! fais la guerre aux infidèles et aux impies".

Les docteurs en expliquèrent le sens aux émirs. Mais ceux-ci, la tête baissée, ne parlaient point; leur silence me serra le cœur.

Je voulais d'abord priver de leurs charges tous ceux qui n'approuvaient pas la conquête de l'Inde, et remettre leurs régimes, et leurs compagnies à leurs lieutenants. Mais, comme ils avaient contribué à mon élévation, je ne pus me déterminer à les perdre; je leur fis seulement des représentations; et, quoiqu'ils eussent déchiré mon cœur, dès qu'ils adoptèrent mon projet, tout fut oublié.

Après un nouveau conseil, je fis porter en avant mes tentes du côté de l'Indoustan, et je récitai la prière de la victoire.

Mon dessein était de conduire des troupes vers la capitale de cette contrée. Le mirza Pir Mohammed-Jihankir était à Kaboul avec trente mille cavaliers de l'aile gauche de l'armée. Je lui ordonnai de prendre le chemin des montagnes de Soliman, de passer le Send (l'Indus) et d'emporter Moultan d'assaut.

Sultan Mohammed-Khan et le Mirza Rostem, avec d'autres émirs, qui commandaient trente-mille cavaliers de mon aile droite, eurent ordre pareillement de passer le Send (l'Indus) pour faire une irruption dans la province de Lahor, en côtoyant les montagnes de Cachemire. Moi-même, je me mis en marche avec trente-deux mille cavaliers du corps de bataille.

Mon armée rassemblée se montait à quatre-vingt-douze

mille cavaliers⁴²⁶. Ce nombre est égal et correspond parfaitement à celui des noms de Mohammed, l'Apôtre du Très-Haut. (Dieu lui fasse paix et miséricorde, ainsi qu'à sa postérité!) Cette conformité fut pour moi un heureux pronostic.

Je montai à cheval⁴²⁷, et j'allai camper à Enderab, sur les frontières de Badakhchan; et, après avoir réprimé les infidèles des montagnes de Ketouer, je m'occupai entièrement de la guerre sainte de l'Indoustan.

Voici les mesures que je pris pour chasser les Oughanis⁴²⁸ de la route de l'Inde, quand j'appris tous les brigandages qu'ils y commettaient. Moussa-Oughan, chef de la tribu de Kerkès était à leur tête. Il attaqua Lachker-Chah-Oughan, un de mes plus fidèles officiers, à qui le mirza Pir-Mohammed-Jihankir n'avait pas fait difficulté de confier la garde du fort d'Irab; après l'avoir massacré, il s'empara de tout ce qu'il trouva chez lui.

Aussitôt Malek-Mohammed, frère de cet infortuné, vint se lamenter, et m'apprit comment la cruauté de Moussa m'avait privé du serviteur qui m'était le plus dévoué.

Je fis emprisonner Malek, en disant que la fidélité de Moussa m'était connue. Mes émirs parlèrent beaucoup de cet acte d'injustice.

L'emprisonnement de Malek, et les discours que j'avais tenus inspirèrent tant de confiance à Moussa, qu'aussitôt, qu'il eût lu mon ordonnance, il vint, sans méfiance me livrer la forteresse.

En me promenant à l'entour, un soldat ennemi me lança une flèche, et Moussa reçut bientôt la récompense qu'il méritait; et, dès lors, la route de l'Indoustan me fut ouverte.

⁴²⁶ Suivant d'Herbelot, Bibl. Or. page 603, les musulmans donnent quatre-vingt-dix-neuf noms à Mohammed, et autant à Dieu. Mais, à en juger par notre texte, on doit restreindre ce nombre à quatre-vingt-douze, ce qui paraît plus probable. Note le l'Editeur Angl.

⁴²⁷ J.C. Mars 1398. Hégire Rejeb. 800.

⁴²⁸ Ou Afghans; car le mot est écrit tantôt Oughan, et tantôt Afghan dans le manuscrit.

VOICI MES DISPOSITIONS POUR VAINCRE
MAHMOUD, GOUVERNEUR DE DÉHLY,
ET MALOU-KHAN

Mahmoud, gouverneur de Déhly, et Malou-Khan, son généralissime, venaient de pourvoir à la sûreté de cette capitale de l'Inde et se disposaient à me faire la guerre. Ils étaient à la tête d'une armée de cinquante mille combattants, cavaliers et fantassins, avec une chaîne de cent vingt éléphants.

Au lieu de m'acharner au siège de Déhly, ce qui aurait fait traîner la guerre en longueur, je résolus de faire croire à Mahmoud que mes troupes étaient faibles et timides, afin que, devenu présomptueux, il présentât lui-même le combat.

Je fis creuser un fossé autour de mon armée, et je me fortifiai dans ce retranchement, tandis qu'un parti allait attaquer les ennemis. Mes soldats avaient ordre d'affecter beaucoup de faiblesse et de lâcheté, pour inspirer de l'audace à leurs adversaires.

Fiers de leurs avantages, ceux-ci descendirent dans la plaine et vinrent braver mes troupes invincibles. Le sultan Mahmoud engagea l'action; mais bientôt repoussé avec perte, il fut obligé de se réfugier dans les montagnes. Les richesses immenses de ce gouverneur, tant en argent qu'en effets, tout fut la proie du soldat⁴²⁹.

En moins d'une année, je conquis la capitale de l'Inde; et, vers la fin de cette même année, je regagnai ma ville impériale de Samarcande⁴³⁰.

CONQUÊTE DU ROYAUME DE GÉORGIE⁴³¹

Je n'étais pas encore reposé des fatigues de ma dernière expédition, que je reçus des représentations des gouverneurs

⁴²⁹ J.C. Janvier 1399. Hég. Rabi premier 801.

⁴³⁰ Où il arriva au mois de Mai 1399. Chaban 801.

⁴³¹ Kurgistan.

des deux tracs, qui se plaignaient de ce que les infidèles de la Géorgie avaient franchi les limites (du devoir)".

J'ai toujours été intimement persuadé que la plus digne occupation d'un prince était de soutenir des guerres saintes, de combattre les infidèles, et de conquérir le monde.

La nouvelle de l'irruption des perfides Géorgiens me fit appréhender que trop de lenteur (dans leur punition) ne donnât le temps aux factieux de fomenter une révolte; je me hâtai donc de les réduire.

Les soldats qui avaient servi dans l'expédition de l'Inde eurent la liberté de rester chez eux ou de m'accompagner.

Je donnai ordre aux armées du Khorassan, du Candahar, du Sistan, du Kerman, du Tabaristan, du Kilan, du Mazendaran et de la Fars de se préparer à faire la guerre et de se rendre sous les murs d'Isphahan, pour se joindre à mes troupes victorieuses⁴³².

Mon principe fut toujours de disperser les rebelles de chaque contrée; c'est pourquoi j'envoyai dans le Touran⁴³³ les séditeux du Khorassan et de la Fars, et je parvins à purger ces deux provinces.

Ensuite toute mon attention fut dirigée vers la conquête de la Géorgie, et je suivis exactement le plan adopté par mes soldats.

Un casque d'acier sur ma tête, la poitrine couverte de l'armure de David⁴³⁴; une épée égyptienne à mon côté, je m'assis sur le trône de la guerre.

Je fis marcher les guerriers du Touran, les braves du Khorassan, et les héros du Mazendaran et du Kilan. Nous

⁴³² C'est-à-dire, l'armée qu'il commandait en personne. Nat. de l'Edit. Angl.

⁴³³ Le Touran contient la Transoxiane et le Turquestan.

⁴³⁴ Cette fameuse armure dont Timour se couvrit dans cette circonstance, passait pour avoir été fabriquée par le roi David même dans l'atelier d'un forgeron. Ce fut Ipocrates, roi de Géorgie, qui, ayant été pris et converti par le conquérant Tartare lui donna cette armure comme un gage de sa fidélité. Hist. de Tîm. Tom. I, p. 400.

prîmes la citadelle de Siwas (de Sébaste) et les forts de la Géorgie; tout ce qu'on y trouva d'habitants fut passé au fil de l'épée; mes troupes victorieuses partagèrent entre elles le butin; et je punis rigoureusement les séditeux de l'Azerbaïdjan.

Immédiatement après cette expédition, j'allai au fort de Malathiah (Mélitène) qui fut bientôt, soumis ainsi que ses environs. Délivré de ce soin; je portai mon attention sur Alep et Emesse. Il m'en coûta très peu pour la conquête de ces pays; et, sans perdre de temps, je voulus y joindre celle de l'Egypte et de la Syrie.

CONQUÊTE DE L'EGYPTE ET DE LA SYRIE⁴³⁵

Bayazed⁴³⁶ n'ignorait pas ma force et ma puissance; mais, quand il sut comme j'avais emporté les citadelles de Sébaste, de Mélitène (Siwas et Malathiah) et leurs dépendances, comme j'avais défait et dispersé les troupes qu'il entretenait dans ces forts, il ne put modérer son indignation, enfin cédant aux instigations de Yousouf, prince Turcoman, qui pour m'éviter, s'était réfugié auprès de lui, il résolut de me faire la guerre.

Ce monarque touchait au moment de sa ruine, Yousouf le détermina encore à conduire une armée contre moi. Il se mit donc en campagne avec un corps de troupes formidable; en outre il tira des secours de l'Egypte et de la Syrie.

Je crus qu'il me serait très avantageux de diviser mes troupes en trois corps; mais la victoire et la défaite étant également cachées sous le voile du destin, je consultai mes émirs, et ils me donnèrent un conseil vraiment militaire. "Marchons au combat", me dirent-ils.

Mais, en revenant sur moi-même, je voulus d'abord

⁴³⁵ J.C 1400. Hégire 803.

⁴³⁶ Kissar Bayazed. Kaissar ou Kisser (César); c'est le nom que les orientaux donnent aux empereurs Ottomans. Note de l'Edit. Anglais.

calmer le feu de Bayazed. Je lui écrivis donc une lettre, dont voici la substance.

«Louange à Dieu, Maître du ciel et de la terre, qui a soumis à mon autorité plusieurs des sept climats, et qui a permis que les potentats et les maîtres du monde pliassent le cou sous mon joug. Dieu fasse miséricorde à l'humble serviteur qui connaît les limites qui lui sont prescrites, et qui ne les franchit point d'un pas audacieux.

Tout le monde sait ton origine⁴³⁷, et il ne convient pas à un homme de ton extraction d'avancer le pied de l'orgueil; car tu pourrais te précipiter dans l'abîme de l'affliction et de l'infortune; résiste aux suggestions de ces malheureux qui vont te trouver pour remplir leurs vues, et qui ont arraché la désolation du sommeil où elle était plongée. Gardes-toi bien d'ouvrir, à la confusion et aux malheurs, la porte de ton empire. Envoies-moi plutôt Cora-Yousouf, sinon, par le choc de nos deux armées, tout ce qui est caché sous le voile du destin te sera découvert».

Des ambassadeurs intelligents remirent cette lettre à Bayazed. Je formai à l'instant le projet de voler vers la capitale de la Syrie. Je pris le chemin d'Emesse et d'Alep. Lorsque j'arrivai dans cette dernière ville, on me dit que le roi Féraje⁴³⁸, au bruit de ma marche, était parti d'Egypte pour se rendre à Damas.

Je ne pus empêcher, malgré toute ma diligence, la jonction des troupes d'Egypte avec celles de Syrie; car ce sultan m'ayant gagné de vitesse, entra dans Damas; mais, quoi qu'arrivé après lui, je ne laissai pas de m'emparer de cette place⁴³⁹.

⁴³⁷ Bayazed descendait d'un matelot Turcoman. Hist. de Timur-bec, Toni.III, p.259.

⁴³⁸ Fils de Barcouc, et sultan d'Egypte et de Syrie, comme son père.

⁴³⁹ Damas fut pris le 3 Janvier 1401. Hégire 23 Jomada 1 803, et brûlé au mois de Mars 1401. Chaban 803.

CONQUÊTE DES VILLES DE ROUM (D'ANATOLIE),
ET DÉFAITE DE BAYAZED

La Syrie était soumise; le roi Férage avait pris la fuite, afin d'éviter le combat, lorsque mon ambassadeur, revenant de Roum (d'Anatolie) avec la réponse indécente de Bayazed-le-foudre⁴⁴⁰, me dit, qu'à la nouvelle de la défaite des armées de Syrie et d'Egypte; ce prince avait paru pensif et consterné, qu'il semblait même avoir abandonné ses projets de guerre.

Damas et les autres villes de la Syrie étant rangées sous ma domination, je pris d'abord le chemin de Moussel, dans l'intention de me rendre à Bagdad; ensuite je crus qu'il serait plus prudent de tourner du côté de l'Azerbaïjan, epour savoir décidément si Bayazed persistait toujours dans les mêmes dispositions.

En allant à Tauriz, capitale de l'Azerbaïjane, j'envoyai d'avance vers Bagdad plusieurs mirzas avec une armée formidable. Le sultan Ahmed Jélaïr avait confié à un de ses serviteurs, nommé Farakh⁴⁴¹, la garde de la ville et du château, en lui laissant, les troupes et les munitions nécessaires.

Les mirzas l'ayant bloquée en firent le siège dans les formes et m'en donnèrent avis⁴⁴².

Déterminé à réduire cette ville et la citadelle, je quittai promptement le chemin de Tauriz, pour prendre celui de Bagdad, que je ne tardai point à découvrir. La prudence, secondée par un courage opiniâtre, aplanit devant moi tous les obstacles; enfin, après un siège de deux mois et quelques jours⁴⁴³, je fis mon entrée victorieuse dans la ville et dans la

⁴⁴⁰ Bayazed Ildirim. Ildirim, mot turk qui signifie la foudre; c'était le surnom de Bayazed.

⁴⁴¹ Chériffeddin et Arabchah écrivent Faradje.

⁴⁴² Timour assiège Bagdad pour la seconde fois *Vide supra*, p. 244. Les habitants s'étaient révoltés pendant l'absence du vainqueur.

⁴⁴³ Quarante jours, selon Chériffeddin. J.C.: 23 Juillet 1401. Hégire 27 Zoulcadé 803.

citadelle. Farakh, qui en était gouverneur, se noya dans le Tigre. J'envoyai au supplice tous les rebelles; je fis aussi raser les maisons et la forteresse de cette cité.

De Bagdad je passai dans l'Azerbaïdjane, où je séjournai quelque temps. Cependant Bayazed faisait filer des troupes vers Alep, Emesse et le Diarbékir. Tandis que le lâche Turcoman Cora-Yousouf s'occupait à piller les caravanes des deux villes sacrées⁴⁴⁴; et je vis arriver auprès de moi une foule de suppliants qui implorèrent ma protection contre ce brigand.

Je me crus obligé à réprimer Cora et à tirer Bayazed du sommeil de la négligence.

Dans cette intention, je demandai des troupes aux villes et aux tribus. Dès que je les eus reçus, je partis de l'Azerbaïdjane au mois de Réjeb, l'an de l'Hégire huit cents quatre⁴⁴⁵ pour faire la guerre à Kissar.

Je détachai divers corps de mon armée, les uns destinés à faire des courses dans le royaume de Roum (d'Anatolie), les autres chargés d'observer les postes, les eaux et les fourrages. Je pris moi-même le chemin d'Ancouriah (d'Ancyre); Bayazed, suivi de quatre cents mille hommes, tant cavaliers que fantassins, vint à ma rencontre; on livra la bataille, et je la gagnai. Ce prince vaincu fut pris par mes troupes, et amené en ma présence⁴⁴⁶. Enfin, après une guerre de sept années, je retournai victorieux à Samarcande⁴⁴⁷.

⁴⁴⁴ Médine et la Mecque.

⁴⁴⁵ J.C. 10 Avril 1402. Hégire 23 Réjeb 804.

⁴⁴⁶ J.C. Vendredi 16 Juin 1402. Hégire 29 Zoulcadé 804.

⁴⁴⁷ Où il arriva au mois de Juillet 1404 (Hégire Moharrem, 807) il mourut le 18 février 1405 à Otrar sur la route de la Chine.

УЛОЖЕНИЕ ТИМУРА⁴⁴⁸

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам - великим повелителям мира.

Да будет им известно, что, в полной надежде на милосердие Всевышнего, я убежден в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался сам. Строго соблюдая эти правила, они могут упрочить за собою то счастье, которого я достиг столькими беспокойствами, трудами и опасностями, которое дано мне небом, благотворным влиянием религии Магомета (да даст ему Бог мир) и могущественным ходатайством потомков и сподвижников его. Пусть эти правила послужат им руководством как в их поведении, так и в управлении государством, дабы они могли сохранить то государство, которое я им оставляю.

Всех правил двенадцать. Ничто лучше не доказывает их важности, как то, что я извлек из них: они помогли мне достигнуть власти, завоевать государства, упрочить за мной завоевания и сделать меня достойным трона.

1) Я заботился о распространении религии Бога и закона Магомета, этого избранного Богом сосуда: я поддерживал ислам во всякое время и во всяком месте.

2) Я разделил преданных мне людей на 12 классов: одни из них помогали мне своими подвигами, другие - советами, как при завоевании государств, так и при управлении ими. Я пользовался ими, чтобы укрепить замок моего счастья; они были украшением моего двора.

3) Советы с мудрыми, предусмотрительность, бдительность и деятельность помогли мне побеждать войска врагов и завоевывать области. В управлении я руководствовался кротостью, человеколюбием и терпением; я наблюдал за всеми, прикрываясь личиной бездействия, был одинаково благосклонен как к врагам, так и к друзьям.

4) Надлежащий порядок и соблюдение законов послужили основанием и подпорой моей судьбы, фортуны. То и другое так укрепили мою власть, что визири, эмиры, солдаты и народ не домогались повышения, а каждый довольствовался своим местом.

5) Чтобы воодушевить офицеров и солдат, я не щадил ни золота, ни драгоценных камней; я их допускал к своему столу, а они жертвовали для меня своей жизнью в сражениях. Оказывая им милости и входя в их нужды, я обеспечил за собой их привязанность. И так при помощи доблестных вождей и моих воинов, я сделался властелином 27 государств: Я сделался государем Ирана, Турана, Рума, Магреба, Сирии, Египта, Ирак-Араби и Ирак-Аджеми, Мазандерана, Гиляна, Ширвана, Азербайджана, Фарса, Хорасана, Чете (Жете-Монголия), Великой Татарии, Хорезма, Хотана, Кабулистана, Бактерземина и Индостана. Все эти страны признали мою власть, и я предписал им законы.

Надевая на себя царский плащ, я тем самым отказался от покоя, какой вкушают на лоне бездействия. С 12 лет от рождения я разъезжал по разным областям, боролся с несчастьем, составлял проекты, поражал неприятельские эскадроны, свывкался с видом возмущений офицеров и солдат, привыкал выслушивать от них резкие слова, но терпением и мнимой беззаботностью, от которой я был далек, мне удавалось умиротворять их. Наконец я

бросался на врагов. Таким образом мне удавалось покорять провинции и даже целые государства и далеко распространять славу моего имени.

6) Справедливостью и беспристрастием я приобрел благосклонность созданий Божьих. Свои благодеяния я распространял и на виновного и на невинного; мое великодушие обеспечило мне место в сердцах людей; правосудие управляло моими решениями. Мудрою политикой и строгою справедливостью я удерживал своих солдат и подданных между страхом и надеждой. Мои воины были осыпаны моими подарками. Я имел сострадание к низшим и к самым несчастным классам государства.

Я освобождал угнетенного из рук гонителя и, раз убедившись во вреде, причиненном лицу или имуществу, я произносил приговор по закону и никогда не подвергал невинного наказанию, заслуженному виновным.

Всякий, поднимавший против меня оружие для разрушения моих намерений, как только умолял меня о помощи, был принимаем мною благосклонно. Я возвышал его в чинах и зачеркивал его вину пером забвения; и если его сердце было еще озлоблено, то мое обращение с ним было таково, что я успевал наконец изгладить самый след его неудовольствия.

7) Я оказывал почтение потомкам пророка, ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрые люди были моими друзьями, потому что Всевышний любит храбрых. Я сходил с учеными и снискивал расположение тех, у которых была блахородная душа.

Я прибегал к ним, и их благословение доставляло мне победу. Я покровительствовал дервишам и факирам. Я тщательно избегал причинять им малейшую печаль и ни в

чем им не отказывал. Те, которые дурно отзывались о других, были удаляемы от моего двора. Их толкам не придавалось значения, и я никогда не слушал их клеветы.

8) Я был настойчив в моих предприятиях. Раз предпринятый проект, каков бы он ни был, овладевал всем моим вниманием», и я не оставлял его, пока не имел успеха. Поступки мои не противоречили моим словам, и я не поступал сурово. Я никому не досаждал из опасения, чтобы Всемогущий не поступил с мною сурово и не подавил меня тяжестью собственных моих деяний. Я расспрашивал ученых, чтобы знать, каковы были постановления древних от Адама до Магомета, «Печати Пророков» и от этого последнего до наших дней. Образ действий, и поведение, их поступки и слова этих повелителей глубоко проникли в мое сердце. Я старался подражать самым похвальным качествам их и самым лучшим чертам их жизни. Для собственного назидания я изучал причины падения их власти и старался избегать сделанных ими ошибок. Я воздерживался от лихоимства и притеснений; мне было известно, что эти преступления относятся к тем, которыми порождаются голод и бедствия всякого рода и которые выкашивают целые народы.

9) Я знал состояние народа. Я смотрел на знатных, как на братьев, а на простых людей, как на детей. Умел приноровиться к нравам и характеру жителей каждой области и каждого города. Я заслужил уважение от новых своих подданных, тех из них, которые занимали высшие места. Я давал им правителей, свыкшихся с их нравами и обычаями и которые уже пользовались у них одобрением. Я знал состояние населения каждой отдельной области. Я посадил в каждой стране моего царства человека испытанной честности, чтобы он извещал меня о поступках и поведении народа и солдат и чтобы он давал

мне знать о всех непредвиденных событиях, которые могли интересовать меня. Когда я открывал малейшую ложь в его донесениях, то строго его наказывал. Как только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или жестокости правителя, солдат или народа, то я давал виновным чувствовать всю строгость правосудия.

10) Когда какое-нибудь племя, какая-нибудь орда тюркская, арабская, персидская или чужестранная желали признать мою власть, я принимал правителя этого племени или орды с почетом, других же я принимал по достоинству: я добром воздавал добрым, а злых предоставлял собственной участи.

Кто бы ни заключил со мной дружеский союз, был уверен, что не будет раскаиваться. Я давал тому доказательства моей благосклонности и великодушия. Услуги, мне оказанные, не оставались без награды. Даже мой враг, когда он чувствовал свою вину и приходил просить моего покровительства, получал прощение и находил во мне благодетеля и друга.

Так поступил я с Шир-Бахрамом. Этот начальник племени, сопровождавший меня как союзник, покинул меня в момент сражения. Желание добычи овладело им, и он обнажил меч против меня. В конце концов он вспомнил, что ел мою соль (т.е. он почувствовал угрызение совести), и снова вымолил у меня помилование. Это был воин знаменитого происхождения, столько же опытный, сколько и неустрашимый. Я закрыл глаза на его вину, я простил ему ради его храбрости и дал ему чин выше против того, что он имел раньше, дабы тем сильнее заставить его почувствовать мое расположение к нему.

11) Дети, внуки, друзья, союзники, все те, которые со мною какую-либо связь имели, пользовались моими благодеяниями. Блеск моего счастья не заставил меня

забывать кого-нибудь. Каждый получил должное. Милосердие также имело место в моем сердце. Я уважал в моих сыновьях и внуках союз крови, не посягал на их жизнь и даже на их свободу. По отношению к каждому частному лицу я вел себя, соображаясь с особенностями его характера и с представлением, какое я имел о нем. Опыт, который я вынес из превратностей судьбы, научил меня, как нужно поступать с друзьями и с врагами.

12) Я всегда с уважением относился к солдатам, сражались ли они за или против меня. Да и не обязаны ли мы признательностью людям, которые жертвуют продолжительным счастьем преходящим благам? Они бросаются в сражения и не щадят свою жизнь среди случайностей.

Неприятельский воин, неизменно преданный своему повелителю, мог рассчитывать на мою дружбу. Когда он становился под мои знамена, я награждал его заслуги и верность, принимая его в число своих союзников. Но тот воин, который в момент сражения оставил своего полководца, чтобы перейти ко мне, был в моих глазах самым мерзким человеком.

Во время войны, которую я вел с ханом Тохтамышем, его эмиры сделали мне несколько письменных предложений. Это было вероломство с их стороны по отношению к своему князю, моему неприятелю. Я пришел в негодование от таких предложений и сказал про себя: «Они изменят и мне, как теперь изменяют своему повелителю», и вместо всякого ответа я их проклял.

Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе. Можно также сравнить его и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни

ограды, в который может проникнуть самый презренный человек.

Вот почему я основал здание моего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования.

Первое правило, которое появилось в моем сердце, клонилось к распространению религии и утверждению закона Магомета. Я распространил в мир ислам, этот кодекс превосходнейшего из смертных; я сделал из него украшение моей империи.

Чтобы иметь более верный успех в увеличении числа прозелитов Магомета, я избрал из потомков этого пророка человека самого выдающегося, которого и облек полною властью над мусульманами. Он имел в своем ведении священные имущества и назначал отдельных управляющих мечетями. Он же в городах и местечках утверждал верховного судью, первого представителя религии (муфти), назначал инспекторов рынков. Он назначал также жалование и пенсии как тем, которые, подобно ему, вели свое происхождение от Магомета, так и ученым, законоведам и всем заслуженным людям.

Я назначил судью или казия для армии; а для народа я назначил другого.

В каждую область я послал пожилого знатока ислама, чтобы предостерегать верующих от запрещенных законом дел и чтобы заботиться об их образовании. Я приказал строить мечети и монастыри в городах, караван-сарай - на дорогах и мосты - на реках.

Я поставил в каждом городе представителя религии и благочестивых людей для научения мусульман Корану и для объяснения главных оснований веры на основании комментариев ученых и священного предания.

Я повелел заведующему вакуфами (садр) и граж-

данскому судье доносить мне о всех делах, касающихся веры. Кроме этого, я назначил еще начальника правосудия, который доносил мне о распрях, возникавших между солдатами и между остальными моими подданными.

Когда я обнародовал мои постановления касательно религии, когда я восстановил в городах ислама закон и когда верующие знатные и простые убедились в моем усердии к истинной вере, то мусульманские ученые издали в честь меня следующее объявление

«В каждом веке Всемогуций воздвигал защитника и распространителя религии посланника Магомета. В этом VIII веке Тимур, родившись под счастливым созвездием, герой мира, должен считаться восстановителем веры».

Глава ученых, Мир-Саид-Шериф написал мне, что так я трудился на пользу распространения ислама в областях мира, то я имею право на титул распространителя веры.

Вот содержание его письма:

«Боже! Будь помощником, поддерживающим религию Магомета, и оставь тех, которые покидают ее.

Восемь веков протекло со времени бегства величайшего посланника до наших дней и в каждом веке всевышний и всесвятый Бог воздвигал защитника и распространителя веры своего возлюбленного пророка, чтобы восстановить и укрепить святыи истины. Хвала Всевышнему! Он же в этом восьмом веке возложил эту обязанность на эмира Тимура, героя мира, который заставил государства и города принять истинную веру.

Известно от древних богословов, что в первом веке хиджры покровителем веры был Омар Абдул-Азиз. В то время она была подрываема проклятиями и ругательствами, которые сыпались от схизматиков против Али с кафедр мечетей. Омар положил конец этому отвратительному обычаю.

Народ ислама был добычей распрей и неурядиц. Одна партия проклинала законных халифов, тогда как другая злословила Али, главе верующих, Аббаса и Хусаина. Обе раздраженных партии готовы были дойти до битвы; Омар Абдул-Азиз удержал их и сделался опорой религии.

Во втором веке религия имела защитником Мамуна Справедливого. Этот халиф, осудив семьдесят два ложных вероучительных положения, заставил признать другие, согласные с преданиями и истинной верой. Он вызвал из Хорасана Али, сына Мусы-Джафара (мир праху его), сделал его своим наследником и заставил согласиться взять в руки бразды правления.

В третьем веке принял веру под свое покровительство Аббасид Моктадир-Биллях. Караматы, под начальством Абутаира, овладели священным городом Меккой, и тридцать тысяч пилигримов, славных мучеников, были зарезаны на горе Арафа. Черный камень был вырван из стен Каабы; наконец, в разоренных мусульманских провинциях царствовали убийство и грабеж. Казалось, что религия готова была совершенно исчезнуть, когда появился Моктадир-Биллях. Он повел армию против разбойников, рассеял их и восстановил религию.

Азадаулет-Дилеми был защитником верующих в четвертом веке. Пороки и злоба Мотила Ахтидлаха, из рода Аббасса, притеснения его придворных и сообщников вредили истинной вере; разврат распространился повсюду; безбожие шло с поднятой головой. Азадаулет низверг этого халифа и заменил его сыном своим Тали Билляха.

Азадаулет вознамерился восстановить славу религии и исполнить это славное намерение, уничтожая новшества, противные религии, и прекратить испорченность нравов, преступления, несправедливость и притеснения.

Пятый век прославился рождением султана Санджара, сына султана Малик-Шаха. Он был современником Ахмеда-Джами и Хакима-Сенаи. Он сделался их учеником. В то время еретики и невежды нанесли сильный удар исламу. Султан Санджар обнаружил живейшее старание истребить их. Ревностно преданный религии пророка, он не совершил ни одного поступка, несогласного с законом Магомета.

В шестом веке завоевания неверных в Туркестане пошатнули ислам, но Бог воздвиг Хасанхана и поставил его во главе ста тысяч турок, которые в долине Лар исповедали веру перед досточтимым Ибрагимом Хамави и были приняты в число верных после произнесения слов: «Нет бога, кроме Бога, и Магомет - Его посланник». Заручившись их помощью, он стер с лица земли неверие и ересь; тотчас вера распространилась в городах и областях.

Седьмой век был ознаменован усердием к вере султана Альджайту, сына Аргун-хана, прозванного Мухаммед-Худабанд. Как только этот султан наследовал престол брата, он узнал (таков был тогда упадок веры), что в общественных молитвах после исповедания веры забывали молиться Всевышнему о пророке и его потомках. Он сам отправился в мечеть, где собрал богословов и спросил их мнения о необходимости молитв за Магомета и его потомство. Они отвечали единогласно, что эта молитва установлена самим Богом.

Некоторые присовокупили даже, что имам Шафи признал недействительным общественное моление без молитвы за пророка и за его потомство; другие приводили в пример имама Азама, который находил гнусным общественное моление без тех же молитв.

Альджайту спросил у них, почему, молясь за других лиц, кроме Магомета, они не упоминают об их потомстве,

тогда как при молитвах за этого последнего из пророков должно упоминать и потомство этого последнего. Не получив на это ответа, он сказал: «Можно, мне кажется, объяснить подобную разницу двояко. Во-первых, враги Магомета, назвав его в насмешку Абтаром, т.е. беспотомственным, были наказаны Богом в свою очередь пресечением потомства. Если некоторые из потомков их и остались, то на долю им выпала полнейшая неизвестность, потомки же Магомета размножились так, что только Бог может их исчислить. Потому призывают и на них благословение Божие в молитве после благословения в честь пророка.

Вот вторая причина этого обычая. Учение и религиозные постановления других пророков подвергались изменению и уничтожению; их постановления не предназначались к вечному существованию, тогда как религия Магомета будет существовать без изменения до окончания веков.

Вот почему верные потомки пророка в своих молитвах после хвалы Богу должны упоминать и пророка и потомство его, чтобы все признали их покровителями религии Магомета и толкователями священной книги и хранителями закона пророка, наследниками его учения и учения посланников Бога. Пусть у них учатся познанию религии и обязанностей ислама и пусть каждый из нас считает своим долгом повиноваться им и почитать их.

Как только султан закончил свою речь, мусульмане, собравшиеся в мечети, произнесли молитву за Магомета и за его потомство. Альджайту продолжал: «Так, как Али, был первым из рода пророка и так как Магомет Махди, пришествия которого ожидают все верующие, должен быть последним, то наша обязанность - не проявлять нашу власть в царстве Магомета без согласия его потомков, иначе мы будем поступать как тираны!»

Султану, говорившему так перед народом, ученые выражали полное одобрение. Затем он повелел указом, чтоб в память пророка и его потомков возносились молитвы каждую пятницу, и приказал чеканить монету с их именем.

Богословы обнародовали постановление, что султан Альджайту есть распространитель божественного закона.

В восьмом веке эмир Тимур распространяет веру в городах и между народами. Он почитает и уважает потомков пророка и богословов. С согласия первых он пользуется верховною властью в царстве Магомета.

Получив от Мир-Сеид-Шерифа это письмо, я возблагодарил Всевышнего. Я молил нашего пророка о помощи в утверждении религии и закона.

Подлинник этого письма я послал моему духовному руководителю (пиру), который написал на полях следующее: «Эмир Тимур, герой века, должен знать то, что особенную милость и неоценимый дар составляет поручение ему Богом восстановления религии. Пусть он увеличивает свою верность и свои добрые Дела, дабы и Бог умножил Свой милости к нему».

После того как я получил это письмо от моего духовного Руководителя, я старался относиться с почетом и уважением к потомкам пророка и богословам. Я заботился о распространении ислама и приказал копию с письма поместить в моих летописях.

По восстановлении религии и божественного закона я издал для гражданского управления моего государства законы и постановления, которые способствовали укреплению моего могущества. Вот образец этих постановлений:

1) Я основал мою власть на исламе, законе «превосходнейшего из тварей», на любви к его потомкам и

сподвижникам и на почитании, какое должно воздавать имени пророка. Мои приказания и правила имели такую силу, что я не имел себе соперника в управлении.

2) Я держал свой народ и своих солдат между страхом и надеждою. Полный внимания и осторожности к своим врагам и друзьям, я держался мудрой политики переносить терпеливо их речи и поступки. В числе лиц, искавших у меня убежища, те, которые были расположены ко мне, получали от меня столь хороший прием, что их привязанность ко мне увеличивалась, а мои недруги оставались настолько довольны моею снисходительностью, что скоро в их сердцах ненависть уступала место дружбе. Тот, кто имел право на мое расположение, был убежден, что это расположение не изменится, и я никогда не отстранял от себя подданного, которого когда-либо позвал к себе. Добрые или злые, которые при заре моего счастья укрылись у меня, все те, которые оказали мне услуги, как и те, которые вредили мне, были поражены благодеяниями, когда я был возведен на трон. Я почитал ничтожным то зло, которое мне было причинено, и я провел пером забвения по записям дурных поступков, которые были мне оказаны.

3) Я никогда не поддавался мстительности. Я предоставлял своих врагов правосудию Повелителя Вселенной. Я удерживал при себе доблестных, деятельных и испытанных воинов. В моем обществе были приняты знатные, потомки пророка, ученые и богословы, но злых изменников и трусов я исключал из своего сообщества.

4) Открытое лицо, милосердие и доброта доставляли мне любовь народа Божия; я, друг правосудия, приходил в ужас от притеснений и жестокости.

Мой духовный советник (пир) написал мне тогда: «Тимур, - да хранит его Бог, - должен помнить, что

управление государством есть не что иное, как подобие управления Всевышнего. В этом управлении есть агенты, сотрудники, депутаты и стражи: каждый из них имеет свое ведомство и границы, которых никогда не переступает, и он соблюдает божественные законы.

Следи беспрестанно за своими эмирами, агентами, слугами и начальниками, подчиненными тебе, чтобы каждый, не выходя из границ своей власти, был всегда готов к повиновению. Назначай для каждого класса народа справедливые границы, чтобы правота и разум господствовали в твоём государстве.

Если ты пренебрежешь порядком в своих делах и между твоими подданными, то возмущение и крамола не замедлят появиться. Ты должен каждому лицу и каждой вещи указать границы и место, какие они должны занять.

Возвеличивай потомков нашего поклонника над всеми прочими подданными. Воздавай им величайшее почтение, не считай расточительностью щедроты, которые ты им окажешь; тот не расточителен, кто дает во имя Бога. Твои подданные, разделенные на двенадцать классов, будут украшением и поддержкой твоего государства. Прощай».

Как только я получил от моего духовного советника это письмо, я поспешил исполнить всё, что оно содержало; я водворил порядок в государственных делах; постановления и законы послужили управлению моего владычества, придали ему новое русло и укрепили его, разделив моих подданных на двенадцать классов.

Постановления

Величие и основа моего государства опирались на эти двенадцать классов; я их считал, как двенадцать знаков Зодиака и двенадцать месяцев моего правления.

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Потомки пророка, ученые, начальники общин и законоведы были допущены в мое общество; моя дверь была всегда открыта для них; они составляли славу и украшение моего двора. Часто я советовался с ними о вопросах, касавшихся религиозного порядка, управления и наук; от них я узнавал, что дозволено законом и что запрещено.

ВТОРОЙ КЛАСС

Люди интеллигентные, способные дать совет, и те, которые обладали твердостью и мудростью, и старцы, которым годы дали предусмотрительность, пользовались полным моим доверием; я обращался с ними, как с равными, потому что, делясь со мной своим опытом, они доставляли мне большие преимущества.

ТРЕТИЙ КЛАСС

Я уважал людей благочестивых; тайно я прибегал к помощи их молитв; и тогда как они нуждались в моих благодеяниях, я обращался за помощью их благословения; в моих советах и совещаниях, в мирное время и на войне их пожелания всегда были полезны для меня, в день сражения они доставляли мне победу. Так было в то время, когда армия колебалась перед войском Тохтамыша, которое было многочисленнее моего. Мир Зиеддин, родившийся в Сабдуаре, пустынный, которого молитвы были угодны Богу, обнажил голову, простер руки для молитвы и не успел он еще кончить молитву, как мы увидели поразительные последствия ее.

Также, когда одна особа из моего гарема опасно заболела, двенадцать потомков пророка, исключительным занятием которых были молитвы, собрались, каждый из

них даровал больной по году своей жизни - больная поправилась и прожила еще двенадцать лет.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС

Эмиры, шейхи, офицеры занимали место в моем совете; я повышал их по степеням и беседовал с ними дружески.

Храбрые, которым несколько раз приходилось обнажать саблю в сражениях, были моими друзьями; я предлагал им вопросы, касающиеся войны; я расспрашивал их об атаках во время действия и об отступлении во время опасности; я спрашивал у них о средствах, как прорывать неприятельские ряды, чтобы производить смущение в рядах, чтобы завязывать стычки. Вполне доверяя их проницательности, я всегда прибегал к их советам.

ПЯТЫЙ КЛАСС

Войско и народ были одинаково дороги мне. Храбрейшим воинам я давал палатку, перевязи, бандулыры и колчаны. С неменьшею щедростью я обращался с гражданскими и военными правителями областей и царств. Дары, которыми я их осыпал, не оставались потерянными. Армия всегда была наготове и получала содержание даже раньше требований. Так во время войны с Румом я выдал войскам содержание за семь лет, как за прошлое время, так - и вперед. Я стал хорошо удерживать в порядке войско и народ, так что они не могли ни вредить, ни стеснять друг друга.

Я старался удержать всех солдат на их местах, и ни один из них не смел выходить из границ, ему указанных; я остерегался как чрезмерно возвышать, так и унижать кого-либо чрезмерно. Те лица, которые мне оказывали

выдающиеся услуги, получали приличное вознаграждение. Если простой солдат выказывал благоразумность и неустрашимость, то я всегда соразмерял повышение его с его талантами и заслугами.

ШЕСТОЙ КЛАСС

Из людей, которых мудрость и скромность делали достойными входить в обсуждение и в управление государством, я избирал известное число советников, которым я сообщал свои самые тайные дела и самые сокровенные мысли.

СЕДЬМОЙ КЛАСС

Визирь и секретари были украшением дивана (совета). Они были зеркалами моей империи; они передавали мне все события, происходившие внутри областей среди солдат и народа.

Забываясь о сохранении моих богатств, о безопасности солдат и моих подданных, они предпринимали всё необходимое: они могли предупредить своим благоразумием и умели исправлять бедствия, которые могли обрушиться на мое государство. Экономно расходуя государственную казну, они старались поддержать население и земледелие.

ВОСЬМОЙ КЛАСС

Я призвал к себе врачей, астрологов и геометров, потому что эти люди способствуют славе и благосостоянию государства. Пользуясь помощью искусных врачей, я возвращал здоровье больным; астрологи научили меня распознавать счастливые и несчастливые сочетания звезд в их движении на небе. Геометры (или архитекторы) составляли для меня планы великолепных зданий и чертили для меня сады, которые я рассадил.

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Я призывал к себе историков, авторов летописей и хроник. От них я узнал жизнь пророков и святых людей, они рассказывали мне историю государей мира и объясняли мне причины их возвышения и причины падения их счастья. Поведение, речи и поступки этих государей были для меня неисчерпаемым источником опыта. От них я узнал историю протекших веков и о переменах, совершившихся на земле.

ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

Я собирал старцев, дервишей и людей, сведущих в науке о Боге. Я сходил с ними; они открывали мне счастье будущей жизни и сообщали мне божественные слова. Эти люди совершали при мне удивительные вещи, даже чудеса; сношение с ними было для меня столь полезно, сколь и приятно.

ОДИННАДЦАТЫЙ КЛАСС

Я привлекал в мой дворец и лагерь мастеров всякого рода, чтоб держать в порядке оружие для армии, в мирное и в военное время.

ДВЕНАДЦАТЫЙ КЛАСС

Я протягивал руку помощи путешественникам всех областей и всех государств, чтоб иметь известия о чужеземных царствах, я посылал во все страны купцов и начальников караванов; я приказывал им привозить мне самые редкие вещи, которые можно встретить в Хотане, Китае, Индостане, городах Египта, Аравии, Сирии, Рума и даже на острове Франков. Я хотел, чтобы они сообщали мне о положении, нравах и обычаях туземцев и колонистов этих стран, особенно же об отношениях иностранных государей к их подданным.

Правила для орд и колен тюркских, арабских и для всех иностранцев, которые укрывались у меня

Я повелел, чтобы потомкам посланника и богословам воздалось почтение, невзирая на их национальность и на звания, чтобы их просьбы никогда не были отвергаемы и чтобы заботились об их пропитании. В мои войска принимались те из новых подданных, которые прежде носили оружие, и я назначил им приличное их положению жалованье. Людей, упражнявшихся в искусствах, я принимал к себе на службу. Те из бедных людей простого звания, которые занимались какими-нибудь ремеслами, записывались по своему занятию и колену. Каждый купец, потерявший свое состояние, получал такую сумму, которая доставляла ему возможность восстановить потерянный капитал. Когда крестьяне и земледельцы не имели необходимых земледельческих орудий, то им выдавали таковые.

Всех чувствовавших призвание к военной службе записывали в мои войска, невзирая ни на их колено, ни на их рост.

Сын солдата, храбрость которого была признана, к какой бы нации он ни принадлежал, получал жалованье и повышался в службе по заслугам.

Люди всех стран, которые являлись в мой дворец, были также допускаемы к столу моей ханской щедрости. На кого падали мои взоры, с тем обращались с отличием, какого заслуживало его положение. Каждый виновный, представший пред моим правосудием, в первый раз получал помилование, но провинившийся во второй или в третий раз подвергался наказанию соразмерно его проступку.

Постановление для расширения моего могущества

Двенадцать принципов, от которых я никогда не уклонялся, возвели меня на трон, а опыт доказал мне, что правитель, пренебрегающий ими, не может извлечь никакой выгоды из своего величия.

1) Действия и слова лица повелевающего должны вполне принадлежать ему, т.е. народ и войско должны быть уверены, что всё, что ни делает и ни говорит государь, он делает и говорит от себя и что никто не руководит им.

Существенно необходимо, чтоб монарх, следуя советам и примеру другого, не посадил его рядом с собою на трон; вынужденный принимать от всех хорошие предложения, монарх не должен подпадать под их влияние до такой степени, чтоб они могли считать себя равными ему и, наконец, быть выше его в деле управления.

2) Неизбежно необходимо для монарха соблюдать во всем справедливость; он должен избрать визиря (первого министра) неподкупного и добродетельного, потому что правосудный визирь сумеет исправить несправедливости, совершенные правителем-тираном; но если визирь - сам притеснитель, то здание могущества не замедлит обрушиться. Вот доказательство этого: Эмир Хусаин имел визиря, который наказывал по своему капризу народ, солдат. Несправедливости этого нечестивца скоро опрокинули фортуна его государя.

3) Приказания и запрещения требуют твердости. Нужно самому отдавать приказания из боязни, чтоб их не скрыли или чтобы их не исказили.

4) Повелитель должен быть непоколебим в своих решениях; во всех предприятиях ревность его должна быть одинакова и пусть его рука не опускается до тех пор, пока он не добьется успеха.

5) Какие бы ни были приказания монархов, должно, чтобы последовало исполнение их; ни один подданный не должен быть настолько могущественным или смелым, чтобы остановить их исполнение, если бы даже казалось, что эти приказания должны были иметь прискорбные последствия. Мне рассказывали, что султан Махмуд Газневийский приказал поставить посреди равнины Газны камень; так как лошади пугались этого камня, то султану доложили, что следовало бы убрать этот камень. Но султан отвечал: «Так как я приказал (положить его на то место), то и не отменю своего приказания».

6) Безопасность требует, чтобы правители не полагались на других в государственных делах и не вверяли бразды власти в руки посторонние, потому что свет подобен красавице, у которой масса поклонников, и потому нужно бояться, чтоб слишком могущественный подданный, увлеченный желанием управлять, не посадил бы самого себя на трон.

Таково было поведение эмиров Махмуда. Прогнав своего повелителя, они завладели государством. Необходимо поэтому разделить управление делами между несколькими, достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый известной работой, не будет стремиться к высшей власти.

7) Пусть монарх не пренебрегает ничьими советами; те из них, которые он примет, должны быть запечатлены в его сердце, чтобы пользоваться ими в случае надобности.

8) В делах правления, в делах, касающихся армии и народа, государь не должен руководствоваться поведением и речами кого бы то ни было. Если министры и генералы говорят хорошо или дурно о ком-нибудь, то они заслуживают, чтобы их выслушали; но поступать необходимо с большой осмотрительностью до тех пор, пока не убедишься в истине.

9) Уважение к власти повелителя должно быть так крепко впечатлено в сердцах его солдат и подданных, чтобы ни один них не имел смелости ослушаться его или возбуждать против него бунт.

10) Чтобы все, что повелитель ни делает, делал он сам, чтобы он был непоколебим в приказах раз отданных; ибо твердость в приказах составляет самую большую силу для монархов: для них это - сокровище, армия, народ и целое поколение принцев.

11) В управлении, при обнародовании приказов, монарх должен остерегаться признать кого-нибудь сотоварищем и он не должен принимать к себе товарища при управлении.

12) Другая, не менее важная и полезная предосторожность для монарха: это узнать тех, которые окружают его, и быть постоянно настороже в отношении их. Часто встречаются люди злонамеренные, которые разглашают всё. Их главная забота - передавать визирям и эмирам все слова и действия государя. Это я испытал, когда большая часть моего дивана состояла из шпионов, подкупленных моими визирями и эмирами.

Правила для формирования армии

В каждой роте из десяти отборных воинов избирался один, соединявший в себе мудрость и храбрость, и, после согласия девяти других, он был утверждаем начальником под именем унбаши (начальник десяти, десятник).

Из десяти унбашей также избирался достойнейший по уму и деятельности, он становился начальником своих сотоварищей и имел название юзбаши (т.е. начальник сотни, сотник). Десять юзбашей имели начальником мирзу, опытного, искусного в военном деле и известного

своею храбростью. Этого начальника называли мингбаши (или тысяцкий, начальник тысячи).

Унбаши пользовались правом замещать солдат, которые бежали или умерли, таким же образом юзбаши назначали унбашей, а мингбаши в свою очередь выбирали юзбашей. Тем не менее, я требовал, чтобы мне докладывали о смерти и дезертирстве людей и о замещении их.

В военной и гражданской службе мингбаши, или начальники тысяч, пользовались полною властью над юзбаши, или сотниками, а начальники сотен - над десятниками, или унбаши, последние же - над солдатами. Эти офицеры имели право наказывать непослушных, выгонять со службы всех тех, которые небрежно исполняли свои обязанности: они должны были замещать их.

Правила о жалованье армии, офицерам и солдатам

Вот в каком размере я приказал раздавать жалованье мингбашам, юзбашам и унбашам.

Жалованье простого солдата, храброго и деятельного, равнялось стоимости его лошади; оклад отборного воина простирался от стоимости двух до стоимости четырех лошадей.

Унбаши (десятник) получал в десять раз больше простого солдата. Жалованье юзбаши (сотник) было двойным окладом против жалованья унбаши, а мингбаши (тысяцкий) получал тройной оклад жалованья юзбаши.

Каждый военный, провинившийся по службе, терял десятую часть жалованья. Унбаши имел право получить жалованье только по свидетельству от юзбаши; юзбаши должен был представить удостоверение от мингбаши,

который для себя получал такое же свидетельство от главнокомандующего моей армии (эмир Аль-Отра).

Жалованье главнокомандующего в десять раз превосходило жалованье простого офицера. Начальник дивана и визири получали десять офицерских окладов. Жалованье различных орд калькачи и есаула могло простираться от стоимости 1000 до стоимости 10000 лошадей. Я старался раздавать земли, награды, пенсии на пропитание потомков пророка, правоведов, ученых, врачей, астрологов и историков моего двора по их заслугам. Жалованье пехотинцам, слугам и людям, которые занимались размещением палаток, простиралось от стоимости ста до тысячи лошадей.

Главномандующий мог получать жалованье только по удостоверению визиря и начальника дивана. Эти два министра представляли мне расписки жалованья, и они же сводили счета. Каждый солдат, чтобы получить свое жалованье, имел особый лист, на котором записывал, по мере выдачи, суммы, которые получал.

Правила раздачи жалованья войскам

Я приказал, чтобы пехотинцы, стражи и привратники получали жалованье ежегодно, чтобы в сроки платежа им выдавалось их жалованье в здании совета.

Чтобы жалованье прочих чинов армии, равно как и жалованье храбрецов, выдавалось по полугодию и чтобы они все получали ассигновку в казначействе, являясь лично.

Наконец, чтобы жалованье унбашам (десятникам) производилось из податей с городов и областей; чтобы мингбашам давалось полномочие на получение доходов с внутренних земель и чтобы офицеры и главнокомандующий получали доходы с земель, лежащих на границах.

Раздел доходов с областей

Доход с областей и государств разделялся на несколько неравных частей. Каждый эмир и каждый мингбаши брал одну часть по жребью - и если сумма, полученная таким образом, превышала жалованье, то делили, если же она была меньше жалованья, то получавший ее брал на свою долю еще одну часть. Эмирам и мингбашам было строго запрещено увеличивать установленные подати, когда собирали государственные доходы.

Каждая область, обложенная податью, имела двух заведующих. Один из них наблюдал за областью и защищал жителей от притеснений и грабежа со стороны лица, пользующегося доходами от нее; он же вел и точный счет всему, что доставлялось областью.

Другой заведующий вел записи издержек, раздавал следующие солдатам части. Каждый служащий, которому отданы были доходы с какой-нибудь области, пользовался ими в продолжение трех лет, после чего производилась ревизия, и, если область была в цветущем состоянии и жители не заявляли претензий, всё оставалось без изменения; в противном же случае доходы отбирались от правителя на три года.

Страх и угрозы можно с успехом пускать в дело при собирании податей, но не следует прибегать к ударам и розгам. Правитель, авторитет которого слабее кнута и розог, не достоин своего звания.

Содержание моих детей и потомков

Я постановил, чтобы мой старший сын и наследник Магомет Джехангир располагал содержанием 12-ти тысяч всадников и доходами с одной области.

Мой 2-й сын Омар-Шейх получал содержание 10-ти тысяч всадников и доходы с одной области.

Мой 3-й сын Миран-Шах пользовался жалованьем 9-ти тысяч всадников и имел наместничество.

Шахрух, мой 4-й сын, получал сумму, равную жалованы 7-ми тысяч всадников, и доходы с одной области (как и предыдущие).

Моим внукам я давал содержание от 3-х до 7-ми тысяч всадников с наместничествами.

Что касается моих родственников, я разделил между ними достоинство и власть, начиная от эмира 1-й степени до эмира 7-й как следовало по их достоинству и положению.

Каждому была присвоена известная власть, за превышение которой он подвергался строжайшему взысканию.

О наказаниях моих сыновей, родственников, эмиров и визирей

Если кто-нибудь из моих сыновей дерзал посягнуть на верховную власть, я не отдавал приказа о лишении его жизни или изувечении, но довольствовался содержанием его в тюрьме до тех пор, пока он не отказывался от своих притязаний. Этим устранялась гражданская война в царстве Бога. Если мой внук или другой родственник восставал против меня, то я лишал их почестей и всего состояния.

Начальники - опора государства. Если в момент действия они забывали исполнить должное, я лишал их власти и почестей. Если они предпринимали что-либо, могущее произвести замешательство в государстве, я смещал их на низшие должности. В случае небрежности к своей службе, они смещались на должности писцов, если же и здесь они выказывали полнейшую беззаботность и непослушание, то их выгоняли со службы безвозвратно.

Постановления для министров - лиц служащих твердо и верных столпов величия

Если какой-нибудь министр окажется изменником или задумает ниспровергнуть высшую власть, даже и тогда не следует слишком поспешно произносить ему смертный приговор. Собрав самые полные справки об обвинителях, нужно еще проверить справедливость самих обвинений. Потому что нередко случается, что злые люди и завистники, побуждаемые своими дурными наклонностями, искусно придают лжи вид истины. Встречаются низкие изменники, которые подстрекают врагов против власти и пускают в ход всевозможные ухищрения, чтобы погубить верных слуг. Часто силою своих происков они подрывают спокойствие государства.

Таким образом, Эмир Хусейн в сообществе с одним из моих визирей, которого он подкупил, подговорил его восстановить меня против Эмира Ику Тимура и Эмира Джаку, самых надежных моих помощников. Я узнал о его замыслах и не поверил его доносу.

Аббас, один из преданнейших мне эмиров, возбудил зависть моих придворных, которые говорили на него явно и тайно. Их клеветы разожгли во мне гнев и, не разобрав дела, я предал смерти невинного, но время обнаружило мне вероломство обвинителей, и я мучился раскаянием и жестокими угрызениями совести.

Если министр, в ведении которого состоит государственная казна, провинится в присвоении ее, ему следует оставить похищенную сумму, если она не превышает его жалованья; если она вдвое больше, то у министра нужно отнять его доходы, если же она втрое больше жалованья, то следует конфисковать имущество провинившегося. Я старался не высказывать никакого пристрастия к лицам, из боязни, что, обнаружив его, я мог дать им повод сделаться недостойным уважения, и я

соблюдал строжайшую справедливость, чтобы избежать злоупотреблений, могущих послужить в ущерб государству.

Речи людей злых, завидующих визирям, не заслуживают ни малейшего внимания; у этих сановников вообще много врагов, завидующих им, потому, что светские люди ищут благ мира, если только министр покровительствует подобным людям, то он неизбежно делается их жертвой; если же он отталкивает их, они делаются его непримиримыми противниками.

Визирь Жарагой-Хана был обвинен завистниками в утайке нескольких тысяч золотых монет. Султан, прочитавший это обвинение, позвал визиря и сказал ему с упреком: «Какой же ты низкий! Министр такого султана, как я, ты крадешь такую ничтожную сумму!» Восхищенный подобным благоволением умный визирь отдал хану всё, что имел, и таким образом сохранил свой пост и имущество.

Если простой солдат, нарушая свои обязанности, позволит себе поднять руку на слабого, пусть он будет отдан своей жертве, чтобы испытать такое же обращение, какое он позволял себе относительно нее.

Вельможа, который дурно обращался с народом, должен заплатить штраф сообразно с важностью преступления. Одинаково строго будет наказан правитель, которого признают за взяточника.

Я советую, однако, что всякий, признанный виновным, должен подвергнуться или ударам кнута или штрафу; два наказания за раз не должны быть допускаемы. Каждый вор, кто бы его не открыл, должен подвергнуться наказанию по закону Чингисхана; который носит название «Ясса». Захваченные богатства будут отняты и возвращены их настоящему владельцу.

Что касается других преступлений, как-то: выбивания зубов, ослепления, отрезывания носа или ушей, пьянства и разврата, то провинившиеся должны предстать

перед диваном, перед духовными и гражданскими судьями. Первые будут решать уголовные, а вторые должны вести процессы, касающиеся гражданского ведомства, для представления их мне.

Качества, которые должен иметь визирь или министр

Я требовал от визиря 4-х необходимых качеств: 1) благородство мыслей и возвышенность души; 2) тонкий и проницательный ум; 3) опыт и привычку жить с солдатом и гражданином; 4) терпимость и способность примирить. Человек, одаренный этими качествами, заслуживает быть участником в правлении: он будет хорошим министром и мудрым советником. Ему можно вверить бразды правления, начальство над войском и власть над народом. Ему же нужно предоставить доверие, уважение, свободу действий и достаточную власть.

В полном смысле министр есть тот, который умеет водворить порядок как в управлении, так и в финансовых делах, и соединяет в себе умеренность и доброту. В таком же смысле визирем можно назвать того, кто в исполнении своих обязанностей и во всех делах, касающихся правления государственными и денежными делами, ведет себя с ровной добротой, неподкупностью и умеренностью, кто сам требует только должное и дает то, что подобает ему давать. Его приказания и запрещения выказывают блахородство и величие души и его чувств. Чуждый преступления и насилия он не иначе произносит имя воина или гражданина, как с целью сказать о нем одно доброе и хорошее. Злословие и клевета одинаково чужды для его ушей и его языка. Если до него дойдет о злоумышленном преступлении, то ловким поведением он сумеет заставить зачинщика навсегда отказаться от его замыслов. Наконец, добротой к собственным врагам достигает того, что они переходят на его сторону и отдают ему свою дружбу и уважение.

Министр, который злословит сам или выслушивает дурное о других, возбуждает распри, стремится разорить честного человека для удовлетворения своей ненависти, недостойн занимать свой пост. Злые, изменники, завистники и мстительные люди должны быть старательно исключаемы из министерства: их участие в управлении делами поведет за собою только разрушение могущества государства.

Сельджукид Мелик-Шах представляет тому поразительное доказательство. Он имел визирем Низам ал мулька, замечательного даровитого человека: но султан лишил милостей этого незаменимого помощника, чтобы возвысить на его место человека злого и низкого. Дурное ведение дел, пороки и низость нового визиря подорвали в корне могущество империи. Из Аббасидов халиф Матассем Биллах подвергся той же участи. Он имел неосторожность взять визиря, по имени Алкуми, человека, отличавшегося своим вероломным и мстительным характером. Недостойный визирь, у которого в душе таилась старая злоба против государя, обманул его коварными своими речами. Холокухан, честолюбие которого он возбудил, восстал против халифа, взял его в плен, и известно, что впоследствии случилось с этим доверчивым государем.

Визирь должен быть одарен высшими качествами, которые отличают людей хорошего происхождения; он должен быть добродетельным, осторожным и милосердным. Благородные душой не отступают от долга, тогда как нельзя доверяться людям дурного происхождения.

Вполне заслуживает почестей тот министр, который на своем высоком посту действует мудро и неподкупно, который счастливо ведет все отрасли правления, не отклоняясь ни от религии, ни от чести.

Как только визирь без всякой разборчивости начнет

пускаться в дурные средства, так начнет падать могущество державы.

Мудрый министр соединяет снисходительность с твердостью; он умеет держаться середины; излишек кротости может сделать его жертвой интриганов и честолюбцев; избыток же строгости может лишить его навсегда общественной любви. Своим добрым поведением и разумом такой истинный министр восстанавливает и поддерживает порядок при дворе и в государстве. Терпеливый и снисходительный, он умеряет строгость добротою. На обладающего всеми этими качествами следует смотреть, как на сотрудника в управлении, потому что богатство и сила государя заключается в его землях, казне и войске. И только разумный министр может поддержать и сохранить все эти владения. Хоть бы министр и соединял в себе все вышеупомянутые необходимые качества, надобно еще, чтобы он не помнил всех упреков, которые могут быть ему адресованы, т.е. не был злопамятен. Если сердце его открыто для мести и вероломства, то можно ожидать неприятных последствий, можно опасаться тайных сношений с врагами государства, разорения армии и расхищения финансов.

Мудрый министр одной рукой управляет войском, другой, сдерживает народ (на эти два пункта направлены все его заботы все старания). Он дает и берет кстати. Искренность и правосудие управляют его поступками. Он предвидит исход каждого из дел; и в своих делах забывает о врагах. Деятельный и опытный, он имеет всегда в виду население государства, счастье народа, усиление армии и изобилие богатств. Занятый постоянно мыслью о том, что может способствовать благоденствию государства, он не щадит свою жизнь и личное благосостояние, чтобы только отвратить зло, грозящее государству.

Он оберегает интересы граждан и солдат и приводит в порядок всё, что их касается. Таков был Низам ал мульк.

Польза, которую он принес, искупила все ошибки, сделанные им, и, когда он хотел предпринять путешествие в Мекку, один дервиш помешал ему, сказав: «Добро, которое ты творишь в правлении Мелик-шаха, и счастье, которым наслаждаются служители Бога, искупают неисполнение тобою этого религиозного обычая».

Я слышал рассказ, что Али, сын Лакоти, визиря Гаруна-Аль-Рашида, после долгого служения благо народному, хотел удалиться от министерства. Один из высших духовных лиц написал ему по этому поводу следующее: «Долг обязывает тебя остаться при дворе халифа, потому что помощь и преимущества, которыми пользуются в твоё правление слуги Всевышнего, превышают все остальные твои дела».

Однажды спросили у великого пророка: «Если бы Бог не возложил на вас миссии и дар пророчества, какое бы занятие вы избрали?» «Служение монархам, для того, чтобы быть полезным созданием Всемогущего», - отвечал пророк. Руководствуясь этим соображением, я принял поручение визиря и главнокомандующего Элиаса (Иляс) Хаджи, сына Туглук-Тимура, хана Чигатая.

Целью моей жизни я поставил благо народное, и за заслуги Бог возвел меня на трон.

Министр, который своей политикой или при помощи оружия удерживает в своей власти царство, заслуживает уважения, почестей и звания «кавалера шпаги и пера». Ловкий и разумный министр есть тот, который, руководствуясь своими соображениями, умеет воодушевить и соединить войска, или посеять в них раздор, подходящими действиями он умеет также завоевать симпатии неприятельских войск и привлечь их на свою сторону; полный внимания к интересам государя, доверием которого он пользуется, разумный министр с помощью своего ума, мудрости и прозорливости в состоянии всегда одолеть все преграды, устранить все

препятствия и затруднения, могущие помешать успеху государя.

Когда я был захвачен в плен Алибеком Чун-Гарбани (Алибек Джаникурбани) и брошен в тюрьму, переполненную гадами, один из моих министров, по имени Азис-Эддин, явился ко мне на помощь. Он усыпил Алибека, а тем временем я призвал всё свое мужество и вспомоществуемый вооруженной силой, взял с бою мою свободу. Низам ал мульк освободил таким же образом султана Мелик-шаха из оков цезаря.

Министр, портрет которого я старался нарисовать, вполне заслуживает быть товарищем в управлении государством; почести, ему оказываемые, соответствуют его заслугам; на его речи смело можно положиться, ибо всё, что он говорит, внушено ему мудростью.

Такой министр, даже и при монархе-притеснителе, может исправить все несправедливости; если же министр сам разбойник, то он поможет государству впасть в неустройство (беспорядок).

Правила производства в офицеры и в начальники

Я приказал, чтобы триста тринадцать человек, избранных из среды самых верных слуг, были назначены для начальствования; я требовал, чтобы эти новые эмиры обладали знатностью происхождения, соединенную с блахородством души, умом, хитростью и смелостью, храбростью и осторожностью, решимостью и предусмотрительностью, бдительностью, настойчивостью и глубокой обдуманностью. Каждый офицер имел одного лейтенанта или преемника. В случае смерти какого-нибудь офицера его заменял преемник, который назывался кандидатом на начальствование.

Эти триста тринадцать эмиров были исполнены здравого суждения и равномерно одарены всеми

талантами, необходимыми как на войне, так и в мирное время. Опыт научил меня, что для того, чтобы быть способным к исполнению обязанностей эмира или командующего, необходимо знать тайны военного искусства и средства разбивать неприятельские колонны, не терять присутствия духа в момент действия, не останавливаться ни перед какими трудностями, быть всегда в состоянии направлять движение своих войск и, в случае какого-либо беспорядка, уметь тотчас же предотвратить его.

Тот, кто во время мира или войны мог исполнить обязанности моего наместника, был также способен стать и главнокомандующим моими войсками; он сумел бы командовать с твердостью и достоинством и строго наказать всякого, кто бы осмелился его не послушаться.

Я приказал, чтобы из среды офицеров или эмиров, о которых я только что говорил, было избрано: четверо в командиры 1-го ранга и еще один, чтобы служить мне главнокомандующим, чтобы этот последний в течение войны и во время дела (битвы) имел право командовать как офицерами, так и простыми солдатами; когда же я сам становился во главе своих войск - то чтобы он исполнял при мне обязанности лейтенанта.

Я допустил к командованию еще 12 талантливых человек, пользовавшихся хорошей репутацией.

Я вверил 1000 всадников первому эмиру и назначил его офицером этого отряда; 2000 второму, предоставив ему над ним ту же власть; в таком же порядке 3-й, 4-й и 5-й эмир; командовали тремя, четырьмя и пятью тысячами, и так до 12-го, который и был поставлен во главе 12 000 всадников; и все эти эмиры были лейтенантами друг друга.

Первый был лейтенантом второго, второй - третьего и т.д. до 12-го, который был главнокомандующим; и этот последний был моим лейтенантом; таким образом, в случае крайности жизни он исполнял обязанности своего старшего начальника.

Из среды этих трехсот тринадцати офицеров я назначил сто десятников (унбаши), сто сотников (юзбаши) и сто тысяцких (мингбаши).

Все офицеры были подчинены главнокомандующему и строго несли каждый свою обязанность, не обременяя ею другого, потому что то, что в состоянии исполнить один унбаши, не требует забот со стороны юзбаши. Точно так же будет лишним юзбаши, если мингбаши в состоянии исполнить порученное ему.

Каждый офицер, желавший (получить) иметь занятие, получал его.

Правила для повышения солдат от самого низшего до самого высшего ранга

Те из избранных воинов, которые отличаются на войне необыкновенною храбростью, могут возвыситься до ранга унбаши; при вторичном отличии они должны получить звание юзбаши, и наконец - мингбаши. Я не желаю, чтобы были награждаемы проявления храбрости, когда они вызваны только стремлением избежать неприятельского оружия, потому что это не превосходит самозащиты быка, противопологающего свои рога нападению, а необходимо обращать внимание на благородство и возвышенность чувства, руководящего солдатом в деле.

Если мингбаши с оружием в руках опрокинет неприятельский отряд, то его можно повысить до звания 1-го эмира; 1-й эмир, который обратит в бегство неприятельскую армию, может быть возведен в ранг 2-го эмира и так могут повышаться все офицеры, блестящим образом отличившиеся на поле битвы. Простому солдату в награду за оказанную храбрость можно увеличить жалованье. Солдат, бежавший с поля битвы, должен быть лишен участия в разделе добычи, но его можно извинить и даже простить ему, если он вынужден был к тому

превосходством неприятеля. Тот, кто возвратится с поля битвы покрытый ранами, должен быть окружен почетом; если раны и заставили его удалиться с поля битвы, то всё-таки следует осыпать его похвалами, так как эти раны доказывают, что если не сам он нападал на неприятеля, то, во всяком случае неприятель был близко к нему.

Мною было строго запрещено лишать солдат должной награды. Поседевшие на военной службе не теряли ни жалованья, ни чина; их служба не была забываема, потому что тот, кто посвящает долгую жизнь, которую мог бы наслаждаться, всем случайностям войны, достоин награды; он имеет право требовать богатств и отличий. Умалчивать о заслугах, отказывать ему в награде было бы возмутительной несправедливостью.

Я стремился к тому, чтобы каждый офицер, министр или солдат, который своими трудами способствовал упрочению моего величия, выигрывая ли сражения, присоединяя ли царства или выказывая свою храбрость, всегда получал удовлетворение, которого вправе был ожидать ценою своих заслуг. Старые воины были глубоко почитаемы, речи их выслушивались, потому что всё, что они ни говорили, было основано на опыте; они составляли славу моего государства, и дети их наследовали должности, которые были ими занимаемы.

Я запрещал предавать смерти пленных, предоставлял им право для выбора; вступить ко мне на службу или получить свободу. Так я даровал свободу 4000 туркам.

Если неприятельский солдат по окончании битвы, по исполнении законов соли по отношению к господину, искал у меня убежища по необходимости или по доброй воле, то его принимал с почетом; ему следовало оказывать большое внимание, так как он был верен своему государю и долгу.

Таким образом я отнесся к Шир Бахраму. В битве, которую я дал эмиру Хусейну, Бахрам двинулся против

меня и оказал чудеса храбрости. Но впоследствии он был принужден прибегнуть к моему покровительству и встретил у меня почетный прием.

Во время завоевания Берка эмир Мангхали Буга предводительствовал неприятельской армией; перед битвой я сделал ему некоторые предложения, чтобы привлечь его на свою сторону; но, неизменно преданный Туглук-Тимурхану, он выстроил свои войска и дал мне кровопролитное сражение, в котором был разбит наголову.

Впоследствии он добровольно преклонил предо мною колени: я вскоре дал ему блестящий пост, и своими благодеяниями успел потушить в нем все чувства мести, ибо я не пропускал никакого случая, чтобы оказать ему свою благосклонность и свое великодушие.

Мангхали Буга был храбрейший воин, он это доказал блестящим образом, когда пришлось сражаться за меня, и оказал мне неоценимые услуги в войне за Азербайджан (Мидию), когда мои войска дрогнули перед Кара-Юсуфом. Вдруг Буга берет голову неприятельского офицера, надевает ее на копье, уверяя, что это голова Кара-Юсуфа. Тогда в войске распространяется слух, что этот генерал убит. Это известие воодушевляет моих беглецов, они атакуют неприятеля с фланга и обращают врагов в бегство. Я всецело приписал свою победу над Кара-Юсуфом находчивому Буге, которого я возвел в высшую должность.

Приемы поощрения эмиров, визирей, солдат и граждан щедротами и почестями

Я установил три рода наград для эмира, который покорит царство или разобьет неприятельскую армию; ему присваивались: почетный титул, значок с хвостом лошади (бунчук) и литавры. Он получал титул «храбреца», считался моим сотрудником и соучастником власти. Я

допускал его в свой совет и, наконец, вручал ему управление пограничной провинцией числом офицеров, достаточным для того, чтоб составить его свиту. Эмир, который одерживал победу над войском какого-нибудь принца, сына принца или же хана, получал такую же награду. Таким образом, когда эмир Ику-Тимур, который был мною послан против Оруз-хана, возвратился победителем, я сделал его начальником 10 000 человек, вручил ему бунчук, знамя и литавры, признал его соучастником в моих успехах, сделал его своим министром и советником. Я назначил его правителем пограничной области с надлежащим числом эмиров в свиту.

Завистники стали наговаривать на этого эмира: они обвинили его в том, что он разорил область Оруз-хана и присвоил себе ее богатства. Эти наговоры возбудили во мне равнодушие к Ику-Тимуру. Но история Бахрама Джубина, которая была мне небезызвестна, послужила мне достаточным опытом. Вот эта история: Хакан, во главе с 300000 турок, жаждущих крови, выступил против Хормуза, сына Нуширвана. Этот молодой принц выслал против врагов Бахрама Джубина, прежнего визиря, советника и главнокомандующего армией своего отца. Он дал ему 320000 персон, и Джубин вступил в сражение, длившееся три дня и три ночи. Хакан был разбит. Победитель известил о том тотчас же Хормуза и повергнул к его стопам всю захваченную добычу.

Клеветники и завистники, найдя средство заставить выслушать обвинения в совете Хормуза, осмелились произнести следующее: «Бахрам Джубин оставил себе большую часть богатства Хакана. Он скрыл осыпанные драгоценными камнями корону и шпагу и украшенные бриллиантами туфли». Подстрекаемый духом жадности, Хормуз забывает все заслуги Бахрама. Слепая легковёрность побуждает его обвинить своего генерала в измене; он посылает Джубину женское покрывало,

ожерелье и цепь. Бахрам надевает ожерелье на шею, цепь на ноги, покрывается фатой, призывает начальников, офицеров и солдат и в таком виде открывает публичную аудиенцию. При виде этого армия, возмущенная негодованием, изрыгает проклятия своему государю, а солдаты отрекаются от верности Хормузу.

Воодушевляемые своим генералом, они подступают к городу Мадаину, где находился дворец монарха, низвергают его с персидского трона и возводят Хорзу-Первиза.

Помня этот пример, я остерегался возбудить нарекания армии, я призвал Ику-Тимура, сел на трон и велел впустить толпу; затем вся добыча от орды Оруз-хана была разложена посреди собрания; я сам разделил ее между Ику-Тимуром, храбрецами и воинами, которые служили под его начальством.

Эмир, который выкажет свою храбрость в деле, который разобьет неприятельский батальон, заслуживает повышения.

В одном сражении против хана Тохтамыша, Табин Бахадир успел приблизиться к знаменосцу этого хана и опрокинуть знамя, но этот подвиг стоил ему многих ран; злые и завистники старались потемнить этот подвиг, но справедливость не допустила меня закрыть глаза. Я сделал предводителем храброго Табина и к прочим почестям присоединил военный значок.

Если десятник, сотник или тысяцкий успеет обратить в бегство неприятельский отряд, то первый из них может быть сделан начальником какого-нибудь города, а 2-й - начальником области.

Юзбаши Барлас Бахадир осмелился напасть на Тохтамыша во время войны, которую я вел с этим ханом. В награду за то, что он разбил неприятельскую армию, я назначил его правителем области Хисари-Шадмана.

Мингбаши, который одержит верх в сражении,

должен получить титул князя провинции. Так, во время завоевания Кетуяра, черная шайка, которая восторжествовала над Берангмана, была разбита Магомет Азадом; в награду за этот подвиг я дал ему княжества Кундуз и Куляб. Каждый эмир, который завоеует целое государство у врагов, может им пользоваться 3 года в виде награды.

Храбрец, который отличится каким-либо подвигом, должен получить высший чин; ему следует дать военный молот, вышитую палатку, перевязь, шпагу, лошадь. Его следует сделать десятником, пока второй и третий подвиги не возвысят его до чина сотника и тысяцкого.

Правила раздачи литавр и знамен

Я желаю, чтобы каждый из 12-ти эмиров имел литавру и знамя. Но главнокомандующий кроме этого должен иметь два почетных знака.

Мингбаши получает знамя и трубу, а юзбаши и унбаши - литавры. Эмиры различных орд должны иметь отличительные знаки, а каждому беглербеку даются знамя, литавры и другие почетные знаки.

Эмиры, завоевавшие область или разбившие наголову армию, будут возведены в высшие чины. Первый эмир будет возведен в ранг второго, второй в ранг третьего и так до двенадцатого, которому будут пожалованы знамя, значок и литавры.

Один значок дается первому эмиру, два значка - второму и так до четвёртого. Прибавляются литавры для поощрения эмиров к получению двух других почетных знаков.

Правила обмундирования и вооружения

Я установил, чтобы в военное время простые солдаты получали одну палатку на восемнадцать человек; каждый

должен вести две лошади, он должен быть снабжен луком, колчаном, шпагой, пилой, шилом, мешком, рогожною или нулевою иглою, топором, десятью иглами и кожаным ранцем.

Избранные же воины должны помещаться по пяти в одной палатке и каждый должен иметь каску, броню, шпагу, лук, колчан и количество лошадей, предписанное указом. Каждый унбаши помещается в отдельной палатке и вооружен кольчугой, шпагой, луком, колчаном; за ним должны следовать пять лошадей.

Юзбаши может вести за собой десять лошадей, иметь отдельную палатку, оружие, состоящее из шпаги, лука, колчана, палицы, булавы, кольчуги и брони.

Каждый мингбаши может иметь кроме палатки тент и множество всевозможного оружия, как-то: кольчуг, касок, броней, копий, шпаг, колчанов и стрел.

Военный обоз первого министра должен состоять из палатки (юрты), двух тентов, вышитой палатки и множества оружия, соответственного его чину, для снабжения им других.

Второй, третий и т. д. эмиры до главнокомандующего должны иметь всё соответствующее их чину вооружение.

Первый эмир должен вести 110 лошадей, второй 120 лошадей, третий 130 лошадей и так до главнокомандующего, которому необходимо иметь не менее 300 лошадей. Пехотинец может вооружаться шпагой, луком и числом стрел по произволу, в момент же сражения ему необходимо только предписанное законом количество.

Постановления для лиц, являющихся на аудиенции и собрания в мирное и военное время

На аудиенции в мирное время солдаты и их начальники не должны являться в диван без шапок, без сапог, без калош, без халата (бешмета) и без шпаги.

Двенадцать тысяч жандармов, вооруженных с ног до головы, должны находиться вокруг дворца, справа, слева, впереди и позади, так что каждую ночь 1000 чел. должны составлять патруль. Каждая рота, в составе 100 чел., находится под начальством юзбаши, дающего (пропуск) пароль.

Я рекомендую 12 эмирам, мингбашам, юзбашам и унбашам брать во время походов 12 000 хорошо вооруженных всадников, чтобы назначать их в караул в продолжение дня и ночи. Эти 12 000 всадников следует разделить на четыре дивизии, разместив их со всех четырех сторон вокруг лагеря, и каждая очередная смена должна стоять на страже в расстоянии полумили от лагеря.

Каждая дивизия должна выслать авангард, а из авангарда, в свою очередь, выставляется ведетта; все эти воины, соблюдая должные предосторожности, должны доставлять в лагерь все сведения. В каждую часть лагеря должен быть назначен великий профос, - лицо, несущее обязанности стражи и военной полиции; им присвоено наблюдение за продуктами, доставляемыми в лагерь купцами; они же отвечают за все кражи, которые могут быть совершены; четыре отряда чопекунчей должны оберегать лагерь на расстоянии 4 миль вокруг него. Если на этом пространстве совершится кража или убийство, то ответственность падает на объездных.

Треть моей армии должна заботиться об охране границ, две другие трети должны быть наготове для исполнения моих приказаний.

Служебные обязанности визирей

По моему велению совет всегда состоял из 4 визирей.

I. Визирь провинций и народа. Назначением этого визиря было сообщать мне о событиях и делах, происходящих в администрации, а также состоянии народа.

Он доставлял мне произведения провинций, подати и налоги, и соображения о распределении всей массы сборов; он же давал мне точный отчет о количестве населения, его культуре, о развитии торговли и положении полицейского надзора в государстве.

II. Военный визирь. Обязанности этого визиря состояли в представлении мне росписей войск и реестров жалованья, в знакомстве с расположением отрядов для предупреждения разбросанности и в сообщении совету обо всем, касающемся военного дела.

III. Визирь путешествующих и покинутых имуществ. Этот министр охранял от расхищения имущества отсутствующих, умерших, дезертировавших; он же следил за пожертвованиями, а также и за налогами, которые уплачивались путешествующими. Он собирал налоги, установленные со стад, прудов и лугов. Это был верный страж всех поименованных статей государственного казначейства и наблюдал за передачей имущества умерших или отсутствующих лиц их законным наследникам.

IV. Визирь императорского двора.

Он наблюдал за доходами и расходами двора и всего того, что выдавалось из казначейства или расходовалось на содержание лошадей и др. вьючных животных. Я назначил трех визирей (интендантов) в пограничных областях и внутри государства для неусыпного надзора за охраной провинций и управлением государственными имуществами. Эти семь визирей или министров были подчинены начальнику дивана, и, обсудив с ними все дела, касавшиеся финансов, они доводили их до моего сведения.

Я хотел также назначить чиновника, обязанностью которого было докладывать мне о состоянии моих войск и моего народа, приросте и уменьшении народонаселения и о всех трудных делах, которые не были еще приведены в исполнение. Обязанностью представителя духовной власти

было - докладывать мне о состоянии пенсионеров, назначенных потомкам пророка, о жалованье другим духовным лицам, равно как и о распределении вкладов и других фондов, определенных на дела веры.

Духовный судья доносил мне о делах, касавшихся религии, а гражданский - о делах, относившихся к его ведомству.

Я требовал, чтобы все государственные дела, все вопросы, которые касались перемен и нововведений, распределения войск и назначения эмиров и, наконец, все рассуждения, в которых дело шло о представлении каких-либо планов или порядка ведения какой-либо операции, рассматривались в частном совете. Я установил, чтобы в этом совете присутствовал секретарь испытанной воздержанности, для ведения точных протоколов об этих тайных делах и их обсуждении.

Я приказал назначить несколько секретарей аудиенций (или публичного совета), которые поочередно должны были присутствовать в диване; они тщательно записывали все дела и затруднения, разрешенные или просто только обсуждавшиеся. Они включали в историю событий моей жизни суждения, которые я произносил, и все то, что происходило в моем совете.

В каждом департаменте управления состоял особый чиновник, который вел журнал прихода и расхода.

Постановления о назначении начальников (эмиров) улусов, кушунов и тюменей

Я предложил, чтобы эмир каждой орды и каждого тюмения брал с собою в военное время по одному всаднику из каждой палатки, по одному из каждого дувала и, наконец, по одному человеку из каждого дома.

Повсюду, где бы они ни останавливались, их должны были снабжать водой и фуражом для продовольствия.

Начальники племени получали Иргу и Бирк. Они были обязаны выводить в поле число всадников, соответствовавшее силе их улуса или тюменя. Из среды 40 оймаков или начальников орд, которые признали мою власть, я желал (бы), чтобы 12 получили офицерскую тамгу(печать) для того, чтобы возвысить их на степень моих доверенных слуг. И я избрал начальников Барласа, Тархана, Аргуна, Салаира, Тулкачи, Дульди, Могула, Сельдуза, Туга, Кипчака, Ерлата и Татарии.

В орде Барласа я поставил 4 главных офицеров. Эмира Кодадада(Ходайдада), которому я отдал область Бадахшан; эмиры: Яку, Ику-Тимур и Сулейман Шах получили в управление каждый пограничную область или провинцию. Сто лиц из орды Барласа были возведены в звание мингбаши; наконец, Жалаледдин Барлас был сделан десятым эмиром, а Абу-Сеид - девятым.

В орде Тархана я пожаловал Балзеда седьмым эмиром, а 20 воинов получили звание юзбаши.

В орде Аргуна Таш Хаджа я облек в достоинство восьмого эмира и выбрал 20 лиц из этой орды в минбаши, юзбаши и унбаши.

В орде Салаира Туг Тимур и Шир-Бахрам мною назначены восьмым и девятым эмирами и 20 лиц назначены унбашиами и юзбашиами.

В орде Тулкачи звание эмира было оставлено за Алжайту-Аперди.

В орде Дульди то же звание дано Табак-Бахадиру и Сам-Бахадиру.

Тимур-Хаджи-Аглан был эмиром в орде Могула.

Элчи-Бахадир - в орде Сельдуза, Али-Дервиш - в орде Туга.

Эмир Сар Буга в орде Кипчака.

В орде Ерелата звание главного начальника было предоставлено эмиру Муvidу, который женился на моей сестре, а Солянчи-Бахадир сделан эмиром.

Это же звание получил Кунк Хан в Татарской орде.

28 прочих начальников орд, которые не получили тамги, были просто названы начальниками племен для того, чтобы в военное время или для отправления военной службы они явились в число воинов, предписанных приказами.

Правила, которыми должны руководствоваться в своих отношениях начальник к подчиненному и подчиненный к начальнику

Хороший слуга должен знать, что его начальник вправе требовать от него то, что он сам требовал бы, имея слугу. Поэтому ему следует проявлять неутомимую деятельность на службе. Если его начальник, после выражения самого искреннего благоволения, делается к нему равнодушным, то он (подчиненный) должен обвинять в этом самого себя, а не начальника.

Добрый слуга привязывается и служит из расположения. Тот, кто не зная дружбы, питает в своем сердце только чувство ненависти, пожнет только несчастье, тогда как успехи и благосостояние преданного слуги будут возрастать со дня на день. Преданный слуга не оскорбляется выговорами или равнодушием своего господина, не питает злобы в своем сердце; он обвиняет самого себя в дурном обращении, которое переносит. Такой слуга заслуживает повышения.

Слуга корыстолюбивый будет ленив на работе.

Тот, кто забывает свой долг и повертывается спиной во время дела, не достоин внимания. Слуга, способный отделываться извинениями или просить (извинения) увольнения, когда предстоит сражение, который ищет средств скрыться и откладывает до другого дня дело, не терпящее отлагательства (таково было поведение Була и Тимур Аглана, покинувших меня в самый критический

момент), - пусть имя такого слуги предается забвению, и пусть Всевышний его накажет.

Князья не должны лишать подданного власти, раз они его облекли таковою. Пусть они остерегаются низвергать того, кого возвысили. Человек, за которым раз признано достоинство и проницательность, не создан для того, чтобы быть презируемым. Если, по несчастью, такое оскорбление ему уже нанесено, то необходимо исправить это, возвысить оскорбленного на степень вдвое значительнее и предоставить себя его великодушию, потому что, если у него останется злоба и он задумает отомстить за себя - он не замедлит понести за это наказание. Но подчиненный, который заботится сохранить место в сердце своего господина, не замедлит составить свое благосостояние.

Тот, кто после вынужденного или добровольного разрыва возвращается к своему начальнику, заслуживает внимания, так как он дает блестящее доказательство своего раскаяния, своей преданности.

Если слуга неприятельской стороны, дав доказательства своей храбрости и верности, попадал в плен, если же, не надеясь на своих, покидал их, чтобы просить моего покровительства, я возвышал его и обращался с ним, как с верным моим подданным.

Менгли Буга и Хайдер Андухудий с эмиром Абу-Сеидом ожидали меня во главе 6000 всадников и разбили меня на берегах реки Балх.

Впоследствии эти офицеры, не надеясь на своего князя, перешли на мою сторону; я принял их с отличием и осыпал почестями. Я дал им области Хисари Шадман, Андижан и Туркестан.

Если слуга, опасный для противной стороны во время действия, разрывает цепи дружбы по наущению врагов своего господина, если, забыв законы соли, власть и подчинение, он старается низвергнуть своего князя, - я

строго запрещаю его принимать; судьба, куда бы он ни скрылся, воздаст ему наказание (смерть) за его неверность.

Подданный, который оставляет своего господина в опасности и ищет дружбу других, не заслуживает никакого доверия; однако, если многочисленные заслуги позволяют рассчитывать на его верность, то его услугами можно пользоваться во всякое время, кроме военного. Ему следует оказывать величайшее внимание.

Визирь или подданный, который в видах политики или с предвзятою целью поддерживает близкие отношения с врагами, который под прикрытием этой дружбы вернее действует на пользу своего господина, достоин стать наряду самых умных друзей или рабов. Но раб, который изменяет своему господину и предает его, должен считаться врагом.

Нужно остерегаться давать веру клевете, распространяемой против слуги, который поднимал оружие и выиграл сражение, или забывать добро, которое он сделал. Каждую услугу нужно ценить в десять раз больше, чем она стоит, и в интересах власти возвышать подобного раба, чтобы внушить другим такое же рвение и такое же усердие. Если целый полк или только начальник оставляет всё, чтоб передаться врагу, то ему не должны давать никакого места в армии. Так, когда начальники армии Кеша оставили меня, чтоб соединиться с Хаджи-Барласом, я не оказывал им больше никакого доверия.

Всякий начальник, который изменой предает вверенную ему область врагу, подлежит смерти, но тот, кто сохранит свою часть, должен быть осыпан наградами.

Офицер, верность которого непоколебима в минуту неудачи, среди всех случайностей, поистине достоин имени брата. Так я не забыл этого правила, видел дезертировавшими начальников армии Кеша. Исключая эмира Яку-Барласа, никого не осталось возле меня, чтобы разделить мою участь. Я смотрел на верного Барласа, как

на брата и товарища по счастью; я дал ему звание главнокомандующего с управлением областями Хисара и Балха.

Правила обращения с врагами и друзьями

После завоевания Турана, когда утвердился в Самарканде на верху могущества, я не хотел делать более различия между своими врагами и своими друзьями. Эмиры Бадахшана, некоторые начальники племен тюркских и иноземных, которые тайно или с оружием в руках вредили мне, пришли в уныние, помня свое прежнее поведение, но отдавшись на мое произволение, они были смущены моим великодушием и благодеяниями. Я расточал милости и награды всем тем, которых я огорчил; путем почестей и чинов я старался их утешить.

Я предал проклятию эмиров Сельдуза и Джета. Они возвели на трон Кабул-Шаха, потомка Чингисхана, и присягнули ему на верность и преданность. При вести о моем возвращении эти изменники, поправ самые священные обязанности, зарезали несчастного хана в надежде на мое благоволение.

Завистник, являвшийся с намерением погубить меня, встречал с моей стороны столько знаков расположения, что, расстроенный моими щедротами, покрывался потом смущения.

Если друг испытанной верности искал у меня помощи, я не затруднялся помогать ему вещами и деньгами, потому что смотрел на него, как на товарища по счастью.

Опыт научил меня, что только тот испытанный друг, кто никогда не оскорбляется, кто считает своими врагами врагов своего друга и кто в случае надобности охотно жертвует своею жизнью. Такова преданность многих моих офицеров, за то и они не могли жаловаться на мою скупость.

Опыт убедил меня также, что благоразумные враги лучше безрассудных друзей. Эмир Хусейн, внук Джархана(эмира Казанхана), принадлежал к числу этих последних. Того, что он сделал мне по дружбе, враг не сделал бы в припадке ненависти.

Эмир Кодадат(Ходайдат) говорил мне: «Береги твоего врага, как жемчужину или алмаз, но если ты найдешь камень, сотри его так, чтобы не осталось и признаков». Он же прибавил: «Когда враг сдается и просит твоего покровительства, пощади его и оказывай ему благоволение». Поэтому-то я и милостиво принял Тохтамыша, который искал у меня убежища. Если враг, употребив во зло оказанную ему услугу, возобновляет неприязнь, пусть его судит Всевышний!

Истинный друг не злобствует на своего друга или по крайней мере охотно принимает его извинения.

Правила о порядке заседания в Совете

Я повелел, чтобы мои сыновья, мои внуки и мои родственники, смотря по чину, занимали места вокруг трона, как кольцо вокруг луны.

Потомки пророка, судьи, ученые, теологи, старцы, вельможи и знать помещались направо.

Главкомандующий, генералы (ханы), князья, начальники, эмиры десятитысячных и меньших общин, мингбаши, юзбаши и унбаши, соблюдая старшинство, садились налево.

Председателю Совета и визирям места - против трона; вельможи и начальники областей образовывали второй ряд, позади их.

Избранные воины, получившие титул храбрых, и другие храбрые бойцы должны были садиться позади трона направо; начальники лёгкой кавалерии занимали второе место налево.

Я приказал, чтобы полковник авангарда помещался против трона; начальники над приставами занимали пост у входа в палату трона; наконец, лица, ищущие правосудия, могли размещаться и налево.

Простые солдаты и придворные слуги, раз поставленные на место, не смели выходить из рядов.

Четыре церемониймейстера, стоявшие направо и налево, позади и впереди трона, наблюдали за порядком собрания. Когда все присутствующие были на своих местах, приказывал подавать народу тысячу блюд различных кушаний и тысячу хлебов. В моем частном Совете подавалась также тысяча блюд из которых пятьсот я отсылал эмирам орд и полковникам, назначая их каждому поименно.

Постановления, которыми нужно руководствоваться при завоевании государств

Когда государство становится добычей тирании, насилий и жестокостей, тогда долг каждого государя, верного законам правосудия, употребить все усилия для искоренения этих бичей, вторгаясь в страну. Всевышний сам вырвет такое государство из рук притеснителя и подчинит его этому государю. Такая-то любовь к правосудию внушила мне мысль освободить Трансоксанию от грабежей узбеков.

Если в каком-нибудь государстве замечается упадок веры, пренебрежение к чудным делам Всевышнего или оскорбление Его избранных слуг, тогда государь-завоеватель обязан вторгнуться в это государство для восстановления там веры и закона Магомета. Он твердо может рассчитывать на помощь Пророка.

Таким образом я отнял столицу Индостана, Дели, у султана Махмуда (внука Фарце-Шаха), Маллухана и Саренки. Я восстановил во всей силе веру и закон.

Наконец, я уничтожил все языческие капища, воздвигнутые в стране. Если правитель или интендант злоупотребляет своей властью во вверенной ему стране и доводит жителей ее до крайнего исступления, то всякий воинственный государь может завоевать эту страну. При приближении такого освободителя все пути ему будут открыты. Таким способом я отнял Хорасан у государей из династии Карт. Лишь только причины моего похода и виды на столицу этой провинции сделались известны, как Гаязеддин сдал мне ее со всеми богатствами, которые были в его распоряжении.

Каждое государство, в котором безверие и ереси пустили глубокие корни и разделили народ и войско на многочисленные секты, легко может быть завоевано. Победоносный монарх не должен пренебрегать случаем в него вторгнуться. Это-то меня и побудило освободить Ирак-Аджеми и Фарсистан (Персия) от презренных еретиков, которые разъедали народ этой страны. Предводители остальных партий, осмелившиеся поднять со всех сторон власти, были уничтожены, и я сохранил истинных слугителей бога.

Если в стране народ исповедует веру, различную с верой потомков Пророка (князя посланников), Божья благодать да почиет на нем; (правоверный) монарх должен завоевать эту страну, чтобы вывести народ из его заблуждения. Итак, когда я вступил в Сирию, то строго наказал тех, которые следовали ложному учению.

В начале своих завоеваний я усвоил себе четыре правила, которых я строго придерживался.

1) В своих экспедициях я действовал осторожно, предварительно всё зрело обдумав.

2) Чтобы не запутаться в своих предприятиях, я был чрезвычайно внимателен, осмотрителен и осторожен, и помощь Всевышнего содействовала успеху всех моих дел. Я тонко изучал характер и настроение различных

народностей; затем я сообразовал свою деятельность с этим знанием и давал каждой из них правителя, который бы вполне ей соответствовал.

3) Я приблизил к себе триста тринадцать храбрецов знатного рода, испытанной смелости и блахоразумия. Они были так тесно связаны между собою, что составляли как бы одно лицо и никогда не расходились в своих планах, своих мнениях и своих действиях. Когда они говорили: «мы приведем в исполнение этот план», то они его исполняли и никогда не оставляли они предприятия, прежде чем не довести его до конца.

4) Я не откладывал сегодняшнего дела до завтра, умел употребить к стати кротость, строгость, медленность и поспешность и не прибегал к оружию в деле, которое требовало только политики. Искусство завоевывать государства было для меня шахматной игрой, в которой я упражнялся в течение дня с людьми просвещенными; ночью же, в тени моего кабинета, даже в постели, я обдумывал дела и средства для приведения их в исполнение. Я тщательно обсуждал про себя путь, ведущий к победам, пути нападения и отступления. Я обдумывал свое поведение относительно солдат: как я обойдусь с одним, какие приказания дам другому.

Постоянно опасаясь заблуждений, я не упускал из виду ни одного дела, обращался ласково и великодушно с теми офицерами, усердие которых было мне известно, и ловко обходил тех, которые мне выказывали неприязнь. Я считал неблагодарным того, кто платил мне злом за добро, следуя изречению Пророка: «Человек, рожденный от незаконной любви, не умрет, не причинив вреда своему благодетелю».

Мой духовник писал мне: «Ты должен согласоваться с повелениями Бога и Его Пророка и помогать возвеличению Магомета в грядущем. Изгони из монархии Всевышнего тех государей, которые, пользуясь благо-

деяниями Творца, восстают против Него и Его Пророка.

Пусть правосудие царит в твоём правлении, так как по преданию неверные могут сохранять власть, но она никогда не остается долго в руках тиранов.

Долг обязывает тебя искоренить гнусные обычаи, вкравшиеся в царство Всевышнего. Дурные поступки оказывают такое же влияние на народ, как дурная пища на тело. Поэтому старайся дотла искоренить неправосудие. Не ставь в заслугу тиранам продолжительного благосостояния, которым они нередко пользуются на земле. Пойми причину продолжительного счастья злых и притеснителей. Необходимо, чтобы все злодеяния и преступления, которые в своем сердце задумали эти люди, совершились, дабы негодование и гнев Божий разразился над виновными; настанет день, когда Всевышний обратит свое могущество на этих варваров, этих злодеев, этих безбожников, поражая их оковами, заключением, отчаянием, голодом, всеобщим поветрием и внезапную смертью. Настанет время, когда невинные, добрые и справедливые, преданные казням злодеями, будут причислены к лику жертв, ибо огонь, который загорается на болоте, пожирает одинаково и сухие, и свежие травы. Не удивляйся при виде счастья и возвышения неверных, безбожных и злых, остерегайся впасть в ошибку, говоря: «Злодеи нагромождают преступление на преступление, а счастье увеличивается вместе с их злодеяниями». Надобно понять причину этого преуспевания; вот она: «Обращая взоры на своего истинного благодетеля, они могли бы отказаться от своих преступных привычек и постигнуть всю обширность своего долга. Но пренебрегая уплатой Всевышнему Богу дани признательности, относясь равнодушно к служению Ему, забывая все милости, которыми Бог и Пророк Его осыпали их, эти неблагодарные кончат тем, что сделаются предметом негодования и гнева Верховного Владыки».

Письмо моего духовника побудило меня вырвать царство Бога из рук разбойников, неверных, мятежников, еретиков и злодеев. Я тотчас же начал серьезно заботиться об их изгнании и уничтожении.

Постановления для управления государством

В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками Пророка, учителями закона, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии, вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные - моими детьми. Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа. Тем не менее, я держал всегда своих подданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы национальности они ни принадлежали, я обходился с добротой, но злые и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которое им соответствовало, не допуская их возвышения за известные границы. Я расточал почести и отличия вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты.

Правитель покоренной провинции оставался при своей должности; осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не замедлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замещал правителем умным, справедливым и деятельным. Я приказал, наказывать по закону «Ясса» (закону Чингисхана) разбойников и грабителей больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников.

Я не желал, чтобы шуты были терпимы в провинциях. Я назначил в городах и городских кварталах профоса, который должен был заботиться о безопасности народа и солдат. Все кражи, совершенные в его участке, лежали на его ответственности.

На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разъезды и обезопасить сообщения. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства были конвоированы этою стражею, которая отвечала за каждую пропавшую вещь.

Строго воспрещалось судьям наказывать граждан по обвинениям и наветам людей подозрительных и неблагонамеренных. Но по убеждению, основанному на четырех показаниях, на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением

Не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо и имущество гражданина.

Во всех делах, касавшихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости. Для уничтожения нищенства я основал приюты, где бедные получали содержание.

Постановления для поддержания сношений и получения сведений о состоянии государств, областей, народа и армии

Я желал, чтобы на всякой границе, во всякой провинции, в каждом городе и при армии был корреспондент. Его обязанностью было уведомлять Двор о действиях и поведении правителей, народа и солдат, о положении моих войск, моих соседей, он представлял точный очерк о вывозе и ввозе товаров и произведений, о прибытии и отъезде иностранцев и караванов всех стран.

Этот корреспондент при помощи своих сношений знал все действия ханов, имел сведения о всех мудрецах и ученых, которые, хотя бы из самых отдаленных стран, были расположены перейти ко мне на службу. От таких докладов я требовал самой строгой правдивости. Если он уклонялся от истины и не давал точного отчета о событиях, ему отсекали пальцы. Если в своих отчетах он пропускал какой-нибудь похвальный поступок солдата или представлял его в ложном свете, ему отрубали руку; наконец, если он по вражде или злобе делал ложный донос, его подвергали смерти. Я настоятельно требовал, чтобы эти известия были мне представляемы(представлены) ежедневно, еженедельно и ежемесячно.

Я содержал отряд до 1000 всадников на верблюдах, другой отряд в 1000 человек легкой кавалерии и 1000 легко вооруженных пехотинцев для исследования состояния пограничных областей и для разоблачения замыслов соседних князей. По возвращении своем они мне сообщали подробности открытий, и я мог принять меры против всяких случайностей.

С помощью этих всадников и пехотинцев я узнал о поражении Тохтамыша Оруз-ханом. Побежденный обратился ко мне, и я приготовился помочь Тохтамышу и объявил войну победителю.

Когда я задумал завоевать Индостан(Индию), они меня известили, что в каждой области этого государства правители и коменданты отложились от верховной власти и объявили себя независимыми; Саранк, брат Маллухана, поднял знамя независимости в местности Мултан; султан Махмуд последовал его примеру в Дели; Маллухан организовал армию в Лахоре; Мубарекхан изъявил притязаний на верховную власть в государстве Канудж, так что во всём Индостане не было ни одной провинции, в которой верховная власть не была бы захвачена каким-нибудь частным лицом.

Из всех этих данных я заключил, что можно было легко завладеть этой страной, но армия не разделяла моего мнения, и я был еще занят походом в Индию, как меня известили, что Баязед вторгся в мои владения и что (грузины), перешедши за свои границы, подали помощь некоторым крепостям, которые были осаждаемы моими войсками.

Я понял, что беспорядки в Иране увеличатся, если мое пребывание в Индии продолжится. Поэтому я привел в порядок дела этой страны и поспешно прибыл в Трансоксианию, где и оставался несколько дней. Затем направил свой путь на Анатолию и (Грузию) и овладел этими государствами.

**Правила обращения с туземцами и колонистами
каждой области. Постановления для содержания
гробниц святых и поборников веры. Пожертвования
на богоугодные заведения**

Я повелел, чтобы воины вновь покоренной страны были приняты на мою службу, как только признают мою власть; чтобы народ и туземцы этой страны были пощажены от всех тех бедствий, добычей которых делаются обыкновенно побежденные; чтобы их имущество и богатство не предавались грабежу и расхищению и чтобы взятая с них добыча была им возвращена. Я требовал, чтобы оказывали величайшее почтение потомкам Пророка, богословам, старцам, ученым, великим и знатым; чтобы начальники орд, отцы семейств и земледельцы были ограждены от насилий.

Подданные находились между страхом и надеждой, а виновные наказывались сообразно их проступкам.

Я отдал приказ, чтобы сеиды, доктора, старцы, ученые, дервиши и все монахи, которые избирали для своего жительства мои владения, получали пенсии и

жалование; чтобы бедные или люди, не имеющие средств к существованию, получали пропитание и, наконец, чтобы профессора и начальники коллегий получали определенное содержание. Я жертвовал суммы на содержание гробниц и рак для мощей святых и духовных глав. Их снабжали коврами, освещением и съестными припасами (для хранителей и пилигримов). Я предназначил подземельные участки Бакхав и Джилех на содержание первой из гробниц, гробницы главы правоверных, избранного из людей, Али, сына Абуталиба (да исполнит Господь его славы). Я назначил деревни и окрестности Кербалы, Багдада и других округов для гробницы имама Хусейна (да почиет он в мире), гробницы досточтимого Абдул Кадира, образца святости, наконец, для могилы имама Абу Ханифы (да благословит его Бог) и для могил других святых и знаменитых светил веры, покоящихся в Багдаде; пожертвованные суммы распределялись пропорционально заслугам святого.

Земли Жазаир и доходы с других городов были посвящены на содержание гробниц: имама Муса-Касима, имама Магомет-Наки и Солмана-Фарси.

Земли Кутех-Баст и окрестности Туса служили для содержания гробницы имама Али, сына Мусы. Я предложил, чтобы они были снабжаемы коврами, освещением и ежедневным количеством съестных припасов. Я сделал подобные пожертвования и на гробницы каждого святого в Иране и Туране. Я повелел собирать нищих во всякой вновь покоренной стране и выдавать им каждодневно порцию пищи; их отмечали особыми знаками, чтобы отнять у них возможность продолжать нищенствовать. Если кто-либо из этих отмеченных (пансионеров) принимался за прежнее ремесло, его продавали в дальние страны или изгоняли, чтобы искоренить нищенство в моих владениях.

**Постановление для сбора доходов и контрибуций с
народа; порядок и благоустройство государства;
культура и народонаселение; безопасность и
полиция в провинциях**

При сборе податей нужно остерегаться обременять народ податями или опустошать провинции, потому что разорение народа ведет за собой обеднение государственной казны, а несостоятельность казны имеет следствием рассеяние военных сил, что в свою очередь ведет к ослаблению власти.

Когда я завоевывал какую-нибудь область или она сдавалась мне на капитуляцию, что избавляло ее от губительных последствий войны, то приказывал собрать сведения о доходах и производительности этой области.

Если народ желал оставить прежний порядок управления, то согласовывались с его желанием, в противном же случае подати собирались по установленным мною правилам. Подати определялись производительностью земель и, соответственно, установленными оценками. Например, если земледelec имел земли, орошаемые постоянными арыками, водопроводами или потоками, лишь бы только эти воды текли непрерывно, то доход с этих земель делился на три части, причем $\frac{2}{3}$ оставались владельцу, а $\frac{1}{3}$ взималась сборщиком.

Если подданный желал платить деньгами, то часть сбора оценивалась по текущим ценам, а солдаты получали жалованье сообразно со стоимостью съестных припасов. Если же и подобное определение не нравилось подданным, то взимались произведения с трех десятин отдельно. С первой собиралось 3 меры, со второй - 2 меры, а с третьей - 1 мера. Половина засеивалась хлебом, а другая - ячменем, и взималась половина всего урожая. Если подданный отказывался платить натурой, то оценили меру хлеба в пять серебряных мискалей, а меру ячменя - в 2,5 мискаля.

На него налагалась обязанность. Но сверх этого с народа не дозволялось ничего требовать под каким бы то ни было предлогом. Что касается прочих произведений почвы в течение осени, весны, зимы и лета и местностей, которые орошали только дождем, то они делились на две части, с которых взимала треть или четверть.

Налоги на траву, фрукты и другие сельские продукты, так же, как на хозяйственные принадлежности, резервуары, пастбища и другие ценные земельные угодья, оставались без изменения, если же подданный был не доволен, то избирался другой порядок,

Строго воспрещалось брать подати раньше уборки хлеба, и уплата производилась в три определенных срока. Если подданные платили охотно, то дело обходилось без сборщика; если же в таковом являлась надобность, то он должен был действовать словом и влиянием для сбора государственной подати, но никогда не должен был прибегать к палке, веревкам, кнуту или цепям; вообще он не имел права прибегать к жестоким мерам против личности должника.

Земледелец, который разработал и оросил неводеланную землю, сделал на ней насаждения или сделал годными для посева заброшенные земли, освобождался от податей первый год, второй год он мог внести столько, сколько ему заблаxorассудится; в третий же год он подчинялся общему постановлению о налогах. Если богатый землевладелец или человек могущественный притеснял бедного или причинял ему какой-нибудь убыток, то притеснитель отвечал за это своим имуществом, вознаграждая угнетенного.

Что касалось земель заброшенных и никому не принадлежащих, то я предложил серьезно заботиться о том, чтобы их возделывали. Если же земля оставалась без обработки по причине бедности ее владельца, то ему давались необходимые земледельческие орудия. Я

приказывал расчищать засоренные арыки, исправлять и строить мосты на реках и воздвигать караван-сарай на расстоянии одного дня пути. При караван-сараях находились смотрители и дорожная стража. Они заботились о безопасности путешественников и отвечали за произведенные у них кражи. В каждом городе я приказал построить мечеть, общественную школу, богадельню для бедных и убогих и больницу, при которой находился врач. Я требовал, чтобы в городах строились также - здания городской думы и судебной палаты; я учредил особую стражу для народа за засеянными полями и за безопасностью граждан.

В каждую область я назначил трех министров. Первый был для народа. Он вел точный и верный счет податям, уплачиваемым подданными, донося мне о сумме их с объяснением, по какому праву и под каким наименованием они были взимаемы. Второй был для солдат. Он вел счет сумм, им уплаченных, и тех, которые им еще следовало получить. Третий наблюдал за собственностью отсутствующих и странствующих, над полями, покинутыми на волю ветра. С согласия судьбы и представителя духовной власти в руки этого визиря переходили имения сумасшедших, неизвестных наследников и преступников, лишенных прав законом. Имущества умерших переходили к законным наследникам; если же законных не оказывалось, эти имущества обращались на богоугодные заведения или же отсылались в Мекку.

Постановления относительно ведения войны, производства атак и отступлений, порядка в битвах и при поражении войск

Если численность неприятельской армии не превышает 12 000 всадников, то войну может вести

главнокомандующий с 12 000 воинами, набранных из орд и племен, с соответственным числом мингбашей, юзбашей и унбашей.

Приблизившись к неприятелю на расстояние одного дня, он должен мне дать о себе известие.

Я приказал разделить этих 12 000 всадников на 9 дивизий следующим образом: главный отряд - одна дивизия. Правое крыло - три дивизии. Левое крыло - три дивизии. Авангард - одна дивизия и его прикрытие - другая дивизия. Правое крыло должно состоять из авангарда и правой и левой дивизий. Левое крыло точно так же имеет свой авангард и свои две дивизии.

При выборе места для битвы предводитель должен иметь в виду четыре условия:

1) Близость воды.

2) Удобство размещения всего войска.

3) Выгоду положения, при котором можно было бы иметь в виду всё неприятельское войско. Особенно надобно избегать, чтобы солнце не светило прямо в лицо и чтобы оно не ослепляло солдат.

4) Поле битвы должно быть обширно и ровно. Накануне битвы предводитель должен построить свои ряды по намеченному плану; раз построенное в боевой порядок войско должно продвигаться вперед, не поворачивая лошадей ни в какую сторону и не уклоняясь ни вправо, ни влево. Как только воины увидят неприятеля, они должны издать боевой клик: «Велик Бог!»

Если главный инспектор армии заметит, что предводитель войск не исполняет своих обязанностей, он может заменить его другим, сообщив офицерам и солдатам данное ему мною полномочие.

Предводитель совместно с главным инспектором армии должен осведомиться о численности неприятеля, сравнить его оружие с вооружением своих солдат и его офицеров со своими, чтобы сообразить, в чем его силы

слабее неприятельских, и пополнить недостатки. Внимательно следя за всеми движениями своих отрядов, он наблюдает, продвигаются ли они медленно и стройно или бегут в беспорядке. Он должен хорошо различать действия противников, нападают ли они всеми своими силами или же производят атаки отдельными отрядами. Главное искусство состоит в том, чтобы уловить момент, когда неприятель готовится к нападению или к отступлению, затевает ли он новый план атаки или же придерживается прежнего. В этом последнем случае солдаты должны выдержать стойко натиск, потому что храбрость есть не что иное, как терпение в момент опасности. Пока неприятель не начнет дела, не следует выступать ему навстречу, но лишь только он сделает шаг вперед, нужно направить соответственно движение всех своих девяти дивизий. В чем же заключается обязанность главнокомандующего? Руководить движениями своих отрядов и не теряться во время опасности. Он должен быть решителен в своих действиях, на каждую дивизию он должен смотреть, как на особый род оружия, как-то: стрелу, топор, палицу, кинжал, шпагу или саблю, которые он употребляет в действии, смотря по надобности. Начальник должен смотреть на себя так же, как и на свои девять эскадронов, как на атлета, который сражался всеми частями своего тела: ногой, рукой, головой, грудью и другими членами. Можно надеяться, что неприятель, подавленный этими последовательными натисками, будет наконец побежден.

Предводитель начнет тем, что двинет вперед главный авангард, поддерживаемый авангардом правого крыла, а затем и авангардом левого крыла, для произведения трех натисков. Если выдвинутые войска будут поколеблены, то следует послать для подкрепления первую дивизию правого крыла, после нее вторую дивизию левого крыла. Если победа еще не верна, то следует отправить вторую

дивизию правого крыла вместе с первой дивизией левого крыла и донести мне о ходе дела. Дождавшись прибытия моего знамени и возлагая все надежды на помощь Всевышнего, главнокомандующий сам вступит в схватку, считая себя самого как бы участвующим в деле; не подлежит сомнению, что с Божьей помощью девятая атака обратит в бегство неприятелей и доставит ему победу. Чрезвычайно важно, чтобы начальник не поддавался увлечению, чтобы он управлял всеми движениями своих войск; когда он вынужден лично принять участие в деле, то пусть делает это, не слишком рискуя собою, так как смерть начальника производит самое гибельное впечатление: она воодушевляет храбрость врагов.

Итак, он должен вести свои действия с ловкостью и благоразумием, не позволяя себя увлекать опрометчивости, потому что безрассудная смелость - дочь бссов; он не должен ставить себя в такое положение, из которого нет выхода.

Порядок битвы для моих победоносных армий

Если неприятельская армия превышает двенадцать тысяч человек, не достигая, однако, сорока тысяч, то командование может быть поручено одному из моих благополучных сыновей с назначением под его начальство двух главных и нескольких простых офицеров с отрядами в сто человек, в 10 тысяч человек и ордами, так чтобы численность всей армии простиралась до 40 тысяч. Мои непобедимые войска должны постоянно думать о том, что я лично присутствую, чтобы не уклоняться от правил благоразумия и храбрости.

Я приказал, чтобы, когда мою кибитку, как счастливое предзнаменование, отправят вперед, то ее эскортировали 12 отрядов, предводительствуемых начальниками племен; они должны правильно маневрировать, не

упуская из виду 12 правил, которые я предписал для установления порядка битвы, для разрыва передовых линий и, наконец, для атак и отступлений. Хороший предводитель, узнав о числе неприятельских начальников, должен им противопоставить своих; он тщательно наблюдает за тем, какого рода оружия воинов нужно поставить во главе; будут ли то лучники, копьевщики или люди, вооруженные шпагами. Внимательный к движениям своих противников, он должен сообразить заблаговременно, начинают ли они битву медленно, посылая в дело отряд за отрядом, или же с яростью бросаются в бой (всей массой); он должен наблюдать за всеми путями, ведущими к полю битвы, как для атаки, так и для отступления, а также проникнуть и уяснить себе план действий неприятеля.

Может случиться, что, выказывая притворную слабость, враги обратятся в бегство, но не следует поддаваться этой хитрости. Генерал, глубоко изучивший военное дело, понимает весь механизм битвы: он знает, какой корпус нужно послать в дело. Его блахоразумие помогает всему. Он не затрудняется дать сражение, он предугадывает планы своих противников, открывает цель всех их движений и пускает в ход все средства, чтобы расстроить их замыслы.

Из 40 тысяч всадников предводитель должен сформировать 14 дивизий следующим образом: он выстроит свою линию и назовет ее центром. Три дивизии составят арьергард (или корпус) правого крыла. Одна из этих трех дивизий получит название передовой (этого арьергарда). Из трех дивизий, составляющих левое крыло, одна будет служить ему передовой.

Точно так же три других дивизии будут помещены впереди арьергарда правого крыла; они составят его фронт. Один из этих трех отрядов послужит авангардом фронта правого крыла. Левое крыло будет состоять из такого же

числа дивизий, и они будут, составлять его фронт. Одна дивизия будет служить авангардом фронта левого крыла, подобно предыдущему. Затем он выстроит главный авангард пред центром армии. В составе авангарда будут: стрелки из луков, солдаты, вооруженные шпагами, копьевщики, храбрые и опытные воины, которые будут сражаться издавая громкие крики, чтобы произвести беспорядок в неприятельском авангарде. От главнокомандующего не должно ускользнуть ни одно движение противной стороны, и тот самоуверенный офицер, который двинется вперед, не имея на то приказания должен подвергнуться наказанию.

Всегда внимательно следя за маршами и контрмаршами своих противников, начальник армии пусть остерегается рисковать вступлением в битву, прежде чем не получит к тому прямого вызова со стороны неприятеля. Но раз противники открыли наступление, то он, как генерал осторожный, должен исследовать их маневры, как они начинают битву и как отступают, а затем уже сообразить средства напасть и отразить их, будут ли они продолжать атаку или же, согласуясь с требованиями обстоятельств, начнут отступать, чтобы снова напасть, когда наступит удобное к тому время.

Должно также остерегаться преследовать армию, которая без видимой необходимости обращается в бегство, потому что она может иметь сзади сильные подкрепления.

На обязанности главнокомандующего лежит - следить за неприятелем, направляет ли он все свои силы или действует только правым и левым крылом. В таком случае он должен сначала противопоставить ему свой авангард, затем двинуть авангарды правого и левого крыла для подкрепления главного авангарда. После этого выступят 1-й эскадрон правого крыла и 2-й эскадрон левого крыла, за которыми последуют второй отряд правого крыла и первый - левого.

Если после семи атак не выяснится, на чьей стороне победа, то следует отправить передовые отряды арьергардов правого и левого крыла, чтобы произвести девять нападений. Если и после этого не последует победы, тогда можно пустить в ход 1-й эскадрон арьергарда правого крыла и 2-й эскадрон арьергарда левого крыла. Если все эти усилия окажутся бесполезными, то следует отправить последние оставшиеся эскадроны обоих крыл. Может быть, успех тогда определится.

Если эти тринадцать приступов не решат победы, то главнокомандующий не должен колебаться двинуть свой центр; пусть горой вырастет в глазах неприятеля и обрушится на него тяжело и мерно. Пусть главнокомандующий прикажет своим храбрецам обнажить шпаги, а стрелкам - пустить град стрел; наконец, если и после этого победа не выяснится, то командующий должен сам броситься в бой, не колеблясь и не теряя никогда из виду моего знамени.

Если неприятельская армия превышает 40 тысяч человек, то я приказывал генералам, офицерам, минг-башам, юзбашам, унбашам, избранным воинам и простым солдатам стать под мое победоносное знамя.

Начальникам эскадронов я предлагал исполнять мои приказания с самой строгой точностью. Начальник или простой офицер, дерзнувший уклониться или нарушить мои приказания, подвергался расстрелу, а его наместник или лейтенант замещал виновного. Из 40 рот сформированных орд, отрядов в 100 и 10000 человек я выбирал 12 рот, которым я давал отличительный знак; они делились на 40 взводов.

Офицеры 28 рот, не имеющих отличительного знака, шли позади центра; мои сыновья и внуки располагались со своими войсками направо; родственники и союзники помещались налево. Это были резервные отряды, которые

подавали помощь повсюду, где оказывалась необходимость. Шесть эскадронов составляли арьергард правого крыла, а еще один служил им передовым отрядом.

Арьергард левого крыла был сформирован по тому же образцу; он имел также свой передовой отряд. Я поставил 6 эскадронов впереди арьергарда правого крыла, и они составляли фронт правого крыла. Еще один эскадрон, поставленный впереди, служил авангардом этому фронту.

Тот же порядок существовал и для левого крыла, которое также имело свой авангард. Впереди обоих крыл помещались шесть эскадронов, сформированных из опытных офицеров и воинов испытанной храбрости, и это был мой главный авангард, который имел передовым отрядом выдвинутый вперед эскадрон. Два офицера легкой кавалерии и один тяжелой из друзей, распределенные направо и налево передового отряда авангарда служили мне лазутчиками неприятельской армии. Командующим 40 эскадронами отдавалось строжайшее запрещение вступать в бой раньше очереди или не получив приказаний; они должны были только быть всегда наготове к выступлению. Как только они получали такое приказание, то выступали, постоянно наблюдая за движениями неприятеля. Если этот последний (то есть неприятель) находил доступ к сражению, то их (командующих 40 эскадронами) делом было его (путь) ему (неприятелю) закрыть и открыть своей ловкостью тот (доступ, путь), который он (неприятель) хотел им заградить. Как только авангард вступал в схватку, начальник авангарда двигал последовательно свои 6 эскадронов, чтобы смешать неприятельские ряды; командующий первым крылом отряжал в атаку свои 6 эскадронов на помощь первым и сам лично вступал в дело. Начальник авангарда левого крыла должен сделать то же самое, чтобы поддержать сражающихся; он должен выступить во главе своего отряда, и, может быть, с

помощью Всевышнего, выдержав эти 18 атак, ослабевший неприятель обратится в бегство.

Если же он продолжает выказывать стойкость, то начальникам запасных отрядов правого и левого крыла следует выдвинуть свои авангарды. Эти отряды, ринувшись на противников, могут их смять и уничтожить. Если наши надежды всё еще окажутся тщетными, то начальникам арьергарда обоих крыл останется только двинуть последовательно свои эскадроны и самим лично во главе их врезаться в неприятельские ряды (пройти сквозь живот неприятелей). Если все эти офицеры ослабнут и дрогнут, то настала минута, когда князь-мирзы, командующие резервным корпусом правого крыла, и родственники императора, стоящие во главе такого же корпуса левого крыла, должны ринуться на врагов.

Всё их внимание должно быть обращено на командующего неприятельской армией и на его знамя; пусть они неустрашимо атакуют вражеские ряды. Главная задача их заключается в том, чтобы захватить этого командира и опрокинуть его знамя. Когда после всех этих усилий враг будет еще держаться, тогда наступает очередь отборного войска центра и храбрецов, выстроенных позади него; они должны устремиться все вместе, чтобы произвести общую атаку (дать генеральное сражение). После всех этих попыток император не должен колебаться броситься с храбростью и твердостью в самый пыл сражения.

Так я поступил в сражении с Баязетом. Я приказал Мирзе Мираншаху, который командовал правым крылом, стремительно напасть на левое крыло войск турецкого султана, Мирзе Султану Махмудхану и Эмиру Солиману, которые вели левое крыло моих войск, атаковать неприятельское правое крыло. Мирза Абубакир, под начальством которого находился резерв правого крыла, получил приказание атаковать главный корпус Йилдирим

Баязета, расположенный на возвышенности. Сам же я стал во главе своего боевого корпуса и своих избранных воинов и с воинами племен пошел прямо на Киссара. Его войска были опрокинуты с первого натиска. Султан Махмудхан бросился преследовать побежденного и, взяв его в плен, привел в мою палатку. Придерживаясь тех же принципов, я одержал победу над Тохтамышханом и приказал низвергнуть знамя этого князя.

Если неприятель, отличаясь доблестью, обратит в бегство авангарды правого и левого крыла, а также арьергарды обоих этих крыл, если он пробьется к главному корпусу, то Султану ничего больше не остается при всей своей отваге, как вложить ногу храбрости в стремя терпения, чтобы отразить и уничтожить неприятеля. В сражении против Шах-Мансура, губернатора Дели, когда этот принц пробился до меня, то я лично сражался с ним, пока не поверг его в прах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Планы и предприятия

Таковы были планы и порядок образа действий, которым я следовал с целью завоевать царства и покорить вселенную, побеждать армии, захватывать врасплох своих противников, склонять на свою сторону тех, которые противились моим намерениям, словом - для того, чтобы руководствоваться в своем поведении по отношению к друзьям и врагам. Мой доверенный советник написал мне следующие слова: «В управлении своим государством Абул-Мансур-Тимур должен привести в действие четыре существенные средства: обдуманый расчет, разумную решительность, выдержанную стойкость и осторожную осмотрительность. Государь, не имеющий ни плана, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть только заблуждение и беспорядочность и

порождают лишь стыд и угрызение совести. Для тебя же будет гораздо лучше вести все дела твоего управления с осторожностью и мудрой обдуманностью, чтобы избежать в будущем раскаяния и бесплодных сожалений.

Знай, что искусство управлять состоит частью в терпеливости и твердости, частью в притворной небрежности и в искусстве казаться не знающим того, что знаешь.

Никакое предприятие не трудно для того, кто обладает даром соединять с мудростью планов терпение, твердость, стойкую энергию, осмотрительность и мужество. Прощай». Это письмо было, так сказать, руководителем моих поступков: оно убедило меня в том, что совет, благоразумие, обдуманность вдесятеро полезнее в политике, чем сила оружия. Ибо, как говорят, благоразумие может завоевывать царства и побеждать армии, не поддающиеся мечу воинов. Что касается меня, я убежден, что испытанный воин, соединяющий все эти качества, гораздо предпочтительнее тысячи солдат, обладающих только силою, ибо он может руководить тысячей тысяч таких воинов. Опыт показал мне еще, что победа и поражение нисколько не зависят от численности сражающихся, но от помощи Всемогущего и от благоразумия наших мер. Я сам - пример этому. Я шел во главе двухсот сорока трех человек к укреплению Карши, предварительно хорошо обдумав план своих действий. Двенадцать тысяч всадников, предводительствуемых Эмиром Мусой и Малик-Бахадиром, частью составляли гарнизон этой крепости, частью же защищали ее окрестности; но с Божьей помощью и при посредстве разумных мер я овладел укреплением.

Тогда Эмир Муса и Малик-Бахадир выступили со своими 12 000 всадников и стали осаждать меня; но полный веры во имя Всевышнего, я вышел против них с проворством и осторожностью. Несколькими нападениями, сделанными успешно и вовремя, мои 243 воина

разбили 12 тысяч всадников и преследовали их на протяжении нескольких миль.

Опытность научила меня и тому, что хотя течение событий и скрыто покровом рока, однако мудрый и разумный человек не должен пренебрегать планами, предусмотрительностью и дальновидностью. Вот почему, сообразуясь с досточтимыми словами пророка, я никогда не приступал к исполнению ни одного предприятия, зрело его наперед не обдумав.

Когда мои советники собирались, я обсуждал с ними хорошие и дурные стороны удачного и неудачного исхода предприятия, которое я был волен исполнить или оставить. Выслушав их мнение, я обсуждал его со всех сторон: я сопоставлял пользу с вредом; внимательным оком я окидывал все его опасности; план, представлявший при исполнении двоякую опасность, был отвергаем, для того, чтобы избрать тот, в котором я предусматривал только одну.

Руководимый таким именно взглядом, я подал совет Туглук-Тимуру, хану Чигатая.

Его эмиры подняли знамя возмущения в Джета; он просил у меня совета, и я отвечал ему: «Если ты пошлешь армию, чтобы прогнать и истребить возмутившихся, то две опасности тебе угрожают: но только одна будет предстоять тебе, если ты будешь предводительствовать ею лично». Он мне поверил, и случившееся подтвердило мое предсказание.

Я не затевал ни одного предприятия, предварительно не посоветовавшись, а приводя его в исполнение, я ничего не предоставлял случаю; прежде чем начать действие, я обдумывал, какой оно могло иметь исход, и, употребляя попеременно ловкость, блахоразумие, твердость, бдительность и предусмотрительность, я приводил к верному успеху.

Опытность доказала мне, что хорошие планы

способны создавать только те люди, чьи действия не противоречат их словам, которые, раз приняв решение, не оставляют его по какой бы то ни было причине и не стараются никогда возвращаться к плану, раньше ими отвергнутому.

Я различал два вида совета: один - исходящий из уст, другой - из глубины сердца. Я благосклонно внимал говору уст, но только то, что я слышал исходящим из сердца, оставлял в ушах моего сердца (для того чтобы воспользоваться этим).

Когда дело шло об отправлении армии в поход, я обдумывал, выбрать ли войну или мир. Я выспрашивал моих эмиров; если они предлагали мир, я сравнивал его приятности с трудами войны; если, напротив, они склонялись к войне, я проводил параллель между ее пользой и невыгодами мира. В конце концов я избирал всегда исход наиболее выгодный.

Я отвергал всякое решение, способное разделить армию. Я позволял говорить советнику, робко произносившему свою речь, но я внимательно прислушивался к словам человека, который выражался рассудительно и твердо.

Я принимал все советы, но во всяком мнении заботливо различал хорошие и дурные стороны и останавливался только на разумном и полезном.

Когда Туглук-Тимур, потомок Чингисхана, перешел реку из Ходжента, намереваясь завоевать Трансоксианию, и потребовал, чтобы мы, я и эмир Ходжи-Барлас и Баязет Джалайир, пришли и соединились с ним, то эти последние спросили у меня совета, говоря: «Нужно ли нам укрыться в Хорасане с нашими семействами и ордой или же идти и присоединиться к Туглук-Тимуру?» Я отвечал им: «Вам предстоят две выгоды и одна опасность, если вы отправитесь к Туглук-Тимуру; но если вы убежите в Хорасан, то встретите две опасности против одной выгоды».

Они отвергли мой совет и направили свой путь к Хорасану. Я же, имея на выбор - идти в эту страну или же повиноваться приказанию Туглук-Тимура, колебался между этими двумя исходами.

В этой нерешимости я прибегнул к мудрости моего доверенного советника, и вот его ответ: «Следующий вопрос был предложен однажды четвертому халифу Али (преисполни его Бог славой и милостью!): если бы твердь небесная была луком, тетивой которого была бы земля, если бы козни были стрелами, имеющими целью детей Адама, а сам Бог, Величайший и Высочайший, был стрелком, то где несчастные смертные могли бы найти убежище? Именно возле самого Бога люди должны были бы укрыться, отвечал халиф. Так и тебе нужно сейчас же идти и отыскать Туглук-Тимура и заставить его выронить из рук лук и стрелы».

Получение этого письма укрепило мое сердце; я отправился в путь и явился к хану. Но во всех делах, требовавших обсуждения, я извлекал из Корана предзнаменование, руководившее моим поведением. Прежде чем подчиниться приказаниям Туглук-Тимура, я открыл священную книгу, и мне выпала глава об Юсуфе (да будет Бог милостив к нему!). Я поступил тогда согласно с указанием Корана.

Первый план

Вот первый план, внушенный мне свиданием, которое я имел с Туглук-Тимуром. Я хорошо знал, что этот хан послал три армии, предводимые Бекчиком, Ходжи-Бекком из племени Арканат и Олугток-Тимуром из племени Карит, с другими эмирами Джета, разорить царство Трансоксании. Эти предводители расположились лагерем близ Хисара; я решил пойти к ним и предложить им суммы, достаточные для того, чтобы прельстить их и

отсрочить разорение и опустошение этого царства до моего прихода к Туглук-Тимуру.

Мое могущество ослепило эмиров; они приняли меня с уважением и почтением; их сердца смирились, их глаза были ослеплены, и когда великолепие моих подарков довершило их подкуп, они перестали опустошать царство.

Тогда я не замедлил явиться перед ханом, который принял приход мой за счастливое предзнаменование: он часто советовался со мной и всегда следовал моим советам.

Между тем ему донесли, что эмиры трех армий вынуждают с жителей Трансоксании вещественные подарки и денежные суммы; он принуждает их возвратить эти суммы и назначает особых сборщиков для наблюдения за таковым возвратом. В то же время он воспрещает этим начальникам вход в Трансоксанию и лишает их предводительства, возлагая таковое на Ходжи-Барласа, Махмудшаха из племени Елур.

Уведомленные об этом распоряжении, эмиры удаляются и поднимают знамя восстания; в то же время они встречают Оглан-Ходжу, начальника дивана и первого советника хана; привлекиши его на свою сторону, они вместе направляются к Джиттеху.

В то же время Туглук-Тимур узнал, что его эмиры сделали нападение на деревню Капчак.

По моему совету возмущенный государь направил свой путь к государству Джета. Он вручил мне управление Трансоксанией с полномочиями и необходимыми доверительными письмами; он присоединил к этому еще десяти тысячный корпус, которым начальствовал в этом царстве эмир Карочар-нуян; таким образом вся эта страна до вод Джайхуна (Оксус) стала мне подвластною.

Таково было намерение, которое я принял и исполнил еще в самом начале моего возвышения; и опыт

убедил меня, что хорошо обдуманый план несравненно действительнее стотысячного отряда воинов.

Второй план

Вот второй план, составившийся у меня в начале моих успехов.

Когда Туглук-Тимур, вопреки своим обязательствам, снова привел армию в Трансоксанию, он отнял у меня управление этим царством, чтобы отдать его в руки своего сына Элиас(Иляс) Ходжи, а меня поставил главным-командующим и советником молодого князя, указывая мне на договор, состоявшийся между Кочувли бахадир и Кабулханом, его и моими предками. Из уважения к этому договору я принял начальствование армией.

Когда узбеки начали совершать в Трансоксании величайшие жестокости и невыносимые притеснения (ибо уже семьдесят Сеидов или сыновей Сеидов были брошены в оковы). Элиас(Иляс)Ходжа, потерявший всякую власть, не был в состоянии прогнать этих разбойников и остановить их неистовства. Что касается до меня, то я, стремясь приобрести доверие, стремительно ринулся на узбеков и освободил притесняемых из рук притеснителей. Эта экспедиция была причиной возмущения военачальников Элиас(Иляс) Ходжи и самих узбеков. Туглук-Тимуру написали, что я поднял знамя восстания; хан, будучи слишком доверчив, послал приказание умертвить меня, но это последнее попало в мои руки. Видя всю громадность опасности, я собрал вокруг себя храбрую молодежь из племени Барлас, которую я привлек на свою сторону. Первым, принесшим мне клятву повиноваться, был Ику-Тимур, вторым эмир Джаку-Барлас. Затем и другие храбрецы, побуждаемые движением своего сердца, добровольно стали под моим знаменем. Когда жители Трансоксании узнали, что я решил напасть на узбеков,

вельможи и народ не замедлили покинуть их ряды и присоединиться ко мне. Ученые и высшее духовенство издали постановление, утверждавшее изгнание и ниспровержение узбеков.

Многие начальники орд и племен присоединились еще ко мне в этом предприятии. Это постановление и это воззвание, данные письменно, были выражены в следующих словах: «Следуя поведению и примеру законных халифов (будь Бог милостив к ним!), воины, и народ, и духовенство из уважения к великим достоинствам Тимура, полярной звезды могущества, возвели этого эмира на царство. Они обещают не щадить своего состояния и своей жизни на то, чтобы истребить, изгнать, победить и уничтожить партию узбеков, этих ненавистных притеснителей, которые простерли свои жадные руки не только на движимость, на имущества и владения, но даже на честь и законы мусульман. Мы клянемся соблюдать условия этого договора. Если когда-нибудь мы нарушим эту клятву, то пусть мы потеряем покровительство Бога и подпадем из-под его власти во власть Сатаны!» При виде этого постановления я возгорел желанием начать войну и сечу и двинуть войска на узбеков, чтобы несчастные отомстили своим тиранам; но изменники, узнав о моей тайне, разоблачили ее.

Я заметил, что если бы сам я остался в Самарканде, начав войну с узбеками, то жители Трансоксании могли бы нарушить свое слово. Итак, я решил оставить город и ждать в горах, пока союзники присоединятся ко мне, чтобы с значительными силами выступить на врага.

Уезжая из Самарканда, я имел не более шестидесяти всадников в своей свите, и я убедился тогда, как благоразумно я поступил. Целая неделя уже протекла, а никто еще не являлся. Я решил идти к Бадахшану, чтобы заключить союз с князьями этого города. По пути я приветствовал благочестивого пустытника Эмира Кулала,

который благоволил лично предписать мне образ действий, коему я должен был следовать; он рекомендовал мне обратить особое внимание на Хорасмию, а я обещал годичный ему доход с Самарканда, если мне посчастливится победить узбеков. Этот почтенный человек произнес молитву о победе и отпустил меня.

Когда я оставлял Эмира Кулала, всё мое прикрытие состояло еще только из шестидесяти всадников. Извещенный о моем прибытии в Хорасмию Элиас(Иляс) Ходжа, государь Трансоксании, предписал Токаль-Бахадиру, правителю Киуку, напасть на меня и уничтожить.

Токаль выступил в поход с тысячей всадников. Я имел тогда на своей стороне Эмира Хусейна, который, встретив меня на пути, присоединился ко мне. Я осмелился со своим маленьким отрядом стать против врага. Дело началось, и я сражался так храбро и с такою яростью, что из 1000 всадников Токаля уцелело только 50, а из своих 60 я сохранил только 10, но счастье было на моей стороне. Узнав о моих успехах, Элиас(Иляс)Ходжа и эмиры Джаттеха говорили про себя: «Тимур удивительный человек; Всемогущий Бог и счастье на его стороне». Эта победа была для меня счастливым предзнаменованием, и узбеки затрепетали при виде моих успехов.

Третий план

В плачевных обстоятельствах, когда, по-видимому, мое счастье было расшатано до основания, когда около меня оставалось только десять воинов (7 всадников и 3 пехотинца), не отказавшихся разделить мои несчастья, я не падал духом. Я посадил с собой на лошадь свою жену, сестру эмира Хусейна, и мы, поблуждав по пустыне Хорезма, однажды ночью остановились наконец возле колодца. Три вероломных хорасанца, воспользовавшись

темнотою ночи, убежали с тремя из наших лошадей, и на семь человек, не покинувших меня, осталось только четыре лошади. Мое мужество возрастало с несчастьями; не давая заметить своей ошибки, я только старался поправить ее. Лишь только я снова отправился в путь, как Алибек Джаникербани, напав и захватив нас, бросил меня в темницу, полную гадов. Стража бдительно охраняла двери этой отвратительной тюрьмы, в которой я пробыл 62 дня. Обдумав средства к побегу, я с помощью Всемогущего, одушевленный храбростью отчаяния, вырываю меч у одного из стражей, бросаюсь на них, и эти телохранители бегут, покинув свой пост. Тотчас же я отправляюсь к Али-беку; он, пристыженный своим бесчестным поступком по отношению ко мне, смущается и просит у меня извинения. Он мне возвращает моих лошадей и оружие и присоединяет к ним чахлую клячу и никуда не годного верблюда, прося меня принять их. Его брат Мухаммед-Бек прислал мне несколько подарков. Али-Бек, в котором эти подарки возбудили алчность, взял часть их себе и отпустил меня. Я углубился в пустыню, сопровождаемый 12 всадниками. На второй день пути мы встретили жилище и остановились там на отдых. Лишь только я укрылся в одном из домов, как толпа туркоманов с криком осадила его. Моей первой заботой было спасти жену. Я запер ее в доме, и сам отталкивал эту толпу. Вдруг один туркоман узнал меня и закричал: «Это Тимур». Тотчас же он остановил сражавшихся и бросился к моим ногам: я принял его с радостью и возложил ему на голову свою чалму; и с этого момента он и его братья навсегда остались беззаветно мне преданными.

Четвертый план

составленный в первое время моих успехов. Когда я увидел себя во главе 60 всадников, я стал опасаться, чтобы

мое пребывание в этом округе не подвергло меня вероломству народа и чтобы кто-нибудь не уведомил узбеков о положении моих дел. Я думал, что будет более безопасно уйти оттуда и стать лагерем в пустыне, вдали от всякого жилья, в ожидании, пока успело собраться войско, которое служит основанием могущества.

Оставив эту страну, я отправился к Хорасану и на пути встретил Мубарек-шаха, правителя Мокхана. Он присоединился ко мне с сотней всадников и дал мне много отличных лошадей. Кроме того, ко мне прибывали потомки Пророка и другие туземцы. Наконец я собрал в этой пустыне отряд из 200 человек, как всадников, так и пехотинцев. В это время Сеид Гассан, Мубарек-шах и Сеид Зияуддин сделали мне следующее предложение: «Оставаться в этой стране значило бы дожидаться того, как наш маленький отряд станет разбегаться. Завладеем какой-нибудь областью и утвердим там свое местопребывание».

Подумав обстоятельно над этим, я отвечал: «Вот мой план: Двинуться к Самарканду; вас я размещу по соседним с Бухарой городам, а сам, объезжая окрестности Самарканда, войду в сношение с народом разных племен и постараюсь расположить их к себе. Когда же соберу войско, то позову вас, и мы вместе произведем нападение на окрестности Джета, на их правителя Элиас(Иляс) Ходжу и покорим Трансоксанию». Мой ответ был единодушно одобрен, и по прочтении первой главы Корана для божественного покровительства, я занялся исполнением моего плана.

Я начал с того, что разместил моих 200 человек в окрестностях Бухары, где я укрыв свою жену, сестру эмира Хусейна, а сам затем отправился в Самарканд. Тамука кавчун, попавшийся мне на пути с 15 всадниками, пожелал присоединиться ко мне. Я сообщил ему свои планы и послал его к Мубарек-шаху. Вошедши в сношения с племенами, я привлек на свою сторону 2000 человек,

готовых следовать за мной, как только я подниму в Самарканде знамя могущества.

Проникнув в этот город, благодаря темноте ночи, я укрылся у Кутлуг-Туркан-ога, моей старшей сестры. Дни и ночи проводил я, обдумывая и размышляя. В течение 18 дней я оставался неузнанным, но один из жителей города, узнав о моем возвращении, задумал открыть меня.

Опасность была крайняя, и я ночью бежал с 50 всадниками. При выходе из Самарканда, я в сопровождении толпы пехотинцев направился в Хорасмию. Мы встретили по дороге табун лошадей, принадлежавший туркоманам; я захватил их, чтобы посадить на них своих воинов.

Прибыв в Ачигий, я расположился лагерем по склону холма, возле реки Амударья. Здесь произошло свидание с моей семьей, Мубарек-шахом, Сеид-Гассаном и со всеми теми, кого я разместил в окрестностях Бухары. Тимур-Ходжа-Оглан и Барлас Джалаир, прибывшие со своими отрядами, также вступили к нам в союз. Увидев, что мой отряд возрос до тысячи всадников, я подумал о средствах употребить его в дело, и повел к Бактар-Земину и Кандагару, которые и подчинил своей власти.

Пятый план

На пути к Кандагару и Бактар-Земину, мы стали лагерем на берегу Гирмена. Там я построил себе жилище и поселился в нем, чтобы дать время воинам отдохнуть. В то время как я находился на берегах этой реки, явились жители и воины области Гермсир. Около тысячи тюрков и туземцев также пришли с предложением своих услуг, и область Гермсир приняла мои законы. Между тем я решил вторгнуться в Систан. Узнав о моем замысле, правитель этой области прислал мне значительные подарки, прося моей помощи. «Я, говорил он, подавлен своими врагами.

Они захватили мою страну и взяли уже семь крепостей. Если вы исторгнете из их рук, я выплачу вашим воинам шестимесячное жалованье».

Я понимал, насколько было бы выгодно для меня обратить свое внимание на Систан. Из 7 крепостей, бывших в области врагов, я возвратил уже 5. Когда ужас овладел душой правителя, то он заключил дружественный союз с собственными врагами, они пришли к следующему заключению: «Если эмир Тимур будет находиться в этой стране, то Систан перейдет из наших рук к нему». Собрав воинов и народ всей этой области, они напали на меня.

Нарушением своего слова этот правитель поставил меня в ужасное положение. Однако я вышел навстречу и дал сражение. В деле одна стрела пронзила мне руку, другая ногу; в конце однако победа осталась за мной.

Заметив, что климат этой страны вредно действует на мое здоровье, я отправился в Гермсир, где и пробыл 2 месяца пока не излечился от ран.

Пожив в Гермсире и излечившись от ран, я составил проект поселиться в горах области Балха и снарядить армию для завоевания Трансоксании. Увлеченный этою мыслью, я слез с коня и отправился в сопровождении только сорока всадников, но зато все знатных детей старейшин и эмиров. Я возблагодарил Всемогущего за то, что несмотря на мои несчастья, лишенный денег и припасов, я однако имел в своем распоряжении таких храбрых воинов. Я говорил себе тогда: «Всевышний покровительствует моему делу, если подчиняет мне людей, равных со мной по рождению».

Я достиг подошвы горы и встретил Садык-Барласа, искавшего меня. Он привел мне 15 всадников, и я принял его за счастливое предзнаменование.

Первые дни после нашего соединения были посвящены охоте, а затем мы продолжали путь. Я заметил на вершине одной горы отряд войска, который

увеличивался с каждым мгновением. Я тотчас остановился и послал гонцов собрать верные известия. Они вмешались в толпу и, возвратившись, сказали мне: «Это Казанчи-Бахадир, старый слуга эмира (Тимура). Он оставил Джетскую армию с двумястами всадников и теперь ищет своего господина» Восхищенный этим событием, я простерся на земле, чтобы возблагодарить Всевышнего, и велел позвать этого верного слугу. Он тотчас же явился, бросился к моим ногам и целовал их; я благосклонно поднял его, возложил на его голову свою чалму и мы пошли вместе с ним к долине Асриф.

Прибыв туда, мы поставили пикеты; на следующий день объехал долину верхом. На середине ее находилась возвышенность на которой воздух был превосходный; я расположился, а все воины раскинули свои палатки вокруг.

Следующая ночь была ночь молитвы, и я провел её, не смежая век. На рассвете я начал читать молитву. Окончив её, я с мольбой воздел руки к небу и умилился до слез, всемогущего о помощи и избавлении меня от несчастий. Не успел я кончить еще своего воззвания, как заметил вдали отряд, проходивший мимо холма. Я сел на лошадь и приблизился достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть его. Это был отряд конницы из 70 человек. «Воины, спросил я, куда держите путь?» Они отвечали мне: «Мы слуги эмира Тимура. Мы ищем Господина, но, увы! не можем найти его». «Я также слуга этого эмира, сказал я им. Я буду вашим проводником и сведу вас к нему». Один из них, прищпорив коня, поспешил уведомить об этом своих начальников. «Мы нашли, вскричал он, проводника, который предлагает привести нас к эмиру Тимуру». Эти последние поворотили своих коней и приказали привести меня к себе. Отряд состоял из трех частей, первой начальствовал Туглук-Ходжа-Барлас, второй Сейфэддин, третье Тубак-Бахадир. Увидев меня, эти начальники, пораженные, слезли с коней, упали на

колени и целовали мое стремя. Я также сошел и простер над ними свои руки. Я возложил свою чалму на голову Хаджи опоясал своим поясом, драгоценным по отделке и золоту, эмира Сейфэддина и накрыл халатом своим Тубак-Бахадира. Все мы были тронуты. Мы совершили в обычный час обычную молитву, затем я сел на лошадь и поехал в свой лагерь, где я созвал общее собрание и устроил пир. На следующий день прибыл Шир-Бахрам, который оставил меня из прихоти, будучи не в состоянии противиться желанию пойти в Индостан. Я принял его извинения и обошелся с ним так ласково, что он перестал стесняться.

Шестой план

Моя армия, которой я сделал смотр, простиралась до 313 человек конницы, и я решил овладеть какой-нибудь крепостью, которая служила бы мне опорой и убежищем. Я решился овладеть крепостью Аладжу, где был начальником в то время Менгли Буга сулдуз, из партии Элиас(Иляс) Хаджи; мне нужно было сделать там склад багажа, съестных припасов и провианта.

Когда я приближался к этой крепости, Шир-Бахрам, который был связан старинной дружбой с комендантом, обещал мне привлечь его на свою сторону, если я позволю ему вступить с ним в переговоры. Однако вскоре по прибытии к стенам Аладжу, Бахрам известил меня через гонца, что Менгли Буга сулдуз сделал ему следующие возражения: «Эта крепость, сказал он, доверена мне Элиас(Иляс) Ходжой. Открыть ворота эмиру Тимуру значило бы разом изменить храбрости и верности». Он окончательно отказался сдать крепость.

Но судьбе было угодно, чтобы при тревожных слухах о моих силах и походе страх охватил его душу, так что он оставил свой пост и обратился в бегство. 300 воинов из

Джауна, которые защищали крепость и раньше были мне совершенно преданы, опять поступили в мою службу. Когда я прибыл в долину Суф, то Имлис, грабивший окрестности Балха, узнав о моем приходе, присоединился ко мне с двумястами всадников; любезный прием оказанный ему мною, ободрил его.

Отсюда я послал Тамуке-Бахадира и трех всадников в другую сторону реки Термез, чтобы навести справки об армии Джета и разведать о его намерениях. Тамуке, возвратившись через 4 дня, уведомил меня, что эта армия, заняв область Термеза, совершила там всевозможные грабежи и жестокости. Получив эти известия, я укрылся в ущелье Коз, выжидая удобного случая для нападения на врага. Приготовившись вступить в это ущелье, я расположился лагерем на равнине Элчи-Буга на берегу Джайхуна. Лишь только Элиас(Иляс) Ходжа узнал об этом, как тотчас же направил против меня свои войска. Между тем я узнал, что пятеро эмиров, составлявших часть военных сил Джета отложились от начальников этой армии и удалились в старый Термез со своими отрядами.

Тулан-Буга, уполномоченный ими, явился ко мне с предложением союза, говоря, что эти эмиры приведут ко мне 100 всадников, готовых служить под моими знаменами.

Я смотрел на их приход, как на счастливое предзнаменование. Эмиры советовали мне ночью напасть на армию Джета. Я сел уже на лошадь, когда мне возвестили, что она приближается. Я тотчас же построил свои войска в боевой порядок, приготовившись хорошо встретить нападающих, от которых меня отделяла река.

Лучшее, что я мог тогда сделать, было начать с ними переговоры, чтобы утишить их ярость и привлечь их на свою сторону. Я обратился с речью к предводителю; он одобрил мои доводы, но прочие офицеры, не разделявшие его мнения, подали голос за сражение; это привело меня в негодование, и я построил свои войска.

VII. План поражения армии Джета

Я сказал себе: нужно опасаться, чтобы многочисленные враги не сглазили моих воинов. Но в то же время во мне заговорило самолюбие. «Так как ты, кричало оно мне, вступил на путь к завоеванию могущества, то ты не имеешь теперь другого средства, кроме оружия. Тебе остается только выбор между победой и смертью».

Когда я принимал это решение, то заметил, что враги, разделившись на три отряда, стремились начать сражение. Я тотчас же разделил свое войско на 7 частей, чтобы постепенно вводить их в атаку. Когда пламя разрушения свирепствовало во всей своей силе, я приказал передовому отряду пустить град стрел.

Я приказал воинам, составлявшим фронт моего правого и левого крыла, выдвинуться вперед, и сам поддерживал их, находясь во главе задних шеренг их обоих. При первой и второй атаке я смял отряд эмира Абу-Саида, главнокомандующего Джета. В то же время Гайдар Андакхури и Менгли Буга бросились в свалку; я поспешил против них и первым же натиском рассеял их отряды. Наконец все враги были опрокинуты и обращены в бегство.

VIII. План приобрести себе авторитет

После этой победы в Туране разнесся слух, что самолюбивое стремление к царской власти составляет единственную причину моих подвигов. Чтобы укрепить за собой власть, я повсюду расточал благодеяния и выказал свою щедрость тем, что разделил воинам сокровища, скопленные мною и заключающиеся столько же в деньгах, сколько и в ценных вещах.

Так как мое войско было в изобилии снабжено провиантом, то я построил его в боевой порядок, и мы пошли к берегам Джайхуна, через который переправились у Термеза. Я пробыл здесь несколько дней в ожидании гонцов, посланных мною в окрестности форта Кахалке, который намерен был захватить.

Элиас(Иляс) Ходжа, услышав о моем походе, послал против меня Алчин-Бахадира с громадным войском; мои разведчики по небрежности заснули, враги, пройдя мимо них, сделали несколько ночных переходов и, благоприветствуемые темнотою ночи, захватили нас врасплох.

Место, где я стал лагерем, представляло полуостров, с трех сторон омываемый водами реки. Однако много палаток было раскинуто там и сям на полуострове; они-то и подверглись первой ярости нападающих. Но солдаты поспешили оставить, чтобы спастись в лагере.

Я быстро оправился настолько, что мог вступить в сражение, и расположился при входе на полуостров. Противники, пораженные ужасом, не стремились вступить в сражение. Я охранял этот пост целых 10 дней и отступил только для того, чтобы разбить палатки на берегу реки, где я оставался целый месяц в виду врагов. Когда, наконец, страх принудил их отступить, я перешел реку и расположился в лагере, только что покинутом ими, в то же время я позаботился послать отряды для преследования беглецов.

IX. План утвердить свою власть

Победитель армии Джета, я признал своевременным направиться в область Бадахшана, чтобы завладеть ею и расширить таким образом свои владения. Приняв такое

решение, я покинул берега Джайхуна и отправился расположиться лагерем под стенами Хилема в Тохаристане.

Мой шурин эмир Хусейн приехал ко мне, и мы устроили ряд празднеств, чтобы ознаменовать его счастливое и желанное прибытие. После того я окончательно решил повернуть в сторону Бадахшана.

Прибыв в Кундуз, мы побыли там до тех пор, пока племена Юрульдая, собравшись, не присоединились к нам. Затем я роздал почетные одежды, чтобы воодушевить всех этих воинов.

Извещенные о расположении моих отрядов князя Бадахшана начали готовиться к войне, но я решил подавить их, прежде чем они успеют соединить свои отряды; форсированным маршем я достиг города Таликана.

Мое приближение принудило князей обратиться к мирной политике; они явились просить союза со мною, и я был очень доволен своею проницательностью, видя успех мер, которые я принял. Наконец, мое владычество распространилось на область Бадахшан, и большая часть войска этой страны добровольно стала под мои знамена.

Х. План распространять мою власть

Подчинив своей власти князей Бадахшана, я направил свой путь в сторону Хутталана. Я уже вступил в нее, как вдруг узнал, что Пулад Буга и Шир-Бахрам отложились от меня; оскорбленные поведением эмира Хусейна, который нехорошо обошелся с ними, они возвратились в свои владения.

Я остановился на некоторое время на пастбищах равнины Кулак: отсюда я послал лазутчиков разузнать что-нибудь достоверное об армии Джета и об Элиас(Иляс) Ходже.

По истечении 10 дней мои лазутчики донесли мне, что эмиры этой армии во главе 20000 всадников расположены лагерем, который простирается от Калата до моста Селкин.

Они отправили ко мне посла с поручением хорошенько исследовать мою позицию и состояние моей армии; я приказал своему войску два раза пройти перед ними церемониальным маршем и отпустил его.

Я очень желал последовать за этим послом, но мои войска отказались исполнить мое желание. Чтобы побудить их к этому, я прибегнул к средствам, которые мне внушало благоразумие. С одними я обошелся ласково и хорошо, других я подкупил деньгами, а чтобы склонить их всех, я не жалел речей, просьб, убеждений и обещаний.

Между тем разнесся слух, что двое из моих прежних слуг идут против меня во главе 6000 всадников Джета. Эта новость, дойдя до слуха моих воинов, вселила страх в их души, и они впали в уныние. Однако четыре эмира, недоступные страху, остались возле меня.

XI. План, как вселить единодушие в сердца моей армии

Внимательно разведав образ мыслей четырех эмиров, о которых я только что говорил, я убедился в их верности; затем я увлек их обещанием, что они разделят со мною все выгоды успеха, так что они стали точно исполнять все мои приказания.

Потом я обратился к тем, которые упорно отказывались выступить в поход; я говорил с ними с каждым отдельно: людей, в которых я замечал склонность к скупости, я осыпал щедрыми подарками и жаловал

управление завоеванными областями тем, которые помогались почестей.

Но чтобы постоянно держать их между страхом и надеждой, я назначил каждому преемника или наместника.

Провианта и одежды было достаточно для того, чтобы поднять дух войска; ласковые речи и открытый вид окончательно склонили его на мою сторону; высокое значение, которое я по-видимому придавал его услугам, доставило ему столько удовольствия, что все возмущившиеся, так же как и покорные, присоединились ко мне, клянясь в безусловном повиновении и преданности во всех испытаниях.

Уладив затруднения, причиненные мне разногласием армии, я решил сразиться с Элиас(Иляс) Ходжой. Я не предпринял никаких других мер, кроме форсированного марша, чтобы подавить его, прежде чем он успеет узнать что-нибудь о моих движениях.

Ободренный этим счастливым знамением, я выстроил свою армию; я разделил ее на семь отрядов, и мы немедленно выступили в поход. Утром мы встретили двух моих прежних служителей, которые шли против меня и которые составляли авангард вражеского войска. После второй нашей атаки они обратились в бегство, и я преследовал их до моста Селкин, где расположился Элиас(Иляс) Ходжа.

Ночь, захватившая нас, заставила меня раскинуть палатки. Однако пока поле битвы еще не остыло, я решился тотчас же напасть на князя Элиас(Иляс) Ходжу, находившегося в окрестностях с 30000-ой армией.

Выжидая более долгое время, я подвергал себя опасности быть вынужденным искать посторонней помощи; хотя лагерь эмира Хусейна и находился невдалеке позади меня, я однако не хотел прибегать к нему.

Разумность моих мер была достаточна для того, чтобы обратить в бегство армию Элиас(Иляс) Ходжи.

XII. План рассеять войско Джета и Элиас(Иляс) Ходжи

Я решился окружить армию Элиас(Иляс) Ходжи одним отрядом и сделать все его усилия бесполезными. С этой целью я поместил 2000 всадников, предводимых тремя офицерами, около моста напротив Элиас(Иляс) Ходжи. Сам же я, переправившись через реку с 5000 отрядом конницы, занял высоты, которые господствовали над позицией врагов, и ночью приказал зажечь громадный костер.

Вид пламени, присутствие грозной армии, расположенной при входе на мост Селкин, всё это так устрасило воинов Джета, что они всю эту ночь бодрствовали, не смея прилечь для отдыха. Что до меня, то я провел ее на холме, простершись ниц перед троном Создателя миров и призывая с тысячей благословений память Пророка, его потомков и его сподвижников. В забытии я услышал чей-то голос, произнесший: «Тимур, победа и торжество останутся за тобой».

На заре я со всем отрядом совершил молебствие. В то же время я увидел, что Элиас(Иляс) Ходжа и его эмиры на конях отступают повзводно. Мои полководцы и воины стали просить позволения немедленно их преследовать, но я предпочел выждать, узнать, не было ли какого-либо замысла в этом обращении в бегство.

Они отошли на расстояние 4-х миль и затем остановились. Я ясно понял, что они хотели завлечь меня в равнину и там завязать сражение.

Эмиры авангарда, которых я обратил в бегство,

получили строгий выговор от своего господина Элиас(Иляс) Ходжи.

Неприятели, видя, что я не двигаюсь с занимаемых мною высот, не сомневались более, что я проник в их намерение, и возвратились, чтобы атаковать меня. Я тотчас выстроил свое войско у подошвы горы, чтобы иметь возможность дать битву, но, подступив к скалам возвышенности, войско Джета остановилось. Я тотчас приказал своим стрелкам пустить град стрел, а это произвело сильное действие. Так как наступила ночь, то враги, не имея времени предпринять что-либо, стали лагерем у подошвы холма, надеясь блокировать меня. В течение ночи я предложил своим полководцам разделить войско на три отряда с тем, что я сам поведу их в битву. Мое предложение было одобрено всеми. Перед рассветом я сел на коня, и мы сделали нападение с четырех сторон.

Воины Джета были рассеяны, прежде чем успели соединиться; с той и другой стороны было убито несколько человек. В неприятельской армии слышались крики: «бежит», и она тотчас же обратила тыл. Так как я очутился близ Элиас-Ходжи, то крикнул ему несколько слов. Звук моего голоса возбудил в князе ярость; он собрал свои рассеянные полки и снова повел их в атаку.

Сражение длилось до восхода солнца. Колчаны опустели. Наши противники отступили и в величайшем беспорядке возвратились в свой лагерь, находившийся в 4-х милях. Не желая больше преследовать их, мы остались на том же месте, где и были. Устрашенная таким образом, армия не осмелилась уже завязать второе сражение; мои воины рассыпались вокруг лагеря Элиас-Ходжи, а я сам так сильно беспокоил и утомлял его, что он был принужден перейти воды Ходжента. Тогда я перестал преследовать его и возвратился в Трансоксанию,

чтобы воспользоваться своею победою. Я думал, что первое, чем я должен был заняться, было увериться в покорности и верности эмиров, хорошо сознававших свои силы и могущество и весьма склонных считать себя выше равных себе.

Я объявил участником своего успеха эмира Хусейна, моего шурина, который только что поднял знамя владычества в Трансоксании.

Я относился к нему с большим вниманием, но несмотря на изъявления дружбы, которые выказал мне этот князь, он всегда сохранял ко мне чувство зависти и злобы.

Он пламенно желал, чтобы я возвел его на трон Трансоксании. Так как я не имел к нему никакого доверия, то привел его на могилу досточтимого Шамсэдина. Там мы обещали друг другу взаимную дружбу; он уверял меня, что никогда не нарушит своих обязанностей. Три раза клялся он священной книгой (Коран). Впоследствии он нарушил свою клятву, и его клятвопреступление предало его мне. Шейх-Мухаммед считал себя могущественным властителем; я достиг того, что привлек его на свою сторону, так же, как и семь родов (семь камун), признавших его власть; я дал области в управление эмирам этих родов.

Шир-Бахрам, покинувший меня, продолжал жить независимо среди своего племени. Тем не менее уступая выгодным предложениям, которые я ему сделал, он возвратился в мое подданство со всем своим племенем. Вступив в число моих слуг, этот эмир также получил область.

Эмир Хусейн, приходившийся мне родственником, никак не мог быть моим искренним другом, несмотря на всё расположение, которое я ему выказывал. Он осмелился

захватить у меня силою области Балха и Гиссар Шадамана. Из уважения к его сестре, моей жене, я всё не хотел платить ему злом, и мое поведение произвело такое впечатление на неприятельских военачальников, что они добровольно перешли на мою сторону. Но эмир Хусейн, неуклонно стремясь к своей гибели, истощал все свои хитрости на то, чтобы строить мне козни; наконец я решил оружием усмирить его.

Я покорил Туран и освободил Трансоксанию от грабительства узбеков; однако многие военачальники племен не признавали еще моей власти; каждый из них хвастался независимостью перед своими вассалами, некоторые из подчинившихся мне говорили, что «так как все они имеют одинаковые права на управление, то было бы справедливо разделить между ними власть и преимущества». Но эти речи не охладили во мне стремления к верховной власти.

«Так как Бог только один, говорил я сам себе, а не имеет себе товарищей, то и правитель государства должен быть также один».

В эту самую минуту Баба-Али-Шах, подошедши ко мне, сказал: «Тимур! Всевышний объявил, что если бы на небесах или на земле было два Бога, то порядок Вселенной нарушился бы». Слова этого святого укрепили меня в моем решении. Я потребовал почерпнуть предсказание в священной Книге, и мне выпал следующий стих: «Мы сделаем тебя своим наместником на земле». По прочтении этого места, которое я считал для себя весьма благоприятным, я обратил все свои усилия на то, чтобы смирить эмиров, выражавших притязания на разделение со мною славы и могущества.

Я начал с того, что отправился к эмиру Ходжа-Барласу, которого я скоро склонил на свою сторону. Что

до эмира Шейх-Мухаммеда, он всегда предавался пьянству и от этого умер.

После его смерти его область перешла в мою власть. Я послал предостережение эмиру Баязет Джалаиру, правившему областью Ходжента, но он не обратил на него внимания. Немного спустя его племя взбунтовалось против него, и он был приведен ко мне в оковах. Ласки, которыми я его осыпал, заставили его краснеть (за свое прежнее поведение).

Ильчи-Бугха-Селдуз поднял знамя независимости в Балхе; я удовольствовался тем, что противопоставил ему эмира Хусейна, провозглашавшего, что этот город - столица его предка Кархана. Мухаммед-Ходжа-Ирди из племени Тайман, захватив область Ширджан, объявил себя моим врагом, а я, дав ему другую область, сделал его своим верным слугой.

Князья Бадахшана, правившие этой страной, объявили мне войну. Я употребил по отношению каждого из них такую тонкую политику, что они рассорились, напали друг на друга и кончили тем, что возвратились в мое подчинение. Ки-Хосру и Альджету-Барди завладели областью Каталак и городом Археик. Я послал подкрепление Ки-Хосру, чтобы он мог захватить владения своего противника, который тотчас же прибегнул к моему покровительству.

Эмир Кезр-Ессурийский, подкрепляемый своим племенем, завоевал область Ташкента. Я постарался тогда восстановить согласие между Альджету-Барди и Ки-Хосру (о котором я только что говорил); я дал им военные отряды для того, чтобы разбить племя Ессуров. Их начальник, растерянный, пришел просить у меня защиты.

Спокойствие, водворенное мною в Трансоксании, бывшей до того добычей опустошения, увеличило

значение моей армии. Племя Барлас (в котором родился Тимур) приобрело славу, а мои подвиги доставили известность войску царства Чигатая. Я предписывал законы всем коленам, воинам и народам Трансоксании; только несколько крепостей, подчиненных эмиру Хусейну, не признавали еще моей власти. Мое величие и могущество возбуждали зависть в этом мире. Он осмелился объявить мне войну, вопреки самым священным своим клятвам. Он начал уже неприятельские действия; тем не менее я сделал попытки к примирению; он не удостоил их никакого ответа, и под видом притворного добродетельства, захватил у меня крепость Карши; некоторые из моих эмиров советовали мне открыто освободить ее, но я боялся, чтобы войска мои не были отброшены, и предпочел лучше до времени отказаться от осады, чем не подвергнул себя опасностям, которые были с ней неразлучны. Я счел за лучшее повернуть в Хорасан, чтобы таким обрезом внушить гарнизону крепости убеждение в совершенной безопасности, а потом я намерен был осторожно возвратиться и произвести ночное нападение. Таким образом мы снялись с лагеря и ушли. Когда я переправился через Амударью, я встретил караван, шедший из Хорасана в Карши. Начальник его предложил мне подарки; я расспрашивал его о положении князей Хорасана и сказал, что иду в эту область. После этого я его отпустил, но предварительно принял предосторожность, приказав шпиону вмешаться в толпу, составлявшую караван; я ожидал его на берегу реки. Возвратясь, он донес мне, что обо мне сказали эмиру Мусе: «Мы встретили на берегу реки эмира Тимура; он идет в Хорасан». Это известие наполнило радостью сердце Мусы и воинов эмира Хусейна. Они поставили пикет и разослали пиршественные ковры.

При этом известии я снарядил 243 отборных воина, столь же опытных, столько и храбрых, и во главе их переправился обратно через реку; форсированным маршем я достиг Ширкенда, где провел один день и одну ночь; двинувшись оттуда, я расположился лагерем в расстоянии одной мили от крепости Карши. Я отдал приказ приготовить лестницы, связанные веревками. Между тем эмир Джаку, преклонив колени, сделал мне следующее представление: «так как большая часть наших воинов осталась позади, то следовало бы обождать их прихода».

Я последовал этому совету и решил употребить время, оставшееся до прибытия остальных отрядов, на исследование крепости.

В сопровождении сорока всадников я направился к крепости, и, как только она показалась, мы остановились; взявши с собой только Мубашара и Абдаллу, служителей, родившихся и выросших в моем доме, я отправился к самой крепости. Подойдя к крепостному рву, я увидел, что он наполнен водою. Поверх рва был проведен деревянный желоб, пересекавший его поперек и доставлявший в крепость воду. Я передал коня одному из моих спутников и, перешедши ров по желобу, подошел к подножию крепости. Я отыскал ворота и постучал; так как никто не откликнулся, то я убедился, что стража заснула. Враги имели предосторожность засыпать ворота землею. Не будучи в состоянии войти, я обошел крепость кругом, чтобы найти удобное место для подстановки лестницы, затем я сел на лошадь и возвратился к своим воинам. Отряд, оставленный позади, был снабжен всякими орудиями, и я лично привел его ко рву, который мы перешли по желобу; когда лестницы были укреплены у основания стены, то воины быстро стали влезать на нее: 40 храбрецов вошли в крепость, а я следовал за ними;

затрубили в трубы, и я, благодаря Всемогущего, овладел крепостью.

Эмир Хусейн, чтобы вознаградить только что понесенную потерю, прибегнул к хитрости и притворству; он хотел под личиной искренности и дружбы завлечь меня в свои сети. Чтобы избежать козней этого изменника, который не пренебрегал ничем, лишь бы овладеть моей особой, я прибегнул к таким же средствам.

Он прислал мне Коран, на котором дал клятву «Теперь мое сердце не будет питать к тебе никаких других чувств, кроме дружбы и братской любви». Он прибавил еще: «Если мои чувства не соответствуют моим словам, если, презрев свои клятвы, я осмелюсь нарушить свои обещания, то пусть Божественная Книга накажет меня!» Я знал, что он мусульманин, и поверил его словам. Затем прибыл гонец и от его имени просил у меня свидания в долине Чекчек, чтобы возобновить наш прежний союз. Его намерением было захватить меня изменой. Я хорошо знал, как мало следовало ему доверять, но из уважения к священной Книге я решил ехать на свидание.

Однако я принял предосторожности и скрыл отряд смелых воинов поблизости ущелья, куда я отправился с другим отрядом.

Я спросил тех из моих друзей, которые служили под знаменем эмира Хусейна, уведомить меня о намерениях господина; Шир-Бахрам, бывший в числе их, оказал мне эту услугу. Хусейн, узнав об этом, приказал его умертвить и затем направился на встречу мне с 1000 всадников.

Я спускался в долину, когда узнал о его намерениях. Не медля далее, я построил свой отряд в боевой порядок. В то же время заметили неприятельских гонцов, и мои караульные посты донесли мне, что «это армия эмира Хусейна, но его самого нет. Когда он узнал, что ты один,

то ограничился посылкой отряда, чтобы захватить тебя». Я был готов так же, как и мои 200 воинов, но, выжидая, пока отряд Хусейна вступит в ущелье, я приказал воинам, посланным вперед, отрезать им выходы к отступлению. Затем я напал на врагов, и так как они не находили никакого выхода, то я взял множество пленных; собрав всех воинов, я возвратился в Карши. Тогда я убедился, что друг полезен во всех случаях жизни.

Я написал Хусейну следующие стихи на тюркском языке: «Зефир, скажи этой красавице, раскинувшей сети коварства, скажи ей, не замечала ли она когда-нибудь, что коварство обрушивается на голову человека, задумавшего это коварство?»

Получив это письмо, эмир Хусейн покраснел и понял всю глубину своего позора. Он извинялся передо мною, но он уже потерял мое доверие, а его речи не могли больше внушить мне его. Вот каковы были мои распоряжения, чтобы очистить Туран от последних узбеков, пощаженных оружием.

Когда Джетская армия и Элиас(Иляс) Ходжи очистила Трансоксанию, как только я прогнал ее за реку Ходжента, многочисленные отряды узбеков утвердились в фортах этого государства. Я бы конечно послал против них войско, но побоялся, что эта война слишком затянется.

Узнав, что узбеки заперлись в своих укреплениях, я понял, что было бы неразумно открыто напасть на них, и я употребил хитрость.

От имени их начальника Элиас(Иляс) Ходжи я написал им приказание выступить и письмо поручил одному узбеку, дав ему в сопровождение отряд. Эти воины должны были поднять большое облако пыли, чтобы быть лучше замеченными.

Враги, прочитав приказ Элиас(Иляс) Ходжи, который

отзывал их, и видя облако пыли, поднятое отрядом, покинули укрепления, но из предосторожности выступили под покровом ночи. Таким образом освободилась Трансоксания от притеснителей, которые клялись погубить меня; и это царство совершенно покорилось мне. Из уважения к узам кровного родства я отдал эмиру Хусейну город Балх и Гиссар Шадаман. Этот князь, нечувствительный к моему великодушию, думал только о том, чтобы погубить меня, и этим принудил меня стараться погубить его самого.

Блеск моих побед и торжеств разжег его зависть. Не было неприятности, которую он не постарался бы причинить своей сестре, жене моей. Этот ожесточенный враг ничего не забывал, лишь бы только погубить меня. Много раз дело доходило до столкновений, и столько же раз он терпел неудачу. Я уже не мог больше выносить его крайней жестокости и его неприязненности, когда, возмущенные его поведением военачальники его, также недовольные им, как и я, покинули его. Он умертвил брата правителя Хутталана, и этот последний возмутился.

Его эмиры давно уже были его самыми заклятыми врагами, так что он не мог уже рассчитывать на их дружбу. Все еще полный замыслов, направленных к моей гибели, он перенес свое местопребывание в местность, лежащую вне пределов Балха. После этого я хорошо понял, что для меня настало время напасть на него, прежде чем он успеет сделать какое-либо новое передвижение. Собрав всех воинов, какие только были около меня, я выступил с ними в поход. На пути к Балху я видел, как со всех сторон ко мне спешили мои непобедимые полки; мы стали лагерем близ этого города. Хусейн выступил навстречу, но все усилия были тщетны; вынужденный удалиться в цитадель, он подвергся участи, которая была ему предназначена.

Все те, которые старались вредить мне, теперь не без основания опасались меня, ибо, бросив взгляд на свое прежнее поведение, они не могли надеяться на мое снисхождение. Тем не менее вот как я обошелся с ними.

Когда эмир Хусейн попал в мои руки, его слуги и военачальники боялись, чтобы я их не осудил на смерть. Это и было сначала моим намерением, но так как они все умели владеть оружием, то я предпочел пощадить их и зачислил в свои полки.

Главкомандующий Хусейна, правивший Бадахшаном, много раз поднимал против меня оружие, но узнав о смерти своего господина, он побоялся моего лицемерия и собрал свои войска. Он не стоил того, чтобы я двинул на него всю армию.

Я показывал вид, что забыл о нем, а между тем старался хвалить его на собраниях, среди моих друзей. Я превозносил его мужество в самых восторженных выражениях, так что друзья его написали ему; «Тимур расположен простить тебя и примет тебя благосклонно». Изъявив мне покорность, этот правитель, вполне доверяя моему блахородству, просил меня принять его в число своих приближенных.

План, которому я следовал, чтобы занять Герат, столицу Хорасана

Я завоевал области Балха, Гиссар-Шадамана и Бадахшана. Эмир Хусейн был только что умерщвлен. При слухе об этих событиях Гейазэддин, владетель Хорасана, стал опасаться за свою столицу. Он собрал армию и принял оборонительное положение.

Благоразумие присоветовало мне усыпить бдительность хорасанцев кажущейся безопасностью. Я сделал

вид, что всё внимание свое я устремил на Самарканд, и вскоре был уведомлен письмом моего доверенного советника, что Гейазэддин предался тиранству и совершает неимоверные жестокости.

Известие о моем возвращении в Самарканд совершенно успокоило Гейазэдина; тогда я сказал себе: «Воспользуюсь моментом, когда хорасанцы не думают обо мне, и сделаю на них нападение».

Покинув окрестности Балха с значительным гарнизоном, который я оставил в городе, я с величайшей осторожностью достиг Ерата, где захватил врасплох Гейазэдина. Этот князь, лишенный всякой помощи, вышел из города и предложил мне свои сокровища, свои владения и царство. Хорасан был покорен, и эмиры области перешли в мое подданство.

За завоеванием Хорасана последовало покорение Систана, Кандагара и Афганистана. Я расскажу, как покорены эти страны.

По завоевании Хорасана мои военачальники советовали мне послать военные отряды в эти три царства.

Я отвечал им: «Если бы мои войска нашли эти экспедиции слишком для себя обременительными, то мне самому необходимо было бы заняться ими, а я теперь обременен делами».

Поэтому я счел за лучшее написать правителям этих областей пригласительные письма следующего содержания: «Если вы идете ко мне, то продолжайте путь, а если желаете оставаться, делайте, что вам нравится».

Исход соответствовал моим ожиданиям. По прочтении этого письма они действительно положили покорное чело на порог повиновения.

Вот мои распоряжения для того, чтобы победить Урус-хана и завоевать великую Татарию. Когда Тохтамыш,

разбитый Урус-ханом, прибегнул к моему покровительству, я долго обдумывал, вверить ли ему войско или идти мимо.

Между тем прибыл посол от Урус-хана; я решил обойтись с ним благосклонно и также отпустить его. Однако мои воины обложили все дороги в великую Татарию, а один отряд пошел по следам этого посла, ибо я решил сделать неожиданное нападение на Урус-хана на следующий же день после того, как посол, уверенный в полной безопасности, должен был возвратиться к своему господину, тоже не предвидевшему никакой опасности.

План удался, как я и надеялся; посол делал сообщение своему господину, и в это время мои отряды напали на Урус-хана с стремительностью неожиданного удара бичом; они не встретили никакого сопротивления, враги обратились в бегство, и великая Татария мне покорилась.

Вот каковы были мои планы для завоевания царств Килана, Джурджана и Мазандарана, Азербайджана, Ширвана, Фарса и Ирака

На жалобы, с которыми обратился ко мне народ Ирака против тирании Музаффаров (их правителей) и других князей страны, я ответил походом в эту страну.

Следовало опасаться, чтобы государи этой страны не заключили против меня союза; я по крайней мере должен был приостановиться встретить их. Мои военачальники посоветовали мне, прежде чем выступить в поход, запастись всеми военными припасами.

Я принял твердое намерение покорить эти области одну за другой и сурово покарать тех, которые осмелились бы мне сопротивляться. Первый, кто попросил моего

покровительства, был эмир Али, правитель Мазандарана. Он прислал мне подарки и присоединил к ним следующее письмо: «Мы, потомки Али, всегда довольствовались этою областью. Завладев ею, Вы выкажете свое могущество, но если Вы пощадите ее, то ваше поведение будет более согласовываться с милосердием».

Покорность князя Мазандарана была для меня счастливым предзнаменованием. Я обратился затем на царство Килан и Джурджан. Правители отказали мне в покорности, и я послал против них свои победоносные полки и лично повел армию на Ирак. Я овладел Исфаханом из доверия к жителям возвратил им цитадель, но они, возмущившись, зарезали правителя, поставленного там мною, и 3000 моих солдат. Я тотчас же приказал истребить всё население.

**Вот каков был мой план для завоевания (уже
во второй раз) Шираза, столицы Фарса, и
остальной части Ирака**

Я отдал этот город потомкам Музаффара и оставил в Исфахане гарнизон в 3000 человек. Когда я хотел уже вести армию в великую Татарию, чтобы усмирить Тохтамыша, я узнал, что жители Исфахана казнили моего правителя, а жители Шираза сошли с пути повиновения.

Эти происшествия побудили меня во второй раз объявить войну (Ширазу) Ираку. Я собрал 80000 человек. Но опасение найти место, которое бы могло содержать столь многочисленную армию, принудило меня ввести ее в страну несколькими отрядами.

Поэтому я разделил свою армию на три армии, которые я послал вперед. Разные отряды, собравшиеся в

Ирак, были рассеяны, и я повел армию в Шираз. Правитель этой столицы Шах-Мансур осмелился бороться со мной и получил кару, которую заслуживал.

Меры к поражению Тохтамышхана

Занятые преследованием этого князя по пустыням великой Татарии в течение целых 6-ти месяцев, мои утомленные войска начали сильно страдать от сильного голода; уже много дней они не получали другой пищи, кроме той, какую могла им доставить охота и яйца птиц пустыни. Тохтамыш, узнав о состоянии моих воинов, решил, что более удобного случая ему уже не представится, а потому напал на меня с армией столь же многочисленной, как саранча или муравьи.

Мои воины были усталы и голодны, его - напротив, - свежи. Мои полководцы и военачальники совсем, казалось, не были расположены сражаться, пока мои сыновья и внуки, преклонив колени, не поклялись мне в совершенной преданности. Я подкупил неприятельского знаменосца; он обещал мне повергнуть свое знамя, когда обе армии вступят в бой.

Когда мои военачальники узнали, что мои сыновья и внуки преклонили предо мной колени, их мужество пробудилось, и они дышали только битвой.

В авангард я поместил внука своего Мирзу-Абубакира с 8000 всадниками, и в самом разгаре схватки приказал им раскинуть палатки и приняться за приготовление еды. В ту же минуту знамя Тохтамыша было повергнуто, этот князь, растерянный, обратился в бегство, предоставив свою армию всем ужасам уничтожения.

Завоевание Багдада - Дома Мира и Ирак-Араби

Когда я покорил Ирак-Аджеми и Фарс, мой доверенный советник написал мне следующее письмо: «Бог, властитель Ирак-Араби и Ирак-Аджеми (покрывший даже тебе одну из этих областей), отдает тебе и другую». Я послал посла к султану Ахмед-Джалаиру, князю Багдада. Мне необходимы были точные сведения о его действиях, храбрости и силе его армии. По прибытии из Багдада, мой посол написал мне: «Султан Ахмед-Джалаир - живой кусок мяса, имеющий два глаза».

Я положился на Всемогущего и форсированным маршем внезапно подступил к Багдаду. Султан, обратившись в бегство, укрылся в доме Кербана, а Дом Мира покорился мне.

План поражения Тохтамышхана

Побежденный Тохтамыш, счастливый тем, что не попал в мои руки, послал грозную армию в царство Азербайджана и возбудил там смуты и беспорядки. Я же, только что окончивший завоевание обоих Ираков, принял для примирения его не иную какую-либо меру, а лично повел армию в великую Татарию по Дербентской дороге.

Я сделал смотр своей армии, которая, построившись в боевой порядок, занимала пространство в четыре фарасанга (4 мили). 3 апреля я воздал благодарение Богу.

Перешедши реку Семур, я написал следующее воззвание к народу и племенам великой Татарии: «Всякий, кто идет ко мне, может продолжать свой путь, кто хочет оставаться, волен и в этом».

В 797 году я вступил в великую Татарию и проник до крайних пределов северных стран. Народы этих стран,

осмелившиеся мне сопротивляться, были рассеяны и уничтожены. Области, орды и крепости пятого и шестого климатов были покорены, и я возвратился победителем.

Поход в Индостан

Моей первой заботой было увериться в намерениях моих сыновей и эмиров.

Мирза Пирмухаммед Джахангир сказал мне: «Когда мы завладеем Индией, то золото этой страны сделает нас властителями мира». Мирза Мухаммед-Султан сказал мне: «Следовало бы завоевать Индостан, но страна эта имеет много оград: во-первых, моря, во-вторых - леса и пустыни, наконец, воины, вооруженные всякими снарядами, и слоны, давящие людей». Мирза Султан-Хусейн сказал мне: «Завоевание Индии подчинит нашему владычеству четыре климата». Мирза Шахрух сказал мне: «Я читал в тюркских летописях, что существует пять великих царей, которых настоящих имен они однако не приводят из уважения в их могуществу. Царь Индии называется Дари (Дарий), царь Анатолии - Кисер (Цезарь), Китая - Фагфур, Туркестана - Хакан (великий царь), государь Персии и Трансоксании (Ирана и Турана) имеет титул Шаханшаха (Царя царей). С незапамятных времен власть этого последнего признается в Индии, и так как мы завладеем Персией и Трансоксанией, то мы не можем отказаться от присоединения Индостана».

Мои эмиры в свою очередь говорили мне в следующих словах: «раз мы сделаемся владетелями Индостана и оснуем там свое пребывание, то мы погубим своих потомков; наши дети и внуки вырождаются, смешаются с туземцами, от которых они переймут даже язык».

Я так сильно желал завоевания Индии, что ничто уже не могло меня отвлечь от этого замысла. Я удовольствовался тем, что дал эмирам такой ответ: «Я обращаюсь в Всемогущему, сказал я им; Коран даст мне предзнаменование войны, и я хочу знать волю Бога, чтобы сообразоваться с нею». Эмиры одобрили мою мысль. Открыв священную Книгу, я напал на следующий стих: «Пророк веди войну с небрежными и беззаконными».

Ученые объяснили смысл этого стиха эмирам. Но последние, опустив голову, не произнесли ничего; их молчание сжало мое сердце.

Сначала я хотел лишить должностей всех тех, которые не одобрили завоевания Индии, и отдать их полки и их отряды их наместникам. Но так как они способствовали моему возвышению, то я не мог решиться погубить их; я сделал им только выговор, и хотя они растерзали мое сердце, но как только они приняли мой план, всё было забыто.

После нового совещания я приказал двинуть свои шатры в сторону Индостана и произнести молитву о победе.

Моим намерением было вести войска к столице этой страны. Мирза Пир-Мухаммед-Джахангир находился в Кабуле с 30000 всадников, составлявших левое крыло армии. Я приказал ему направиться к горам Солимана, перейти Зенд и приступом овладеть Мултаном. Султан Мухаммед-хан и Мирза Рустем с другими эмирами, предводившие 30 000 всадников моего правого крыла, также получили приказание перейти Синд и сделать вторжение в провинцию Лахор, следуя вдоль гор Кашмира. Я сам двинулся с 32000 всадниками, составляя центр армии.

Моя соединенная армия простиралась до 92 000 всадников. Это число равно и совершенно соответственно числу имен Могомеда, посланника Всевышнего. (Пошли ему Бог мир и милость так же, как и его потомству.) Это совпадение было для меня счастливым предзнаменованием.

Я сел на лошадь и остановился лагерем только у Эндероба, на границах Бадахшана, покорив неверных Кетуерских гор, я исключительно занялся священной войной с Индостаном.

Вот меры, которые я принял к тому, чтобы очищать дорогу в Индию от Уганисов, узнав о разбоях, которые они там совершали. Муса-Оглан, начальник колена Керкес, был во главе их. Он напал на Лашкер-Шах-Оглана, одного из вернейших моих военачальников, которому Мирза Пир-Мухаммед-Джахангир не затруднился доверить охрану крепости Ираб; убив его, он захватил всё, что нашел у него.

Тотчас Малик-Мухаммед, брат этого несчастного, поднял крик и известил меня о том, что жестокость Мусы лишила меня слуги наиболее мне преданного.

Я приказал арестовать Малика, объявив, что верность Мусы мне хорошо известна. Мои эмиры много говорили об этом несправедливом поступке. Взятие Малика под стражу и слова, сказанные мною при этом, внушили столько доверия Мусе, что он, как только прочитал мое предписание, без всяких подозрений тотчас же сдал мне крепость.

Когда я прогуливался вокруг крепости, один вражеский воин пустил в меня стрелу, и Муса вскоре получил вознаграждение, которого заслуживал; после того путь в Индостан был мне открыт.

Мои распоряжения для победы над Махмудом, правителем Дели, и Маллуханом

Махмуд, правитель Дели, и Маллухан, его главнокомандующий, тотчас позаботились о безопасности этой столицы Индии и приготовились вести со мною войну. Они имели армию в 50000 человек пехоты и конницы со 120-ю слонами.

Вместо того, чтобы заняться осадой Дели, что очень затянуло бы войну, я предпочел уверить Махмуда, что мои войска слабы и робки, дабы он, увлеченный самоуверенностью, сам завязал сражение. Я приказал вырыть вокруг лагеря моей армии ров и укрепился в этих окопах, а часть войска послал атаковать врагов. Мои солдаты получили приказание выказывать как можно больше слабости и трусости, чтобы внушить смелость моим противникам.

Гордые своими победами, эти последние пустились в равнину. Я и с презрением отнеслись к моим непобедимым полкам. Султан Махмуд завязал сражение, но вскоре отброшенный с уроном принужден был отступить к горам. Огромные богатства этого правителя, состоявшие столько же из денег, сколько из имущества, сделались добычею воинов.

Менее чем в год я завоевал столицу Индии, а к концу того же года я возвратился в свой царственный Самарканд.

Завоевание царства Грузии

Я не отдохнул еще от трудов моего последнего похода, как уже получил донесение правителей обоих Ираков, жаловавшихся на то, что «неверные жители Грузии преступили границы (долга)». Я всегда был

убежден, что занятие, наиболее достойное князя, это - поддерживать священные войны, бить неверных и стараться завоевать мир. Известие о вторжении вероломных грузинцев заставило меня опасаться, чтобы слишком большая медлительность (в наказании их) не дала времени мятежникам разжечь возмущение, а потому я поспешил усмирить их.

Воинам, участвовавшим в Индостанской экспедиции, было предоставлено оставаться дома или сопровождать меня. Я отдал приказ войскам Хорасана, Кандагара, Систана, Кермана, Табаристана, Килана, Мазандарана и Фарса приготовиться к походу и двинуться к стенам Исфахана, чтобы соединиться с моими победоносными полками. Моим всадникам правилом было стараться рассеять мятежников во всех странах, поэтому я послал в Туран мятежников Хорасана и Фарса и достиг того, что очистил от них эти две страны.

Затем всё свое внимание я направил на завоевание Грузии и точно следовал плану, одобренному моими воинами. Со стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Давида, с египетским мечом на бедре я взошел на трон войны.

Я двинул воинов Турана, храбрецов Хорасана и героев Мазандарана и Килана. Мы взяли крепость Сиваса и укрепления Грузии; все найденные там жители были преданы мечу; мои победные полки разделили добычу; я жестоко наказал мятежников Азербайджана.

Тотчас после этого похода я пошел к крепости Малатиох (Меллипель), которая вскоре была покорена, так же, как и ее окрестности. Освободившись от этой заботы, я перенес свое внимание на Алеппо и Эмес. Завоевание этих стран стоило мне очень мало и, не теряя времени, я решил присоединить к ним Египет и Сирию.

Завоевание Египта и Сирии

Баязет хорошо знал о моей силе и могуществе, но когда он узнал, что я овладел крепостями Себаем и Милетом и землями им принадлежащими, а также что я разбил и рассеял войска, которые он содержал в этих крепостях, то не мог сдержать своего негодования, и наконец, уступая подстрекательству Кара Юсуфа, князь, который, избегая меня, укрылся у него, решил объявить мне войну.

Этот государь был близок к своей гибели; Юсуф убедил вести против меня войско. Он выступил в поход с огромной армией, а кроме того, получил еще подкрепление из Египта и Сирии. Я полагал, что мне будет более выгодно разделить свои войска на три отряда, но так как победа и поражение равно скрыты под покровом Рока, то я спросил многих своих эмиров, и они дали мне совет чисто военный: «пойдем в битву», сказали они мне.

Но я хотел сначала умерить пыл Баязета. Поэтому я написал ему письмо следующего содержания: «Хвала Богу, Властителю неба и земли, покоровшему моей власти большую часть 7 климатов и допустившему, чтобы владетели и повелители мира склонились под мое ярмо. Да будет милостив Господь к смиренному рабу, который знает пределы, предписанные ему, а не преступает их дерзкою стопою. Все знают о твоём происхождении, и неприлично человеку твоей крови выдвигать впредь надменную ногу, ибо ты мог бы низвергнуться в бездну скорби и несчастья; не поддавайся наущению тех несчастных, которые ищут тебя, чтобы преследовать свои личные цели и которые исторгнули разрушение из сна, в который оно было погружено. Берегись отворять разорению и несчастью врата твоего царства. Пришли ко мне

тотчас Кара-Юсуфа, в противном случае при столкновении наших армий всё, что скрыто под покровом Рока, откроется тебе». Знатные послы отдали это письмо Баязету. Я составил сейчас же план похода в столицу Сирии. Я пошел по дороге в Эмес и Алеппо. Когда я прибыл в этот последний, то мне сказали, что царь Ферадж при слухе о моем походе выехал из Египта в Дамаск.

Я не мог, при всём старании, воспрепятствовать соединению войск Сирии и Египта, ибо этот султан обогнал меня, вошел в Дамаск, но и пришедши после него, я не оставил намерения овладеть этим городом.

Завоевание городов Рума (Анатолии) и поражение Баязета

Сирия была покорена; царь Ферадж обратился в бегство, уклоняясь от сражения, между тем как мой посол, возвратившись из Рума с непристойным ответом Баязет-молниеносца, донес мне, что при известии о поражении сирийской и египетской армии этот князь казался изумленным и пораженным и, по-видимому, даже оставил свои планы военных действий.

Когда Дамаск и другие города Сирии покорились мне, я сначала двинулся было по дороге в Мусул, чтобы идти к Багдаду, но затем я счел за более благоразумное повернуть в Азербайджан, чтобы точно узнать, остается ли Баязет всё при тех же планах.

На пути к Табризу, столице Азербайджана, я послал вперед к Багдаду несколько мирз с грозным войском. Султан Ахмед-Джалаир вверил одному из своих слуг по имени Фарах охрану города и крепости, оставив ему войско и необходимые припасы.

Мирзы, обложив город, повели правильную осаду и послали мне уведомление о ней.

Решив покорить этот город и его цитадель, я быстро оставил дорогу в Табриз, чтобы идти по дороге в Багдад, немедленно отысканной мною. Благоразумие, подкрепляемое упорной храбростью, отстранило предо мною все препятствия; наконец после осады, продолжавшейся месяц с несколькими днями, я совершил свое победоносное вступление в город и цитадель. Фарак, его бывший правитель, утонул в Тигре. Всех мятежников я предал казни и приказал разрушить дома и крепости этого города.

Из Багдада я пришел в Азербайджан, где и пробыл несколько времени. Тогда Баязет приказал войскам пробраться к Алеппо, Эмесу и Диярбекиру. Между тем подлый туркоман Кара-Юсуф занимался грабежом караванов двух священных городов, и ко мне собралась толпа просителей, умолявших меня о защите против этого разбойника. Я счел себя обязанным усмирить Кара и разбудить Баязета от сна беспечности.

С этой целью я потребовал отрядов от городов и колен. Получив их, я вышел из Азербайджана в месяце Реджеб, в 804 году от Хиджры, чтобы вести войну с Кисаром.

Я отрядил различные части моей армии, одну в поход на царство Рума, другие - охранять посты, воду и провиант. Сам я двинулся по дороге в Аякуриях (Ансир); Баязет во главе 100 тысяч воинов, наполовину всадников, наполовину пехоты, вышел мне навстречу. Завязалось сражение, и я его выиграл. Баязет был побежден, взят в плен и приведен ко мне. Наконец после семилетней войны я возвратился победителем в Самарканд.

Сўнгги сўз ўрнида

Ҳар бир халқ ифтихор этса арзигулик буюк шахсларига эга, лекин бутун инсоният тамаддунида сезиларли из қолдирган, жаҳон халқларининг тақдирларида муҳим ўрин тутган инсонлар бармоқ билан санарли. Ўзбек миллатининг ғурури ва ифтихори бўлган, миллий давлатчилигимиз пойдеворининг дастлабки тошини қўйиб кетган, эндиликда биз ғурур билан хорижий сайёҳларга кўз-кўз қилаётган ўрта аср меъморчилигининг энг машҳур обидаларини қурдирган, темурийлар уйғониш даврини бошлаб берган Соҳибкирон Амир Темур Кўрагон ана шундай зотлардан бири саналади.

Хитойдан Сурияга, Афғонистондан Олтин Ўрда ерларига қадар масофада буюк империя — марказлашган давлат тузган ва уни оқилона ҳамда адолат билан бошқарган Амир Темур нафақат буюк саркарда, давлат ва сиёсат арбоби, балки ниҳоятда инсонпарвар ва оилапарвар инсон бўлганлиги тўғрисида тарихий маълумотлар мавжуд. Темур ва темурийлар тарихини синчиклаб ўрганган кўплаб тадқиқотчиларнинг яқдиллик билан чиқарган хулосаларига кўра, айнан инсонпарварлик ва оилапарварлик Амир Темурни фарзандларига атаб сиёсий васият — “Тузуқлар” ёзиб қолдиришга ундаган. “Тузуқлар”да Амир Темур ўз салтанатини қандай қилиб тузгани, рақиблари ва душманларига нисбатан қандай сиёсат қўлагани, маслакдошлар ва иттифокдошлар орттириш усуллари, вазирлар, мулозимларни танлаш, ўз ўрнига қўйишдан тортиб, солиқ йиғиш тартибига қадар ўғитлар ва насиҳатларни топиш мумкин.

Сиёсат, ҳарбий стратегия ва тактика, дўст тутиш ва қўшин ташкил қилиш тўғрисидаги кўрсатмаларнинг

аксарияти бугунги кунда ҳам ўз долзарблигини йўқотмаган ҳисобланади.

“Тузуклар”нинг яна бир – ўта муҳим томони, улар “ривожланган” дунё, яъни Европанинг назарида Ўрта Осиё тарихи, унинг буюк шахслари тўғрисидаги менсинмай қарашларга чек қўйиб, Ғарб шарқшунослигида янги йўналиш – Темурийлар даври тарихига асос солинишига сабабчи бўлдилар.

Ўзбекистон Республикаси мустақиллиги эълон қилинган, тарихимизга, буюк аجدодларимиз ва улар қолдирган тарихий-маънавий меросга нисбатан янгича ёндошув шаклланди. Мустақил Ўзбекистоннинг биринчи Президенти И.А.Каримовнинг “Бизлар ким эдик ва ким бўлдик” машҳур иборасига мутаносиб равишда маданий-маънавий меросимиз чуқур ва объектив ўрганила бошланди, илмий тадқиқотлар амалга оширилди, илмий асарлар чоп этилди. Улар қаторида Амир Темурнинг “Тузуқлари” ҳам такрор ва такрор чоп этилиб, юртдошларимизнинг кутубхоналаридан муносиб жой эгаллади.

Юқорида таъкидлаганимиздек, Амир Темур қаламига мансуб ҳисобланган “Малфузоти Темур” ва “Тузуқоти Темур” номлари билан машҳур бўлган ушбу асарга қизиқиш ўрта асрлардан бошлабоқ катта ва кенг қўламли бўлган. Асар дастлаб форс тилига ва ундан бошқа тилларга таржима қилинган. Мустақиллик йилларида “Тузуклар” ўзбек тилида ҳам бир неча марта нашр қилинди. Бунда Алихонтўра Соғуний ва Ҳабибулла Караматовлар амалга оширган таржима алоҳида ўрин тутишини ва мутахассислар томонидан юқори баҳоланганини таъкидлаш керак.

Мутахассис - тадқиқотчиларнинг аксарияти “Тузуқлар” асарини Амир Темурнинг ўзи эски туркий тилда ёзган (ёки ёздирган), деб ҳисоблайдилар. Асл нусха Абу Толиб ал-Ҳусайний деган шахс томонидан Ямандан Ҳиндистонга олиб келинган ва форс тилига таржима қилинган. Кейинчалик, туркий (эски ўзбек тили)даги асл нусха йўқолган ва форсийдаги матн барча бошқа тиллардаги таржималар учун асосий манба бўлиб хизмат қилган.

Эътиборингизга тақдим қилинаётган тўпламга Амир Темур Кўрагон “Тузуқларининг” Алихонтўра Соғуний ва Ҳабибулла Караматов томонидан амалга оширилган ҳозирги ўзбек тилидаги таржимаси, 1783 йилда инглиз майори Дэви (Ж.Уайт билан ҳамкорликда) чоп этган инглизча таржима, франциялик олим ва таржимон Л.М.Лангле 1787 йилда эълон қилган француз тилидаги матн, шунингдек, 1894 йилда россиялик олим ва тадқиқотчи Н.Остроумов таҳририда Қозонда чоп этилган ва Тошкентдаги аёллар ва эркаклар гимназиялари ўқитувчилари ҳамда талабалари иштирокида амалга оширилган рус тилидаги таржима киритилди.

Ўзбекистон Республикасининг Биринчи Президенти И.А.Каримов ардоқлаган ушбу асар бўлажак сиёсатчилар, қонуншунослар, иқтисодчилар, тарихчилар, тилшунослар, қолаверса, ўзбек халқининг ифтихор қилса арзигулик тарихий, маданий ва илмий меросига қизиқувчи ҳар бир инсонда, айниқса ёшларда қизиқиш уйғотади, уларни ҳар томонлама етук инсонлар бўлиб етишишларига хизмат қилади, деган умид ва мақсадда чоп этилмоқда.

Айни пайтда, инглизча, французча ва русча матнлар XVIII асрда яратилгани, бинобарин ҳозирги замон инглиз, француз ва рус тиллари меъёрларидан

сезиларли четланишлар мавжудлиги, таржимонлар тарихий, географик, миллий атамалар ва исмларга нисбатан эркин ёндошган ҳолатлар хорижий тиллардаги матнларга танқидий нуқтаи назардан ёндошишни тақазо қилади.

Мархум академик Б.Аҳмедов томонидан “Тузуклар”-нинг мустақилликнинг дастлабки йилларидаги нашрларига ёзилган шарҳларда қайд қилинганидек, асарда тез-тез учраб турадиган “Ўзбеклар” атамаси ўрта асрларда Дашти Қипчоқда истиқомат қилган кўчманчи ўзбекларга нисбатан қўлланилганини алоҳида таъкидлаймиз.

Тўпламни шакллантириш ва уни нашрга тайёрлашда ўзларининг қимматли маслаҳатларини берган тарихчи мутахассислар, шарқшунослар, муҳаррирлар ва таржимонларга миннатдорчилик билдирамиз ҳамда мухтарам ўқувчиларимизнинг фикр ва мулоҳазаларини кутиб қоламиз.

Ижодий гуруҳ.

МУНДАРИЖА

1. Муқаддима.....	3-бет
2. Амир Темур. <i>Тузуқлар</i> . Биринчи мақола.....	8-бет
3. <i>Тузуқлар</i> . Иккинчи мақола.....	64-бет
4. Institutes Political and Military by the Great Timour.....	p.149
5. Book the first. Designs and enterprises.....	p.149
6. Book the second...The Institutes of Timour.....	p.197
7. Notes.....	p.283
8. Préface. Par.L.Langlès.....	p.286
10. Les Instituts de Timour. Première partie.....	p.293
11. Les Instituts de Timour. Seconde partie.....	p.373
12. Уложение Тимура. Часть Первая	с.424
13. Уложение Тимура. Часть Вторая.....	с.494
14. Сўнгги сўз ўрнида.....	539-бет
15. Мундарижа.....	543-бет

**Амир Темур
Тузуклар**

Ўзбек, инглиз, француз ва рус тилларида

Нашрга тайёрловчи ва хорижий тиллардаги
матнлар муҳаррири
Ш.Миноваров

Муҳаррир *Ё.Қ.Иноғомов*
Саҳифаловчи *З.Ф.Убайдуллаев*

Нашриёт лицензияси АIN№ 277. 15.07.2015.
Босишга рухсат этилди 10.10.2016.
Times New Roman ҳарфида терилди. Офсет босма.
Қоғоз бичими 60x84^{1/16}. Шартли б.т. 34.
Нашр.б.т. 32,3. Адади 2500 нусха.

Оригинал-макет “Extremum-press” МЧЖ
нашриётида тайёрланди. “Credo Print Group” МЧЖ
босмахонасида чоп этилди.
100053, Тошкент шаҳар, Боғишамол кўчаси, 160-уй.
Тел: 234-44-05.
E-mail: Extremum-press@mail.ru

ISBN 978-9943-4630-6-6

9 789943 463066